АКАДЕМИЯ НАУК СССР

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

XXIV

inslav

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

Том XXIV

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1962

inslav

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

И. А. Хренов (ответственный ред.), *И. К. Бунина, Л. Б. Валев, И. Ф. Бэлза, Л. Э. Калнынь, В. Н. Кондратьева* (ответственный секретарь), *А. Я. Манусевич, И. С. Миллер, С. В. Никольский, Б. В. Стахеев*

inslav

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
Том XXIV, 1962 г.

Л. Б. Валев

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И КЛАССОВАЯ БОРЬБА В БОЛГАРИИ С НАЧАЛА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ ДО ВКЛЮЧЕНИЯ СТРАНЫ В ФАШИСТСКИЙ БЛОК

Уже в первые месяцы после начала второй мировой войны в экономической жизни Болгарии стали ощущаться серьезные затруднения, вызванные в первую очередь нарушением хозяйственных связей с рядом стран и переводом хозяйства на рельсы военной экономики.

Война и блокада нанесли тяжелые удары прежде всего по болгарской промышленности, не обеспеченной отечественным сырьем. В предвоенный период существенная часть потреблявшегося болгарской промышленностью сырья ввозилась из-за границы. Кожевенная промышленность зависела от импортного сырья на 53%, мыловаренная — на 64%, хлопчатобумажная — на 68%, бумажная — на 70%, трикотажная — на 77%, камвольное производство — на 63% [1]. Потребность Болгарии в железе и ряде других металлов также в значительной мере покрывалась за счет импорта. Нарушение хозяйственных связей с рядом западноевропейских и заокеанских стран вследствие установленных воюющими странами блокады и контрблокады, а также уменьшение германского реэкспорта в Болгарию некоторых категорий сырья привели к резкому сокращению последнего. Уже в течение первого года войны (с 1 сентября 1939 г. по 31 августа 1940 г.) болгарский импорт сырья и полуфабрикатов уменьшился по сравнению с тем же периодом предшествовавшего года на 38% [2]. По ряду важных видов сырья сокращение импорта было еще более значительным (см. табл. 1 [3]).

Если в 1939 г. импортированное сырье составляло 22,8% от общего количества сырья, потребленного болгарской промышленностью, то в 1940 г. его доля снизилась до 20,5%, а в 1941 г. она составила всего лишь 10,2% [4]. Попытки заменить часть импортного сырья местным не дали ощутимых результатов и не смогли предотвратить сокращения производ-

---

[1] «Ново време», 1948, № 11, стр. 946.

[2] К. Бобчев. Стопанството и стопанската политика на България под знака на войната.— «Списание на българското икономическо дружество», 1940, кн. 10, стр. 653.

[3] Данные взяти из кн.: «Статистически годишник на царство България», год XXXIV, София, 1942, стр. 518, 536—537.

[4] Петър Шапкарев. Българската индустрия през годините 1939—1945.— «Списание на българското икономическо дружество», 1946, кн. 1—2, стр. 70.

inslav

Таблица 1

Импорт некоторых видов сырья (в тоннах)

Виды сырья	Год			
	1938	1939	1940	1941
Кожсырье и кожаные изделия	3021	2660	862	489
Шерсть	1525	1529	331	178
Хлопок-сырец	11 970	9516	5308	1652
Растительные масла, жиры, воск и их производные	5454	4221	2235	950

ства в ряде отраслей болгарской промышленности, выпускавших товары первой необходимости. Так, продукция кожевенной промышленности в 1940 г. составила 81,8%, а в 1941 г.— 76% от уровня 1939 г.; текстильной промышленности — соответственно 97,4 и 92,7%, металлообрабатывающей — 81,3 и 99% [5]. Из-за нехватки сырья многие промышленные предприятия вынуждены были свертывать свое производство или даже вовсе закрываться. Так, например, прядильный цех текстильной фабрики «Св. Троица» в г. Тырнове из-за недостатка хлопка уже в октябре 1939 г. был вынужден сократить производство на 50% [6]. Эта же фабрика ввиду ограниченного запаса пряжи в первом квартале 1940 г. сократила производство и продажу тканей [7]. Дирекция текстильной фабрики «Цар Борис» в Варне 24 января 1940 г. обратилась ко всем занятым на ней рабочим и служащим с предупреждением о том, что в связи с истощением запасов хлопка фабрика сможет продолжать нормальную работу еще 15 дней, после чего предстоит увольнение занятого персонала [8]. В Софии по этой же причине осталось без работы несколько тысяч текстильщиков. На ряде софийских текстильных предприятий (например, на фабриках «Глория», «Фортуна») был введен сокращенный рабочий день и неполная рабочая неделя с соответствующим снижением заработков рабочих [9]. В связи с нехваткой импортного сырья начались массовые увольнения

---

[5] «Списание на Главната дирекция на статистиката», кн. 1, София, 1946, стр. 15. Эти данные относятся к наиболее крупным промышленным предприятиям, составлявшим около 24% всех промышленных предприятий страны и дававшим около 76% всей промышленной продукции. В остальных, более мелких промышленных заведениях, возможности получения сырья которых были еще более ограничены, объем производства снизился еще больше.

[6] Окръжен държавен архив — Търново, ф. 73, оп. 1, а. е. 35, лл. 99—100.

[7] Там же, а. е. 36, л. 14.

[8] Окръжен държавен архив — Варна, ф. 13, оп. 1, а. е. 100, л. 26.

[9] Уже в первые недели после начала войны софийские текстильные предприятия существенно сократили производство, а некоторые из них и вовсе закрылись. Так, фабрика «Алмус» в октябре 1939 г. уволила почти всех своих рабочих (150 чел.); 16 октября были предупреждены о предстоящем увольнении все 280 рабочих фабрики Шопова; на фабриках «Беров Хоринек», «Рашев и Марков» и «Мако» были уволены смены по 50—70 человек. Выбросили на улицу часть своих рабочих хозяева фабрик «Люлин», «Финтекс», «Кынев», «София», «Декало», «Ландау», «Лев», «Котва» и др. Фабрики «Фортуна», «България» и «Глория», на которых было занято около 2 тыс. человек, стали работать только по три дня в неделю. Их примеру последовали фабрики «Памук» и «Мейнарди и компания». Фабрика Семержиева стала работать по шесть часов в день. Средний дневной заработок рабочих, переведенных на сокращенный рабочий день или неполную рабочую неделю, снизился до 15—20 левов.— Централен държавен исторически архив (далее — ЦДИА), ф. 231, оп. 3, а. е. 30-г., лл. 194, 197.

inslav

рабочих также в резиновой[10], металлообрабатывающей и некоторых других отраслях промышленности. Резко сократилось строительство[11].

Особенно пагубно сказалась нехватка импортного сырья на ремесленном производстве. С первых же месяцев войны со всех концов страны стали поступать жалобы ремесленников на нехватку первичных материалов. Так, в Тырновской околии уже в четвертом квартале 1939 г. в каждой отрасли ремесленного производства насчитывалось лишь по два-три заведения, имевших запас сырья на 30—40 дней[12].

Следует отметить, что дефицитное сырье, поставленное Советским Союзом в 1940 г. и первой половине 1941 г. в соответствии с подписанным в январе 1940 г. торговым соглашением — 5533 т хлопка (в том числе 3943 т в 1940 г.), 4579 т железных прутьев, 351 т медного купороса, нефтепродукты и др., способствовало смягчению на некоторый период хозяйственных затруднений в ряде отраслей производства страны[13]. По соглашению 1940 г., наряду с упомянутыми поставками для внутреннего потребления Болгарии, СССР передал предприятиям болгарской текстильной промышленности заказы на переработку 10 тыс. т советского хлопка, что дало возможность вновь загрузить работой болгарские текстильные фабрики[14].

В тех отраслях болгарской промышленности, которые зависели в меньшей степени или вовсе не зависели от заграничного сырья, объем производства, как правило, в первый период войны не сокращался. В некоторых из них наблюдался даже определенный рост. Особенно заметным этот рост был в пищевкусовой промышленности, продукция которой возросла в 1940 г. на 23,7%, а в 1941 г. даже на 50,3% по сравнению

[10] В середине октября 1939 г. правление Союза предпринимателей резиновой промышленности в специальном письме правительственным инстанциям сообщало, что ввиду распоряжения Министерства торговли, промышленности и труда о наложении секвестра даже на то небольшое количество сырого каучука, которое имелось в наличии на фабричных складах, предприятия резиновой промышленности вынуждены приостановить производство и уволить своих рабочих даже без положенного по закону предупреждения за 15 дней, за что они снимают с себя всякую ответственность (ЦДИА, ф. 231, оп. 3, а. е. 30-г., л. 198).

Более 2 тыс. рабочих резиновой промышленности, уволенных с фабрик «Бакиш», «Пепеде», «Зебра», «Балкан», «Гума», «Кооп», «Левски», «Алхамус» и других, тогда же в письме премьер-министру, в котором они описывали свое бедственное положение, также ссылались на заявление своих хозяев, оправдывавших остановку предприятий изъятием части сырья для государственных нужд и невозможностью достать таковое на внешних рынках из-за начавшейся войны (там же, л. 196).

[11] Если за первые шесть месяцев 1939 г. общая кубатура новых построек в городах составила около 1750 тыс. м³, то за тот же период 1940 г. она сократилась до 1115 тыс. м³, а за первые шесть месяцев 1941 г.— до 709 тыс. м³. Таким образом, в первом полугодии 1941 г. сокращение составило 36% по сравнению с соответствующим периодом 1940 г. и около 60% по сравнению с 1939 г. Причины: нехватка материалов, например железа, транспортные затруднения (из-за перегрузки военными перевозками) и т. п. (см. «Südost Echo», 7.IX 1941).

[12] Окръжен държавен архив — Търново, ф. 73, оп. 1., а. е. 36, л. 17.

[13] «Статистически годишник на царство България», год. XXXIV, София, 1942, стр. 576.

[14] Об этом свидетельствуют имеющиеся в нашем распоряжении данные на сентябрь 1940 г. о производстве 26 крупнейших болгарских прядильных фабрик, расположенных в Софии, Варне, Пловдиве, Габрове, Плевене, Тырнове, Горной Оряховице, Трявне, Пазарджике и некоторых других районах страны. Из этих 26 фабрик десять было загружено советскими заказами на 100%, для двух других (в том числе для упоминавшейся нами фабрики «Св. Троица» в Тырнове) советские заказы составляли $^4/_5$, для одной — $^3/_5$, для семи (в том числе для упоминавшейся фабрики «Царь Борис» в Варне) — $^2/_3$, для двух $^1/_2$ и для четырех — $^2/_5$ их общего производства (ЦДИА, ф. 231, оп. 3, а. е. 33, л. 173).

Как подчеркивалось во время прений в Народном собрании, советские заказы гарантировали работу для 40 тыс. болгарских текстильщиков (см., например, речь депутата Петра Думанова от 21.XI 1940 — «Стенографски дневници на XXV Обикновено народно събрание, II редовна сесия», кн. I, София, 1941, стр. 284).

inslav

с уровнем 1939 г.[15] Однако вскоре стала ощущаться острая нехватка товаров и этих отраслей болгарской промышленности, продукция которых представляла собой в основном предметы первой необходимости. Объяснялось это рядом причин, и в первую очередь ограблением болгарского народного хозяйства гитлеровской Германией или, как выразился в своей речи в Народном собрании правительственный депутат Сирко Станчев, участием Болгарии в экономической войне на стороне Германии[16].

К началу войны германо-болгарский торговый обмен продолжал осуществляться на базе клирингового соглашения между Болгарским национальным банком и Рейхсбанком от 24 августа 1932 г. (с дополнением от 1 января 1934 г.), согласно которому германская марка рассчитывалась в Болгарии по ее легальному паритетному курсу на 1928 г., т. е. 32,5 левов за одну марку. Между тем к началу войны курс германской марки на мировом рынке в пересчете на болгарскую валюту составлял лишь около 11 левов. Правда, при международных расчетах Болгарский национальный банк с августа 1939 г. стал выплачивать за иностранную золотую валюту официальную положительную премию в размере 35%, а за германскую марку — отрицательную премию, достигавшую 7%. Но даже с учетом этого германская марка ставилась в привилегированное положение: для нее фактически создавалась скрытая положительная премия, размеры которой превышали 200%. В ходе войны свободный курс германской марки на мировом рынке продолжал падать. Согласно сведениям валютного отдела Болгарского национального банка, средний курс рейхсмарки на цюрихской бирже менялся следующим образом: на 30 октября 1940 г. за 100 марок платили 64,5 швейцарских франков, что равнялось 1217,1 левам; на 29 января 1941 г. за 100 марок платили 50 шв. франков, или 943,5 левов, на 19 февраля 1941 г.—48,5 шв. франков, или 915,19 левов и т. д.[17] Иными словами, реальный курс германской марки в начале войны составлял не более 10—12 левов. Уже в первый период войны в болгарско-германский клиринг были внесены изменения, поставившие болгарскую сторону в еще более невыгодные условия. Эти изменения были зафиксированы в новом болгаро-германском клиринговом соглашении, подписанном в Софии 2 октября 1940 г. сроком на 20 лет[18].

Прежнее клиринговое соглашение основывалось на принципе частной компенсации, при котором риск в торговле с германской стороной брал на себя заключавший с ней сделки болгарский частный торговец. Ввиду нестабильности германской валюты последний проявлял осторожность при торговых операциях и требовал от своего немецкого партнера гарантии получения за свои товары эквивалентного количества немецких товаров или солидных девизов. Поэтому в довоенные годы клиринговое сальдо в пользу Болгарии никогда не превышало 1,5 млрд. левов[19].

---

[15] «Списание на Главната дирекция на статистиката», кн. 1, 1946, стр. 15. В целом в болгарской промышленности, в значительной мере благодаря старым запасам сырья, в первые месяцы после начала войны продолжался известный рост производства, который постепенно сходил на нет. Так, в течение последнего квартала 1939 г. уровень промышленного производства был на 4,7% выше, чем в последнем квартале 1938 г., в то время как за первые восемь месяцев процент роста составлял 8,9% (Централен партиен архив при ЦК на БКП, ф. 1, оп. 4, а. е. 53, л. 20).

[16] «Стенографски дневници на XXV Обикновено народно събрание, II р. с.», кн. I, стр. 299.

[17] Архив на Министерството на вътрешните работи на НРБ (в дальнейшем — Архив на МВР). Делото на I състав на Народния съд — 1944 г., т. XXV, л. 367.

[18] «Държавен вестник», № 11, 17.I 1941. Соглашение было одобрено Народным собранием 28 декабря 1940 г., но фактически стало действовать «временно» еще до этого, с 15 октября 1940 г. (см. «Стенографски дневници на XXV ОНС, II р. с.», кн. III, София, 1941, стр. 947).

[19] Архив на МВР. Делото на X състав на Народния съд — 1944 г., т. I, л. 3.

inslav

В новом клиринговом соглашении принцип частных компенсаций был заменен принципом «генеральной компенсации», согласно которому ответственность при торговых сделках брало на себя государство. При новом порядке германский покупатель вносил стоимость полученных болгарских товаров в марках в немецкий банк Deutsche Ferrechnungskasse. Последний извещал о стоимости купленных товаров Болгарский национальный банк, который выплачивал болгарскому экспортеру соответствующую сумму в левах. При продаже германских товаров выплата происходила в обратном порядке. При новом принципе генеральной компенсации посредником между болгарским экспортером и германским импортером становился Болгарский национальный банк, который оплачивал из своих средств экспортируемые товары безотносительно к тому, компенсирован ли в данный момент этот экспорт соответствующим импортом из Германии или нет. Этот метод создавал большие возможности для неэквивалентного обмена и образования активного сальдо в пользу Болгарии, чем не преминула воспользоваться германская сторона. Если в конце 1939 г. германский клиринговый долг Болгарии достигал 1433,3 млн. левов, а в конце 1940 г. даже несколько сократился, составив 1387,8 млн. левов, то после заключения нового клирингового соглашения он стал стремительно расти. Уже к середине 1941 г. германская задолженность Болгарскому национальному банку по клирингу превысила 5 млрд. левов и в декабре того же года достигла 7361,3 млн. левов [20]. С тех пор, вплоть до окончания войны, германский клиринговый долг Болгарии ежегодно возрастал на несколько миллиардов левов.

Наконец, важным отличием нового клирингового соглашения от старого являлось упразднение установленного еще соглашением 1932 г. счета «фрейесконто», суть которого заключалась в том, что определенная квота (30%) болгарского экспорта в Германию компенсировалась последней свободными девизами для закупки болгарской стороной в третьих государствах промышленного сырья (хлопка, шерсти, каучука, кожсырья, цинка, меди, олова, свинца и др.) [21]. По новому соглашению Болгария лишалась этой возможности получения крайне необходимого ей сырья.

Регулирование товарообмена между Болгарией и Германией было возложено на специальные германскую и болгарскую правительственные комиссии по вопросам германо-болгарских экономических отношений, заседавшие совместно каждые шесть месяцев. Они были учреждены протоколом, подписанным 16 апреля 1940 г. болгарским министром торговли Славчо Загоровым и германским посланником в Софии фон Рихтхофеном. Председателем болгарской постоянной правительственной комиссии был назначен ярый проводник экономических интересов гитлеровской Германии в Болгарии Любен Цонев, являвшийся ранее торговым советником при болгарском посольстве в Берлине, а затем — директором Экспортного института [22].

Одновременно с подписанием нового клирингового соглашения была достигнута договоренность о сохранении прежнего расчетного курса германской марки по отношению к болгарскому леву, т. е. 32,5 левов за марку, и о снижении премии за иностранные солидные девизы с 35

[20] «Българска народна банка. Отдел финансови изучвания. Статистически бюлетин 1939—1945», София, б/г, стр. 6. В материалах Софийского филиала Болгарского национального банка, представленных в мае 1945 г. Народному суду, приводятся следующие данные об активном сальдо в пользу Болгарии по болгаро-германскому клирингу (на 31 декабря каждого года): 1939 г.— 54 871 785 марок или 1 783 331 012 левов, 1940 г.— 54 494 971 марок или 1 771 086 557 левов, 1941 г.— 243 065 568 марок или 7 899 630 960 левов (см. Архив на МВР. Делото на I състав на Народния съд — 1944 г., т. XXV, л. 21).

[21] Архив на МВР. Делото на X състав на Народния съд — 1944 г., т. I, лл. 2, 7.

[22] Там же, лл. 4, 62, 66.

inslav

до 25% [23]. Этим еще больше затруднялась торговля Болгарии с другими государствами, за исключением Германии и оккупированных ею стран. С последними, а именно с Бельгией, Голландией, Данией, Норвегией и Польшей, Болгария тогда же заключила при посредничестве Германии клиринговые соглашения, согласно которым расчеты должны были производиться не прямо, а через Ferrechnungskasse в Берлине. Этот многосторонний клиринг давал фашистской Германии возможность осуществлять контроль над товарообменом и платежами между указанными государствами. Так, например, когда в конце 1940 г. между Болгарией и Германией заключалось торговое соглашение на первое полугодие 1941 г., в этом соглашении были определены не только германо-болгарские торговые операции, но также контингенты импорта и экспорта между Болгарией, с одной стороны, и Голландией и Норвегией — с другой. Во время торговых переговоров голландские и норвежские представители даже не присутствовали. Германская правительственная комиссия сама устанавливала списки товаров и условия товарообмена между Болгарией, Норвегией и Голландией, не позаботившись о том, чтобы получить согласие этих стран [24]. Германия являлась должником всех стран, участвовавших в многостороннем клиринге, и использовала его как форму для получения принудительных кредитов.

Характеризуя болгаро-германское клиринговое соглашение 1940 г., один из бывших управляющих Болгарским национальным банком Кирил Гунев, привлеченный после 9 сентября 1944 г. к Народному суду, был вынужден признать в своих показаниях: «Этим было положено начало ограбления Болгарии. Межгосударственная комиссия заключила это соглашение без согласия Болгарского национального банка. В результате лишения нас права на 30% фрейесконто нам был нанесен сокрушительный удар. У нас отняли право допускать частные компенсации. Вследствие этого мы были лишены возможности котировать марку на свободном рынке, где она могла бы получить свою реальную стоимость...» [25].

Принудительно поддерживаемый искусственно завышенный курс германской клиринговой марки по сравнению с другими иностранными валютами позволял германским фирмам предлагать за болгарские товары в левах более высокие цены, чем покупатели из других стран. Устраняя таким образом конкуренцию последних, германские фирмы вместе с тем получали возможность реализовать весьма высокие прибыли.

Для иллюстрации этой практики приведем один из многочисленных примеров. Вскоре после начала второй мировой войны Болгарский национальный банк, в руках которого было сосредоточено руководство всей внешнеторговой политикой страны [26], постановил, что экспорт болгар-

[23] Архив на МВР. Делото на Х състав на Народния съд — 1944 г., т. I, лл. 1, 7. Тот факт, что снижение премии за солидные девизы было навязано Болгарии Германией, косвенно подтвердил и сам болгарский министр финансов Добри Божилов. 30 октября 1940 г., выступая с речью в Народном собрании, он, в частности, сказал: «Мы вынуждены были согласиться на снижение премии с 35 до 25%, чтобы не поднимать курса марки» («Стенографски дневници на XXV ОНС, II р. с.», кн. 1, стр. 35). Вместе с тем специальным соглашением, зафиксированным в доверительном германо-болгарском протоколе от 20 июля 1940 г., максимальный размер отрицательной компенсационной премии за германские марки снижался с 7 до 3% (Архив на МВР. Делото на Х състав на Народния съд — 1944 г., т. I, л. 40). Позднее, согласно протоколу № 19 от 30 сентября 1941 г., положительная премия за иностранную валюту была полностью упразднена (там же, л. 1).

[24] Гр. Пописаков. Характер и същност на клиринговите и търговските съглашения между България и Германия през 1940—1944 г.— «Трудове на Висшия икономически институт „Карл Маркс“», София, кн. 1, 1961, стр. 110.

[25] Архив на МВР. Делото на Х състав на Народния съд — 1944 г., т. II, л. 10.

[26] В помощь Болгарскому национальному банку с начала войны был придан Экспортный институт, на который возложили технический контроль над экспортом и оформление внешнеторговых операций. Согласно распоряжению министра торговли

inslav

ского сыра будет допускаться лишь в том случае, если за него будет предложена цена не ниже 42 левов за 1 кг. Конкуренция югославского и турецкого сыра, особенно на таких важнейших для Болгарии рынках сбыта этого продукта, какими являлись Египет и Палестина, не давала возможности получить указанную цену. Председатель сельскохозяйственного кооперативного синдиката в г. Провадия заявил министру финансов, что установление банком столь высокой минимальной цены делает экспорт болгарского сыра невозможным. Министр ответил, что берется продать сыр в Германию даже по более высокой цене, а именно по 46 левов за килограмм. Комментируя ответ министра, один из болгарских хозяйственных деятелей писал: «Это вполне объяснимо, если иметь в виду установленный у нас нереальный курс марки по сравнению с ее курсом на мировом рынке. Немцы могут платить и в два раза большую цену, с прибылью перепродавать сыр на прежние наши рынки, получить хорошую валюту, причем мы не в состоянии предпринять что-либо для того, чтобы отстоять наши интересы...» [27]. Имели место случаи, когда немецкая фирма, закупив, например, партию табака у болгарских табаководов, тут же, прямо из болгарского порта Бургас, реэкспортировала ее в Америку [28].

Даже такое необходимое для самой болгарской промышленности сырье, как лен, пенька, шелковичные коконы, несмотря на официальное запрещение, полулегально стало утекать в Германию, т. к. немецкие фирмы могли предложить такие цены, которые превосходили как мировые, так и существовавшие на внутреннем болгарском рынке.

Номинально высокие цены на болгарские товары, которые могли быть предложены немецкими фирмами вследствие завышенного курса клиринговой марки, создавали искусственную сверхконъюнктуру, стимулировавшую стремление болгарских производителей приспосабливать свое производство к германскому рынку. Так, например, в 1939 г. цены на пшеницу на мировом рынке колебались между 1,8 и 2,2 левов за 1 кг, а Германия предлагала закупить болгарскую пшеницу по 3,5 левов. Это, несомненно, создавало стимул для болгарских экспортеров хлеба (главным образом для кулаков). Основная же масса болгарского крестьянства, не производившая товарного зерна, и трудящиеся города только проигрывали от такой конъюнктуры, потому что высокие экспортные цены приводили к взвинчиванию цен и на внутреннем рынке. То же самое происходило и с другой продукцией болгарского сельского хозяйства, экспортировавшейся в Германию. Проигрывало при этом и народное хозяйство страны в целом, так как в условиях, когда болгарский экспорт в Германию не

от 8 октября 1939 г., все сделки по экспорту болгарских товаров подлежали предварительному утверждению со стороны Экспортного института, который определял условия сделок и устанавливал цены. Декларации об экспорте утверждались Болгарским национальным банком («Слово», 9.X 1939). Согласно принятому Народным собранием 22 мая 1940 г. закону, высшим органом по руководству и контролю над всей внешней торговлей страны стала Дирекция внешней торговли. Экспортный институт был включен в ее состав под наименованием «Отдел экспорта» («Държавен вестник», № 122, 1.VI 1940). На протяжении всего последующего периода, вплоть до 9 сентября 1944 г., Дирекция внешней торговли, и в частности ее отдел экспорта, представляли собой механизм, с помощью которого фашистская Германия подчиняла себе болгарскую экономику и осуществляла ее ограбление.

[27] Архив на МВР. Делото на I състав на Народния съд — 1944 г., т. XXV, л. 52—53.

[28] Там же, Делото на X състав на Народния съд — 1944 г., т. I, л. 1. В обвинительном акте Народного суда 1944 г. по делу фашистских деятелей приводился следующий пример. Если за 1 кг табака немецкая фирма платит 3 марки, болгарский экспортер получает за них около 100 левов. Однако фактически, если подсчитывать на основе даже возможно наиболее высокого курса марки на мировом рынке, не превышавшего 14 левов за одну марку, получается, что немецкой фирме этот килограмм высококачественного болгарского табака обходится лишь в 42 лева. Немецкая фирма могла перепродать этот табак даже за половину цены, уплаченной ею болгарскому экспортеру и тем не менее остаться с барышом (там же).

inslav

покрывался встречным, компенсация полученных бумажных марок производилась в конце концов за счет болгарского народа.

Предлагая номинально высокие цены за болгарские товары (и тем самым устраняя конкуренцию других стран), гитлеровская Германия продавала Болгарии свои товары по еще более высоким ценам, извлекая из этого дополнительные выгоды. Опутав Болгарию системой неравноправного клиринга и используя свою агентуру среди ее правящих кругов, германский империализм мог беспрепятственно диктовать свою политику цен. «Вся система цен определялась немцами. Они диктовали и навязывали свои цены»,— говорил в своих показаниях перед Народным судом в 1944 г. бывший администратор Болгарского земледельческого и кооперативного банка А. Чакалов [29].

Согласно официальным данным Болгарской дирекции статистики, индексы цен на предметы болгарского импорта и экспорта менялись следующим образом [30].

	1939 г.	1940 г.	1941 г.
Цены на импортные товары франкограница . .	100	139,5	175,6
Цены на экспортные товары франкограница .	100	127,1	139,7
Соотношение цен импортных и экспортных товаров	100	109,8	125,7

Учет этого соотношения цен имеет весьма существенное значение при установлении истинной картины итогов внешнеторговых операций страны. Так, за период с 1 сентября 1939 г. по 31 августа 1940 г. в сравнении с таким же предшествующим периодом внешнеторговый баланс Болгарии составил (в млн. левов):

	1939/40 г.	1938/39 г.
Импорт	5726,4	5022,0
Экспорт	7127,0	5170,5
Баланс	+1400,6	+148,5

На основании только что приведенных данных можно прийти к заключению, что за указанный период импорт возрос на 14% при увеличении экспорта на 38%. Однако, если учесть изменение в ценах на предметы ввоза и вывоза и исходить из действительного объема внешнеторговых операций, то истинная картина окажется иной. В действительности импорт Болгарии не только не увеличился, а, наоборот, уменьшился на 20%, в то время как экспорт возрос на 15—20% [31]; причем доля Германии в болгарском импорте составляла от 65,5 до 71,5% и в болгарском экспорте — от 67,8 до 70,5%. Если же взять только товарообмен между Германией и Болгарией, то разница в ценах здесь окажется еще более значительной. Так, при повышении цен на предметы болгарского экспорта в Германию в 1940 г. на 16,4% и в 1941 г. на 34,6%, цены на импортируемые Болгарией германские товары подскочили соответственно на 39,7% и 89,7% [32].

[29] Архив на МВР. Делото на X състав на Народния съд — 1944 г., т. III, л. 75.
[30] «Списание на Главната дирекция на статистиката», кн. I, София, 1946, стр. 17.
[31] К. Бобчев. Указ. соч., стр. 352.
[32] Архив на МВР. Делото на X състав на Народния съд — 1944 г., т. I, л. 5.

inslav

Согласно вычислениям Л. Берова, разрыв в ценах был фактически значительно большим. В результате этой навязанной гитлеровской Германией несправедливой и ничем не оправданной разницы в ценах Болгария понесла убытки в 1940 г. в размере 2 203 811 левов и в 1941 г.— 5 783 389 000 левов (по пересчету на довоенный курс лева — соответственно в размере 1 991 193 и 3 905 056 000 левов). Сравнивая этот ущерб с суммами вывезенных из Болгарии капиталов в виде процентов, дивидентов и т. д., Л. Беров приходит к заключению, что ограбление Болгарии в области внешней торговли являлось основным методом, с помощью которого империалистические страны и прежде всего гитлеровская Германия извлекали из нее максимальные прибыли [33].

Цены, по которым продавались импортируемые Болгарией германские товары, значительно превышали и цены соответствующих товаров местного производства [34].

Экономическое закабаление страны гитлеровской Германией приводило к усилению капиталистической эксплуатации и дальнейшему обнищанию трудящихся города и деревни.

Другой важной причиной хозяйственных затруднений, нехватки предметов первой необходимости, роста цен и снижения жизненного уровня трудящихся явилась усилившаяся с начала войны мобилизация экономических и людских ресурсов для военных целей, перераспределение их в пользу военного потребления за счет сокращения гражданского потребления. В 1940 г. было выключено из сферы производства и мобилизовано в армию 228 356 человек, а в 1941 г. 554 881 человек. На военные нужды в 1940 г. было реквизировано свыше 42 тыс., а в 1941 г.—111 тыс. лошадей [35], израсходовано соответствующее количество фуража, продовольствия и других материалов. Распоряжение правительства о выделении неприкосновенных запасов в размере 50% наличных товаров также привело к увеличению товарного голода.

В результате сокращения контингентов предметов первой необходимости, оставляемых для гражданского населения страны, все острее ощущался их дефицит. В частности, ухудшилось продовольственное положение гражданского населения. Показательны в этом отношении данные, приведенные в табл. 2.

Таблица 2

Количество продуктов питания растительного происхождения (местное производство минус экспорт), приходящихся на душу населения [36]

Год	Количество, кг		Калорийность	
	Всего	В том числе хлеба и круп	Всего (калорий)	В том числе хлеба и круп
1939	737	581	2456	1995
1940	520	446	1660	1448
1941	591	462	1871	1552

[33] См. Л. Беров. Към въпроса за външнотърговската ориентация на българския фашизъм 1929—1944 г.— «Трудове на Висшия икономически институт „Карл Маркс“», София, кн. 1, 1954, стр. 168.

[34] Например, оцинкованные ведра в 1941 г. продавались болгарскими заводами по цене 37—38 левов, в то время как цена таких же ведер, ввозимых из Германии, составляла 150—160 левов (Централен държавен архив на Народна република България, ф. 4, оп. 1, а. е. 272, л. 5).

[35] В. Ангелов. Стопанската разруха на България. София, 1945, стр. 46—47.

[36] Д-р Пр. Киранов. Национален доход на България. София, 1946, стр. 85.

inslav

Таким образом, в среднем индекс потребления продуктов питания растительного происхождения в 1940 г. снизился на 29,4% по сравнению с уровнем 1939 г. Сократилось также, хотя первоначально и в меньшей степени, потребление мяса, молока, яиц и других продуктов питания.

Хуже всего обстояло дело со снабжением населения промышленными товарами. По данным Дирекции гражданской мобилизации, население в 1941 г. вместо необходимых 21 400 000 кг кожаных изделий получило только 2 466 000 кг, т. е. его потребности были удовлетворены лишь на 11,52% [37]. Все острее стала ощущаться нехватка таких крайне необходимых, особенно для деревни, товаров, как керосин, ткани, гвозди, подковы и др.

Нехватка товаров первой необходимости имела своим следствием быстрый рост цен, который особенно стал ощущаться с середины 1940 г. [38], развитие спекуляции. Следует сказать также, что начало войны вызвало стремление населения к изъятию своих сбережений из кредитных учреждений, что способствовало увеличению денежного обращения. К концу 1939 г. оно возросло на 26% по сравнению с 1938 г. [39]

Все это натолкнуло правительство на установление нормированных цен на важнейшие предметы массового потребления [40], принятие жестких мер по ограничению потребления — установление двух дней в неделю, в течение которых запрещались продажа и потребление мяса (сентябрь 1939 г.), введение карточной системы (ноябрь 1940 г.) и др. Эти мероприятия, разумеется, не смогли устранить черного рынка и спекуляции, которая все более развивалась. За неудержимым ростом цен на черном рынке следовало и вздорожание нормированных товаров.

Согласно официальным данным, общий индекс цен на продовольст-

---

[37] См. Л. Асланов. По въпроса за работническата класа и трудещите се селяни като движещи сили на зреещата в България народнодемократическа революция (1941—9.IX 1944).— «Известия на Висшата партийна школа „Станке Димитров" при ЦК на БКП», № 3, София, 1958, стр. 213.

[38] Увеличение цен стало чувствоваться с самого начала войны. За период сентябрь — декабрь 1939 г. рост цен на товары, не подлежащие нормированию, составил 12% (Централен партиен архив, ф. 1, оп. 4, а. е. 53, л. 20). Уже в августе 1940 г. общее повышение цен по сравнению с августом 1939 г. составило 18%, в том числе цены на промышленные товары возросли на 20%, а на сельскохозяйственные — на 12%; в октябре 1940 г. по сравнению с соответствующим месяцем 1939 г. общее увеличение цен составило 29% (см. К. Бобчев. Стопанството и стопанската политика на България под знака на войната.— «Списание на Българското икономическо дружество», год XXXIX, кн. 10, 1940, стр. 655).

[39] Централен партиен архив, ф. 1, оп. 4, а. е. 53, л. 20.

[40] В соответствии с законом об улучшении продовольственного снабжения и уменьшении дороговизны еще 1 и 5 сентября 1939 г. были изданы приказы Министерства торговли, промышленности и труда, согласно которым общинным комиссарам по продовольствию разрешалось нормировать цены на все товары широкого потребления, причем за основу брались цены на 30 августа 1939 г. («Държавен вестник», № 199, 7.IX 1939). На основании этих приказов общинными комиссарами по всей стране стали издаваться местные приказы с указанием оптовых и розничных цен на отдельные товары (в качестве примера можно указать на приказ плевенского общинного комиссара по продовольствию от 12 сентября 1939 г. с перечислением цен на продовольственные товары и его же приказ от 14 сентября с определением цен на резиновую обувь.— См. Окръжен държавен архив — Плевен, ф. 62, оп. 1, а. е. 40, лл. 4 и 5). Однако эти формальные акты оказались бессильными приостановить рост цен. Изданные вслед за ними многочисленные новые министерские приказы и распоряжения имели тот же результат. Указывая на безрезультатность этой деятельности министерства, один из депутатов говорил на заседании Народного собрания в октябре 1940 г.: «В то время как в действительности происходило вздорожание жизни, когда с каждым днем все более повышались цены на предметы первой необходимости, Министерство торговли, промышленности и труда спешило узаконить вновь создававшееся положение. И получалась очень странная, парадоксальная вещь: вместо того, чтобы распоряжения Министерства торговли, промышленности и труда управляли ценами на предметы, цены управляли распоряжениями Министерства». («Стенографски дневници на XXV ОНС, II р. с.», кн. I, стр. 11).

inslav

Таблица 3

Рост цен на продовольственные товары[41]

Наименование продукта	Цены в левах			Индексы (1939=100)	
	1939 г.	1940 г.	1941 г.	1940 г.	1941 г.
Хлеб стандартный * (кг)	4,97	5,00	5,89	100	117,8
Мука № 0 »	6,16	7,41	12,91	125,0	217,7
Сахар (кусковой) »	25,13	25,39	27,24	102,0	109,4
Масло подсолнечное (л)	17,52	19,11	24,93	112,4	146,6
Телятина (кг)	23,90	30,13	33,78	115,6	129,6
Баранина »	26,01	29,11	30,77	105,5	125,4
Свинина »	27,98	33,18	39,25	113,0	133,7
Молоко (л)	5,68	6,42	8,06	106,5	133,7
Брынза (кг)	25,73	26,69	30,95	103,4	120,0
Яйца (шт.)	1,55	1,83	2,37	102,2	132,4

* Стандартный («типов») хлеб вначале изготовлялся из 90—95% пшеничной муки третьего сорта и 5—10% ржаной муки. С 5 декабря 1940 г. стали примешивать 15%, а с лета 1941 г.—30% кукурузной муки (за счет пшеничной).

венные товары вырос в 1940 г. на 13,6% и в 1941 г.— на 42,4% по сравнению с 1939 г. (см. табл. 3).

Значительно выросли цены на промышленные товары массового потребления. Так, уже к концу 1940 г. цены на одежду и белье поднялись более чем на 80%, на мужскую и дамскую обувь — соответственно на 48 и 80% и т. п.[42] В целом, согласно официальным данным, розничные цены 34 видов товаров массового потребления повысились в 1940 г. на 13,1% и в 1941 г.— на 50,8% по сравнению с 1939 г.[43] Общий индекс прожиточного минимума возрос за эти же годы соответственно на 11,6 и 35%[44].

«Дороговизна растет с каждым днем и уже принимает чудовищные размеры,— писала в октябре 1940 г. газета «Работническо дело».— Почти все предметы первой необходимости вздорожали неимоверно, а некоторые из них и вовсе исчезли с рынка. Квартирная плата стала непосильной. Крупные капиталисты, экспортеры и домовладельцы спешат использовать создавшуюся обстановку и дерут по три шкуры с болгарского народа. Жизнь подавляющей массы трудящихся стала невозможной». Газета указывала далее, что правительство не только не принимает действенных мер для борьбы с дороговизной, создаваемой торговцами-оптовиками, но и само способствует ее росту. Торговцы-спекулянты укрывают на своих складах большое количество товаров, а правительство «карает» их путем... взвинчивания цен на эти товары[45].

Иллюстрацией к тому, как крупные фабриканты, торговцы и спекулянты, используя хозяйственные затруднения и нехватку товаров, вздували цены и наживали баснословные прибыли за счет ограбления трудового народа, может служить, например, следующее признание депутата Игната Хайдукова. «Я — торговец мануфактурой,— заявил он в своем выступлении в Народном собрании 29 октября 1940 г.— Сейчас мы получаем 20% прибыли, чего прежде никогда не бывало. Раньше наша прибыль обычно составляла 5—8, максимум 10%... Некоторые товары, например ткани, которые прежде продавались по 85 левов за метр, ныне

[41] Архив на МВР. Делото на I състав на Народния съд — 1944 г., т. XXV, л. 23.
[42] «Стенографски дневници на XXV ОНС, II р. с.», кн. I, стр. 509—510.
[43] «Списание на Главната дирекция на статистиката», кн. 1, 1946, стр. 7.
[44] Пр. Киранов. Указ. соч., стр. 43.
[45] «Работническо дело», № 11, X 1940.

inslav

продаются по 150—155 левов... Из этой разницы, из этих сверхприбылей, получаемых торговцами, так же как и промышленниками, складываются миллионы, много миллионов. То же самое происходит и в некоторых других отраслях» [46].

Согласно официальным данным, вычисленным на основе сведений о налоговых поступлениях, уже в 1939 г. доход частных торговцев возрос по сравнению с 1938 г. на 40%; в последующие два года их доходы еще более увеличились [47].

Таблица 4

Доходы торговцев

Год	Общий доход торговцев в млн. левов	Доход одного торговца в левах	Индекс 1939 г. =100
1940	5866	73 325	104,7
1941	8656	98 926	141,2

Эти средние цифры далеко не полностью отражают истинное положение вещей. Следует учесть, что $^2/_3$ товаров проходило через руки примерно 20% крупных торговых воротил, доход которых был значительно выше, чем приведенный в табл. 4 средний доход одного торговца.

Сильно возросли и доходы промышленников. Если в 1940 г. номинальная заработная плата рабочих по сравнению с 1939 г. увеличилась на 13,2%, то средняя чистая прибыль владельцев промышленных предприятий — на 49,2%. Если в 1939 г. на долю рабочих приходилось 29,6%, а на долю капиталистов 62,6% дохода, полученного в промышленном производстве, то в 1940 г. это соотношение было сведено к 24,5% и 69,4% [48]. Наибольшие прибыли извлекали крупные капиталистические предприятия и особенно монополистические объединения промышленников. Например, прибыль трех крупных пеньковых фабрик, образовавших в 1939 г. картель под наименованием «Успех», до войны составляла 14—16% от стоимости производимых ими товаров, а уже в 1939 г. она достигала 27% и в 1940 г.— 39,4% [49]. Крупнейшее предприятие химической промышленности — заводы Николы Чилова — благодаря беспощадной эксплуатации и ограблению рабочих, связям с государственными верхами, вздуванию цен на производимые товары и всяческим злоупотреблениям (например, путем ухудшения качества и уменьшения веса кусков выпускаемого мыла с 250 до 240—242 г) увеличило свою чистую прибыль с 8,6 млн. левов в 1938 г. до 62,8 млн. левов в 1940 г. Поставщик военного министерства Коста П. Дочев, являвшийся представителем фирмы Круппа и 30 других иностранных, главным образом немецких фирм, за период 1935—1939 и частично 1940 г. получил свыше 24 млн. левов чистой прибыли, в том числе 19,7 млн. левов комиссионных в связи с поставками военному министерству [49a].

Следует отметить, что официальные балансы капиталистических предприятий далеко не отражали действительного положения дел и, как

[46] «Стенографски дневници на XXV ОНС, II р. с.», кн. I, стр. 20.

[47] Д-р А. Чакалов. Националният доход и разход на България 1924—1945. София, 1946, стр. 96.

[48] Д-р П. Киранов. Указ. соч., стр. 42—43.

[49] Этот завуалированный картель, созданный с целью поддержания высоких продажных цен и реализации монопольных прибылей, существовал в период 1939—1941 гг. В него входили акционерные общества «Н. Тупарев» (36% капитала), «Коноп» (36%) и «Славчо П. Въжаров» (28%). Подробнее об его деятельности см. ст.: Л. Беров. «Антикартелното» законодателство в буржоазна България в светлината на нови данни.— «Икономическа мисъл», 1960, № 10, стр. 60—61.

[49a] П. Д. Петков. Конфискуване на имуществата, придобити чрез спекула и по незаконен начин. след. 9.IX 1944 г.— «Исторически преглед», № 3, 1961, стр. 5—7.

inslav

правило, преуменьшали размеры получаемой прибыли. Как показывают данные архива финансово-ревизионной инспекции при Министерстве финансов, капиталистами широко практиковались счетоводческие махинации, представление подправленных балансов, сокрытие действительных доходов путем продажи части продукции без счета-фактуры и незаприходования полученной от этого суммы, выдачи акционерам огромных зарплат, тантьем, единовременных и других вознаграждений и т. д. Так, например, согласно официальному балансу фабрики чулочных изделий акционерного общества «Кабо», ее годовая прибыль составляла около одного миллиона левов. При этом главный акционер фабрики Ангел Бояджиев в 1940 г. формально получил в виде «зарплаты» 240 000 левов плюс 562 250 левов в качестве дивиденда. Фактически же, как показали результаты ревизии, его доход за указанный год составил 9 317 821 лев. Основная часть этого дохода была получена в результате незаприходованной продажи фабричной продукции. Между тем расходы на ее производство были учтены в официальном балансе. На шерстоткацкой фабрике Стефана Гатева в с. Бичкиня Габровской околии в 1939 г. не была заприходована продажа продукции без счета-фактуры на сумму 5 113 030 левов и в 1940 г.— 4 453 919 левов. Директор софийской текстильной фабрики «Фортуна» Карло Меричети «заработал» за 1941 г. свыше одного миллиона левов «дополнительного вознаграждения», которое не нашло отражения в торговых книгах и было получено от скрытого оборота фабрики. При проведении в мае 1941 г. полицейского обыска на фабрике чулочных изделий «Фако» (Софийский район, Красно село) были обнаружены тайные балансы и другие документы, свидетельствующие о систематическом укрытии доходов от незаприходованной продажи товаров. Например, в 1940—1941 гг. на этой фабрике не была заприходована продажа 3470 дюжин чулок. В результате ревизии счетоводства Акционерного общества химической продукции в Костинброде (заводов Николы Чилова) было обнаружено, что в 1941 г. под видом текущих производственных затрат была скрыта сумма в 1,3 млн. левов. Акционерное общество «Пирин», тесно связанное к началу второй мировой войны с немецким капиталом (акционерным обществом Rheinische Erz- und Metalhandel в Кельне), устанавливало счета-фактуры на экспортируемый свинцовый и цинковый концентрат в условных ценах. Вся прибыль сверх 12% переводилась обществу Rheinische Erz в качестве «резервов от фактурированной продажи по условным ценам». Налоговые органы в результате проведенной ревизии «корригировали» доходы такого крупнейшего представителя финансового капитала, как концерн «Гранитоид» за 1941 г. с 50,07 до 82,36 млн. левов. Следовательно, норма прибыли этого концерна составляла не 6,7%, как казалось по представленным им данным, а 12% [49]

На основе обработки сохранившихся в архивах актов финансовых ревизий болгарской экономики Любен Беров приходит к выводу, что в годы второй мировой войны капиталистические промышленные и торговые предприятия Болгарии скрывали от финансовых правительственных органов до половины своих действительных доходов. Яркой иллюстрацией этого служат следующие данные о рентабельности акционерного капитала в Болгарии [49] (см. табл. 5).

[49б] См. Л. Беров. Печалбата на капитала в България до 1944 г. София, 1961, стр. 24, 49, 50, 51, 53, 93.

[49] Там же, приложение — таблица: «Рентабилност на акционерния капитал в България 1894—1944 г.». Данные о сумме и норме прибыли неакционерного капитала отсутствуют. Л. Беров полагает, что общая сумма неакционерного капитала приблизительно равнялась сумме акционерного и что в силу ряда обстоятельств в годы войны его норма прибыли приближалась к норме прибыли акционерного капитала (там же, стр. 99—100).

inslav

Таблица 5

Рентабельность акционерного капитала

Год	Число акционерных обществ	Вложенный акционерный капитал	Резервные и другие фонды	Балансовые		Норма прибыли, %	Корригированная норма прибыли, %
				прибыль	убыток		
1939	1339	4 811 570	2 168 252	497 673	98 002	5,7	11,9
1940	1426	5 133 430	2 588 802	704 821	82 210	7,9	15,6
1941	455	3 736 049	2 171 509	458 787	49 011	6,9	12,9

Обогащение эксплуататорских слоев происходило в условиях резкого ухудшения положения трудящихся масс, в условиях, когда разрыв между реальной заработной платой рабочих и служащих, а также доходами основной массы крестьянства и все более растущим прожиточным минимумом стремительно увеличивался.

В цензовой промышленности средний номинальный дневной заработок рабочих составлял (в левах) [50]:

	1939 г.	1940 г.	1941 г.
Рабочего	56,56	60,48	72,91
Работницы	42,88	46,64	54,55

Однако эти средние данные значительно приукрашивают действительную картину материального положения рабочих.

По подсчетам болгарского экономиста Хаджиилиева, в 1939 г. 55% промышленных рабочих зарабатывали от 20 до 49 левов в день. При среднем дневном заработке в 40 левов и при средней занятости в течение 228 дней в году получается, что годовой доход рабочего не превышал 9120 левов. Если исключить из этой суммы налоги и другие удержания с зарплаты, составлявшие в год 1148 левов, то чистый номинальный годовой доход рабочего сводился к 7972 левам [51]. Между тем годовой прожиточный минимум семьи из четырех-пяти человек превышал эту сумму более чем в три раза (см. табл. 6).

В 1940 и последующие годы материальное положение рабочих еще более ухудшилось, поскольку цены на предметы первой необходимости стремительно росли, а уровень заработной платы повышался непропорционально мало.

[50] «Статистически годишник на царство България», год. XXXIV, София, 1942, стр. 426. То же официальное статистическое издание (стр. 418—427) приводит следующие данные о средней дневной заработной плате некоторых категорий болгарских рабочих (в левах):

Год	Категории рабочих					
	Разнорабочий	Слесарь	Табачник-упаковщик	Табачница-сортировщица	Ткач в шерстоткацкой промышленности	Ткачиха в хлопчатобум. промышленности
1939	39,36	66,46	72,64	56,00	50,80	39,92
1940	43,38	67,68	83,68	60,24	54,24	40,32
1941	59,91	76,28	94,60	71,37	62,71	50,49

[51] И. Хаджиилиев. Натрупването и потреблението в икономиката на България при капитализма. София, 1957, стр. 91.

inslav

Таблица 6

Соотношение между годовым доходом и продовольственной нормой потребления рабочей семьи (в левах) [52]

Год	Норма потребления	Годовой доход	Соотношение дохода и нормы потребления (в %)
1939	25 176	7 972	31,7
1942	52 173	10 860	21,0

Тяжелое материальное положение рабочих усугублялось безработицей. В этом отношении особенно страдали рабочие табачной промышленности, где было занято свыше 40 тыс. человек. В связи с предшествовавшим плохим урожаем табака и повсеместным введением новых методов капиталистической рационализации в 1939 г. значительно сократился сезон занятости на многих табачных предприятиях. Уже к сентябрю 1939 г. осталось без работы свыше 20 тыс. рабочих-табачников с перспективой увеличения этого числа к концу октября до более чем 35 тыс. Обработка табака нового урожая должна была начаться лишь во второй половине мая или в начале июня 1940 г. Таким образом, табачные предприятия оставались в бездействии около восьми месяцев [53]. В некоторых местах возмущение бедствующих рабочих выливалось в открытые уличные демонстрации и голодные походы. Такой голодный поход состоялся, например, 27 марта 1940 г. в Тополовграде, где тысячная толпа оставшихся без работы табачников бурно выражала свое возмущение действиями табачных магнатов, била стекла в их домах и т. п. Для разгона этой демонстрации были вызваны войска и произведены многочисленные аресты [54].

Не намного лучше обстояло дело в других отраслях промышленного производства — текстильной, металлообрабатывающей, резиновой, обувной, швейной и других, где безработные составляли от 40 до 80% занятых рабочих. Согласно официальным сведениям, например, в марте 1940 г. только на Софийскую биржу труда ежедневно являлось не менее 400—500 человек, ищущих работу [55]. В феврале 1940 г. в г. Варне насчитывалось около 5 тыс. безработных [56]. В рапортах тырновского отделения Болгарского национального банка о состоянии экономики в районе г. Тырново отмечалось, что в этом районе, где к началу войны (сентябрь 1939 г.) число безработных составляло 321 человек, в декабре 1939 г. имелось уже 1041, в марте 1940 г.— 1505 и в феврале 1941 г.— 1287 безработных [57]. В Пловдиве, согласно официальным данным областной Дирекции

[52] Там же, стр. 105. Если взять за основу официальные данные о среднем годовом доходе рабочего, вычисленные Главной дирекцией статистики (по этим данным, в 1939 г. этот доход составил 12 024 левов и в 1942 г.— 13 410 левов), то процентное соотношение дохода и нормы потребления составит соответственно 52,2% и 25,7% (см. там же, стр. 106). Ж. Натан и Л. Беров в своей работе «Монополистическият капитализъм в България» (стр. 322) приходят к выводу, что процентное соотношение месячного дохода и месячной нормы потребления промышленного рабочего в 1939 г. составляло 61,5%, в 1940 г.— 60,8% и в 1941 г.— 59,8%.

[53] М. Ерелийска. Стачката на тютюневите работници през юни 1940 г.— «Известия на института по история на БКП», № 3—4, София, 1958, стр. 52—53.

[54] См. циркуляр директора полиции полковника Пантева областным начальникам полиции и областным директорам от 9 апреля 1940 г.— Окръжен държавен архив — Търново, ф. 47, оп. 1, а. е. 22, л. 68.

[55] ЦДИА, ф. 231, оп. 3, а. е. 33-а, л. 136.

[56] ЦДИА, ф. 231, оп. 3, а. е. 33-б, л. 39.

[57] Окръжен държавен архив — Търново, ф. 73, оп. 1, а. е. 35, лл. 102, 145; а. е. 36, л. 17; а. е. 37, л. 15.

inslav

труда, на 1 декабря 1940 г. насчитывалось 10 404, а на 1 февраля 1941 г.— 13 069 безработных [58].

Но даже эти сами по себе внушительные данные далеко не отражают истинного положения с безработицей. В них включены лишь те безработные, которые были официально зарегистрированы в «установленном законом порядке». А для того чтобы зарегистрироваться и получить право на пользование фондом пособий, безработный обязан был прежде всего обладать страховой книжкой с уплаченными взносами по меньшей мере за 52 (а затем после июньской забастовки 1940 г.— за 32) недели в течение двух лет, непосредственно предшествующих моменту потери работы (это право имела лишь половина от общего числа рабочих). Таким образом, если по всей стране на 1 февраля 1941 г. Дирекция труда зарегистрировала в качестве безработных 52 201 чел., то, для того чтобы получить истинное представление о безработице, надлежит это число по меньшей мере удвоить. По некоторым данным, в 1940 г. в городах страны насчитывалось 150 тыс. безработных [58a].

Размер пособия для официально зарегистрированных семейных безработных составлял ничтожную сумму: 25 левов, а для холостых — 15 левов в день. При этом в так называемый «мертвый сезон» (с 1 декабря по 15 марта) пособие вообще не выплачивалось. Лишь крайне незначительная категория табачников получала небольшую помощь из специального фонда.

По мере роста дороговизны все более ухудшалось положение служащих, пенсионеров и других слоев трудового городского населения. По словам министра финансов, в 1940 г. в стране насчитывалось 127 тыс. служащих, в том числе лишь 17 тыс. человек, месячная зарплата которых превышала 2500 левов [59]. Служащие железных дорог, почт и телеграфа, учителя, муниципальные служащие получали в среднем 1500—1800 левов в месяц [60–61].

По сообщению правительственной печати, на 31 декабря 1939 г. только в софийском коммунальном совете числилось 4804 абсолютно неимущих семей и 16 389 человек и 10 065 семей бедняков «второй категории», насчитывавших 38 779 человек. Иными словами $^1/_4$ населения Софии остро нуждалась в помощи [62].

Положение подавляющей части болгарского крестьянства ухудшалось столь же стремительно. Кулацко-капиталистическая прослойка деревни, использовавшая с выгодой для себя военную конъюнктуру, богатела. Возникла немногочисленная прослойка нуворишей, сумевших нажиться на поставках для армии и для экспорта. Вместе с тем значительно ухудшилось положение основной массы крестьянства. Номинальный годовой доход большинства болгарских крестьян, земельный участок

---

[58] «Стенографски дневници на XXV ОНС, II р. с.», кн. IV, 1941, стр. 1738.

[58a] «Стенографски дневници на XXV ОНС, I р. с.», кн. II, стр. 768. Правительственная Дирекция труда признавала официально безработными лишь около 50 тыс. из них. В связи с этим газета «Работническо дело» писала: «Ограничения при пользовании фондом пособий по безработице остаются в силе и даже возрастают. Теперь готовится картотека безработных с целью добиться уменьшения числа имеющих право пользоваться этим фондом. «Специалисты» хозяев из Дирекции труда предлагают даже вообще исключить профессию табачников из категории рабочих, имеющих право на страхование от безработицы» («Работническо дело», № 3, III 1940).

[59] «Стенографски дневници на XXV ОНС, II р. с.», кн. III, стр. 1093. Газета «Слово» в номере от 29 июля 1940 г. уточняла, что менее 2500 левов в месяц получало 73% служащих-мужчин и 83% женщин (из общего числа 138 126 государственных и муниципальных служащих).

[60–61] «Работническо дело», № 3, III 1940.

[62] «Днес», 15.XI 1941.

inslav

которых не превышал 5 га, находился почти на таком же уровне, что и доход промышленных рабочих, но по своим реальным абсолютным размерам он был ниже дохода последних. На одного крестьянина этой категории в 1939 г. приходилось 2007 левов годового дохода, а на семью из пяти человек — 10 035 левов, что составляло 39,8% нормы потребления. Однако из этой суммы крестьяне должны были платить налоги, проценты по долгам и т. п., что значительно уменьшало ее размер. Следует добавить, что в указанную категорию включены также 150 000 сельскохозяйственных пролетариев и около 1 млн. человек, практически не могущих найти применения своему труду (так называемая скрытая безработица) [63].

Болгарское трудовое крестьянство и особенно малоимущие крестьяне, занимавшиеся выращиванием технических культур, страдали от произвола, злоупотреблений, подвергались безудержной эксплуатации и форменному ограблению со стороны кулаков, ростовщиков, перекупщиков, чиновников Дирекции хлебоэкспорта и др. Так, в письме Русенской околийской сельскохозяйственной задруги председателю Общего союза сельскохозяйственных задруг от 25 января 1941 г. сообщается о массовом негодовании крестьян по поводу цен, по которым у них закупался фураж для армии. Право производить закупки было предоставлено всякого рода поставщикам, которые забирали у крестьян фураж за бесценок, а затем наживались на перепродаже его государству. В письме приводятся примеры, когда перекупщики платили крестьянам за воз (около 700—800 кг) вики или сена по 1500 левов, а перепродавали его Болгарскому земледельческому и кооперативному банку, т. е. государству, по 2000 левов из расчета 2,4—2,9 левов за килограмм. То же самое было и с другими видами фуража — соломой, кукурузными стеблями и кочерыжками и т. п. [64] В октябре 1940 г. в Народном собрании сообщалось, что, например, в Свиштовской околии крестьянам платили за 1 кг кукурузы по 2,35—2,40 лева, несмотря на то, что имелось постановление правительства, определяющее цену килограмма кукурузы в 3 лева [65]. Большие злоупотребления имели место и при обязательных закупках других видов сельскохозяйственной продукции, производившихся Дирекцией хлебоэкспорта. Формально контроль за этими закупками был возложен на сельские общины. Однако нередко под предлогом отсутствия измерительных приборов поставки принимались «на глазок», что открывало неограниченные возможности для обмана крестьян [66]. Кроме того, крестьянам часто приходилось месяцами ждать оплаты за уже закупленную у них продукцию.

Особо следует остановиться на ограблении крестьян-табаководов, основная часть продукции которых шла на экспорт, главным образом в Германию (в 1940 г. в Германию было вывезено 70,6%, а в 1941 г.— 76,9% от общего количества экспортированного табака) [67]. Выращива-

---

[63] И. Хаджиилиев. Указ. соч., стр. 94.

[64] Окръжен държавен архив — Варна, ф. 30, оп. 1, а. е. 18, л. 1.

[65] «Стенографски дневници на XXV ОНС, II р. с.», кн. I, стр. 10.

В 1940 г. кукуруза была причислена к монопольным продовольственным злакам, закупавшимся Дирекцией хлебоэкспорта, и ее цена была определена в 3 лева за килограмм. По этой же цене продали государству со своих складов большие партии кукурузы крупные торговцы-поставщики типа Йомтова и Аврамова, заранее скупившие ее у крестьян по 1,6—2 лева и таким образом заработавшие по меньшей мере один лев на каждом килограмме (см. там же, стр. 333).

[66] Окръжен държавен архив — Плевен, ф. 62, оп. 1, а. е. 40, л. 11; Окръжен държавен архив — Варна, ф. 30, оп. 1, а. е. 2, л. 90 и др.

[67] В 1940 г. из общего количества 23 623 т экспортированного табака в Германию было вывезено 16 683 т, а в 1941 г. из 41 728 т Германия получила 31 673 т («Статистически годишник на царство България», год XXXIV, стр. 555).

inslav

нием табака, для которого требовался особенно кропотливый и трудоемкий уход, занимались в основном мелкие и средние крестьяне[68], участки которых были расположены на склонах Родоп, Рилы, Осогова, Пирина и Ограждена. Здесь почвенно-климатические условия, выгодные для табаководства, были неблагоприятны для выращивания других сельскохозяйственных культур. По всей Болгарии из общего числа 855 тыс. крестьянских хозяйств табаководством занималось примерно 143 тыс. Оно давало пропитание 800-тысячному крестьянскому населению указанных районов[69].

Табак являлся одной из тех культур, которые не были включены в сферу деятельности Дирекции хлебоэкспорта. Торговля табаком находилась полностью в руках частного монополистического капитала, который диктовал табаководам цены на их продукцию и за счет эксплуатации их труда обеспечивал себе баснословные прибыли. 1940 год оказался для болгарских табаководов очень неудачным годом, так как в силу ряда обстоятельств, главным образом международного характера, в стране накопилось значительное количество непроданного табака прежних урожаев. Указанное обстоятельство было использовано гитлеровской Германией в целях еще большего усиления грабежа болгарских табаководов. Организатором этого грабежа являлся германский концерн «Реемстма», в руках которого находилось около 70% всей германской табачной промышленности. Его поставщиками в Болгарии являлись, помимо орудовавших в стране немецких табачных фирм, болгарские табачные фирмы, табачные кооперативы и, до конца 1940 г., Болгарский земледельческий и кооперативный банк[70]. Концерн «Реемстма» финансировал закупки и платил своим посредникам определенные комиссионные. Если, например, в 1939 г. закупки на комиссионных началах составляли около 40% всех заготовительных закупок табака, в 1942 г. их доля возросла до 80%. Эти условия, не требовавшие от посредников вложения значительных собственных капиталов, привели к быстрому росту их числа. Так, если в 1939 г. в Болгарии насчитывалось 90 табачных фирм, в 1940 г. их число возросло до 187, а в 1941 г.— до 226[71]. Развивавшийся паразитизм в торговле табаком сильно ограничивал возможность Болгарии искать другие рынки для своего табака. Учитывая создавшуюся выгодную конъюнктуру и тот факт, что германская сторона являлась фактически монополистом на болгарском табачном рынке, Германия навязала в

---

[68] Согласно сельскохозяйственной переписи 1926 года, из всей площади, занятой под табак, на хозяйства размером до 5 га приходилось 59%, от 5 до 10 га — 29% и свыше 10 га — только 12%. По переписи 1946 г. соответствующие проценты составили уже 75, 20 и 5 (см. Л. Беров. Дирекция «Храноизнос» 1930—1944.— «Трудове на Висшия икономически институт „Карл Маркс“», кн. 1, София, 1960, стр. 341).

[69] См. «Питане на пловдивския народен представител на Работническата партия Тодор Поляков, отправена до министъра на търговията, промишлеността и труда относно пагубните за народното стопанство и специално за тютюнопроизводителите и тютюноработниците клаузи в подписания меморандум на 10 декември 1940 г. за германските покупки на тютюн в България» («Известия на държавните архиви», № 4, София, 1960, док. № 7, стр. 118).

[70] В соответствии с меморандумом от 10 декабря 1940 г., подписанным с болгарской стороны министром земледелия Багряновым, министром финансов Божиловым, директором внешней торговли Цоневым и другими, а также представителями германской стороны во главе с генеральным консулом Венкелем, немцы полностью отстранили Болгарский земледельческий и кооперативный банк от закупок у болгарских табаководов табака на экспорт. Заготовительная организация БЗК банка и, в частности, его табачные склады и сеть экспертов были предоставлены в распоряжение немецких фирм. БЗК банку было оставлено лишь право после завершения германских закупок проводить закупки оставшегося табака для внутреннего рынка (см. «Известия на държавните архиви», № 4, 1960, стр. 113—116, док. 5. «Меморандум относно германските покупки на тютюн в България»).

[71] «Известия на държавните архиви», № 4, 1960, стр. 135, док. 13.

inslav

1940 г. такие цены на болгарский табак, которые были ниже цен 1939 г. или же едва достигали их уровня. Цены на табак-сырец урожая 1940 г., который закупался в 1941 г., были определены на 5% выше цен 1939 г., да и то при условии, что расходы по переработке и транспорту табака до границы Болгарии останутся неизменными и заработная плата рабочих-табачников не претерпит существенных изменений [72]. Если сопоставить эти практически неизменные цены на экспортируемый в Германию табак и стремительно возраставшую стоимость жизни, можно получить представление о том, какому чудовищному ограблению подвергались болгарские табаководы. Условия, поставленные германскими монополистами, были использованы болгарскими табачными магнатами также для замораживания заработной платы рабочим табачной промышленности, которые вели полуголодное существование.

Охваченные отчаянием крестьяне-табаководы засыпали правительственные учреждения письмами и телеграммами протеста против несправедливо низких цен на табак, произвола и мошенничества закупщиков и т. п. Так, жители с. Бяга Пештерской околии в телеграмме премьер-министру от 4 марта 1940 г. писали: «Предлагаемые торговцами цены ниже прошлогодних и не соответствуют возросшим бюджетным расходам и рыночным ценам на товары. Мы лишены всякой возможности дальнейшего производства. Наш кредит в БЗК банке и кредитном кооперативе исчерпан. Плохой советник — голод охватывает всех. Мы становимся жертвами страшного бича — желтой гостьи (туберкулеза.— *Л. В.*). Ваша беззаботность ввергает нас всех в беспокойство и разжигает аппетиты организованного табачного капитала на еще большие спекуляции. Спасите нас от явного грабежа. Требуем немедленного вмешательства государства и справедливых цен» [73]. Табаководы села Райково сообщали в своей телеграмме министру земледелия от 7 апреля 1940 г., что начаты закупки табака по ценам на 15% ниже прошлогодних. «Население Родоп изнемогает,— писали они.— Народ в отчаянии...» [74]. С аналогичными телеграммами обращались к правительству также табаководы Перуштицы [75] и многих других сел.

Возлагавшиеся правительством на болгарское крестьянство наряды по обязательным поставкам сельскохозяйственной продукции становились все более тяжелыми. 21 июня 1940 г. было принято постановление Совета министров за № 1773 об обязательных государственных поставках шерсти крестьянами-овцеводами. Согласно этому постановлению, каждому крестьянину-овцеводу разрешалось оставлять для собственных нужд по одному руну (настриг с одной овцы, т. е. около 1,5 кг) шерсти на члена семьи. Одно руно он должен был под контролем местного комиссара по снабжению (обычно это был кмет общины) продать для нужд населения общины, не имеющего овец. Вся остальная шерсть скупалась агентами Дирекции хлебоэкспорта по очень низкой цене [76]. В результате этой меры значительная часть крестьян оказалась лишенной крайне необходимой им шерсти, которую они раньше получали от своих односельчан-овцеводов [77–78]. Это также вызвало сильное брожение среди

---

[72] «Известия на държавните архиви», № 4, 1960, стр. 114, док. № 5.

[73] ЦДИА, ф. 176, оп. 6, а. е. 1075, лл. 25—26; см. также «Известия на държавните архиви», № 4, 1960, стр. 110, док. № 1.

[74] Там же, л. 201; «Известия на държавните архиви», № 4, 1960, стр. 111, док. № 3.

[75] Там же, л. 33; «Известия на държавните архиви», № 4, 1960, стр. 110, док. № 2.

[76] «Държавен вестник», № 140, 25.VI 1940.

[77–78] Большая часть болгарского крестьянства одевалась в домотканную одежду из шерсти. В предвоенный период основная часть шерсти, получаемой от местного овцеводства, оседала в домашнем хозяйстве крестьян. На фабричную переработку шло лишь около 20% производимой шерсти («География на България», т. II; «Икономическа география», София, 1961, стр. 129).

inslav

крестьян, о чем свидетельствуют многочисленные донесения местных властей[79].

Капиталистическое государство, банкиры и ростовщики разоряли трудовое крестьянство хищническими методами кредитования. В 1939—1940 г. на каждое крестьянское хозяйство приходилось в среднем по 11 061 левов задолженности. Если при этом средняя крестьянская задолженность на 1 га обрабатываемой земли равнялась 1 042,7 левам, то для категории крестьян, земельный участок которых не превышал 5 га (а таких было 66%), она составляла 2 553,2 левов[80]. Задолженность этой категории крестьян превышала сумму их годового дохода.

Одной из форм наступления буржуазии на жизненный уровень трудящихся являлось усиление налогового бремени. Заботясь об интересах капиталистов, которые наживали огромные барыши на государственных поставках, оплачиваемых по высоким ценам, монархо-фашистское правительство все шире использовало метод налогового обложения, как средство дополнительной эксплуатации трудящихся и финансирования подготовки к войне. В 1940 г. в стране взималось 77 прямых налогов и сборов, в том числе 20 основных и 57 производных налогов. Косвенными налогами было обложено 2450 видов товаров[81]. Важнейшим из прямых налогов был налог на «занятие» (ремесло), поступления от которого составили в 1940 г. 60,5% от общей их суммы, и введенный в соответствии с принятым в конце 1940 г. законом о чрезвычайных расходах по «обеспечению безопасности страны» налог, давший в том же году 22,4% прямых налоговых поступлений[82].

Таблица 7

Рост налогового обложения (в млн. левов)[83]

Год	Прямые налоги	Косвенные налоги	Общая сумма государственных налогов	Общая сумма доходов государственного бюджета
1939	656,3	3590,4	4246,7	8281,3
1940	1012,1	3870,7	4882,8	9385,4
1941	2430,1	5118,4	7548,5	18 861,9[84]

[79] Так, например, кмет с. Златарица Еленской околии в своем рапорте околийскому управителю от 13 июля 1941 г. сообщал, что в этом селе насчитывается всего 140 овцеводов, а число крестьянских хозяйств, не имеющих овец, составляет 1200. Следовательно, из числа последних лишь 140 семей могли получить по одному руну шерсти. «Между тем,— говорилось в рапорте,— население испытывает острую нужду в шерсти, из которой оно изготовляет себе чулки, фуфайки и другую одежду, без коей трудно обойтись в суровое зимнее время» (Окръжен държавен архив — Търново, ф. 81, оп. 1, а. е. 111, л. 60). Кмет с. Красново Пловдивской околии 11 июля 1941 г. доносил Пловдивскому околийскому управителю о недовольстве крестьян, у которых изымалась шерсть по низкой цене, в то время как они были вынуждены покупать одежду низкого качества по очень высоким ценам (Окръжен държавен архив — Пловдив, ф. 57, необраб.). Кмет с. Стеврек Елинской околии сообщил, что шеститысячное население его общины на протяжении ряда месяцев получило лишь три узла хлопчатобумажной пряжи, в то время как шерсть изымалась (Окръжен държавен архив — Търново, ф. 81, оп. 1, а. е. 110, л. 21).

[80] И. Бочев. Икономически и политически основи на кризата в България през 1943—1944 година.— «Ново време», кн. 9, 1960, стр. 48.

[81] «Стенографски дневници на XXV ОНС, II р. с.», кн. I, стр. 481.

[82] С. Маркович. Данъчната политика на партията и правителството през годините на народната власт.— Сб.: «15 години социалистическо строителство в Народна Република България», София, 1959, стр. 245.

[83] «Българска народна банка. Статистически бюлетин 1939—1945», София, 1947, стр. 14.

[84] Огромный рост общей суммы доходов государственного бюджета в 1941 г. объясняется не только непосредственным увеличением налогового обложения населения, но и исключительно большим ростом суммы так называемых чрезвычайных доходов (главным образом — займы). Так, если сумма последних в бюджете 1939 г. составила 542,4 млн., а в 1940 г.— 376 млн. левов, то в 1941 г. она возросла до 5 764 млн. левов (там же).

inslav

Таким образом, примерно половину поступлений государственного бюджета составляли официальные налоги с населения, причем косвенные налоги давали большую часть налоговой суммы (например, в 1940 г. прямые налоги составляли 10,8%, а косвенные — 41,2% всех поступлений государственного бюджета). К этому следует добавить, что и значительная часть остальных доходных статей государственного бюджета заключала в себе в завуалированной форме налоговое обложение. Такими были, например, доходы от штрафов и конфискаций, доходы от фискальных монополий и т. п. Сюда не включены также взимавшиеся с населения муниципальные налоги, сумма которых исчислялась многими сотнями миллионов левов. Сумма только официально признаваемых налогов равнялась в 1940 г. 11% и в 1941 г.— 12% национального дохода страны и около 16% денежного дохода населения [85].

Расходы капиталистического государства, форсировавшего подготовку к включению страны в войну, возрастали еще быстрее, чем налоговое обложение. По признанию министра финансов Д. Божилова, только в результате дополнительного призыва в армию военнослужащих запаса в 1940 г. расходы военного министерства увеличились на один миллиард левов [86]. Бюджет военного министерства, составлявший в 1939 г. 2961,4 млн. левов, уже в 1941 г. достиг 7744,9 млн. левов. Расходы по государственным долгам, которые занимали второе место после военных расходов, за это же время увеличились с 1735 до 2353,3 млн. левов, а расходы по министерству внутренних дел — с 323,9 до 1336,5 млн. левов [87].

В поисках новых источников для покрытия все возрастающих непроизводительных расходов правительство стало все чаще прибегать к эмиссии ничем не обеспеченной бумажно-денежной массы. Согласно закону о стабилизации лева от 1929 г., в качестве его покрытия принимались только золото или иностранная валюта, свободно обмениваемая на золото (американские доллары, английские фунты стерлингов и швейцарские франки). Этот закон с начала войны все чаще стал нарушаться, поскольку новые эмиссии производились в условиях, когда золотое покрытие непрерывно таяло. В конце концов, с 20 мая 1941 г., опять нарушая закон, в качестве покрытия лева стали приниматься вместе с золотой валютой обесцененные германские марки, которыми были забиты кассы Болгарского национального банка [88]. Если в августе 1939 г. денежное обращение в стране составляло 5387,6 млн. левов, то через год (в августе 1940 г.) оно увеличилось до 6441,7 млн., а в марте 1941 г. достигло 9424,1 млн. левов [89].

Все это (наряду с извращением существа клиринговых расчетов с Германией, в результате чего, как мы уже видели, Болгарский национальный банк фактически превратился в кредитора последней, сокраще-

---

[85] Д-р А. Чакалов. Националният доход и разход на България 1924—1945, стр. 141.

[86] «Утро», 25.XII 1940.

[87] «Българска народна банка. Статистически бюлетин 1939—1945», стр. 15.

[88] Архив на МВР. Делото на X състав на Народния съд — 1944 г., том I, л. 7.

[89] «Българска народна банка. Статистически бюлетин 1939—1945», стр. 9. О том, в какой значительной мере инфляция вызывалась необходимостью для Болгарского национального банка финансировать экспорт в Германию и вообще восполнять задолженность последней перед Болгарией, свидетельствуют следующие вычисления, основанные на данных банка. Если бы клиринговое соглашение между Болгарией и Германией осуществлялось на началах равенства платежного баланса, банкнотное обращение в стране составило бы в 1939 г. 2562 млн. левов, в 1940 г.— 4747 млн. и в 1941 г.— 5567 млн. левов (на конец года). Фактически же, поскольку это условие не было соблюдено, банкнотное обращение составило соответственно 4245 млн., 6518 млн. и 13 467 млн. левов (см. Архив на МВР, Делото на I състав на Народния съд, т. XXV, лл. 20, 21).

inslav

нием товарной массы, находившейся в обращении при ухудшении ее качества, и т. п.) еще более усугубляло инфляцию, приводило к обесценению лева, стимулировало спекуляцию и черный рынок и ложилось тяжелым бременем на плечи трудящихся.

Добиваясь мобилизации экономических ресурсов для военных целей и стремясь лишить трудящихся возможности организованной защиты своих классовых интересов, болгарское правительство провело ряд мероприятий по милитаризации экономики.

Важную роль в этом направлении должен был сыграть принятый Народным собранием 23 апреля 1940 г. закон о гражданской мобилизации. Согласно этому закону, при военном министерстве учреждалась Дирекция гражданской мобилизации, на которую по существу было возложено руководство всей экономической жизнью страны. К гражданской мобилизации могли быть привлечены все болгарские граждане от 17 до 70-летнего возраста, не подлежащие военной мобилизации. За неподчинение, неявку на работу, невыполнение или нерадивое выполнение возложенной на них работы мобилизованные подвергались тюремному заключению. Организация забастовок, а также участие в них каралось в мирное время многолетним тюремным заключением, а в военное— смертной казнью [90].

До 1 марта 1941 г. в связи с законом о гражданской мобилизации было издано 82 министерских постановления [91]. Важнейшим из них было принятое в связи с всеобщей забастовкой табачников (о ней будет сказано ниже) постановление Совета министров № 1814 от 24 июня 1940 г. о гражданской мобилизации всех промышленных предприятий, а также занятых на них рабочих, работниц и служащих [92].

Закон о гражданской мобилизации был на руку в первую очередь крупным капиталистам, являвшимся поставщиками для армии, выполнявшим другие государственные заказы, а также работавшим на экспорт в Германию. При существовавшей системе нарядов, особенно при выполнении поставок для армии, основные заказы перепадали именно крупнейшим предпринимателям, наживавшим при этом баснословные барыши. О «странном» распределении заказов на государственные поставки как при осуществлении поставок из-за границы, так и по линии местного производства, неоднократно говорилось в речах оппозиционных депутатов в Народном собрании. Так, 25 декабря 1940 г. депутат Сакаров указывал, что одна и та же группа лиц под прикрытием безымянных акционерных обществ-однодневок почти монополизировала право на такие поставки [93]. Гражданская мобилизация должна была обеспечить дешевую рабочую силу и беспрекословное подчинение рабочих капиталистическому произволу. Направленный на укрепление экономической и политический власти монополистического капитала, закон о гражданской мобилизации преследовал в первую очередь цель

---

[90] «Държавен вестник», № 100, 4.V 1940.

[91] Г. К. Ватев. Коментар и ръководство по Закона за гражданската мобилизация. София, 1941.

[92] «Държавен вестник» № 139 — притурка от 24.VI 1940. В дальнейшем специальными постановлениями Совета министров из гражданской мобилизации исключались отдельные предприятия, в мобилизации которых, по мнению правительства, по той или иной причине не было необходимости (см., например, постановление Совета министров № 103 «Държавен вестник» № 12 от 18 января 1941 г.). В 1940 г. гражданской мобилизацией было охвачено 110 тыс. человек (см. П. Иванов. Присъединяване на България към фашисткия блок и борбата на българския народ под ръководството на БКП против вмъкването на страната във войната, за мир и дружба със СССР.— «Военно-исторически сборник», 1960, № 6, стр. 23).

[93] «Стенографски дневници на XXV ОНС, II р. с.», кн. III, стр. 840.

inslav

закрепощения трудящихся масс и обеспечения условий для их максимальной эксплуатации.

«Закон о гражданской мобилизации,—говорилось в одной из листовок, выпущенных Рабочей партией,— является одной из мер правительства и класса капиталистов, направленных на подготовку вовлечения болгарского народа в империалистическую войну. Законом о гражданской мобилизации правительство капиталистов стремится сковать боевой дух рабочих и крестьян и взвалить на них всю тяжесть экономических последствий империалистической войны» [94].

Такую же цель преследовал и ряд других законов и постановлений монархо-фашистского правительства. В начале июня 1940 г. в закон о гигиене и безопасности труда были внесены изменения и дополнения, в соответствии с которыми значительно ухудшились условия труда рабочих, допускалось увеличение продолжительности рабочего дня, отменялось запрещение ночного труда для женщин и т. п. [95] Тогда же был изменен и дополнен закон о коллективном трудовом договоре и урегулирования трудовых конфликтов. В случае объявления военного положения и при других «чрезвычайных событиях, которые могут создать угрозу для нормальной хозяйственной жизни в стране», применение прежних правил урегулирования трудовых конфликтов приостанавливалось, и все вопросы, касающиеся размеров заработной платы рабочих на отдельных предприятиях или в целых отраслях промышленности, передавались на разрешение Совета министров [96].

Помимо официальных законов и правительственных распоряжений, фашистские власти в целях «сохранения мира, спокойствия и безопасности» на производстве приступили к проведению среди занятых рабочих чистки от «неблагонадежных элементов» и созданию тайного аппарата по наблюдению и шпионажу за оставшимися рабочими. Уже в первые месяцы после начала войны донесения полицейских начальников с мест запестрели сведениями о ходе выполнения данных им в этом смысле инструкций. Так, начальник полиции Луковитской околии Петков в донесении вышестоящему начальству 6 марта 1940 г. сообщал о проведенной чистке среди рабочих мукомольных предприятий «Червен Бряг» и «Напред» в г. Червен Бряг, электростанции «Златна Панега» у г. Луковит и на всех складах и мельницах околии [97]. Начальник полиции Дряновской околии Ников докладывал 27 апреля 1940 г. о ходе вербовки на предприятиях околии «доверенных лиц», задача которых заключалась в том, чтобы наблюдать за поведением рабочих и доносить органам тайной полиции о всех проявлениях «крамолы». В частности, он сообщал, что такие «доверенные лица» завербованы на фабрике «Св. Георгия» в г. Трявне и на шахте «Лев» у станции Плачковци и что продолжается работа по вербовке таковых на более мелких предприятиях [98]. Начальник полиции Тетевенской околии в донесении от 22 мая 1940 г. извещал о выделении подобных лиц и групп на текстильных фабриках, электростанции и других предприятиях [99].

Стремясь устранить влияние революционно настроенных элементов в официальных профсоюзах, монархо-фашистские правители еще в 1939 г. провели реорганизацию БРС. Под предлогом экономии, а факти-

---

[94] Централен партиен архив при ЦК на БКП, ф. 1, оп. 4, а. е. 50, л. 1.
[95] «Държавен вестник», № 138, 22.VI 1940.
[96] Там же. Например, уже 1 июня 1940 г. было принято постановление Совета министров об условиях труда и минимальных заработках для рабочих шерстоткацкой промышленности («Държавен вестник» № 146, 5.VII 1940).
[97] Окръжен държавен архив — Плевен, ф. 62, оп. 1, а. е. 60, л. 12.
[98] Там же, л. 31.
[99] Там же, л. 35.

inslav

чески с целью воспрепятствовать даже малейшему проявлению демократии число групповых союзов было сокращено с 17 до 8. В качестве секретарей групповых, отраслевых союзов и на другие руководящие посты в управленческом аппарате БРС назначались сверху чуждые рабочим массам фашиствующие элементы. В первую очередь реорганизации подверглись те союзы, в руководстве которых имели влияние коммунисты и другие антифашисты [100].

Однако все эти террористические и полицейские мероприятия фашистских властей не дали ожидавшихся ими результатов. В ответ на новое наступление буржуазии болгарские трудящиеся активизировали борьбу в защиту своих жизненных интересов и прав, против начавшегося резкого ухудшения своего положения, против политики грабежа и усиления эксплуатации. Болгарская рабочая партия, стоявшая во главе общей борьбы трудящихся масс, взяла на себя руководство и развернувшейся с весны 1940 г. с новой силой экономической борьбой болгарского пролетариата.

С начала 1940 г. перед Рабочей партией во весь рост встала задача непосредственной подготовки и организации новых крупных стачечных боев болгарского рабочего класса, проведения массовых забастовок с охватом рабочих всех отраслей производства и в первую очередь табачников и текстильщиков. Объективные условия для этого были налицо — доведенные до отчаяния тяжелыми условиями существования, трудящиеся массы были готовы подняться на решительную борьбу, чтобы отстоять свои жизненные интересы.

Чтобы встретить во всеоружии предстоявшие классовые бои, необходимо было прежде всего усилить боеспособность самих партийных рядов, мобилизовать силы всех членов партии. Рабочая партия начала борьбу за укрепление своих местных организаций, особенно на производстве, за привлечение в их руководство опытных, инициативных и смелых партийцев, за упрочение своих связей с широкими массами рабочих. «Борьба в защиту повседневных, непосредственных интересов масс должна вестись непрерывно,— подчеркивал в январе 1940 г. центральный орган партии газета «Работническо дело».— Массы должны видеть в нашем лице решительных борцов и беззаветных защитников их интересов» [101]. Спустя несколько месяцев, газета писала: «В ближайшие дни и месяцы предстоят огромные, исключительно серьезные классовые битвы.., двигателем которых будет рабочий класс, а организатором и руководителем — наша славная партия» [102].

Выполняя указания Центрального комитета БРП об усилении руководства экономической борьбой рабочих, Центральная профсоюзная комиссия при ЦК [103] в январе 1940 г. созвала в Софии нелегальное совещание руководителей окружных и городских профсоюзных комиссий со всей страны. Совещание констатировало назревание условий

[100] «Работническо дело», № 3, III 1940.
[101] «Работническо дело», № 2, I 1940.
[102] «Работническо дело», № 6, VI, 1940.
[103] После VI пленума ЦК БКП (1936 г.) для осуществления руководства революционной работой внутри казенного БРС, куда была загнана основная масса рабочих, а также в профсоюзах государственных служащих, при ЦК Рабочей партии была создана Центральная профсоюзная комиссия (вместо ЦК бывших Независимых рабочих профессиональных союзов — НРПС). Центральные и местные руководства НРПС были реорганизованы в соответствующие профсоюзные комиссии, которые проводили работу в масштабе средних и низовых звеньев отдельных правительственных профсоюзов. На предприятиях из прогрессивных рабочих были созданы профсоюзные активы. Профсоюзные комиссии играли роль вспомогательных органов партийных комитетов в деле организации и проведения массовой профсоюзной работы. Их влияние среди рабочих было настолько сильным, что сами фашистские официальные руководители БРС называли их «параллельным центром».

inslav

для крупных стачечных боев и приняло решение об активизации работы на местах. Оно подчеркнуло необходимость разработки конкретных и согласованных требований рабочих, которые должны быть обсуждены на рабочих собраниях и предъявлены в связи с начавшимся рассмотрением проектов новых коллективных договоров. Основным требованием являлось увеличение заработной платы. В этой связи совещание приняло специальное решение, основные положения которого были сформулированы в рассылавшемся на места циркулярном письме Центральной профсоюзной комиссии [104]. Эти положения нашли также отражение в помещенной в мартовском номере газеты «Работническо дело» статье «Организовать экономическую борьбу масс». В статье, в частности, подчеркивалась необходимость широкого развертывания борьбы за заключение выгодных рабочим коллективных трудовых договоров с обращением особого внимания на договоры в табачной, текстильной, полиграфической, металлообрабатывающей и угледобывающей промышленности. В новых договорах, говорилось в статье, необходимо добиться увеличения заработной платы в соответствии с удорожанием жизни, т. е. по меньшей мере на 30—40%. Нужно предотвратить заключение договоров за спиной рабочих. А этого можно достигнуть лишь в том случае, если рабочие, сплотившись вокруг своих профессиональных организаций, через голову навязанных им руководителей, будут готовы к борьбе вплоть до объявления забастовки. Для того, чтобы добиться принятия требований рабочих и отмены поспешно принимаемых решений Центральной арбитражной комиссии и правительства, необходима самая тщательная подготовка борьбы [105].

После январского совещания Центральная профсоюзная комиссия по указанию ЦК партии развернула широкую организаторскую и разъяснительную деятельность среди рабочих. Решения совещания были доведены до всего профсоюзного актива. На собраниях и конференциях рабочих открыто ставился вопрос о дороговизне и заработной плате. На них избирались массовые делегации, которые должны были предъявить требования рабочих правительственным инстанциям [106].

Наиболее активно с самого начала включились в борьбу рабочие табачной промышленности, особенно табачники Пловдива, где ежегодно перерабатывалось от 25 до 45% всего количества табака и было сосредоточено свыше $^1/_3$ от всех занятых в этой отрасли промышленности рабочих. Здесь у Рабочей партии имелись прочные связи с массами. Среди пловдивского пролетариата работали такие испытанные коммунисты, как Петр Ченгелов, Кочо Цветаров и др. [107]

Руководство официального VIII группового союза, в который входили и табачники, учитывая в какой-то степени настроение масс, оказалось вынужденным включить в проект нового коллективного трудового договора требование увеличения заработной платы на 15%. Но это ни в коем случае не соответствовало огромному росту цен на предметы

---

[104] Д. Коджейков, В. Хаджиниколов, Я. Йоцов. Революционното профсъюзно движение в България. София, 1957, стр. 257. Письмо начиналось с принятого во всех циркулярах и письмах Центральной профсоюзной комиссии периода 1936—1944 гг. конспиративного обращения: «Дорогой Иван!»

[105] «Работническо дело», № 3, III 1940.

[106] Д. Коджейков и др. Указ. соч., стр. 258. Как указывается в резолюции состоявшегося в январе 1941 г. VII пленума ЦК БРП, численность только делегаций, направленных в 1940 г. рабочими металлообрабатывающей промышленности, превышала 2 тыс. человек, а софийские табачники, поднявшиеся на защиту своих интересов во время заседаний пленума Болгарского рабочего союза, направили делегацию в составе 600 чел. (БКП в резолюции и решения на конференциите и пленумите на ЦК, т. III. 1924—1944. София, 1954, стр. 375).

[107] М. Ерелийска. Указ. соч., стр. 55.

inslav

первой необходимости и не могло удовлетворить рабочих. На многочисленных собраниях табачников этот проект был отклонен, а профсоюзным боссам из руководства VIII группового союза выражалось недоверие. Типичными являлись следующие требования, выдвинутые на состоявшемся 16 января 1940 г. общем собрании табачников Софии: увеличение заработной платы на 30%; создание на предприятиях комиссий, которые должны следить за соблюдением коллективного трудового договора; введение семичасового рабочего дня, что даст возможность продлить сезон занятости; применение при обработке табака методом «тонга» на 50% мужского труда; отмена системы штрафов; обязательство предпринимателей вновь принимать на работу (после «мертвого сезона».— *Л. В.*) не менее 10% своих старых рабочих; уменьшение необходимого для получения права на социальное пособие числа марок в страховых книжках с 52 до 32; принятие закона об обложении каждого килограмма табака, обработанного способом «тонга», суммой в 5 левов и образование из полученных в результате этого средств специального фонда для оказания рабочим помощи в период «мертвого сезона» [108].

Собрания рабочих, на которых выдвигались аналогичные требования в связи с обсуждением вопроса о заключении новых коллективных трудовых договоров, проходили на протяжении первых месяцев 1940 г. по всей стране. Сведениями об этом массовом движении рабочих были полны и донесения полицейских органов. Так, в донесении отделения «А» Дирекции полиции «О состоянии коммунизма в Царстве» за февраль 1940 г. с тревогой отмечалось, что в городе Пловдиве и в околиях Пловдивской области происходят собрания рабочих, на которых повсеместно принимаются решения требовать от предпринимателей повышения заработной платы на 30% [109]. В аналогичном донесении за март 1940 г. сообщалось, что 20 марта в клубе околийского рабочего синдиката г. Сливена состоялось собрание текстильщиков. Взявший слово рабочий Георгий Стефанов Гагаузов заявил, что поскольку руководство БРС и синдиката не находят возможным помочь рабочим в деле заключения коллективного трудового договора [110], то последние не нуждаются в них. Он призвал всех своих товарищей выступить с протестом и прекратить работу на всех предприятиях в течение 24 часов. В таком же духе выступили и другие рабочие, охарактеризованные в полицейском донесении как «коммунисты». Собрание решило направить в Софию делегатов, которые совместно с делегатами из других городов должны вручить министрам и депутатам Народного собрания требования рабочих [111]. В апрельском донесении Дирекции полиции вновь говорится об «усиленной деятельности» сливенских текстильщиков в свя-

---

[108] «Зора», 23.I 1940; см. М. Ерелийска. Указ. соч., стр. 58—59.

[109] ЦДИА, ф. 370, оп. 1, а. е. 780, л. 9—10.

[110] Несмотря на то, что срок действия коллективных трудовых договоров для рабочих хлопчатобумажной промышленности, заключенных еще за три года до этого, истек, правительство приняло в 1940 г. решение автоматически продлить их действие еще на один год на старых условиях, т. е. без учета вздорожания жизни. Это как нельзя более удовлетворяло предпринимателей, не желавших считаться с новыми условиями и саботировавших заключение новых договоров. Аналогичное положение было и в других отраслях производства. Так, рабочие мукомольной промышленности (их насчитывалось 25 тыс.), срок старого договора с которыми истек еще 1 июля 1939 г., сообщали в начале марта 1940 г., что им все еще не удается добиться от предпринимателей заключения приемлемого нового договора. Требования рабочих об увеличении заработной платы на 30% не были приняты во внимание и после внесения этого вопроса в Центральную арбитражную комиссию, рассматривавшую его 15 февраля 1940 г. Подачка в размере двух левов в день на рабочего (т. е. 4% от зарплаты), которую соглашались дать предприниматели, была расценена рабочими как издевательство над ними (см. ЦДИА, ф. 173, оп. 6, а. е. 1075, л. 34).

[111] ЦДИА, ф. 370, оп. 1, а. е. 780, л. 17.

inslav

зи с коллективными трудовыми договорами. Наибольшую активность проявили рабочие Димитр Антонов Алексиев, Никола Петров Терзобаджиев и Панайот Русков Панайотов, которые были избраны делегатами сливенских текстильщиков для предъявления в Софию их требований. На собраниях подчеркивалось, что находившийся на рассмотрении Совета министров договор не отражает интересы рабочих. Это объясняется неуступчивостью предпринимателей и предательской позицией руководства БРС. Было решено в случае непринятия требований рабочих, с целью оказания давления на правительство, приступить к систематическим демонстрациям путем прекращения работы в определенные часы, а в случае необходимости — объявить забастовку [112].

Перед лицом твердой сплоченности и непоколебимого единства рабочих, энергично выступавших в защиту своих жизненных интересов, руководство VIII группового союза оказалось вынужденным пересмотреть свой проект коллективного трудового договора и включить в него требование увеличения заработной платы на 30%. Поскольку табачные магнаты не соглашались принять это требование, вопрос о договоре был передан на рассмотрение Центральной арбитражной комиссии при Дирекции труда. Как обычно, последняя встала на защиту интересов предпринимателей. Начались бесконечные переговоры и проволочки и, наконец, вопрос о договоре был передан на арбитражное решение Совета министров.

По мере приближения нового сезона обработки табака и открытия табачных предприятий брожение среди рабочих все более росло. В этой обстановке ЦК БРП и Центральная профсоюзная комиссия приступили к непосредственной подготовке забастовки. В конце марта 1940 г. Центральный комитет Рабочей партии направил всем партийным организациям письмо, в котором указывались конкретные методы ведения борьбы с целью заставить правительство принять требования рабочих. Членам партии вменялось в обязанность перенести работу по подготовке забастовки на предприятия, фабрики и табачные склады, а затем — и в клубы БРС, вопреки противодействию официального руководства Союза. Проводя в жизнь эти указания партийного руководства, коммунисты сумели добиться фактической легализации борьбы и вовлечения в нее самых широких масс рабочих.

При участии представителя Центральной профсоюзной комиссии Бориса Благоева весной 1940 г. близ Пловдива состоялась нелегальная конференция актива табачников, на которой были намечены конкретные мероприятия по подготовке забастовки и выделены коммунисты, ответственные за эту работу на каждом предприятии [113]. В Софии, Пловдиве, Хаскове, Дупнице и других центрах табачной промышленности продолжалась волна собраний табачников, на которых еще более энергично выдвигались справедливые требования рабочих и демонстрировалась их готовность к борьбе.

К середине мая, после так называемого «мертвого сезона», стали открываться табачные склады Пловдива, а к началу июня — Софии, Асеновграда, Дупницы, Хаскова и других городов. Несмотря на требования рабочих, обработка табака на них возобновилась на старых условиях. С первой же получки были удержаны налоги, причем дорожный налог, который до апреля 1940 г. платили только рабочие, теперь стал взиматься и с работниц. Это еще более накалило обстановку. В целях проверки боеспособности рабочих по инициативе пловдивского окружного комитета Рабочей партии на ряде табачных складов Пловдива в первой

[112] Там же, л. 25.
[113] М. Ерелийска. Указ. соч., стр. 62.

inslav

половине июня были проведены частичные и кратковременные стачки. 1 июня была прекращена работа на складах фирмы братьев Мосиновых, 8 июня — фирмы «Холтаб», 15 июня — фирмы «Маргисо-Алкалий» и др.[114]

Стремясь предотвратить надвигавшуюся стачечную борьбу, правительство выступило 15 июня с сообщением о том, что оно приняло ожидавшееся решение по коллективному трудовому договору для предприятий табачной промышленности. В нем предусматривалось увеличение на 4 лева заработной платы рабочих — мужчин, занятых на операции «тонга», причем это касалось только рабочих первого района, в который входили города София, Пловдив и Хасково. Если при этом учесть, что $^3/_4$ рабочих табачной промышленности составляли женщины, а из мужчин на механической обработке табака — операции «тонга», была занята лишь незначительная часть, то становится ясным, что это мизерное увеличение заработной платы относилось к крайне ограниченному числу табачников. Фактически решение правительства означало полный отказ от удовлетворения требований рабочих.

15—16 июня по решению ЦК БРП в районе с. Куклен Асеновградской околии была созвана национальная конференция руководящего актива рабочих табачной промышленности, которая заслушала доклады с мест и приняла решение об объявлении всеобщей забастовки табачников[115]. 17 июня на табачных предприятиях Пловдива начались стихийные собрания рабочих, требовавших пересмотра решения правительства. Собрания, на которых избирались складские комиссии и делегации для предъявления властям требований рабочих, продолжались и на следующий день. 19 июня рабочие всех табачных предприятий города организованно прекратили работу. Вот как рисует это событие доклад Дирекции полиции: «19 июня 1940 г. в 11 часов в Пловдиве была объявлена всеобщая забастовка табачников, которая к 13 часам разгорелась и охватила все предприятия. Всего забастовало около 9 тыс. человек — мужчин и женщин. К 13 часам стачечники со всех предприятий собрались в клубе околийского рабочего профсоюза, где из членов предварительно избранных на самих табачных предприятиях складских комиссий был оформлен стачечный комитет в составе 29 рабочих и работниц. Было принято решение направить 8 членов стачечного комитета, секретаря профсоюза и секретаря отраслевого союза табачников к пловдивскому областному директору, чтобы предъявить требования рабочих по коллективному трудовому договору и выразить их недовольство решением Совета министров. Их приняли и выслушали. В 18 часов в зале «Фракийский юнак» состоялось собрание, где обсуждался ход забастовки». Далее в докладе сообщается, что 20 июня делегация стачечного комитета в сопровождении около 2 тыс. рабочих направилась к военной комендатуре. Несмотря на ожесточенное столкновение с полицией, пытавшейся преградить им дорогу, части из них удалось прорваться к помощнику начальника гарнизона полковнику Николаеву, которому они предъявили требование освободить арестованных забастовщиков[116].

Вслед за пловдивскими табачниками поднялись на борьбу рабочие почти всех табачных предприятий страны. 19 июня забастовали табачники Асеновграда, 21 июня — Софии, 24 июня — Дупницы. Полицейские

---

[114] М. Ерелийска. Указ. соч., стр. 64.

[115] В конференции приняли участие представители табачников Пловдива, Хасково, Райково, Асеновграда, Софии, Кырджали, Пештеры, Пазарджика, Борисовграда, Свети Врача, Дупницы и других мест. Представителем ЦК БРП на конференции был Антон Югов, а Центральной профсоюзной комиссии — Борис Благоев (см. М. Ерелийска. Указ. соч., стр. 65).

[116] ЦДИА, ф. 370, оп. 1, а. е. 780, л. 47.

inslav

донесения отмечают также волнения среди табачников Хаскова, Кырджали и ряда других городов [117].

Примеру табачников последовали рабочие других отраслей промышленного производства, в первую очередь текстильщики. 20 и 21 июня забастовали рабочие пловдивских текстильных фабрик «Балкан», «Селянка», «Пловдив», «Царица», «Български памук», «Тигр», «Баграа», «Звезда», «Н. Тупаров», «Атке». К ним присоединились рабочие фабрик галантерейных изделий «Адроне» и «Пардо», кондитерской фабрики «Авдала», мыловаренной фабрики «Юруков», сахарного завода «Алберт Гарти» и др. Практически бастовали все рабочие города, а также из солидарности с ними многие ремесленники и мелкие торговцы [118]. 22 июня в стачечную борьбу включились рабочие всех текстильных фабрик, расположенных в Княжеве, Подуяне, Четвертом километре (районы Софии) [119]. 24-часовые забастовки имели место на ряде фабрик Сливена [120], начались волнения среди рабочих Плевенской области, в первую очередь — г. Габрово [121]. Забастовка получала все более широкий размах и грозила превратиться во всеобщую. В течение нескольких дней она охватила по всей стране около 20 тыс. табачников, 5 тыс. текстильщиков и примерно такое же число рабочих других отраслей производства [122].

Стачечная борьба болгарского пролетариата не на шутку напугала монархо-фашистское правительство. Отделение «А» Дирекции полиции, докладывая о распространении забастовки, приходило к следующему неутешительному для себя выводу: «Рабочие убеждены в том, что они смогут добиться успеха только путем решительной борьбы, а Рабочая партия, как руководитель движения, повысила свой престиж в их среде» [123]. Министр внутренних дел Петр Габровский в телеграмме, направленной 25 июня Дирекции полиции, а также областным директорам и околийским управителям, с тревогой констатировал, что забастовка табачников имеет тенденцию к распространению и на другие отрасли промышленности, и требовал принятия строгих и решительных мер для предотвращения новых стачек [124].

С первых же дней забастовки полиция предприняла массовые аресты. 20—21 июня 1940 г. в Пловдиве было арестовано свыше 80 рабочих активистов, в том числе несколько членов окружного комитета Рабочей партии во главе с его секретарем Петром Ченгеловым. Под сильной полицейской охраной они были отправлены в ссылку в захолустные районы Котела, Момчилграда и Златограда [125]. 25 июня туда же было сослано еще 150 пловдивских рабочих [126]. 24 июня, когда началась забастовка 1900 табачников г. Дупницы, там было схвачено около

[117] Там же, лл. 43—47. Подробнее о ходе забастовки в Асеновграде, Софии, Дупнице, а также о подготовке забастовки хасковских табачников см.: М. Ерелийска. Указ. соч., стр. 72—79.

[118] М. Ерелийска. Указ. соч., стр. 71.

[119] «На предни линии Спомени и очерци из историята на женското социалистическо движение в България», София, 1960, стр. 445. В Софии бастовали рабочие следующих 14 текстильных фабрик: «Котва», «Финтекс», «Семержиев и К°», «Рила», «О бон гу», «България», «Лондон», «Българска коприна», «Люлин», «Първа българска кадифена фабрика», «Българска копринена фабрика», «Розанес», «Виктория», «Пепеде» (см. В. Хаджиниколов и др. Стачните борби на работническата класа в България, стр. 543).

[120] ЦДИА, ф. 370, оп. 1, а. е. 780, л. 46.

[121] Там же, л. 45.

[122] «Работническо дело», № 8, VII 1940.

[123] ЦДИА, ф. 370, оп. 1, а. е. 780, л. 43.

[124] Там же, а. е. 780а, л. 1.

[125] М. Ерелийска. Указ. соч., стр. 70.

[126] В. Хаджиниколов и др. Стачните борби на работническата класа в България, стр. 544.

inslav

20 «подстрекателей», из коих сначала 14, а затем еще 5 были сосланы на шестимесячный срок в отдаленные районы страны [127]. В тот же день начались массовые аресты участников стачек в Софии. Среди арестованных оказалось 150 работниц табачных и текстильных фабрик, в том числе 30 молодых работниц с фабрики «България». Часть задержанных полицией активисток — комсомолки Лиляна Димитрова, Златка Черноколева, Дими Паламарова, Ольга Хранова, Гена Петрова и ряд других — несколько дней спустя были отправлены по этапу в концентрационный лагерь [128]. Полицейские власти повсеместно издали распоряжения о запрещении сходок и собраний.

Наконец, правительство прибегло к беспрецедентной и чрезвычайной мере. 24 июня оно приняло упоминавшееся выше постановление № 1814 о незамедлительном введении в действие закона о гражданской мобилизации, мотивируя эту меру необходимостью помешать «злонамеренным лицам чинить препятствия нормальному ходу дел путем внесения разъединения и сотрясений в экономическую жизнь...». «В связи с этим,— говорилось в постановлении Совета министров,— так как забастовка запрещена законом и вредно отражается на государственной и общественной жизни и так как подстрекательство к забастовке и сама забастовка являются самым худшим предательством..., Совет министров на сегодняшнем своем заседании решил объявить гражданскую мобилизацию всех промышленных предприятий, так же как и занятых на них рабочих, работниц и служащих». Далее в постановлении говорилось, что впредь до особого распоряжения заработная плата всех граждански мобилизованных останется такой, какой она была на 15 июня 1940 г., и что под страхом применения к ним строгих санкций закона о гражданской мобилизации они не имеют права оставлять работу [129]. В связи с этим министр торговли, промышленности и труда издал распоряжение о составлении списков всех не подчинившихся постановлению Совета министров и о применении к ним соответствующих мер наказания [130].

Не подлежало сомнению, что этими террористическими мерами правительство стремилось сковать боевой дух рабочих и любой ценой задушить справедливую борьбу за их жизненные интересы. В этом фактически признался и министр внутренних дел Габровский, недвусмысленно заявивший журналистам, что единственной причиной объявления гражданской мобилизации на промышленных предприятиях была необходимость устранить «нарушения народного единства», каковыми явились забастовки рабочих Пловдива и Софии [131].

При создавшейся обстановке, по рекомендации ряда членов Центральной профсоюзной комиссии, стачечный комитет в Пловдиве принял решение об организованном прекращении забастовки, хотя основная масса рабочих по-прежнему сохраняла высокий боевой дух и выказывала готовность продолжать борьбу. «В отношении прекращения забастовки,— писала некоторое время спустя газета «Работническо дело»,— в качестве положительного момента следует указать на организованность,

[127] ЦДИА, ф. 370, оп. 1, а. е. 780, лл. 43, 56.

[128] «На предни линии. Спомени и очерци из историята на женското социалистическо движение в България», стр. 446. Из Софии многие из арестованных были отправлены на принудительные работы в специальном лагере в районе с. Рибарица Тетевенской околии. В полицейском донесении за июль 1940 г. отмечалось, что софийские рабочие, находившиеся в рибарицком лагере, проявляли сильное недовольство тем, что их заставляют работать в нечеловеческих условиях и при плохом питании, отчего многие заболели (ЦДИА, ф. 370, оп. 1, а. е. 780, л. 54).

[129] «Държавен вестник» № 139 — притурка от 24.VI 1940; «Слово», 24.VI 1940, № 5386.

[130] «Слово», 26.VI 1940, № 5388.

[131] «Слово», 27.VI 1940, № 5389.

inslav

с которой оно было проведено. При этом исходили из мысли, что, поскольку шансы на успешный исход стали минимальными, лучше прекратить борьбу организованно и дружно, чем допустить, чтобы стачку разбивали и подавляли по частям». Вместе с тем центральный орган Рабочей партии указывал, что в некоторых случаях (например, в Пловдиве) была проявлена известная недооценка силы сопротивления рабочего класса, что привело к прекращению забастовки еще до того, как были исчерпаны все возможности. «Объявление гражданской мобилизации, действительно, изменило характер забастовки, привнесло новые трудности и осложнения в борьбу и могло поколебать более слабые и неустойчивые элементы. С другой стороны, массовые аресты, произведенные среди членов стачечных комитетов и среди нашего актива, сильно затрудняли руководство борьбой. Но фактом является то, что на ряде предприятий забастовка продолжалась и в течение одного-двух дней после мобилизации, несмотря на угрозы применения тяжелых санкций закона, а на некоторых предприятиях забастовка началась уже после мобилизации, в знак протеста против нее. Судя по всему, настроение основной массы пловдивских табачников делало возможным продолжение забастовки и после объявления гражданской мобилизации. Пловдивские товарищи, очевидно, неточно оценили положение и приняли решение, не проверив предварительно настроение стачечников и действуя через их голову» [132].

Несмотря на эти и некоторые другие недостатки [133], июньская забастовка 1940 г., подготовленная и проведенная под руководством Рабочей партии и ее профсоюзного актива, сыграла большую роль в героической борьбе болгарского рабочего класса за улучшение своего положения и заняла видное место в его истории.

Хотя рабочие оказались вынужденными возобновить работу, не добившись формального удовлетворения своих требований, их борьба не была безрезультатной. Напуганное подъемом рабочего движения, правительство, заявившее в начале, что не пойдет ни на какие уступки в отношении заработной платы, уже вскоре после подавления июньской стачки было вынуждено частично удовлетворить требования рабочих. Оно санкционировало новый коллективный трудовой договор, согласно которому заработная плата табачников была увеличена примерно на 10%. Вслед за этим было принято постановление Совета министров об увеличении с 1 августа 1940 г. на 15% заработной платы всех промышленных рабочих. С 5 октября такое же повышение заработной платы было предоставлено рабочим большинства отраслей ремесленного производства. Июньская стачка явилась основной причиной, заставившей правительство пойти и на некоторые другие уступки рабочим — сокращение выплаты страховых взносов для получения права на пособие по безработице с 52 до 32 недель на протяжении двух лет, непосредственно предшествующих дню принудительного увольнения, увеличение суммы пособия, предоставление двухнедельных оплачиваемых отпусков и др.

Как указывала газета «Работническо дело» [134], июньская забастовка внушительно продемонстрировала, какую огромную силу представляет сплоченная и единодушная борьба рабочего класса. Она нанесла удар

[132] «Работническо дело», № 12, X 1940. Об этом же писал впоследствии и Георгий Вангелов, один из членов второго состава стачечного комитета, образованного после ареста членов первого состава: «Мы собрались, чтобы решить вопрос о том, как быть дальше: продолжать ли забастовку или нет. Мы тогда допустили ошибку, поспешив с прекращением стачки. Мы неправильно оценили боевое настроение стачечников» (см. Г. Вангелов. Из борбите на тютюноработниците. София, 1946, стр. 10).

[133] Эти недостатки были подвергнуты детальному анализу в статье «Уроки июньской стачки», опубликованной в № 12 газеты «Работническо дело» за октябрь 1940 г.

[134] «Работническо дело», № 11, X 1940.

inslav

по монархо-фашистской власти, которая воображала, что своими реакционными, антирабочими законами и при помощи своей агентуры в БРС ей удалось подчинить рабочий класс, чтобы безнаказанно усиливать его эксплуатацию и ограбление. Стачка показала всю лживость распространявшихся правящими монархо-фашистскими кругами и фашизированным официальным руководством БРС мифов о «социальном мире», «примирении» классов и «затухании» классовой борьбы. Свирепые меры правительства против стачечников превратили забастовку из экономической в политическую, направленную не только против табачных и других промышленных магнатов, но и против всего режима угнетения, эксплуатации и политического авантюризма. Использование закона о гражданской мобилизации для спасения прибылей капиталистов показало его настоящий реакционный характер, а штрейкбрехерская позиция официального руководства БРС еще более разоблачила его в глазах рабочих.

В ходе стачечной борьбы усилилось единство действий рабочих, возросли их классовое самосознание и политическая зрелость, их солидарность в борьбе против капиталистического произвола и реакции. Боевой дух и решимость стачечников не были сломлены и после прекращения забастовки. Рабочие возвращались на предприятия без уныния и растерянности, с сознанием своей силы.

Следует, однако, сказать, что выполнение и названных выше частичных вынужденных уступок, которые могли лишь немного облегчить резко ухудшившееся положение рабочих, всячески саботировалось капиталистами. Даже в конце октября 1940 г. на заседании Народного собрания один из депутатов, Петр Митев, говорил: «Надо признать, что нет увеличения заработной платы, что фабриканты, хозяева саботируют постановление Совета министров и лишь очень немногие из них повысили заработную плату на 15%. Есть хозяева, которые выгоняют с работы или заменяют своих более высокооплачиваемых рабочих более дешевыми...[135].

Официальные власти не могли скрыть того очевидного факта, что капиталисты систематически нарушали и то урезанное трудовое законодательство, которое существовало в стране, нарушали ими же самими подписанные трудовые договоры и решения арбитражных комиссий. Так, в рапорте одного агента тайной полиции в г. Плевене от 28 октября 1940 г. сообщалось о сильном брожении среди рабочих города и их недовольстве произволом предпринимателей. «Рабочие предприятий резиновой промышленности,— писал этот агент,— протестуют против их увольнения не взирая на то, что согласно закону о гражданской мобилизации они объявлены мобилизованными и предприниматели не имели права их увольнять и выбрасывать на улицу на пороге зимы. Протестуют также рабочие фабрики «Българка» против их увольнения с 29 октября без предварительного уведомления за 15 дней, как того требует закон, а также рабочие фабрики «Електра», которых заставляют работать и в праздничные дни без дополнительной оплаты за сверхурочную работу»[136]. Администрация текстильной фабрики акционерного общества «Петр К. Балевски» в г. Трояне в течение ряда месяцев 1940 г. вместо регулярной выдачи зарплаты выплачивала своим рабочим лишь авансы от 50 до 100 левов в неделю на человека[137]. Такие же порядки существовали и на фабрике «Лев», вырабатывавшей керамические изделия[138]. Еще большие злоупотребления допускались на фабрике керамических изделий «Изида» на станции Новоселци, где было занято 250 рабочих.

[135] «Стенографски дневници на XXV ОНС, II р. с.», кн. I, стр. 68.
[136] Окръжен държавен архив — Плевен, ф. 62, оп. 1, а. е. 186, л. 1.
[137] ЦДИА, ф. 370, оп. 1, а. е. 758, л. 191.
[138] ЦДИА, ф. 231, оп. 3, а. е. 33 б. л. 4.

inslav

Здесь хозяин систематически задерживал на длительные сроки выдачу не только зарплаты, но и авансов. За июль 1940 г. он недоплатил рабочим 185 тыс. левов[139], за октябрь — 150,5 тыс., за ноябрь — 340,9 тыс. левов[140]. Кроме того, на протяжении всего 1940 г. предприниматель не выдавал страховых марок для их наклейки в рабочих книжках, что лишало рабочих медицинской и другой помощи системы социального обеспечения и страхования. На фабрике не соблюдался восьмичасовой рабочий день, производились произвольные увольнения рабочих на неопределенный срок часто без выплаты всей следуемой им заработной платы за проработанное время, допускались и другие беззакония[141].

В письме, направленном в феврале 1941 г. ряду правительственных инстанций, рабочие химических заводов Чилова на станции Костинброд сообщали, что они на протяжении нескольких лет работают двумя сменами по 12 часов: 15 дней в месяц в дневной и 15 дней — в ночной смене. За 12-часовой рабочий день они во всех случаях получают 60 левов, в то время как норма за 8-часовую работу составляет 40 левов и по закону полагается 25-процентная надбавка за сверхурочную работу и 50-процентная за ночную работу. За работу в праздничные дни также не выплачивают никакой надбавки. «Никто,— говорилось в письме,— не смеет сказать ни слова протеста, ибо знает, что за это последует незамедлительное увольнение. Так, наш товарищ Варадин Тасков с маслодобывающего завода, который заикнулся о дополнительной плате за сверхурочные часы работы, был обвинен в бунтарстве, в нарушении закона о гражданской мобилизации и сразу же уволен. Вместе с ним уволили и его жену Славку, работницу мыловаренного завода, которой сказали, что она страдает из-за своего мужа». Большой произвол и сверхэксплуатация на заводах Чилова допускались с аккордными заданиями. Например, за погрузку или разгрузку целого вагона платили 100 левов. Это составляло от 12 до максимум 35 левов на одного рабочего за 12-часовой труд. Чтобы избежать полагающегося по закону увеличения зарплаты за выслугу лет, администрация прибегала к увольнению старых рабочих в принудительный 12-месячный отпуск, после чего вновь принимала их на работу, как новых, по пониженному тарифу. В письме указывалось и на ряд других злоупотреблений и издевательств над рабочими заводов Чилова[142]. Газета «Заря» сообщала в июле 1940 г., что в окрестностях Софии, в частности в селе Дырвеница, хозяева предприятий, занимающихся сбором и консервированием фруктов и ягод, избегают пользоваться трудом взрослых рабочих и жестоко эксплуатируют детский труд. Несмотря на то, что применение труда малолетних было запрещено законом, на этих предприятиях дети работали по 12 часов, получая всего 15 левов в день[143]. Та же газета в номере от 20 августа 1940 г. описывала условия работы на текстильной фабрике «Фортуна», где было занято более 800 рабочих. Здесь дневная заработная плата была на 10 левов ниже минимума, установленного законом. Так, рабочие, проработавшие 3—4 года, получали в день 35—38 левов, и лишь заработок помощников мастеров доходил до 60 левов. Опять-таки в нарушение закона на фабрике «Фортуна» не были введены оплачиваемые отпуска. Далее газета указывала на ряд других фактов произвола и злоупотреблений хозяев, а также на крайне тяжелые и негигиенические условия труда, результатом которых был высокий процент травм среди

[139] Там же, а. е. 33-а, л. 147.
[140] Там же, а. е. 33, л. 25.
[141] ЦДИА, ф. 231, а. е. 33, лл. 73, 111 и др.
[142] ЦДИА, ф. 173, оп. 6, а. е. 1727, лл. 143, 144. На заводах Чилова в Костинброде в июне 1940 г. было занято 556 рабочих (ЦДИА, ф. 231, оп. 3, а. е. 33-б, л. 96).
[143] «Заря», 14.VII 1940.

inslav

занятого персонала. В частности, она приводила пример, когда один из рабочих, доведенный до крайней степени истощения и усталости в результате систематического ежедневного 16-часового труда, получил серьезное увечье (потерял руку), а хозяин заявил, что рабочий сам виноват в этом [144].

Приведенные примеры беззастенчивой эксплуатации и произвола на капиталистических предприятиях свидетельствуют о том, что даже те незначительные уступки, на которые капиталистическому государству приходилось идти в результате упорной борьбы рабочих, носили зачастую чисто формальный характер. Рабочие были вынуждены вести непрерывную напряженную борьбу за человеческие условия труда и элементарные средства к существованию.

Капиталистический произвол сопровождался выдвижением со стороны предпринимателей все более наглых требований отмены трудового законодательства. Например, в резолюции 45-й сессии Варненской торгово-промышленной палаты, состоявшейся в 1940 г., был включен специальный пункт, направленный против якобы «чрезмерного» социального законодательства и восьмичасового рабочего дня [145]. Характерно, что всего несколько месяцев после июньской стачки нашлись даже депутаты, которые с трибуны Народного собрания открыто выступили против сделанных уступок рабочим. Так, 18 марта 1941 г. правительственный депутат Никола Минков в реплике оппозиционному депутату Косте Божилову сказал: «Это была ошибка правительства, что вследствие стачки была сделана уступка. В сущности, не надо было уступать» [145а]. В тот же день, поднявшись на трибуну, он заявил: «Мы ни в коем случае не должны и не будем делать никаких уступок тем, кто хочет путем подстрекательства, бунтов, политических выступлений и путем стачек предъявлять требования, касающиеся трудового законодательства» [145б]. Монархо-фашистское правительство охотно шло навстречу пожеланиям капиталистов. 21 ноября 1940 г. царь Борис подписал указ № 79, в силу которого «на некоторых предприятиях, заведениях или видах работы», по определению министра торговли, промышленности и труда, официально разрешалось увеличение продолжительности рабочего дня взрослых рабочих и работниц до 10 часов, а в опасных для здоровья и жизни рабочих производствах и на ночной работе — до 8 часов. Этим же указом узаконивалось использование женщин на ночных работах [146].

После июньской забастовки еще более усилился режим террора и полицейской слежки за рабочими. Организация полицейско-разведывательной службы на предприятиях производилась по указанию из центра

---

[144] «Заря», 20.VIII 1940.

[145] Советуя правительству поучиться у других государств, которые подходят к вопросам труда «с большой осторожностью и воздержанностью», авторы резолюций требовали «положить конец превращению нашего слабого хозяйственного организма в экспериментальный объект для международных трудовых рекомендаций, предоставив это более сильным в экономическом отношении державам». В резолюции выдвигались требования уменьшить обязательства предпринимателей по отношению к рабочим, сделав их «более реальными и терпимыми» для первых, расширить отступления от существующего «шаблонного и строгого» применения 8-часового рабочего дня, предоставив предпринимателям в течение более длительных сроков — на квартал или полугодие — право увеличивать рабочую неделю и т. п. (Окръжен държавен архив — Русе, ф. 8, оп. 2, а. е. 81, л. 7).

[145а] «Стенографски дневници на XXV ОНС, II р. с.», кн. IV. София, 1941, стр. 1741.

[145] Там же, стр. 1777.

[146] ЦДИА, ф. 231, оп. 3, а. е. 33-е, л. 4. Представляя на подпись царю текст этого указа, министр торговли, промышленности и труда мотивировал свое предложение «особыми обстоятельствами, перед которыми поставлено ныне народное хозяйство, вследствие чего некоторым отраслям промышленности не удается выполнять в срок государственные наряды или обязательства перед заграницей» (там же, л. 3).

inslav

по всей стране, причем в этом деле немалое содействие полицейским органам оказывала верхушка Болгарского рабочего союза. На созванном 11 июля 1940 г. в Софии специальном совещании с участием представителей Дирекции полиции, Дирекции профессий и секретаря Болгарского рабочего союза Ивана Димитрова был подробно обсужден вопрос о борьбе с «левыми» настроениями в казенных профсоюзах и вообще на производстве и, в частности, вопрос об организации сети «доверенных лиц». На совещании было решено, что эти «доверенные лица», которые должны быть «стабилизированы на работе, предпочтены и облагодетельствованы», могут быть уволены с предприятия лишь с согласия разведывательной службы при центральном правлении БРС, долженствовавшей согласовывать все вопросы непосредственно с органами Отдела государственной безопасности при Дирекции полиции и с органами Дирекции профессий. Отделу государственной безопасности при Дирекции полиции вменялось в обязанность проинструктировать подчиненные ему органы в провинциальных областных центрах насчет оказания помощи лицам, на которые разведывательная служба при БРС возложит задачу по организации разведывательной сети на предприятиях. Руководство этой разведывательной службы должно было делать периодические доклады о положении и экстренные специальные доклады в случае получения сведений о подготовке каких-либо выступлений рабочих[147].

Вводившийся на производстве по существу казарменный режим и усиление полицейских преследований не могли, однако, приостановить борьбу трудящихся масс, успехи которых в борьбе за повышение номинальной заработной платы были вскоре сведены на нет дальнейшим инфляционным повышением цен.

На протяжении целого года после июньской забастовки 1940 г., явившейся наиболее массовой и напряженной классовой битвой, несмотря на тяжелые условия борьбы, то тут, то там вспыхивали стачки рабочих, направленные против произвола капиталистов и несоблюдения ими условий коллективных трудовых договоров, с требованием увеличения заработной платы в соответствии с ростом прожиточного минимума и т. п.[148]

Боевые выступления рабочего класса способствовали оживлению движения крестьянских масс и мелкой городской буржуазии, требовавших принятия решительных мер против разнузданной спекуляции и злоупотреблений со стороны торгово-промышленного и спекулятивного капитала, отсрочки погашения возросших долгов, уменьшения ссудных процентов, снижения налогов и т. п.

Одной из форм этого движения явились проходившие в конце 1940 г. под знаком борьбы против произвола немецких и болгарских табачных магнатов многолюдные слеты крестьян-табаководов. На состоявшейся 8 ноября 1940 г. конференции производителей табака Пловдивской области собралось свыше 10 тыс. крестьян, и она фактически превратилась в слет крестьян-табаководов всей страны. Конференция потребовала учреждения государственной табачной монополии при участии представителей крестьян-табаководов, увеличения закупочных цен на табак в соответствии с удорожанием жизни, снижения налогов, предоставления крестьянам дешевого кредита и т. п. Характерным требованием, зафиксированным в резолюции конференции, было требование мира и нейтралитета страны[149]. Конференция табаководов Брацигова,

[147] Окръжен държавен архив — Враца, ф. 89, оп. 2, а. е. 8, л. 378.

[148] ЦДИА, ф. 370, оп. 1, а. е. 780, лл. 54, 76, 94, 104, 106 и др.; ф. 231, оп. 3, а. е. 33 а, л. 65 и др.

[149] ЦДИА, ф. 173, оп. 6, а. е. 1515, л. 58; см. также «Известия на държавните архиви», № 4, 1960, стр. 111—113, док. № 4.

inslav

состоявшаяся 15 декабря, наряду с другими требованиями выдвинула требование расширения торговли табаком с Советским Союзом[150]. 21 декабря состоялся пятитысячный собор табаководов в г. Дупнице, выступивший с аналогичными требованиями.

Стачечная борьба болгарских рабочих, движение крестьян-табаководов, виноградарей и других способствовали общему повышению боевого духа трудящихся масс. Эта борьба сыграла важную роль в налаживании и укреплении союза рабочего класса и трудового крестьянства. Касаясь результатов и значения июньской забастовки 1940 года, VII расширенный пленум ЦК БРП (январь 1941 г.) подчеркивал, что «добившись известных частичных завоеваний не только для бастовавших, но и для рабочих и служащих всех других отраслей и профессий, она оказала и громадное политическое влияние во всей стране, ободрив и вдохновив на борьбу и другие слои трудящихся страны»[151].

* * *

Экономическая борьба болгарских трудящихся тесно переплеталась с их борьбой за политические права и свободы, с движением против вовлечения Болгарии в империалистическую войну, за мир и нейтралитет, опирающийся на дружбу с Советским Союзом. Она была связана с общей борьбой болгарского народа за национальные интересы своей страны.

Начавшаяся вторая мировая война отразилась не только на экономической жизни Болгарии. Она неизбежно оказывала свое влияние и на расстановку классовых и политических сил внутри страны.

Известная перестановка сил произошла в правительственном лагере, где происходила борьба между различными группировками. От него фактически отпали элементы, которые англо-французским империалистам удалось привлечь на свою сторону (группа Стойчо Мошанова, сторонники Иосифа Робева, часть бывших последователей партии народняков). В противовес этому на сторону правительства перешли некоторые новые силы (либералы Христо Статева, сторонники бывшего «Народного сговора» во главе с Христо Калфовым и генералом Русевым, ратники)[152]. Благодаря демагогии Багрянова[153] в правительственный лагерь перешли также некоторые бывшие деятели Земледельческого союза, ведшие за собой часть наиболее зажиточных слоев крестьянства.

Сторонники правительственного лагеря больше, чем когда-либо раньше, придерживались германофильской ориентации. При этом они ловко использовали в своей пропаганде сложившуюся к началу войны международную обстановку. Как известно, в первые месяцы войны развертывание военных действий на Балканах не являлось непосредственной целью фашистской Германии. Балканские страны и в первую очередь Болгария служили ей базой снабжения продовольствием и сырьем и она

---

[150] ЦДИА, ф. 173, оп. 6, а. е. 1077, л. 410; «Известия на държавните архиви», № 4, 1960, стр. 116, док. № 6.

[151] «Българската комунистическа партия в резолюции и решения...», т. III (1924—1944), стр. 375.

[152] Централен партиен архив, ф. 1, оп. 4, а. е. 53, л. 24.

[153] Иван Багрянов — министр земледелия в последних двух кабинетах Георгия Кьосеиванова (с 14 ноября 1938 г. по 15 февраля 1940 г.) и в первом кабинете Богдана Филова (с 15 февраля 1940 г. по 4 февраля 1941 г.). Ярый демагог и авантюрист, носившийся с проектами «трансформации» сельского хозяйства, Багрянов пытался голыми обещаниями привлечь болгарских крестьян на сторону фашистской власти и создать ей массовую базу в деревне. Многочисленные законы, распоряжения и другие мероприятия, проводившиеся с этой целью, являлись фактически продолжением прежней политики болгарской буржуазии, направленной на стимулирование капиталистических элементов в деревне и ограбление трудового крестьянства. Позже (с 1 июня по 2 сентября 1944 г.) Багрянов возглавил предпоследнее правительство капиталистической Болгарии.

inslav

на первых порах сосредоточивала свои усилия здесь на форсировании их экономической эксплуатации. Кроме того, определенную роль в сдерживании военной экспансии германского империализма на юго-востоке Европы играло наличие советско-германского договора от 23 августа 1939 г. В то же время англо-французский империалистический блок, исходивший из возможности того, что решающие события войны разыграются не на западном фронте, а на Балканах и Ближнем Востоке, все более активизировал непосредственную подготовку к превращению этих районов в свой военный плацдарм. Реальная угроза военной агрессии со стороны англо-французского блока облегчала правящим кругам Болгарии возможность, оставаясь на германофильских позициях, изображать себя сторонниками мира и нейтралитета, а подчас даже спекулировать и на временном улучшении отношений с Советским Союзом [154].

Одним из результатов новой перегруппировки сил, вызванной в значительной мере внешнеполитическими моментами, а также усилением классовых противоречий в стране, явился распад складывавшегося накануне войны Народного фронта. Руководители буржуазной так называемой демократической оппозиции — Н. Мушанов, А. Буров, В. Димов, Д. Гичев, К. Пастухов и другие,— которые и прежде своими постоянными колебаниями, половинчатостью, а порой и прямым саботажем всячески препятствовали развертыванию движения народного фронта и превращению его в подлинно всенародное массовое движение, теперь открыто порвали с ним. Являясь по существу агентурой англо-французского империалистического блока, вопреки воле подавляющего большинства болгарского народа, выступавшего за мир и нейтралитет страны, они сосредоточили свои усилия на вовлечении Болгарии в войну на стороне Англии и Франции.

В противовес империалистической агентуре обоих направлений выступили подлинно прогрессивные демократические силы страны, возглавляемые коммунистами. Новая обстановка, характеризовавшаяся наличием непосредственной опасности втягивания Болгарии в империалистическую войну, возросшей ролью и притягательной силой Советского Союза, а также ухудшением материального положения и активизацией борьбы трудящихся масс, потребовала внесения изменений в тактику Рабочей партии. Ее усилия были направлены на максимальную мобилизацию демократических сил и объединение их в единый фронт трудящихся для борьбы против войны, за дружбу и взаимную помощь с СССР, в защиту жизненных интересов трудового народа.

Результаты изменившейся расстановки политических сил проявились на выборах в Народное собрание в начале 1940 г.

Желая добиться еще более послушного и безропотного парламента, правящая монархо-фашистская клика досрочно, еще 24 октября 1939 г., после очередной реконструкции кабинета Кьосеиванова [155] распустила XXIV Обыкновенное народное собрание, в котором насчитывалось

[154] Подробнее о внешнеполитической стороне вопроса см. в нашей статье «Из истории Болгарии накануне и в начале второй мировой войны» («Ученые записки Института славяноведения», т. XX, М., 1960).

[155] Правительственный кризис, продолжавшийся с 19 по 23 октября 1939 г., закончился образованием нового, седьмого по счету, кабинета Кьосеиванова. В него вошли четыре новых министра: В. Митаков (министр юстиции), Д. Василев (министр благоустройства), П. Габровский (министр железных дорог) и С. Загоров (министр торговли). Назначение этих германофилов и оставление на своих постах таких министров старого кабинета, как Б. Филов, Д. Божилов, И. Багрянов, было гарантией того, что новое правительство с еще большим усердием будет придерживаться ориентации на гитлеровскую Германию. Указ об изменениях в составе правительства, о роспуске старого и проведении выборов в новое Народное собрание, оказавшееся последним парламентом капиталистической Болгарии, были опубликованы в приложении к «Държавен вестник», № 238 от 24 октября 1939 г.

inslav

несколько десятков оппозиционеров. Выборы в новое XXV Обыкновенное народное собрание были произведены по разным областям в разные сроки, с 24 декабря 1939 г. по 28 января 1940 г. Как обычно при фашистском режиме, они проходили в обстановке полицейского террора, насилия и фальсификаций. Выдвижение кандидатур было обусловлено целым рядом трудно выполнимых условий, а в восьми избирательных округах, где было зарегистрировано только по одному кандидату, последний прямо провозглашался депутатом. В указанных восьми округах без проведения выборов правительство от имени 264 тыс. избирателей объявило об избрании восьми правительственных депутатов.

Совершенно очевидно, что в этих условиях результаты выборов не могли отразить истинную волю и настроение избирателей. Тем не менее, некоторые итоги выборов были весьма симптоматичными.

Прежде всего выявилась полная несостоятельность буржуазной оппозиции. Сторонники бывшей «пятерки» и других группировок буржуазной оппозиции, лидеры которых пытались консолидировать свои силы в новый политический центр, ориентировавшийся на Францию и Англию и едва прикрывавший свое антисоветское нутро, потерпели сокрушительное поражение. Мелкобуржуазные Земледельческий союз и социал-демократическая партия фактически распались на три части. В то время как основная масса их сторонников встала под знамя единого фронта труда вместе с Рабочей партией, другая часть, обманутая демагогией Багрянова, примкнула к правительственному лагерю, а третья, во главе с Вергилом Димовым и Крыстю Пастуховым [156], присоединилась к буржуазной оппозиции и разделила ее участь. Фактически избирательная борьба велась между двумя основными силами: буржуазией, которая в своем большинстве сгруппировалась вокруг правительства Кьосеиванова, и единым фронтом труда во главе с Рабочей партией.

В итоге выборов, благодаря беззастенчивой демагогии [157], полицейскому террору и избирательным мошенничествам, правительству удалось получить 58% голосов и 140 мандатов. Несмотря на всевозможные ухищрения и репрессии, направленные в первую очередь против коммунистов, трудовая оппозиция (единый фронт труда) завоевала 28% голосов (за нее голосовало около 600 тыс. избирателей) и 16 депутатских мандатов. Стремясь нанести поражение реакции и обеспечить единство действий демократических сил, Рабочая партия оказала на выборах поддержку тем буржуазно-демократическим кандидатам, которые искренне выступали за демократические свободы, сохранение и обеспечение мира, нейтралитета и национальной независимости страны. Так благодаря единому фронту труда в парламент прошел деятель политического кружка «Звено» Петко Стайнов. Англофилам удалось провести в Народное собрание, да и то с большим трудом, лишь одного своего кандидата — Николу Мушанова. Сторонники Цанкова получили два мандата. В общей сложности буржуазная оппозиция (бывшая «пятерка», сторонники

[156] Крыстю Пастухов, пытавшийся выступать с антисоветскими речами, встретил решительный отпор со стороны избирателей и был вынужден снять свою кандидатуру.

[157] Многие правительственные кандидаты, помимо социальной демагогии, спекулировали и на том, что изображали себя сторонниками нейтралитета и дружественных отношений с СССР. Так, например, правительственный кандидат в г. Луковите Петр Думанов говорил: «Что касается внешней политики,— она может быть только одной: мир и нейтралитет, но нейтралитет, опирающийся на Советский Союз и под его покровительством. Государственный деятель, который ныне выступает против этой политики, заслуживает быть повешенным на первом же телеграфном столбе. Смерть английскому и французскому империализму, поджигателю новой мировой войны». Наряду с этим он не скупился на широковещательные обещания: добиваться земли для безземельных крестьян, введения прогрессивно-подоходного налога, доступного широким массам образования и т. п. («Работническо дело», № 3, III 1940).

inslav

В. Димова, правое большинство приверженцев политического кружка «Звено», цанковисты и другие) получила 14% голосов [158]. В новом составе Народного собрания правительству фашистской диктатуры удалось получить количественно более значительное большинство, чем в предшествовавшем парламенте, и несколько укрепить свои позиции за счет буржуазной оппозиции. Но правительственное большинство не было однородным и единым. Газета «Работническо дело», анализируя итоги выборов, подчеркивала, что вряд ли можно считать укрепление позиций фашизма в парламенте прочным. «Разногласия и противоречия в буржуазном лагере не преодолены, а лишь перенесены внутрь правительственного большинства» [159],— писала газета.

Уже с самого начала в среде правительственного большинства наметился целый ряд соперничавших друг с другом группировок, которые отражали интересы различных слоев буржуазии и боролись за получение наибольших выгод, связанных с нахождением у власти. Главными из них на первых порах были группа Кьосеиванова-Недева и группа Багрянова, между которыми шла борьба не только в Народном собрании, но еще в ходе избирательной кампании, а также в составе самого правительства. В то время как группа Кьосеиванова рассчитывала в этой борьбе прежде всего на послушный ей доселе правительственный аппарат, Багрянов использовал безудержную и беспринципную демагогию, выступая с особенно острыми нападками на экономическую политику Кьосеиванова и всячески заигрывая с зажиточными слоями деревни. Существовали также группа правительственных депутатов во главе с Калфовым, группа «Молодая Болгария» и др.

На первых же заседаниях вновь избранного парламента внутри правительственного большинства начались трения. Это проявилось, в частности, во время прений по проекту ответа на тронную речь царя и при выборах бюро Народного собрания. Например, против правительственного кандидата на пост председателя Собрания Николы Логофетова наряду с оппозицией голосовали 19 правительственных депутатов, и он собрал лишь 121 голос. При выборе заместителей председателя голоса правительственного большинства также разделились.

Групповая борьба внутри правительственного лагеря явилась одной из причин и смены кабинета министров. 15 февраля 1940 г. под предлогом «плохого состояния здоровья» премьер-министр Кьосеиванов, неожиданно для самого себя, был освобожден от занимаемой должности. В тот же день было сформировано новое правительство во главе с министром просвещения в прежнем кабинете Богданом Филовым. Смена правительства не привела к существенным изменениям в составе Совета министров. Из него вышли только двое: сам Кьосеиванов и ген. Недев и вошли два новых лица: Иван Попов, занимавший до этого пост болгарского посланника в Белграде и теперь возглавивший министерство иностранных дел, и Иван Горанов, занявший пост министра путей сообщения. Бывший министр путей сообщения Петр Габровский получил портфель министра внутренних дел. Багрянов, который сохранил за собой пост министра земледелия, продолжал и в новом кабинете играть в «оппозицию», пытаясь нажить на этом политический капитал и добиться поста премьер-министра. Однако в конце концов его неприкрытая

---

[158] Там же. В Софии за трудовую оппозицию было подано 29 тыс. голосов (32%), и она получила четыре из семи мандатов, в Пловдиве — соответственно 12 тыс. голосов (против 9300, поданных за правительство) и два из трех мандатов, в Варне — 11 360 голосов (против 6 тыс., поданных за правительство) и два мандата, в Габрове — 8360 голосов (против 4100 за правительство) и один мандат (там же).

[159] «Работническо дело», № 3, III 1940.

inslav

демагогия и политический авантюризм привели к его собственной отставке (4 февраля 1941 г.) [160].

Уход Кьосеиванова с поста премьер-министра был продиктован не только соображениями внутриполитического характера. Его имя связывалось с рядом внешнеполитических актов и контактов, которые в какой-то степени противоречили открытому переходу страны в блок фашистских держав. Нужна была новая личность, и она была найдена в лице ярого сторонника гитлеровской Германии Филова.

Некоторое время спустя гитлеровская газета «Kölnische Zeitung» давала следующую характеристику членам нового кабинета: «Почти все министры имеют связи с Германией. Большинство из них училось в Германии, как, например, министр иностранных дел Попов, министры Василев, Горанов, Загоров и Кушев, который женат на немке. Остальные министры — Божилов, Габровский и Даскалов — хорошо говорят по-немецки» [160a]. Хотя правительство Филова выступило с заверениями в том, что оно намерено «и впредь проводить политику мира, нейтралитета и внутреннего спокойствия», уже первые месяцы его деятельности в экономической, политической и идеологической области самым недвусмысленным образом показали всю лживость и лицемерие этих заверений.

Такие мероприятия, как проведение через Народное собрание упоминавшихся выше законов о чрезвычайных расходах по «обеспечению безопасности страны», о гражданской мобилизации и др. фактически предоставляли правительству чрезвычайные полномочия в области экономики. В декабре 1940 г., вопреки многочисленным протестам широких кругов общественности страны и особенно демократической молодежи, был принят «закон об организации болгарской молодежи» [161]. Согласно этому закону, болгарская молодежь в возрасте от 10 до 21 года (а студенты и другие учащиеся — до 30 лет) насильственно загонялась во вновь создаваемую организацию фашистского типа под наименованием «Бранник», где путем муштры и принуждения должна была воспитываться в духе шовинизма и ненависти к демократическому движению [162]. Тогда

[160] 31 января 1941 г. Багрянов произнес в Народном собрании многочасовую речь, которая явилась полным отрицанием экономической политики правительства. В частности, Багрянов ставил правительству в вину то, что оно проводит «либералистическую» хозяйственную политику, в которой имеются лишь «попытки руководить», хотя сам он, по словам премьер-министра Филова, на заседаниях Совета министров занимал диаметрально противоположную позицию и решительно выступал против попыток введения государственного регулирования, например в области сельского хозяйства, или политики цен («Стенографски дневници на XXV ОНС, II р. с.», кн. IV, стр. 1290—1298, а также Дневник Филова, 31.I 1941; ЦДИА, ф. 456, оп. 1, а. е. 4, л. 69). Багрянов надеялся этой речью вызвать правительственный кризис и добиться поручения ему составить новый кабинет. Однако он не рассчитал свои силы. Когда выяснилось, что он может получить поддержку лишь нескольких десятков депутатов (по некоторым сведениям — около 40), а его немецкие друзья не окажут ему необходимого содействия, вызванный им переполох в правительственных кругах закончился тем, что ему самому предложили подать в отставку («Стенографски дневници на XXV ОНС, II р. с.», кн. IV, стр. 1345). Министром земледелия (15 февраля) был назначен Димитр Кушев.

[160a] «Kölnische Zeitung», 7.III 1942.

[161] Так, например, в письме 69 представителей рабочей, крестьянской и учащейся молодежи, направленном в конце мая 1940 г. в адрес Народного собрания, говорилось: «Не хотим такой организации. Хотим иметь свободную организацию с выборным руководством, в духе и традициях нашего народа, которая защитит наши политические, экономические и национальные интересы. Господа депутаты! Мы обращаемся к вам с призывом не голосовать за этот законопроект, направленный против наших интересов и свободы. Уничтожьте цензуру, Закон о контроле над организациями, Закон об ограничении преступности, Закон о защите государства, которые представляют черную страницу в нашей истории. Восстановите Тырновскую конституцию!» (ЦДИА, ф. 173, оп. 6, а. е. 1075, л. 383). С подобными же письмами и петициями обратились в Народное собрание 21 мая 1940 г. 81 юноша и девушка из Врачанской околии (там же, л. 334) и трудовая молодежь из ряда других районов страны (ЦДИА, ф. 3, оп. 1, а. е. 744, л. 3 и др.).

[162] «Стенографски дневници на XXV ОНС, II р. с.», кн. III, стр. 988—994.

inslav

же правительственным большинством был одобрен продиктованный гитлеровцами антисемитский «Закон о защите нации», по которому евреи были объявлены неравноправными гражданами и подвергнуты ряду унизительных ограничений. Во время обсуждения в Народном собрании этого законопроекта фашистская печать и администрация подняли черносотенную кампанию против немногочисленного в Болгарии еврейского национального меньшинства, стремясь отвлечь внимание народа от животрепещущих вопросов внутренней и внешней политики страны. Иначе отнеслись к этому законопроекту широкие массы болгарского народа. Выражая их мнение, газета «Работническо дело» писала: «Чуждые искусственно разжигаемому некоторыми кругами антисемитизму, широкие массы болгарского трудового народа встречают этот позорный законопроект с возмущением. В лице еврейских рабочих и трудящихся они видят братьев по участи, изнемогающих от тех же нищеты и бесправия. Если речь идет о борьбе против спекуляции и эксплуатации, то ее надо вести против всех спекулянтов и эксплуататоров, а не только против еврейских. Новый законопроект... является плодом политического раболепия перед фашистскими и нацистскими мракобесами и реакционерами. На каком основании мы будем возмущаться против угнетения болгарского национального меньшинства (за пределами Болгарии.— *Л. В.*), если мы сами ставим вне закона болгарских граждан еврейского происхождения? Под предлогом «защиты нации» новый законопрект в сущности подготавливает новые цепи для народных масс не только еврейского, но и болгарского происхождения» [163].

Болгарский народ резко отрицательно реагировал на попрание правящими монархо-фашистскими кругами элементарных гражданских прав и свобод и решительно отвергал внутреннюю политику фашистского правительства. Но особенно острая борьба развернулась в стране по вопросу о заключении советско-болгарского договора о дружбе и взаимной помощи.

Широкие массы болгарского народа ясно сознавали, что сохранение мира и нейтралитета страны имеет для них решающее значение и является важнейшим вопросом, которому подчинены все вопросы внутренней жизни. Вместе с тем они понимали, что в условиях бушевавшей империалистической войны и непосредственной опасности вовлечения в нее Болгарии единственным реальным путем сохранения мира и нейтралитета являлась опора на Советский Союз — великую социалистическую державу, надежный оплот мира и безопасности во всем мире. Поэтому борьба за заключение между обеими странами договора о дружбе и взаимной помощи, с которым трудящиеся массы неразрывно связывали перспективы в борьбе за мир, демократические свободы и улучшение своего материального положения, еще с осени 1939 г. стала приобретать роль первостепенного фактора в политической жизни страны. С начала войны не было ни одного более или менее крупного события классовой борьбы и общественно-политической жизни Болгарии, которое бы так или иначе не переплеталось и не связывалось с этим кардинальным вопросом внешней политики. Выступая против капиталистической эксплуатации, ограбления и гнета, борясь за повышение своего жизненного уровня, рабочие и крестьяне требовали установления дружественных отношений и союза с СССР. Улучшение отношений с Советским Союзом являлось важнейшим требованием избирательной платформы демократических сил на выборах в Народное собрание. Под лозунгом дружбы с СССР развернулась в 1940 г. массовая кампания демократических сил по созданию болгаро-советских обществ.

---

[163] «Работническо дело», № 12, X 1940.

inslav

Во главе народного движения за дружбу и союз с СССР с самого начала встала Рабочая партия. Под ее руководством это движение ширилось, в него вовлекались все новые и новые слои болгарского народа, оно приобретало ярко выраженный антимилитаристский и антифашистский характер и постепенно стало занимать центральное место в общественной жизни страны. Высшей точки подъема это всенародное движение достигло после того, как 25 ноября 1940 г. прибывший в Софию генеральный секретарь Наркоминдела СССР А. А. Соболев вторично передал официальное предложение Советского правительства правительству Болгарии заключить пакт о дружбе и взаимной помощи [164]. Как известно, стоявшая у власти монархо-фашистская клика, вопреки жизненным интересам болгарского народа, отвергла предложение Советского правительства, попытавшись при этом скрыть его от народных масс.

Рабочая партия разоблачила реакционные маневры монархо-фашистского правительства, довела до сведения болгарского народа содержание советского предложения и с новой силой развернула борьбу за заключение советско-болгарского пакта.

Кампания за заключение болгаро-советского договора с конца 1940 — начала 1941 г. приобрела характер подлинно народного плебисцита. Активизировав и сплотив вокруг себя огромные массы трудящихся, лозунг болгаро-советского пакта превратился в политическую платформу антифашистского единства действий, широкого антифашистского фронта. Движение за пакт получило в народе наименование «соболевого движения». «В стороне от этого движения,— говорил впоследствии Георгий Димитров,— остались только открыто капиталистические и реакционные элементы двух лагерей: германофильского и англофильского, которых объединяла их общая ненависть к Советскому Союзу и большевизму» [165].

Болгарский народ воспринял идею о пакте как свое кровное дело. Он выдвинул из своей среды тысячи агитаторов, которые придали предложению советского правительства широкую гласность. Это предложение с огромным воодушевлением читалось на предприятиях и в мастерских, на улицах и площадях, на митингах и собраниях, в казармах и солдатских лагерях. Пренебрегая опасностью полицейских преследований, люди открыто подписывались под петициями, указывая не только фамилию, имя и отчество, но зачастую даже свои адреса. Корреспонденты газеты «Работническо дело» сообщали из Пловдива: «Оживление большее, чем в период забастовки; предложение зачитано повсюду, и рабочие всех отраслей производства приняли резолюции; собраны тысячи подписей». Сообщение из Хаскова: «Небывалый подъем. Тексты с предложением разносятся по инициативе самих масс и собираются подписи» [166]. Из Пазарджика, где предложение было зачитано на всех фабриках и мастерских, в правительственные инстанции было направлено 160 резолюций с десятками и сотнями подписей. Из Ямбола сообщали, что предложение о пакте вызвало энтузиазм среди гражданского населения и чинов воинских частей. Участники собрания варненских металлистов встретили сообщение о предложении Советского правительства воодушевленными возгласами «Ура!». В Габрово за два дня было собрано три тысячи подписей, в Тырговирте — 1300, в Трояне — 1600 и т. д. [167]

Не меньшее воодушевление предложение о подписании советско-болгарского пакта вызвало в болгарской деревне. Типичным было содержание петиции, под которой подписался 321 житель села Неделско Ямбол-

[164] Внешнеполитическая сторона вопроса рассмотрена нами в упоминавшейся статье («Ученые записки Института славяноведения», т. XX, 1960).

[165] Г. Димитров. Съчинения, т. 14, стр. 262.

[166] «Работническо дело», № 16, XII 1940.

[167] Там же; «Работническото и комунистическото движение в Плевен и плевенски окръг. Историческа библиография. II. 1923—1944», Плевен, 1959, стр. 557.

inslav

ской околии: «Мы с большой радостью узнали о предложении Советского Союза нашему правительству заключить пакт о взаимной помощи. Требуем скорейшего принятия протянутой руки СССР и заключения пакта. Только опершись на братский нам народ, на могущественный СССР, мы сможем сохранить нашу независимость в обстановке нынешнего мирового пожара и сумеем самым надежным путем осуществить наши национальные идеалы. Такова наша воля. Да здравствует наш союз с Советским Союзом!» [168]. Во многих селах под петициями, одобряющими пакт, подписывались поголовно все жители, за исключением кметов и других официальных лиц. Так было, например, в с. Цалапица Пловдивской околии, селах Горно-Левски, Церово, Сараньово Пазарджикской околии и сотнях других сел. В Тырговищенской и ряде других околий не было ни одного села, которое не направило бы резолюции с сотнями подписей [169]. В эту всенародную кампанию включались болгаро-советские общества, народные читальни, сельскохозяйственные задруги, спортивные и другие массовые организации [170]. С требованиями военного союза с СССР выступили солдаты ряда подразделений болгарской армии [171]. На активную борьбу за принятие советского предложения поднялись многие сотни тысяч представителей демократических слоев населения, направлявшие в правительственные инстанции многочисленные петиции, телеграммы и письма с требованием заключить договор, выдвигавшие это требование на всевозможных сходках, конференциях, в резолюциях массовых организаций и т. п. Только в адрес Народного собрания в декабре 1940 г. было направлено 200 тысяч писем, телеграмм и резолюций, а в январе 1941 г.— 140 тысяч, т. е. всего 340 тысяч документов, под которыми подписалось 1,5 млн. человек [172].

Однако правящие монархо-фашистские круги, уже окончательно решившие привязать страну к колеснице гитлеровской Германии, не намерены были считаться с волей подавляющего большинства болгарского народа. С преступным пренебрежением, как от назойливых мух, они отмахивались от поступавших со всех концов страны тысяч и тысяч телеграмм и писем с требованием подписать болгаро-советский пакт. 4 декабря 1940 г., получив очередную кипу телеграмм, председатель Народного собрания, фашист Логофетов, наложил на одну из них следующую резолюцию: «Все в архив! У правительства есть установившаяся внешняя политика и не таковы пути определения и изменения нашей политики» [173]. На другой телеграмме, подписанной от имени 600 рабочих табачного склада в Красном Селе (пригород Софии) работницей Славкой Кировой, тот же Логофетов три дня спустя сделал издевательскую надпись: «В архив! Не тебе, Славка, определять внешнюю политику Болгарии. Занимайся своей работой, а то потеряешь ее» [174]. Столь же безответственно

[168] ЦДИА, ф. 176, оп. 6, а. е. 1077, л. 384.

[169] В болгарских архивах хранятся оригиналы многих тысяч таких документов (см., например, ЦДИА, ф. 176, оп. 6, а. е. 1077, лл. 301, 356, 358, 359, 361, 372, 373, 380 и др. Окръжен държавен архив — Плевен, ф. 62, оп. 1, а. е. 13, л. 1; а. е. 29, лл. 45—47; а. е. 64, л. 120; а. е. 231, лл. 2, 3). Окръжен държавен архив — Благоевград, ф. 62, оп. 1, а. е. 20, л. 87; а. е. 81, л. 2. Окръжен държавен архив — Пловдив, ф. 57 (необраб.), папка 43 и др.).

[170] Вот один из многочисленных примеров: правление местного кооператива в с. Лобнидол Севлиевской околии приняло запротоколированное решение с требованием незамедлительного заключения пакта (Окръжен държавен архив — Плевен, ф. 62, оп. 1, а. е. 29, л. 38).

[171] Ф. Христов. За работата на партията в армията против вмъкването на България във втората световна война (1938—1941).— «Военно-исторически сборник», № 1, 1958, стр. 24—26.

[172] И. Бочев. Икономически и политически основи на кризата в България през 1943—1944 година.— «Ново време», 1960, № 9, стр. 52—53.

[173] ЦДИА, ф. 173, оп. 6, а. е. 1077, л. 299.

[174] Там же, л. 345.

inslav

отнеслись к этому народному движению и другие представители правящих кругов. Так, министр иностранных дел Попов, обращаясь к депутатам фашистского парламента, заявил: «Улица не должна оказывать на нас влияние. В этом отношении как вы, так и правительство, решили следовать своим путем, не обращая внимания на шум улицы» [175]. Вторя Попову, социал-фашист Сотир Янев заявлял, будто кампания за принятие советского предложения «наносит удар внутреннему единству болгарского народа» и представляет собой попытку диктовать внешнюю политику страны «с улицы». Отвечая ему и другим противникам договора, газета «Работническо дело» указывала, что в пользу болгаро-советского договора высказалось почти 90% болгарских граждан, и продолжала: «Не „улица", г-н социалист Сотир Янев, а болгарский народ — рабочие, крестьяне, ремесленники, интеллигенция, все честные и любящие свою родину болгары, в том числе и посланные на границу сыны народа в солдатских мундирах — высказались за советское предложение. И удар по народному единству наносят не широкие народные массы, которые не могут не интересоваться своей судьбой и судьбой своей родной страны, а жалкая группка реакционных элементов, пытающаяся, опираясь на власть, противопоставить себя общенародной воле» [176]. Далее газета подчеркивала, что именно те, кто плачет, будто мир и независимость страны якобы пострадают в результате заключения пакта о дружбе и взаимной помощи с нейтральным и невоюющим Советским Союзом, готовы открыть границу Болгарии для войск воюющих империалистических держав. Очевидно, заключало «Работническо дело», мир и независимость Болгарии для этих господ — только маска. Истинная причина их отрицательного отношения к советскому предложению — в страхе, как бы сближение с СССР не отразилось неблагоприятно на существующем режиме и как бы это не помешало продолжению и в будущем свободной и беспрепятственной эксплуатации и ограблению болгарского народа. В своих оценках советского предложения реакционная буржуазия и ее политические представители руководствовались не национальными интересами болгарского народа, а исключительно своими грубо-эгоистическими, эксплуататорскими и угнетательскими классовыми интересами.

Встревоженные народным движением, все энергичнее требовавшим подписания болгаро-советского пакта, правящие круги Болгарии начали преследования и аресты патриотов, изъятие и уничтожение петиций и т. д. В числе первых, еще 12 декабря 1940 г., был арестован замечательный революционный поэт Никола Вапцаров, возглавивший кампанию по сбору подписей в районе г. Разлог. При обыске, помимо петиций с собранными подписями, у Вапцарова были изъяты два его стихотворения — «Сельская хроника» и «Бунт на юге», в которых были выражены настроения болгарского народа в эти знаменательные дни [177]. Повсюду, в городах и селах, были предприняты массовые репрессии против участников сбора подписей и других патриотов [178]. Административные и поли-

[175] «Стенографски дневници на XXV ОНС, II р. с.», кн. III, стр. 980.

[176] «Работническо дело», № 15, XII 1940.

[177] Окръжен държавен архив — Благоевград, ф. 1, оп. 1, а. е. 24, л. 33.

[178] Например, в феврале 1941 г. в селах Плевенской, Тырновской, Еленской, Севлиевской, Ловечской и ряда других околий были произведены массовые аресты и высылки участников сбора подписей. Все члены правления кооператива в с. Ловнидол, высказавшиеся за пакт, были исключены из кооператива и интернированы (Окръжен държавен архив — Плевен, ф. 62, оп. 1, а. е. 29, л. 15). Только за один день 3 декабря 1940 г. в IV полицейском участке Софии было задержано 244 участника кампании в пользу заключения пакта — рабочих, студентов, ремесленников и лиц других профессий (ЦДИА, ф. 370, оп. 1, а. е. 774, лл. 2—12). 26 февраля 1941 г. болгарское правительство одобрило распоряжение о заключении без суда в концентрационный лагерь на шестимесячный срок 38 человек, пребывание которых на свободе оно сочло для себя опасным (ЦДИА, ф. 284, оп. 1, а. е. 7597, лл. 1—2).

inslav

цейские органы направили на места ряд циркуляров о борьбе с участниками «соболевой кампании». Специальным постановлением Совета министров начальники почт обязывались задерживать «сомнительные» почтовые отправления, могущие содержать «зловредную пропаганду, направленную на расстройство духа населения и армии» и незамедлительно сообщать об этом полицейским властям. Последние получили право в любое время и без предварительного разрешения проверять письма и посылки, конфисковывать и уничтожать те из них, которые кажутся подозрительными [178a]. Дирекция по организации и контролю над профессиями 18 декабря 1940 г. разослала своим областным инспекторам и руководящим органам казенных профсоюзов директиву, требовавшую исключать из профсоюзов и принимать другие меры против рабочих, «имевших неблагоразумие» подписываться под петициями в пользу пакта и тем самым «вносящих бациллу политического разъединения и разногласия в организации» [179]. Полицейские органы рассылали кметам и заведующим полицейскими участками на местах циркуляры с требованием составления списков распространителей петиций на предмет их последующего ареста и высылки [180]. Принимались срочные меры с целью воспрепятствовать выезду в Софию депутаций с мест [181].

Однако все эти репрессивные меры не сломили волю болгарского народа. Противопоставив внутренней и внешней политике монархо-фашистской власти огромные массы трудящихся, движение за заключение болгаро-советского договора, возглавлявшееся Болгарской рабочей партией, вскрыло первые признаки политического кризиса в Болгарии в условиях второй мировой войны. Оно сыграло немаловажную роль в срыве первоначального плана присоединения Болгарии к фашистской оси, намечавшегося гитлеровской Германией на конец ноября 1940 г.

Борьба против вовлечения Болгарии в империалистическую войну, против антинациональной политики монархо-фашистского правительства находилась в центре внимания состоявшегося в январе 1941 г. в Софии VII пленума ЦК БРП, поставившего перед партией следующие задачи: «Решительная борьба против вовлечения Болгарии в империалистическую войну... Неустанная, систематическая политическая борьба за заключение договора о дружбе и взаимопомощи с СССР; широкая разъяснительная работа с целью привлечения всех слоев болгарского народа на сторону болгаро-советского договора, как единственного средства избежать войны; разоблачение клеветнической кампании правительства и других противников договора, отрыв от них введенных ими в заблуждение масс и изоляция злостных противников договора, объединение всего болгарского народа в широкий, в полном смысле слова, народный фронт вокруг болгаро-советского договора» [182].

Одобрив проводившуюся политическую линию партии, пленум принял решение о том, чтобы партия и в дальнейшем во всей своей деятельности руководствовалась «...коренными интересами болгарского народа, совпадающими с интересами и борьбой международного пролетариата и трудящихся за мир и братское сотрудничество между народами, а так-

---

[178a] ЦДИА, ф. 284, оп. 1, а. е. 7592, л. 7. Протокол № 31 заседания Совета министров от 22 февраля 1941 г.

[179] Централен държавен архив на Народна република България, ф. 4, оп. 1, а. е. 187, л. 124.

[180] Окръжен държавен архив — Стара Загора, фонд обл. полицейск. управление (необработ.).

[181] Окръжен държавен архив — Благоевград, ф. 62, оп. 1, а. е. 81, л. 5.

[182] «Българската комунистическа партия в резолюции и решения на конференциите и пленумите на ЦК», т. III, 1924—1944, София, 1954, стр. 384—385.

inslav

же с внешней политикой Советского Союза в защиту малых народов, мира и социализма»[183].

Решения VII пленума ЦК сыграли большую роль в мобилизации партийных рядов и усилении борьбы демократических сил страны против нараставшей с каждым днем опасности гитлеровской оккупации, за дружбу и союз с СССР. И когда 1 марта 1941 г., пренебрегая волей подавляющего большинства болгарского народа, правительство Филова открыто вступило в союз с гитлеровской Германией и впустило немецко-фашистские полчища на болгарскую территорию, партия во всеоружии встретила наступивший новый этап борьбы. Она возглавила массовое антифашистское движение, которое вскоре, после вероломного нападения фашистской Германии на Советский Союз, превратилось во всенародную вооруженную освободительную борьбу против немецко-фашистских оккупантов и их болгарских приспешников.

---

[183] «Българската комунистическа партия в резолюции и решения на конференциите и пленумите на ЦК», т. III, 1924—1944, София, 1954, стр. 386.

inslav

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
Том XXIV, 1962 г.

В. С. Парсаданова

ИЗ ИСТОРИИ БОРЬБЫ ЗА АНТИФАШИСТСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ФРОНТ В ПОЛЬШЕ

(сентябрь 1939 — начало 1943 г.)

Политическая и классовая борьба в Польше в годы второй мировой войны еще недостаточно исследована. В предлагаемой статье делается попытка на основе документов политических партий и течений с использованием мемуарной и другой литературы показать политическое развитие Польши в первые годы второй мировой войны. Особое внимание уделяется планам политических группировок по вопросам социально-экономического устройства освобожденного от оккупации государства, его будущему общественному и государственному строю и границам, месту Польши в послевоенном мире, ее взаимоотношениям с соседними государствами и в первую очередь с Советским Союзом, путям борьбы за национальную независимость.

В советской историографии политическая и классовая борьба в Польше рассматривается в диссертации В. А. Новодрана и его статье «Из истории борьбы Польской рабочей партии за создание антигитлеровского национального фронта (1942—1943)» (см. «Вопросы новой и новейшей истории» АОН при ЦК КПСС, М., 1958). В основном тот же период освещается в статье И. А. Хренова «Борьба ППР за национальное и социальное освобождение польского народа (1942—1944)» в книге «Борьба польского народа за социализм» (М., 1955).

В польской исторической литературе этой теме посвещена научно-популярная, остро полемическая книга М. Турлейской [1], разоблачающая некоторые легенды реакции о политике эмигрантского правительства и его представителей в Польше в годы второй мировой войны. Следует отметить также брошюру-лекцию М. Малиновского о коммунистических и революционных группах в 1939—1942 гг. (предшественниках Польской рабочей партии) [2] и ряд статей Ч. Мадайчика, В. Гуры, Т. Тарногродского и других по отдельным вопросам истории различных групп и организаций в подполье.

В нашей статье использованы документы Архива Института истории партии при ЦК ПОРП, главным образом программные документы различных политических партий, подпольная печать и воспоминания деятелей революционного движения. Важнейшим источником для данной работы послужили опубликованные документы Польской рабочей партии

[1] M. Turlejska. O wojnie i podziemiu. Dyskusje i polemiki. Warszawa, 1959.
[2] M. Malinowski. Z dziejów powstania Polskiej Partii Robotniczej. Warszawa, 1958.

inslav

и особенно сборник «Формирование программных основ Польской рабочей партии в 1942—1945 гг.» [3]. Указанные документы освещают деятельность ППР по руководству национально-освободительной и классовой борьбой против немецко-фашистских оккупантов и польской реакции, борьбу ППР за создание широкого антифашистского демократического фронта под руководством рабочего класса для борьбы за свободную и независимую Польшу, руководящую и направляющую роль ППР в борьбе за установление и укрепление народной власти.

Среди документов реакционного лагеря, использованных в статье, следует назвать книгу Ст. Кота «Письма из России ген. Сикорскому» [4]. Это собрание материалов польского посольства в Москве, изданное послом эмигрантского правительства Ст. Котом, который в своих комментариях к публикации с позиций бывшего лидера правого кулацкого крыла крестьянской партии Стронництво людове пытается защитить Сикорского и его политику от нападок эмигрантских политиканов фашистского толка, в частности В. Андерса. Эти документы, несмотря на тенденциозный подбор, являются интересным источником по истории советско-польских отношений и политики Сикорского в годы второй мировой войны. Вопреки воле составителя, они красноречиво свидетельствуют о предательстве эмигрантской кликой коренных интересов польского народа, о враждебном ее отношении к Советскому Союзу.

РАССТАНОВКА ПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ В ПОЛЬШЕ

Нападение фашистской Германии на Польшу 1 сентября 1939 г., начавшее вторую мировую войну, привело к быстрому распаду польского буржуазно-помещичьего государства. Президент, правительство, верховный главнокомандующий в первые же дни войны позорно бежали, бросив на произвол судьбы население и армию.

В тяжелую годину национального бедствия на защиту свободы и независимости родины поднялись польский рабочий класс и крестьянство. Рядовые солдаты польской армии проявляли чудеса храбрости, борясь против бронетанковых армий германского фашизма. Незабываемы подвиги защитников Вестерплятте и Модлина, Кутно и Варшавы. Незабываемы имена героев-коммунистов и левых социалистов, возглавивших борьбу народа против фашистского нашествия. Символом борьбы за свободу и независимость стало имя Мариана Бучека — многолетнего узника санации, павшего смертью храбрых у стен Варшавы. На оборону Варшавы и Домбровского бассейна встали рабочие батальоны. В их рядах плечом к плечу боролись коммунисты, члены ППС, беспартийные. В Катовицах и Хожове отряды рабочих обороняли город как от наступавших немецко-фашистских войск, так и от «пятой» колонны, действовавшей в тылу. Три недели плохо вооруженные рабочие батальоны защищали столицу и непобежденные прекратили сопротивление лишь 28 сентября. Последними, до 2 октября, держались защитники полуострова Хель. Не желая капитулировать, отдельные части регулярной польской армии укрылись в лесах Келецкого и Люблинского воеводств и вели борьбу против оккупантов до лета 1940 г. Таким был знаменитый отряд Г. Добжаньского — «Хубали», насчитывавший в своих рядах несколько сот человек. Сохранили оружие и многочисленные крестьянские отряды, оборонявшие в сентябре 1939 г. свои деревни и села от врага. Уже в 1939 г. начали создаваться первые партизанские группы из рабочих и крестьян. В леса Кросненского повета ушло около 200 человек, главным образом комму-

[3] «Krztałtowanie się podstaw programowych Polskiej Partii Robotniczej w latach 1942—1945. Wybór materiałów i dokumentów», Warszawa, 1958.

[4] St. Kot. Listy z Rosji do gen. Sikorskiego. London, 1956.

inslav

нистов, бывших политических заключенных, активных деятелей профсоюзов, революционно настроенных крестьян, которые еще во времена санации боролись против фашизма в Польше и за границей.

Гибель польского буржуазно-помещичьего государства явилась закономерным следствием двадцатилетней антинародной и антинациональной политики польских эксплуататорских классов, следствием их отказа от союза и взаимопомощи с СССР. Экономическая отсталость Польши, ее зависимость от иностранного капитала обусловили военную слабость страны, неподготовленность армии и оборонной промышленности к ведению современной войны. Правящая клика в угоду своим классовым интересам и интересам международной реакции превратила Польшу в разменную монету в империалистической игре. Империалисты Англии и Франции, щедро обещавшие Польше «гарантии» и помощь, предали своего союзника. За ее счет они надеялись организовать новый Мюнхен. Господствующие классы Польши отвергли помощь, которую предлагал польскому народу Советский Союз для оказания совместного отпора готовящейся агрессии фашистской Германии. Польша осталась один на один с сильным, подготовившимся к войне противником.

Немецко-фашистские оккупанты ликвидировали польское государство, расчленили его территорию. Наиболее развитые в экономическом отношении западные и юго-западные районы были включены в состав Германии. На оставшейся территории оккупанты создали так называемое Генерал-губернаторство. Земли, присоединенные к Германии, немецкие империалисты намеревались германизировать уже в ходе войны. «Генерал-губернаторство» было превращено в аграрно-сырьевой придаток германской военной промышленности. Уничтожение основной массы населения и онемечивание оставшейся части гитлеровцы предполагали закончить в 1950 г. Террор был основным методом «управления» порабощенной страной. Более 6 млн. человек потеряла Польша в годы войны. Подавляющее большинство было задушено и сожжено в чудовищных «фабриках смерти» — концентрационных лагерях в Освенциме, Майданеке, Треблинке и др. Террор в первую очередь направлялся против тех прогрессивных и революционных сил, которые встали на защиту независимости страны и активно включились в национально-освободительное движение: против рабочего класса и его авангарда — коммунистов, а также близких к ним членов левого крыла социалистической партии — ППС, против радикальных деятелей Стронництва людового, против прогрессивной интеллигенции.

Политические партии, профессиональные союзы, культурные, научные, общественные и т. п. организации были запрещены оккупантами. Вся польская политическая и общественная жизнь ушла в подполье. В областях, включенных в состав Германии, поляки официально были лишены права владеть недвижимой собственностью и землей, которые перешли в руки германского монополистического капитала и немецких колонистов. В «Генерал-губернаторстве» оккупанты захватили около половины промышленных предприятий и приблизительно столько же земли. Для польского населения была введена всеобщая принудительная трудовая повинность. Рабочие беспощадно эксплуатировались. Рабочий день продолжался по 12 и более часов. За малейшую провинность сыпались штрафы. Рабочего можно было избить, отправить в концлагерь, расстрелять. Нищенская заработная плата не обеспечивала минимального удовлетворения жизненных потребностей. Оккупационная политика организации голода в стране и невыносимые жилищные условия способствовали распространению заболеваний тифом, туберкулезом и т. д. Рабочий класс Польши обрекался на смерть от голода, болезней, от чрезмерного физического напряжения. Интересам германских империалистов было подчи-

inslav

нено и сельское хозяйство Польши. Все крестьянские хозяйства подвергались жестокой регламентации. Урожай под видом «контингентов» (грабительских поставок сельскохозяйственных продуктов) захватывался немецко-фашистскими оккупантами. В случае, если крестьянин не выплатит «контингенты», скроет или уничтожит продовольствие, самочинно забьет скот, ему грозил концлагерь, конфискация имущества или расстрел.

Политика немецко-фашистских оккупантов в польской деревне была направлена к поддержке помещичьих и кулацких хозяйств против мелких и средних крестьянских хозяйств. Были возрождены многие феодальные повинности (подводная, принудительная обработка помещичьей земли крестьянским инвентарем и тяглом и т. д.). Помещичьи хозяйства имели ряд налоговых и других льгот. Подобная политика приводила к дальнейшему обострению классовых конфликтов в деревне. Конфискация земли у миллионов польских крестьян, проведенная оккупантами, вызвала значительные изменения в структуре сельского хозяйства, привела к росту удельного веса крупных хозяйств, помещичьих в первую очередь, росту немецкого землевладения. Отмечая эти явления, подпольный орган одной из буржуазных группировок писал: «Несмотря на рост национального самосознания, которое принесла нашей стране теперешняя война и продолжающаяся оккупация, в польской деревне не стерлись социальные различия, вытекающие из права собственности. Даже можно сказать, что во многих случаях эти различия увеличились»[5]. Об этом же шла речь в газете крайне правой группы людовцев «Орка». Говоря о росте имущественной дифференциации в польской деревне, «Орка» констатировала: «В нашем народе назревают опасные социальные сдвиги, которые не предвещают ничего хорошего на будущее»[6].

Стремясь превратить Польшу в «жизненное пространство» для «арийской нации», оккупанты пытались уничтожить польскую национальную культуру, лишить польский народ чувства национального достоинства, преградить народу доступ не только к науке, искусству, но даже к получению элементарных профессиональных навыков. Немецко-фашистские власти закрывали польские школы, институты, университеты. Только в «Генерал-губернаторстве» было оставлено некоторое количество ремесленных училищ и начальных школ с сокращенной программой обучения. Было запрещено преподавание истории, литературы, географии,— предметов, которые могли пробудить национальное самосознание народа. Не издавались польские книги, газеты, журналы, не работали театры и музеи.

Захватчики разогнали и ограбили научные общества, закрыли научно-исследовательские институты, физически уничтожали интеллигенцию. Только в июне 1940 г. во время так называемой акции А-Б было уничтожено несколько тысяч человек — представителей польской интеллигенции. Многие были заключены в концлагери. 80% интеллигенции было лишено средств к существованию. Для польского народа вопрос стоял так: подчиниться и быть уничтоженным или бороться и отстоять свое право на существование и лучшее будущее.

Сентябрьские дни 1939 г. особенно наглядно показали, что руководящей силой польской нации в борьбе за свободу и независимость может быть только рабочий класс как самый передовой, организованный и революционный класс, последовательно отстаивавший дело национальной независимости и социального освобождения. От уничтожения польский народ могли спасти только разгром фашизма и освобождение страны, что создало бы благоприятные условия для борьбы за низвержение капиталистического строя. Задачи национального освобождения таким образом

[5] См. «Wieś współczesna», 1960, № 6, s. 94.
[6] «Orka», 1942, N 4.

inslav

выдвигались на первый план, тесно переплетаясь с задачами социального освобождения трудящихся. Эти задачи требовали от рабочего класса создания под своим руководством широкого национального фронта борьбы против фашизма. Для такого объединения польского народа имелись реальные предпосылки, так как господство германского империализма угрожало не только рабочему классу, но и крестьянству, а также мелкой и части средней буржуазии. Естественными союзниками трудящихся Польши в их борьбе против национального и социального гнета были Советское государство, мировое революционное рабочее движение и все антифашистские силы мира.

Польский народ не покорился оккупантам. В глубоком подполье бывшие солдаты, рабочие, крестьяне, молодежь, интеллигенция создавали многочисленные группы сопротивления, добывали оружие и в различных формах включались в борьбу против немецко-фашистских захватчиков. Основную массу бойцов сопротивления составляли трудящиеся. Это вынуждены были признать злейшие враги польского народа. «Было бы гибельной ошибкой считать,— говорил в мае 1941 г. руководитель СС в «Генерал-губернаторстве»,— что только офицеры, чиновники или лица, которые получили определенное образование, являются поборниками сопротивления. Правда, что все они составляют, очевидно, руководство движением. Но подавляющее число лиц, которые совершают нападения, состоит исключительно из крестьян и рабочих... Не следует включать в движение сопротивления только людей, которые являются членами организации. Полиция безопасности включает в движение сопротивления в широком смысле всех поляков» [7].

Освободительное движение в первое время было очень распыленным. В подполье насчитывалось до 600 политических организаций. Только военных групп и группок в первые недели оккупации сформировалось более 150. В Польше не было партии, которая могла бы объединить все силы и поднять народ на борьбу. Все партии польской буржуазии (не только санация, но и Стронництво народове, Стронництво праци и другие), в равной мере ответственные за сентябрьскую катастрофу, потерпели политическое банкротство. Организационно они фактически распались. Польская социалистическая партия (ППС), многие рядовые члены которой боролись в рабочих батальонах, также не могла возглавить массы. Ее правое руководство, тесно связанное с санационными правителями, само было повинно в гибели государства. Оно не могло и не желало повести массы на борьбу. Правые лидеры партии не нашли ничего лучшего, как в октябре 1939 г. распустить партию, дезорганизовав те слои рабочего класса, которые шли за ППС. Вскоре руководство ППС создало свою организацию «Свобода, равенство, независимость» («Вольность, рувность, неподлеглость» — ВРН), которая объединяла правое крыло и санационные элементы распущенной партии. Левые элементы ППС создали свои организации. Распалась и долго не проявляла признаков жизни крестьянская партия Стронництво людове.

Коммунистическая партия Польши была распущена в 1938 г. на основе, как выяснилось позже, необоснованных обвинений о якобы широком проникновении в руководство КПП враждебных элементов [8]. Начатую в 1939 г. работу по восстановлению партии прервала война [9]. Отсутствие коммунистической партии отрицательно сказалось на развитии освободительного движения в стране. И хотя коммунисты продолжали работу, с началом оккупации активизировали свои связи, сплачивали антифашистские, демократические элементы, создавали группы, они не могли

[7] См. «История Польши», т. III, М., 1958, стр. 550.
[8] См. «Правда», 21.II 1956.
[9] «История Великой Отечественной войны», т. 1, М., 1961, стр. 187.

inslav

возглавить в этот период массы. У них не было единого руководства, единой организации.

Сложившиеся условия, крайне трудные для антифашистского, революционного движения, пытались использовать в своих целях враждебные народу буржуазные элементы. Они стремились подчинить себе движение сопротивления, ограничить его угодными эксплуататорским классам рамками. Спекулируя на патриотических чувствах и всеобщем стремлении к изменению социальных и экономических порядков, реакционеры заявили о своей якобы приверженности демократии, общественному прогрессу, отмежевывались от клики Рыдз-Смиглы — Бека. Они щедро раздавали обещания на будущее. Демагогически используя популярные лозунги свободы и независимости, реакции удалось захватить руководство во многих подпольных военных и политических организациях, обмануть довольно широкие слои народа, особенно мелкой буржуазии. «Герои Залещикского шоссе», как иронически назвал народ [10] дезертировавших с поля боя и бежавших за границу высших чинов армии, министров, сановников, лидеров политических партий, многих крупных промышленников и помещиков, частично осели на Ближнем Востоке, большинство же обосновалось во Франции. Здесь в небольшом городке Анжере 6 октября 1939 г. было образовано польское эмигрантское правительство. После первых дней оцепенения и растерянности всеобщей реакцией польского народа были ненависть и возмущение правителями, которые привели Польшу к катастрофе. Поэтому лидеры довоенного режима не могли предпринять каких-либо открытых и самостоятельных действий. Главой правительства стал генерал Владислав Сикорский. Изгнанный из армии после переворота Пилсудского, Сикорский считался противником санации и еще задолго до войны зарекомендовал себя приверженцем франко-польского союза. По подложному декрету бежавшего президента Польши Мосьцицкого президентом был назначен Владислав Рачкевич. Этот бывший председатель сената, бывший воевода, один из руководителей белопольской интервенции против Советской России был активным защитником распавшегося санационно-фашистского режима.

Основой правительства Сикорского явились представители профранцузской политической группировки «Фронт Морж» (В. Сикорский, Ст. Кот, С. Строньский и др.) и так называемая группа Торгового банка, находившаяся под английским влиянием (крупные промышленники и банкиры Х. Штрассбургер, А. Залесский и др.). В партийном отношении эмигрантское правительство состояло главным образом из руководителей Стронництва народового и Стронництва праци (которое представлял и сам премьер). Партии эти формально были в оппозиции к довоенному фашистскому санационному правительству, но на деле поддерживали его внутреннюю и внешнюю политику. Кроме них для придания демократической окраски и видимости единства национальных сил в состав правительства были включены правые лидеры польской социалистической и крестьянской партий. Правительство объявило об отказе от санационно-фашистских методов правления и обещало восстановить парламентские нормы в освобожденной Польше [11]. Однако, официально осуждая санацию, правительство и поддержавшие его круги единственной легальной основой своего существования признали незаконную фашистскую конституцию 1935 г. В интересах «национального единства в борьбе с захватом» (фактически для достижения единства господствующих классов) Сикорский при формировании правительства вступил в сотрудничество с пред-

[10] По имени шоссе, ведущего в Румынию

[11] Ср. Wł. Sikorski. Słowa do narodu i wojska. Paryż, 1940, s. 17; «Rzeczpospolita Polska», 15.III 1941.

inslav

ставителями обанкротившегося режима санации. Так А. Залесский, министр иностранных дел в правительстве Пилсудского, вновь получил этот же портфель. В правительство попал Адам Коц, глава ОЗН [12], и др. Один из столпов санации К. Соснковский стал председателем Комитета по делам страны и тем самым руководителем подпольных организаций в Польше. Одновременно Соснковский был заместителем «главы государства» — президента Рачкевича. Подобная политика Сикорского позволила санации захватить важные посты в эмиграции и в подпольном движении в Польше. Происки санации облегчались тем, что Сикорский в своей политике не опирался на какое-либо массовое политическое течение. Эмигрантское правительство направило все усилия на подготовку к восстановлению в Польше довоенного буржуазно-помещичьего строя, на подготовку к захвату власти в момент освобождения страны англо-французскими (как оно надеялось) войсками. Правительство не выражало и не могло выражать интересов народа, но в силу ряда причин получило поддержку части населения Польши, ибо, находясь вне пределов оккупированной страны, оно могло выступать на международной арене от имени Польши, заключать международные соглашения, например о создании польской армии во Франции, и тем содействовать объединению сил поляков за границей на борьбу против германского фашизма [13].

В стране эмигрантское правительство опиралось на «Политический согласительный комитет». Организация эта окончательно оформилась к концу 1940 г. и состояла из представителей руководства партийных группировок, входивших в эмигрантское правительство. Кроме главного комитета в Варшаве согласительные комитеты были созданы и в провинции. Существовал согласительный комитет политических партий для Великой Польши с центром в Познани [14]. Опираясь на соглашение четырех партий, правительство Сикорского начало создавать свою «администрацию», свое представительство в стране, так называемую Делегатуру. Первоначально, учитывая разделение Польши на две части, было два Делегата — один для «Генерал-губернаторства» и другой для земель, включенных в Рейх. Отдельная Делегатура для этих земель существовала в 1940—1942 гг., затем ее заменил представитель «Западного бюро Делегатуры правительства в Варшаве» [15].

В прерогативы Делегата правительства входило принятие по согласованию с партиями политических решений и директив, руководство официальной военной организацией правительства, контроль над ее бюджетом, утверждение смертных приговоров военных судов и т. д. Создавшиеся при Делегате административные органы воспроизводили систему прогнившего и рассыпавшегося государственного аппарата буржуазной Польши. Права Делегата и его полномочия на создание в подполье гражданских властей начало оспаривать руководство «Союза вооруженной борьбы», который с декабря 1939 г. считался официальной военной организацией правительства. Провозглашавшиеся «Союзом» лозунги свободы и независимости Польши при якобы внепартийности этой организации привели к тому, что в его ряды хлынули те, кто хотел бороться против немецко-фашистских оккупантов, но ничего общего не имел с планами эмигрантского правительства. Из небольшой группы, состояв-

[12] ОЗН — Обуз зъедночения народового (Лагерь национального объединения) — фашистская санационная организация.

[13] После поражения Франции летом 1940 г. правительство Сикорского перебралось в Лондон, в связи с чем сторонников эмигрантского правительства часто называли «лондонцами», «лондонским лагерем».

[14] «Najnowsze dzieje Polski. Materialy i studia z okresu II wojny światowej», t. III, Warszawa, 1959, s. 45.

[15] Этот же источник дает и другую дату начала деятельности эмиссара бюро — июнь 1941 г. (там же, стр. 56).

inslav

шей в основном из офицерства старой польской армии, «Союз вооруженной борьбы» превратился в довольно значительную организацию. Его главой первоначально был находившийся в Париже К. Сосновский («главный комендант»). Во главе «Союза» на территории этнографической Польши находился генерал Стефан Ровецкий, бывший начальник штаба «Службы победы Польши», офицерской организации — предшественника «Союза вооруженной борьбы». Генерал Токажевский, бывший глава этой организации, был переведен во Львов для организации шпионажа и подрывной работы в советских Западной Украине и Западной Белоруссии. «Союз вооруженной борьбы» не вел и не собирался вести активной борьбы против немецко-фашистских оккупантов. Целью его было подчинить конкурирующие военные группы и обеспечить эмигрантскому правительству захват власти в момент освобождения страны. Руководство «Союза вооруженной борьбы» активно поддерживало распространявшуюся буржуазными кругами лживую «теорию двух врагов». Согласно этой «теории», у Польши якобы было два врага: фашистская Германия и социалистический Советский Союз, с которым правительство Сикорского считало себя в состоянии войны. В этих условиях польский народ, по замыслам лидеров буржуазных группировок, должен быть пассивным, так как его выступления против гитлеровцев могут привести к усилению второго «врага», классового, являвшегося для буржуазии первым. Именно против Советского Союза и пытался повернуть свое оружие «Союз вооруженной борьбы». Этому служила «миссия» Токажевского на Украину, террор против деятелей советской власти, против крестьян, деливших помещичью землю, против бойцов и командиров Красной Армии, акты саботажа и диверсий на предприятиях.

В период становления подпольных организаций и борьбы между ними за влияние и руководство командование «Союза вооруженной борьбы» пыталось рассматривать себя единственным легальным наследником государственной власти Речи Посполитой, призванным воссоздать в подполье польскую администрацию и подготовить ее к принятию власти. Правительство Сикорского оно считало своим заграничным представительством [16]. При командовании «Союза вооруженной борьбы» был учрежден пост подчиненного ему гражданского комиссара. Так продолжалось до марта 1940 г., когда эмигрантское правительство объявило комиссара своим Делегатом в ранге министра. В апреле 1940 г. Сикорский подтвердил полномочия Делегата, о которых говорилось ранее. Создание правительством собственной администрации вызвало сопротивление пилсудчиков в «Союзе вооруженной борьбы», которые поставили вопрос о разрыве с эмигрантским правительством [17]. В мае-июне 1940 г. в Белграде состоялась конференция представителей «Союза вооруженной борьбы» и эмигрантского правительства. Конференция больше занималась вопросами роста рабочего движения сопротивления, чем урегулированием собственных споров. Главная опасность, говорилось на конференции, не гитлеровцы, а тот факт, что в рабочих центрах «развивается коммунистическое движение» [18]. После длительных трений и переговоров соглашение было достигнуто на основе общей борьбы против поднимавшегося народного освободительного движения. В июне 1940 г. было ликвидировано заграничное командование «Союза вооруженной борьбы». Единым командующим стал Ровецкий. Главный полити-

[16] St. Kot. Указ. соч., стр. 545.

[17] Характерно, что в этот период санационные элементы в эмиграции дважды пытались свергнуть правительство Сикорского.

[18] «Trybuna Ludu», 6.VIII 1951. О конференции см.: T. Bór-Komorowski. The sekret Army. London, 1951, p. 48.

inslav

ческий согласительный комитет, на подчинение которого также претендовало командование «Союза», был объявлен независимым от вооруженных сил. Однако вопрос о правах Делегата продолжал оставаться фактически неурегулированным и прерогативы его не признавались командованием «Союза вооруженной борьбы» вплоть до назначения на этот пост в начале 1941 г. Цырыла Ротайского. Но и это не уничтожило соперничества. «Союз вооруженной борьбы» продолжал параллельно Делегатуре создавать будущие гражданские власти Польши.

При всей внешней раздробленности сил в подполье ясно различались два лагеря: лагерь буржуазный и лагерь рабочего класса, трудящегося крестьянства и трудовой интеллигенции. Эти группировки придерживались противоположных концепций борьбы против оккупантов и противоположных воззрений на общественный и государственный строй будущей свободной Польши.

Буржуазный лагерь представляли крайне правые фашистские группировки: санация и открыто фашистское крыло Стронництва народового — Обуз народово-радикальны (национально-радикальный лагерь — ОНР), а также более умеренное крыло буржуазии с его организациями: Стронництвом народовым, Стронництвом праци и рядом других более мелких группировок.

Санация, которая никогда не была партией в полном смысле этого слова, не имела единой организации. Обладая значительными финансовыми средствами, бывшая правящая клика широко (для подполья) поставила издательскую деятельность, засыпала страну газетами, брошюрами, листовками с клеветой на прогрессивный лагерь, на коммунистов, на Советской Союз. Санация практически не создавала и собственных военных отрядов. Располагая офицерскими кадрами, она обеспечивала себе проникновение в военные организации различных направлений и получала там руководящие посты. Фактически овладев «Союзом вооруженной борьбы», она претендовала и на овладение подпольным гражданским управлением [19].

«Организация Польска» или группа газетки «Шанец» вышла из довоенной фашистской народовской группировки ОНР, объединявшейся вокруг газеты «АБЦ». Группа «Шаньца», как и санация, была против любых реформ и изменений. Она стояла за восстановление в Польше фашистского режима во главе с народовскими группировками.

Другое крыло ОНР (так называемая Фаланга) создало «Конфедерацию народа». «Конфедерация народа» и ее вооруженные отряды «Конфедерация збройна» [20] поддерживали отношения с эмигрантским правительством. Обе эти группы ОНР называли себя «лагерем великой Польши». Их программой была война против СССР за Польшу «от моря до моря». Весьма красноречивая карта их территориальных притязаний от Одера до Днепра и Дона, от Балтики до Черного моря воспроизведена в книге Ст. Кота «Письма из России к ген. Сикорскому» [21]. Основное внимание «Конфедерация народа» уделяла путям захвата всех украинских и белорусских земель. Как и большинство буржуазно-помещичьих группировок, свои захватнические аппетиты она мотивировала тем, что создание великодержавной Польши поможет разрешить социальные противоречия, развить промышленность страны, ликвидировать безработицу и аграрное перенаселение деревни. Программа «Конфедерации народа» заявляла, что только колонизация земель, главным образом на востоке,

[19] «Archiwum Zakładu historii partii przy KC PZPR (AZHP). Wydanie podziemne: L. Górski. Sanacja w akcji 1939—1942; «Kształtowanie się podstaw programowych PPR...», s. 211—212.

[20] Осенью 1941 г. вошли в состав «Союза вооруженной борьбы».

[21] St. Kot. Указ. соч., карта.

inslav

даст возможность провести «аграрную реформу», которая представлялась ею как насаждение на «восточных крессах» кулацких хозяйств в 20—30 га. Польская крупная земельная собственность при этом оставалась неприкосновенной. Мечтой этой группы был день, когда можно будет «взять обратно во владение свою собственность. А потом? Потом должен настать мир: получение от союзников границ [22], радость великодержавности, когда войска наши будут занимать признанные за нами выровненные границы, нечто вроде настроения после включения Заользья, и падение цен на продукты, возможность покупки одежды и обуви, наконец, электричество, дансинги, кино и радио» [23].

Претендовавшая на гегемонию и на единоличный захват власти партия Стронництво народове (СН) в начале 1940 г. начала восстанавливать старые связи в «Генерал-губернаторстве» и в районах, присоединенных к Германии. В ряде мест, как, например, в Познанском воеводстве, СН была самой крупной силой «лондонского лагеря» (в Познани она насчитывала 1500 членов). Когда же на повестку дня стали конкретные задачи борьбы против оккупантов, численность СН резко уменьшилась и деятельность ее ослабела. Стронництво народове, партия, выражавшая интересы крупной буржуазии и верхушки помещиков, не изменила позиций и программы, не сделала выводов из сентябрьского поражения Польши — краха буржуазно-помещичьего государства. В несколько менее резкой форме Стронництво народове проповедовало те же идеи, что и его крайне правое крыло из «лагеря Великой Польши». Эта партия решительно выступала против массового народного движения сопротивления оккупантам, которое неизбежно поставило бы вопрос и о существовании польского капитализма. Свои вооруженные силы «Народову организацию войскову», которая принадлежала к сильнейшим военным организациям страны и насчитывала более 70 тыс. человек, СН готовило для борьбы против революционного лагеря, для борьбы за власть [24].

К Стронництву народовому по своим великопольским шовинистическим взглядам близка была партия Стронництво праци. Эта либерально-буржуазная с клерикальным оттенком партия не имела значительной опоры в стране. Основу ее составляла часть средней и мелкой буржуазии, ремесленников, интеллигенции. Сама же она утверждала, что является «политическим лагерем польского мира труда» и «стоит на почве христианства, национальности, демократии, законности и социальной справедливости,... частной собственности» [25]. Правда, для избежания кризисов Стронництво праци предлагало каким-то образом контролировать частную собственность и планировать производство. Предполагалось ликвидировать картели, но не ущемлять права частной инициативы. Стронництво праци было согласно на то, чтобы «все сконцентрированные области экономической жизни и особенно горное дело, тяжелая промышленность и крупные финансовые учреждения были подвергнуты обобществлению, что не обязательно должно быть равнозначно национализации. Почта, железные дороги, телеграф и леса должны быть собственностью государства» [26]. Боясь скопления больших масс рабочего класса, Стронництво праци предлагало провести децентрализацию промышленности. Сельское хозяйство эта партия намеревалась строить на

[22] Но украинские и белорусские земли эта фашиствующая группировка предлагала захватить своими силами и таким образом поставить союзников перед совершившимся фактом.

[23] «Program Konfederacji Narodu», b. m., po 1941, s. 1.

[24] Ср. «Stanowisko Stronnictwa Narodowego w Kraju». London, 1944.

[25] «Program Stronnictwa Pracy». Kraków, 1944, s. 9.

[26] Там же, стр. 20.

inslav

основе «полноземельных и неделимых» крестьянских хозяйств. Крупная собственность парцеллировалась. Помещикам возмещались «убытки» в форме земельной ренты, выплачиваемой за счет государственного бюджета. Одновременно ликвидировались карликовые хозяйства. Пути их ликвидации Стронництво праци не указывало. Родственная ей католическая группа «Фронт возрождения Польши» предлагала ликвидировать карликовые хозяйства за счет объединения земельных участков одной семьи и отчасти за счет наделения крестьян землей [27]. Будущую Польшу Стронництво праци хотело восстановить как буржуазное парламентарное государство с сохранением значительного влияния и прав церкви. Границы страны на западе оно определяло по линии Одера — Ниссы Лужицкой. Говоря о восточных границах, Стронництво праци заявляло, что в состав Польши должна входить «вся территория польской цивилизации», с учетом не только национального состава населения, но и экономических и военных соображений.

СП не создавала своих военных отрядов, но идеологически примыкавшая к ней группа «Уния» имела военные формирования. Используя разногласия между борющимися группировками «лондонского» лагеря, представители Стронництва праци получали руководящие посты (премьер-министра, представителя правительства в стране и т. д.).

Кроме указанных основных буржуазных партий и группировок, в подполье существовали и другие правые организации. Принципиально они не отличались от перечисленных. По мере роста связей между группами большинство их влилось в близкие себе по духу партии и объединения. Хотя буржуазные организации, сотрудничавшие с эмигрантским правительством, отказывались от связей с санацией, в действительности они являлись ее политическими наследниками. Они враждебно относились к Советскому Союзу, требовали «границ 1939 г.», «границ 1772 г.», культивировали теорию «двух врагов», боялись всенародной вооруженной борьбы против оккупантов. С этим был связан фактический отказ буржуазных группировок от активной борьбы против немецко-фашистских оккупантов, надежда на восстановление Польши в результате послевоенных дипломатических комбинаций [28]. Этим же определялась вражда к демократическим и революционным силам страны, стремление подавить их. Для ведения борьбы против прогрессивных сил страны командование «Союза вооруженной борьбы» и Делегатура эмигрантского правительства уже с 1939 г. финансировали деятельность «Антикоммунистического агентства» («Антыка»), задачей которого были антикоммунистическая пропаганда и координация деятельности разведок реакционных групп в борьбе против прогрессивных и революционных элементов. Отличительной чертой буржуазного лагеря был почти полный отказ от проведения каких-либо социально-экономических реформ. Предлагаемые же мероприятия в этой области предполагали лишь более гибкое использование государственного аппарата для охраны капиталистической собственности и обеспечения высоких прибылей. Различные проекты «обобществления» или «национализации» промышленности, аграрных «реформ» должны были служить громоотводом, который обезопасил бы господствующие классы от революционной борьбы пролетариата и крестьянства. Политика буржуазно-помещичьих группировок, как поддерживавших эмигрантское правительство, так и находившихся к нему в оппозиции справа, была продолжением их довоенной антинародной, антисоветской политики, которая привела к гибели государства.

Единой организации, которая могла бы возглавить народные массы,

[27] «Program Frontu odrodzenia Polski», b. m., po 1939, str. 14.
[28] Ср. F. Goetel. Czasy wojny. London, 1955.

inslav

как уже отмечалось, не было. Но попытки создать руководящие центры рабочего и крестьянского движения предпринимались с первых же дней оккупации, независимо от эмигрировавших лидеров социалистической и крестьянской партией. Еще в декабре 1939 г. в повете Седльце-Подлясе была создана организация, принявшая наименование Всепольске стронництво людове (Всепольская крестьянская партия). Она создала исполнительный комитет и военную организацию, которая в январе 1940 г. начала партизанские действия в карчовских лесах, а в августе 1941 г.— в мельникских. Программа этой организации предусматривала переход помещичьей и государственной пахотной земли безвозмездно в руки крестьян; национализацию промышленных предприятий, лесов и вод; кооперирование торговли и промышленности; всестороннее обеспечение рабочих; беспроцентные долгосрочные кредиты для крестьян; всеобщее бесплатное образование [29].

В конце 1939 — начале 1940 г. в повете Подгродзе была создана «Революционная организация крестьян». При ней образовалась группа сопротивления из молодежи, принадлежавшей к «Вици» — довоенной прогрессивной крестьянской молодежной организации. Революционная организация крестьян была связана с созданной коммунистами организацией «Народная Польша». От нее она получала агитационную литературу [30].

В жешовском повете в ноябре 1940 г. возникла группа «Крестьянско-рабочее действие». Ее основали радикально настроенные интеллигенты, принадлежавшие к «Вици». В состав группы входило также несколько коммунистов. Группа поставила своей целью «борьбу с оккупантами и отечественной реакцией за новый демократический строй в будущей народной Польше». Издаваемая этой группой газета «Чын хлопско-работничы» пропагандировала единство крестьянства и рабочего класса в борьбе с фашизмом. Условием завоевания независимости члены группы считали активную борьбу всего польского народа, опирающегося на помощь Советского Союза. Программа организации предлагала еще во время оккупации создать революционные комитеты из крестьян и рабочих, которые взяли бы власть в свои руки и после освобождения обеспечили бы «немедленную и полную экспроприацию помещиков, фабрикантов и банкиров, а также взятие их собственности во владение всего общества: земля — крестьянам, фабрики — рабочим, банки — рабоче-крестьянскому государству» [31].

Центральное руководство людовцев возобновило свою деятельность только в конце февраля — начале марта 1940 г. К середине 1940 г. начали восстанавливаться связи с провинцией. Руководству партии удалось подчинить часть восстанавливавшихся в подполье крестьянских молодежных, женских и других организаций. Объединенное людовское движение, принявшее наименование «РОХ», оказалось в руках в основном правого крыла бывшего руководства (В. Витос, С. Корбоньский, Ю. Нечко, В. Вуйцик). Идейно-политически РОХ представлял разнородную организацию с большим различием между «верхами» и «низами».

Какой мыслило себе Польшу руководство РОХ, показывает «Идейно-программная декларация людовского движения» [32]. Начинается она с заявления о поддержке эмигрантского правительства и его политики. Границы будущей Польши людовцы определяли на западе по линии Одера — Ниссы Лужицкой, с присоединением Восточной Пруссии и Гданьска, а также с сохранением в составе Польши на востоке украинских и белорусских земель.

[29] AZHP, III F II/2—102.
[30] Там же.
[31] AZHP, III, F I/3—533; «Czyn chłopsko-robotniczy», 18. III 1941.
[32] «Deklaracja ideowo-programowa ruchu ludowego» b. m., po 1940, s. 16.

inslav

Основой внешней политики декларация выдвигала вариант средне-европейской федерации — «сотрудничество свободных народов» в рамках «Федерации крестьянских народов Средней Европы». Декларация заявляла о желании РОХ поддержать добрососедские отношения с Россией [33].

Переходя к рассмотрению основ внутренней жизни Польши, декларация прежде всего оговаривала свой «легализм», непринятие революционных переворотов. Программа социально-экономических реформ ставила все преобразования в зависимость от обеспечения свободы капиталистического пути развития сельского хозяйства американского типа. В области промышленности декларация предлагала ряд непоследовательных реформ, отражавших двойственную природу крестьянства. Декларация заявляла, что целью людовского движения является уничтожение «нетрудовых доходов и несправедливой эксплуатации наемного труда»; подчинение частной собственности (фактически крупнокапиталистической) общественным интересам; проведение «обобществления», т. е. передачи промышленных предприятий в руки «организованного общества», «главным образом кооперации и самоуправления», национализации военной промышленности, а также промышленности, «имеющей ключевой характер для всего общественного хозяйства (сырьевая, горнодобывающая, металлургическая, средства передвижения)» и крупных лесных владений. Над промышленными предприятиями, остающимися в частной собственности, осуществляется контроль «союза экономического самоуправления». Банковский и кредитный аппарат программа людовцев предлагала национализировать.

Сельское хозяйство должно опираться на семейные, самостоятельные, экономически мощные хозяйства. Для этого проводится немедленная конфискация без возмещения помещичьих имений площадью более 50 га и раздел их между «крепкими» крестьянами [34]. Средством против неизбежной дифференциации крестьянских хозяйств должно стать принятие законов, запрещающих раздел существующих хозяйств. Недостатки мелкой собственности предлагается компенсировать широким развитием различных видов кооперации, в том числе торговой.

Как видно, понятие «народная Польша» в устах руководства Стронництва людового соответствовало буржуазно-демократической республике. Предлагаемые ими реформы в области сельского хозяйства вели бы к укреплению и расширению капиталистических, кулацких и отчасти середняцких групп крестьянства. «Легализм» СЛ и отказ от применения революционных методов на практике означал передачу всего дела реформ в руки законодательного сейма, избранного на основе фашистской конституции 1935 г. Отказ руководства СЛ от сотрудничества с революционными организациями делал невозможным реализацию даже этой мало конкретной программы, не учитывавшей интересов широких масс крестьянства, в особенности бедноты и батраков. Однако стремление крестьянства к активной борьбе против оккупантов за независимость и за уничтожение помещичьего землевладения давало возможность рабочему классу установить сотрудничество с людовским движением в борьбе против фашизма и отечественной реакции.

[33] В ряде документов, например «Chłopi i nowa Polska» (принят в августе 1941 г.), СЛ открыто солидаризуется с реакционными требованиями «Польши от моря до моря», включением Белоруссии в состав Польши, заключением унии с «независимой» Украиной и Чехословакией. Этот же документ содержит выпады против СССР, против рабочего класса вообще, против его руководящей роли, против союза рабочего класса, крестьянства и других прогрессивных сил и проникнут духом антисемитизма, национализма, воинствующего «аграризма».

[34] По некоторым документам СЛ, размер вновь создаваемых хозяйств должен был равняться 6—25 га.

inslav

После длительных колебаний руководство людовцев под напором низов, которые фактически приступили к созданию вооруженных отрядов, согласилось на формирование собственной военной организации. Созданные в конце 1940 — начале 1941 г. крестьянские отряды, известные под именем батальонов хлопских (БХ), участвовали в борьбе крестьян против карательных экспедиций оккупантов, в саботаже и диверсиях. Характерно, что руководство людовцев одну из задач этих отрядов видело в «противодействии анархии в переломный момент» [35]. В ходе борьбы против оккупантов, часто в союзе с Гвардией людовой ППР и отрядами советских партизан, батальоны хлопске, малочисленные вначале, к 1943 г. выросли до 135 тыс. К лету 1944 г. они насчитывали около 157 тыс. бойцов и были самой многочисленной организацией подполья [36]. Наиболее активно движение БХ развернулось в Люблинском и Келецком воеводствах, где преобладали безземельные и малоземельные крестьяне. По своей боевой активности отряды БХ отличались друг от друга, что определялось социальным составом отрядов, воззрениями их командиров и т. д. В целом же крестьянские батальоны отказывались от предательского лозунга «стоять с ружьем у ноги», который проповедовал «Союз вооруженной борьбы» и которой им пытались навязать часть командования.

Официальная политическая линия руководства Стронництва людового, соответствовавшая в общем линии эмигрантского правительства, вызывала постоянную критику значительной части актива и рядовых членов партии, которые опасались, что сотрудничество руководства с буржуазно-помещичьими партиями приведет его к полному отказу от защиты основного требования крестьянских масс — ликвидации помещичьего землевладения. Враждебное отношение эмигрантского правительства к Советскому Союзу и его отказ от активной борьбы против оккупантов также не соответствовали позиции основных масс крестьянства. Это недовольство низов СЛ неуклонно возрастало. Значительное число организаций и отрядов БХ отказывалось от сотрудничества с «верхами». Так, во влодавском повете Люблинского воеводства возник «Млодокрестьянский союз». Одним из руководителей его был К. Сидор. Первоначально в «союзе» преобладала сельская интеллигенция, затем его основную массу составили крестьяне. Организация поставила своей целью мобилизовать возможно более широкие массы на борьбу против оккупантов. Собиралось оружие, вербовались новые члены, были уничтожены пункт сельскохозяйственных поставок и телеграфная линия. В 1941 г. «Млодокрестьянский союз» из-за идеологических разногласий порвал с командованием крестьянских батальонов и до 1942 г., до образования ППР, в которую он вступил, существовал самостоятельно под наименованием «Боевая народная организация». В конце 1941 г. руководители «Млодокрестьянского союза» связались с польско-советским партизанским отрядом «Федора» (Т. Альберта) и совместно с ним проводили боевые операции (уничтожили пост «синей полиции», почту, расстреляли нескольких изменников-шпионов) [37].

Оккупация способствовала углублению раскола среди социалистов, который шел по линии отношения к санации, к эмигрантскому правительству, к «Союзу вооруженной борьбы», к революционному рабочему движению, к СССР.

Лидеры ППС (Г. Либерман, А. Цолкош и др.), эмигрировавшие в Англию, создали «заграничный комитет ППС», представители которого (Я. Станчик и другие, а затем и сам Г. Либерман) вошли в правитель-

[35] «Gazeta Ludowa», 1.I 1948.
[36] «Zielony sztandar», 1957, N 1, s. 3.
[37] AZHP, III, F/2—178.

inslav

ство, активно поддерживая его политику. «Заграничный комитет ППС» в стране опирался на фактически самостоятельную партию «Свобода, равенство, независимость» (ВРН). Лидерами этой организации были К. Пужак, З. Заремба, Т. Арцишевский. Вооруженные отряды правых социалистов носили наименование «Гвардии людовой». Вражда к СССР, к польскому революционному рабочему движению — характернейшая черта этой «социалистической» партии, не выдвигавшей в своей программе будущей Польши требований, отвечавших интересам рабочего класса. Опубликованная в 1941 г. ВРН-овская «Программа Народной Польши»[38] заявляла о стремлении ВРН сплотить силы польской демократии для изгнания оккупантов. При этом ВРН солидаризировалась с буржуазной теорией «двух врагов» и ставила знак равенства между немецко-фашистскими оккупантами и Советской армией, осуществившей освободительную миссию в Западной Украине и Западной Белоруссии. ВРН ратовала за насильственное присоединение к Польше части украинских и белорусских земель, за восстановление границы 1921 г. Вести переговоры о некотором изменении линии границы ВРН соглашалась только с «независимыми Украинским и Белорусским государствами»[39]. Обеспечение интересов Польши на Балтике, в дунайском бассейне, свободный доступ к Черному, Северному и Адриатическому морям ВРН видела в организации «Средней Европы», а также в присоединении к Польше земель до Одера, а «возможно и Бранденбурга».

Программа ВРН заявляла, что польские социалисты выступают за установление в Польше «с первого дня республиканско-демократического строя, опирающегося на необходимые социальные реформы, обеспечивающие народным массам независимость и условия экономического, общественного и культурного развития». Довольно подробно излагались политические основы новой республики: предоставление широкого территориального, экономического, профессионального, кооперативного самоуправления; установление гражданских прав и свобод, равенство всех «лояльных граждан» перед законом и т. д. Причем это равенство всех тут же ограничивалось разнузданной антисемитской программой, выражавшей интересы польской буржуазии и националистической интеллигенции.

Программа говорила, что «первое правительство независимой Польши издаст немедленно после своего возникновения декреты, устанавливающие принципиальные основы как политической, так и общественно-экономической структуры новой республики». Первыми декретами должны быть декреты о проведении «аграрной реформы путем отчуждения крупных имений и создания из них запаса земли для парцелляции...; об экспроприации и передаче государству, самоуправлению и кооперации созревших для обобществления промышленных предприятий...» Причем официальные комментарии к программе особое внимание обращали на то, чтобы власти не допустили развития инициативы низов, требовали сделать все, чтобы «до минимума ограничить стихийные порывы в экономической области»[40].

Конкретизируя свои общие положения в области социально-экономических реформ, ВРН особое внимание уделяла обеспечению прав частного капитала и ремесленников[41]. Развиваемая ВРН программа «планирования», организации экономической жизни и т. д. фактически сводилась к сохранению весьма значительных прав бывших владельцев на

[38] «Program Polski Ludowej», Wyd. WRN, 1941.
[39] «Materiały do Programu Polski Ludowej». Zeszyt II, s. 4.
[40] Там же, стр. 2.
[41] Национализации подлежали предприятия с более чем 50 рабочими.

inslav

свои «национализированные» предприятия[42]. Руководство в обобществленных предприятиях должно было «находиться в руках их владельцев, действующих под контролем профсоюзов»[43].

В области сельского хозяйства «Программа народной Польши» по сути дела ничего не прибавляла кроме того, что «крупная земельная собственность будет отчуждена без возмещения, а основой аграрного строя будут самостоятельные хозяйства», обрабатываемые владеющей ими семьей. Не определялся ни размер отчуждаемых поместий, ни вновь создаваемых хозяйств. Не указывались конкретные пути реализации аграрной реформы. Никакой ясности не внесли и опубликованные в 1942 г. «Материалы к Программе Народной Польши»[44]. «Уточнения» сводились лишь к указанию на то, что земля будет принадлежать тем, кто ее сам обрабатывает, но тут же допускалась (с оговорками) возможность применения наемного труда. Предусматривалось, что помещичья земля в первую очередь делится между сельскохозяйственными рабочими, далее увеличиваются малоземельные хозяйства, а избыток земли идет на создание новых хозяйств местных безземельных крестьян и переселенцев из более населенных районов.

Постепенно правые социалисты в угоду польской реакции фактически отказались от своей программы. Появились планы сохранения части помещичьих хозяйств, одновременно с этим заговорили о вознаграждении за отчуждаемую землю, леса и хозяйственные постройки. Причем вопрос о возмещении помещикам за землю ВРН согласилась передать на решение сейма[45]. В борьбе за влияние в деревне ВРН пыталась привлечь на свою сторону сельскохозяйственных рабочих и деревенскую бедноту, в отличие от Стронництва людового, которое делало ставку на кулачество и зажиточных середняков. Однако фактически обе партии пошли на поводу у польской реакции, предали интересы крестьянства.

Внешнеполитическая часть программы ВРН и «Материалов к программе» весьма откровенно говорит об агрессивных планах в отношении соседних с Польшей государств, путях подчинения их Польше. Проектируемая ВРН организация Средней Европы должна была иметь ярко выраженную антисоветскую направленность. Возглавляемая Польшей Средняя Европа по мысли руководителей ВРН должна была явиться всего лишь орудием для обеспечения англо-американского господства над миром. «Речь Посполитая,— гласил официальный комментарий к программе ВРН,— войдет в состав Союза свободных народов Европы... Проведение... коренных структурных реформ как в Польше, так и в других странах, которые войдут в состав будущей Среднеевропейской федерации, равно как и обеспечение тесного сотрудничества в рамках соответствующих международных институций во главе с Великобританией и Соединенными Штатами — вот основы, на которые должна опираться независимость Польши... Союзу свободных народов государства передадут часть своих суверенных прав»[46].

Таким образом, вся деятельность этой «социалистической»[47] партии укладывалась в рамки курса польского эмигрантского правительства.

---

[42] «Program Polski Ludowej», s. 7.

[43] См. Ф. Юзьвяк (Витольд). Польская рабочая партия в борьбе за национальное и социальное освобождение. М., 1953, стр. 48.

[44] «Materiały do Programu Polski Ludowej», zeszut I, s. 7.

[45] «Wieś wspołczesna», 1960, N 6, s. 101—102.

[46] «Materiały do Programu Polski Ludowej». Zeszyt II, s. 1.

[47] Кстати, слова «социализм» в программе вообще нет. Только в 1943 г. в третьей тетради «Материалов к Программе народной Польши», посвященной вопросам культуры, встречается единственный раз выражение «социалистический строй»: «Только при социалистическом строе культура может быть понята как полная творческая жизнь личности и общества» (стр. 1).

inslav

Разрешение социальных противоречий путем революции руководство ВРН, как и руководство Стронництва людового, полностью отвергало. «Решать» предоставлялось «элите», господствующим классам, которым прислуживало и интересы которых фактически защищало руководство ВРН. Политические же основы государства и пути разрешения социальных проблем целиком ставились в зависимость от решений Законодательного сейма, на который трудящимся предоставлялось право «оказывать влияние». Правосоциалистическая «Программа народной Польши» не предусматривала уничтожения капиталистического строя в Польше [48].

В 1940 г. В. Заремба обратился к Стронництву людовому с предложением заключить «Пакт трех» — «Союза вооруженной борьбы», Стронництва людового и ВРН,— чтобы обеспечить этим организациям захват власти после разгрома Германии и, установив на 10 лет их диктатуру, воплотить в жизнь выработанную ВРН программу государственного устройства. Этот проект, сочиненный совместно с руководством РОХ, аналогичный «Программе народной Польши», в последний момент отказалось подписать даже руководство Стронництва людового [49].

Обладая значительными финансовыми средствами, в том числе из фондов правительства, сохранив довоенные связи и кадры, руководству ВРН удалось удержать в своих организационных путах бо́льшую часть партии [50]. Некоторые местные социалистические группы, не разделяя политических взглядов руководства ВРН, но не имея связей с организациями левых социалистов, ограничивались лишь организационными контактами с ВРН. Фиктивными были связи руководства ВРН с Домбровским бассейном, Силезией, Краковом, Радомским округом [51]. Орган краковской социалистической организации газета «Вольность» активно выступала против концепций руководства ВРН, особенно по вопросу об отношении к СССР. То же было и с военными организациями [52]. В ряде мест социалисты практически бездействовали, склоняясь, правда, больше к левым течениям в ППС (Познань и воеводство) [53]. В Лодзи социалистическая группа во главе с Х. Ваховичем действовала независимо от ВРН.

Левое течение довоенной ППС постепенно оформилось (к сентябрю 1941 г.) в единую организацию под названием Польские социалисты (ПС). Возглавили ее А. Прухник, С. Худоба, Ю. Цирankевич, Э. Осубка-Моравский и др. Польские социалисты были противниками санации. Они заявили о своей борьбе за социалистическую Польшу. Орган ПС «Баррикада Вольности» писала: «Мы — социалисты, не стыдящиеся слова социализм. Мы говорим ясно и открыто, к чему мы стремимся. Мы боремся с грубым насилием оккупантов, но ни на минуту не прекращаем борьбы с польской реакцией. Нашей целью является восстановление независимой социалистической Польши в свободной социалистической Европе» [54]. Политическая декларация Польских социалистов, принятая на конференции в сентябре 1941 г., заявляла, что целью организации является «социализм, независимость и свобода; объединение социалистического движения, установление тесного союза рабочих, крестьян и интеллигенции, создание в революционный момент этими массовыми движениями народ-

[48] Характерно, что сама ВРН не исключала возможности того, что после освобождения в Польше может быть восстановлена власть капитала и трудящимся массам вновь придется бороться «за демократию» («Wojsko i rewolucja», b. m., po 1942, s. 7)
[49] «Gazeta Ludowa», 1.I 1948.
[50] AZHP, 76/III — 344.
[51] « Krztałtowanie się podstaw programowych PPR...», s. 206.
[52] AZHP, 76/III—343.
[53] «Najnowsze dzieje Polski», t. III, s. 50—51.
[54] «Barykada wolności», 22.VI 1941.

inslav

ного правительства, правительства национальной независимости, социального переустройства»[55].

Порвав с ВРН, «баррикадовцы» еще не освободились окончательно от идеологии правых пэпэсовцев. Заявляя о своей борьбе за социалистическую Польшу, они допускали ошибки в оценке роли СССР в международном рабочем движении. Польские социалисты больше надежд связывали с победой революции в Германии и Европе, чем с борьбой Советского Союза против фашизма[56]. Порвав с ВРН, Польские социалисты сделали только первый шаг на пути преодоления наследия социал-демократизма и шовинизма. В руководстве Польских социалистов сохраняли еще влияние правые элементы. Это, а также отсутствие четкости и ясности в их идеологической и политической программе, в понимании путей достижения конечной цели определяло постоянные организационные и идейные шатания Польских социалистов. Но рядовые члены организации хотели бороться и боролись против оккупантов. Выражением этого было их активное участие в проведении саботажа на предприятиях и создание в сентябре 1941 г. отрядов милиции. На бойцов милиции опиралось наиболее левое течение Польских социалистов — группа, сплотившаяся вокруг газеты «Штандар вольности». Рядовые рабочие-социалисты часто выступали в борьбе вместе с коммунистами. Еще в 1940 г. в Домброве Гурничей был создан подпольный городской магистрат из социалистов и коммунистов, который добился определенных успехов в защите интересов рабочего класса и охране городского хозяйства от разорения оккупантами.

Таким образом, ни Польские социалисты, ни тем более ВРН и Стронництво людове не могли встать во главе польского народа в его борьбе против оккупантов и отечественной реакции за подлинно народную Польшу.

Ответственность за судьбы народа могли взять на себя только силы, которые объединяли активную национально-освободительную борьбу с осуществлением широких и глубоких революционных преобразований — рабочий класс и его авангард — коммунисты. Реализация задачи объединения всех сил народа на борьбу против оккупантов осложнялась отсутствием у польского рабочего класса в тот период боевой партии, которая бы повела за собой народ, дала бы четкую политическую программу и единое монолитное руководство национальному фронту. Воссоздание марксистско-ленинской партии рабочего класса явилось поэтому первоочередной задачей, без разрешения которой польский рабочий класс не мог стать руководителем народных масс в борьбе за национальное и социальное освобождение. Однако среди польских коммунистов существовали различные мнения о путях возрождения партии, о сплочении в единую организацию[57].

Споры и дискуссии по организационным, политическим и идеологическим вопросам, а также о формах борьбы против оккупантов влияли на деятельность коммунистических организаций, возникавших в «Генерал-губернаторстве» и в присоединенных к Германии районах. В некоторых местах, в Познани, Заверце, например, они восстанавливали свое наименование — Коммунистическая партия Польши. Познанская организация коммунистов приобрела большое влияние не только в городе, но и во всем воеводстве. Она связалась с Лодзью и рядом других городов. Принятая группой программа борьбы за новую Польшу предусматривала

[55] «Barykada wolności», 21.IX 1941.

[56] Ср. «Barykada wolności», 26.VI и 23.XII 1941. Но эта газета публиковала и вполне правильные статьи по тем же вопросам, в частности, о политике СССР в 1939 г. («Barykada wolności», № 1, 1942.).

[57] M. Malinowski. Указ. соч., стр. 33—34.

inslav

целый ряд мероприятий и социально-экономических реформ народно-демократического характера. В вопросе о будущих границах свободной Польши познанская коммунистическая группа требовала возвращения Польше ее исконных западных земель [58].

Довольно скоро разрозненные коммунистические группы пришли к необходимости объединить силы и координировать свою деятельность. Об этом свидетельствует история варшавской группы с Жолибожа и Грохова, возникшей в конце 1939 г. Эта группа издавала с марта 1941 г. радиобюллетень, газеты и различные брошюры, вела активную пропагандистскую работу [59]. В декабре 1940 г. в руководстве группы произошел раскол по организационным вопросам. Одни («тройка») считали, что необходимо создать единую, большую организацию, которая охватила бы всю страну и подготовила бы восстановление партии. Они вошли в состав вновь возникшей организации, известной под именем «Молот и Серп». Большинство («пятерка»), считавшее подобные действия преждевременными и стоявшее за сохранение существующих форм организации, вскоре, однако, вынуждено было пересмотреть некоторые свои позиции. Весной 1941 г. оно создало более сплоченную организацию «Общество друзей СССР», поставившее целью разъяснить массам роль и значение Советского Союза, естественного союзника польского народа в его борьбе за свободу и национальную независимость. «Общество друзей СССР» стояло за создание широкого национального фронта, выступало за установление власти пролетариата. В области будущего государственного устройства Польши «Общество» выдвигало лозунг польской советской республики [60]. Являясь пролетарской, интернационалистической, патриотической организацией, «Общество друзей СССР», однако, не имело четкой программы, которая определяла бы его отношение к вооруженной борьбе против немецко-фашистских захватчиков [61]. Правда, уже летом 1941 г. при «Обществе» был создан военный отдел — «Гвардия роботнича», которую возглавил Б. Гайевский. «Общество друзей СССР» было против создания единой централизованной организации. Оно считало, что во имя партийной дисциплины необходимо ожидать решения Коминтерна и польской коммунистической эмиграции в СССР, находившейся в распоряжении Коминтерна. Организация «Молот и Серп» (руководитель Ст. Зайонц) предлагала создать сплоченную общепольскую коммунистическую организацию немедленно, не ожидая чьего-либо разрешения, и основной ее задачей поставить сплочение сил в единый народный фронт. Этой группе удалось объединить многие мелкие коммунистические группы из Люблинского, Жешовского, Келецкого воеводств, из Силезии, а также группу радикальных людовцев во главе с Ю. Вечореком и М. Кубицким, часть левых социалистов из группы «Штандар вольности» [62]. Программная декларация группы «Молот и Серп» говорила о том, что она ведет вооруженную борьбу с оккупантами за независимость Польши и за социальное освобождение рабочего класса в союзе с СССР. Члены этой группы полагали, что в результате неизбежного военного столкновения между Германией и Советским Союзом фашистская Германия вскоре будет разгромлена. Освобожденная Советской Армией Польша войдет в состав СССР в качестве союзной советской социалистической республики. Задачей польских революционеров останется только подготовка кадров для будущего государственного аппарата и организация военных отрядов в помощь освобождающей Польшу Совет-

[58] AZHP, III F, I/6—101, III P/25—89.
[59] AZHP, III F, II/KŁ — 23, III, F, II/KŁ — 4, III F, II/KŁ — 8.
[60] «Trybuna Wolności», 1—15.IX 1945; AZHP, III F, II/KŁ — 24.
[61] Ф. Юзьвяк. Указ. соч., стр. 57; M. Malinowski. Указ. соч., стр. 35—36.
[62] AZHP, III F, II/KŁ—25.

inslav

ской Армии [63]. В этих целях при руководстве группы «Молот и Серп» был создан военный отдел, возглавивший работу по организации Красной милиции (руководитель — Мариан Кубицкий). К весне 1941 г. в Варшаве отряды милиции насчитывали около 200 человек, по всей же стране — до тысячи [64]. Члены другой коммунистической группы «Вольность» (сентябрь — октябрь 1939 г.) и ее преемницы «Стшалы» (руководящую роль в которых играли Ганна Шапиро — «Савицкая», Ладислав Бучиньский — «Казик Дембяк», Метек Вальчак) одними из первых подняли вопрос об активной, вооруженной борьбе всего польского народа против немецко-фашистских захватчиков за освобождение Польши от оккупации и одновременно за социальное освобождение польского народа. Однако полного единства в вопросе о формах и методах борьбы против немецко-фашистской оккупации в группе еще не было. На I конференции, происходившей в феврале 1940 г., большинство во главе с Казиком Дембяком считало, что группе «Стшалы» необходимо самоопределиться как организации и немедленно приступить к вооруженной борьбе и диверсиям против оккупантов. Меньшинство во главе с Г. Савицкой утверждало, что подобное решение преждевременно. Конференция приняла предложение большинства [65–66]. Казик Дембяк приступил к формированию партизанского отряда.

Вскоре после конференции Савицкая перешла в тесно связанную со «Стшалами» молодежную антифашистскую группу, созданную комсомольцами и бывшими деятелями «Жиче», известную под именем «бюллетеньцев» (они выпускали радиобюллетень). Руководителями группы были Е. Альбрехт, М. Спыхальский, С. Яворская и др. Состоявшая в основном из учащейся молодежи и молодых специалистов и связанная с рабочими Варшавы, эта группа занималась идейно-просветительной работой не только среди своих членов, но и в других прогрессивных организациях Варшавы и ее окрестностей, а также Лодзи и Ченстохова [67].

В вопросе о характере будущей революции, о характере власти «бюллетеньцы» (как «Молот и Серп» и большинство коммунистов) придерживались мнения, что в Польше после освобождения произойдет социалистическая революция и будет установлена диктатура пролетариата. Однако они значительно большее внимание, чем другие, уделяли вопросу о путях подхода к социалистической революции, о союзниках рабочего класса, о вовлечении в борьбу всех сил, которые в условиях оккупации могли бы бороться за независимость страны [68]. Некоторые дополнительные сведения об их взглядах дает декларация краковской организации «Народная Польша» (руководители М. и П. Левиньские, И. Фик, Т. Пильц), связанной с «бюллетеньцами». Декларация призывала к быстрейшему развертыванию борьбы против оккупантов и их польских сообщников. Она говорила о сотрудничестве всех истинно социалистических, людовских (крестьянских) и демократических элементов в восстановлении Польской республики, о сотрудничестве на основе равноправия и самоопределения наций будущей народной Польши с соседними народными республиками, которые возникнут после войны на развалинах буржуазных государств [69]. В числе организаций и групп, стоявших на сходных позициях, были «Рабоче-крестьянское объединение», «Союз освобождения народной Польши» и др.

Всему революционному лагерю были свойственны глубокий, истинный патриотизм и пролетарский интернационализм, в Советском Союзе видел

[63] AZHP, III, F, II/KŁ—25.
[64] AZHP, III F, II/KŁ—25; M. Malinowski. Указ. соч., стр. 42.
[65–66] H. Jaworska Było nas stu.— «Płomienie», Warszawa, 1948, s. 23—24.
[67] AZHP, III, F, II/KŁ—2.
[68] AZHP, III F, II/KŁ—5.
[69] AZHP, III F, II/KŁ—17.

inslav

он верного союзника польского народа. Это отражали и названия групп: «Общество друзей СССР» (Варшава), «Фронт борьбы за нашу и вашу свободу» (Лодзь), «Кружки друзей Советского Союза» (Домбровский бассейн) и т. д. Коммунистические группы искали пути и формы активной бескомпромиссной борьбы за национальное освобождение, за Польшу рабочих и крестьян, стремились к низвержению буржуазного строя и коренному государственному, политическому, социальному переустройству Польши. Творчески используя традиции и опыт народного фронта 30-х годов, польские коммунисты начали сплачивать силы, способные выступить на борьбу за национальное освобождение, создать широкий народный антифашистский фронт. Они привлекали к непосредственной работе в организациях деятелей левого социалистического и людовского движений, а также устанавливали контакты и связи с организациями крестьян, трудящейся интеллигенции, со всеми теми, кто хотел бороться против оккупантов.

Рост числа политических организаций революционного, патриотического направления в Польше являлся выражением политического подъема трудящихся масс, которые включались в борьбу против немецко-фашистской оккупации. Однако в течение 1939—1942 гг. в национально-освободительном движении польского народа преобладали стихийные формы сопротивления. Это объяснялось отсутствием единого руководства, которое могла осуществить только революционная марксистская партия. Слабо связанные между собой подпольные патриотические группы не могли создать единого национального фронта борьбы с немецко-фашистской оккупацией.

И все же революционному патриотическому движению, которое хотя и было в значительной мере децентрализованным, принадлежало будущее. В жарких дискуссиях по идеологическим и организационным вопросам, в поисках форм борьбы иногда проявлялись тенденции сектантства и местничества, были попытки догматического применения некоторых положений марксизма-ленинизма. Оторванные от мирового коммунистического движения, коммунисты Польши не смогли быстро и своевременно реагировать на изменяющуюся обстановку, выработать единую программу, преодолеть идеологические разногласия. Однако определяющим для революционного движения, руководимого коммунистами, с самого начала было стремление к активному вооруженному сопротивлению германскому фашизму. Польские коммунисты связывали борьбу за национальное освобождение с ликвидацией капиталистической эксплуатации, уничтожением помещичьего землевладения, установлением власти народа. Союзника польского народа они видели в Советском Союзе и в демократических силах мира. Вокруг этих лозунгов коммунисты могли сплотить и уже начали сплачивать рабочий класс, крестьянство, трудовую интеллигенцию, все патриотические силы страны. Именно поэтому развитию национально-освободительного движения польского народа, которое неизбежно ставило вопрос о ликвидации капиталистического строя в стране, препятствовали буржуазные элементы внутри страны, а также польские реакционные эмигранты.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ СОВЕТСКО-ПОЛЬСКОГО СОГЛАШЕНИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ НА ТЕРРИТОРИИ СССР ПОЛЬСКОЙ АРМИИ. ОБРАЗОВАНИЕ ПОЛЬСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ И ЕЕ ПРОГРАММА НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ

22 июня 1941 г. в непосредственную борьбу против фашизма включился Советский Союз, наиболее последовательный и решительный защитник свободы и независимости народов.

inslav

Интересы борьбы против блока фашистских государств требовали объединения сил, создания антифашистской коалиции. Усилия Советского Союза и его правительства в установлении боевого сотрудничества встретили поддержку народных масс Англии, США и других государств.

Решающим условием победы польского национально-освободительного движения являлся тесный союз с народами Советского Союза. Польское же эмигрантское правительство вопреки национальным интересам страны продолжало прежнюю политику и не желало сотрудничества с СССР. Более того, на второй день войны оно выступило с территориальными претензиями к СССР. Позиция Сикорского, вызвавшая осуждение мирового общественного мнения, ослабила позиции эмигрантского правительства в стране и на международной арене. Поэтому Сикорский был вынужден начать переговоры с Советским Союзом [70].

В вопросе о заключении соглашения с СССР разошлись точки зрения реакционно-санационного и либерально-демократического крыла правительства. За соглашение с СССР были Стронництво людове, Стронництво праци, большинство представителей ППС с Либерманом во главе, а также более умеренное крыло СН, так называемые «староэндеки». Против соглашения выступали пилсудчики (Соснковский, Залесский) и «молодые» эндеки — фашиствующее правое крыло (Белецкий, Сейда, Фолькерский) [71]. Реакционные элементы в правительстве отказывались от какого бы то ни было союза с СССР. В качестве повода для отказа использовалось отсутствие в подготовленном соглашении упоминания о границе между государствами [72]. Они требовали как минимум границы 1921 г. [73] Они заявляли также, что заключать соглашение нецелесообразно еще и потому, что СССР якобы в скором времени потерпит поражение [74]. Солидаризируясь с крайней реакцией, президент Рачкевич отказался ратифицировать соглашение. Однако в связи с тем, что большинством голосов на заседании Совета министров соглашение было принято, оно фактически вступило в силу. В знак протеста против подписания советско-польского соглашения подали в отставку пилсудчики и «молодые» эндеки: Соснковский, Залесский, Сейда и Фолькерский [75]. Они надеялись, очевидно, вызвать кризис правительства, отставку Сикорского и сорвать тем самым выполнение соглашения.

Характерно, что только в подобном составе правительство летом 1941 г. впервые приняло официальную программу своей деятельности — «Идейно-политическую декларацию». «Главной целью национального единства,— гласит декларация,— является освобождение Польши и уста-

[70] Следует напомнить, что 13 июля 1941 г. было заключено англо-советское соглашение, а 18 июля — советско-чехословацкое.

[71] St. Kot. Указ. соч., стр. 10.

[72] См. «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. 1, М., 1944, стр. 138 и сл.

[73] См. выступление Адама Цолкоша («Wiadomości Polskie», 1942, № 12). Без площадной брани, как у Цолкоша, но по сути дела о том же говорит и «Rzeczpospolita Polska»: «...как Версальский договор, так и Рижский не удовлетворил, по крайней мере полностью, ее (Польши.— *В. П.*) законных национальных стремлений». И далее — «не позволим подвергать сомнению в какой-либо форме, если речь идет о наших восточных границах, того минимума наших владений, которые закрепил Рижский договор» («Rzeczpospolita Polska», 16.IX 1942).

[74] Вот что говорил Соснковский на заседании Совета министров 25 июля 1941 г.: «Я считаю иллюзией веру англичан в так называемый успех на большевистском фронте. В действительности немцы никогда еще так быстро не двигались вперед. Я убежден, что Москва падет в ближайшее время, и именно тогда Советы будут более склонными на уступки, а англо-саксонский мир перестанет с ними считаться, как теперь» (цит. по M. Turlejska. O wojnie i podziemiu, Dyskusje i polemiki. Warszawa, 1959, s. 51).

[75] W. Jędziejewicz. Poland in the British Parlament Documentary material. Relating to the Cause of Poland during world war II. Vol. I, march 1939 — august 1941. N. Y., 1946, p. 47. Сейда вскоре по настоянию Сикорского возвратился в правительство.

inslav

новление в ней после войны демократического строя». Основной своей задачей правительство признавало «путем активнейшего участия в войне и мирных конференциях обеспечить непосредственный и широкий доступ к морю, а также границы, дающие гарантию прочной безопасности Польской республики». Далее заявлялось, что «ничем не предрешая будущего политического и экономического строя государства, правительство не допустит установления «правления личности, клик, а также различных олигархических групп, к какому бы классу населения они ни принадлежали».

Декларация заканчивалась туманными обещаниями об «осуществлении принципов справедливости, права всех на труд с особым принятием во внимание права крестьянских масс на землю и ее справедливое разделение между ними, а также влияния рабочих масс и работников интеллектуального труда на производство и справедливое участие в его плодах, а равным образом охрану труда от эксплуатации, с целью обеспечения рационального общественного производства в интересах всего населения...» Идейно-политическая декларация правительства предвещала, таким образом, установление в Польше буржуазной парламентарной республики, сохранение капиталистической эксплуатации и, в лучшем случае, проведение нового варианта кулацкой аграрной реформы [76].

Заключение соглашения об урегулировании отношений и взаимной помощи между СССР и Польской республикой от 31 июля и дополнявшее его военное соглашение об условиях формирования польской армии в СССР от 14 августа 1941 г. было с энтузиазмом воспринято польскими трудящимися массами. Хрестоматийным примером уже стал эпизод с запиской, приколотой на груди убитого патриотами фашиста: «Советско-польское соглашение вступило в силу».

Выражая интересы широких народных масс, «Общество друзей СССР» в своей прокламации призвало польский народ оказывать всемерную помощь частям сражающейся Красной Армии. «Сегодня у нас одна цель — это помощь Советскому Союзу. Ибо только через победу Советского Союза ведет дорога к свободе, истинной общественной справедливости, к национальной независимости — к Польше трудящихся города и деревни. Поэтому пусть во всем проявляется наша помощь» [77–78].

Левые социалисты также выступили с призывом поддержать освободительную борьбу советского народа. «Баррикада вольности» вскоре после нападения фашистской Германии на СССР опубликовала программную статью «Мы не нейтральны в отношении к советско-германской войне». Она содержала ряд неверных оценок политики фашизма. Однако главным в ней был призыв к поддержке СССР в его борьбе с гитлеризмом. Польские социалисты заявляли, что у Польши только один враг — германский империализм, и первейшая задача польского народа, как и всех народов мира,— уничтожить фашизм. «Баррикада вольности» призывала правительство Сикорского заключить с СССР соглашение о совместной борьбе против гитлеровской Германии [79]. После урегулирования советско-польских отношений «Баррикада вольности» писала, что хотя социалисты не с Сикорским, но в вопросе о соглашении, как и весь народ, который на стороне СССР, они поддерживают Сикорского. Газета «Вольность» в своих комментариях пошла еще дальше. Она заявила, что это первое выгодное для Польши соглашение, что это

---

[76] «Rzeczpospolita Polska», 11.XII 1941.
[77–78] «W XXXV rocznicę Wielkiej Październikowej rewolucji socjalistycznej». Warszawa, 1952, s. 474.
[79] «Barykada wolności», 29.VI 1941.

inslav

луч света в мрачной действительности польского народа. «Вольность» заявила, что вопрос о советско-польской границе будет разрешен на будущей мирной конференции с учетом пожеланий народов, населяющих эти территории. Газета выразила надежду, что к тому времени Польша будет социалистической и демократической, и поэтому легко придет к соглашению с социалистическим Советским Союзом [80].

В условиях активизации борьбы польского народа и особенно пролетариата руководители левых социалистов выдвинули лозунг объединения сил социалистической левицы на платформе революционных социальных преобразований и сотрудничества с Советским Союзом [81], что и было осуществлено в сентябре 1941 г.

По иному расценивали эти соглашения буржуазные круги. Для эмигрантского правительства это было временное, конъюнктурное соглашение. «Польское правительство,— писала правительственная газета,— считаясь с ситуацией и тогдашней конъюнктурой, решилось вступить на путь соглашения с Советским правительством. И поступило правильно, ни от чего в наших восточных вопросах не отступаясь и ни от чего не отказываясь, получило для Польши реальную выгоду и одновременно создавало в глазах союзников новые доводы способности и желания Польши проводить позитивную и конструктивную международную политику» [82]. Сходных взглядов придерживались все буржуазные группировки, для которых главным было создание польских вооруженных сил в СССР.

Газеты ВРН и Бунда снабжали свои сообщения провокационными домыслами и «комментариями». ВРН выпустила специальное воззвание «К трудящемуся народу городов и деревень», полное злобы и ненависти к Советскому Союзу, к советскому народу. ВРН, как и многие буржуазные группировки, опасалась, как бы армия не попала под влияние польских коммунистов в СССР [83]. Состоявшееся в сентябре 1941 г. совещание ВРН призывало «прекратить прославление соглашения». Более того, ВРН в знак протеста против заключения советско-польского соглашения вышла из состава Политического согласительного комитета в стране [84]. Правда, в Лондоне министры-социалисты не пожелали оставить свои министерские портфели.

На основе заключенного 14 августа 1941 г. военного соглашения [85] на территории Советского Союза началось формирование польской армии, для которого Советский Союз предоставил безвозвратный заем в размере 100 млн. руб. Были амнистированы польские граждане, находившиеся в советских местах заключения за их преступления против социалистического государства, и освобождены все польские военнопленные. Даже посол эмигрантского правительства в СССР Ст. Кот вынужден был признать, что советские власти делали все, чтобы облегчить организацию войска генералу В. Андерсу, назначенному эмигрантским правительством командующим польской армией в СССР [86]. Факты, приведенные в

[80] «Wolność», 11.VIII 1941.

[81] J. Mulak, M. Zawadka. Historia PPS. Grudządz, 1947, s. 33.

[82] «Rzeczpospolita Polska», 16.IX 1942.

[83] «WRN», 27.VII—9.VIII 1941, заявление от 2.VIII 1941.

[84] «WRN», IX 1941 (приблизительно 9—27.IX 1941. Дата на газете не сохранилась). Почти одновременно с демонстративным выходом ВРН из Политического согласительного комитета в отставку подал и делегат Ц. Ротайский.

[85] Текст см. «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. 1, стр. 129, а также St. Kot. Указ. соч., стр. 449—450.

[86] St. Kot. Указ. соч., стр. 12.

Владислав Андерс (род. 1897 г.) до 1917 г. был офицером царской армии. Во время гражданской войны Андерс боролся против Советской власти, затем перешел в армию кайзеровской Германии, а после поражения Германии — в польскую армию, где занимал ряд ответственных командных постов. Был близок к окружению Рыдз-Смиглы.

inslav

мемуарах Андерса и его адъютанта Климковского, говорят о том же[87]. Начальником штаба армии стал полковник Л. Окулицкий.

Сложнее обстоял вопрос с вооружением для польских частей. Это были труднейшие для Советского Союза месяцы. Значительную часть его территории захватил враг, а эвакуированные на восток предприятия еще не вступили в строй. В целом промышленное производство СССР уменьшилось в два раза, а фронт требовал бесперебойного снабжения оружием, боеприпасами, снаряжением[88]. Поэтому Советское правительство взяло на себя обязательство вооружить только одну из двух создаваемых польских дивизий[89]. Вооружение для другой должна была прислать Англия. Однако, как писал Сикорский У. Черчиллю, «ни один транспорт вооружения не дошел до польской армии в СССР в течение целого года»[90].

Предусмотренная в 30 тыс. человек численность польских войск в СССР вскоре была превышена и достигла 44 тыс. человек. Реакционное офицерство так же, как и в польской армии на западе, пыталось возродить санационные порядки, антисемитизм, ненависть к советскому народу, его государственному и общественному строю, ненависть к демократическим силам Польши[91]. Командование скрывало от солдат даже бюллетени польского посольства, в которых сообщалось о гитлеровском терроре в оккупированной Польше и иногда проскальзывали факты о сопротивлении оккупантам.

Солдаты искренне верили, что они пойдут в бой против германского фашизма плечом к плечу с советскими воинами. Особенным энтузиазмом отличались солдаты 5-й дивизии. Ее командиром был генерал Борута-Спехович, а начальником штаба полковник З. Берлинг[92]. Борута и его солдаты неоднократно заявляли о своей готовности идти на фронт, но встретили отказ Андерса. Вскоре Андерс вообще выслал в Англию этого мешавшего ему генерала. Различного рода гонениям и изоляции подвергались и другие демократически настроенные солдаты и офицеры и даже просто сторонники Сикорского[93].

В декабре 1941 г. во время пребывания генерала Сикорского в Москве Советское правительство согласилось удовлетворить его просьбу и увеличить армию до 96 тыс. человек (6 дивизий). Для облегчения набора

[87] Wł. Anders. Mémoires 1939—1946. Paris, 1948, p. 86—188; J. Klimkowski. Byłem adjutantem Andersa. Warszawa, 1959, s. 126, 129, 132, 146, 147, 154.

[88] «Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.», т. 1. М., 1957, стр. 18—20; «История СССР. Эпоха социализма 1917—1957», М., 1957, стр. 565.

[89] St. Kot. Указ. соч., стр. 173, 175. В начале января 1942 г. СССР дал вооружение для второй дивизии (там же, стр. 246).

[90] St. Kot. Указ. соч., стр. 350—351.

[91] Вот характерное высказывание начальника штаба Л. Окулицкого, приводимое Ст. Струмпф-Войткевичем: «Сто тысяч повесим, а остальных возьмем за глотку,— сказал мне Окулицкий, правда, в состоянии легкого опьянения. «Кого повесите?— спросил я.— Коммунистов?» «О них я даже не говорю,— ответил он.— Я говорю о социалистах, людовцах, народных учителях и всякой другой сволочи»». (St. Strumpf-Wojtkiewicz. Wbrew rozkazowi. Warszawa, 1959, s. 229—230. См. также «Отчет по делу об организаторах, руководителях и участниках польского подполья в тылу Красной Армии на территории Польши, Литвы, западных районов Белоруссии и Украины, рассмотренных военной коллегией Верховного Суда СССР 18—21 июня 1945 г.», Стенографический отчет, М., 1945).

[92] О иных настроениях в этой дивизии по сравнению с другими пишет Струмпф-Войткевич (указ. соч., стр. 227) и Ст. Кот (указ. соч., стр. 224—225). Об этом же, а также о хорошем отношении Боруты к советским офицерам, а, с другой стороны, о его разногласиях с Андерсом сообщает Е. Климовский (указ. соч., стр. 236—247).

[93] St. Strumpf-Wojtkiewicz. Указ. соч., стр. 210 и далее. Автор — начальник отдела пропаганды и просвещения, одно время редактор армейской газеты «Орел Бялы», сторонник Сикорского, также едва избежал расправы Андерса и Окулицкого.

inslav

в армию Советское правительство согласилось считать польскими гражданами поляков — жителей Западной Украины и Западной Белоруссии. Польскому правительству был предоставлен новый заем в 300 млн. руб. на содержание армии.

Всемерно стремясь к увеличению численности польской армии в СССР и делая громогласные заверения о готовности ее вступить в бой[94], Сикорский одновременно выдвинул проект вывода армии из СССР. Маскировалось это материальными недостатками, которые испытывала армия, имевшая в тылу те же нормы снабжения, что и фронтовые части Советской Армии[95]. Фактически же эмигрантское правительство боялось, что борьба польских частей совместно с советской армией против фашизма приведет к укреплению связей между советским и польским народом и даст толчок усилению национально-освободительного движения в Польше. Более того, еще 1 сентября 1941 г., т. е. через две недели после подписания соглашения о формировании армии в СССР, когда фактически еще ни одного солдата не было под ружьем, Сикорский писал Андерсу, ссылаясь на договоренность с Черчиллем, что в его расчеты не входит использование армии на советско-германском фронте, что армии Андерса предназначается «миссия» защиты британских интересов на Ближнем Востоке[96]. Результатом английского давления и заинтересованности польской реакции в выводе армии из СССР были попытки казуистического толкования седьмого параграфа соглашения об использовании польской армии на советско-германском фронте. Вместе с тем высшее офицерство и командование во главе с Андерсом пытались превратить польскую армию в СССР в орудие политической игры наиболее реакционных кругов польской буржуазии. Андерс и высшее командование армии встали на позиции правого крыла народовцев, которые выступали против какого-либо сотрудничества с Советским Союзом. Они стремились также к свержению Сикорского и его правительства. В их интересах было увести армию из СССР и законсервировать ее для борьбы за восстановление в Польше власти буржуазии и помещиков в фашистском варианте. Для уверенности в безусловной приверженности Андерса «Лагерю великой Польши» весной 1942 г. президент Рачкевич и Белецкий, глава крайне правых эндеков, посулили Андерсу пост главнокомандующего всеми польскими войсками, который принадлежал Сикорскому[97]. Честолюбивый генерал, считавший, что Советский Союз будет скоро разгромлен[98], и он, располагая свежей армией, сможет сыграть выдающуюся роль на Кавказе и Ближнем Востоке, стремился сначала увести армию ближе к границам, а затем вообще вывести ее из пределов СССР[99]. Планы Андерса и наиболее реакционной части польских эмигрантских политиков играли на руку английскому правительству. После многочисленных телеграмм и зондажа в Москве[100] Черчилль поднял этот вопрос во время переговоров с советскими представителями в Лондоне в мае 1942 г. 17 июля он направил И. В. Сталину телеграмму по этому поводу. В свою очередь Андерс написал И. В. Сталину письмо с просьбой о выводе из СССР польской армии. Его просьбу поддержала английская военная миссия.

Советское правительство, видевшее, что польское правительство отказывается от совместной борьбы с СССР против немецко-фашистских

---

[94] См. «Внешняя политика Советского Союза...», т. 1, стр. 192.
[95] St. Strumpf-Wojtkiewicz. Указ. соч., стр. 234.
[96] M. Turlejska. Указ. соч., стр. 56—60.
[97] St. Kot. Указ. соч., стр. 45.
[98] Там же, стр. 521—525.
[99] Там же, стр. 41, 191—208.
[100] Там же, стр. 190, 191, 202, 457.

inslav

захватчиков, а командование польской армии в СССР ведет враждебную СССР политику, согласилось на выход армии Андерса в Иран [101]. Одновременно советские власти прекратили дальнейший набор в польскую армию, на чем настаивало польское эмигрантское правительство [102]. В марте — августе 1942 г. в момент напряженнейших боев на советско-германском фронте польская армия была выведена в Иран [103]. Значительное количество солдат и офицеров во главе с полковником Берлингом отказалось выехать из СССР и влилось впоследствии в состав дивизии им. Т. Костюшко.

Андерс, назначенный командующим польскими вооруженными силами на Ближнем Востоке, превращал польскую армию и эмиграцию на Востоке в опорную базу для давления на Сикорского и возглавляемое им правительство. К Андерсу стекались все, недовольные Сикорским. Командование армии стало центром и орудием наиболее реакционных антинародных кругов. Андерс укрепил образовавшийся при нем еще на территории СССР «малый политический кабинет». Ближайшее окружение Андерса открыто фрондировало, требуя министерские портфели в Лондоне и создания квислинговского правительства в Польше [104]. Климковский сообщает, что Андерс еще в СССР имел непосредственную связь с действовавшей в Польше прогитлеровской организацией «мушкетеров», представители которой предлагали Андерсу сотрудничать с немцами для расчленения Советского Союза и организовать переход всей армии Андерса на сторону немцев. По словам Климковского, побег Л. Козловского из польской армии в СССР был согласован с Андерсом. Бывший премьер-министр Польши выступал посредником между Андерсом, оккупантами и «мушкетерами», которые только после переговоров с Козловским выслали своих представителей к Андерсу [105]. Перейдя в открытое наступление против Сикорского и поддерживавших его кругов, Андерс в феврале 1943 г. направил президенту Рачкевичу письмо с требованием отставки Сикорского. Письмо, правда, осталось без ответа. Положение в польской армии, созданной в эмиграции (в том числе и в Англии), являлось логическим завершением политики компромиссов с фашиствующим крылом польской буржуазии, с санационной кликой, которую во имя единства буржуазного лагеря прово-

---

[101] «Переписка...», стр. 44, 53.

Следует отметить, что по вопросу о выводе армии из СССР в польском правительстве существовали разногласия. Они в определенной мере являлись отражением начавшейся переориентации польского правительства на США, а Рузвельт, как известно, проектировал использовать польскую армию в СССР. Во всяком случае нельзя представлять дело так, что Сикорский ничего не знал об эвакуации армии, как уверяет Климковский, сваливший всю ответственность на Андерса. Тот же Климковский признает, что 15 июня 1942 г. Андерс получил телеграмму Сикорского и решение правительства, которые гласили, что «войско для высших политических целей должно остаться в СССР». Андерс якобы скрыл эти документы (J. Klimkowski. Указ. соч., s. 273).

[102] Wł. Anders. Mémoires, p. 158.

[103] По «Протоколу советско-польской конференции по вопросам эвакуации польских вооруженных сил и семей военнослужащих из СССР от 31 июля 1942 г.» советская сторона, «идя навстречу просьбе командующего польскими вооруженными силами в СССР генерала дивизии Андерса», согласилась на вывод 70 тыс. чел. (§ 1), причем указывалось, что о дальнейшей мобилизации не может быть речи, поскольку «польское правительство вопреки соглашению между СССР и Польшей не считает возможным использование на советско-немецком фронте польских частей, сформированных в СССР», поэтому «Советское правительство не может согласиться на дальнейшее формирование польских частей в СССР» (§ 2). По условиям эвакуации вооружение, транспортные средства, полученные от СССР или купленные в СССР, оставались на месте.

[104] St. Kot. Указ. соч., стр. 421—423. Кот в своем донесении прибавлял, что этой группе так называемых молодых патронировал Рачкевич. Задачей же квислинговского правительства было договориться с германским правительством о совместных действиях против Советского Союза.

[105] J. Klimkowski. Указ. соч, стр. 219, 223.

inslav

дил Сикорский. В угоду антинациональной политической игре эмигрантской верхушки польские воинские части после кампании во Франции и Норвегии в 1940 г. и боев под Тобруком (до апреля 1942 г.) саботировали освободительную борьбу народов против фашизма. Как и «Союзом вооруженной борьбы» в стране, ими овладело санационное офицерство. Польское эмигрантское правительство фактически разорвало соглашение, заключенное с Советским Союзом, предало борьбу народов против гитлеровской Германии.

* * *

Героическая борьба Советской Армии на фронтах Отечественной войны способствовала усилению национально-освободительной борьбы польского народа. Патриотические и демократические группы приступили к созданию новых партизанских отрядов (группы «Красная партизанка», «Общепольская крестьянская партия», «Союз освободительной борьбы», «Рабоче-крестьянская боевая организация» и др.) [106]. Расширилась деятельность уже существовавших партизанских отрядов. Усилился саботаж на фабриках и заводах. По данным «Союза вооруженной борьбы», за октябрь и ноябрь 1941 г. на территории «Генерал-губернаторства» было повреждено 3 нефтескважины, испорчена 21 машина на предприятиях, выпущено бракованными около 70 тыс. корпусов артиллерийских снарядов, взорвано 40 поездов, подожжено 78 поездов, повреждено 480 паровозов и 2177 вагонов, испорчено 35 т масел, вылито 13 цистерн бензина, полностью сожжен завод тары для военного снаряжения, подожжены 4 различных фабрики, сожжено 3 лесопильных завода, продовольственный склад, сожжено 150 вагонов хлопка, 60 вагонов соломы, повреждено 374 автомашины, кроме того совершено около 10 тыс. актов саботажа [107].

Активизировался процесс консолидации прогрессивных и революционных сил в борьбе против оккупантов. Перед руководящей силой нации — рабочим классом — еще более настоятельно встала задача объединения усилий всех слоев трудящихся, всех демократических сил в их борьбе за национальную независимость, создания общепольского политического и организационного центра борющегося народа. Осуществить это могла только марксистско-ленинская партия рабочего класса — единственная сила, способная возглавить трудящиеся массы и привести их к победе.

Новую, после «Молота и Серпа» попытку сплотить силы коммунистов Польши предприняли «Рабоче-крестьянская боевая организация» и «бюллетеньцы». Студенческая группа, использовав и укрепив связи с другими группами сопротивления, образовала в июле-августе 1941 г. «Союз освободительной борьбы» («Звензек вальки вызволеньчей» — ЗВВ). В состав «Союза освободительной борьбы» вошли «Общество друзей СССР», «Спартакус», «Штандар вольности» — левое крыло социалистической группы «Баррикада Вольности» (ранее оно входило в состав разгромленного оккупантами «Молота и Серпа») [108]. Постепенно

---

[106] AZHP, III F, II/5—35, III F, II/5—27, III F, II/2—109 и др.

[107] Wacław Poterański. Z walk narodu polskiego w okresie okupacji hitlerowskiej. Warszawa, 1958, s. 48.

[108] Вскоре «Общество» и группа «Штандар вольности» из-за идеологических разногласий вышли из «Союза освободительной борьбы». «Общество друзей СССР» продолжало существовать самостоятельно. В октябре 1941 г. оккупантам удалось разгромить эту организацию, арестовать почти все руководство. После этого оставшиеся на свободе члены «Общества» вновь вошли в состав ЗВВ.

inslav

к ЗВВ присоединились все новые рабочие и коммунистические группы. ЗВВ имел филиалы в варшавском, краковском и жешовском воеводствах, связи с Лодзью и рядом других районов. К концу 1941 г. он превратился в мощную организацию. Было создано общепольское руководство «Союза», которое возглавили Е. Альбрехт, М. Спыхальский, Ленчицкий, Е. Бальцежак. Действовали варшавский комитет и комитеты на местах. «Союз» расширил пропагандистскую работу. Началось издание новой газеты «Звыченжимы» («Мы победим»). Приступила к работе военная организация ЗВВ, которой руководил М. Спыхальский. Проводилось боевое обучение, накапливалось оружие. Осенью 1941 г. в Люблинском воеводстве, в районе Белой Подляски, вступил в борьбу против оккупантов партизанский отряд «Союза освободительной борьбы» под командованием Казика Дембяка [109]. Варшавская боевая группа, руководимая Яном Файге — «Черным Романом», провела в ноябре 1941 г. несколько успешных диверсий на военных предприятиях и транспорте.

В декабре 1941 г. «Союз освободительной борьбы» опубликовал программу, в которой говорилось о бескомпромиссной борьбе с оккупантами, проводимой в союзе с героически борющимися народами СССР. Декларация разоблачала политику пассивности и ожидания, которую пропагандировал и осуществлял лагерь эмигрантского правительства, как противоречащую духу и букве польско-русского союза. Главными средствами борьбы с оккупантами, указывала декларация, являются саботаж, диверсии, партизанские действия. ЗВВ призывал все существующие рабочие, крестьянские и интеллигентские группы и организации объединиться [110]. В связи со стремлением создать национальный фронт борьбы против фашизма ЗВВ указывал на возможность соглашения с правительством Сикорского в борьбе против оккупантов [111].

«Союз освободительной борьбы» не смог объединить все коммунистические организации. Массовые аресты осенью 1941 г. значительно ослабили организацию и ее руководство. Однако за период своего существования «Союзу» удалось укрепить связи и с теми группами, которые формально не входили в его состав. Встав во главе демократических и коммунистических организаций, «Союз освободительной борьбы» провел большую работу по подготовке кадров активистов, на которые оперлась впоследствии Польская рабочая партия (ППР). В бывшей подпольной типографии «Союза» вышла 1 февраля 1942 г. газета «Трибуна вольности» — центральный орган Польской рабочей партии. Основные кадры первых партизанских отрядов Гвардии людовой также дала военная организация «Союза освободительной борьбы». В целом деятельность «Союза» значительно, особенно в организационном отношении, продвинула вперед дело воссоздания партии польского рабочего класса.

Активную работу в польской деревне вела «Рабоче-крестьянская боевая организация», возникшая путем объединения двух групп: одной — в Варшаве, другой — в Люблинском воеводстве. В Варшаве

[109] Следует напомнить, что «Союз вооруженной борьбы» никаких активных боевых действий не проводил.

[110] «Zwyciężymy», N 7, 1.I. 1942; «Trybuna wolności», 1946, N 101; M. Malinowski. Указ. соч., стр. 44.

[111] Газета «Звыченжимы» писала о правительстве Сикорского: «...Правительство не возникло и не могло возникнуть в результате выборов народными массами Польши. Поэтому каждое его мероприятие требует контроля и оценки народа. Деятельность правительства заслуживает поддержки лишь тогда, когда своими действиями оно доказывает, что его поступки согласуются с интересами нашего народа. Только в этом случае правительство Сикорского завоюет поддержку польских народных масс...» «Zwyciężymy», 15.XII 1941.

inslav

вокруг Людвига Красиньского («Романа») [112] сплотилась группа коммунистов, известная под именем «группы Романа». С января 1940 г., с момента своей организации, до июня 1941 г. она занималась изданием листовок, поддерживала связь с другими революционными организациями [113]. Постепенно группа росла. В июне 1941 г. было создано варшавское руководство во главе с Красиньским. Центральному руководству подчинялись специализированные отделы, в том числе по оказанию помощи советским военнопленным, который возглавил Ян Шиманьский, и группа для поддержания контактов с «Союзом вооруженной борьбы».

В июле 1941 г. варшавская группа установила связи с крестьянской организацией из Радомского воеводства, руководимой Ю. Орховским. Вскоре наладилось сотрудничество с Люблинским воеводством (повет Красник), где инициаторами объединения крестьян для борьбы против оккупантов были коммунист Александр Шиманьский, С. Шчот и М. Войтович. Руководимая ими группа, принявшая наименование «Рабоче-крестьянская боевая организация» (РКБО), поставила целью объединить рабочих, крестьян и трудящуюся интеллигенцию на борьбу за независимую демократическую Польшу, за проведение в освобожденной Польше национализации промышленности и аграрной реформы без выкупа. Группа оказывала помощь советским военнопленным и вела подготовку к партизанским боям [114]. Постепенно организация становилась массовой, росло ее влияние на окрестное население, соседние с Красьником поветы. В нее стали переходить рядовые члены из крестьянских батальонов и «Союза вооруженной борьбы». К декабрю 1941 г. организация насчитывала около тысячи человек. Были установлены связи с группами сопротивления в Люблине, Радоме, Кракове. Общие интересы все более сплачивали эти группы, между ними установилось взаимодействие и сотрудничество [115].

В октябре 1941 г. было создано общепольское руководство этими группами, принявшими общее наименование «Рабоче-крестьянской боевой организации». Объединенные группы установили тесную связь с «Союзом освободительной борьбы», создали в варшавском гетто филиал организации, который насчитывал около 150 членов. Однако в конце 1941 г. на «Рабоче-крестьянскую боевую организацию», как и на «Союз освободительной борьбы», обрушились массовые аресты. Всего в этот период в руки гестапо попало более 450 членов этих организаций и несколько складов оружия. Было арестовано также много левых социалистов [116].

Одновременно с усилиями коммунистов собрать силы в оккупированной стране и воссоздать партию, активную работу вела и польская революционная эмиграция в СССР. Польские коммунисты, оказавшиеся в результате войны на территории СССР, при поддержке Коммунистической партии Советского Союза и руководства Коминтерна (в особенности Г. Димитрова) прилагали все усилия для оказания помощи борющемуся польскому народу. Было решено послать в Польшу группу опытных руководителей коммунистического движения.

В конце декабря 1941 г. в Варшаву через линию фронта прибыла инициативная группа польских коммунистов, которая взяла в свои руки

[112] Впоследствии секретарь радомского городского комитета ППР. В 1943 г. был арестован гестапо. Погиб в Освенциме.

[113] «Clos Ludu», 18.I 1947; «Trybuna wolności», 1946, № 101.

[114] AZHP, III F, II/KŁ—26. В этот период была создана Гвардия людова, и отряд РКБО под командованием бывшего советского военнопленного «Казимежа» или «Казика грузина» вошел в состав Гвардии людовой.

[115] AZHP, III F, II/KŁ—34, «Trybuna wolności», 1946, № 101.

[116] B. Mark. Powstanie w getcie Warszawskim na tle ruchu oporu w Polsce. Warszawa, 1952, s. 78.

inslav

дело воссоздания марксистско-ленинской партии польского рабочего класса[117]. Возглавлял группу видный деятель польского рабочего движения Марцелий Новотко, ставший первым генеральным секретарем ЦК Польской рабочей партии.

Воссоздание партии было подготовлено всем предшествующим развитием национально-освободительной революционной борьбы польского народа и огромной организационной работой, проведенной польскими коммунистами в стране. После образования ЦК ППР в Варшаве на места выехали его уполномоченные. Как правило, они находили там уже подготовленную почву. Многие организации, не дожидаясь приезда представителей из Варшавы, сами устанавливали связи со столицей и вступали в ряды Польской рабочей партии.

Первоначально наибольшее количество опытных кадров, как уже говорилось, дал партии «Союз освободительной борьбы», который на совместном заседании представителей ППР и ЗВВ принял решение об упразднении «Союза» и вступлении его членов в партию, а также о ликвидации газеты «Звыченжимы»[118]. Через «Союз» вступили в ППР бывшие члены «Общества друзей СССР», «Молота и Серпа», действовавшие в Варшаве и на территории Жешовского, Келецкого воеводств и в Силезии. Местные ячейки этих групп были преобразованы в низовые организации ППР. Влились в ППР познанская коммунистическая организация, лодзинский «Фронт борьбы за вашу и нашу свободу», краковская организация «Народная Польша», «Рабоче-крестьянская боевая организация» и многие другие[119]. В течение первой половины 1942 г. были разрешены основные вопросы строительства партии. Создана значительная сеть партийных организаций, ячеек и групп. Образованы воеводские, окружные и уездные комитеты ППР. В крупных городах (Варшаве, Лодзи, Ченстохове и др.) были созданы городские партийные комитеты. В Варшаве в подпольной типографии, кроме центрального органа ППР «Трибуны вольности», стала издаваться газета для крестьян «Трибуна хлопска» и «Глос Варшавы». Воеводские комитеты издавали свои газеты. Только в Лодзи выходили «Трибуна люду», «Хлопске ютро», «Глос Лодзи». Работала подпольная радиостанция.

Польской рабочей партии пришлось начинать свою работу в сложных условиях, в обстановке террора и репрессий, которые в первую очередь обрушивались на деятелей рабочего движения. Преодолевая все это, ППР укрепляла и расширяла свои организации, устанавливала связи с демократическими крестьянскими группами в Стронництве людовом, с левыми организациями Польских социалистов, с группами демократической интеллигенции. ППР вела широкую устную и печатную пропаганду и агитацию. Содержанием этой пропаганды было разъяснение широким массам цели и задач партии, разоблачение гибельной для народа тактики выжидания, которую проповедовала польская реакция.

ППР с начала своего существования шла в массы с четкой марксистско-ленинской программой, о чем свидетельствует первое воззвание партии «К рабочим, крестьянам и интеллигенции, ко всем польским патриотам», обнародованное в январе 1942 г. Своей целью партия ставила освобождение польского народа от национального порабощения и социального гнета, построение свободной, независимой демократической Польши трудового народа. Условием завоевания независимости партия счи-

[117] Подробно см. об этом M. Malinowski. Komuniści polscy w walce o odbudowę rewolucyjnej partii i program wyzwoleńczy (październik 1939 — styczeń 1942). Warszawa, 1960, s. 81—85.

[118] AZHP III, F/KŁ—31.

[119] В. А. Новодран. Из истории борьбы польской рабочей партии за создание антигитлеровского национального фронта (1942—1943). «Вопросы новой и новейшей истории». АОН при ЦК КПСС, Кафедра новой истории. М., 1958, стр. 400—401.

inslav

тала сплочение всех патриотических сил в едином антигитлеровском национальном фронте, без различия политических взглядов и партийной принадлежности. Общей платформой могла быть только активная вооруженная борьба с оккупантами. Центром, вокруг которого может создаться национальный фронт, говорилось в воззвании, может и должен быть единый и монолитный рабочий класс, руководимый пролетарской партией. Национальный фронт должен вести борьбу одновременно против гитлеровских оккупантов и их пособников, против «всех предателей польского народа, подлых агентов гитлеризма и раскольников национального фронта», против всех тех, кто пошел на службу оккупантам, кто связал свои интересы с их господством. Воззвание определяло конкретные формы борьбы, позволявшие участвовать в ней всем слоям населения: диверсии и саботаж в промышленности и на транспорте, саботаж «контингентов», партизанская борьба. Окончательной победы, указывало воззвание, национальный фронт сможет добиться только в союзе и в ходе совместной борьбы с социалистическим Советским Союзом и со всеми демократическими государствами и силами мира. ППР разъясняла массам, что СССР не только союзник в войне, но и классовый союзник польских трудящихся.

Главной задачей в тот период было усилить сопротивление захватчикам, создать общепольский национальный фронт борьбы против немецко-фашистских оккупантов. Основное внимание поэтому воззвание ППР уделяло этим вопросам. Вместе с тем воззвание касалось и послевоенного устройства Польши. «Польская рабочая партия призывает к борьбе за Польшу, в которой рабочим будет обеспечен восьмичасовой рабочий день, действительное социальное обеспечение и свобода союзов, в которой польская земля будет принадлежать польскому крестьянину, в которой будет существовать свобода и братское сотрудничество всех национальностей, в которой наука будет доступна всем, за Польшу, которая обеспечит народу хлеб, свободу и мир» [120]. Программы социалистических преобразований в освобожденной Польше первое воззвание ППР не выдвигало. Исходя из работ В. И. Ленина, партия в тот период считала, что революция в Польше пройдет через два этапа: этап общедемократической национально-освободительной борьбы и этап последующих социалистических преобразований [121].

ППР, организуя борьбу за национальное освобождение и возрождение независимого государства [122], власть в котором будет принадлежать трудящимся, считала нецелесообразным дискутировать в то время по вопросу о конкретных границах страны. Главным была борьба против оккупантов. Однако ППР сразу же заявила себя решительным противником агрессивных притязаний польских эксплуататорских классов на украинские и белорусские земли. Говоря об антисоветской пропаганде подпольной реакционной печати, ППР писала: «Мы не хотим тут приводить бесконечных цитат из газет, считающихся проправительственными, которые нелояльно и просто враждебно комментируют советско-польское соглашение, вредя тем самым делу борьбы за независимость. Вместо того чтобы выдвигать вопросы практической реализации нами соглашения, они выдвигают вопросы, которые не следует сейчас разрешать и которые в данный момент не стоят перед людьми действия, как, например, вопрос о границах. Или делают просто враждебные выпады на тему захвата Украины и Западной Белоруссии... И это тогда, когда советский солдат истекает кровью в борьбе с гитлеровской армией» [123]. Исходя из своих

[120] «Kształtowanie się podstaw programowych PPR». s. 11—15.
[121] Там же, стр. 28—29.
[122] Там же, стр. 20.
[123] Там же, стр. 28—29.

inslav

воззрений на характер и пути будущей революции в Польше[124] и стремления объединить на данном этапе все силы, выступающие против германского фашизма, ППР не отрицала возможности соглашения с правительством Сикорского, хотя и выдвигала конкретные условия, определявшие возможность совместных действий. Об этом говорит заявление «Наше отношение к правительству ген. Сикорского»[125]. Во-первых, ППР различала состав правительства и его политику до и после июля 1941 г. Во-вторых, она считала, что в условиях мировой войны и потери независимости целесообразно существование в эмиграции правительства, которое поддерживало бы международные связи и формировало польские вооруженные силы за пределами страны. ППР считала заслугой Сикорского заключение соглашения о взаимопомощи с СССР и другими странами, создание польской армии в СССР[126] и в Англии. Поддерживая усилия правительства Сикорского, направленные на борьбу с гитлеровскими захватчиками, ППР решительно протестовала против призывов правительства к пассивности, ожиданию избавления извне, против бесплодных дискуссий о будущих границах или бумажных деклараций «о влиянии трудящихся масс на производство в освобожденной отчизне»[127].

ППР заявляла, что состав правительства не отвечает существующей расстановке политических сил в стране, тем изменениям, которые произошли за годы оккупации, что рабочий класс, крестьянство и трудящаяся интеллигенция не имеют соответствующего своему весу и значению представительства в правительстве. В целом же, заявляла ППР, она будет определять свое отношение к правительству по его делам, а не по декларациям или словам.

Провозглашенная ППР программа действий указала пути борьбы широким народным массам. Даже «Антык» в своем отчете в 1942 г., называвшемся «Деятельность Коминтерна на польских землях», вынужден был признать, что «вся деятельность коммунистической агентуры в Польше имеет целью втянуть как можно более широкие массы польского народа в непосредственную немедленную борьбу с немцами»[128].

Одновременно со строительством партии, широкой пропагандой своей программы ППР формировала боевые группы и отряды, создавала вооруженные силы — Гвардию людову, объединившую в своих рядах активную боевую часть народа: рабочих, крестьян, интеллигенцию.

Кроме партизанских отрядов, была создана широкая сеть гарнизонов Гвардии людовой, бойцы которых собирались вместе только для выполнения какой-либо определенной операции. На гарнизонах лежала и обязанность материального обеспечения постоянно действующих отрядов. Таких гарнизонов только в южной части Люблинского воеводства было более 170. ППР, верная интернациональным традициям пролетариата, уделяла большое внимание привлечению в ряды бойцов польского движения сопротивления советских солдат и офицеров, бежавших из гитлеровских лагерей для военнопленных. Советские люди, находившие, как правило, приют и помощь у польского населения, активно включались в борьбу

[124] «Польская рабочая партия стоит, однако, на принципах Маркса — Ленина, которые гласят, что полное национальное освобождение возможно лишь в том случае, если оно идет вместе с освобождением социальным». Там же, стр. 28.

[125] Там же, стр. 32—33.

[126] В связи с этим первое воззвание ППР призывало польский народ оказывать всемерную помощь «польской армии, борющейся вместе с героической Красной Армией». Когда проявился враждебный духу демократии характер командования этой армии, отказавшегося от борьбы с фашизмом, ППР заклеймила предательство Андерса и его покровителей. См., например, ст.: «Немедленно второй фронт». «Trybuna Chłopska», 15.VIII 1942.

[127] Речь идет о декларации правительства.

[128] B. Mark. Указ. соч., стр. 61.

inslav

против общего врага. Советские бойцы и командиры передавали Гвардии людовой свои знания и военный опыт. Постепенно отряды Гвардии людовой становились грозной силой. Они уничтожали линии связи и коммуникации, взрывали склады, дезорганизовывали гитлеровскую администрацию, уничтожали живую силу врага, защищали население от фашистского террора, боролись против все увеличивающихся грабительских поборов с крестьян. В первый период деятельности ГЛ это были в основном некрупные боевые операции. Всего по неполным данным с мая 1942 г. по февраль 1943 г. ГЛ провела более 300 боев [129]. В районах, присоединенных к Германии, условия для развития вооруженной борьбы были более сложными и трудными, чем в «Генерал-губернаторстве». Поэтому там ППР и отряды Гвардии людовой организовывали главным образом диверсии и саботаж на предприятиях, обслуживавших германскую военную машину.

Параллельно с партизанскими боями и диверсиями в промышленности ППР руководила борьбой рабочего класса в защиту своих экономических интересов. ППР помогала создавать нелегальные профсоюзы, руководила стачками, которые, несмотря на репрессии и провокации, зачастую кончались победой рабочих. Так, в Варшаве добились удовлетворения своих требований рабочие-портные в гетто, которыми руководил член ППР Я. Глазман. Под руководством ППР одержали победу 100 рабочих-столяров одной из варшавских фабрик, бастовавшие четыре дня [130]. Были удовлетворены требования рабочих одного из металлообрабатывающих заводов [131]. Это поднимало авторитет ППР в глазах рабочего класса, усиливало ее влияние на массы.

Создание Польской рабочей партии, организация ею Гвардии людовой было переломным моментом в национально-освободительной борьбе польского народа. Правда, в 1942 г. малочисленные еще отряды Гвардии людовой (особенно в первые месяцы), плохо вооруженные, с недостаточным боевым опытом не могли проводить крупных военных операций. Но политическое значение действий Гвардии людовой было огромным. Первые успехи Гвардии людовой, а также известия о поражениях гитлеровской армии на советско-германском фронте способствовали тому, что идея активной вооруженной борьбы начала проникать в низы военных организаций, подчиненных эмигрантскому правительству. Уже в конце 1942 г. имелись факты сотрудничества Гвардии людовой с отдельными отрядами «Союза вооруженной борьбы» (например, освобождение нескольких десятков узников из тюрьмы в Коньске в ноябре 1942 г.). Еще более успешно развивалось сотрудничество ГЛ с крестьянскими батальонами, рядовые члены которых, вдохновленные борьбой в Замойщине зимой 1942/43 г., становились на позиции активных вооруженных действий против оккупантов [132]. Во время боев в Замойщине в битвах под Войдой (31 декабря 1942 г.) и Заборечно (1 февраля 1943 г.) состоялось боевое крещение крестьянских батальонов.

Образование ППР и начало деятельности ГЛ имело своим последствием радикальное изменение в настроениях народа. 15 января 1941 г. на совещании у Г. Франка один из главарей гестапо заявил, что до сих пор

[129] «15 лет народной Польши», М., 1959, стр. 81.

[130] B. Mark. Указ. соч., стр. 67; «Protokół perwszego posiedzenia KRN», Warszawa, 1947.

[131] W. Gomółka (Wiesław). W walce o demokracę ludową (Artykuły i premówienia). Warszawa, 1947, t. I, s. 33.

[132] В конце 1942 г. гитлеровцы начали массовое выселение польских крестьян из ряда поветов Люблинского воеводства (так называемой Замойщины). На этих землях поселялись немецкие колонисты. Польское население вывозилось на работы в Германию, слабых и стариков отправляли в концлагери и крематории. Командование ГЛ подтянуло на помощь населению свои отряды, началась успешная борьба против выселения.

inslav

деятельность движения сопротивления, которое численно по сравнению с предыдущим годом возросло, ограничивается в основном регистрацией лиц тех же убеждений и пропагандой. Активных выступлений отмечается немного. Еще 16 декабря того же года Франк говорил на заседании своего «правительства», что «не грозит опасность восстания или такого поведения поляков, которое могло бы повредить всей структуре востока» [133]. Но уже в январе и феврале 1942 г. варшавские власти доносят генерал-губернатору о внезапной перемене, которая наступила в методах сопротивления. В апреле и мае следуют уже панические информации о росте агитации, о нападениях на жандармерию, о выступлениях польских партизан и сотрудничавших с ними отрядов бежавших советских военнопленных [134]. В мае 1943 г. командование СС и полиции сообщило о росте борьбы поляков против оккупантов на территории радомского дистрикта (воеводства). «Если до апреля 1942 г. среднемесячное количество нападений держалось на уровне ниже 100, то в апреле 1942 г. месячное число их выросло до 105, в июле же до 206, в ноябре до 365, в феврале (1943) до 493, в марте до 705, в апреле до 965 и в мае 1943 г. число это превысило 1000. В последние полгода можно констатировать не только рост числа нападений, но также все большее число лиц, лучшее вооружение и организацию, а также планомерность действий... При этом мы получаем следующую картину: деятельность поляков-националистов является незначительной, все террористское движение исходит со стороны коммунистов» [135]. О росте движения сопротивления говорят и данные оккупационных властей по Люблинскому воеводству: «В 1942 г. совершено грабительских нападений: в январе 96, в феврале 61, в марте 120, в апреле 300, в мае 780, в июне 1140, в июле и в августе по 1400, в сентябре 1600 и до декабря 1700; в 1943 г.: в январе 1296, в феврале 1600, в марте 2306, в апреле 2320» [136].

Немецко-фашистские оккупанты хорошо понимали, что дальнейшее развитие партизанского движения в Польше, через которую проходили важнейшие коммуникации Германии, представляет для них большую угрозу, и пытались удушить это движение. Единственное средство для ликвидации угрожавшей им активизации движения сопротивления захватчики видели в усилении террора, волна которого обрушилась на Варшаву, Радомско-Келецкий, Жешовский и Краковский округа, где наиболее активно развивалась деятельность ППР. Особенно крупные аресты были произведены в Варшаве. Арестовывались главным образом члены ППР и близкие к ним левые социалисты. Многие из арестованных погибли в тюрьме «Павиак», где только 28 мая 1942 г. было расстреляно 218 политических заключенных [137]. Жертвой карательных экспедиций эсэсовцев пали также сотни жителей Люблинского воеводства. В сентябре 1942 г. провокатор выдал гестапо организации ППР Праги и Воли (районы Варшавы) [138]. В «Павиаке» оказались значительная часть варшавского актива ППР, секретарь варшавского комитета ППР, командиры Гвардии людовой, ряд секретарей и членов районных комитетов партии. В ноябре гестапо удалось разбить Краковскую организацию ППР. Большие аресты были произведены в Силезии, Домбровском бассейне, Тешинской Силезии [139]. В этот же тяжелый для партии период 28 ноября от руки убийцы, подосланного польской реакцией, погиб генеральный секретарь ППР Марцели Новотко.

[133] Цит. по M. Turlejska. Указ. соч., стр. 97.
[134] B. Mark. Указ. соч., стр. 62.
[135] Archiwum Głównej Komisji badania zbrodni hitlerowskich w Polsce. «Dziennik H. Franka». Рабочее заседание в Радоме 26 мая 1943 г.
[136] Там же; Рабочий съезд в Любляне 29 мая 1943 г.
[137] B. Mark. Указ. соч., стр. 79.
[138] «Głos Ludu», 22.XII 1944.
[139] «Trybuna Wolności», 1946, N 101.

inslav

Однако реакция рано торжествовала победу по поводу «уничтожения» ППР. Партия, которая выражала волю народа и корнями своими была связана с рабочим классом, скоро оправилась от нанесенного ей удара. Во главе ЦК ППР встал соратник Новотки Павел Финдер [140]. Были приняты энергичные меры по восстановлению партийных организаций. Варшавскую организацию возглавил Владислав Гомулка. Для налаживания нарушенных связей в Краков были посланы член ЦК ППР Франтишек Малиновский и Станислав Зиайя [141], который стал секретарем Краковского округа ППР. В Силезию и Домбровский бассейн направляется член ЦК ППР, один из организаторов партии Юзеф Вечорек. В марте 1943 г. в Варшаву приехал Болеслав Берут. В результате напряженных усилий всей партии организации ППР были восстановлены и еще более укрепили свои связи с массами. В трудных условиях наступившей зимы продолжала свои боевые операции Гвардия людова, особенно активно действовавшая в Варшавском, Радомском и Люблинском округах, где происходили самые крупные в тот период бои. Для определения дальнейших перспектив борьбы, разработки стратегии и тактики ППР было решено созвать в январе 1943 г. пленум ЦК Польской рабочей партии.

БОРЬБА ЗА СОЗДАНИЕ АНТИФАШИСТСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ФРОНТА

Отношение к борьбе, которую ППР и Гвардия людова вели с оккупантами, стало критерием подлинного патриотизма, действительной борьбы за свободу и независимость Польши, за восстановление демократического польского государства. Деятельность ППР, указавшей народу путь к освобождению, встретила яростные нападки со стороны польской реакции, которая ухватилась за «испытанный» метод борьбы против коммунистов, заявив, что ППР является «непольской» организацией, что она — «агентура» враждебной державы [142]. В июне 1942 г. тот же «Информационный бюллетень» выступил против партизанской борьбы в Польше, объявив ее «советской диверсией», а бойцов Гвардии людовой — «бандитами». «Информационный бюллетень» писал: «Поддержка советской диверсии была бы предательством и политической глупостью. Присоединение к советским отрядам является предательством страны» [143]. Правительство взывало по радио: «Поляки... вы должны.. и впредь проявлять величайшую дисциплинированность, рассудительность и терпение... когда настанет время действовать, мы дадим вам сигнал. Но прежде чем это настанет, не теряйте терпения, воздерживайтесь от эксцессов» [144]. Подобные призывы многократно повторялись [145]. Правое руководство СЛ заявило, что «выступит активно и со всей имеющейся силой против самозванных организаций, стремящихся вызвать беспорядок». К ним присоединилась ВРН, которая вопреки фактам и наперекор здравому смыслу заявила, что в Польше нет условий для партизанской борьбы, что она была бы «бесполезной тратой людей и средств и привела бы к развалу работы во имя независимости и подготовки к восстанию» [146].

Этот поток клеветы отражал тревогу реакции за свои судьбы, за свое влияние на массы. Более открыто ее высказало правое руководство СЛ. В своей газете «Кузвыченьству» оно писало: «Попытки организации ком-

[140] См. «Pawel Finder we wspomnieniach towarzyszy walki», Warszawa, 1956, s. 109.
[141] Один из организаторов «Молота и Серпа».
[142] «Buletyn informacyjny», 26.III 1942.
[143] Цит. по «Nowe drogi», 1948, N 12, s. 175.
[144] «Rzeczpospolita Polska», 20.XI 1942.
[145] «Rzeczpospolita Polska», 10.III 1942, 16.IX 1942, 1.XI 1942, 11.XII 1941.
[146] «Trybuna Wolności», 1946, № 97; см. также «WRN», 27.IV 1942. «Ku zwycięstwu», 20.I 1942.

inslav

мунистами саботажа, а следовательно, борьбы с немцами... мы считаем акцией опасной и вредной..., вмешательством в наши внутренние дела без нашего согласия и попыткой вырвать инициативу и руководство из рук польских центров» [147].

Ответом буржуазно-помещичьего лагеря на возрождение партии польского рабочего класса и провозглашенную ею программу борьбы были лихорадочные усилия по восстановлению в подполье буржуазно-помещичьего государственного аппарата. Было ускорено создание филиала эмигрантского правительства в Польше во главе с Делегатом. При нем был образован ряд департаментов, наиболее развитыми и деятельными из них являлись те, которые вели борьбу против революционного и демократического движения [148]. Эмигрантское правительство назначало своих воевод, старост, бургомистров и т. д. Из санационных элементов, из членов «синей полиции», находившейся на службе у оккупантов, были созданы основные звенья будущей полиции.

Ведущую роль в борьбе за сохранение влияния и захват власти в освобожденной стране польская реакция отводила подпольным вооруженным силам. С английских самолетов, начиная с февраля 1941 г., производилось снабжение их оружием. Вскоре после образования ППР 14 февраля 1942 г. Сикорский издал приказ об объединении всех военных группировок в Армию крайову. Воплощение в жизнь этого приказа встретило, однако, значительные трудности. Взаимное недоверие, стремление сохранить «свои» вооруженные силы привели к тому, что процесс объединения так и не был завершен. В то же время стремление реакции противопоставить Гвардии людовой, сильной не столько своей численностью [149], сколько идейностью, сплоченностью, боевой активностью и целеустремленностью, определенную военную силу вынуждало различные политические группировки вести переговоры о создании на основе «Союза вооруженной борьбы» Армии крайовой (АК). Командование Армии крайовой довольно быстро добилось подчинения организаций кадровых офицеров и различных санационных группировок.

Значительно сложнее обстояло дело с военными формированиями «большой четверки». Из них проще и быстрее всего подчинили свою Гвардию людову правые социалисты [150]. В АК вошли боевые отряды «Унии» (организации, политически соответствующей Стронництву праци). Стронництво же народове долго и упорно не желало отказываться от полного суверенитета своих отрядов. После длительных переговоров командующего АК Ровецкого с председателем партии Трайдосом, наконец, было достигнуто соглашение о вхождении «Народовой организации войсковой» (НОВ) в Армию крайову. Однако в связи с этим в НОВ произошел раскол. Наиболее реакционная часть НОВ отказалась войти в состав АК и вместе с «Звензкем Яшчурчым», созданным группой «Шаньца», образовали фашистские отряды «Народовых сил збройных» и собственную политическую организацию «Временный национальный политический совет» [151]. Эту организацию, провозгласившую главной

---

[147] W. Poteranski. Указ. соч., s. 91.

[148] «Głos Warszawy» писал в сентябре 1943 г. о бурной деятельности «лондонского лагеря»: «Борьба за власть перешла в острую стадию. Гонки, финишем которых являются посты министров, воевод, старост, сановников и комиссаров, директоров и инспекторов, приближаются к финалу; участники этих гонок прут вперед, чтобы, хотя бы по трупам противников, первыми вырваться к ленточке» («Głos Warszawy», 25.IX 1943).

[149] В 1944 г. отряды Армии людовой насчитывали 60 тыс. бойцов.

[150] Вот что писала «WRN» в середине января 1942 г.: «С радостью мы можем констатировать, что представляемые нами принципиальные точки зрения точно так же понимаются руководством вооруженных сил в стране». Цит. по J. Rzepecki. Wspomnienia i przyczynki historyczne, Warszawa, 1957, s. 206.

[151] «Za wolność i lud», Warszawa, 1957, N 2.

inslav

своей целью борьбу против СССР, против коммунистов и польского национально- освободительного революционного движения [152], Делегатура в марте 1943 г. пригласила войти в состав Армии крайовой. В то же время предложение Польских социалистов об объединении сил в борьбе против оккупантов было отвергнуто [153]. Наибольшие старания командование АК прилагало к тому, чтобы подчинить крестьянские батальоны. Попытки эти, начатые еще командованием «Союза вооруженной борьбы», продолжались до ноября 1942 г., когда верхи БХ уступили. Однако этому решению повиновались далеко не все бойцы этих отрядов. Всего вступило в АК к июню 1944 г. около 80 тыс. солдат и офицеров БХ (из 150 тыс.).

Армия крайова представляла федерацию различных военно-политических формирований, мало связанных друг с другом [154]. Кроме того, практически в распоряжение командования АК передавалась только часть сил, участвовавшая в диверсиях и партизанской борьбе. «Материнские» организации имели значительное влияние на отряды, переданные в АК. Этим объяснялось также весьма пестрое политическое лицо АК, включавшей в свои ряды разнообразные элементы от демократических до крайне фашистских.

На территории Польши командование АК продолжало придерживаться выжидательной тактики. Несмотря на существование польско-советского соглашения о взаимопомощи, реакционные группировки в Польше и в эмиграции считали оказание какой-либо помощи СССР предательством интересов Польши [155]. Глашатаи «теории» двух врагов заявляли, что национально-освободительная борьба отвлекала бы немецко-фашистские дивизии с фронта, а «все это составляло бы серьезное облегчение для Красной армии, ожидающей вот-вот начала немецкого наступления» [156]. Командование АК считало необходимым создать антисоветский барьер «охраны будущего восстания»: прервать в момент восстания железнодорожное сообщение на территории СССР до линии границы 1939 г. и предотвратить этим продвижение Советской Армии вслед за отступающими немецкими войсками (так называемая акция «Вахлаж» — веер). Отряды, участвовавшие в «Вахлаж», действовали на территории советской Украины, Белоруссии, Прибалтики до линии Двина — Днепр. С осени 1941 г. в эти районы перебрасывалось все получаемое из Англии снаряжение и взрывчатка. Во второй половине 1942 г. командованию Армии крайовой пришлось отказаться от планов «Вахлаж».

Боевые успехи Гвардии людовой и стремление польского народа к активной борьбе против оккупантов вынудили лагерь эмигрантского правительства несколько изменить тактику. Осенью 1941 г. при Делегатуре было создано «Руководство гражданской борьбой», призванное организовать гражданскую самооборону и «пассивное сопротивление» [157]. Пере-

---

[152] (Andrzej Rawicz). O co walczą Narodowe siły zbrojne. Warszawa, 1943, s. 3, 19, 22.

[153] «Najnowsze dzieje Polski», t. 4, Warszawa, 1960, s. 20.

[154] Подобная структура не дает возможности определить фактическую численность АК. Ее командующий, считая все виды отрядов, в том числе оставшиеся у партий и организаций вспомогательные части, гарнизоны и даже тех, кто в момент восстания вступит в бой на стороне АК, определял численность АК в 500 тыс. человек (T. Bór-Komorowski. Указ. соч., стр. 149). Летом 1943 г. было зарегистрировано 268 тыс. членов АК. Численность партизанских отрядов АК в это время составляла около 2 тыс. К маю 1944 г. в партизанских отрядах АК было 15 тыс. чел. (Jerzy Pawłowicz. Z dziejów konspiracyjnej KRN 1943—1944. Warszawa, 1961, s. 162).

[155] M. Turlejska. Указ. соч., стр. 82.

[156] «Biuletyn informacyjny», 11.VI 1942.

[157] Ср. Воззвание уполномоченного правительства Польской республики, «Rzeczpospolita Polska», 5.XII 1942.

inslav

ход отдельных отрядов АК и особенно БХ по примеру Гвардии людовой к вооруженной борьбе вынудило командование АК также перестроиться. В конце 1942 г. главное командование АК создало «Руководство конспиративной борьбой» (РКБ), перед которым поставили задачу координации «ограниченной борьбы». В начале 1943 г. в «Жечипосполитой Польской» (№ 1 за 1943 г.) было опубликовано его первое коммюнике. Оно сообщало о боевых операциях, в том числе о действиях ГЛ в Люблинском воеводстве. Текст коммюнике давал возможность предположить, что все перечисленное было совершено под руководством или с согласия «Руководства конспиративной борьбой». Перепечатав коммюнике, некоторые реакционные газеты снабдили его заголовком «Начинаем активную борьбу». «Трибуна вольности» (орган ППР), сообщая об этих фактах, писала: «Позитивное отношение правительственных органов к активной борьбе следовало бы, конечно, приветствовать с радостью. Лучше поздно, чем никогда». Но, продолжала газета, зачем начинать с обмана общественного мнения, приписывая себе несовершенные действия и утверждать, что борьба против оккупантов начинается только с 1943 г. Ведь стихийную войну польский народ ведет с сентября 1939 г., и уже год, как ППР руководит борьбой трудящихся и организует ее. Характерно было также то, что рядом с коммюнике командования Армии крайовой, с заявлением о переходе к «новой» тактике был напечатан призыв С. Миколайчика, заместителя премьера и «крестьянского вождя», к населению Замойщины, поднявшемуся против оккупантов, «сохранять спокойствие и рассудительность». «Вооруженные выступления на Люблинщине,— констатировала «Трибуна Вольности»,— доказали полное банкротство политики пассивности и ожидания позволения с Запада. Национально-освободительное движение начало перерастать рамки, установленные для него буржуазными кругами» [158].

Заключение советско-польского соглашения и подъем национально-освободительной борьбы польского народа после начала Великой Отечественной войны вызвали изменения и в составе Делегатуры и Политического согласительного комитета. Делегатуру в этот период возглавлял Ян Пекалкевич (1942—1943), член Стронництва людового, сторонник соглашения левых сил. В Политический согласительный комитет как и ранее входили представители Стронництва праци и Стронництва народового с той разницей, что после ареста Станишкиса к руководству СН в стране пришли более агрессивные и реакционные группы, возглавленные Трайдосом (до мая 1942 г.) и его преемниками. Вместо ВРН по предложению Стронництва людового в Политический согласительный комитет в сентябре 1941 г. были приглашены Польские социалисты, которые оговорили свое вступление желанием поддержать Сикорского в его политике улучшения советско-польских отношений, не приняв никаких обязательств на послевоенный период [159–160].

После вхождения Польских социалистов в Политический согласительный комитет на них началось давление со стороны эмигрантского правительства, требовавшего активного участия левых социалистов в строительстве подпольного административного аппарата, и со стороны ВРН, пытавшейся путем объединения с Польскими социалистами подчинить себе левое крыло социалистической партии.

---

[158] В одном из рапортов разведки АК за декабрь 1942— январь 1943 г. сообщалось: «Суммируя вышесказанное,... я констатирую высокую степень угрозы, которая существует в низах, и которая при теперешней политической конъюнктуре может привести к утрате власти над низами, которые, идя на удочку обоснованных лозунгов сопротивления, выдвигаемых ППР, перестают быть надежными солдатами» (цит. по «Najnowsze dzieje Polski», t. 4, 1960, s. 7).

[159–160] «Przegląd socjalistyczny», 1948, N 5, s. 29.

inslav

В апреле 1942 г. в Варшаве состоялось совещание Польских социалистов по вопросам объединения с ВРН, а также соглашения со Стронництвом людовым и участия в работах Делегатуры. Было решено принять участие только в деятельности департаментов (ресортов) социальной опеки и просвещения [161]. Польские социалисты согласились объединиться с ВРН, если те примут следующую программу: установление добрососедских отношений с СССР; создание подпольного представительства без эндеков и санации; подчинение Армии крайовой демократическому командованию и демократическому политическому руководству; независимость военных отрядов социалистов от АК, проведение в освобожденной Польше аграрной реформы без выкупа, а также национализации ключевых отраслей промышленности [162].

Представители буржуазного лагеря, вынужденные к тому программой, провозглашенной Польской рабочей партией, заявили, что и они стоят за проведение социальных реформ, но не сразу, а лишь после созыва законодательного сейма и принятия им соответствующих решений. «Информационный бюллетень» писал 29 января 1942 г.: «...Мы утверждаем, что для обеспечения наилучших результатов нашей борьбы необходимо решительно определить очередность реализации целей. А именно: прежде всего борьба, потом проведение общественных реформ и благоустройство отвоеванного дома Родины...» Разоблачая планы реакции, печать ППР говорила: «Влиятельные покровители «Бюллетеня» предпочитают переждать до тех пор, пока дышащий широкой грудью народ, полный энтузиазма от того, что он освободил родину от оккупантов, вновь согнется под тяжестью хлопот и работы, под нажимом оставшейся после оккупации или привезенной из-за границы администрации и полиции, и тогда реакционеры закричат: «Долой демократию! Крестьяне и рабочие, на свое место! Правит элита!

Как в 1918 г...» [163].

Польские социалисты и Стронництво людове весной 1942 г. заключили договор о политическом сотрудничестве и взаимодействии военных отрядов. Соглашение предусматривало изгнание эндеков и санации из подпольных органов в Польше [164]. Левые социалисты и людовцы договорились не подчинять свои формирования «Союзу вооруженной борьбы», который они рассматривали в качестве одного из военных формирований в подполье, отвергая его претензии монопольно представлять официальные вооруженные силы. Таким образом внешнее единство в Политическом согласительном комитете и лагере эмигрантского правительства под влиянием роста национально-освободительной борьбы польского народа было нарушено. Образовалась открытая, хотя и малоустойчивая (в силу своей классовой специфики), оппозиция.

В ходе усилившейся национально-освободительной борьбы польского народа росли влияние и авторитет ППР, которая стала превращаться в самую крупную и влиятельную массовую партию в подполье. При помощи ППР и под ее руководством развивалось демократическое молодежное движение, которое в феврале 1943 г. оформилось в «Союз борьбы молодых». Идеи антифашистского национального фронта находили все большую поддержку в низах левых демократических организаций. Укреплялось сотрудничество ППР с местными организациями левых социалистов, с левыми крестьянскими группами, в среде которых ППР вела активную

---

[161] «Adam Próchnik, człowiek, polityk, myśliciel», Warszawa, 1947, s. 30.
[162] Там же, стр. 31, J. Mulak, M. Zawadka. Указ. соч., стр. 59.
[163] «Trybuna Wolności», 15.VI 1943.
[164] M. Turlejska. Указ. соч., стр. 110—111; «Robotnik», 2.VIII 1943. Через полтора года это соглашение было разорвано.

inslav

работу, с их военными отрядами, вставшими на позиции активной вооруженной борьбы с оккупантами. Участились случаи перехода, особенно в Люблинском и Келецком воеводствах, отдельных крестьянских батальонов, а также партизанских отрядов других демократических организаций в Гвардию людову, которая все более укрепляла свои позиции ведущей силы в борьбе с оккупантами. Значительно возросло количество отрядов Гвардии людовой и их численность. Усилился саботаж и диверсии на предприятиях и транспорте. По неполным данным Гвардия людова провела в 1943 г. 1208 боевых операций. Ширилось и укреплялось боевое сотрудничество польских и советско-польских партизанских отрядов на территории Польши.

Стремясь объединить все силы в борьбе против оккупантов, ППР обратилась к Делегатуре эмигрантского правительства с предложением о совместной борьбе против фашистских оккупантов. Польская рабочая партия еще в своем первом воззвании провозгласила, что она стремится к сотрудничеству с политическими партиями, искренне борющимися за освобождение народа. Реализуя это положение, ППР предложила Делегатуре объединить для совместной борьбы Гвардию людову и Союз вооруженной борьбы. Причем ГЛ, как ЗВЗ, сохранили бы свою организационную самостоятельность, а в состав главного командования ЗВЗ вошел бы представитель Гвардии людовой. Делегатура отвергла это предложение, мотивируя его слабостью ППР. В 1942 г. ППР вела переговоры и с представителем Польских социалистов. Однако в апреле ПС высказались против участия ППР в «демократическом соглашении» [165].

В январе 1943 г. состоялся пленум ЦК ППР. Партия подвела итоги деятельности за первый год своего существования и определила пути дальнейшей борьбы за освобождение страны и создание сильной, свободной, демократической Польши [166]. Было признано, что борьба ППР за объединение всех сил народа правильна и она уже приносит свои плоды и что создание широкого национального фронта «является великой политической задачей настоящего момента». В январе 1943 г. Польская рабочая партия вторично обратилась к Делегатуре, опубликовав одновременно для сведения общественного мнения «Открытое письмо к Делегатуре крайовой правительства ген. Сикорского» [167]. В письме ППР предлагала заключить политическое и военное соглашение и объединить силы для борьбы с оккупантами: «Патриотическая обязанность и ответственность за судьбы польского народа,— говорила ППР,— диктуют нам настоящее письмо.

Форму открытого письма мы признали необходимой для того, чтобы весь польский народ выразил свое отношение к принципам и формам борьбы с гитлеровскими оккупантами, которые провозглашает, пропагандирует и организует наша партия.

Письмо это и форму его продиктовала нам опасная по своим последствиям, вредная для польского народа деятельность тех органов и политических партий подпольной Польши, которые в целях неведомых широким народным массам, в момент страшных ударов, наносимых оккупантами польскому народу, провозглашают лозунги бездействия, пассивности, приказывают стоять с ружьем у ноги.

Когда на окровавленной и стонущей польской земле вырастает все более густой лес виселиц, на которых ветер колышет изуродованные тела борцов за свободную и независимую Польшу, пробуждающиеся к действиям, борьбе, к мести народные массы слышат призыв значительной части

[165] «Najnowsze dzieje Polski», t. 4, 1960, s. 6.
[166] «Krztałtowanie się podstaw programowych PPR», s. 66—81.
[167] Там же, стр. 82—92. Письмо датировано 15 января 1943 г.

inslav

печати подпольной Польши и стоящих за ней органов и политических партий: Еще не время, ждите»[168].

ППР заявляла, что в интересах предотвращения уничтожения польской нации, для усиления активной самообороны против оккупантов, она готова пойти на соглашение с любым политическим лагерем, который борется против оккупантов. Она подчеркивала, что достижение единства зависит от позиции Делегатуры и эмигрантского правительства. В письме выражалась надежда, что в результате широкой национальной борьбы возродится Польша, независимая и свободная от эксплуатации. Письмо заканчивалось призывом ко всему польскому народу, к рабочему классу, крестьянству, интеллигенции, к молодежи, к солдатам и офицерам бывшей польской армии поддержать создание объединенного фронта борьбы против немецко-фашистских оккупантов.

Политический согласительный комитет по предложению делегата Пекалкевича решил вступить в переговоры с ППР. Встречи состоялись 18 февраля, затем 22 и 25 февраля 1943 г. От ППР переговоры вели В. Гомулка и Я. Стшешевский, руководитель спецгрупп главного штаба Гвардии людовой. Оказалось, что представители Делегатуры и Армии крайовой имели полномочия только ознакомиться с позицией ППР и ее отношением к важнейшим политическим проблемам.

ППР предложила объединить все подпольные военные организации и выработать общую программу действий, создать национальный фронт борьбы и тесно сотрудничать со всеми союзными странами. Условиями военного соглашения ППР ставила: 1) активизацию деятельности АК, отказ от пассивности и выжидания; 2) введение представителей ГЛ в состав всех штабов АК; 3) сохранение самостоятельной организации ГЛ, сотрудничество и равенство с АК, а не подчинение ей, рассмотрение АК в качестве одной из военных организаций, а не официальной армии в подполье. В области политической ППР предлагала: 1) признать за ППР наравне с другими организациями право на решение политических вопросов, соответствующее ее политической силе; 2) создать новое соглашение политических партий, поскольку Политический согласительный комитет не отражает мнения всей страны; 3) сформировать в Польше еще во время оккупации правительство, которое полностью отражало бы расстановку политических сил в стране и заменило бы эмигрантское правительство, а после освобождения созвало бы конституционный сейм. ППР соглашалась на включение в его состав некоторых членов «лондонского» правительства, в том числе самого Сикорского, при условии, что вопрос о персональном составе будущего правительства будет решать межпартийное объединение в стране[169]; 4) отказаться от сотрудничества с санацией и ОНР; 5) прекратить убийства из-за угла и выдачу оккупантам членов ППР и демократических деятелей.

ППР указывала, что она является рабочей организацией, воспитывающей своих членов в духе марксистско-ленинской идеологии. Она стремится к изменению общественного строя Польши, причем не отказывается от возможности осуществления перемен конституционным путем.

В области внешней политики ППР заявляла о своем дружественном отношении к Советскому Союзу, о необходимости неукоснительного выполнения советско-польского соглашения. Вопрос о границах она считала открытым и решить его должны правительства СССР и Польши на основе права наций на самоопределение. «Отказ от этих предложений,— заявляла ППР,— будет рассматриваться как предоставление ППР свободы рук. С точки зрения, однако, главной цели партии — борьбы за осво-

[168] «Krztałtowanie się podstaw programowych PPR», s. 82.
[169] Ср. там же, стр. 235.

inslav

бождение — ППР согласна на договоренность даже на более узком участке,— например, в вопросе о сотрудничестве в активной гражданской борьбе: крупных актах саботажа, диверсиях и т. д.» [170].

1 марта 1943 г. ППР опубликовала декларацию «За что мы боремся», программу-минимум, осуществить которую следовало немедленно после освобождения. В области политической декларация требовала: аннулировать мандаты различных чиновников, создать временную государственную власть от гминных, городских советов до правительства включительно. Созвать на основе демократической избирательной системы Законодательный сейм для выборов президента, правительства и принятия Конституции. Установить полную свободу слова, печати, совести, собраний и союзов. Основой внешней политики должно быть сотрудничество с Советским Союзом, а также со всеми народами Европы. Включить в границы государства все польские земли. На спорных территориях вопрос решает воля населения. Признание права народов на самоопределение.

В области экономической декларация предусматривала ликвидацию последствий немецкой оккупации, возврат собственникам их мелких промышленных и ремесленных предприятий, а крестьянам — конфискованных хозяйств. Обобществление банков и крупной промышленности с введением контроля фабричных комитетов над производством. Конфискацию без возмещения помещичьих хозяйств площадью более 50 га и раздел их между малоземельными крестьянами и сельскохозяйственными рабочими. Установление восьмичасового рабочего дня и минимума оплаты за труд. Выработка плана восстановления и развития народного хозяйства, предусматривающего электрификацию и индустриализацию страны, подъем сельского хозяйства и ликвидацию жилищного голода. Декларация предусматривала широкую программу развития просвещения, здравоохранения, социального обеспечения [171].

Ответа Делегатуры на предложения ППР пришлось ждать долго. Начало 1943 г. явилось периодом усиленного наступления реакционно-санационных элементов как в самой Польше, так и в эмиграции, что особенно проявилось в активизации деятельности В. Андерса и его окружения. Попытки польской эмигрантской клики и ее Делегатуры сорвать национально-освободительную борьбу польского народа, тесно переплетались с их антисоветской политикой, которая имела целью обострить отношения между наступающими советскими войсками и населением Польши. В феврале 1943 г. эмигрантское правительство вновь выступило с захватническими территориальными претензиями к Советскому Союзу. В апреле оно поддержало антисоветскую провокацию гитлеровцев (так называемое Катынское дело), пытавшихся приписать советским властям зверскую расправу над польскими военнопленными офицерами, учиненную немецкими фашистами в 1941 г. Целью кампании был обман мирового общественного мнения, возмущенного кровавыми расправами гитлеровцев в Польше и других оккупированных странах. Одновременно под шум о Катыни гитлеровцы приступили к окончательному уничтожению еврейского населения Польши. Несмотря на то, что с самого начала было ясно, что сообщение гитлеровцев о Катыни грубая и очевидная провокация (даже Ф. Гетель, член привезенной гитлеровцами в Катынь комиссии, вынужден был признать, что польский народ «все еще верит», что Катынь — дело гитлеровцев), польская реакция с готовностью поддержала фашистов. Польская печать и радио за границей, Делегатура и Армия крайова в стране изливали потоки антисоветской клеветы, пытаясь насадить в польском народе ненависть и враждебность ко всему

[170] M. Turlejska. Указ. соч., стр. 125—127.
[171] См. «Krztałtowanie się podstaw programowych PPR», s. 93—96.

inslav

русскому, советскому. Измышления польской реакции, которые нельзя было отличить от геббельсовской пропаганды, охотно перепечатывали фашистские листки. Все это не оставляло сомнений, «что между врагом союзников Гитлером и польским правительством имеется контакт и сговор в проведении этой враждебной кампании»,— говорилось в заявлении Советского правительства. Подобные действия лондонской профашистской клики свидетельствовали о том, что правительство Сикорского «прекратило на деле союзные отношения с СССР и стало на позицию враждебных отношений к Советскому Союзу» [172]. Естественно, что СССР не мог больше поддерживать дипломатических отношений с лондонской кликой и 25 апреля 1943 г. отозвал своего представителя при правительстве Сикорского. При этом Советское правительство заявляло, что несмотря на разрыв отношений с эмигрантским правительством, отношения его к польскому народу останутся неизменными.

В ответ на наглую провокацию германских фашистов, поддержанную польской реакцией, ЦК ППР 23 февраля 1943 г. опубликовал специальную декларацию, которая разоблачала катынскую провокацию и указывала на истинные цели ее организаторов [173].

19 февраля 1943 г. был арестован Я. Пекалкевич, который являлся сторонником переговоров с ППР и в то же время отказывался сотрудничать с ВРН. Под влиянием реакционных кругов новым делегатом был назначен член Стронництва праци Ян Янковский, человек консервативных взглядов. Под усиленным нажимом из Лондона из Политического согласительного комитета были изгнаны Польские социалисты. Протест Ю. Грудзиньского, представителя Стронництва людового в Политическом согласительном комитете, не был принят во внимание [174].

При этих обстоятельствах на первом же заседании Политического согласительного комитета после официального введения в его состав представителя ВРН, был заслушан отчет о ходе переговоров с ППР. Только представитель СЛ выступил за продолжение переговоров, но голос его был единственным. По предложению К. Пужака (ВРН), открыто солидаризировавшегося с антисоветской, антинародной линией верхов АК, переговоры было решено прервать и подготовить соответствующее письмо ППР.

Ответ Делегатуры от 28 апреля 1943 г. на предложения ППР являлся красноречивым свидетельством «новых» (т. е. старых санационных) тенденций, которые все более начинали преобладать в лагере эмигрантского правительства [175]. После вступительных фарисейских фраз о положительном отношении Делегатуры к предложению ППР о сотрудничестве следовали его условия: «1) Признание верховенства только легальных и наивысших государственных властей, которые временно пребывают за границами государства; 2) признание верховенства органов, созданных польским правительством в стране; 3) опубликование декларации о полной независимости от внепольских центров; 4) декларирование готовности бескомпромиссной борьбы с любым, кем бы он ни был, оккупантом который вступит на земли Польской республики; 5) признание незыбле-

[172] «Внешняя политика Советского Союза...», т. 1, стр. 302.

[173] «W dziesiątą rocznicę powstania Polskiej Partii Robotniczej», Warszawa, 1952, s. 141—143.

[174] Следует прибавить, что в июле, возвращаясь из поездки в армию Андерса, при загадочных обстоятельствах погиб Сикорский. За неделю до этого был арестован Ровецкий. Командующим АК стал граф Коморовский («Бур»), весьма близкий к правым народовцам. Верховным главнокомандующим был назначен К. Сосновский. Рачкевич отказался признавать всякое ограничение своих прав как президента. Все эти факты свидетельствовали об усилении реакционных группировок в буржуазном лагере.

[175] Фотокопия ответа Делегатуры приведена в кн.: M. Turlejska. O wojnie i podziemiu, s. 132—133.

inslav

мости границ Польского государства 1939 г.». Ответ Делегатуры по существу ничего не говорил о главном в предложениях ППР — об объединении усилий в борьбе против немецко-фашистских оккупантов. Вместо этого Делегатура всеми средствами пыталась доказать законность всех «официальных властей», не желала признавать права украинского и белорусского народов на самоопределение, бросала тень на международную пролетарскую солидарность ППР, на укреплявшееся сотрудничество советского и польского народов. Ответ Делегатуры заканчивался утверждением, что «дальнейшие переговоры с ППР невозможны и по вине ППР бесцельны» [176].

20 февраля 1944 г. «Трибуна Вольности» опубликовала «Заявление Центрального Комитета ППР» [177]. Причина неудачи переговоров состояла, по мнению ППР, в том, что «Делегатура, руководствуясь так называемыми «высшими государственными соображениями» (стремлением не затруднять оккупантам войну на востоке), не считала возможным применить даже такие ограниченные формы борьбы с оккупантами, как саботажно-диверсионная борьба с железнодорожным транспортом врага; предложения ППР вырывали из рук Делегатуры излюбленные аргументы «враждебной агентуры», «московских приказов» и т. д., широко применяемые в борьбе против ППР».

Предложения же ППР о вхождении ее представителей в состав Политического согласительного комитета и создании после изгнания оккупантов правительства путем соглашения всех политических партий за исключением санации и фашистских группировок отвергались потому, что они означали бы аннулирование незаконной конституции 1935 г., никогда не признававшейся польским народом, и привели бы к образованию в Польше демократического правительства с участием представителей ППР или правительства, пользующегося поддержкой ППР [178].

Заявление ЦК ППР говорило, что Делегатура никогда не выступала против попыток развязать братоубийственную борьбу, ибо гражданская война, доносы и провокации стали для реакции средством борьбы за власть. Яростная кампания против ППР является «подкопом реакции под интересы Польши и народа», «дымовой завесой реакции в борьбе за власть с укрепляющимся с каждым днем демократическим движением в Польше, составной и наиболее последовательной частью которого являются ряды ППР».

В условиях, когда окончательно выявилась реакционная сущность Делегатуры и эмигрантского правительства, отказавшихся от ведения активной борьбы с оккупантами, ППР выдвинула перед всеми членами партии, перед всем польским народом задачу объединения снизу всех демократических сил, создания национального фронта и его организаций, вплоть до общепольского его центра, путем соглашения между рядовыми членами различных партий, организаций и всех тех, «кто признает необходимость активной борьбы с немцами уже сегодня» [179]. При этом ППР обращала внимание на необходимость первоочередного соглашения с низами социалистических и людовских организаций, т. е. с рабочими и крестьянами. Польская рабочая партия начинала новый этап борьбы за свободную, независимую, демократическую Польшу, борьбу за объединение левых и революционных сил страны.

К весне 1943 г., таким образом, ясно определили свои позиции две полярные политические группировки в Польше. Руководящие политические

---

[176] См. подробнее «Najnowsze dzieje Polski», t. 4, 1960, s. 5—22.
[177] «Krztałtowanie się podstaw programowych PPR», s. 233—237.
[178] Там же, стр. 235.
[179] «W dziesiątą rocznicę powstania PPR», s. 132.

inslav

деятели буржуазного лагеря понимали, что рост вооруженного сопротивления оккупантам приведет в движение весь народ, который признал СССР своим союзником в борьбе за независимость. Именно поэтому из Лондона шли приказы сохранять спокойствие и выжидать момент, когда «оба врага» истекут кровью. И только под влиянием той борьбы, которую вели ППР и Гвардия людова, под напором общественного мнения Делегатура и эмигрантское правительство вынуждены были видоизменить тактику и провозгласить «гражданское сопротивление», «ограниченную борьбу». Вместе с тем реакция начала открытый террор против ППР — руководителя национально-освободительной борьбы. Развязывая гражданскую войну, она надеялась задержать процесс объединения прогрессивных и революционных сил народа вокруг Польской рабочей партии.

Великой заслугой ППР было то, что она разоблачила антинародные планы реакции. После провала переговоров с Делегатурой ППР начала усиленную борьбу за создание подлинно народного представительства в стране, которое могло бы взять в свои руки руководство движением всех демократических сил страны, выступавших за создание независимой, демократической Польши. На рубеже 1943—1944 гг. была образована Крайова Рада Народова, в которую вошли Польская рабочая партия, революционное крыло левых социалистов (с весны 1943 г. Польские социалисты приняли наименование «Рабочая партия польских социалистов»), группы левых деятелей крестьянского движения («Воля люду») и крестьянских батальонов, демократической интеллигенции. Борьба увенчалась успехом. Силы, объединенные вокруг ППР и Крайовой Рады Народовой с помощью Советской Армии, изгнавшей немецко-фашистских оккупантов с польской земли, создали народную Польшу.

inslav

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
Том XXIV, 1962 г.

В. В. Марьина

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС 1930—1933 гг. В СЛОВАКИИ И ПОЛОЖЕНИЕ ТРУДЯЩИХСЯ

Настоящая статья представляет попытку дать в общих чертах очерк экономического положения Словакии и ее трудящихся масс в годы кризиса и не претендует на полноту изложения и окончательное решение ряда вопросов. В советской исторической науке нет еще работ, непосредственно посвященных затронутой нами проблеме. Однако имеются статьи С. И. Прасолова [1], Ф. И. Фирсова [2], в которых рассматриваются вопросы экономического положения Чехословакии и ее трудящихся масс в период кризиса. Экономическому кризису 1930—1933 гг. отведена глава в III томе «Истории Чехословакии».

Если обратиться к чехословацкой марксистской историографии, то тут можно назвать ряд работ общего характера, которые более или менее подробно останавливаются на вопросах, затронутых в статье. Из них прежде всего надо отметить «Историю Словакии» (проспект) [3], «Историю Чехословакии» (проспект) [4] и «Историю Коммунистической партии Чехословакии» (учебник) [5].

К подобного рода работам относятся работы А. Доброго [6], Р. Вагнера [7], П. Рапоша [8], М. Фальтяна [9], Й. Иновецкого [10] и др. Из работ, посвященных непосредственно кризису 1930—1933 гг. в Словакии, необходимо упомянуть книгу Я. Млынарика «Классовая борьба народа Горегронья в годы мирового экономического кризиса 1930—1933 гг.» [11] и первую часть большой работы В. Плевзы «Революционное движение сельскохозяйственных рабочих в Словакии (1929—1938)» [12]. Чрезвычайно важными

---

[1] С. И. Прасолов. Чехословакия в годы экономического кризиса (1930—1933 гг.).— «Ученые записки Института славяноведения АН СССР», т. XII, 1956.

[2] Ф. И. Фирсов. Положение рабочего класса Чехословакии в период экономического кризиса 1930—1933 гг.— «Научные доклады высшей школы. Исторические науки», М., № 3, 1959.

[3] «Dejiny Slovenska» (tezy), Bratislava, 1957.

[4] «Přehled československých dějin», theze. 1—3, Praha, 1954—1956.

[5] «Dějiny KSČ», Praha, 1961.

[6] A. Dobrý. Materialy ke studiu dějin československého hospodářstvi v letech 1918—1945. Praha, 1955; «Hospodářská krise československého průmyslu ve vztahu ke Mnichovu», Praha, 1959.

[7] R. Wagner. Panství kapitalistických monopolů v Československu. Praha, 1958.

[8] P. Rapoš. Priemysel Slovenska za kapitalizmu. Bratislava, 1957.

[9] M. Falt'an. Cesta slovenského rol'nictva k socializmu. Bratislava, 1954.

[10] J. Inovecký. Slovenská včera a dnes. Bratislava, 1956.

[11] J. Mlynarik. Triedné boje horehronskéhe l'udu v rokoch svetovej hospodárskei krízy 1930—1933. Bratislava, 1956.

[12] V. Plevza. Revolučné hnutie zemerobotníkov na Slovensku (1929—1938). Cast' 1, Bratislava, 1960.

inslav

и интересными для характеристики положения словацкой деревни в годы кризиса представляются на наш взгляд статьи Л. Вебра [13] и В. Плевзы [14].

При этом следует отметить, что если чехословацкая марксистская историческая наука уже сделала первые шаги в деле изучения аграрного вопроса в Словакии в годы кризиса, то исследований, посвященных особенностям промышленного развития Словакии и положению словацкого пролетариата в указанные годы, еще нет. Экономическое положение Словакии освещается в ряде работ буржуазных экономистов [15], которые, однако, вследствие их тенденциозности требуют чрезвычайно осторожного подхода.

Что касается использованных нами источников, то назовем лишь основные из них: коммунистическая пресса (газеты «Руде право», центральный орган КПЧ, и «Правда», орган КПЧ для Словакии), протоколы V и VI съездов КПЧ, стенографические отчеты X, XI и XII Пленумов ИККИ, стенографические отчеты Национального собрания Чехословацкой республики, статистические материалы, изданные в буржуазной Чехословакии и т. д.

РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Мировой экономический кризис 1929—1933 гг., явившийся подобно всем предшествовавшим кризисам кризисом перепроизводства, был, однако, самым острым, глубоким и длительным. Причины этого крылись прежде всего в том, что он разразился в период общего кризиса капитализма, когда капитализм не имел уже таких прочных позиций, как до первой мировой войны и Октябрьской революции.

Экономический кризис 1929—1933 гг. охватил все капиталистические страны, как промышленные, так и аграрные, что затруднило маневрирование одних стран за счет других. Трудности выхода из кризиса были связаны с чрезвычайной узостью внутреннего рынка, явившейся следствием крайнего обнищания трудящихся масс. Это обстоятельство усугублялось политикой капиталистических монополий, поддерживающих высокие цены на предметы потребления и препятствующих таким образом рассасыванию товарных запасов.

Господство монополий в экономике капиталистических стран, их стремление сохранить высокие монополистические прибыли даже в годы экономического кризиса в высшей степени затруднили преодоление кризиса «обычным» путем, «путем расточения и постепенного всасывания товарных запасов, путем обесценения основного капитала, путем основательной чистки капиталистических хозяйств от устарелых и нерентабельных, слабых и гнилых предприятий, путем технических улучшений и поднятия производительности и т. д.» [16]. В этих условиях капиталисты стремились найти выход из кризиса в усилении эксплуатации трудящихся, установлении фашистской диктатуры и развязывании империалистической войны.

Чехословакия была захвачена кризисом в 1930 г., в то время как в большинстве капиталистических стран он начался несколько раньше,

---

[13] L. Vebr. Revolučné hnutie malorol'níkov na Slovensku v prvej polovici tridsiatych rokov.— «Historický časopis», Bratislava, 1959, N 3.

[14] V. Plevza. K niektorým otázkam agrárnej krízy v rokoch 1928—1934 na Slovensku.— «Historický časopis», 1959, N 2.

[15] I. Karvaš. Sjednocení vyrobních podminek v zemich Českých a na Slovensku. Praha, 1933. Статьи О. Каппа, П. Затько, М. Фрича и др., опубликованные в журналах «Hospodárske rozhl'ady», «Hospodářská politika» и т. д.

[16] «XI Пленум ИККИ. Стенографический отчет». т. 1. М., 1933, стр. 12.

inslav

в 1929 г.[17] Однако оживление промышленного производства и переход к депрессии особого рода здесь наступили позже, чем в капиталистическом мире в целом[18]. Необходимо отметить и то, что промышленный кризис в Чехословакии носил особенно острый и разрушительный характер. Наряду с США, Канадой, Германией и Польшей Чехословакия относилась к числу стран, где падение промышленного производства достигло чрезвычайной глубины[19]. Объяснение этому факту надо искать в ряде обстоятельств, наложивших свой отпечаток на ход всего экономического кризиса в Чехословакии. Первое из них — зависимость чехословацкой экономики от экспорта[20], обусловленная наличием относительных излишков промышленных мощностей в буржуазной Чехословакии и весьма ограниченными возможностями внутреннего рынка (после развала Австро-Венгрии на территории Чехословакии осталось около $^4/_5$ производственных мощностей и около $^1/_3$ населения бывшей монархии).

Вынужденная работать в значительной мере на экспорт чехословацкая промышленность была чрезвычайно чувствительна ко всем колебаниям на внешнем рынке, который значительно сократился в годы экономического кризиса. Стремление чехословацкой буржуазии сохранить свои позиции на внешних рынках путем демпинга, продажи товаров за границей по «бросовым» ценам имело следствием увеличение эксплуатации внутреннего рынка, снижение жизненного уровня чехословацких трудящихся, ухудшение их положения.

Вторым обстоятельством, повлиявшим на течение экономического кризиса в Чехословакии, был значительный удельный вес сельского хозяйства в экономике страны.

Аграрный кризис, принявший в капиталистическом мире хронический характер, обострился со второй половины 1928 г. и оказал существенное влияние на развертывание промышленного кризиса, углубив его.

В задачу автора не входит подробное рассмотрение хода экономического кризиса в Чехословакии[21], а лишь общая характеристика его, необходимая для того, чтобы показать особенности кризиса в Словакии.

Экономический кризис в Чехословакии, подобно тому как это было и в других капиталистических странах, проявился в падении объема производства, закрытии предприятий, росте недогрузки производственных мощностей, сокращении внешней торговли, увеличении числа банкротств, росте частичной и полной безработицы и снижении жизненного уровня трудящихся.

Кризис в Чехословакии развивался неравномерно. Это сказалось прежде всего в том, что он с разной силой поразил отдельные отрасли промышленности. Наиболее сильно пострадала от кризиса тяжелая промышленность[22], но значительно сократили производство и отрасли легкой промышленности, особенно те, которые были тесно связаны

---

[17] Долгосрочные договоры, заключенные Чехословакией незадолго до кризиса, загрузили ряд отраслей промышленности и временно задержали свертывание производства.

[18] Падение промышленного производства в Чехословакии достигло наибольшей глубины в марте 1933 г., в то время как в капиталистическом мире в целом — в июне 1932 г. См. С. И. Прасолов. Чехословакия в годы экономического кризиса. (1930—1933).— «Ученые записки Института славяноведения», т. XII, М., 1956, стр. 8.

[19] Индекс объема промышленной продукции для капиталистического мира в целом составлял в 1932 г.— 63,8 (1929 г.— 100), а для Чехословакии в 1933 г.—60,2.— См. С. И. Прасолов. Указ. соч., стр. 7.

[20] Чехословакия вывозила 25—30% всей продукции. В бо́льшей зависимости от экспорта находились отрасли легкой промышленности, в меньшей — тяжелой. A. Dobrý. Z. kríze do kríze.— «Politická ekonomie», Praha, 1960, N 1, s. 13.

[21] См. С. И. Прасолов. Указ. соч.

[22] Индекс производства чугуна упал в 1932 г. (1929 г.— 100) до 27,3, стали — до 31,0.— С. И. Прасолов. Указ. соч., стр. 8.

inslav

с экспортом (текстильная, стекольная и др.). Не была задета кризисом лишь военная промышленность.

Неравномерность развития кризиса в Чехословакии проявилась также в том, что отдельные районы страны были охвачены им в разной степени. Наиболее глубоким и острым был кризис на национальных окраинах Чехословацкой республики: в Словакии, Закарпатской Украине, в районах с немецким населением. Причиной этого была политика чешского капитала, занимавшего руководящее положение в стране, видевшего одну из возможностей обеспечить сбыт своей продукции в годы кризиса и сохранить высокие прибыли в свертывании промышленности в национальных районах и усилении эксплуатации их трудящихся масс.

Хищническая политика чешской монополистической буржуазии в отношении Словакии была характерна не только для периода кризиса. Она проводилась с самого начала вхождения Словакии в буржуазную Чехословацкую республику. Усилия чешской буржуазии были направлены на то, чтобы превратить Словакию в аграрно-сырьевой придаток развитых в промышленном отношении Чехии и Моравии. Стремясь укрепить свои позиции в Словакии и подчинить себе ее экономику, чешские капиталисты приступили к свертыванию и без того слабой словацкой промышленности.

Ликвидация предприятий проходила прежде всего в отраслях тяжелой промышленности. Чешский историк Р. Вагнер констатирует, что к началу 30-х годов чешские монополии уничтожили в основном словацкую тяжелую промышленность [23]. Почти полностью была ликвидирована металлургическая промышленность. Из четырех крупных металлургических предприятий в Словакии (Кромпахи, Зволен, Трнава, Подбрезова) к началу 30-х годов осталось только два последних, да и они в значительной мере ограничили производство. Металлургический завод в Подбрезовой работал с большими убытками и существовал лишь при государственной поддержке. Закрытие предприятий происходило и в тех отраслях легкой промышленности, которые были чрезвычайно развиты в чешских землях и производственные мощности которых значительно превышали возможности сбыта (например, стекольная, текстильная, кожевенная и др.). Деиндустриализация проводилась прежде всего в центральных и восточных районах Словакии.

Однако нельзя представлять дело таким образом, что свертывание предприятий происходило во всех отраслях промышленности Словакии. В отдельных отраслях, например деревообрабатывающей, пищевкусовой, промышленности стройматериалов, происходил рост числа предприятий. Это были те отрасли, в которых в силу ряда обстоятельств (дешевое сырье, дешевая рабочая сила и др.) издержки производства были ниже, чем в чешских землях, и развитие которых в Словакии представлялось выгодным для чешских капиталистов. Это относится также и к горнодобывающей промышленности, которая в докризисные годы развивалась, хотя добыча полезных ископаемых (кроме бурого угля) и не достигла предвоенной. Необходимо отметить еще и то, что в последние предкризисные годы в Словакии, которая рассматривалась чешской буржуазией как важный в стратегическом отношении район, стали создаваться предприятия военной и химической промышленности [24].

Таким образом, в Словакии развивались добывающая промышленность, некоторые отрасли легкой обрабатывающей промышленности и промышленность по переработке сельскохозяйственного сырья.

---

[23] R. Wagner. Panství kapitalistických monopolů v Československu. Praha, 1958, s. 178.

[24] «Коммунистический интернационал», М., 1930, № 27, стр. 44.

inslav

Результатом политики чешского монополистического капитала было то, что Словакия уже накануне экономического кризиса была низведена на уровень аграрно-сырьевого придатка промышленных чешских земель и превращена в рынок сбыта, источник сырья и резервуар дешевой рабочей силы.

Эти особенности экономического положения Словакии в составе Чехословацкой республики были причиной того, что экономический кризис приобрел здесь более разрушительный характер и протекал в более острых формах, чем в чешских землях.

Рассмотрим прежде всего вопрос о том, как отразился кризис на промышленности Словакии.

К началу 30-х годов в силу указанных выше обстоятельств Словакия представляла собой аграрную страну со слабо развитым промышленным производством. Более половины ее населения (56,7%) было занято в сельском хозяйстве и лишь 17,8% — в промышленности и ремеслах [25]. К этому следует добавить, что в Словакии сохранилось чрезвычайно много мелких предприятий ремесленного и полуремесленного типа. Из 96 382 торгово-промышленных предприятий Словакии [26] в 1930 г. лишь 544 (0,6%) имели более 50 человек рабочих, 89 949 (93,3%) — имели от 1 до 5 человек рабочих [27].

Промышленность Словакии характеризовалась слабой технической оснащенностью, высокими издержками производства и значительной недогрузкой предприятий даже в годы высокой конъюнктуры. Наивысшей точки в докризисные годы промышленное производство Словакии, по данным Союза словацких промышленников, достигло в 1929 г. и составляло 80% довоенного [28]. Однако уже со второй половины 1929 г. начали ощущаться признаки надвигающегося кризиса, выразившиеся в значительном ограничении производства в таких отраслях промышленности, как текстильная, строительная, кожевенная, деревообрабатывающая, сахароваренная [29]. Упал спрос на продукцию металлургической, металлообрабатывающей и стекольной промышленности [30].

В полную силу кризис развернулся в 1930 г. и захватил всю промышленность Словакии, кроме военной. Особенно пострадали отрасли промышленности, работающие на экспорт.

При этом необходимо отметить, что из-за чрезвычайно узкого внутреннего рынка, связанного с крайне низким жизненным уровнем населения Словакии, большая часть промышленной продукции вывозилась. Серьезное значение в подрыве словацкой экономики в годы кризиса сыграл, в частности, разрыв торгового договора с Венгрией в декабре 1930 г. Повышение Чехословакией таможенных тарифов на импортируемые из Венгрии сельскохозяйственные продукты (с целью охраны интересов аграриев) вызвало ответные мероприятия со стороны венгерского правительства, которое ввело высокие пошлины на чехословацкую промышленную продукцию. В результате экспорт Чехословакии в Венгрию сократился с 1934 млн. крон в 1930 г. до 322 млн. крон в 1932 г., т. е. на 84,4% [31]. Между тем доля Словакии и Закарпатской Украины в чехословацком экспорте в Венгрию составляла значительную часть и в 1930 г. равнялась 37,7% [32]. Экспорт Словакии и Закарпатской Украины

[25] «Štatistická ročenka Slovenska», Bratislava, 1959, s. 40.
[26] Торговых предприятий из этого числа было 33 855, т. е. 36,2%.
[27] Ročenka Československé Republiky», Praha, 1932, s. 179.
[28] «Lidové noviny», Praha, 6.I 1932.
[29] «Hospodářská politika», Praha, 1930, N 5, s. 85; «Hospodárske rozhl'ady», Bratislava, 1930, N 4, s. 67.
[30] «Hospodárske rozhl'ady», 1930, N 4, s. 67.
[31] «Hospodárske rozhl'ady», 1933, N 13, s. 12.
[32] Там же, стр. 14.

inslav

в Венгрию с 1930 по 1932 г. сократился с 64 млн. пенгё (денежная единица в Венгрии) до 14 млн. пенгё, т. е. на 75% [33]. От нарушения торговых отношений с Венгрией в первую очередь пострадала лесная промышленность Словакии, так как лес по стоимости составлял около половины всего экспорта из Словакии и Закарпатской Украины в Венгрию. Значительно пострадали и другие отрасли промышленности, экспортирующие свои товары в Венгрию: горнодобывающая, бумажная, стекольная, кожевенная, текстильная и др.[34] Отрицательное влияние на состояние словацкой промышленности в годы кризиса оказало сокращение торговли Чехословакии не только с Венгрией, но и с другими странами [35].

Рассмотрим состояние отдельных отраслей промышленности Словакии в годы кризиса. Значительное место в экономике Словакии занимала горнодобывающая промышленность. Здесь добывались железная руда и бурый уголь, медь и другие цветные металлы, соль и нефть. Табл. 1 дает картину состояния горной промышленности в Словакии в годы кризиса [36] (в тоннах).

Таблица 1

Горная промышленность Словакии

Год	Железная руда, *т*	Индекс 1929=100	Бурый уголь, *т*	Индекс 1929=100	Железный колчедан, *т*	Медная руда, *т*	Ртутная руда, *т*	Руды, содержащие золото, серебро, олово, цинк, *т*	Марганцевая руда, *т*	Нефть, *т*	Соль, *т*
1913	1 187 663	108,7	119 700	20,5	61 667	964	5	50 712	13 563	*	*
1929	998 721	100	585 408	100	23 005	55 564	519	23 229	61 776	8876	13 568
1930	979 042	98	598 358	102,2	21 669	72 578	219	41 689	68 371	12 494	14 768
1931	717 907	72	603 088	103	20 694	53 487	943	60 190	61 753	11 598	15 097
1932	368 951	37	562 627	96	15 640	**	2214	64 570	17 707	11 500	15 293
1933	196 279	20	561 000	95,8	*	**	*	*	*	*	*
1934	264 283	26,4	636 753	108,7	17 919	**	3921	74 499	40 453	12 377	15 378

* Нет данных.
** Добыча руды не производилась.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что добыча железной руды в Словакии сократилась в 1933 г. по сравнению с 1929 г. в пять раз. Причины этого станут ясны, если посмотреть, где потреблялась руда, добываемая в Словакии.

Словацкая железная руда в 1930 г. шла в Чехию, Моравию и Силезию (57,1%), Венгрию (37,3%), Словакию (4,7%), Германию и Польшу (0,7%) [37]. Основным потребителем словацкой железной руды, таким образом, была металлургическая и металлообрабатывающая промышлен-

[33] «Hospodárske rozhl'ady», 1933, № 13, s. 14.

[34] В 1932 г. экспорт из Словакии и Закарпатской Украины в Венгрию составлял 14 779 тыс. пенгё. Из этой суммы приходилось на лес — 6386 тыс., железную руду — 985 тыс., бумагу и продукцию бумажной промышленности — 975 тыс., стекло и стекольные изделия — 837 тыс., кожу — 797 тыс., шерстяную пряжу — 790 тыс. и т. д.— «Hospodárske rozhl'ady», 1933, N 13, s. 18.

[35] Объем чехословацкого экспорта понизился с 20 499 млн. крон в 1929 г. до 5923 млн. крон в 1933 г.— «Hospodárske rozhl'ady», 1937, N 3, s. 125.

[36] Таблица составлена на основе материалов: «Za chlieb, pracu, pôdu a slobodu», Bratislava, 1954, s. 638; «Hospodárske rozhl'ady», 1933, N 1—3, s. 3; «Statistická ročenka Republiky Československé», Praha, 1934, s. 64; «Hospodárske rozhl'ady», 1931, N 6, s. 264—265.

[37] I. Karvaš. Указ. соч., стр. 59.

inslav

ность чешских земель, которая переживала в годы кризиса глубокий упадок. Далее, в результате разрыва в 1930 г. торгового договора с Венгрией эта страна была также почти полностью потеряна как рынок сбыта словацкой железной руды [38].

Последняя доменная печь в самой Словакии в Тисовце (до войны их было восемь) была погашена в 1931 г., чугун здесь в годы кризиса не выплавлялся. Основные железные рудники в Словакии находились в собственности Римамуранского (венгерский капитал), Витковицкого и Горно-металлургического (чешский капитал, тесно связанный с иностранным) акционерных обществ и Чехословацкого государства. Одной из причин (помимо сокращения производства в металлургической промышленности), заставивших чешские монополии ограничить потребление словацкой железной руды в годы кризиса, была ее дороговизна, ввиду низкого содержания в ней железа и высоких издержек производства, связанных со слабым техническим оснащением горнодобывающей промышленности. Не последнюю роль в сокращении потребления словацкой железной руды играли и высокие издержки при ее транспортировке. Доставка железной руды из Швеции стоила дешевле, чем перевозка ее из Словакии в Чехию. Все это вместе взятое и было причиной чрезвычайно резкого сокращения добычи железной руды в Словакии в годы кризиса. Необходимо отметить, что увеличение добычи железной руды в Словакии происходило крайне медленно и в 1936 г. составляло лишь 54% от уровня 1929 г. [39]

Добыча медной руды была полностью прекращена в 1932 г. ввиду того, что добыча ее в Словакии находилась под контролем швейцарского капитала, связанного с международным медным картелем, который ограничил в годы кризиса производство меди на 20—40%. Добыча меди в Словакии оказалась нерентабельной для монополистов [40]. В годы кризиса была значительно сокращена добыча марганцевой руды (с 68 371 т в 1930 г. до 17 707 т в 1932 г., т. е. почти в четыре раза) и железного колчедана. Добыча ртутной руды, руды с содержанием серебра, олова, цинка, а также соли и нефти несколько возросла.

Незначительное падение обнаружила добыча бурого угля. Это объяснялось тем, что Словакии не хватало своего угля, и она обычно ввозила его [41]. В годы кризиса сократили добычу Гандловские буроугольные шахты, которые давали 95% всего словацкого бурого угля, и общее относительное равновесие могло быть достигнуто только за счет открытия новых разработок бурого угля у Чакановец [42]. Однако общее потребление угля в Словакии в этот период резко сократилось. За первые девять месяцев 1933 г. оно снизилось до 68,7% по сравнению с теми же девятью месяцами 1930 г. [43] Ввоз угля в Словакию из чешских земель упал с 1333 тыс. т в 1928 г. до 500 тыс. т в 1934 г. [44–45]

Следствием сокращения производства в горнодобывающей промышленности Словакии в годы кризиса было уменьшение числа рабочих и количества отработанных смен в этой отрасли промышленности [46].

---

[38] Экспорт словацкой железной руды в Венгрию сократился с 352 тыс. т в 1929 г. до 82 тыс. т в 1932 г.— «Hospodárske rozhľady», 1933, N 1—3, s. 6.

[39] Za chlieb, pracu, pôdu a slobodu, s. 638.

[40] Там же, стр. 639.

[41] Бурый уголь, добываемый в Словакии, покрывал лишь 1/3 потребности местной промышленности. I. Karvaš. Указ. соч., s. 57.

[42] «Ročenka Československé Republiky», 1932, s. 176.

[43] Дано в пересчете на каменный уголь — Statistické zprávy, Bratislava, 1931, N 1, s. 11; 1933, N 10—12, s. 21.

[44–45] P. Rapoš. Priemysel Slovenska za kapitalizmu. Bratislava, 1957, s. 74—75.

[46] Таблица составлена на основе материалов: «Hospodárske rozhľady», 1933, N 1—3, s. 3; «Odbrové sdružení Československé», Praha, 1934, N 5, s. 124; «Hospodárske rozhľady», 1934, N 2, s. 40; «Hospodárske rozhľady», 1935, N 1, s. 16.

inslav

Таблица 2

Число рабочих, занятых в горной промышленности Словакии, и количество отработанных смен

Год	Рабочие	Индекс 1929=100	Отработанные смены			
			всего	Индекс 1929=100	в том числе добыча железной руды	индекс 1929=100
1929	10 039	100,0	2 930 715	100	1 437 813	100
1930	10 270	102,3	2 873 436	98	1 381 787	96
1931	9 428	93,9	2 456 334	83	1 067 292	74
1932	7 752	77,1	1 782 612	60	581 435	40
1933	6 658	66,3	1 478 049	50	Нет данных	27
1934	7 010 *	69,8	Нет данных	56	» »	31

* В январе 1934 г. было 6498, в декабре — 7522. Дана средняя цифра за год.

Из табл. 2 видно, что в годы кризиса индекс количества отработанных смен падает значительно быстрее, чем индекс числа занятых рабочих. Это свидетельствует о том, что многие не закрывающиеся предприятия горнодобывающей промышленности Словакии работали неполную рабочую неделю, используя лишь частично свои производственные мощности.

Металлургическая промышленность[47] Словакии, как уже упоминалось выше, была свернута в основном к началу 30-х годов. Окончательный удар был нанесен ей в 1931 г., когда погасла последняя доменная печь в Тисовце. Таким образом, в годы кризиса чугун в Словакии не производился совсем. К сожалению, у нас нет общих данных о том, в каком количестве производилась в рассматриваемые годы в Словакии сталь. Однако известно, что на крупнейшем в Словакии металлургическом комбинате в Подбрезовой уже в начале 1930 г. работали лишь две-три мартеновские печи из семи[48]. В очень незначительных количествах производилась в Словакии выплавка цветных металлов. Как правило, руда переплавлялась либо в чешских землях, либо за границей, куда она вывозилась.

Предприятия металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности Словакии оказались в годы кризиса в чрезвычайно тяжелом состоянии из-за конкуренции промышленности чешских земель. Уже в начале 1930 г. был закрыт ряд металлобрабатывающих заводов в Словакии: в Новой Маши, Гаморе, Хыжна Воде[49]. Та же участь постигла прокатный завод в Погорелой в 1933 г. Два наиболее крупных в Словакии металлургических предприятия: государственные заводы в Подбрезовой и заводы фирмы Маннессман — Кобург в Трнаве в годы кризиса значительно ограничили производство и работали лишь четыре-пять дней в неделю. Пятью днями в неделю была ограничена работа на трех металлургических заводах в Братиславе уже в начале 1930 г.[50] Значительно сократилось производство в годы кризиса на предприятиях, выпускаю-

[47] К сожалению, в нашем распоряжении не оказалось статистических данных о падении производства, уменьшении числа действующих предприятий и сокращении числа рабочих и количества отработанных смен и т. д. по отдельным отраслям промышленности Словакии. Поэтому мы вынуждены дать лишь самую общую характеристику состояния отдельных наиболее важных отраслей промышленности.

[48] «Tisky k Těsnopiseckým zprávam o schuzích Poslanecké snemovny Narodného shromaždení Republiky Československé», sv. III, Praha, 1930, tisk N 339.

[49] «Tisky k Těsnopiseckým zprávam...», sv. III, Praha, 1930, tisk N 338; «Pravda», 1.V 1930.

[50] «Pravda», 1.V 1930.

inslav

щих эмалированные изделия. Уже в 1930 г. эта отрасль промышленности, работающая в основном на экспорт, использовала лишь 60% своей мощности [51].

Из предприятий машиностроительной промышленности в 1929 г. наиболее крупными в Словакии были заводы сельскохозяйственных машин в Братиславе, Лученце и Кунове-Теплицах, вагоностроительный завод в Глоговце и верфь в Комарно. В 1930 г. были закрыты заводы в Кунове-Теплицах (демонтированы в 1931 г.) и Лученце (оборудование было продано за границу). Остальные предприятия значительно ограничили производство [52].

Все газеты и журналы, хотя в какой-то мере касавшиеся вопроса об экономическом состоянии Словакии в годы кризиса, подчеркивали чрезвычайно тяжелое положение важнейших для Словакии отраслей промышленности — лесной и деревообрабатывающей. На лесопильных заводах Словакии перерабатывалась лишь половина заготавливаемого леса, другая половина шла на экспорт (Германия, Венгрия — основные потребители). Кризис в лесной и деревообрабатывающей промышленности Словакии начал ощущаться уже в 1928 г., т. е. гораздо раньше, чем в других отраслях промышленности. Это было связано, с одной стороны, с падением сбыта внутри страны, что явилось следствием снижения покупательной способности в основном сельского населения в результате обострившегося аграрного кризиса, с другой, с усилением конкуренции на внешних рынках [53]. Вывоз леса из Словакии в Венгрию в первой половине 1930 г. упал по сравнению с первым полугодием 1929 г. на 50% (с 339 153 т до 170 375 т), а общий вывоз леса за этот период из Чехословакии сократился на $^1/_3$ [54]. В сообщении Центрального Союза словацких промышленников уже 1930 г. расценивался для лесной промышленности Словакии как «самый критический» и «катастрофический» [55]. В годы кризиса были закрыты многие предприятия этих отраслей промышленности в Словакии, на улицу выброшены тысячи рабочих. Так, на Ораве (в северной Словакии) в 1931 г. работали лишь шесть лесопильных заводов из 11, да и то значительно ограничив производство [56]. В Горегронье (Центральная Словакия) в 1931 г. работало три лесопильных завода из девяти [57] и т. д. По сообщению журнала «Одборове сдружени Ческословенске», в Словакии в 1933 г. работала едва лишь половина лесопильных заводов, да и то на 30% своей мощности [58].

Число отработанных смен в этих отраслях снизилось за годы кризиса с 3 629 569 (1929 г.) до 1 407 631 (1932 г.), а число полностью занятых рабочих (т. е. отработавших 300 смен в год) с 12 098 до 4693 [59]. Частичное оживление в лесопромышленности наступило лишь с осени 1933 г. вследствие роста экспортных возможностей.

Тесно связанные с лесной промышленностью целлюлозная и бумажная промышленность Словакии зависели от экспорта на 75%. Эти

[51] «Rudé právo», 15.IV 1931.

[52] «Rudé právo», 15.IV 1931; «Hospodárske rozhl'ady», 1930, N 11, s. 198; «Těsnopisecké zprávy o schůzích Poslanecké snemovny Narodného shromaždení Republiky Československé», Praha, 1931, schůze 102, 6.II 1931, s. 51.

[53] Вывоз леса из Чехословакии в Германию сократился с 312,7 млн. крон в 1929 г. до 116,1 млн. крон в 1933 г., в Венгрию за эти же годы — с 231,8 млн. крон до 34,6 млн. крон. Всего экспорт леса из ЧСР упал в указанные годы с 614,9 млн. крон до 197,4 млн. крон.— «Hospodárske rozhl'ady», 1934, № 1. Приложение «Hospodárske zprávy», s. 7.

[54] «Rudé právo», 19.VIII 1930.

[55] См. «Rudé právo», 16.IV 1931.

[56] «Ročenka Československé Republiky», 1932, s. 177.

[57] J. Mlynarik. Triedné boje horehronského l'udu v rokoch svetovej hospodárskej krízy 1930—1933. Bratislava, 1956, c. 16.

[58] «Odborové sdružení Československé», 1934, N 5, s. 124.

[59] «Hospodárske rozhl'ady», 1934, N 1. Приложение «Hospodárske zprávy», s. 5.

inslav

отрасли были захвачены кризисом несколько позже, так как первоначально здесь предпринимателям удалось путем усиленной рационализации снизить издержки производства и приспособить цены словацкой продукции к сильно упавшим мировым ценам на целлюлозу и бумагу. Однако уже в 1930 г. и в этих отраслях производство было сокращено [60], а в 1932 г. была закрыта крупнейшая в Словакии целлюлозная фабрика в Турчанском Мартине [61]. В этом же году была закрыта целлюлозная фабрика в Красногорской Длгей Луке [62].

Из отраслей легкой промышленности коротко остановимся еще на кожевенной, текстильной и пищевкусовой. Кожевенная промышленность Словакии, которая испытывала острую конкуренцию промышленности чешских земель, рано почувствовала наступление кризиса. Уже в 1929 г. на предприятиях кожевенной промышленности, расположенных на территории Баньско-Быстрицкой торговой и промышленной палаты (Центральная Словакия), было занято рабочих на $^1/_3$ меньше нормы [63]. На пленарном заседании этой же палаты в октябре 1930 г. сообщалось о чрезвычайно тяжелом положении в кожевенной промышленности. Сообщения Баньско-Быстрицкой палаты тем более характерны, что значительная часть словацких предприятий по переработке кожи находилась в Средней Словакии, в районе Липтовского Микулаша. В 1931 г. здесь было закрыто четыре предприятия с 275 рабочими, а два завода ограничили производство [64]. Часть словацких кожевенных предприятий в годы кризиса перешла в собственность чешского обувного фабриканта Т. Бати (в Вельких Бошанах, Новых Замках) [65].

С конца 1929 г. переживали кризис и все отрасли текстильной промышленности Словакии: хлопчатобумажная, суконная, льняная. В 1932 г. была закрыта последняя фабрика по переработке льна, конопли и джута в Новых Замках. В этом же году прекратилось производство на текстильной фабрике в Лученце. Многие предприятия в Рыбарполе, Жилине, Райце, Ружомберке, Тренчине ограничили выпуск продукции [66].

В стесненном положении оказались и отрасли пищевкусовой промышленности. Производство сахара сократилось со 157 тыс. т в 1928—1929 гг. до 38 тыс. т в 1933—1934 гг., т. е. на 76%. Доля Словакии в общегосударственном производстве сахара за это время снизилась с 17 до 8% [67]. Производство солода упало с 25 665 тонн в 1929—1930 гг. до 14 890 т в 1932—1933 гг., т. е. на 42%; крахмала — с 8426 т в 1927—1928 гг. до 1265 т в 1932—1933 гг., т. е. на 85%; пива — с 367 645 л в 1930 г. до 200 626 л в 1933 г., т. е. на 45% и т. д. [68]

Тяжело переживали кризис и все прочие отрасли промышленности Словакии (стекольная, химическая, строительная и др.). Исключение, как указывалось, составляла лишь военная промышленность. Депутат коммунистической партии Штейнер, выступая в палате депутатов 3 июня 1932 г., заявил, что военные заводы в Словакии продолжают работать в три смены; строятся новые предприятия в Пухове, Тренчине, Поважской Быстрице; в короткое время спущены на воду два монитора в Комарно; поспешно проводятся шоссейные дороги, сооружаются аэродромы и военные полигоны [69].

---

[60] «Hospodárske rozhľady», 1930, N 11, s. 198; «Rudé právo», 19.IV 1931.
[61] «Hospodárske rozhľady», 1932, N 2. Приложение «Hospodárske zprávy», s. 24.
[62] «Hospodárske rozhľady», 1932, N 6—7. Приложение «Hospodárske zprávy», s. 21.
[63] «Hospodárske rozhľady», 1930, N 4, s. 67.
[64] «Ročenka Československé Republiky», 1932, s. 177.
[65] Там же.
[66] «Rudé právo», 29.III 1933.
[67] «Za chlieb, pracu, pôdu a slobodu», s. 642—643.
[68] Там же.
[69] «Těsnopisecké zprávy...», 1932, sch. 192, 3.VI 1932, s. 16.

inslav

Низшей точки промышленное производство в Чехословакии достигло в марте 1933 г., после чего промышленность страны вступила в полосу депрессии особого рода, приведшую не к новому подъему, а лишь к некоторому оживлению, за которым последовал новый экономический кризис 1937—1938 гг.

Выше мы уже упомянули, что причиной особенно острого течения кризиса в Словакии была политика чешской монополистической буржуазии, стоявшей в буржуазной Чехословакии у кормила правления. Процесса создания и развития государственно-монополистического капитализма, толчок которому был дан экономическими затруднениями, вызванными кризисом, захватил и Чехословакию. Система противокризисных мероприятий, проводимых чешским финансовым капиталом при поддержке государства, ставила своей целью не только ослабить удары кризиса и смягчить его последствия, но и использовать его для укрепления своих позиций в экономике страны. Сокращение в годы кризиса экспортных возможностей заставило чешских монополистов активизировать борьбу за овладение внутренним рынком и усилить нажим на предпринимателей немецкой, словацкой, венгерской и других национальностей.

Одним из способов подчинения себе словацкой экономики было проникновение чешского капитала в словацкие банки и обеспечение влияния в них. Таким образом, чешский капитал получал возможность контролировать и промышленные предприятия, зависящие от словацких банков. С другой стороны, недостаток капитала в Словакии, принявший хронический характер вследствие экономической отсталости страны, ставил словацкую промышленность в зависимость от кредита чешских банков. Для Словакии было характерно наличие большого числа мелких банков, располагающих относительно небольшим капиталом. В течение предкризисных лет шел процесс концентрации банковского капитала, который привел к тому, что число банков в Словакии сократилось с 207 в 1920 г. до 76 в 1929 г., а акционерный капитал их возрос за это время с 288,5 тыс. крон до 376,8 тыс. крон[70]. При этом необходимо отметить и тот факт, что за этот же период значительно выросли и окрепли позиции чехословацкого капитала в банках Словакии, но ослабли позиции венгерского[71]. Концентрация банковского капитала в Словакии осуществлялась путем поглощения слабых банков более сильными. Наиболее крупными из словацких банков к началу кризиса были «Татра-банк» в Турчанском Мартине с акционерным капиталом 75 млн. крон,

[70] «Zprávy státního úřadu statistického rep. Československé», Praha, 1930, № 183—184, s. 1498 (далее: ZSÚS...).

[71] Следующая таблица * показывает распределение финансовых учреждений Словакии по языку делопроизводства, что, как правило, совпадало с принадлежностью банка тому или иному национальному капиталу:

Язык	Число учреждений		%		Акционерный капитал, тыс. крон		%	
	1920 г.	1929 г.	1920 г.	1929 г.	1920 г.	1929 г.	1920 г.	1929 г.
Чехословацкий . . .	45	39	21,74	51,32	130 206	247 390	45,12	65,65
Венгерский	65	15	31,40	19,74	45 519	16 720	15,77	4,44
Немецкий	11	6	5,31	7,89	8 884	46 900	30,8	12,44
Смешанный	86	16	41,55	21,05	103 960	65 820	36,03	17,47
Всего . . .	207	76	100	100	288 569	376 830	100	100

* ZSÚS..., 1930, N 183—184, s. 1498.

inslav

Словацкий банк в Братиславе (75 млн. крон), Словацкий всеобщий кредитный банк в Братиславе (50 млн. крон), Американо-Словацкий банк в Братиславе (25 млн. крон), Дунайский банк в Братиславе (15 млн. крон) и др. Каждый из этих банков распоряжался контрольным пакетом акций многих других, более мелких банков и был тесно связан с промышленностью[72]. Поэтому капитал, которым фактически располагал каждый из этих банков, был гораздо больше его акционерного капитала. Так, «Татра-банк» распоряжался средствами в 929 млн. крон, Словацкий банк — 673 млн. крон, Дунайский банк — 506 млн. крон и т. д.[73]

В период экономического кризиса происходило дальнейшее уменьшение количества банков в Словакии. Число акционерных банков за годы кризиса в Словакии и Закарпатской Украине[74] сократилось с 92 в 1929 г. до 58 в 1934 г. Вместе с этим уменьшился и их акционерный капитал с 391,2 млн. крон в 1929 г. до 255,1 млн. крон в 1934 г., прибыли банков за тот же период упали с 35,4 млн. крон до 14,2 млн. крон[75]. Сокращение акционерного капитала и прибылей было результатом кризиса, который охватил не только промышленность и сельское хозяйство, но и кредитно-финансовую систему.

Концентрация банков в Словакии[76] способствовала усилению позиций чешского финансового капитала. Особенно больших успехов в подчинении своему влиянию словацких банков добился Банк Чехословацких легионов («Легиобанк»), который уже к 1930 г. аффильировал 14 словацких банков с 37 филиалами[77]. По сообщению газеты «Народни листы» от 20 ноября 1930 г., группа «Легиобанка» располагала в Словакии финансовыми средствами в размере 1070 млн. крон, что составляло 24% всего капитала, находящегося в распоряжении банков в Словакии[78]. Характеризуя деятельность «Легиобанка» в Словакии, журнал «Господаржска политика» писал: «Число финансовых учреждений, которые этот банк прямо или косвенно включил в сферу своего влияния, уже довольно значительно. Легиобанк действует в Словакии планомерно и таким образом осуществляет фактически настоящую концентрацию словацких финансов[79]. В годы кризиса «Легиобанк» приобрел решающее влияние в двух крупнейших словацких банках — Словацком всеобщем кредитном банке (акционерный капитал 50 млн. крон)[80]

---

[72] Так, «Татра-банку» принадлежали: «Татра» (мебельная фабрика), сахароваренный завод в Требишове, пивоваренный в Турчанском Мартине, машиностроительный в Купове-Теплицах и другие; Словацкому всеобщему кредитному банку в Братиславе принадлежали спиртоводочный и сахароваренный заводы и мельницы в Ужгороде, строительное и деревообрабатывающее акционерное общество в Кошицах, объединенное строительное акционерное общество в Братиславе и другие; Словацкому банку — заводы по изготовлению эмалированных изделий в Братиславе, пивоваренный завод в Братиславе и Вельке Бытчи, картонажная фабрика в Уг. Скалице, целлюлозный завод в Ружомберке, кондитерская фабрика в Трнаве, лесопильный завод в Чадце и т. д. Народному банку в Ружомберке (10 млн. крон акционерного капитала) спичечная фабрика, кирпичный и лесопильный заводы в Ружомберке и т. д.— «Rudé právo», 27.V 1933.

[73] «Hospodárske rozhl'ady», 1930, N 12, s. 233.

[74] Чехословацкая статистика дает общее число банков в Словакии и Закарпатской Украине.

[75] ZSUS..., 1935, N 93—94, s. 677.

[76] В годы кризиса прекратили существование, слившись с более крупными банками, Земплинский учетный народный банк в Михаловцах. Златоморавецкий аграрный банк, Ружомберкский всеобщий банк, Экономический кредитный банк в Торнале, Трнавский народный банк, Спишско-Ново-Весский кредитный банк, Жилинский торговый банк и т. д.— ZSUS..., 1934, N 199—200, s. 1503.

[77] «Ročenka Československé Republiky», 1932, s. 147.

[78] См. «Hospodárske rozhl'ady», 1930, N 12, s. 233.

[79] «Hospodářská politika», 1929, N 22, s. 424.

[80] Чешский учетный и кредитный банк продал в 1930 г. «Легиобанку» всю свою долю акций Словацкого Всеобщего кредитного банка.

inslav

и Американо-Словацком банке (акционерный капитал 25 млн. крон) и поглотил много более мелких банков[81]. Журнал «Пржитомность» сообщал в 1933 г., что в прямом либо в косвенном подчинении «Легиобанку» в Словакии находятся 126 финансовых учреждений[82]. Определенное влияние в словацких банках имели и другие чешские банки. Так, Чешский учетный и кредитный банк в Праге подчинил себе в 1931 г. Кошицкий банк[83]. Живностенский банк контролировал один из крупнейших в Словакии банков Словацкий банк (70 млн. крон акционерного капитала)[84], Чешский банк «Унион» имел филиал в Братиславе и т. д. Газета «Руде право» сообщала в 1933 г., что доля чешского капитала в Словакии составляет 45%, словацкого — 30%, венгерско-еврейского — 20% и прочего — 1%[85]. «Если учесть,— писал журнал «Пржитомность»,— что 85% словацкой промышленности является рабом банковского кредита, то станет ясно, что контроль чешских банков может иметь и имеет ужасные последствия»[86].

Чешский капитал контролировал словацкую промышленность не только через словацкие банки, но и непосредственно финансируя многочисленные предприятия во всех отраслях промышленности[87]. Гекснер, генеральный секретарь Союза словацких промышленников, выступая на общем собрании союза в марте 1929 г., говорил, что процесс включения словацкой промышленности в экономическую общегосударственную структуру влечет за собой довольно часто закрытие словацких предприятий и что объединение словацкой промышленности с промышленностью чешских земель происходит большей частью путем резкого увеличения доли пражских банков в словацких промышленных предприятиях[88]. Подчиняя своему влиянию словацкие банки и устанавливая контроль над промышленными предприятиями, чешский капитал получал возможность оказывать решающее влияние на судьбы словацкой промышленности.

Политика картелирования также содействовала подчинению и свертыванию словацкой промышленности. Судьба предприятий, входящих

[81] Всеобщий банк в Комарно, Гонтьянский народный банк (Шагы), Экономический кредитный банк в Лученце; Спишско-Ново-Весский кредитный банк, Земплинский аграрный банк, Ружомберкский всеобщий банк, Поважский аграрный и кредитный банк (Жилина), Кредитный банк в Жилине, Жилинский торговый банк, Нитранский всеобщий банк, Прьевидзский банк, Первый Трнавский банк и др.— «Lidové noviny», 20.IV 1932; L. Kovačik. Slovensko v sieti nemeckého finančného kapitálu. Bratislava, 1955, s. 26.

[82] «Přítomnost», Praha, 1933, N 37, s. 587.

[83] «Rudé právo», 31.I.1931; «Hospodárske rozhl'ady», 1931, N 2, s. 32.

[84] «Rudé právo», 24, 25.V 1933.

[85] «Rudé právo», 30.V 1933.

[86] «Přítomnost», 1933, N 37, s. 587.

[87] Так, Легиобанк имел свои капиталовложения в следующих предприятиях: каменоломни, Варинский асфальтовый горно-промысел, «Словенка» — трикотажная фабрика в Турчанском Мартине, Дунайское пароходство — акционерное общество, издательство «Коменский», завод по изготовлению бочек и паркета в Пльешивце и т. д.; Чешский банк «Унион» — акц. общество Унион Портланд — Цемент в Братиславе, Гандловские угольные копи, акционерное общество для асфальтирования и строительства шоссейных дорог в Братиславе и т. д.; Чешский учетный и кредитный банк — «Аполло», завод по очистке минеральных масел (rafinerie mineralných olejů) в Братиславе, Братиславские мельницы, Льняная и конопляная фабрика в Новых Замках, Экономическое промышленное и торговое акционерное общество в Братиславе и др.; Аграрный банк — предприятия пищевкусовой промышленности в Требишове, Малацках и т. д.; Моравский банк — кабельный завод в Братиславе, бумажные фабрики в Гарманце и Славошовцах, кожевенный завод в Братиславе и т. д.; Живностенский банк — текстильные фабрики в Рыбарполе, целлюлозные фабрики в Жилине и Ружомберке, акционерное общество «Дунайское пароходство», «Хунгария» — химический завод в Жилине, спичечная фабрика в Банской Быстрице и др.; Отдельными промышленными предприятиями в Словакии владели Чешский промышленный банк, Англо-Чехословацкий банк, Пражский кредитный банк и др.— «Rudé právo», 24, 25, 27.V 1933; L. Kovačik. Указ. соч., s. 25—26.

[88] «Hospodárske rozhl'ady», 1929, N 3, s. 105.

inslav

в картель, решалась обычно наиболее сильными в экономическом отношении членами картеля, которыми являлись, как правило, чешские капиталисты. Словацкий буржуазный экономист О. Капп писал в журнале «Господарске розгляды» в 1929 г. «Создание у нас в республике почти каждого нового картеля влечет за собой закрытие какого-либо словацкого предприятия в соответствующей отрасли промышленности...» [89]. Недаром на общем собрании Союза словацких промышленников в марте 1932 г. словацкие капиталисты высказались против закона о картелировании промышленности [90]. Вместе с тем в годы кризиса особенно усилился процесс разорения мелких словацких предприятий, как правило, не входивших в монополистические объединения. Об этом свидетельствует число банкротств в Словакии, которое выросло с 46 в 1929 г. до 248 в 1933 г., т. е. в пять раз [91]. За то же время число банкротств в Чехии и Моравии увеличилось в 2,4 раза. В рассматриваемые годы продолжался процесс централизации капитала в Словакии. Хотя число промышленных и торговых акционерных обществ [92] за годы кризиса несколько снизилось (с 435 в 1930 г. до 408 в 1933 г.), акционерный капитал их увеличился (за тот же период с 1259 млн. крон до 1281 млн. крон) [93].

Помимо экономических средств давления на словацкую промышленность, чешская монополистическая буржуазия действовала также и через государственный аппарат, находящийся в ее руках. Одним из орудий подрыва словацкой промышленности была политика распределения государственных заказов, проводимая в интересах чешской буржуазии. Доля Словакии в общей стоимости государственных заказов не достигала и 5% [94].

Другим важным средством удушения словацкой промышленности была транспортная политика, осуществляемая опять-таки в интересах чешских монополий. Большая часть железных дорог в Словакии в конце 20-х годов оставалась в частных руках [95]. Перевозки на частных железных дорогах были гораздо дороже, чем на государственных. Да и на государственных железных дорогах в Словакии тарифы были значительно выше, чем в чешских землях. В результате этого ввоз сырья или какой-либо другой продукции из-за границы зачастую оказывался дешевле и выгоднее, чем перевозка его из Словакии. Интересен, например, такой факт. Целлюлозные и бумажные фабрики Словакии перерабатывали значительное количество леса, импортированного из Польши, в то время как словацким лесом были завалены все склады и вывозить его было некуда. Это происходило потому, что высокие железнодорожные тарифы чрезвычайно повышали стоимость словацкого леса [96].

Стремление превратить Словакию в рынок сбыта для чешской промышленности, которое характеризовало политику чешского капитала уже в первые годы существования буржуазной Чехословакии, еще более усилилось в годы кризиса в связи со снижением экспортных возможностей. По подсчетам словацкого буржуазного экономиста И. Карваша объем словацкого рынка для промышленности чешских земель в 1930 г. составлял 1100—1200 млн. крон. Таким образом, для чешских земель Словакия

[89] «Hospodárske rozhl'ady», 1929, N 6, s. 258.
[90] «Lidové noviny», 17.III 1932.
[91] «Statistická ročenka Republiky Československé», 1934, s. 302; 1935, s. 278.
[92] В Словакии и Закарпатской Украине.
[93] «Statistická ročenka Republiky Československé», 1934, s. 99; 1935, s. 93.
[94] J. Karvaš. Указ. соч., стр. 111.
[95] По сообщению газеты «Словак» от 4—5 декабря 1930 г., из 10 940 км железных дорог в Чехословацкой республике на Словакию приходилось 2122 км, а из 2247 км частных железных дорог в Чехословакии на Словакию приходилось 1629 км. «Hospodárske rozhl'ady», 1930, N 12, s. 233.
[96] «Hospodárske rozhl'ady», 1931, N 2, s. 103—104.

inslav

была более важным рынком сбыта, чем для всей Чехословакии Венгрия (1005 млн. крон) или Польша (525 млн. крон) и Румыния (596 млн. крон) вместе взятые [97]. В годы кризиса в Словакию ввозились из чешских земель главным образом уголь, продукция металлургической, машиностроительной, химической, пищевкусовой промышленности и стройматериалы. Из Словакии в чешские земли шло сырье: продукция горнодобывающей и лесной промышленности, сельскохозяйственные продукты [98].

В эксплуатации природных богатств Словакии и ограблении ее трудящихся масс участвовал и иностранный капитал. С одной стороны, это делалось путем создания в Словакии акционерных обществ, с другой — через чешские банки, которые были тесно связаны с крупнейшими международными банковыми концернами и находились под их влиянием. Так, свои капиталовложения в Словакии имели Англия (акционерное общество по асфальтированию улиц), Франция (добыча нефти), Венгрия (металлургическая промышленность, парфюмерная промышленность, речное пароходство, газовый завод и электростанция), Германия (энергетическая промышленность), Австрия (деревообрабатывающая промышленность), США (лесная промышленность) и др. [99] В годы кризиса, стремясь сохранить высокие прибыли, иностранный капитал свертывал свои предприятия в Словакии. Выше уже упоминалось, что швейцарские капиталисты закрыли принадлежащие им в Словакии медные рудники, венский «Кредитный банк» прекратил производство на финансируемом им лесопильном заводе в Стакчине [100] и т. д. Когда дело касалось выгод и прибылей, забывала о своем наигранном патриотизме и словацкая буржуазия. В то время как страницы националистической словацкой прессы пестрели выпадами против «чехов», доведших промышленность Словакии до тяжелого состояния, а депутаты Словацкой народной партии выступали в парламенте с упреками в адрес правительства, потворствующего деиндустриализации Словакии, сами словацкие капиталисты закрывали свои предприятия, если они представлялись им невыгодными. Например, был закрыт завод сельскохозяйственных машин в Кунове-Теплицах, принадлежавший «Татра-банку». Депутат Поливка (с-д), выступая в феврале 1931 г. в парламенте, говорил, что завод был обеспечен заказами и давал умеренную прибыль, которая, однако, не устраивала его хозяина — «Татра-банк», и поэтому предприятие было закрыто [101].

Заканчивая краткий и недостаточно полный из-за отсутствия ряда необходимых данных обзор состояния словацкой промышленности в годы кризиса, следует отметить, что если в силу ряда обстоятельств кризис носил в Чехословакии чрезвычайно острый и разрушительный характер, то особенно губительны были его последствия для промышленности Словакии.

Весьма существенное влияние на течение кризиса в промышленности, затягивая и углубляя его, оказал кризис аграрный, который, подобно промышленному, был кризисом относительного перепроизводства. «Длительность, острота и глубина нынешнего кризиса,— говорил Д. З. Мануильский в докладе на XI пленуме ИККИ,— определяется, помимо действия на него общего кризиса капитализма, тем, что он переплетается с длящимся около десятилетия тягчайшим аграрным кризисом» [102].

Период между двумя мировыми войнами был периодом хронического кризиса капиталистического сельского хозяйства, который в своем

[97] I. Karvaš. Указ. соч., стр. 80.
[98] P. Rapoš. Указ. соч., стр. 74—75.
[99] ZSUS, 1931, N 143, s. 1159.
[100] «Rudé právo», 7.XI 1931.
[101] «Těsnopisecké zprávy...», 1931, sch. 102, 6.II 1931, s. 51.
[102] «XI пленум ИККИ. Стенографический отчет», М., 1932, стр. 12.

inslav

развитии прошел ряд этапов. Смена фаз промышленного цикла оказывала существенное влияние на течение аграрного кризиса. Возникнув после первой мировой войны как кризис острого перепроизводства, аграрный кризис несколько смягчился, но не был преодолен в период временной, частичной стабилизации капитализма. С конца 1928 г. в развитии аграрного кризиса наступило резкое обострение. Начавшийся вслед за этим промышленный кризис способствовал тому, что кризис в сельском хозяйстве принял чрезвычайно разрушительные формы. С окончанием промышленного кризиса в 1933 г. аграрный кризис не был преодолен. Наступило лишь некоторое ослабление его в 1935—1936 гг., вслед за которым последовало новое обострение в 1937 г.

Подобный затяжной характер аграрного кризиса объяснялся рядом общих причин, а также особенностями развития сельского хозяйства в той или иной стране. К причинам общего характера следует отнести прежде всего чрезвычайную отсталость сельского хозяйства и низкое органическое строение капитала в этой отрасли экономики по сравнению с промышленным производством; далее, монополию частной собственности на землю и, наконец, тот факт, что мелкие товаропроизводители, составляющие основную массу населения, занятого в сельском хозяйстве, в годы кризиса стремились сохранить прежний объем производства, чтобы получить необходимые средства для жизни, и этим еще более увеличивали перепроизводство сельскохозяйственных товаров.

Словакия, как уже говорилось выше, была в основном сельскохозяйственной страной. Именно поэтому аграрный кризис оказывал исключительно большое влияние на состояние ее экономики. Несмотря на то, что сельское хозяйство являлось ведущей отраслью хозяйства Словакии, оно находилось на значительно более низком уровне развития, чем сельское хозяйство чешских земель. Для словацкой деревни было характерно более слабое развитие капиталистических производственных отношений, наличие огромных земельных владений в руках обуржуазившейся шляхты и церкви, сохранение (особенно в восточной Словакии) феодальных пережитков и чрезвычайно глубокая классовая дифференциация. Эти особенности сельского хозяйства Словакии были причиной того, что аграрный кризис проявился здесь в более острых формах, чем в чешских землях, и имел более разрушительные последствия. К этому следует добавить еще и то, что прочные позиции, которые занимал в сельском хозяйстве Словакии чешский аграрный и финансовый капитал, позволяли ему в значительной мере перекладывать тяжесть аграрного кризиса на плечи словацкого крестьянства.

Из табл. 3 видно, что 65,4% хозяйств в Словакии составляли полупролетарские и мелкокрестьянские владения (размером до 5 га), зани-

Таблица 3

Число хозяйств и размер занимаемой ими площади (по переписи 1930 г.)[103]

Размер хозяйства, *га*	Число хозяйств	%	Площадь земли, *га*	%
0—1	95 178	21,0	48 132	1,0
1—5	201 705	44,4	540 690	11,5
5—20	139 845	30,8	1 283 119	27,4
20—50	11 139	2,4	319 342	6,8
50—100	2 574	0,5	182 419	3,9
Более 100	4 369	0,9	2 313 924	49,4

[103] «Statistická ročenka Republiky Československé», 1935, s. 47.

inslav

мавшие лишь 12,5% всей земли. 4369 крупных землевладельцев, хозяйства которых размером свыше 100 га не составляли даже 1% в общем числе хозяйств, распоряжались половиной всей земли, что в четыре раза превышало площадь всех полупролетарских и мелкокрестьянских хозяйств.

К этому следует еще добавить, что земельные участки, находящиеся в собственности крестьян, были сильно раздроблены [104]. Так, в хозяйстве среднего крестьянина насчитывалось до 12—15 парцелл, мелкого крестьянина до 6—9 парцелл, а домкаржа [105] до 4—5 парцелл [106].

Малые размеры и чрезвычайная раздробленность крестьянских хозяйств не давали возможность применить технику, да ее и не на что было приобретать, так как мизерных доходов с хозяйства часто не хватало даже на то, чтобы прокормить в течение года семью.

Таблица 4

Применение механических двигателей в сельском хозяйстве Словакии в 1930 г.[107]

Размер хозяйства, *га*	Мощность двигателей, *л. с.*	1 *л. с.* приходилась на площадь, *га*	На 1 хозяйство приходилось, *л. с.*
До 2	453	410,4	0,0025
2—5	2 028	249,6	0,015
5—20	13 092	104,7	0,099
20—100	14 330	24,8	1,2
Более 100	32 701	13,5	12,26

Машины применялись главным образом в крупных поместьях. В хозяйствах Словакии размером до 10 га не было ни одного трактора, 80% их использовалось в хозяйствах более 50 га [108]. Даже самых необходимых машин в сельском хозяйстве Словакии было чрезвычайно мало. Так, в 1930 г. лишь 18 000 хозяйств в Словакии имели сеялки [109]. В мелких крестьянских хозяйствах была роскошью даже конная упряжка. В 1930 г. 296 883 хозяйства до 5 га имели 51 931 лошадь, т. е. одна лошадь приходилась примерно на пять хозяйств [110]. Общий уровень механизации словацкого сельского хозяйства в сравнении с чешскими землями виден из данных, приводимых Й. Иновецким [111]: в последние годы домюнхенской Чехословакии на 1000 га пахотной земли в Словакии приходилось 0,75 трактора (в Чехии — 3), 0,3 — сноповязалок (в чешских землях — более 5 штук), жаток — в 20 раз меньше, чем в чешских землях. Сельское хозяйство Словакии было механизировано в 8—10 раз хуже, чем в чешских землях.

Плохая обработка земли, недостаточное применение искусственных удобрений из-за их дороговизны, некачественное зерно, идущее на

[104] Как интенсивно шел процесс дробления земли в Словакии, видно, например, из того, что одно из местечек, которое в 1866 г. имело 1500 парцелл, в 1924 г. в тех же границах имело их уже 10 000, а другое, имевшее в 1866 г. 3000 парцелл, в 1924 г. было разделено на три населенных пункта, самый маленький из которых имел 3000 парцелл, а все три вместе — 20 000 парцелл.— I. Karvaš. Указ. соч., стр. 31.

[105] Домкарж — владелец избы и небольшого земельного участка.

[106] V. Plevza. K niektorým otázkam agrárnej krízy v rokoch 1928—1934 na Slovensku.— «Historický časopis», 1959, N 2, s. 209.

[107] M. Falt'an. Cesta slovenského rol'níctva k socializmu. Bratislava, 1954, s. 37.

[108] V. Plevza. Указ. соч., стр. 209.

[109] J. Inovecký. Slovenská dedina včera a dnes. Bratislava, 1956, c. 86.

[110] «Statistická ročenka Republiky Československé», 1935, s. 47, 54.

[111] J. Inovecký. Указ соч., стр. 86—87.

inslav

посев,— все это имело следствием чрезвычайно низкие урожаи. Вложения на 1 га сельскохозяйственной земли в хозяйствах до 10 га были в Словакии наполовину меньше, чем в тех же хозяйствах в Чехии. Если в Чехии на 1 га сельскохозяйственной земли за 1926—1929 гг. в среднем было вложено 339,1 кр., то в Словакии — 209,6 кр. [112]

Значительная часть крестьян в Словакии вела хозяйство не на собственной земле, а арендовала ее. В 1930 г. в Словакии было 137 152 (т. е. около 1/3) [113] хозяйства, арендовавших землю. В аренде находилось 350 000 га пахотной земли, что составляло 20% всей пахотной земли в Словакии. Условия аренды были чрезвычайно тяжелые. В среднем арендная плата за 1 га колебалась от 3 до 5 ц пшеницы. Однако в тех районах, где нужда в земле была наиболее сильной, она доходила до 6—10 ц с гектара. Арендные договоры не предусматривали снижение платы вследствие неурожая или падения цен на сельскохозяйственные продукты [114], что чрезвычайно больно ударило по арендаторам в годы кризиса.

Натуральная арендная плата являлась не единственным пережитком феодализма в сельском хозяйстве Словакии. К числу подобных пережитков относились также отработки, которые состояли в том, что крестьянин, взявший взаймы у помещика или кулака необходимый ему сельскохозяйственный инвентарь, семена и т. д., обязывался отработать в его хозяйстве определенное число дней. Иногда это число достигало 30 дней в году [115]. Одним из пережитков феодализма была и натуральная заработная плата, выплачиваемая сельскохозяйственным рабочим. Феодальными методами эксплуатации в Словакии пользовалась церковь, которая имела здесь большие земельные владения [116]. В частности, натуральные поставки крестьян церкви напоминали «десятину» времен феодализма [117].

Первые признаки обострения аграрного кризиса появились в Словакии

Таблица 5

Индекс оптовых цен основных сельскохозяйственных культур [118] (1922 г. =100)

Год	Пшеница	Рожь	Ячмень	Овес	Кукуруза	Картофель	Сахарная свекла
1929	65	66	75	64	76	58	88
1930	58	45	60	45	50	46	76
1931	54	62	65	55	34	51	64
1932	55	55	45	40	33	35	64
1933	55	39	42	30	33	35	64

[112] V. Plevza. Указ. соч., стр. 209.

[113] M. Falťan. Указ. соч., стр. 50. До 50% земли арендовали 80 253 хозяйства, более 50% — 32 000 хозяйств, исключительно арендовали землю — 24 899.

[114] J. Inovecký. Указ. соч., стр. 90.

[115] V. Plevza. Revolučné hnutie zemerobotníkov na Slovensku. 1928—1938. Časť I. Bratislava, 1960, s. 26.

[116] Так, Братиславское епископство имело 33 795 га земли, Банско-Быстрицкое — 28 417 га, Нитранское — 17 307 га, Спишское — 23 055 га, Прешовское — 1145 га, Кошицкое — 1093 га и т. д. Всего, по сообщению газеты «Pravda chudoby» (4.I 1925), церковные имения занимали в Словакии 200 000 ютар земли. В это число включались лишь владения, превышающие 150 ютар. Кроме этого, отдельные приходы тоже имели землю, что составляло еще тысячи га.— «Těsnopisecké zprávy...», 1930, sch. 58, 5.VI 1930, s. 26; J. Inovecký. Указ соч., стр. 37.

[117] Крестьяне с. Коприв нице, отказавшиеся нести повинности, были приговорены судом к уплате священнику в год 5 л ржи и 56 л овса, двум дням работы на церковь с собственной тягловой силой и доставке двух возов дров. В деньгах это составляло 229 крон в год.— «Rudé právo», 13.VIII 1932.

[118] J. Inovecký. Указ. соч., стр. 170.

inslav

уже во второй половине 1928 г., когда началось быстрое падение цен на сельскохозяйственные продукты. Кризис постепенно охватил обе крупнейшие отрасли сельского хозяйства, сначала растениеводство (таблица 5), а потом животноводство.

Особенно низко упали цены в 1933 г. В денежном выражении падение цен на братиславской бирже во второй половине июля 1933 г. в сравнении с тем же временем 1928 г. выглядело следующим образом: пшеница — с 221 кроны за мешок (78—80 кг) до 141 кроны; рожь — со 191 кроны за мешок (69—70 кг) до 74 кроны; ячмень с 200 до 94 крон; овес — с 193 до 74 крон; кукуруза — с 193 до 87 крон и т. д.[119]

Чрезвычайно резко снизились также цены на продукты животноводства[120]. Особенно это касалось восточной Словакии, где цены были на 20—30% ниже обычных. Газета «Правда» сообщала в начале 1932 г., что корова, которая два года назад стоила 1500 крон, теперь продается за 200 крон. Были даже случаи, когда коровы продавались за 50—90 крон, а лошади за 30 крон[121]. Особенно упали цены на скот в связи с засухой и неурожаем 1931 г., когда у крестьян не оказалось достаточного количества кормов, и в некоторых районах Словакии (Кралевски Хлумец) скоту скармливали даже солому с крыш[122].

Падение цен на сельскохозяйственные продукты в Словакии было более резким, чем в чешских землях. В этом проявилось стремление чешского аграрного капитала переложить тяготы кризиса на плечи крестьянства национальных окраин. Так, цены на пшеницу на Братиславской торговой бирже были на 20 крон ниже, чем на Пражской, а у крестьян — еще на 15—20 крон меньше[123].

Характерным для периода кризиса было то, что значительно раздвинулись «ножницы» цен, т. е. увеличился всегда существующий разрыв цен между промышленными и сельскохозяйственными товарами[124]. Цены на первые падали значительно медленнее, что объяснялось господством монополий в промышленности, стремившихся любыми средствами удержать на высоком уровне цены на свои товары и снизить цены на продукцию некартелированных производителей. Надо сказать, что «ножницы» в Словакии были бо́льшими, чем в чешских землях, так как цены на сельскохозяйственные товары здесь были более низкими, а цены на изделия промышленности более высокими. Увеличение «ножниц» в годы кризиса особенно сильно ударило по крестьянским массам и явилось важнейшим фактором их разорения. О размерах «ножниц» можно

[119] «Zprávy štatistického oddelenia», Bratislava, 1929, N 1, s. 12—13; «Hospodárske rozhľady», 1933, N 10—12, s. 23.

[120] Цены на мясном рынке в Словакии (в кронах за 1 кг живого веса) *.

	1930 г.		1931 г.		1932 г.		1933 г.	
	I	II	I	II	I	II	I	II
Говядина	6,80	5,40	5,35	4,10	3,98	2,74	3,50	2,50
Свинина	8,80	7,65	6,50	5,23	5,40	4,15	5,10	2,78
Баранина	4,60	4,04	3,18	2,50	2,75	2,20	2,50	1,97

* I—районы, близлежащие к центрам потребления; II — районы, удаленные от центров потребления. — «Hospodárske rozhľady», 1933, N 4—6, s. 57.

[121] «Pravda», 10.I 1932.

[122] «Hospodárske rozhľady», 1933, N 4—6, s. 58.

[123] «Rudé právo», 30.X 1932.

[124] Если общий индекс цен на промышленные товары в 1928—1934 гг. равнялся 100, то индекс цен на продукцию сельского хозяйства выглядел следующим образом: 1928 г. = 91,1; 1931 г. — 95,4; 1932 г. — 88,3; 1933 г. — 85,8; 1934 г. — 87,2.— V. Plevza. Указ. соч., стр. 212.

inslav

судить по таким данным: в 1932 г. крестьяне должны были продать на 63% больше своей продукции, чтобы купить столько же промышленных товаров, как в 1913 г. Цены на сельскохозяйственные товары по сравнению с предвоенными повысились лишь в четыре-пять раз, а на промышленные — в 10—15 раз [125].

Разницу в ценах на сельскохозяйственную и промышленную продукцию можно видеть на следующих примерах: 1 ц ячменя стоил 70 крон, а 1 л пива — 2,6 кроны; 1 ц сахарной свеклы — 14—15 крон, а 1 кг сахара — 6,2 кроны; 1 картофелекопалка стоила 2350 крон, что равнялось стоимости двух вагонов картофеля [126].

В годы кризиса в Словакии не произошло заметного сокращения посевных площадей (кроме сахарной свеклы), а площади, занятые под рожью и пшеницей, даже увеличились [127]. Это было связано, во-первых, с протекционистской политикой правительства, которое в интересах аграриев значительно повысило пошлины на ввоз сельскохозяйственных продуктов и прежде всего зерна; а во-вторых, с преобладанием мелкого производства в сельском хозяйстве Словакии, которое в годы кризиса не было заинтересовано в уменьшении своей продукции, наоборот, стремилось выбросить ее на рынок как можно в большем количестве, чтобы хотя бы отчасти компенсировать убытки, явившиеся следствием падения цен на сельскохозяйственные товары. Иное было с сахарной свеклой, площадь которой сократилась в Словакии с 1930 до 1933 г. в 2,5 раза [128]. Это явилось следствием грабительской политики сахарного картеля, который диктовал цены на сахарную свеклу и снизил ее к концу кризиса до такой степени, что мелким и средним крестьянам стало абсолютно невыгодно производить свеклу, и они вынуждены были сократить занятые под ней площади [129].

Характерным для словацкого сельского хозяйства в годы кризиса было стремление снизить издержки производства и достичь его рентабельности путем экстенсификации хозяйства. Вложения на 1 га сельскохозяйственной земли в Словакии упали с 209,6 кроны в 1926—1929 гг. до 70,6 кроны в 1930—1931 гг., а издержки на покупку сельскохозяйственных машин снизились с 1929 по 1931 г. на 47,7% [130]. Чрезвычайно резко сократилось также применение искусственных удобрений, которое, как об этом говорилось уже выше, и в докризисные годы было очень низким. На общем собрании Центрального союза словацких промышленников 16 марта 1932 г. сообщалось, что применение искусственных удобрений

[125] J. Inovecký. Указ. соч., стр. 95—96.

Так, в 1931 г. скот в Словакии продавался по предвоенной цене, а мясопродукты стоили в 8—12 раз дороже, чем до войны; шерсть — дороже в два раза, а шерстяные изделия — в 10 раз, ячмень — в четыре-пять раз, а пиво — в 9,5 раз дороже и т. д.— «Těsnopisecké zprávy...», 1932, sch. 149, 27.XI 1931, s. 62—63.

[126] «Těsnopisecké zprávy...», 1931, sch. 74, 23.X 1930, s. 23; sch. 76, 4.XI 1930, s. 17.

[127] Площадь посевов в Словакии (в га) *:

Наименование культуры	1931 г.	1932 г.	1933 г.
Рожь	212 638	221 585	230 366
Пшеница	347 794	347 507	364 701
Ячмень	306 752	318 345	306 271
Овес	182 080	179 304	177 269
Картофель	206 441	213 340	205 408
Сахарная свекла	33 774	19 470	18 906

* «Statistiká ročenka Republiky Československé», 1934, s. 39—40.

[128] ZSÚS..., 1931, N 94, s. 766; 1934, N 47, s. 356.

[129] С. И. Прасолов. Указ. соч., стр. 31.

[130] V. Plevza. Указ. соч.— «Historický časopis», 1959, № 2, s. 209—210.

inslav

понизилось с 25 000 вагонов в 1929 г. до 12 000 вагонов в 1931 г., т. е. в два раза [131]. Резкое сокращение использования искусственных удобрений, помимо всего прочего, было связано с тем, что цены на них оставались очень высокими в то время, как на сельскохозяйственную продукцию сильно упали. В конце 1931 г, по сообщению газеты «Словак», цены на товары сельского хозяйства упали на 30—50% по сравнению с предкризисными, а на искусственные удобрения — на 10% [132]. Результатом экстенсивного ведения хозяйства были низкие урожаи, которые неуклонно падали в первые годы кризиса и достигли низшей точки в 1931 г., когда Чехословакию постигла еще и величайшая засуха. Урожайность пшеницы в этом году упала в Словакии по сравнению с 1929 г. с 15,6 до 7,8 ц с 1 га, ржи — с 14,2 до 8,4 ц, ячменя — с 15,8 до 9,4 ц, овса — с 12,5 до 7,9 ц, кукурузы — с 19,2 до 17,3 ц, картофеля — с 115,9 до 94,7 ц, сахарной свеклы — с 199,5 до 157,7 ц [133].

В годы кризиса в Словакии значительно сократилось поголовье скота, что было связано, по признанию журнала «Господарске розгляды», в первую очередь с уменьшением потребления мяса вследствие тяжелых экономических условий [134]. Особенно резко сократилось поголовье свиней и овец [135]. Интересно отметить, что в годы кризиса поголовье крупного рогатого скота и свиней в Чехии увеличилось как в расчете на 100 га земельной площади, так и на 1000 жителей, а в Словакии сократилось [136]. Это свидетельствует о значительно более глубоком обнищании трудящихся Словакии и резком снижении их жизненного уровня.

ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА И КРЕСТЬЯНСТВА

Кризис принес неисчислимые бедствия рабочему классу, основным массам крестьянства, всем трудящимся. Чехословацкая буржуазия при помощи государственного аппарата проводила политику выхода из

[131] «Lidové noviny», 17.III 1932.
[132] См. «Hospodárske rozhľady», 1931, N 9, s. 195.
[133] J. Inovecký. Указ. соч., стр. 170.
[134] «Hospodárske rozhľady», 1933, N 4—6, s. 55.
[135] Сокращение поголовья скота в Словакии в годы кризиса видно из следующей таблицы:

	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.
Лошади	265 998	—	—	255 138
Крупный рогатый скот	—	990 504	976 971	913 176
в том числе: коровы	529 689	—	—	516 134
Свиньи	758 637	630 097	534 590	412 339
Овцы	612 677	447 995	384 943	332 962

Таблица составлена на основе материалов: «Statistická ročenka Republiky Československé», 1934, s. 47; 1935, s. 54; ZSUS..., 1934, N 57, s. 57.

[136]

	Крупный рогатый скот	Свиньи	Овцы	Крупный рогатый скот	Свиньи	Овцы
	на 100 га			на 1000 жителей		
Чехия:						
1930 г.	43,9	23,6	0,8	321,3	173,1	6,2
1933 г.	44,3	26,2	0,7	321,9	190,7	5,2
Словакия:						
1930 г.	20,2	12,9	9,2	297,4	189,2	134,5
1933 г.	18,7	8,4	6,8	269,5	121,7	98,3

Таблица составлена на основе материалов: ZSUS..., 1934, N 57, s. 438.

inslav

кризиса за счет трудящихся масс. «Теперь дело обстоит так,— говорил т. Куусинен на XII пленуме ИККИ в 1932 г.— что крупнейшие финансово-капиталистические концерны большей частью так связаны со всей государственной машиной, что у них нет ни возможности, ни необходимости обанкротиться, ибо они являются хозяевами государства и могут мобилизовать его средства для собственной поддержки» [137].

Монополисты боролись с кризисом путем сокращения производства, искусственного удержания цен в отраслях трестированной промышленности за счет еще более быстрого падения цен на продукцию некартелированных отраслей промышленности и сельского хозяйства и т. д. Но главным методом борьбы монополистической буржуазии против кризиса было бешеное наступление на жизненный уровень трудящихся. И государство помогло ей в этом. В годы кризиса в Чехословакии была издана серия законов, направленных на то, чтобы смягчить удары кризиса для аграриев и капиталистов и ценой тягот, взваленных на плечи городской и деревенской бедноты, удержать на привычном уровне миллионные доходы буржуазии. Таковы были законы о повышении таможенных пошлин на сельскохозяйственную продукцию, законы о принудительном смешении импортной и местной муки, об обязательном смешении импортного бензина с отечественным спиртом, закон об экспортном кредите, банковский закон и т. д. [138]

Страну охватила массовая безработица, которая обрекла на голод и нищету сотни тысяч пролетариев и их семей. По данным бирж труда, число безработных в Словакии увеличилось с 2419 в 1929 г. до 87 989 в 1933 г.[139] Однако эти цифры совершенно не отвечали действительному положению вещей. Они показывают лишь тенденцию роста безработицы. Ведь биржи труда, которых было недостаточно, регистрировали лишь часть безработных. Газета «Руде право» писала в январе 1931 г., что сведения статистики о безработице в Словакии и Закарпатской Украине не имеют никакой ценности, так как в этих областях очень мало бирж труда [140]. Не регистрировались безработные в таких крупных для Словакии городах, как Жилина, Ружомберок, Липтовский Микулаш, Прешов, Рожнява, Глоговец, Комарно, Нове Замки и др. Еще в середине 1931 г. были целые области (Орава, Гемер), которые совсем не имели бирж труда [141]. Поэтому практически встать на учет на бирже труда могли лишь те немногие безработные, которые жили в непосредственной близости от нее. Многие не регистрировались потому, что ждать очередь на получение работы было очень долго, да и не всем она предоставлялась. А то мизерное пособие, которое безработные получали на бирже труда, часто не оправдывало даже расходов на дорогу до биржи. Кроме того, не все безработные имели право быть зарегистрированными на бирже и получать пособие. Не ставили на учет тех, у кого был хотя бы небольшой клочок земли, сезонных рабочих, крестьян, имеющих упряжку, и т. д.

Отсюда ясно, что официальная статистика буржуазной Чехословакии, основанная на данных бирж труда, преуменьшала размеры безработицы, охватившей страну в годы кризиса. Это подтверждают также данные переписи населения 1 декабря 1930 г., согласно которым в Словакии было 39 245 безработных, в то время как биржи труда показывали лишь

---

[137] «XII пленум ИККИ. Стенографический отчет», т. 1, М., 1933, стр. 10.

[138] См. С. И. Прасолов. Указ. соч., стр. 18—19.

[139] «Statistické zprávy», 1931, N 1, s. 8; «Hospodárske rozhľady», 1933, N 10—12, s. 19.

[140] «Rudé právo», 23.I 1931. В 1929 г. в Словакии было бирж труда лишь 11, в 1930 и 1931 гг.— 13, в 1932 г.— 31 и в 1933 г.— 41. В Чехии было в 1931 г. 247 бирж труда.

[141] «Hospodárske rozhľady», 1931, N 5, s. 202.

inslav

8260 безработных, т. е. почти в пять раз меньше [142]. Надо еще добавить, что и при переписи были учтены не все неимеющие работу, а лишь так называемые «постоянно» безработные. В рубрику «безработный» не заносились те, кто был лишен работы «из-за временного недостатка ее», по причине локаута и т. д.[143] В этом случае в анкету заносилась последняя профессия и место работы человека.

Не удивительно поэтому, что даже буржуазная пресса не верила официальным сообщениям о количестве безработных и указывала на их несостоятельность. Так, например, в то время как по данным бирж труда в марте 1932 г. в Словакии было 66 124 безработных, газета «Лидове новины» приводила цифру 120 тыс., ссылаясь при этом на общее собрание Центрального объединения словацких промышленников, где эта цифра была названа [144]. Коммунистическая пресса отмечала, что в начале 1933 г. в Словакии было более 200 тыс. безработных, а вместе с семьями — 1 млн. человек, т. е. $^1/_3$ населения [145]. Интересно отметить, что наибольшее количество безработных по официальным сообщениям отмечалось в Чехословакии в марте 1933 г. (920 тыс.). В последующие месяцы 1933 г. и 1934 г. число безработных не достигало этой цифры. Если же взять Словакию, то здесь наибольшее количество безработных, согласно официальным данным, было зарегистрировано в феврале 1934 г. (117 тыс.) [146]. Это говорит о том, что кризис в Словакии носил более затяжной характер, и в то время как в чешских землях оживление экономики, наступившее во второй половине 1933 г., сказалось в уменьшении армии безработных, Словакия все еще находилась в тисках кризиса.

В Чехословакии в годы кризиса значительные размеры приняла частичная безработица, при которой рабочий занят на предприятии неполный рабочий день или неполную рабочую неделю. Ранее мы уже упоминали, что многие промышленные предприятия Словакии, из числа тех, что не были закрыты окончательно, работали лишь два-три дня в неделю или несколько месяцев в году. Широкое распространение получила практика предоставления рабочим неоплачиваемых отпусков, что по существу было лишь замаскированным лишением работы.

Увольнение рабочих предприниматели вели по определенному плану, рассчитанному на разъединение рабочего класса, ослабление революционного рабочего движения. Лишались работы в первую очередь активные деятели рабочего движения, члены коммунистической партии и красных профсоюзов, далее рабочие национальных меньшинств (в Словакии — венгры) [147], пожилые, квалифицированные рабочие и т. д. На какие же средства существовали потерявшие работу и их семьи? В Чехословакии безработные получали пособие по так называемой гентской системе, которой в 1925 г. было заменено всеобщее государственное пособие по безработице. По гентской системе пособие получали лишь рабочие, состоящие в профсоюзах. Часть пособия в размере $^3/_4$ (с июня 1930 г.) оплачивалась из государственных средств, а остальная — из профсоюзных [148]. Срок выплаты пособия в годы кризиса составлял 26 недель. Порядок выплаты пособия был следующий: профсоюз из своих средств выплачивал пособие безработному в размере 100% и лишь потом через некоторое

---

[142] «Hospodárske rozhl'ady», 1931, N 9, s. 427—429.
[143] Там же, стр. 427.
[144] «Lidové noviny», 17.III 1932; «Statistické zprávy», 1932, N 6—7, s. 74.
[145] «Rudé právo», 20.I 1933.
[146] «Statistická ročenka Republiky Československé», 1935, s. 199.
[147] «Rudé právo», 16.VI 1930.
[148] «Sbírka zakonů a nařízení ČSR», Praha, 1930, № 74, s. 461—463. По закону от 29 июля 1933 г. из государственных средств выплачивалось уже лишь $^2/_3$ пособия по безработице; там же, 1933, № 161, s. 785—787.

inslav

время получал от государства определенную законом часть выплаченной суммы. Понятно, что более слабые в финансовом отношении профсоюзные организации [149] не могли выплачивать своим безработным членам такие огромные суммы. Таким образом, пособие по гентской системе практически могли получить даже не все члены профсоюза, оставшиеся без работы. Для Словакии вопрос о выплате пособия по безработице осложнялся еще и тем, что в профсоюзы входила меньшая часть словацкого рабочего класса. Из 1 821 292 членов профсоюзов в Чехословакии на долю Словакии приходилось лишь 179 743 человека [150], т. е. 9,8%. В профсоюзах в Словакии состояло лишь около 28% всех лиц, активно участвующих в производстве [151]. Чрезвычайно слабо были организованы, например, сельскохозяйственные рабочие, составляющие значительный отряд словацкого рабочего класса. Таким образом, существовавшая в буржуазной Чехословакии система выплаты пособия по безработице лишала большую часть рабочего класса Словакии фактически всяких средств к существованию. Выступая в парламенте, депутаты-коммунисты отмечали, что из 200 000 безработных в Словакии по гентской системе фактически получают пособие лишь 10 000, т. е. 5% [152].

В связи с тем, что число безработных стремительно возрастало, а пособие получало лишь меньшинство из них, правительство вынуждено было объявить летом 1930 г. о проведении «продовольственной акции». Сущность этого мероприятия состояла в том, что безработный, имеющий семью, мог получать в течение недели два десятикроновых талона на питание, а одинокий — один такой талон, именуемый «жебраченкой» (от слова «жебрак» — нищий). Эта кампания проводилась не в общегосударственном масштабе, а по распоряжению министерства социального обеспечения — лишь в тех районах страны, где безработица была наиболее сильной. Так, в декабре 1930 г. право на получение «жербаченок» имели безработные лишь 21 района Словакии из 79 (в Чехии — 82 из 106, Моравии и Силезии — 30 из 53) [153]. В 1932 г. в Словакии были лишены права на получение талонов более половины районов. Кампания помощи не проводилась в таких беднейших районах восточной Словакии, как Молдава, Кралёвски Хлумец, Гиралтовце, Бардейов, Сабинов, Гуменне, Свидник и др. [154] Кроме того, многие безработные (имеющие клочок земли [155], получающие какое-либо иное, хотя бы мизерное, пособие, сезонные рабочие, лица, вернувшиеся из эмиграции, и др.) были лишены права получить талоны на продовольствие. Однако даже и те, кто имел все законные основания на «жебраченку», часто не получали ее. Распределение талонов было поручено предствителям местных властей, для которых нередко решающими мотивами при распределении «жебраченок» были личные симпатии, политическая принадлежность безработного, родственные связи и т. д. Так, например, комитет действия безработных из Гайяр сообщал, что местные власти получили в 1931 г. и в январе 1932 г. 1270 «жебраченок», из которых безработным было роздано лишь 166 [156]. Де-

---

[149] К числу подобных организаций в начале кризиса относились и красные профсоюзы, понесшие значительный материальный ущерб в связи с раскольническими действиями оппортуниста Гайса и его сторонников.

[150] ZSÚS..., 1932, N 166—169, s. 1336.

[151] Там же.

[152] «Těsnopisecké zprávy...», 1932, sch. 166, 28.I 1932, s. 27.

[153] K. Kořalkova. Ohlas hnutí nezamestnaných vo vnitropolitickem živote Československa na počatku hospodářské kríse (1930—1931).— «Československý časopis historický». Praha, 1958, N 3, s. 474.

[154] «Těsnopisecké zprávy...», 1932, sch. 166, 28.I 1932, s. 27.

[155] Это исключение имело чрезвычайно большое значение для Словакии, так как значительная часть ее рабочего класса была связана с деревней.

[156] «Pravda», 17.IV 1932.

inslav

путат-коммунист Валло, выступая в парламенте, сообщил, что в районе Горегронья (Центральная Словакия) безработный глава семьи из 5—6 человек получал в месяц одну-две десятикроновые «жебраченки»[157]. Время от времени местные власти пересматривали списки получающих талоны на питание и сокращали их. Так, в марте 1932 г. был пересмотрен и сокращен список братиславских безработных. Из него были вычеркнуты все рабочие, проживающие в пригородах Братиславы, прачки, домработницы и т. д. Вместо 7000 человек в списке осталось 4400[158]. Перечень подобных примеров можно было бы продолжить. «Счастливец», получивший «жебраченку», обязан был отработать ее на строительстве дорог, мостов, плотин и т. д. Таким образом, «жебраченка» являлась по существу замаскированной чрезвычайно низкой заработной платой, средством, позволяющим нещадно эксплуатировать рабочих.

Существовала еще одна форма «поддержки» безработных. Местным органам власти было дано право оказывать помощь безработным из собственных средств. Однако представители буржуазии, в руках которых обычно находились муниципалитеты, очень неохотно принимали решения о выделении определенных сумм для безработных, как правило, это происходило лишь под давлением революционных выступлений трудящихся.

Наличие в стране колоссальной армии безработных создавало чрезвычайно неустойчивое положение для рабочих, занятых на производстве, и резко снижало уровень жизни рабочего класса в целом. По данным статистики страховых касс фонд заработной платы застрахованных в Словакии и Закарпатской Украине снизился с 1 343 673 292 крон в 1930 г. до 882 257 945 крон в 1933 г., т. е. на 35%[159]. Табл. 6 дает наглядное представление о том, как повлиял кризис на положение рабочих в отдельных отраслях промышленности Словакии и Закарпатской Украины[160].

Прежде всего из таблицы видно, что сокращение фонда заработной платы в ряде отраслей промышленности было чрезвычайно резким. Так, в горнодобывающей она составляла лишь 48,5% от уровня 1930 г., в металлургической — 59,1%, в деревообрабатывающей — 43%, в промышленности по обработке камня и глины — 55,1% и т. д. Сокращение заработной платы по всем отраслям промышленности (кроме машиностроения) было более значительным, чем уменьшение числа застрахованных. Это свидетельствует о том, что в годы кризиса, пользуясь наличием в стране колоссальной армии безработных, предприниматели организовали решительное наступление на зарплату рабочих, занятых на производстве, и добились снижения ее. В Словакии и Закарпатской Украине особенно резко упала средняя годовая зарплата рабочих в горнодобывающей промышленности и промышленности по обработке камня и глины (на 30%); на 20—30% снизилась заработная плата в химической, бумажной, кожевенной, деревообрабатывающей отраслях промышленности. При этом надо учитывать, что рабочие Словакии получали намного меньшую заработную плату, чем рабочие тех же отраслей промышленности в Чехии. Так, в металлообрабатывающей промышленности эта разница составляла 19%, в машиностроении 30%, в химической — 33%, в промышленности, обрабатывающей камень и глину,— 45%, в деревообрабатывающей — 41%, пищевкусовой — 20%, в строительной — 40% и т. д.[161]

---

[157] «Těsnopisecké zprávy...», 1933, sch. 219, 24.XI 1932, s. 7.

[158] «Lidové noviny», 3.III 1932.

[159] ZSÚS..., 1936, № 97—98, s. 723.

[160] Подсчеты произведены на основании материалов статистики страхования от несчастных случаев (ZSÚS..., 1936, № 97—98, s. 730—733). Данные по горнодобывающей промышленности взяты из «Odborové sdružení Československé», 1934, № 5, s. 124.

[161] Подсчитано на основании данных статистики страхования от несчастных случаев (ZSÚS..., 1936, № 97—98, s. 724—733).

inslav

Таблица 6

Положение рабочих в отдельных отраслях промышленности в Словакии и в Закарпатской Украине

Отрасль промышленности	Год	Число застрахованных рабочих	% к 1930 г.	Число отработанных смен (дней)	% к 1930 г.	Фонд заработной платы, тыс. крон	% к 1930 г.	Число смен (дней), приходящихся на 1 чел. в год	% к 1930 г.	Заработная плата 1 человека в год	% к 1930 г.
Горнодобывающая	1930	9 663	100	2 873 436	100	80 752 826	100	298	100	8373	100
	1933	6 658	69,9	1 478 049	51	39 180 305	48,5	222	74,5	5883	70,4
Металлургическая	1930	4 018	100	1 121 796	100	36 487	100	279	100	9067	100
	1933	2 512	62,5	729 873	65	21 590	59,1	292	104,6	8614	94,7
Обработка металлов	1930	12 732	100	3 354 743	100	75 401	100	264	100	5913	100
	1933	8 847	69,4	2 305 753	68,7	50 104	66,4	261	97,7	5663	95,8
Машиностроение, приборостроение, инструменты	1930	6 820	100	1 340 933	100	36 291	100	197	100	5319	100
	1933	4 150	60,8	1 000 581	74,6	25 398	69,7	241	122,4	6097	114,5
Химическая	1930	5 318	100	1 469 814	100	37 807	100	276	100	7093	100
	1933	4 548	85,5	1 063 705	72,3	25 754	68,1	234	85	5662	79,9
Обработка камня и глины	1930	20 452	100	4 712 896	100	112 460	100	230	100	5474	100
	1933	16 024	78,3	2 991 427	63,4	62 201	55,1	186	81	3850	70,3
Текстильная	1930	10 201	100	2 676 881	100	67 433	100	262	100	6576	100
	1933	7 788	76,3	1 946 310	72,6	44 555	66,7	250	95,4	5700	86,6
Бумажная, кожевенная, резиновая	1930	8 566	100	2 395 391	100	67 674	100	317	100	8939	100
	1933	6 861	80	1 873 013	78,2	47 746	70,5	273	86,1	6934	77,5
Деревообрабатывающая	1930	53 361	100	9 988 538	100	225 955	100	187	100	4226	100
	1933	29 722	55,6	5 435 311	54,4	97 114	43	183	97,9	3257	77,1
Строительная	1930	61 916	100	9 699 165	100	255 070	100	156	100	4102	100
	1933	48 815	78,8	7 701 380	79,4	175 528	68,8	157	100,8	3563	87
Пищевкусовая	1930	26 056	100	6 054 440	100	152 635	100	232	100	5840	100
	1933	22 238	85,4	5 577 705	92,1	128 558	84,2	251	108	5780	94,4

Заработная плата рабочих Словакии была намного ниже того прожиточного минимума, который был определен для семьи из пяти человек буржуазными экономистами и социологами и составлял в 1930 г. 280 крон, а в 1932 г.—138—150 крон в неделю [162]. Согласно данным статистики страхования по болезни (декабрь 1929 г.), в Словакии и Закарпатской Украине из 331 201 застрахованных 255 172 человека, т. е. 77%, получали в неделю 130 крон и менее, а 176 421 человек, т. е. больше половины, получали в неделю менее 80 крон [163]. Выступая в начале 1931 г. в парламенте, депутат-коммунист Валло говорил, что рабочие Братиславы, которые оплачивались лучше, чем в других местах Словакии, получают в неделю 120—150 крон. Если сравнить этот заработок с прожиточным минимумом рабочей семьи, продолжал Валло, то окажется, что он не достигает и половины прожиточного минимума [164]. На заводе эмалированных изделий в Матейовцах квалифицированный рабочий зарабатывал 230 крон за 96 часов работы (две недели) [165]. Таким образом, он и его семья имели в день 16,4 кроны. В то же время 1 кг черного хлеба стоил 2,30 кроны, муки — 2,23 кроны, мяса говяжьего — 12,21 кроны, сахара — 6,25 кроны, масла — 20,90 кроны, маргарина — 15,64 кроны и т. д. [166] На фабрике «Текла» в Скалице рабочий зарабатывал в день еще меньше — от 8 до 12 крон [167].

Следует отметить, что данные статистики страхования от несчастных случаев нельзя рассматривать как абсолютно точно характеризующие положение рабочего класса в годы кризиса. Ведь эта статистика включала в себя сведения не только о рабочих, но и о других лицах, занятых в промышленности: служащих, конторщиках, надсмотрщиках, мастерах, управляющих и т. д., заработная плата которых снизилась в годы кризиса значительно меньше, чем у рабочих. Кроме того, значительная часть рабочих не подлежала страхованию. Поэтому те средние цифры, которые приведены в табл. 6, можно рассматривать лишь как показывающие тенденцию в движении заработной платы. В действительности падение номинальной заработной платы рабочих, занятых на производстве, было гораздо бо́льшим.

Газета «Руде право» в декабре 1930 г., т. е. уже в начале кризиса, сообщала, что заработная плата на лесопильных заводах Словакии снижена на 15—20% [168]. В последующие годы, когда капиталисты при поддержке правых социал-демократов усилили свой натиск на рабочий класс, снижение заработной платы проходило еще более интенсивно. В то же время из таблицы следует, что годовая номинальная зарплата одного застрахованного в деревообрабатывающей промышленности снизилась к 1933 г. только на 22,9%. Во второй половине 1933 г. предприниматели развернули наступление на зарплату рабочих-текстильщиков. На большей части предприятий текстильной промышленности фабриканты расторгали коллективные договора, требуя снижения заработной платы. Так, фирма «Данубиус» в Братиславе объявила о снижении на 10% почасовой оплаты и на 13% — сдельной. В некоторых цехах Жилинской суконной фабрики предполагалось снижение заработной платы до 50%. Подобное же наступление было организовано предпринимателями на текстильных предприятиях Райца, Рыбарполе, Ружомберка и т. д. [169] В то же время, если

[162] J. Mlynarik. Указ. соч., s. 39.
[163] «Rudé právo», 21.V 1930.
[164] «Těsnopisecké zprávy..», 1931, sch. 104, 12.II 1931, s. 35.
[165] «Pravda», 8.VI 1930
[166] «Cenové zprávy státního úřadu statistického Republiky Československé». Praha, 1931, № 2—3, s. 12—15. Взяты среднегодовые цены по Словакии за 1930 г.
[167] «Pravda», 8.VI 1930
[168] «Rudé právo», 17.XII 1930.
[169] «Rudé právo», 1.IX 1933.

inslav

верить данным статистики страхования от несчастных случаев, заработок одного рабочего в текстильной промышленности понизился за все годы кризиса лишь на 13%. Выступая на VI съезде КПЧ в 1931 г., К. Готвальд говорил, что по сведениям красных профсоюзов уже в 1930 г. номинальная заработная плата была снижена в металлообрабатывающей промышленности на 15%, в текстильной на 30%, в кожевенной на 20%, в строительной на 18%, фармацевтической на 9% и т. д.[170] Сокращение зарплаты рабочих в годы кризиса станет особенно наглядным, если сравнить его с движением розничных цен. Табл. 7 показывает индексы цен в розничной продаже на продукты питания[171].

Таблица 7

Индекс розничных цен на продукты питания (1914=100)

Год	Чехия	Словакия	Прага	Братислава
1930	126,5	129,9	113,6	134,9
1931	114,7	118,9	104,0	122,7
1932	106,8	110,8	100,6	117,0
1933	103,0	107,5	96,5	110,2

Прежде всего из таблицы ясно, что розничные цены в Словакии были выше, чем в Чехии. Еще ярче это различие в ценах проявляется при сравнении Братиславы с Прагой. В 1933 г. розничные цены в Словакии упали на 17,3% по сравнению с 1930 г. (в Чехии — на 18,6%). Если вспомнить, что общий фонд заработной платы согласно статистике страхования от несчастных случаев за этот же период сократился на 35% (в действительности фонд зарплаты рабочих сократился значительно больше), а розничные цены уменьшились лишь на 17%, то резкое падение реальной заработной платы станет очевидным. Незначительное падение цен на продукты питания было следствием политики монополий, стремившихся и в годы кризиса сохранить свои высокие прибыли. Введение таможенных пошлин, преградившее доступ в страну дешевой сельскохозяйственной продукции из-за границы и преследовавшее цель искусственного повышения цен на внутреннем рынке по сравнению с ценами на мировом рынке, ударило в первую очередь по карману трудящихся слоев города. Так, в начале 1931 г. 1 ц чехословацкого сахара стоил в Гамбурге 110 крон, а на внутреннем рынке — 564 кроны[172]. Стоимость 1 кг сахара в розничной продаже не изменилась за годы кризиса (6,25 кроны).

Коммунисты не раз выступали в парламенте с острой критикой и разоблачениями политики монополий и правительства, стремящихся преодолеть кризис за счет трудящихся. Так, в мае 1931 г. коммунистическая фракция парламента предложила проект закона, который в случае принятия его должен был бы способствовать снижению дороговизны в стране. Он предусматривал отмену закона о повышении таможенных пошлин на продукцию сельского хозяйства, закона об обязательном смешивании (7 октября 1930 г.) отечественной пшеницы и ржи с импортной, ликвидацию права правительства выдавать разрешения на ввоз сельскохозяйственных продуктов, отмену налога с оборота товаров широкого потреб-

[170] «Protokol VI řadného sjezdu KSČ», Praha, 1931, s. 24—25.
[171] «Statistická ročenka Republiky Československé», 1934, s. 148; 1935, s. 114.
[172] «Protokol VI řádného sjezdu KSČ», s. 21.

inslav

ления: хлеба, зерна, муки, мяса, пива и т. д.[173] Однако предложения коммунистов, естественно, не были приняты буржуазным большинством парламента.

В рассматриваемые годы предприниматели, стремясь устоять против кризиса и сохранить свои высокие прибыли, проводили жестокую рационализацию производства. Однако в условиях кризиса, когда резко увеличилась и без того большая для Чехословакии недогрузка промышленных предприятий, все внимание капиталистов было направлено на то, чтобы снизить издержки производства, не делая больших капитальных вложений, за счет повышения интенсификации труда. Следствием роста интенсификации труда было усиление эксплуатации рабочего класса, снижение его жизненного уровня. Капиталистическая рационализация производства влекла за собой сокращение значительной части рабочих и увеличение армии безработных, замену квалифицированных рабочих специалистов малоквалифицированной молодежью и женщинами, заработная плата которых была очень низкой и нередко составляла 40—50% заработка мужчин. Газета «Руде право» сообщала в 1930 г., что почти 1/3 рабочих в Словакии и Закарпатской Украине — 92 тыс.— молодые рабочие и работницы[174]. Использование на производстве более дешевого труда женщин и молодежи позволяло предпринимателям класть в свои карманы дополнительные прибыли. Как иллюстрацию к этому приведем следующие примеры. На текстильной фабрике «Клингер» в Братиславе администрация объявила мужчинам-ткачам, что сможет держать их только в том случае, если они согласятся с уменьшением оплаты 1 м выработанного полотна на 14 галеров. Предполагалось, что потеря в зарплате будет возмещена тем, что ход станков ускорится на 10%. В случае отказа принять эти условия мужчины-ткачи должны были быть заменены женщинами[175]. На Жилинской суконной фабрике из 1400 рабочих более 900 было женщин. Уже в начале кризиса (а текстильная промышленность, как об этом говорилось выше, была охвачена кризисом несколько раньше других отраслей промышленности — в 1929 г.) труд мужчин у станков был заменен женским[176]. На заводе «Патронка» к середине 1930 г. было уволено 70% рабочих-мужчин, а женщины, как более дешевая рабочая сила, оставлены[177].

Результатом капиталистической рационализации было, с одной стороны, увеличение рабочего дня за счет неоплачиваемой сверхурочной работы, ликвидация перерывов, усиление надзора за рабочими и т. д., а с другой стороны,— снижение повременной и сдельной заработной платы, увеличение всевозможных вычетов и штрафов. Низкая заработная плата, безработица, физическое и моральное истощение, всеобщее снижение жизненного уровня — таковы были последствия капиталистической рационализации для рабочего класса. Рост интенсификации труда и увеличение его производительности в условиях капитализма вели лишь к повышению доходов предпринимателей.

Одним из самых многочисленных отрядов рабочего класса Словакии был сельскохозяйственный пролетариат. По данным, приведенным в статье В. Плевзы, в 1930 г. в Словакии было 218 860 сельскохозяйственных рабочих, из которых 72 996 были постоянными, а 145 864 — сезонными[178]. Эти последние рекрутировались главным образом из рядов без-

---

173 «Tisky k Těsnopiseckým zprávam...», III vol. obd., Praha, 1931, tisk № 1156.
174 «Rudé právo», 21.V 1930.
175 «Pravda», 2.VII 1929.
176 «Pravda», 24.V 1929.
177 «Rudé právo», 30.VII 1930.
178 V. Plevza. Указ. соч.— «Historický časopis», 1959, № 2, s. 220.

inslav

земельных и малоземельных крестьян и были наиболее сильно эксплуатируемой частью сельскохозяйственных рабочих. Надо отметить, что положение сельскохозяйственных рабочих (заработная плата, жилищные условия, питание и т. д.) были намного хуже, чем положение других слоев пролетариата.

Годы кризиса принесли массовую безработицу и для сельскохозяйственных рабочих. Следствием рационализации сельскохозяйственного производства, проводимой землевладельцами, было увольнение рабочих. Каждый трактор, отмечал в своем докладе на VI съезде КПЧ т. Волавка, лишал заработка три-четыре семьи сельскохозяйственных рабочих[179]. Депутат Мравец, выступая в парламенте в феврале 1933 г., говорил, что в Словакии не имеют работы более 50 000 постоянных и более 70 000 сезонных сельскохозяйственных рабочих[180]. Эти цифры свидетельствуют о том, что предприниматели увольняли в первую очередь лучше оплачиваемых постоянных сельскохозяйственных рабочих, нанимая вместо них сезонных. Подобно тому, как это было и в промышленности, аграрии стремились заменить более дорогой труд мужчин дешевым женским и детским трудом. Эксплуатация сельскохозяйственных рабочих усилилась также в связи с ростом интенсификации их труда. Так же, как и в промышленности, в годы кризиса значительно снизилась номинальная и реальная заработная плата сельскохозяйственных рабочих. При этом необходимо отметить, что заработки этой категории пролетариата были в Словакии на 15—20% ниже, чем в чешских землях[181], и что падение их в годы кризиса было более резким, чем у чешских рабочих. Так, если средняя заработная плата сельскохозяйственных рабочих в Чехии снизилась в 1934 г. по сравнению со средним уровнем 1925—1929 гг. на $^1/_4$, то в Словакии соответственно это снижение составляло около $^1/_3$[182]. Заработная плата словацкого сельскохозяйственного рабочего далеко отставала от того минимума, который необходим был для содержания семьи. По подсчетам газеты «Правда», этот минимум для пролетарской семьи, имеющей двух детей, составлял в 1930 г. 835 крон в месяц, в то же время заработок «депутатника» в Словакии достигал лишь 500 крон в месяц[183]. Чрезвычайный рост рынка рабочей силы в словацкой деревне в годы кризиса (что явилось следствием как прогрессирующего разорения мелкого и среднего крестьянства, так и увеличения армии безработных в промышленности) позволил крупным землевладельцам значительно снизить заработную плату наемных рабочих, как постоянных, так и сезонных. Сначала (в 1931 г.) произошло сокращение заработков сезонных рабочих, от которых предприниматели зависели в меньшей степени, а потом наступила очередь и постоянных рабочих (в 1932 г.). Тот факт, что снижение заработной платы сельскохозяйственных рабочих началось несколько позже, чем в промышленности, объяснялся массовыми революционными выступлениями сельскохозяйственного пролетариата, которые имели место в Словакии в 1928—1929 гг.

Из табл. 8 видно, что заработная плата сезонных рабочих сократилась гораздо значительнее, чем «депутатников». Если у первых снижение зарплаты составляло около 15%, то у вторых — 5%. Именно потому, что по-

---

[179] «Protokol VI řádného sjezdu KSČ», s. 107.

[180] «Těsnopisecké zprávy...», 1933, sch. 245, 6.II 1933, s. 48.

[181] «Těsnopisecké zprávy...», 1931, sch. 88, 28.XI 1930, s. 24 (из выступления депутата-коммуниста Штейнера).

[182] См. V. Plevza. Revolučne hnutie zemerobotníkov na Slovensku 1928—1938, č. 1, s. 46.

[183] «Депутатник» — постоянный сельскохозяйственный рабочий, получающий большую часть зарплаты натурой. В газете дан пересчет всей зарплаты этого рабочего на деньги.— «Pravda», 20.IV 1930.

inslav

Таблица 8

Движение номинальной заработной платы сельскохозяйственных рабочих Словакии в годы кризиса (в кронах) [184].

	Заработная плата сезонных рабочих						Месячная заработная плата постоянных рабочих *			
	дневная			во время жатвы (2 м-ца)			области ***			
	категории **									
	I	II	III	I	II	III	I	II	III	IV
1930 г.	7	5	3,50	8	5,50	4,50	100	94	84	79
1933 г.	6	4,30	3,05	6,90	4,95	3,85	95	90	80	75

* Батраки, конюхи, скотники, свинари, доильщики.

** I — мужчины, II — женщины, девушки и юноши старше 16-лет, III — подростки до 16 лет.

*** I — свекловичные районы, II — зерновые, III — картофельно-зерновые, IV — районы кормовых культур.

ложение сезонных сельскохозяйственных рабочих было более тяжелым, чем положение постоянных рабочих, они были настроены более радикально, и принимали более активное участие в революционных выступлениях того времени. В чрезвычайно тяжелом положении оказались сезонные рабочие в Словакии в связи с засухой и неурожаем 1931 г. Кроме денежной зарплаты после жатвы и молотьбы каждая пара сезонников получала от $^1/_{15}$ до $^1/_{10}$ части урожая с обработанного ими участка земли. В нормальные годы это составляло 15—18 ц зерна, а в 1931 г.— лишь 3—5 ц, что хватило лишь до зимы. В связи с этим Президиум Земского управления в Братиславе был чрезвычайно обеспокоен сведениями о том, что в южных районах Словакии (Нове Замки, Трнава, Галанта) среди сельскохозяйственных рабочих распространяются слухи о готовящейся «голодной» революции [185].

«Депутатники» кроме денежной зарплаты получали натуральное довольствие, размеры которого, согласно данным коллективных договоров, за годы кризиса не изменились. Однако надо иметь в виду, что падение цен на продовольствие фактически снижало стоимость натуры, получаемой постоянными сельскохозяйственными рабочими, а тем самым — и их зарплату.

Кроме того, необходимо учитывать, что все данные, касающиеся заработков сельскохозяйственных рабочих, чехословацкая статистика берет из коллективных договоров, заключаемых между предпринимателями и рабочими, договоров, которые часто не выполнялись землевладельцами, что было причиной многочисленных выступлений сельскохозяйственного пролетариата в годы кризиса.

Перейдем теперь к рассмотрению положения словацкого крестьянства, которое, составляя основную часть словацкого населения, несло на своих плечах тяжкое бремя кризиса и чрезвычайно пострадало от него.

Прежде всего в годы кризиса сильно возросла задолженность словацкого крестьянства, которая и ранее была очень высокой. Коммунистическая парламентская делегация, посетившая Словакию осенью 1931 г., писала в своем отчете: «Крестьянское хозяйство в Словакии уже в течение многих лет является дефицитным, и крестьяне поддерживают свое су-

[184] Таблица составлена на основании материалов: ZSÚS..., 1930, № 128, s. 1060—1062; 1936, № 133—135, s. 990—991.

[185] Archiv Ústavu dějin KSČ, 1931/702.

inslav

ществование займами в банках»[186]. Огромная задолженность словацкого крестьянства, которая в 1930 г. составляла около 5 млрд. крон, а в 1933 г. возросла до 6,5 млрд. крон[187], являлась, во-первых, следствием буржуазной аграрной реформы, а во-вторых, того, что в годы кризиса крестьяне не могли существовать и вести свое хозяйство без дополнительных денежных займов.

Венгерские помещики и буржуазия, у которых в результате земельной реформы была отобрана земля, получили щедрое вознаграждение за счет выкупных платежей. 1 ютро земли в зависимости от качества и обработанности ее стоил от 380 до 3200 крон. Естественно, что такими суммами крестьяне не располагали и, чтобы получить небольшой клочок земли, вынуждены были залезать в долги[188].

В результате аграрной реформы в Словакии значительная часть земли была оставлена прежним владельцам — венгерским помещикам. В словацкой деревне усиленно насаждались чешские аграрии-колонисты, получившие часть парцелл и «збытковые» имения[189]. Эта часть новой сельской буржуазии была надежной опорой чешского финансового капитала в словацкой деревне, который с каждым годом занимал здесь все более прочные позиции и опутывал словацкое крестьянское хозяйство своими сетями.

В годы экономического кризиса большая часть хозяйств в Словакии (375 тыс. из 455, т. е. 82%) несла на себе тяжелое бремя задолженности[190]. Если в 1931 г. на 1 га земли в Словакии приходилось 1527 крон долгов, то в 1933 г.— уже 1965 крон[191]. При этом 68% всей задолженности лежало на хозяйствах размером до 20 га, т. е. на средних и мелких хозяйствах. На 1 января 1935 г. задолженность на 1 га сельскохозяйственной земли в хозяйствах до 2 га составляла 3192 кроны, от 2 до 5 га — 1889 крон, от 5 до 20 га — 1235 крон, от 20 до 100 га — 1699 крон и более 100 га — 244 кроны[192].

Кроме долгов, крестьянство должно было выплачивать еще высокие проценты по займам, доходившие в Словакии до 12—14%, а иногда и до 16% (в Чехии 6%). Очень часто крестьянское хозяйство не в состоянии было выплатить даже этих высоких процентов по займу, не говоря уже о самом долге. Но даже на этих тяжелых условиях в Словакии трудно было получить кредит. Журнал «Господарска политика» писал в конце 1930 г., что во многих местах Словакии спрос на кредит может быть удовлетворен лишь на 10—40%[193]. Этим обстоятельством часто пользовались буржуазные политические партии для вербовки своих сторонников: кредит открывался лишь в том случае, если должник обязывался поддерживать ту или иную партию.

Ни долги, ни проценты по ним в годы кризиса, несмотря на тяжелое положение крестьянства, не снизились, а цена на землю упала за это время на 20—25%. В результате этого задолженность многих крестьянских хозяйств превысила их цену.

---

186 «Rudé právo», 11.X 1931.

187 M. Falt'an. Указ. соч., стр. 45; J. Inovecký. Указ. соч., стр. 97.

188 Результаты проведения земельной реформы в Словакии к концу 1934 г. были следующие: из 200 583 человек, получивших землю в размере 686 038 га, 198 786 человек стали хозяевами мелких наделов, равнявшихся приблизительно 1,5 га (328 081 наделов). На 73 000 га было создано 572 «збытковых» именья, размер каждого из которых превышал 30 га. И, наконец, 285 049 га, главным образом лесных массивов и пастбищ, было передано 1338 хозяйствам размером более 30 га.— «Statistická ročenka Republiky Československé», 1936, s. 50.

189 «Protokol VI řádného sjezdu KSČ», s. 112.

190 J. Inovecký. Указ. соч., стр. 97.

191 «Slovensko 1945—1947. Hospodárský a kulturný rozvoj», Bratislava, 1958, s. 47.

192 Там же.

193 «Hospodářská politika», 1930, № 9, s. 148.

inslav

Помимо тех долгов, которые крестьяне выплачивали со своих земельных участков, на них лежала еще огромная задолженность докторам, адвокатам, лавочникам, аграрным товариществам и т. д., которая согласно данным, приводимым в статье В. Плевзы, в 1929—1938 гг. составляла 12,8 млрд. крон [194].

Словацкий писатель-коммунист П. Илемницкий в своем известном романе «Невспаханное поле», написанном в разгар экономического кризиса, так описывал положение словацкого крестьянства: «Крестьяне забыли уже, как говорят, о будущем годе: решались говорить только о завтрашнем дне. А когда продавали теленка или центнер овса, сжимали грязные десятикронки в руке, размышляя: заплатить проценты за долг? Или уплатить кузнецу часть долга? Или сосчитаться с корчмарем и лавочником за небольшое количество товара, забранного в кредит?... Несчастье всегда висит над головой, как туча, предвещая бурю, потому что мужика может схватить за горло теперь всякий кредитор» [195].

Не уменьшился в годы кризиса и налоговый гнет, который несло в первую очередь крестьянство. Средняя сумма налогов, приходящихся на одного человека, занятого в сельском хозяйстве, была в Словакии на 150% выше, чем в чешских землях [196]. Налоги были так многочисленны, что крестьяне часто не знали, за что они платят. Для иллюстрации приведем письмо бедняка с Житного Острова в «Руде право». Он сообщал, что с участка в 1200 квадратных саженей он платит прямых государственных налогов 26 крон, транспортный налог 5,2 кроны, коммунальный налог — 6 крон, подоходный налог — 4,5 кроны, кроме того — особый налог с дома, огорода, конной упряжки, коровы, домашней птицы и т. д. «Короче,— писал крестьянин,— столько прямых и косвенных налогов, что даже и названий их не знаем, однако — выплачиваем» [197]. Нередки были случаи, когда крестьянин выплачивал налог с земельного участка, размер которого был значительно больше того, что он фактически имел. Это было результатом беспорядочного ведения кадастровых поземельных книг, в которые зачастую не вносились изменения в землепользовании, происшедшие в результате купли-продажи, раздела, наследования и т. д. земельных участков [198].

Недоимки по налогам и долги взыскивались с крестьян с необычайной жестокостью. Судебный исполнитель, сопровождаемый обычно жандармами, был в годы кризиса частым гостем в словацкой деревне. За долги описывали и продавали с аукциона имущество, забирали землю, скот, сельскохозяйственные орудия и т. д. Так, еще в начале 1931 г. депутат-коммунист Кубач сообщил с парламентской трибуны, что в небольшом местечке Жельезовце, насчитывающем 6000 человек, во всех семьях, кроме трех, побывал судебный исполнитель [199]. В деревне Поломка были описаны за долги все кони (227) [200]. Согласно данным районного суда с 1928 по 1935 г. в районе Чадце было произведено 23 244 описи движимого и недвижимого имущества. Если учесть, что в районе было приблизительно 8000 хозяйств, то, следовательно, за это время судебный исполнитель побывал в каждой семье примерно четыре раза [201].

Нет нужды продолжать перечень подобных примеров. Достаточно

---

[194] V. Plevza. Указ. соч.— «Historický časopis», 1959, № 2, s. 218.

[195] П. Илемницкий. Невспаханное поле. Л., 1936, стр. 68—69. Роман П. Илемницкого представляет несомненный интерес для историка, поскольку автор его сам был непосредственным участником и очевидцем описываемых событий, работая в это время в редакции газеты «Правда худобы».

[196] V. Plevza. Указ. соч.— «Historický časopis», 1959, № 2, s. 217.

[197] «Rudé právo», 4.VI 1932.

[198] «Tisky k Těsnopiseckým zprávam...», III vol. obd., sv. IV, Praha, 1930, tick № 658.

[199] «Těsnopisecké zprávy...», 1931, sch. 112, 19.III 1931, s. 45.

[200] «Přítomnost», 1933, № 50, s. 794—797.

[201] J. Inovecký. Указ. соч., стр. 107.

inslav

будет назвать общие цифры о числе случаев, когда властями была разрешена опись движимого и недвижимого имущества по Словакии и Закарпатской Украине. Если в 1929 г., согласно данным районных судов, было зарегистрировано 58 001 случаев разрешения описи недвижимости, то в 1933 г.— уже 104 620, т. е. почти в два раза больше. Число случаев разрешения описи движимого имущества увеличилось в Словакии и Закарпатской Украине с 310 275 в 1929 г. до 417 594 в 1932 г.[202]

Результатом массовой экспроприации крестьянства явилась концентрация земли в руках аграрной буржуазии и банков, углубление имущественной дифференциации в деревне и обострение классовых противоречий.

Яркую картину проведения экзекуций в словацкой деревне нарисовал П. Илемницкий: «Во всех избах поднялась тревога,— писал он в уже упоминавшемся романе.— Те, которые не подлежали экзекуции, бежали на нижний конец деревни, чтобы посмотреть, что там творится... Бегом возвращались назад и кричали:

— Вещи забирают!

Слова эти прозвучали точно сигнал — начали спасать более ценные вещи, а порою и все, что попадется под руку; прятали в сене, заваливали соломой, прикрывали дровами, выносили в свинарник, «авось не найдут»,— утешали себя. Но не надолго. Через минуту новый слух:

— Корову вывели из хлева!

— И свиней забирают!

Вихрем пронеслась по деревне эта весть. Кто спрятал вещи в свинарник, выносил их быстро оттуда и искал более надежного места. Что делать со свиньями? С трудом выгоняли их из хлевов в снег и за гумно... Кто-то взглянул за гумна, за деревню и увидел, как с верхнего конца деревни люди гонят то корову, то теленка, или лошадь прямо в лес...

А экзекуторы, как пожирающая лава, дошли уже до середины деревни. За ними неслась гневная ругань мужчин, женщины стояли, заломив руки, и ревели напуганные дети»[203].

Движение крестьянства против экзекуций, особенно усилившееся в последние годы кризиса, вынудило правительство издать 5 мая 1933 г. закон о временном прекращении проведения описей. Однако закон предусматривал обязательность выплаты процентов по займам. В случае невыполнения этого пункта закона опись имущества могла быть проведена. В Словакии, как уже говорилось выше, заемный процент был так высок, что превышал платежеспособность большинства мелких и средних крестьян. Поэтому опись имущества за долги практически не приостанавливалась. В дальнейшем новыми дополнениями закон от 5 мая 1933 г. был фактически сведен на нет.

В рабочей печати того времени помещались многочисленные сообщения о бедственном положении словацкой деревни, о распродаже с молотка имущества разорившихся крестьян, о голоде, нищете. Депутаты-коммунисты в парламенте не раз в эти годы поднимали голос в защиту словацкого крестьянина. В конце 1931 неурожайного года в голодающие районы южной и западной Словакии была послана специальная делегация клуба коммунистических депутатов и сенаторов парламента для обследования положения в деревне[204]. Отчет о поездке этой делегации

[202] «Statistická ročenka Republiky Československé», 1934, s. 247; 1935, s. 242; 1936, s. 251.

[203] П. Илемницкий. Невспаханное поле, стр. 384—385.

[204] Интересно отметить, что одновременно с коммунистической делегацией в Словакию из Праги выехала делегация комиссии по здравоохранению палаты депутатов и социально-политического комитета Сената под руководством социал-демократического депутата Еганиса. Однако целью этой делегации не было выяснение положения трудящихся в голодающей Словакии. Она отправилась в Татры, чтобы обследовать там роскошные государственные курорты и санатории.

inslav

печатался потом в ряде номеров газеты «Руде право»[205]. В отчете говорилось об отчаянно тяжелом положении крестьян в тех районах, которые посетила делегация. В результате засухи 1931 г. на всей территории Словакии урожаи были очень низкие. Вместо обычных 8—10 ц с гектара было собрано по 2—3 ц. В некоторых местах крестьяне не собрали даже того количества зерна, которое засеяли. Делегация выяснила, что самостоятельные хозяева, если будут экономно расходовать зерно, смогут протянуть до января-февраля 1932 г., а о том, чтобы оставить зерно на семена, не могло быть и речи.

О бедственном положении в словацкой деревне заговорила и буржуазная пресса. Депутаты «социалистических» и буржуазных партий в парламенте, особенно глинковской народной партии, выставлявшей себя «защитницей прав словацкого народа», требовали от правительства помощи бедному словацкому крестьянину. Причиной этих демагогических призывов о помощи были приближающиеся муниципальные выборы. В этих условиях буржуазное правительство не могло остаться глухим и не предпринять никаких мер. Оно вынуждено было организовать так называемую кампанию помощи пострадавшим от неурожая, которую «Руде право» квалифицировала как «величайшее мошенничество и обман»[206]. На основе закона от 16 декабря 1931 г. о государственной помощи потерпевшим от стихийных бедствий была разрешена продажа зерна крестьянам из государственных запасов для проведения озимого сева. Однако многие неурожайные районы были исключены из этой «кампании помощи», в ряде мест семена для посева были доставлены с большим опозданием и в недостаточном количестве, и, наконец, цены на зерно были слишком высокими, и платить надо было наличными[207]. Поэтому «Руде право» совершенно справедливо писала, что эта «кампания помощи не принесла абсолютно никакой пользы крестьянам»[208]. Многие районы Словакии весной 1932 года были охвачены голодом.

Если летом 1931 г. большой ущерб крестьянам нанесла засуха, то весной 1932 г. мощные разливы рек уничтожили посевы озимых в восточной Словакии (районы Кошице, Михаловце, Вельки Капушаны, Собранце, Кралувски, Хлумец и др.)[209]. На заседании словацкого Земского комитета в конце 1932 г., где обсуждались результаты обследования восточных районов Словакии, докладчик констатировал, что голод в обследованных районах усиливается и примет угрожающие размеры весной. В районе Собранце лишь официальной делегацией было выявлено 600 голодающих семей, в Стопкове — 400 голодающих семей, в районе Медзилаборце — 411 и т. д. Всего в 39 обследованных деревнях и местечках под угрозой голода находилось 1203 семьи[210]. Депутат Мравец, выступая в парламенте в феврале 1933 г., заявил, что в Словакии только официальным путем выявлено 11 000 голодающих семей[211], которым требуется немедленная помощь.

На бедственном положении крестьян наживались аграрная буржуазия и финансовый капитал, который пустил уже глубокие корни в словацкой деревне. Он проникал в сельское хозяйство Словакии при помощи кооперативных объединений — кредитных, закупочных, произ-

---

[205] См. «Rudé právo», 4, 10, 11.IX 1931.
[206] «Rudé právo», 10.IX 1931.
[207] 1 ц зерна продавался за 160—165 крон, в то время как аграрные товарищества скупали зерно у крестьян осенью за 120—130 крон за центнер, а иногда и дешевле.
[208] «Rudé právo», 10.IX 1931.
[209] «Rudé právo», 30.X 1932.
[210] «Tvorba», Praha, 1932, № 52, s. 819.
[211] «Těsnopisecké zprávy...», 1933, sch. 245, 6.II 1933, s. 48.

inslav

водственных и т. д. Основную группу этих кооперативов составляли кредитные. В Словакии это были «крестьянские кассы взаимопомощи», объединенные в Союз, который в свою очередь являлся одним из 12 союзов, входивших в центральную организацию — «Центрокооператив». «Крестьянские кассы взаимопомощи» возникали в Словакии с 1924 г. под патронатом чешского финансового капитала, представленного филиалами Аграрного банка в Братиславе и Кошицах. Основной капитал «Союза крестьянских касс взаимопомощи» с 1924 по 1930 г. вырос с 1147 тыс. крон до 7029 тыс. крон, а прибыли за тот же период увеличились с 77 тыс. крон до 1195 тыс. крон, т. е. в 15,5 раз [212]. Руководство союзом было практически сосредоточено в руках двух буржуазных семейств — Годжи и Урсини. Крестьянские кассы взаимопомощи (в 1931 г. их было в Словакии — 64) [213] предоставляли в распоряжение финансового капитала собранные ими мелкие крестьянские вклады, которые пускались либо на финансирование промышленных предприятий, принадлежащих Союзу [214], либо на кредитование на ростовщических условиях тех же крестьян.

Большую группу кооперативов составляли закупочные и кооперативы по продаже необходимых крестьянам товаров — удобрений, кормов, семян, сельскохозяйственных орудий и т. д. При помощи первых аграрные монополии устанавливали чрезвычайно низкие закупочные цены на продукты сельского хозяйства сразу после сбора урожая. Весной же крестьяне вынуждены были покупать это же самое зерно, картофель и т. д. у монополистических объединений втридорога.

Банки, аграрные кооперативы, кулаки, лавочники, ростовщики, да и само государство нещадно грабили крестьянство. Стремясь избежать разорения, крестьяне вынуждены были снижать расходы на питание, одежду, изнуряли себя непосильной работой. Общая сумма всех издержек, приходящихся на 1 человека в крестьянских семьях в Словакии, сократилась уже в 1930—1931 гг. по сравнению с 1926—1929 гг. (среднегодовая): в хозяйствах до 5 га с 668,5 кр. до 451,8 кр., т. е. на 32%, в хозяйствах от 5 до 10 га — с 1356,7 кр. до 981,7 кр., т. е. на 28% и в хозяйствах от 10 до 20 га — с 1740,7 кр. до 1318,1 кроны, т. е. на 24% [215]. Согласно данным, приведенным в статье В. Плевзы, потребление в семьях мелких крестьян с 1928 по 1934 г. упало на 60%, а в семьях с наделом 5—10 га — на 40% [216]. При этом еще необходимо отметить, что в 1933 г. потребление на одного крестьянина в Словакии было на 52% меньше, чем в Чехии [217]. Табл. 9 дает представление о том, насколько хуже питались и жили словацкие крестьяне по сравнению с чешскими [218]. Следствием тяжелого положения трудящихся Словакии была высокая смертность населения, в несколько раз бо́льшая, чем в чешских землях. Особенно велика была детская смертность. Так, общее число детей, умерших до одного года в Словакии, было приблизительно таким же,

---

212 J. Krilek. Tvorba cen zemědelských vyrobků v předmnichovské ČSR. Praha, 1960, s. 57.

213 I. Karvaš. Указ. соч., стр. 96.

214 В течение ряда лет этому относительно сильному аграрному концерну в Словакии удалось купить ряд важных предприятий — Словацкий крестьянский сахароваренный завод (акционерное общество, Влчковце); Загорский сахароваренный и спиртоводочный завод (акционерное общество, Угерска Вес); Поважский сахароваренный завод (акционерное общество. Тренч. Тепла); Восточнословацкий химический завод (акционерное общество, Костоляны) и т. д.— J. Krilek. Указ. соч., стр. 56.

215 «Za chlieb, pracu, pôdu a slobodu», s. 647.

216 V. Plevza. Указ. соч.— «Historický časopis», 1959, № 2, s. 229.

217 «Za chlieb, pracu, pôdu a slobodu», s. 643—644.

218 «Statistická ročenka Republiky Československé», 1935, s. 161.

inslav

Таблица 9

Потребление продуктов питания и расходы на питание, промтовары, воспитание и обучение детей в семьях самостоятельных землевладельцев (на одного человека) в 1932 г.

	Мера	В среднем		Чехия		Словакия	
		Количество	Стоимость в кронах	Количество	Стоимость в кронах	Количество	Стоимость в кронах
Мясо и мясопродукты	кг	32	—	35	—	27	—
Жиры	»	14	—	18	—	9	—
Яйца	шт.	166	—	222	—	122	—
Мука	кг	196	—	215	—	172	—
Картофель	»	157	—	157	—	151	—
Сахар и сироп	—	—	108	—	137	—	78
Текстиль и обувь	—	—	490	—	639	—	356
Воспитание и обучение детей	—	—	169	—	275	—	121

как в Чехии, а в 1931 и 1932 голодных годах даже превышало его[219]. А ведь число жителей в Чехии было примерно в два раза больше, чем в Словакии. В 1932 г., когда во многих семьях нечего было есть и люди голодали, в Словакии резко возросла смертность от желудочно-кишечных заболеваний[220]. К врачебной помощи в семьях трудящихся прибегали очень редко; врачей в Словакии было очень мало, и лечение стоило больших денег.

Отчаявшись найти заработок у себя на родине, многие трудящиеся эмигрировали за границу. Правда, надо сказать, что поток эмигрантов в годы кризиса в сравнении с предшествующим периодом резко сократился. Это было связано с тем, что работу в эти годы нельзя было получить и за границей. Однако число выезжающих в поисках работы из Словакии по-прежнему составляло примерно половину числа всех эмигрирующих из Чехословакии. Более половины словацких эмигрантов составляли лица, занятые в сельском хозяйстве[221].

Чрезвычайное снижение жизненного уровня трудящихся в рассматриваемые годы свидетельствует о том, что они несли на своих плечах

---

[219] Смертность до 1 года

Год	Чехия	Словакия
1930	16 344	15 636
1931	14 022	15 172
1932	13 681	15 830
1933	13 050	12 357

«Statistická ročenka Republiky Československé», 1936, s. 24.

[220] «Statistická ročenka Republiky Československé», 1934, s. 30.

[221]

Год	Чехословакия	В том числе Словакия	
		всего	занятые в сельском хозяйстве
1929		19 401	11 418
1930	25 712	16 682	9 649
1931	9 567	4 527	2 532
1932	5 165	2 222	1 292
1933	4 735	3 009	1 880

«Statistická ročenka Republiky Československé», 1934, s. 34; 1935, s. 31; V. Plevza. Указ. соч.— Historický časopis», 1959, № 2, s. 232.

inslav

основное бремя кризиса. Экономический кризис усилил обнищание чехословацкого пролетариата и ускорил разорение трудящихся масс деревни. Однако если сравнивать положение народных масс чешских земель и Словакии, то даже на основании тех весьма неполных данных, которые имеются в нашем распоряжении, можно сделать вывод, что словацкие трудящиеся жили хуже и пострадали от кризиса больше, чем трудящиеся чешских земель. Объяснение этому надо искать прежде всего в том, что трудящиеся Словакии, испытывая гнет «своей» национальной буржуазии, страдали и от империалистической политики чешского капитала, видевшего одну из возможностей выхода из кризиса в ограблении народных масс национальных окраин.

Естественной реакцией на ухудшение положения трудящихся в годы кризиса было обострение классовых противоречий и усиление борьбы пролетариата и крестьянства против наступления капитала на их права.

inslav

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
Том XXIV, 1962 г.

Г. П. Мурашко

К ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ КРАСНЫХ ПРОФСОЮЗОВ В ЧЕХОСЛОВАКИИ (1921—1923)

Профессиональные союзы играли и сейчас играют большую роль в борьбе рабочего класса за освобождение от гнета капитала. Через профессиональные союзы, через эти «самые широкие,— по определению В. И. Ленина,— организации пролетариата в классовом масштабе»[1] авангард пролетариата — коммунистические партии — подводят массы рабочих к решению тех исторических задач, которые стоят перед ними. Поэтому в стратегии и тактике коммунистических партий вопрос о работе коммунистов в профсоюзах всегда занимает одно из основных мест. Борьба за привлечение профсоюзов на сторону коммунистических партий была поставлена на повестку дня и началась сразу же после создания этих партий в основных странах мира. Масштабы и успех этой борьбы были подготовлены сдвигами и переменами в рабочем и мировом профсоюзном движении в период первой мировой войны и послевоенного революционного подъема, развернувшегося под влиянием социалистической революции в России. Если до войны мировое профдвижение насчитывало около 9 млн. человек, то к 1920 г. число членов профсоюзов превысило 40 млн. человек[2].

Бурный рост профсоюзных организаций в 1918—1920 гг. отражал стремление пролетариата противопоставить буржуазии свою организованную силу. В эти годы изменился и качественный состав профсоюзов. Если до войны профсоюзы охватывали лишь незначительную часть квалифицированных рабочих, то после войны под влиянием революционного подъема они вынуждены были широко раскрыть свои двери перед наплывом новых членов, главным образом из рядов неквалифицированных рабочих.

Под влиянием революционно настроенных рабочих профессиональные союзы стали все чаще и чаще от борьбы чисто экономической переходить к борьбе политической. «Обостряющиеся классовые противоречия,— отмечалось в решении II Конгресса Коминтерна,— вынуждают профессиональные союзы вести стачки, которые разливаются широкой волной по всему капиталистическому миру, постоянно прерывая процесс капиталистического производства и обмена... Профессиональные союзы, которые во время войны стали органами воздействия на рабочие массы во

---

[1] В. И. Ленин. Сочинения, т. 28, стр. 396.

[2] «Отчет Международного Совета красных профессиональных и производственных союзов за период от 15 июля 1920 г. до 1 июля 1921 г.», М., 1921, стр. 7.

inslav

имя интересов буржуазии, делаются теперь органами разрушения капитализма...»[3]. Однако этому изменению характера профсоюзов мешала профсоюзная бюрократия, в руках которой в большинстве стран находилось руководство ими. Опираясь на старые формы организации профсоюзов, на идеологию рабочей аристократии, *«империалистически настроенной и империализмом подкупленной, империализмом развращенной»*[4], профсоюзная бюрократия разбивала мощный поток рабочего движения на слабые струйки, подменяла общие революционные цели движения частичными реформистскими требованиями, задерживала оформление движения пролетариата в революционную борьбу за уничтожение капитализма.

Таким образом, успех борьбы пролетариата за свое социальное освобождение был непосредственно связан с тем, насколько быстро профессиональные союзы сумеют освободиться от влияния профсоюзной бюрократии.

Острый послевоенный экономический кризис, уже к середине 1920 г. охвативший ведущие государства мира, сопровождался усиленным наступлением буржуазии на рабочий класс. В развернувшейся борьбе пролетариата профсоюзная бюрократия с ее старыми соглашательскими методами, прикрываясь революционной фразеологией, продолжала обманывать рабочих, верно служила своим хозяевам. Рабочему классу были необходимы новые методы борьбы, новая политика профсоюзов для того, чтобы отбить наступление капитала.

Именно в этих условиях и развертывается руководимая Коминтерном борьба за привлечение на сторону коммунизма широких рабочих масс, борьба за изгнание «из профсоюзов всех неисправимых вождей оппортунизма и социал-шовинизма»[5]. В. И. Ленин придавал борьбе коммунистов за овладение профсоюзами решающее значение в деле победы пролетариата над буржуазией. «В особенности,— писал он,— боятся правящие классы всего мира изменений, которые происходят в профессиональном движении. Партии, которая могла бы руководить революционным пролетариатом, как это было в русской революции, когда партия из нелегальной в несколько месяцев или в несколько недель превратилась в обладающую всенародными силами, такой партии, за которой идут миллионы, в Европе не видели десятки лет и не боятся. Но профессиональные союзы всякий капиталист видит и знает, что они объединяют миллионы, что без профессиональных союзов, если капиталисты не держат их в своих руках через вождей, которые называются социалистами, а ведут политику капиталистов, без профессиональных союзов вся машина капитализма рушится... В международном масштабе разгорелась во всем мире борьба за влияние на профессиональные союзы, которые объединяют в настоящее время во всех цивилизованных государствах миллионы рабочих, и от них зависит вся эта внутренняя, невидная с первого взгляда, работа; решается неминуемо судьба капиталистических государств в связи с растущим экономическим кризисом»[6].

Конкретно исторический анализ борьбы марксистско-ленинских партий за расширение своего влияния в массовых организациях рабочего класса — профессиональных союзах, за сплочение их и привлечение на сторону революционной борьбы против капиталистического строя — является одной из актуальных задач в наши дни.

В чехословацкой и советской исторической литературе вопросы рево-

---

[3] «Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932 гг.», М., 1933, стр. 120—121.

[4] В. И. Ленин. Сочинения, т. 31, стр. 34.

[5] Там же.

[6] В. И. Ленин. Сочинения, т. 32, стр. 96.

inslav

люционизации профсоюзного движения Чехословакии рассматривались лишь в общей форме[7]. Только с 1960 г. стали появляться работы, уделяющие большее внимание изучению проблем, связанных с историей революционного профсоюзного движения в Чехословакии в начале 20-х годов. В монографии В. Менцла «Предпосылки и начало борьбы КПЧ за создание единого фронта в Чехословакии»[8] вопросы борьбы компартии за революционизацию профсоюзов, хотя и не занимают центрального места, однако получают довольно детальную разработку Особенно подробно автор анализирует период конца 1921 — начала 1922 г., когда компартия боролась против «ультралевой» оппозиции во главе с Илеком и Боленом.

В сборнике «Из истории борьбы рабочего класса в 1921—1923 гг.»[9], вышедшем под редакцией В. Оливовой, помещена статья Иржи Кодеша, посвященная специально проблемам возникновения красных профсоюзов в Чехословакии. В ней на основе богатого архивного материала, рабочей прессы, документов Коммунистического Интернационала и Красного Интернационала Профсоюзов рассматриваются вопросы зарождения революционной оппозиции и оформления ее в самостоятельный профсоюзный центр. Но автор, по нашему мнению, несколько упрощенно подходит к анализу причин появления революционного направления в профсоюзном движении. В работе отсутствует анализ тех качественных изменений, которые произошли в профессиональных союзах в годы послевоенного революционного подъема.

В данной статье рассматриваются проблемы революционизации профсоюзного движения в Чехословацкой республике в начале 20-х годов и борьба Коммунистической партии против раскольнической политики правых социал-демократов.

ФОРМИРОВАНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ОППОЗИЦИИ В ЧЕХОСЛОВАЦКОМ ОБЪЕДИНЕНИИ ПРОФСОЮЗОВ И НАЧАЛО БОРЬБЫ КПЧ ЗА РАСШИРЕНИЕ СВОЕГО ВЛИЯНИЯ В ПРОФСОЮЗНОМ ДВИЖЕНИИ

Накануне первой мировой войны профсоюзное движение в чешских землях Австро-Венгерской империи объединяло 317 391 человек[10]. Его характерной чертой была чрезвычайная раздробленность и распыленность. Существовавшие к 1913 г. девять профсоюзных центров объединяли своих членов не только по политическим убеждениям, но и по национальному признаку. Наиболее крупными из них были: «Чешское объединение профсоюзов»[11], находившееся под влиянием Чехославянской социал-демократической партии, «Чешское рабочее общество», которым руководили национальные социалисты, и «Профсоюзная комиссия Австрии»[12], шедшая за австрийскими социал-демократами. В последнюю входили не только австрийские профсоюзы, но с 1910 г. и часть чешских

[7] См. M. Klir. Boj komunistické strany Československa o masy v období odlivu poválečné revoluční vlny 1921—1924. K. P., 1955. J. Veselý. Z. prvních bojů KSČ. Praha, 1958. V. Mencl. Politické boje KSČ a její vývoj v letech 1921—1924. Praha, 1958; «История Чехословакии». т. III. М., 1960

[8] V. Mencl. Předpoklady a počatky bojů KSČ za uskutečnění jednotné fronty v Československu. Praha, 1960.

[9] V. Olivová a kolektiv. Z dělnických bojů 1921—1923. Praha, 1960.

[10] «Odborové organisace zaměstnanecké v rep. Československé. Statistická studie za leta 1913—1922», Praha, 1924, s. 39.

[11] После создания Чехословацкой республики оно стало называться «Чехословацкое объединение профсоюзов».

[12] После распада Австро-Венгрии на ее основе в Чехословакии была создана «Профсоюзная комиссия для немецких областей в Чехословацкой республике» с центром в г. Либерце.

inslav

социал-демократических профсоюзов, выступавших за единство профсоюзного движения в Австрии, так называемые «централисты». Эти три центра объединяли абсолютное большинство рабочих и служащих, входивших в профсоюзы. На их долю в чешских землях приходилось 66% всех членов профсоюзов[13].

В годы империалистической войны профсоюзное движение претерпело большие изменения. Профсоюзные «социалистические» лидеры окончательно скатились на позиции социал-реформизма и сотрудничества с буржуазией и превратили возглавляемые ими профсоюзы в орудие давления буржуазии на пролетариат. Этому в значительной степени способствовала политика правительства, которое при мобилизациях отправляло на фронт, как правило, более сознательных и передовых рабочих. Их место у станка занимало пополнение из деревни, женщины, подростки, т. е. значительно более пассивная часть трудящихся, которая зачастую оставалась за рамками рабочих организаций.

Социал-демократические профсоюзы в годы войны теряют большую часть своих членов. В Чешском объединении профсоюзов — самом крупном центре профессионального движения чешских земель, количество членов сократилось за период с 1913 по 1916 г. с 104 574 чел. до 23 932 чел.[14], т. е. примерно на 77%.

Великая Октябрьская революция в России и выросший на основе объективных условий развития классовой борьбы революционный кризис 1918—1920 гг. оказали огромное влияние на судьбы чехословацкого профсоюзного движения. Рост активности чешского и словацкого пролетариата, выступавшего в национально-освободительной борьбе своих народов за самостоятельное чехословацкое государство главной движущей силой, сыграл большую роль в оживлении профсоюзного движения в стране, которое нашло свое выражение в быстром росте членов профессиональных организаций. Уже к концу 1918 г. количество членов всех профсоюзных объединений и центров Чехословакии достигало 317 878 чел. К 1920 г. оно увеличилось до 1 817 619 чел.[15] В 1921 г. профсоюзы охватывали уже 50,59% всех рабочих республики[16]. При этом особенно вырос удельный вес профсоюзов, идущих за социал-демократами и чехословацкими социалистами. Профессиональные союзы, примыкающие к этим партиям, объединяли 1 368 030 чел.[17], что составляло свыше 75%[18] всех рабочих и служащих, организованных в профсоюзах.

Характерной чертой этого количественного роста профессиональных союзов в 1918—1920 гг. было то, что он шел главным образом за счет массового вступления в них рабочих. В условиях послевоенной разрухи, безработицы, демобилизации, рабочие видели в профсоюзах организации, которые можно было противопоставить организациям предпринимателей.

На VII съезде профсоюзов приводились интересные данные о быстром росте отдельных организаций: «Прилив в организации был очень стремительный,— говорилось в отчете секретаря Чехословацкого объединения профсоюзов.— Наибольший рост показывают профессиональ-

---

[13] Подсчитано на основе «Odborové organisace zaměstnanecké...», s. 39.
[14] «Odborové organisace zaměstnanecké...», s. 37.
[15] «Statistická příručka republiky Československé», Praha, 1925, d. II, s. 463.
[16] V Mencl. Předpoklady a počátky bojů KSČ..., s. 222.
[17] «Statistická příručka...», d. II, s. 463.
[18] В известной степени быстрый рост социал-демократических профсоюзов объясняется присоединением к «Чехословацкому объединению профсоюзов» словацких профсоюзных организаций, ранее входивших в венгерские профессиональные центры в Будапеште, и присоединением профсоюзов Тешинской обл.

inslav

ные организации, считавшиеся самыми малочисленными. Союз шахтеров, который в 1917 г. насчитывал 3661 члена, в 1920 г. вырос до 84 895 чел. Союз рабочих-химиков, имевший в 1917 г. только 466 членов, в 1920 г. насчитывал 89 752 чел., союз сельскохозяйственных рабочих имел в 1917 г. 69 членов, в 1920 г., после некоторого отлива, в нем состояло 113 674 члена»[19].

Аналогичная картина наблюдалась и в профсоюзах немецких социал-демократов, которые в мае 1919 г. создали свой профсоюзный центр в Чехословацкой республике. С 1919 по 1920 г. число членов Профсоюзной комиссии немецких областей выросло почти на 140%. Наиболее интенсивно росли профсоюзные организации сельскохозяйственных рабочих (примерно на 209%), рабочих конфекционной промышленности (390%), рабочих-строителей (169%)[20].

Эти цифры являются наглядной иллюстрацией того, что профсоюзы Чехословакии в годы послевоенного революционного подъема стали превращаться в массовые организации, объединяющие самые широкие слои рабочего класса.

Прилив революционных рабочих в профсоюзы в условиях нарастающей классовой борьбы в стране заставил правых социал-демократических лидеров, стоявших во главе профсоюзных объединений, поддерживать требования, выдвигаемые пролетариатом, который добивался в тот период установления восьмичасового рабочего дня, признания свободы союзов, улучшения социального страхования и др. Но о конечной цели борьбы рабочего класса — о социализме — руководство профсоюзов ничего не говорило. Важнейшее требование чешских и словацких рабочих — социализацию средств производства — реформисты пытались подменить рассуждениями о гарантии прав рабочих в управлении предприятиями и участии в прибылях.

В ноябре 1919 г. лидеры чехословацких профсоюзов сделали попытку по примеру своих коллег в Германии войти в контакт с предпринимателями, крайне обеспокоенными растущей стачечной борьбой в стране. С этой целью был создан из представителей профсоюзов и предпринимателей «Совещательный экономический комитет»[21]. И хотя влияние этого комитета не было значительным, сам факт его появления красноречиво характеризует истинные настроения профсоюзных лидеров. Внешнеполитическим выражением реформистской политики руководства Чехословацкого объединения профсоюзов и немецкой Профсоюзной комиссии являлось вступление их в Амстердамский Интернационал профсоюзов, возникший в 1919 г.

Процесс дифференциации революционного и оппортунистического направлений в чехословацком рабочем движении, развернувшийся в годы послевоенного революционного подъема, привел к оформлению внутри социал-демократических партий (как чехословацкой, так и немецкой) левого крыла, которое с декабря 1919 г. стало существовать в чехословацкой социал-демократии как самостоятельная фракция, получившая название «марксистской левой». Создание «марксистской левой» поставило лидеров профсоюзов перед угрозой, что левые могут подчинить своему влиянию широкие профсоюзные массы, среди которых, хотя и очень глухо, начали звучать нотки недовольства политикой руководства. Яснее всего в тот период оппозиционные настроения про-

---

[19] «Protokol k VII sjezdu Odborového sdružení Československého. Zápis o jeho zasedaní ve dnech 22—26 ledna 1922», Praha, 1922, s. 11.

[20] Подсчитано по материалам кн.: J. Kotek. Odborové hnutí zaměstnanců. Praha, 1930, s. 220.

[21] «Фабзавкомы и профсоюзы», М., 1925, стр. 158.

inslav

являлись в Словакии в союзе сельскохозяйственных рабочих. В создавшихся условиях правые лидеры, чтобы удержать в своих руках профсоюзы, выдвинули тезис о необходимости сохранения единства профсоюзов, отстаивали их нейтральность по отношению к существующим политическим партиям. На деле под «нейтрализмом» скрывалась попытка сконцентрировать внимание профсоюзов лишь на экономической борьбе, заставить их держаться в стороне от политической борьбы.

В то же время, учитывая все возрастающее стачечное движение, которое охватило в 1920 г. все отряды рабочего класса и все районы страны, руководители профсоюзов вынуждены были пойти на пересмотр своей программы, чтобы придать ей более революционную окраску. Летом 1920 г. началась разработка давно обещанной рабочим «программы социализации». Это должно было служить средством успокоения рабочих, создания у них иллюзии, что Чехословацкое объединение профсоюзов выступает за реализацию самого главного требования рабочих того периода. Несомненно, подобные маневры в значительной степени помогали социал-реформистам Чехословакии дезориентировать широкую массу членов профсоюзов. Этому способствовал и ряд других факторов, прежде всего то, что «марксистская левая», недооценив роль и значение профсоюзов в классовой борьбе пролетариата, не вела настойчивой работы по разоблачению маневрирования правых вождей профсоюзов. Более того, левые в этот момент не поняли истинной сущности требования «нейтральности» и, опасаясь обвинения в расколе профсоюзов, фактически ему подчинились. Лишь в ходе всеобщей политической забастовки 1920 г. стал ясен истинный смысл провозглашенной правыми лидерами «нейтральности» профсоюзов. Центральный совет Чехословацкого объединения профсоюзов уже в день объявления забастовки под предлогом примирения правых и левых социал-демократов призвал рабочих прекратить борьбу. Аналогичную политику саботажа проводила и немецкая Профсоюзная комиссия.

Декабрьское выступление рабочего класса, явившееся кульминационным пунктом в истории послевоенного революционного подъема в Чехословакии, потерпело поражение. Но опыт декабрьских боев имел большое значение для судеб рабочего движения в Чехословацкой республике. Всеобщая политическая забастовка, вскрыв слабости левых социал-демократов, показала жизненную необходимость создания революционной партии нового типа и наличие в стране всех условий для ее возникновения.

В истории профсоюзного движения значение декабрьской забастовки заключалось в том, что она наглядно продемонстрировала, что нет и не может быть «нейтральности» профсоюзов в борьбе двух направлений, революционного и оппортунистического, и что те, кто провозглашают теорию «нейтрализма», на деле являются сторонниками социал-реформистов.

Таким образом, в годы послевоенного революционного подъема в профсоюзном движении Чехословакии особенно сильно проявилось противоречие между новым характером профсоюзов, превратившихся благодаря массовому вступлению в них революционно настроенных рабочих в самые широкие пролетарские организации, и социал-реформистским руководством, проводником буржуазного влияния на рабочие массы, которое под лозунгом «нейтралитета» профсоюзов стремилось отвлечь рабочих от классовой борьбы. Разрешить это противоречие можно было только путем завоевания представителями революционного направления большинства профсоюзов на свою сторону и изгнания социал-реформистов из руководства.

К этому времени в мировом профсоюзном движении уже ясно выкри-

inslav

сталлизовались силы, вступившие в борьбу против соглашательской политики Амстердамского Интернационала. Исполнительный комитет III Интернационала взял на себя инициативу созыва совещания революционных представителей профсоюзного движения. Результатом этого совещания (вернее, целой серии совещаний) было создание в Москве 15 июля 1920 г. Международного Совета красных профессиональных и производственных союзов. Он представлял около 9 млн. рабочих, объединенных во Всеобщей конфедерации труда Италии, в социалистических союзах Болгарии, конфедерации труда Болгарии, Национальной конфедерации труда Испании, революционном меньшинстве Всеобщей конфедерации труда Франции, во Всероссийском Центральном Совете профессиональных союзов и профсоюзах некоторых других стран. В Декларации Международного Совета профессиональных и производственных союзов указывалось, что «Амстердамская Международная федерация профессиональных союзов (Амстердамский Интернационал.— *Г. М.*) не способна по своей программе и по своей тактике... обеспечить победу пролетарских масс»[22–23], что «так называемые социальные формы, как, например, сокращение рабочего дня, повышение заработной платы, регулирование условий труда и т. д., хотя и облегчают при известных обстоятельствах борьбу классов, но сами по себе бессильны разрешить социальный вопрос»...[24]

Обязанность революционных элементов Международный Совет профессиональных и производственных союзов видел в изгнании из союзов «оппортунистов, сотрудничавших и сотрудничающих теперь с буржуазией... и продолжающих служить интересам капиталистического империализма»[25]. В ответ на провозглашение социал-оппортунистами нейтральности профсоюзов Международный Совет профессиональных и производственных союзов в своей Декларации заявил, что он будет работать бок о бок с политической организацией интернационального коммунистического пролетариата, т. е. открыто признал себя сторонником Коммунистического Интернационала.

II Конгресс Коммунистического Интернационала, состоявшийся в июле — августе 1920 г., принял специальную резолюцию о работе коммунистов в профессиональных союзах, в которой подчеркивалось, что «коммунисты должны стремиться создать, по возможности, полное единство между профессиональными союзами и коммунистической партией, подчинить профессиональные союзы фактическому руководству партии, как авангарда рабочей революции»[26].

Огромное значение для правильного решения вопроса об отношении коммунистической партии к профсоюзам имела книга В. И. Ленина «Детская болезнь левизны в коммунизме», в которой на конкретном материале немецких, французских и английских профсоюзов было показано, почему коммунистам необходимо вести активную работу во всех профсоюзах.

В Чехословакии борьба революционного авангарда пролетариата за овладение профсоюзами развернулась в условиях начавшегося отлива революционной волны, последовавшего за поражением всеобщей политической забастовки в декабре 1920 г.

Спад экономической конъюнктуры в 1921 г., переросший затем в экономический кризис, в значительной степени способствовал ослаблению позиций трудящихся в этот период и позволил буржуазии при прямой

[22–23] «Отчет Международного Совета красных профессиональных и производственных союзов за период от 15 июля 1920 г. до 1 июля 1921 г.», М., 1921, стр. 21.
[24] Там же, стр. 20.
[25] Там же, стр. 21.
[26] «Коммунистический Интернационал в документах...», стр. 123.

inslav

поддержке государственного аппарата развернуть наступление на рабочий класс[27].

Если сравнить статистические данные о локаутах и стачках 1920 и 1921 гг., то можно проследить усиление нажима буржуазии на пролетариат и его упорное сопротивление этому нажиму. Согласно официальной статистике, в 1920 г. предприниматели провели 24 локаута, и в среднем каждый из них охватил около 150 чел. В 1921 г. количество локаутов, объявленных предпринимателями, возросло до 31, причем в среднем каждый из них охватывал 767 рабочих[28]. В забастовочном движении 1921 г. (по сравнению с 1920 г.) наблюдался некоторый спад. Число забастовок сократилось с 590 до 424, а количество участников в них уменьшилось с 491 805 чел. до 183 709[29]. Однако стачки стали носить более упорный и затяжной характер. Так, если в 1920 г. каждый стачечник в среднем участвовал в стачке в течение 4 дней, то в 1921 г. продолжительность его участия возросла до 10 дней[30].

Официальная статистика показывает необычайно высокий процент стачек, во время которых бастующие выдвигали требование повышения заработной платы. Из 277 стачек, причиной возникновения которых были вопросы, связанные с урегулированием заработной платы, в 208 рабочие требовали ее повышения[31].

Однако все наиболее крупные забастовки 1921 г. были, как правило, ответом рабочих на попытки предпринимателей пересмотреть коллективные договоры, ухудшить условия труда, сократить рабочую неделю, снизить заработную плату, ограничить или совсем ликвидировать права рабочих уполномоченных на предприятиях. К подобного рода выступлениям относятся стачка рабочих машиностроителей Чехии, охватившая в мае 1921 г. около 30 тыс. чел.[32], однодневная стачка 45 тыс. шахтеров Остравской области в декабре 1921 г.[33] и другие. Попытки снизить заработную плату рабочим наблюдались в стекольной, кожевенной и бумажной промышленности. В течение 1921 г. количество стачек, в которых пролетариат потерпел поражение, по сравнению с 1920 г. увеличилось более чем в два раза[34].

В общем можно сказать, что в 1921 г. борьба чехословацкого пролетариата начинает все больше приобретать оборонительный характер, реже выдвигаются политические требования. Пересмотр предпринимателями коллективных договоров в течение 1921 г. под предлогом стабилизации заработной платы, провозглашенной правительством, заставил рабочих перенести тяжесть борьбы на защиту своих экономических интересов.

Предприниматели в своем наступлении на пролетариат нередко пытались противопоставить одни отряды рабочего класса другим. Используя чисто профессиональный принцип построения профсоюзов, они прибегали к противопоставлению рабочих различных специальностей в пределах одного завода, фирмы, отрасли. Обычно локаут распространялся только

[27] В августе 1921 г. был одобрен парламентом так называемый закон против террора, который ограничивал право рабочих на стачку. За ним последовал закон о заводских комитетах, который оставлял за последними право заниматься только экономическими, социальными и культурными вопросами и лишил их политических функций.

[28] Подсчитано на основе «Statistická příručka republiky Československé», d. IV. Praha, 1932, s. 337.

[29] Подсчитано на основе «Statistiká příručka...», d. IV, s. 337, Archiv Ústavu Dějin KSČ (далее — AÚD KSČ) IX/1—1/260, s. 100.

[30] AÚD KSČ. IX/1—1/260, s. 100.

[31] Там же, стр. 100.

[32] Там же, стр. 103.

[33] «Rudé právo», 7.XII 1921.

[34] Подсчитано на основе AÚD KSČ. IX/I—1/260, s. 100 и материалов ст.: А. Х. Клеванский. Великая Октябрьская социалистическая революция и революционный подъем в Чехословакии (1918—1920 гг.).— «Из истории Великой Октябрьской социалистической революции». М., 1957, стр. 226.

inslav

на рабочих определенной профессии, как это было сделано в мае 1921 г., когда были локаутированы столяры всех пражских заводов[35]; или касался части, причем, как правило, меньшей части рабочих, занятых на одном заводе[36]; или просто после продолжительного локаута делалась попытка заключить договор с рабочими какой-нибудь одной специальности. Например, во время локаута рабочих строительной промышленности в Праге в феврале 1921 г., предприниматели сделали попытку вступить в переговоры о прекращении локаута лишь с водопроводчиками.

Государственный аппарат оказывал широкую поддержку предпринимателям, используя как самые грубые формы вмешательства в конфликты, нередко кончавшиеся расстрелами рабочих, так и тонкие завуалированные маневры министерства социального попечения, находившегося в руках социал-демократов и выступавшего, как правило, в роли арбитра.

Не решаясь открыто поддерживать требование предпринимателей, министерство социального попечения охотно использовало все имеющиеся в его распоряжении средства, чтобы оказывать давление на рабочих и их представителей во время переговоров и заключения коллективных договоров. Например, во время локаута строителей в феврале 1921 г. оно пригрозило рабочим лишить их пособия по безработице, если они не будут достаточно уступчивы во время переговоров с предпринимателями[37].

Таким образом, в условиях экономического кризиса и наступления буржуазии на рабочий класс перед профессиональными союзами встала задача организовать оборонительную борьбу, противопоставить атакам капиталистов действия самых массовых рабочих организаций.

Однако первые же стачечные бои 1921 г. показали и неспособность, и нежелание правого руководства Чехословацкого объединения профсоюзов активно поддерживать борьбу рабочих против предпринимателей. Так, в феврале 1921 г. был объявлен локаут строительных рабочих Большой Праги, который открывал целую серию мероприятий буржуазии, призванных вынудить рабочих согласиться на снижение заработной платы, сокращение рабочей недели, отмену коллективных договоров и т. д. На заседании расширенного президиума Чехословацкого объединения профсоюзов, где обсуждался вопрос о локауте в строительстве, Таэрле (секретарь ЧОП) внес следующую резолюцию: «Президиум Чехословацкого объединения профсоюзов, обсудив вопрос о локауте в строительстве, заявляет о своей солидарности с подвергнутыми локауту рабочими и осуждает наступление предпринимателей. Представительство убеждено, что бастующие и подвергнутые локауту рабочие устоят в борьбе, они могут надеяться на моральную и материальную поддержку остальных рабочих»[38]. Эта резолюция нашла поддержку и одобрение со стороны правых представителей руководства (Иоганис, Гампл, Углирж, Бурианек, Ксандр). Но против нее выступили более радикально настроенные члены президиума[39—40], и под их давлением в дополнение к резолюции было принято решение создать комитет, который будет заниматься исключительно этим локаутом.

Показательной была политика руководства Чехословацкого объединения профсоюзов и во время крупнейшей стачки 1921 г., охватившей 30 тыс.

---

[35] «Právo lidu», 5.VI 1921.

[36] Так, фирма Брайтфельд-Данек в сентябре 1921 г. провела сокращение рабочей недели на 25% в отдельных цехах. Это сокращение коснулось 260 рабочих, у остальных сохранилась полная рабочая неделя, поэтому возникший на этой почве конфликт предпринимателям удалось легко ликвидировать.

[37] AÚD KSČ, IX/1—1/260, s. 102.

[38] Archiv Ústředí Revolučních Odborů (Далее VOA ÚRO), OSČ 438. Zápis o schůze zastupitelstva Odborového sdružení Československého 11.II 1921.

[39—40] Палоушек заявил, что подобное решение не поможет и необходимо перейти к действиям.

inslav

машиностроителей. Поводом к выступлению рабочих послужило сокращение рабочей недели на машиностроительных заводах Праги до 32 часов и снижение расценок на 10% [41]. Стачка, начавшаяся 18 мая на трех пражских заводах, через четыре дня охватила 28 заводов, к 26 мая в ней участвовало 30 тыс. рабочих. За несколько дней до начала стачки машиностроителей на заседании президиума Чехословацкого объединения профсоюзов обсуждался вопрос о создавшемся положении в этой отрасли промышленности и о ходе переговоров рабочих с предпринимателями по поводу заработной платы. В резолюции, принятой на этом заседании, руководители ЧОП обещали в случае снижения заработной платы поддержать борьбу рабочих и выступить «единым фронтов против предпринимателей» [42].

Однако начавшаяся через шесть дней после принятия этой резолюции стачка показала неподготовленность профсоюзного центра к борьбе. Обращение Центрального Совета профсоюзов, в котором он призывал «рабочих всех отраслей к совместной обороне и действенной поддержке борьбы машиностроителей» [43–44], не получило должного отклика в других профсоюзных организациях и центрах. Помощь приняла форму сбора средств в пользу бастующих, в ряде мест были проведены митинги солидарности, но активных выступлений других отрядов рабочего класса в поддержку борющихся машиностроителей не было.

Таким образом, звонкие слова резолюции президиума ЧОП от 12 мая 1921 г. о готовности выступить против предпринимателей единым фронтом на деле оказались чистейшей демагогической фразой реформистских профсоюзных вождей.

Откровенно штрейкбрехерскую позицию заняли правые профсоюзные руководители во время стачки 16 тыс. сельскохозяйственных рабочих Словакии в апреле 1921 г., оставив без поддержки рабочих, вступивших в борьбу за заключение коллективного договора.

Подобная политика профсоюзных лидеров была на руку буржуазии, она позволяла предпринимателям, нанося удары по отдельным, не всегда активно поддерживающим друг друга отрядам рабочего класса, вести наступление на жизненный уровень трудящихся.

Чехословацкое объединение профсоюзов не имело четко разработанной программы помощи безработным. Состоявшаяся 3 марта 1921 г. конференция представителей 39 профсоюзов, объединенных в ЧОП, приняла весьма расплывчатую резолюцию, в которой говорилось, что «государство и общество обязаны защищаться от растущей безработицы не только приведенной в порядок системой оказания помощи безработным рабочим, но и гарантией возможности получить работу» [45]. Далее в резолюции содержалось требование, чтобы помощь по безработице была увеличена (правда, не сказано в какой степени) и выплачивалась во всей стране по единой системе. На практике, однако, руководители ЧОП не признали возникшего по инициативе масс Совета безработных, а секретарь ЧОП Таэрле на заседании президиума 8 апреля 1921 г. заявил: «Мы не можем участвовать в действиях Совета безработных, поскольку решающее слово там принадлежит неорганизованным рабочим» [46].

В 1918—1920 гг., когда пролетариат сравнительно легко одерживал победы над буржуазией республики, вынуждая ее идти на новые и но-

[41] «Právo lidu», 20.V 1921.
[42] VOA ÚRO. OSČ 438. Zápis o schuze zastupitelstva Odborového sdružení Československého 12.V 1921.
[43–44] «Právo lidu», 26.V 1921.
[45] «Právo lidu», 6.III.1921.
[46] VOA ÚRO. OSČ 438. Zápis o schůze zastupitelstva Odborového sdružení Československého, 8.IV 1921

inslav

вые уступки, профсоюзной бюрократии удавалось маневрировать и маскировать истинную сущность своей политики. С началом нового этапа в рабочем движении, с переходом от наступательных боев к обороне, правому руководству профсоюзов стало значительно труднее скрывать свою оппортунистическую политику и тактику. В этих условиях массы рабочих, хотя и очень медленно, начинают выходить из-под влияния правых вождей профсоюзов. Недовольство политикой профсоюзных лидеров проявилось в самых различных формах. В союзе химиков один из наиболее открытых социал-соглашателей Питак был отстранен от работы. В союзе рабочих обувной промышленности был поставлен вопрос о замене члена президиума ЧОП правого социал-демократа Иогаписа другим делегатом. Однако первый открытый удар по политике социал-соглашательства был нанесен на съезде самой большой организации Чехословацкого объединения профсоюзов — Союзу сельскохозяйственных рабочих. Правление этого союза состояло, за исключением трех человек, из правых социал-демократов[47]. Съезд решительно выступил против тактики, проводимой правлением союза, и восемьюстами голосами против одного принял резолюцию с требованием некомпромиссной классовой борьбы против буржуазии. При выборах нового правления союза большинство получили левые социал-демократы.

Критика тактики правых лидеров прозвучала и на съезде союза рабочих торговли и транспорта в марте 1921 г.[48] На собрании местной профсоюзной комиссии в Высочанах, состоявшемся 3 апреля 1921 г. при участии заводских уполномоченных, была принята резолюция, направленная против нейтралитета профсоюзов. Собрание высказалось за единый профсоюзный фронт. «Так называемый нейтралитет,— указывалось в резолюции,— часто свидетельствует о равнодушии к борьбе рабочих»[49].

В Словакии, где левая оппозиция в профсоюзах была сильнее, возник профсоюзный Совет Братиславы, выступавший за проведение в жизнь принципов III Интернационала[50].

Появление самостоятельных профсоюзных органов, противопоставляющих себя органам ЧОП, с одной стороны, свидетельствовало о стихийном стремлении освободиться из-под влияния социал-соглашателей, а с другой стороны, являлось реакцией части рабочих на недооценку левыми социал-демократами значения работы в профсоюзах[51].

Формирование правильного отношения представителей революционного направления в чехословацком рабочем движении к профсоюзам было теснейшим образом связано с обсуждением 21 условия приема в Коминтерн и подготовкой Учредительного съезда Коммунистической партии Чехословакии. В конце апреля 1921 г. «Руде право» писала, что будущая Коммунистическая партия Чехословакии будет бороться на двух фронтах: против буржуазии и против социал-патриотизма (правых социал-демократов и национальных социалистов). В этой борьбе главное внимание предстоит уделить профсоюзным организациям и революционизированию их в духе коммунизма[52]. На состоявшемся в мае 1921 г. Учредительном съезде КПЧ взгляды молодой партии по вопросу о профсоюзах получили более четкую формулировку в докладе

[47] «Бюллетень II Конгресса Красного Интернационала профсоюзов в Москве 19 ноября — 2 декабря 1922 г.», стр. 46.

[48] VOA ÚRO. OSČ 438. Zpráva ke schůze Odboroveho zastupitelstva, 8 dubna 1921.

[49] Archiv kanceláře presidenta republiky (далее Archiv KPR). Politická zpráva situační z Čech od 3.IV do 9.IV 1921.

[50] VOA ÚRO OSČ 438. Zpráva ke schůze Odborového zastupitelstva, 8.IV 1921.

[51] Так, «Rudé právo» от 6 марта 1921 г. писала, что профсозные организации должны остаться в стороне от споров, происходящих в партии.

[52] Archiv KPR. Politická zpráva situační z Čech za dobu od 24.IV do 30.IV 1921.

instav

Б. Шмераля. «Суть нашей точки зрения на профсоюзы,— говорил он,— можно выразить словами: ни в коем случае не раскалывать, а привносить в них идеи классовой борьбы» [53].

Огромное значение в выработке правильной оценки значения профсоюзного движения и тактики коммунистических партий в профсоюзах имел собравшийся в июне 1921 г. III Конгресс Коммунистического Интернационала. Определив начало 20-х годов как переходный период, когда темп развития революционного движения стал замедляться, III Конгресс сформулировал главную задачу момента, указав, что она заключается в завоевании на сторону коммунистических партий большинства пролетариата и прежде всего большинства рабочих, организованных в профсоюзы.

В воззвании III Конгресса Коминтерна от 13 июля 1921 г. говорилось: «Победа над мировым капиталом, путь к победе над ним лежит через завоевание умов большинства рабочего класса. III Конгресс Коммунистического Интернационала призывает коммунистические партии всех стран и коммунистов, работающих в профсоюзах, направить все свои усилия, всю свою энергию к тому, чтобы освободить широкие рабочие массы от влияния социал-демократических партий и предательской бюрократии профсоюзов. Необходимо доказать широким рабочим массам, что одни коммунисты борются за облегчение их положения, что социал-демократия и реакционная бюрократия профсоюзов согласны скорее дать рабочим умереть с голоду, чем вступить в борьбу. Мы должны бить и разбить предателей пролетариата, агентов буржуазии не на почве теоретических споров о демократии и диктатуре, а на почве вопроса о хлебе, о заработной плате, о рабочей одежде и рабочих жилищах. И первым важнейшим полем битвы, на котором необходимо победить, является область профессионального движения, борьба против желтого Амстердамского Интернационала профсоюзов» [54].

Задача коммунистов в продвижении, указывалось в решении III Конгресса, состоит не в том, чтобы уйти из старых профессиональных союзов, а в том, чтобы революционизировать профессиональные союзы, изгнать из них дух реформизма и реформистских вождей и превратить их в действительный оплот революционного пролетариата.

III Конгресс Коминтерна отметил, что «Коммунистическая партия Чехословакии имеет за собой большинство рабочего класса, но профессиональное движение в большей своей части продолжает оставаться в руках социал-патриотов и центристов и сверх того раздроблено на национальные части. Это является результатом несовершенной организации и неясной позиции. Партия должна сделать все для того, чтобы положить конец такому положению вещей и приобрести руководство всем профессиональным движением. Для этого совершенно необходимо образование ячеек и общего для всех национальностей коммунистического центрального органа профессиональных союзов. Надлежит энергично добиваться объединения отдельных политических раздробленных союзов» [55].

Таким образом, III Конгресс Коммунистического Интернационала, определив роль и место профессиональных союзов в конкретно исторических условиях отлива революционной волны, мобилизовал силы коммунистических партий на борьбу за овладение профессиональным движением, за превращение профсоюзов в организации действительно пролетарские, как по задачам, так и по методам борьбы.

---

[53] «Studijní materíaly k dějinam komunistické strany Československa v letech 1921—1924», Praha, 1959, s. 36.

[54] «Коммунистический Интернационал в документах...», стр. 295.

[55] Там же, стр. 235.

inslav

Важным фактором в деле концентрации революционных сил в профсоюзном движении и завоевании коммунистами профсоюзов на свою сторону было создание в июле 1921 г. Красного Интернационала профсоюзов. Складывающаяся в чехословацких профсоюзах революционная оппозиция получила ясную цель и программу деятельности.

Образование Коммунистической партии Чехословакии, III Конгресс Коминтерна, создание Красного Интернационала профсоюзов и конкретная разработка тактики коммунистов в профсоюзах усилили процесс дифференциации революционных сил в чехословацком профсоюзном движении, способствовали освобождению рабочих масс от идей соглашательства, сотрудничества с господствующими классами. Уже в июле 1921 г. делегация КПЧ на III Конгрессе Коминтерна обратилась к пролетариату Чехословакии с призывом вести в профсоюзах коммунистическую пропаганду. «В рамках наших сегодняшних профсоюзов,— говорилось в обращении,— при сохранении единства необходимо будет развернуть живую коммунистическую пропаганду. Как Коммунистическая партия присоединилась к III Интернационалу, так и профсоюзные организации чехословацких рабочих должны быть оторваны от Амстердама и присоединиться к Москве, к Красному Интернационалу»[56].

Таким образом, основное направление деятельности чехословацких коммунистов в профсоюзах сводилось к тому, чтобы и здесь применить ту же тактику, которая успешно применялась при завоевании партии.

Прошедшие летом и осенью профсоюзные конференции различных областей страны показали все возрастающее влияние коммунистов в профсоюзах[57]. Состоявшаяся в июле 1921 г. общепрофсоюзная конференция в Остраве ярко свидетельствовала об усилении позиции КПЧ в этом районе: из 397 делегатов конференции лишь $^1/_3$ была сторонниками правых социал-демократов[58].

Общепрофсоюзная конференция в Иглаве, состоявшаяся 14 августа 1921 г., приняла резолюцию, направленную против соглашательской политики руководства. «По нашему мнению,— говорилось в ней,— профсоюзные организации были созданы затем, чтобы заменить капиталистические порядки порядками социалистическими. Мы решительно отвергаем стремление и попытки вождей Амстердамского Интернационала отвлечь профсоюзы от их исторических задач и вовлечь профсоюзное движение в лоно реформизма»[59]. На этой же конференции выдвигалось требование созыва съезда профсоюзов, который определил бы дальнейшее направление развития.

Еще более определенной и конкретной была критика правого руководства на конференции профсоюзов Моравии в Брно, состоявшаяся 17—18 сентября 1921 г. В резолюции этой конференции отмечалось: «Делегаты, обсудив тактику профсоюзов и... общее наступление организаций предпринимателей в Чехословакии и других государствах на позиции пролетариата, пришли к выводу, что современные методы борьбы профсоюзов просто недостаточны для настоящей защиты интересов трудящихся классов и поэтому заявляют: ...трудящиеся потеряли веру в частичную борьбу отдельных профсоюзов и, исходя из опыта крупных стачек и локаутов, проведенных у нас и за границей, все свои надежды возлагают на общую оборону против коварных планов международных организаций предпринимателей. Пролетариат пришел к убеждению, что

[56] «Rudé právo», 17.XI 1921.

[57] К сожалению, мы не располагаем документами, которые бы характеризовали работу коммунистов на местах, в низовых профсоюзных организациях.

[58] «Rudé právo», 16.VII 1921

[59] «Rudé právo», 20.VIII 1921.

inslav

в ближайшее время необходимо переориентировать наше чехословацкое профсоюзное движение в духе радикальных методов, выдвинутых Московским Интернационалом, которые более пригодны, чем современные методы нашего профсоюзного движения, не только для защиты интересов пролетариата, но и свержения частнокапиталистических порядков»[60].

В резолюции о новых формах профсоюзных организаций, принятой на той же конференции, прямо указывалось, что методы стачечной борьбы не отвечают требованиям сегодняшнего дня[61]. Почти аналогичная резолюция протеста против методов проведения руководством профсоюзов стачечной борьбы была принята на конференции уполномоченных предприятий, представителей заводских советов и профсоюзных функционеров Остравского бассейна, состоявшейся в Орлове 3—5 сентября 1921 г.

Эти резолюции отражали разочарование определенной части рабочих в политике реформистского руководства профсоюзов. Поэтому не случайно агитация коммунистов за новые методы борьбы, за новую ориентацию профсоюзов находила все более широкий отклик в рядах рабочего класса. На земской общепрофсоюзной конференции Словакии, состоявшейся 9 октября 1921 г. в Ружомберке, все 58 делегатов, представлявшие 201 тыс. членов профсоюзов, высказались «за линию Московского Интернационала»[62]. В сентябре 1921 г. рядом местных организаций были внесены предложения о присоединении Союза к Красному Интернационалу профсоюзов. Съезд, обсудив эти предложения, принял резолюцию, одобрявшую принципы и тактику Профинтерна.

Осенью 1921 г. в центре внимания профсоюзной общественности был вопрос о созыве общепрофсоюзного съезда ЧОП, который рассмотрел бы проблемы дальнейшего развития профсоюзного движения в стране, его тактику и международные связи.

Газета «Руде право» публикует в этот период массу постановлений, резолюций различных рабочих профсоюзных собраний с требованием созыва съезда. В конце октября руководство ЧОП сообщило, что VII общепрофсоюзный съезд будет созван в январе 1922 г.

К концу 1921 г. коммунистам удалось повести за собой ряд союзов, входивших в ЧОП, в том числе такие, как союзы химиков, сельскохозяйственных рабочих, строителей, за коммунистами также шел ряд местных организаций других профсоюзов. В тех же союзах, где правым удалось сохранить за собой большинство, имелась сильная левая оппозиция. Например, в союзе шахтеров, съезд которого состоялся в октябре 1921 г., силы распределялись следующим образом: за коммунистами шли шахтеры Кладно, за правыми — рабочие Пльзеньского угольного бассейна. Северочешский и Остравский бассейны были наполовину представлены на съезде сторонниками коммунистов. Представители польских рабочих голосовали вместе с кладненцами. Правым удалось одержать победу лишь очень незначительным большинством голосов (91 против 84)[63]. Сильная революционная оппозиция имелась также в союзе рабочих металлургической промышленности, в союзе текстильщиков, в Унии рабочих железнодорожного транспорта и др.

Таким образом, в Чехословакии создались благоприятные условия для переориентации крупнейшего профсоюзного центра и перехода его от политики соглашательства с буржуазией к политике последовательной классовой борьбы.

---

[60] «Rudé právo», 20.IX 1921.
[61] Там же.
[62] V. Mencl. Předpoklady a počátky boju KSČ..., s. 229.
[63] «Rudé právo», 4.XI 1921.

inslav

Однако благоприятные условия и возможности не были полностью использованы молодой коммунистической партией, в которой к этому времени стала складываться «ультралевая» оппозиция. «Ультралевые» нанесли большой ущерб в целом правильной тактике чехословацких коммунистов в профсоюзном вопросе. Выступая против тактики единого фронта и работы коммунистов в социал-демократических профсоюзах, они требовали создания новых самостоятельных профсоюзных организаций. Уже летом 1921 г. в ряде газет публиковались призывы к выходу из социал-демократических профсоюзов [64]. В местных организациях сторонники «ультралевых» призывали не платить членские взносы в кассу ЧОП [65]. В ряде случаев были предприняты попытки создать свои профсоюзные органы в противовес уже существующим. Особенно сильны были сектантские настроения в Словакии и ее крупнейшем профессиональном союзе сельскохозяйственных рабочих, который с мартовского съезда 1921 г. возглавил Болен, один из активных деятелей ультралевой оппозиции.

Правые профсоюзные лидеры и руководство социал-демократической партии, используя сектантские ошибки «ультралевых», повели борьбу против коммунистов и революционно настроенных членов профсоюзов, выдавая себя за сторонников единства и нейтралитета профессионального движения. К октябрю 1921 г. исключение коммунистов приняло такие масштабы, что президиум ЧОП вынужден был рассмотреть вопрос об этом на одном из своих заседаний. Президиум отказался дать согласие на вступление ранее исключенных за принадлежность к Коммунистической партии в те союзы, которые согласятся их принять [66]. Отказ принимать исключенных в другие союзы фактически означал одобрение центральным органом ЧОП изгнания коммунистов из профсоюзов. В ноябре 1921 г. разыгрались события, которые по сути дела привели к исключению целого союза (причем самого крупного) — союза сельскохозяйственных рабочих из ЧОП. После мартовского съезда, когда соглашательские элементы в союзе сельскохозяйственных рабочих фактически остались в изоляции, они вышли из союза и, собрав конференцию, создали свой союз во главе с Халупой. Социал-демократическая партия взяла этот вновь созданный союз под свою опеку [67]. Фактически теперь существовали два союза сельскохозяйственных рабочих. Болен, ставший во главе старого союза, повел линию на откол организации от ЧОП и прекратил сдачу членских взносов. Руководство ЧОП использовало это обстоятельство и выдвинуло требование, чтобы право участия в общепрофсоюзном съезде получили лишь союзы, имеющие задолженность по уплате взносов не более чем за 3 месяца. Число делегатов от каждого союза устанавливалось в соответствии с суммой взносов, заплаченных в третьем квартале 1921 г. [68]

Такое решение лишало союз сельскохозяйственных рабочих права на участие в съезде. В дискуссии, развернувшейся на заседании президиума 24 ноября 1921 г., сторонники правых поставили вопрос о том, чтобы вместо союза сельскохозяйственных рабочих, возглавляемого Боленом, в ЧОП был принят союз Халупы, который к тому времени показал себя, как организация штрейкбрехеров [69]. После дискуссии было

[64] См. «Бюллетень I конгресса революционных профессиональных и производственных союзов», № 9, М., 1921, стр. 6.

[65] VOA ÚRO OSČ 438. Zápis o schůze Odborového zastupitelstva od. 9.VII 1921.

[66] VOA ÚRO OSČ 438. Zápis o schůze Odborového zastupitelstva od. 13.X 1921.

[67] Такой же псевдосоюз был создан в 1921 г. под руководством Питака как противовес союзу химиков, высказавшемуся за последовательную классовую борьбу.

[68] VOA ÚRO OSČ 438. Zápis o schůze Odborového zastupitelstva od 13.X 1921.

[69] Во время стачки 16 тысяч сельскохозяйственных рабочих Словакии в апреле 1921 г. союз, возглавляемый Халупой, занимался вербовкой штрейкбрехеров.

inslav

принято решение лишить союз права участия в съезде[70]. За это решение голосовало 17 членов президиума, против — 6[71].

Таким образом, левосектантская политика Болена в союзе сельскохозяйственных рабочих привела к тому, что еще до открытия съезда революционная оппозиция потеряла 113 677 голосов и 43 мандата[72].

Ультралевые элементы (Илек и его сторонники), оказавшиеся в Исполнительном комитете КПЧ, саботировали разработку политической линии компартии к предстоящему VII съезду Чехословацкого объединения профсоюзов, что неизбежно влекло за собой известную дезорганизацию рабочих. Лишь под давлением местных и краевых организаций КПЧ, которые требовали четких директив в связи с развернувшимися выборами делегатов, 5 января 1922 г. было созвано заседание расширенного Исполнительного комитета партии, где был поставлен вопрос о профсоюзах. Развернувшаяся на заседании дискуссия нанесла удар по сектантским взглядам группы Илека — Болена, стремившейся к отколу революционных профсоюзов. В принятой резолюции было записано, что коммунистические профсоюзные организации останутся в общих профсоюзах даже в том случае, если коммунисты на предстоящем съезде окажутся в меньшинстве[73].

Более детальную разработку вопрос об отношении Коммунистической партии Чехословакии к предстоящему профсоюзному съезду получил в листовке «Классовая борьба или классовое сотрудничество», являющейся важнейшим документом, раскрывающим тактику чехословацких коммунистов в профсоюзном движении.

«Целенаправленное наступление капиталистов на заработную плату рабочих, несоблюдение закона о 8-часовом рабочем дне, ограничение прав рабочих уполномоченных на предприятиях, отсутствие всякого прогресса в социальном законодательстве — такова обстановка, в которой собирается съезд»[74], — говорилось в листовке КПЧ. Коммунисты призывали рабочих сплотиться в единый пролетарский фронт, поскольку только таким образом можно было обеспечить успех борьбы против снижения зарплаты, за проведение социального страхования, за достаточную помощь в случае безработицы, за расширение прав рабочих и их уполномоченных на предприятиях.

«Опыт, полученный рабочими в последних крупных социальных боях в строительной, деревообрабатывающей, машиностроительной, угольной промышленности, во время стачки банковских служащих, — подчеркивалось в листовке, — открывает глаза рабочим.

...Существует только один путь спасения — путь классовой борьбы...»[75].

Коммунисты разоблачали измышления реформистских вождей, утверждавших, что буржуазия в своем наступлении не посмеет нарушить коллективные договоры. «...для реформистов коллективный договор — это цель, они стремятся их заключить на долгий период, предполагая, что подписание коллективного договора является порукой его исполнения... Необходимо, чтобы рабочие смотрели на коллективные договоры так же, как на них смотрят капиталисты. По сути дела — коллективный договор — это временное соглашение между неприятельскими сторонами,

---

[70] VOA. ÚRO OSČ 438. Zápis o schůze Odborového zastupitelstva od 24.XI 1921.
[71] Там же. Zpráva ústředního sekretariatu Odborového sdružení Československeho za listopad 1921.
[72] V. Mencl. Předpoklady a počátky boju KSČ..., s. 231.
[73] Там же, стр. 233—234.
[74] AÚD KSČ, IX/1—1—49.
[75] Там же.

inslav

причем обе стороны, никак это не скрывая, готовятся в наиболее благоприятный момент заключить новый коллективный договор»[76].

Коммунисты выступали не только против реформистского понимания коллективных договоров, но и против анархистских взглядов, отрицающих необходимость коллективных договоров. «Суть заключается не в переговорах с предпринимателями, не в самом коллективном договоре, а в том, во имя чего проводятся эти переговоры и как профсоюзные организации используют вооруженный мир для приготовлений к классовой борьбе»[77].

Один из важнейших разделов листовки был посвящен рассмотрению ближайших задач, стоящих перед профсоюзами. Проанализировав и разобрав в целом неправильную, построенную на соглашательстве тактику профсоюзов, авторы листовки особо подчеркивали недостатки структуры профсоюзов, которая приводила к тому, что политика отдельных союзов определялась их узко эгоистическими интересами, без учета, идет это на пользу всему рабочему движению или нет. «У нас нет единого руководства (поскольку ЧОП является всего лишь совещательным и статистическим органом), а в отдельных отраслях и на отдельных предприятиях, где бы должен быть единый союз, имеется несколько союзов, конкурирующих между собой»[78]. Исходя из этого, КПЧ считала необходимой перестройку профсоюзов по производственному принципу, объединение этих производственных союзов в единое целое, проведение объединения всех национальных профсоюзных организаций республики и, наконец, пересмотр взглядов на руководство социальной борьбой. «Каждый союз должен смотреть на социальную борьбу с точки зрения общего положения рабочего класса, а ни в коем случае не с точки зрения отдельного союза. Разные категории рабочих должны подчинить свои собственные интересы интересам всего рабочего класса»[79].

Таким образом, Коммунистическая партия Чехословакии, несмотря на огромный вред, нанесенный ее политике «ультралевой» оппозицией, пришла к общепрофсоюзному съезду с программой перестройки профсоюзных организаций с целью превращения их в действенное орудие борьбы рабочего класса против наступления капитала.

22 января 1922 г. открылся съезд Чехословацкого объединения профсоюзов. Критика руководства Чехословацкого объединения профсоюзов началась уже во время обсуждения первого пункта повестки дня — отчета Таэрле о деятельности ЧОП. Ряд делегатов обвинял руководство и секретаря Таэрле в отступлении от классовой пролетарской политики.

Центральным пунктом, вокруг которого разгорелась борьба на съезде, стал вопрос об Уставе Чехословацкого объединения профсоюзов, его организационных задачах и международных связях, поскольку здесь по сути дела решался вопрос, останется ли Чехословацкое объединение профсоюзов в Амстердамском Интернационале и пойдет дальше по пути реформизма и соглашательства с буржуазией, или оно присоединится к Красному Интернационалу Профсоюзов и, пересмотрев свою тактику, станет действительным орудием пролетариата в его борьбе.

Доклад Таэрле был посвящен обоснованию необходимости для Чехословацкого объединения профсоюзов оставаться в Амстердамском Интернационале. Коммунисты, выступая на съезде, доказывали необходимость перестройки союзов и присоединения ЧОП к Красному

---

[76] AÚD KSČ, IX, I/1—1—49.
[77] Там же.
[78] Там же.
[79] Там же.

inslav

Интернационалу Профсоюзов. «Сегодняшний съезд,— заявил делегат Стары из Оломоуц,— должен решить вопрос о будущей тактике профсоюзных организаций. Если мы проанализируем последние бои и выступления капиталистов, которые угрожают в нынешних условиях профсоюзным организациям, необходимо будет задуматься и поставить вопрос: почему так происходит? Капитализм понял, что Амстердамский Интернационал при нынешнем руководстве не является противником, готовым к решительной борьбе. Он является тем неприятелем, который грозит ему (капитализму.— *Г. М.*) пальцем в кармане. Может ли пролетариат завоевать победу, оставясь и дальше в этом Интернационале при наличии нынешнего руководства в нем?.. Необходимо из небольших союзов и крупных союзов создать союзы промышленные, производственные, из которых в будущем возникнет один единый союз... Исходя из этого, союз химиков, строителей и рабочих кирпичных заводов предлагает проект перестройки профсоюзного движения в Чехословацкой республике» [80].

Обсуждение третьего пункта повестки дня — «Задачи профсоюзных организаций в экономической борьбе» — фактически превратилось в продолжение дебатов по вопросу о тактике ЧОП и его международных связях. В прениях по этому пункту опять и опять ставился вопрос, по какому пути идти.

Коммунисты в своих выступлениях доказывали необходимость перестройки всей структуры профсоюзных организаций, которая не только не способствовала объединению пролетариата, а, наоборот, дробила, разъединяла его силы. «Сегодняшнее положение, когда в профсоюзном объединении представлены 54 или 53 союза, не отвечает задачам и потребностям трудящихся масс,— говорил один из делегатов съезда.— На каждом заводе представлено 10 и более союзов, в результате чего даже на короткий срок нельзя достигнуть соглашения, поскольку член каждого союза ждет прежде всего разрешения своего собственного центра и только тогда дает согласие на выступление...» [81].

В ходе прений Центральным союзом рабочих строителей и Промышленным советом г. Брно были предложены проекты резолюций о выходе Чехословацкого объединения профсоюзов из Амстердамского Интернационала и вступлении в Красный Интернационал Профсоюзов. Центральный Совет Чехословацкого объединения профсоюзов внес проект, подтверждающий верность ЧОП Амстердамскому Интернационалу, провозглашающий принцип беспартийности профсоюзных организаций и осуждающий создание Красного Интернационала Профсоюзов.

При голосовании за проект резолюции Центрального Совета Чехословацкого объединения профсоюзов было подано 338 477 голосов, за проект резолюции Центрального союза рабочих строителей 222 027 голосов [82].

За Красный Интернационал Профсоюзов голосовали представители союза рабочих керамической промышленности, профсоюзов строителей кузнецов, транспортных рабочих и некоторые другие. Вместе с ними выступила сильная революционная оппозиция в союзах шахтеров, текстильщиков и рабочих кожевенной промышленности.

Опорой реформистов на съезде стал союз рабочих металлообрабатывающей промышленности. К нему присоединились профсоюзы, объединяющие или наиболее привилегированные слои рабочего класса [83] или представителей полуремесленного производства.

---

[80] «Protokol k VII sjezdu Odborového sdružení Československého, zapis o zasedaní ve dnech 22—26 ledna 1922», Praha, 1922, s. 37—38.

[81] Там же, стр. 53, 54.

[82] «Красный Интернационал Профсоюзов», № 3, М., 1922, стр. 226.

[83] К ним можно отнести профсоюзы типографов, переплетчиков, железнодорожников, надсмотрщиков в шахтах, союз служащих всех категорий и т. п.

inslav

Немалую роль при голосовании сыграл тот факт, что при выборах делегатов съезда руководство ЧОП, стремясь обеспечить себе большинство, нередко прибегало к нарушению демократии. Союз рабочих металлообрабатывающей промышленности, союз шахтеров, союз рабочих стекольной промышленности, Уния железнодорожных служащих и некоторые другие союзы были представлены на съезде главным образом секретарями союзов, редакторами газет и другими официальными лицами, которых никто не выбирал.

VII съездом ЧОП заканчивается первый этап борьбы коммунистов Чехословакии за революционизацию профсоюзов. На этом этапе КПЧ, используя растущее недовольство со стороны рядовых членов профессиональных союзов соглашательской политикой правых лидеров, стремилась изнутри завоевать на свою сторону большинство, изгнать социал-соглашателей из руководства и, не прибегая к расколу, перевести Чехословацкое объединение профсоюзов на позиции Красного Профинтерна. Но деятельность «ультралевых» сектантов во главе с Илеком и Боленом ослабила позиции сторонников Красного Интернационала Профсоюзов и способствовала победе реформистов на VII съезде ЧОП. Правым лидерам удалось, укрепив после съезда позиции в Центральном Совете [84], удержать под своим влиянием крупнейший профсоюзный центр страны.

Однако объективные условия классовой борьбы в стране в 1922 г. все настойчивее требовали покончить с политикой соглашательства, проводимой руководством ЧОП, и организовать действительную защиту интересов рабочих от наступающей буржуазии.

РАСКОЛЬНИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА СОЦИАЛ-РЕФОРМИСТСКОГО РУКОВОДСТВА ЧЕХОСЛОВАЦКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ПРОФСОЮЗОВ И БОРЬБА КПЧ ЗА ЕДИНСТВО ПРОФСОЮЗНОГО ДВИЖЕНИЯ

В 1922 г. капиталисты перешли от отдельных попыток снизить заработную плату (при общем курсе на стабилизацию зарплаты), как это было в 1921 г., к широкому наступлению на рабочий класс, добиваясь снижения зарплаты, сокращения рабочей недели для одних рабочих и введения сверхурочных работ для других уже не на отдельных предприятиях или группе предприятий, а в целых отраслях промышленности. В таких условиях стачечная борьба пролетариата начала приобретать новые характерные черты. Прежде всего число бастующих возрастает более чем в два раза, с 183 709 человек в 1921 г. до 437 719 человек в 1922 г [85] Следует особенно подчеркнуть, что этот рост идет за счет участников крупных стачек, охватывающих не отдельные заводы и фабрики, а группы предприятий и даже целые отрасли промышленности. Число стачечников, участвующих в таких забастовках, возросло с 135 742 человек в 1921 г. до 403 652 в 1922 г. [86] Наиболее крупными выступлениями рабочих 1922 г. были: стачка 135 тыс. шахтеров, стачки рабочих-химиков, 25 тысяч рабочих стекольной промышленности [87], текстильщиков, продолжавшаяся более 30 недель, забастовка сельскохозяйственных рабочих, и, наконец, рабочих металлообрабатывающих заводов, охватившая 50 предприятий с 23 729 рабочими.

Уже первые столкновения пролетариата и буржуазии в 1922 г. показали, что реформистское руководство Чехословацкого объединения профсоюзов по-прежнему шло по линии проведения частичных стачек в отдельных отраслях промышленности. В этом отношении очень

[84] Здесь социал-демократы захватили 11 мест из 15.
[85] AÚD KSČ, IX/1—1/260, s. 100.
[86] Там же.
[87] Archiv K. P. R. Politická zpráva situační z Čech od 12—18.III 1921.

inslav

показательна была их политика во время стачки 135 тыс. шахтеров в феврале 1922 г. Эта стачка была вызвана грубым нажимом предпринимателей, добивавшихся снижения заработной платы. Коммунистическая партия издала обращение к пролетариату республики для того, чтобы поднять на защиту интересов шахтеров все отряды рабочего класса. ЦК КПЧ призывал поддержать борьбу шахтеров и выдвинуть требования конфискации шахт, против сокращения объема производства, локаутов, снижения зарплаты государственным служащим и шахтерам, и гарантировать права рабочих уполномоченных на предприятиях. Как минимальные были выдвинуты требования сохранить зарплату шахтеров на существующем уровне и оплатить дни стачки. Коммунистическая партия одновременно обратилась с призывом к социалистическим партиям вести совместную борьбу [88].

Но социал-реформисты из руководства ЧОП по существу игнорировали призыв Коммунистической партии. Демагогически рассуждая о справедливости оборонительной борьбы шахтеров, они в то же время, обращаясь к рабочим, писали: «Сохраняйте спокойствие, не участвуйте ни в каких стачках, которые будут объявлены для поддержки бастующих шахтеров без одобрения профсоюзного центра» [89].

Профсоюзный центр не предпринял никаких шагов для помощи бастующим, не сумев даже воспрепятствовать подвозу угля в районы, охваченные забастовкой. Естественно, что в условиях созданной социал-демократами изоляции стачка окончилась поражением рабочих, хотя объективно налицо были предпосылки для успешной защиты интересов шахтеров.

На фоне развернувшегося общего наступления капиталистов, когда только объединенными усилиями всех отрядов рабочего класса можно было действительно защитить его интересы, тактика изолированных боев, служившая социал-реформистам маскировкой их сотрудничества с буржуазией, вызывала все большее недовольство в рядах рабочих. Оно открыто прозвучало на мартовском съезде профсоюза рабочих керамической промышленности, представители которого еще раньше выступали в поддержку Красного Интернационала Профсоюзов, на съезде Центрального союза рабочих обувной промышленности, на конференции шахтеров Кладненского бассейна.

В этих условиях собралась I общегосударственная конференция Коммунистической партии Чехословакии, сыгравшая в истории партии чрезвычайно важную роль. Она нанесла решительный удар по «ультралевой» оппозиции, стремившейся оторвать партию от широких рабочих масс и превратить ее в узкую секту «чистых коммунистов».

В резолюции, принятой конференцией, указывалось, что главная задача работы коммунистов в профсоюзах заключается в том, чтобы вырвать широкие рабочие массы из-под влияния реформистских вождей и их вредной для рабочего класса тактики классового сотрудничества, направить профсоюзные организации на путь революционной классовой борьбы, на свержение капиталистических порядков и уничтожение эксплуатации человека человеком. Для этого необходимо создавать коммунистические фракции, как на предприятиях, так и в профсоюзных группах и других органах профсоюзного движения, независимо от того, находится ли этот союз под влиянием коммунистов или нет. Конференция специально подчеркнула, что без создания коммунистических фракций не может быть успешной работы по овладению профсоюзами.

---

[88] Archiv KPR. Politická zpráva situační z Čech od 29.I—4.II 1922, 5.II—11.II 1922.
[89] AUD KSČ, XI/1—1/260, s. 104.

inslav

«Попытки добровольно выйти из отдельных профессиональных союзов или отдельных профсоюзных центров, которые проявились у некоторой части наших коммунистов — членов профсоюзов,— отмечалось в резолюции,— вытекают как из недостаточного понимания современного положения, так и наших задач в рядах рабочего класса» [90].

Специальный пункт резолюции отмечал, что «возрастающее нежелание рабочих выполнять организационные обязанности и платить членские взносы должно быть устранено коммунистами и никогда не должно поддерживаться. Сторонник Красного Интернационала Профсоюзов должен знать, что такой малодушный уход из профсоюзных организаций по сути дела означает ослабление боевой силы рабочих и усиление позиций капиталистов. Недовольство рабочих должно быть направлено против современной тактики и реформистских вождей, и ни в коем случае нельзя допустить, чтобы рабочие уходили из профсоюзных организаций» [91].

Таким образом, I общегосударственная конференция Коммунистической партии Чехословакии, осудив левацкие ошибки, ведшие к отрыву авангарда пролетариата от широких рабочих масс, наметила правильные методы для завоевания профсоюзных масс на сторону КПЧ, положив в основу деятельности коммунистов борьбу за единство профессионального движения.

Развертывающаяся оборонительная борьба пролетариата в стране способствовала дальнейшему разоблачению социал-реформистов. В мае 1922 г. началась стачка рабочих металлообрабатывающих заводов. Поводом к ней послужила попытка предпринимателей снизить зарплату на 25—30%. В ответ 70% рабочих металлообрабатывающих заводов средней Чехии проголосовали за объявление стачки. Нажим рабочих на профсоюзное руководство с требованием единства действий был настолько силен, что оно вынуждено было объявить всеобщую однодневную стачку солидарности. «Профсоюзные центры: Чехословацкое объединение профсоюзов, Чешское рабочее общество и Профсоюзная комиссия в Либерце решили под давлением радикальных элементов, чтобы в районе Большой Праги была объявлена всеобщая стачка на 24 часа в знак солидарности всего рабочего класса с бастующими металлистами» [92], сообщалось в одном из полицейских донесений.

Но стачка окончилась поражением рабочих, их зарплата была снижена на 10%. Среди металлистов возникло недовольство политикой руководства. Союз, объединяющий 95% всех рабочих, занятых в металлообрабатывающей промышленности, был одним из наиболее сильных, и для членов этого союза было непонятно, как профессиональная организация, имеющая миллионные фонды, могла допустить снижение зарплаты. На собрании рабочих уполномоченных секретарю союза Гамплу были высказаны упреки в том, что он не защищал интересы рабочих [93]. В ответ на критику руководство союза применило открытый террор: за две недели только в Праге были распущены и исключены из союза 7 групп, насчитывающих 7 тыс. человек [94].

Поражение стачки металлистов имело последствия не только для ее участников. Предприниматели других отраслей промышленности также приступили к снижению заработной платы и пересмотру коллективных договоров. Это еще нагляднее показало рабочему классу необходимость единства действий. Недовольство соглашательством лидеров было

[90] «Studijní materialy k dějinam komunistické strany Československa...», s. 109.
[91] Там же, стр. 112—113.
[92] Archiv KPR. Politická zpráva situační z Čech od 14—20.VI 1922.
[93] AÚD KSČ, IX/1—1/489, s. 8.
[94] Там же.

inslav

настолько сильным, что социал-демократические руководители ЧОП и вожди чехословацких социалистов вынуждены были заговорить о необходимости новой стачечной стратегии. В те дни газета «Ческе слово» писала: «Необходимо, чтобы рабочие в своих организациях провели пересмотр нынешнего способа борьбы против капиталистов, поскольку последняя стачка доказывает, что борьба по принципу «кто дольше выдержит» уже недостаточна» [95].

Стремление рабочих покончить с политикой соглашательства, обрекающего их борьбу на неудачи, нашло свое яркое проявление на съезде союза рабочих деревообрабатывающей промышленности, который состоялся несколько дней спустя после окончания стачки металлистов (4—6 июня 1922 г.). «...IV съезд союза рабочих деревообрабатывающей промышленности Чехословацкой республики,— говорилось в принятой на съезде резолюции,— заявляет о своем согласии с Красным Интернационалом Профсоюзов... Съезд предлагает руководству союза в организационных рамках профсоюзного центра содействовать принятию методов и принципов Красного Интернационала Профсоюзов и тем самым создать гарантию победы рабочего класса» [96]. Эта резолюция была принята вместо расплывчатого, ни к чему не обязывающего проекта, предложенного представителем ЧОП.

В это же время на общем собрании союза рабочих табачных фабрик принимается резолюция о тактике и организационных вопросах, в которой прямо указывается, что средства и тактика, применяемые профсоюзами в защиту интересов рабочих, не отвечают изменившимся отношениям между классами после войны и что необходимо перейти к тактике общих действий, «поскольку в сегодняшней борьбе речь идет не об интересах рабочих той или иной отрасли, а об интересах всего рабочего класса в целом» [97].

Эти две резолюции стали предметом обсуждения президиума ЧОП на заседании 8 июня 1923 г. По предложению Гампла, секретаря союза металлистов, союз рабочих деревообрабатывающей промышленности был исключен из Чехословацкого объединения профсоюзов за то, что он принес якобы свои интересы в жертву интересам Коммунистической партии [98]. Таким образом, правые лидеры ЧОП, стремясь предотвратить растущее недовольство среди членов руководимого им профсоюзного объединения, встали на путь открытого раскола, исключая уже целые союзы, в которых у руководства оказались коммунисты.

В ответ на исключение союз рабочих деревообрабатывающей промышленности обратился 11 июня через «Руде право» ко всем рабочим с призывом сохранить единство союза и отвергнуть все попытки реформистов создать новую организацию — «унию деревообделочников» — союз типа штрейкбрехерских союзов Халупы и Питака.

13 июня 10 профессиональных союзов, входящих в ЧОП, подали Центральному Совету протест против исключения союза рабочих деревообрабатывающей промышленности, в котором писали: «Съезды являются наивысшими органами отдельных союзов, и если большинство делегатов, представляющих волю большинства членов, высказывается за определенные методы социальной борьбы, необходимо подобное решение лояльно выполнять и никоим образом нельзя выступать против этого решения... Расхождение во взглядах... не может быть препятствием для совместного движения вперед, и было бы весьма удивительно, если бы центральный орган профсоюзного движения, зная о существовании

[95] AÚD KSČ, IX/1—1/260, s. 106.
[96] AÚD KSČ, XI/1—1/331, s. 16.
[97] Там же.
[98] VOA ÚRO OSČ, 438. Zápis o schůze Odborového zastupitelstva od 8 června 1922.

inslav

обоих направлений, проявившихся на общепрофсоюзном съезде, сознательно хотел нарушить это единство и монолитность...» [99]. Далее в этом документе говорилось, что вопросы принятия или исключения отдельных союзов компетентен решать только общепрофсоюзный съезд. Протест подписали руководство профсоюзов химиков, строителей, рабочих керамической, кожевенной, обувной промышленности, транспорта и ряд других.

Таким образом, крупнейший профсоюзный центр Чехословакии к середине июня 1922 г. оказался накануне раскола. Коммунистам необходимо было сосредоточить все силы на борьбе за сохранение единства профдвижения. Огромную роль в мобилизации сил КПЧ на борьбу за единство профсоюзов сыграл II расширенный пленум ИККИ, состоявшийся в июне 1922 г., на котором детальному анализу был подвергнут вопрос о задачах Чехословацкой компартии, при этом большое внимание уделялось проблеме работы партии в профсоюзах. В решении, принятом II расширенным пленумом ИККИ, отмечалось, что формирование коммунистических фракций в профсоюзах Чехословакии еще только начинается. В решении подчеркивалось, что большой вред делу завоевания профсоюзов на сторону КПЧ нанесли «ультралевые» сектанты. «Партия должна всеми силами продолжать и усиливать коммунистическую работу в профессиональных союзах, везде формировать фракции, также и в тех профессиональных союзах, где уже имеется коммунистическое руководство, для того, чтобы усилить в них коммунистическое влияние, а в других завоевать большинство... В качестве директивы для коммунистических профессиональных союзов Чехословакии должно быть выдвинуто на передний план организационное слияние чешских и немецких профессиональных союзов» [100].

25 июня 1922 г. в Брно собрались представители революционной оппозиции в профсоюзном движении с целью обсудить последние события и наметить конкретные меры для восстановления нарушенного единства. В день открытия конференции в Брно «Руде право» опубликовала обращение исполкома КПЧ ко всем рабочим Чехословакии, организованным в профсоюзы. В этом документе исполком КПЧ писал, что Коммунистическая партия, проводя в жизнь тактику единого фронта, выступает против всех попыток раскола профсоюзных рабочих организаций. Особенно подчеркивалось то положение, что партия ни в коем случае не преследует цель создания самостоятельных коммунистических профсоюзных организаций. КПЧ стремится к созданию единого профсоюзного движения без деления по национальному признаку, очищенного от вредного социал-соглашательства, построенного на основе классового принципа. Компартия призвала участников конференции в Брно выступить против попыток раскола.

В работе конференции приняли участие представители 20 профсоюзов, 18 профсоюзных советов, 23 краевых профсоюзных центров и представитель главного центра Коммунистических профсоюзных фракций. Всего на конференции было 95 делегатов, помимо представителей исполкома КПЧ и редакций газет «Руде право», «Делницки деник», «Ровност» и др. [101]

Конференция потребовала отменить исключение союза рабочих деревообрабатывающей промышленности и принять обратно в ЧОП союз сельскохозяйственных рабочих; принять обратно в союзы все группы и отдельных лиц, исключенные из профсоюзов; дать гарантии членам

[99] AÚD KSČ, XI/1—1/331, s. 4—5.
[100] «Коммунистический Интернационал в документах...», стр. 282.
[101] «Zpráva Odborového sdružení Československého k VIII sjezdu všeodborovému za leta 1921—1925», Praha, 1926, s. 91.

inslav

профсоюзных организаций, что никто не будет исключаться за свое политическое убеждение; аннулировать обязательства, которые президиум ЧОП обязал подписать всех секретарей союзов [102]. Конференция потребовала также, чтобы созданные реформистами псевдосоюзы сельскохозяйственных рабочих, рабочих деревообрабатывающей промышленности, подсобных рабочих, рабочих обувной промышленности были объединены с теми союзами, в противовес которым они были созданы. Принцип «меньшинство подчиняется большинству» должен выполняться во всех случаях.

Конференция предложила созвать общепрофсоюзный съезд, на который делегаты выбирались бы общими собраниями членов союза, а не назначались президиумом [103]. Для ведения переговоров с президиумом Чехословацкого объединения профсоюзов был создан специальный комитет. Одновременно конференция решила временно, пока не будет решен вопрос о восстановлении единства, сосредоточить всех подвергнутых исключению в союзе химиков.

Для руководства революционной оппозицией в профсоюзах на конференции было решено создать агитационный комитет Красного Интернационала Профсоюзов в Чехословакии.

Таким образом, Брненская конференция сторонников Красного Профинтерна разработала конкретные требования, необходимые для восстановления расколотого реформистами единства профсоюзного движения. 2 июля 1922 г. во Врутках состоялся съезд профессиональных групп Словакии и Закарпатской Украины. Съезд решительно заявил о своей солидарности с резолюцией Брненской конференции. Решение Брненской конференции нашло широкий отклик среди рабочих. «Руде право» того периода публикует материалы, отражающие оценку рабочими последних событий в профсоюзах. 6 июля 1922 г. «Руде право» сообщает о краевой конференции профсоюзных организаций в Усти на Лабе, которая приняла резолюцию, одобряющую решение в Брно. «Сегодняшняя конференция,— говорилось в этой резолюции,— заявляет, что твердо стоит на точке зрения конференции в Брно и протестует против дальнейшего раскола профсоюзов. Мы сожалеем, что так называемые сторонники амстердамского направления не могут и не хотят объединиться с направлением Красного Интернационала Профсоюзов, которое, чем дальше, тем больше находит признание среди рабочих...» [104]. Аналогичная резолюция была принята на конференции в Таборе.

2 августа 1922 г. «Руде право» сообщает о собрании рабочих-металлистов в Простейове, на котором они выступили против раскольнической деятельности секретаря союза металлистов Гампла. «Наступление капиталистов,— отмечалось в резолюции этого собрания,— требует, чтобы рабочий класс был един и готов к отражению наступления. Это значит, что профсоюзные организации должны быть проникнуты боевой решимостью и солидарностью, которую должны проявить на практике объединением всех рабочих для общей обороны. Вместо этого мы видим, что ЧОП и союз металлистов исключают целые союзы и группы и тем самым раскалывают единство профсоюзных организаций, играя на руку капиталистам. Принцип пролетарской демократии нарушается из-за боязни, как бы действительно не создалось боевое един-

[102] Это обязательство было своего рода распиской, которую давал функционер, обязываясь «защищать единство профсоюзных организаций». Нарушением единства считалась пропаганда тактики и принципов Красного Интернационала Профсоюзов и тактических инструкций КПЧ, разработанных апрельской конференцией. Секретари, отказавшиеся подписать такой документ, освобождались от своих обязанностей.

[103] AÚD KSČ, XI/1—1/331, s. 7.

[104] «Rudé právo», 6.VII 1922.

inslav

ство... Мы требуем немедленно принять назад всех исключенных, чтобы восстановить единство профдвижения»[105]. Эти и подобные им резолюции свидетельствовали об ослаблении влияния реформистов в профдвижении. Коммунистической партии, положившей в основу своей политики сохранение единства профессионального движения и привнесения в него революционной тактики, удалось уже за первые семь месяцев, прошедшие со времени общепрофсоюзного съезда 1922 г., добиться значительных успехов: из шести съездов союзов, состоявшихся в этот период, четыре окончились победой революционного направления. В этих условиях реформистское руководство Чехословацкого объединения профсоюзов взяло курс на окончательный раскол профсоюзов. На предложения Брненской конференции о восстановлении единства президиум ЧОП ответил исключением союза химиков, которому было поставлено в вину нарушение организационной дисциплины. «Союз химиков,— говорилось в заявлении ЧОП по этому вопросу,— как центр всех профсоюзов принимает в свои ряды рабочих, которые к нему не принадлежат, тем самым он нарушает решение о масштабах полномочий союзов и вносит путаницу в профсоюзы...»[106] Кроме того, в вину союзу химиков было поставлено участие в Брненской конференции. Вслед за исключением химиков президиум ЧОП предпринял открытую демонстрацию против революционных союзов, включив в свои ряды несколько псевдосоюзов, созданных реформистами.

Такая политика лидеров Чехословацкого объединения профсоюзов свидетельствовала о нежелании вести какие-либо переговоры с революционным крылом. Все это вынудило сторонников последнего созвать 18 августа конференцию союзов и отдельных групп, стоящих на принципах Красного Интернационала Профсоюзов.

Поскольку все призывы к мирному разрешению спора в профсоюзном движении были отвергнуты Чехословацким объединением профсоюзов и тем самым все связи между бюрократией ЧОП и оппозицией были нарушены, конференция постановила прекратить уплату членских взносов и собрать в ближайшее время чрезвычайный профсоюзный съезд, который бы определил направление дальнейшего развития. Конференция предложила оппозиционным группам в реформистских союзах немедленно собрать конференции, обсудить создавшееся положение и всемерно сопротивляться исключению, прекращая уплату взносов, а в случае исключения немедленно присоединиться к соответствующей секции союза химиков.

В решении конференции говорилось, что Агитационный комитет Красного Интернационала Профсоюзов стоит на той точке зрения, что создание единого для рабочих всех отраслей промышленности и всех национальностей профессионального союза Чехословацкой республики будет тем шагом, который обеспечит готовность пролетариата Чехословакии отбить атаки капиталистов и помещиков.

Конференция высказалась за немедленную подготовку к созданию единого самостоятельного профсоюзного центра.

Предпринимая такой шаг, чехословацкие коммунисты действовали в соответствии с решением, принятым еще II Конгрессом Коминтерна, в котором говорилось:

«Ставя цель и существо профессиональных организаций выше их формы, коммунисты не должны в профессиональном движении останавливаться перед расколом профессиональных организаций, если отказ от раскола означал бы отказ от революционной работы в профессио-

[105] «Rudé právo», 2, 9.VIII 1922.
[106] AÚD KSČ. XI/1—1/331, s. 9.

inslav

нальных союзах, отказ от попытки сделать из них орудие революционной борьбы, отказ от организации наиболее эксплуатируемой части пролетариата. Но если даже такой раскол окажется необходимым, то он должен проводиться в жизнь тогда, когда коммунистам удастся беспрерывной борьбой против оппортунистических вождей и их тактики, живейшим участием в экономической борьбе убедить широкие массы рабочих, что раскол происходит не из-за непонятных им еще далеких целей революции, а из-за конкретных ближайших интересов рабочего класса в развитии его экономической борьбы» [107].

В чехословацком профсоюзном движении к концу 1922 г. создалось именно такое положение, когда террор, установленный реформистским руководством ЧОП, крайне затруднял, делал почти невозможной пропаганду революционных идей в профсоюзах, когда за согласие с тактикой Красного Интернационала Профсоюзов, тактикой компартии и Коминтерна исключению подвергались не только отдельные члены союзов или группы, но и целые организации, насчитывающие нередко несколько десятков тысяч рабочих. Эти рабочие по сути дела оставались за бортом профорганизации и лишались одного из важнейших видов оружия в борьбе с наступающей буржуазией. Коммунистическая партия Чехословакии не могла и не должна была допустить, чтобы из-за предательства реформистского руководства Чехословацкого объединения профсоюзов значительная часть чехословацкого рабочего класса была обезоружена, и тем самым была бы ослаблена борьба пролетариата в республике. Однако коммунисты никогда не отказывались от восстановления единства расколотых реформистами профсоюзных организаций. В письме Центральному Совету Чехословацкого объединения профсоюзов от 5 октября 1922 г., в котором извещалось о созыве съезда всех исключенных из ЧОП групп и союзов, говорилось: «Несмотря на то, что все шаги, которые мы предпринимали для ограничения раскола в рядах рабочих и обновления единства профсоюзного движения путем принятия обратно всех исключенных союзов, групп и отдельных лиц, были отвергнуты Чехословацким объединением профсоюзов и союзами к нему примыкающими, мы хотим, принимая во внимание всю важность этого вопроса, чтобы съезд, на котором профсоюзно-организованные рабочие будут представлены избранными депутатами, еще раз обсудил вопрос об обновлении единства профсоюзов в рамках Чехословацкого объединения профсоюзов» [108]. В письме сообщалось, что представители революционной оппозиции создадут специальную комиссию для переговоров с ЧОП, которые можно будет вести на основе решения Брненской конференции.

Руководство Чехословацкого объединения профсоюзов на это ответило, что союзы, которые примут участие в съезде, будут исключены.

Таким образом, этим ответом социал-демократические лидеры еще раз продемонстрировали нежелание предпринимать какие-либо шаги для восстановления единства профдвижения.

Съезд исключенных реформистами революционных профсоюзов и групп открылся 26 октября 1922 г. В нем принимали участие 200 делегатов, представлявших все национальности республики. Орган революционных союзов «Руды одборарж» писал накануне открытия съезда: «Съезд, который мы созвали, имеет одну цель: снова создать единство профсоюзного движения, объединить все классово сознательные профсоюзные организации для борьбы против наступления капиталистических классов» [109].

[107] «Коммунистический Интернационал в документах...», стр. 122.
[108] AÚD KSČ, XI/1—1/331, s. 13.
[109] «Rudé právo», 26.X 1922.

inslav

Однако с самого начала съезду пришлось изменить программу работы и вместо вопроса о восстановлении единства профдвижения поставить в повестку дня пункт о создании Единого межнационального общепрофессионального союза. Это было связано с тем, что руководители Чехословацкого объединения профсоюзов, и прежде всего его секретарь Таэрле, отказались вести какие-либо переговоры с созданной представителями революционной оппозиции комиссией. Исходя из анализа сложившейся обстановки, съезд единодушно высказался за создание самостоятельного профсоюзного центра. Это решение в конкретных условиях того времени было совершенно правильным.

Однако вопрос об организационной форме нового профсоюзного центра вызвал на съезде самую острую дискуссию. Исполком Профинтерна, говоря о необходимости создания самостоятельного профсоюзного объединения революционных союзов, писал в письме к съезду: «Обострение классовой борьбы требует напряжения и сосредоточения всех сил рабочего класса. Отдельные союзы и мелкие объединения беспомощны против мощных союзов предпринимателей, которые создали единый фронт. Централизованная единая организация, сосредоточивающая все силы рабочего класса в профсоюзах против наступления капитала на любом направлении — совершенно необходима. Мы должны прежде всего стремиться к созданию действительно промышленных союзов на основе заводских организаций. Все союзы должны быть прочно сомкнуты, а общепрофсоюзный центр не может быть, как это было до сих пор, регистрирующим органом, а должен быть действительно органом руководства. В условиях, в каких находится чехословацкое рабочее движение, необходимо стремиться к созданию централизованных промышленных союзов и действительно руководящего профсоюзного центра, иначе вы будете не в состоянии бороться против наступающего капитала» [110].

На съезде был выдвинут принцип создания единого большого союза. Сторонники этого принципа в качестве основного довода выдвигали положение об особых условиях, сложившихся в профсоюзном движении Чехословакии, о его чрезвычайной раздробленности (в стране существовало 465 профессиональных союзов [111], организованных по политическому, национальному и религиозному признаку), указывая, что стремление к единому союзу является своего рода здоровой реакцией против разобщенности, подрывающей силы рабочего класса.

Предложение о создании единого союза не находилось в противоречии с установками Профинтерна. Однако принятие такого принципа являлось перескакиванием через необходимый этап развития профессионального революционного движения, в ходе которого профсоюзы, построенные по производственному принципу, объединенные, с централизованным руководством, постепенно подойдут к необходимости создания единого союза. Попытка миновать этот этап создавала угрозу отхода отдельных революционных союзов от возникающего нового профсоюзного объединения. Представитель Исполкома Профинтерна на съезде подчеркивал необходимость достижения соглашения по организационному вопросу. Он указывал: «Ни одна организационная форма не является идеальной, и если отдельными выступающими высказывается несколько иной взгляд по вопросу «единый союз или промышленные союзы», нужно, чтобы было достигнуто соглашение. Красный Интернационал Профсоюзов предоставил товарищам в Чехословакии право

[110] «Rudé právo», 28.X 1922.
[111] AÚD KSČ, IX/1—1/260, s. 13.

inslav

выбора организационной формы, и меньшинство съезда должно подчиниться большинству» [112].

Подавляющее большинство делегатов высказалось за создание единого союза. Это решение не полностью отвечало тем задачам, которые стояли перед революционным авангардом пролетариата в конкретно-исторических условиях начала 20-х годов. Принцип единого большого союза, как показали дальнейшие события, заключал в себе опасность отрыва партии от широких масс и затруднял борьбу КПЧ за расширение своего влияния в рядах чехословацкого пролетариата.

Важнейшим документом съезда была резолюция «О задачах профессионального движения в экономической борьбе» [113], которая явилась своеобразной программой деятельности революционных профсоюзов в условиях охватившего страну экономического кризиса. Резолюция предлагала вести экономическую борьбу под лозунгом повышения зарплаты и улучшения условий труда; добиваться одинаковой оплаты женского и мужского труда; выдвигать требование увеличения помощи в случае безработицы, одновременно объясняя рабочим, что вопрос о ее ликвидации не может быть решен в рамках капиталистического общества.

В заключение резолюции говорилось, что члены революционных профсоюзов будут усиленно стремиться к созданию единого пролетарского фронта [114].

Таким образом, съезд исключенных социал-реформистами революционных союзов и групп, состоявшийся в октябре 1922 г., заложил основы самостоятельного профсоюзного центра, политика которого зиждилась на принципах последовательной классовой борьбы пролетариата. Создание этого самостоятельного революционного профсоюзного центра было обусловлено в первую очередь политикой репрессий и террора со стороны правых руководителей Чехословацкого объединения профсоюзов. Все документы Коммунистической партии Чехословакии, относящиеся к этому периоду, показывают, что партия упорно вела борьбу за сохранение единства в профсоюзном движении, за привнесение революционной классовой тактики в профсоюзы.

ОРГАНИЗАЦИОННОЕ ОФОРМЛЕНИЕ КРАСНЫХ ПРОФСОЮЗОВ В ЧЕХОСЛОВАКИИ

Организационным центром нового профсоюзного объединения, получившего название Межнациональный общепрофессиональный союз (МОС), стал союз химиков, в котором было уже несколько секций, объединявших исключенных ранее реформистами из ЧОП рабочих различных отраслей промышленности. К концу 1922 г. существовали секции химиков, металлистов, текстильщиков, шахтеров и рабочих стекольной промышленности. К МОС идейно примыкал и ряд союзов организационно остававшихся самостоятельными. Это были союзы рабочих обувной, кожеобрабатывающей, керамической промышленности, союз текстильщиков в Либерце (организация немецких рабочих — сторонников революционной тактики, исключенная немецкими правыми лидерами из Профсоюзной комиссии), центральный союз строителей, союз рабочих торговли и транспорта и другие, всего 11 союзов. К концу 1922 г. красное профсоюзное движение в Чехословакии объединило 210 305 человек [115]. При этом следует иметь в виду, что в реформистских профсоюзах имелась из-

[112] AÚD KSČ IX/1—1/260, s. 17.
[113] К сожалению, резолюция полностью не сохранилась, она была опубликована в «Руде право», но часть ее подверглась конфискации.
[114] «Rudé právo», 31.X 1922.
[115] «Мировое профсоюзное движение», т. 5, М., 1928, стр. 229—230.

inslav

вестная группа членов союзов, сторонников Профинтерна. К сожалению, у нас отсутствуют данные, позволяющие судить о количестве таких членов в ЧОП [116].

На первом же организационном собрании президиума МОС, состоявшемся 5 января 1923 г., в ходе обсуждения вопроса о присоединении самостоятельных революционных союзов со всей остротой встал организационный вопрос, поскольку некоторые союзы выступили против объединения в едином союзе. 19 января состоялось совещание представителей всех союзов, стоящих на позициях Красного Интернационала Профсоюзов, на котором был предложен проект соглашения МОС и самостоятельных союзов. Автором этого соглашения был президиум МОС. Проект предусматривал достижение единства в революционном профсоюзном движении путем обмена представителями с правом решающего голоса между каждым союзом и МОС. Однако ряд представителей союзов (рабочих деревообрабатывающей промышленности, строительных рабочих, рабочих транспорта) выступили против этого. Несмотря на то, что значительная часть участников совещания высказывалась за проведение в жизнь решений съезда, состоявшегося в октябре 1922 г., единства взглядов достигнуто не было.

Таким образом, красное профсоюзное движение в первые месяцы 1923 г. оставалось еще разъединенным, что несомненно ослабляло его силы [117]. В это время ряд руководителей МОС во главе с Й. Гайсом, неправильно понимая основные задачи нового профсоюзного центра, начали проводить политику включения всех коммунистов и сторонников Профинтерна, оставшихся после раскола в социал-демократических профсоюзах, в секции МОС. Такая политика могла бы привести к ликвидации возможности работы коммунистов в реформистских профсоюзах, что затруднило бы борьбу КПЧ за восстановление единства профсоюзного движения на революционной основе. На I съезде Коммунистической партии Чехословакии, где была дана отповедь Гайсу и его сторонникам, выступавшим против тактики единого фронта, были выработаны тезисы о задачах коммунистов в профсоюзных организациях. «Единство профсоюзной организации,— говорилось в тезисах,— этого важнейшего орудия в классовой борьбе, было и до сих пор остается неизменным требованием Коммунистической партии. Раскол профсоюзных организаций никогда не был целью коммунистов, он является целью буржуазии и ее помощников, которые заинтересованы в ослаблении пролетарского оружия» [118].

Отвечая на заявления Гайса о свертывании работы в реформистских профсоюзах, съезд постановил: «Ни при каких условиях коммунисты не смеют переводить революционное меньшинство и отдельные группы из тех амстердамских союзов, единство которых не было расколото. В тех союзах, где коммунистическое меньшинство незначительно и где кажется, что завоевать союзы невозможно, обязанностью коммунистов является остаться на своих местах в этих амстердамских союзах» [119]

Далее указывалось, что коммунисты смогут завоевать симпатии широчайших рабочих масс, только в том случае, если они не ограничатся пропагандой своих взглядов и критикой неправильных действий реформистских вождей, а будут активно работать во всех профсоюзных

---

[116] «Rudé právo» (8.IV 1923) приводит данные о том, что в Остравском бассейне из 36 299 членов реформистских профсоюзов было около 6000 сторонников Профинтерна.

[117] Следует еще учитывать и появление национально-сепаратистских тенденций в союзе сельскохозяйственных рабочих, где была сделана попытка создать самостоятельную словацкую организацию.

[118] «Protokol prvního řadního sjezdu Komunistické strány Československa, konáného ve dnech 2—5 unora 1923», Praha, 1923, s. 18.

[119] Там же, стр. 19.

inslav

организациях, а в экономической борьбе встанут на самые трудные участки, требующие наибольших жертв.

Касаясь организационных разногласий между МОС и некоторыми самостоятельными союзами, съезд отметил, что основная обязанность коммунистов заключается в том, чтобы способствовать достижению соглашения между ними на основе решений октябрьского профсоюзного съезда.

Таким образом, «Тезисы о задачах коммунистов в профессиональных союзах», написанные на основе анализа всей предыдущей борьбы КПЧ за профсоюзы, нанесли удар по левацким настроениям отдельных руководителей красного профсоюзного движения и наметили линию работы коммунистов в реформистских союзах. «Тезисы» еще раз наглядно доказали, что основой политики КПЧ в профсоюзном движении является борьба за единство профсоюзов. Принятием «Тезисов» съезд ясно указал красным профсоюзам и МОС на необходимость объединения революционных профсоюзных сил в стране и поставил перед коммунистами задачу разрешить организационные противоречия МОС и отдельных союзов.

С целью урегулирования организационного вопроса и отношений МОС с отдельными союзами в марте 1923 г. была собрана конференция красных профсоюзов. На нее прибыл представитель Профинтерна т. Лозовский. Его доклад был в основном посвящен анализу сложившегося положения в революционных профсоюзах Чехословакии. Касаясь организационного вопроса, он отметил, что опыт последних лет вызвал у революционной части рабочих повсюду стремление объединить всех профсоюзно-организованных рабочих в один единый союз и что теоретически это стремление правильно. Однако при этом необходимо считаться с предрассудками широких рабочих масс, которые должны стать членами таких союзов. Указав на необходимость урегулирования организационного вопроса, он заявил: «Справедливое решение... мы найдем только тогда, когда не будем ставить на первый план только организационный вопрос, а поставим на первый план идеи и цели, а также совместные взгляды на тактику, которая нас объединяет. В организационных вопросах следует проявить определенную гибкость, поскольку всякие средства принуждения означали бы новый раскол» [120].

Результатом работы этой конференции явились две резолюции, которые не только указали пути решения организационного вопроса, но и определили на основе решений I съезда КПЧ главное направление политики красных профсоюзов. Основной задачей, стоявшей в тот период перед сторонниками Профинтерна в Чехословакии, конференция считала обновление единства профсоюзного движения. «С этой целью,— говорилось в резолюции,— МОС должен вести пропаганду и агитацию за обновление организационного единства расколотого профсоюзного движения... До обновления единства МОС должен стремиться достигнуть во всех оборонительных и наступательных действиях против буржуазии единого фронта со всеми рабочими организациями других направлений» [121]. Далее перед революционными профсоюзами ставилась задача совместно с компартией сделать все, чтобы единство союзов, которые еще не были задеты расколом, было сохранено. Основная задача работы МОС в реформистских профсоюзах заключалась в завоевании на свою сторону местных групп. Специальный пункт резолюции отмечал, что МОС не может принимать отдельных членов из реформистских союзов.

Все эти положения резолюций конференции были направлены своим острием против левацких ошибок отдельных руководителей, проявивших-

[120] AÚD KSČ, IX/1—1/260, s. 128.
[121] «Rudé právo», 16.III 1923.

inslav

ся в стремлении сосредоточить в красных профсоюзах всех сторонников последовательной пролетарской тактики и тем самым лишить КПЧ опорного пункта для работы среди рабочих, находящихся под влиянием социал-демократов. В резолюции, касавшейся разногласий МОС и отдельных союзов, были определены права и обязанности обеих сторон. Прежде всего отмечалось, что все революционные союзы, стоящие на позициях Красного Профинтерна, вплоть до решения очередного съезда сохраняют полную самостоятельность как организационную, так и финансовую.

Для превращения самостоятельного союза в секцию МОС необходимо было решение съезда союза, принятое не менее чем $^3/_4$ всех голосов. Для координации деятельности революционных союзов, выработки общей линии, организации совместных действий самостоятельные союзы обязаны были выслать согласно количеству своих членов делегатов в президиум МОС. Эти делегаты имели право решающего голоса. Самостоятельные союзы отчисляли из своих касс в кассу МОС 4% взносов на общие расходы. Для решения вопросов агитации и пропаганды мартовская конференция постановила создать общий агитационно-пропагандистский фонд и Комитет пропаганды, состоящий из трех представителей МОС и двух представителей самостоятельных союзов.

Представителем Профинтерна в Чехословакии являлся президиум МОС, расширенный за счет делегатов самостоятельных союзов.

Решения мартовской конференции по организационному вопросу способствовали консолидации сил сторонников революционного направления в профдвижении Чехословакии.

Красное профсоюзное движение в Чехословакии выступило на арену политической жизни как сложившееся, организационно закрепленное направление в тот период, когда развернувшееся наступление буржуазии на революционный пролетариат Европы достигло своей вершины. Оно выражалось уже не только в стремлении отнять у рабочих те экономические завоевания, которые были достигнуты пролетариатом в годы послевоенного революционного подъема. Правящие круги во всех странах пытались установить такой политический режим, который бы сделал невозможной деятельность передовых отрядов пролетариата — коммунистических партий. Утверждение фашистской диктатуры в Италии, военно-фашистский переворот в Болгарии, выступление фашистов в Испании, поражение революционных выступлений германских рабочих наглядно свидетельствовали о росте политической реакции в Европе.

В Чехословакии, где фашистские организации не представляли значительной силы в борьбе с рабочим движением и Коммунистической партией, правительство, используя ослабление позиций пролетариата в результате экономического кризиса, охватившего в конце 1922 — начале 1923 г. все отрасли промышленности, стремилось путем принятия закона «об охране республики» поставить Компартию Чехословакии и руководимые ею организации в нелегальное положение. В условиях подготовки этого реакционного закона КПЧ и руководимые ею красные профсоюзы должны были концентрировать свои силы и внимание не только на проблеме экономических оборонительных боев пролетариата, но и на вопросах защиты политических прав рабочего класса против растущей реакции.

20 февраля 1923 г. МОС направил Чехословацкому объединению профсоюзов, Либерецкой профсоюзной комиссии и Чешскому рабочему обществу письмо с призывом развернуть совместные действия с тем, чтобы предотвратить принятие закона «об охране республики». В письме говорилось: «Это угроза не только профсоюзным организациям, неугодным нынешнему правительству, но и всем тем профсоюзным организациям, которые в будущем могут стать неугодными чисто буржуазной коалиции.

inslav

Поэтому всем профсоюзам необходимо начать совместные действия против этого позорного плана [122]. Однако обращение МОС осталось без ответа. Несмотря на саботаж руководством социал-демократической и чехословацкой социалистической партий кампании протеста против принятия закона об охране республики, КПЧ и красным профсоюзам удалось развернуть массовое движение протеста, в котором принимали участие не только рабочие-коммунисты и члены революционных профсоюзов, но и рядовые члены чехословацкой социалистической и социал-демократической партий.

В феврале-марте 1923 г. митинги, собрания, демонстрации против нового антирабочего закона широкой волной прокатились по всей стране. Прага, Кладно, Сланы, Брно, Усти-на-Лабе, Немецкий Брод, Кралупы, Братислава, Рокицаны, Табор, Крумлов, Прохатице — вот далеко не полный перечень городов, где 16—20 февраля состоялись массовые выступления рабочих против закона «об охране республики» и были приняты резолюции протеста [123].

26 февраля шахтеры бассейна Кладно — Сланы направили в Национальное собрание письмо, в котором требовали, чтобы их представители в парламенте не голосовали за принятие закона «об охране республики». Накануне парламентской дискуссии по проекту этого закона КПЧ организовала в Праге манифестацию и митинг протеста, на котором выступили Шмераль и Гакен.

Возглавленное КПЧ движение рабочих против реакционного курса политики правительства и принятия закона «об охране республики» заставило буржуазию отказаться от первоначального плана — запретить легальную деятельность Компартии.

«Закон об охране республики» был принят в несколько измененном по сравнению с первоначальным проектом виде. Но это отнюдь не помешало правительству усилить цензуру коммунистических газет и развернуть преследование революционных организаций в стране. Например, если в 1920 г. было конфисковано 14 номеров «Руде право» и изъято 733 строки, то в 1923 г. с января по сентябрь конфискации было подвергнуто 43 номера газеты и изъято 4108 строк [124]. После принятия закона об охране республики была запрещена деятельность профсоюза рабочих обувной промышленности. Этот союз на своем съезде, состоявшемся в апреле 1923 г., принял резолюцию о необходимости перехода к тактике Красного Профинтерна [125].

Но несмотря на рост политической реакции в стране, красное профсоюзное движение становится все более активной силой в борьбе рабочего класса против наступления предпринимателей. Из 24 стачек, которые возглавил в 1923 г. Межнациональный общепрофессиональный союз, 22 стачки окончились победой бастующих [126], и лишь в двух стачках рабочие уступили нажиму предпринимателей. В течение первого года деятельности секциями МОС был заключен 691 коллективный договор, распространявшийся на 312 тыс. рабочих. Большая часть этих договоров (569) относилась к рабочим, занятым в сельском хозяйстве. К сожалению, союзу не удалось добиться улучшения положения и повышения оплаты труда по сравнению с 1922 г. В 67 случаях заключение коллективных договоров принесло успех рабочим, а в 28 случаях переговоры с предпринимателями окончились победой последних.

Давая оценку этой стороне деятельности революционных профсоюзов,

---

[122] «Rudé právo», 20.II 1923.
[123] «Rudé právo», 16—20.II 1923.
[124] «Rudé právo», 23.XI 1923.
[125] Archiv KPR Politická zpráva situační z Čech za dobu 6—12.V 1923.
[126] AÚD KSČ, IX/1—1/260, s. 187.

inslav

не следует забывать, что 1923 год, особенно его первые месяцы, были вершиной экономического кризиса в стране, и нажим капиталистов на рабочий класс был в этот период особенно силен.

Статистика забастовочного движения показывает, что правящим кругам удалось добиться известного ослабления стачечной борьбы. И хотя общее количество стачек сократилось очень незначительно, число участвующих в них уменьшилось почти в 2,5 раза [127]. Наиболее крупными из стачек 1923 г. были: стачка шахтеров Остравы в марте 1923 г., окончившаяся поражением бастующих, в результате чего рабочий день был удлинен на 2 часа, стачка 4 тыс. рабочих химических заводов в Северной Чехии, также окончившаяся поражением. В июле 1923 г. владельцы шахт Остравского бассейна попытались снизить зарплату на 30%. Переговоры представителей шахтеров с предпринимателями ни к чему не привели, и по решению общегосударственной конференции шахтеров 20 августа была объявлена забастовка шахтеров всех угольных бассейнов республики. Так началась крупнейшая в 1923 г. стачка, в которой приняло участие 120 000 шахтеров [127a]. Она продолжалась до 7 октября. Несмотря на упорное сопротивление бастующих, предпринимателям удалось добиться снижения зарплаты на 9—13% [128].

Основную причину поражения этих крупнейших забастовок 1923 г. следует прежде всего искать в отсутствии единства действий профсоюзных объединений страны. Руководство социал-демократических профсоюзов стремилось не столько к установлению единства действий с красными профсоюзами, сколько к их изоляции.

Наиболее ярко саботаж политики единых действий со стороны реформистов проявился во время всеобщей стачки шахтеров. Во главе бастующих встал Центральный стачечный комитет, где руководство принадлежало реформистам. МОС не был допущен к участию в работе этого комитета, хотя уже тогда его секция шахтеров, насчитывала больше членов, чем некоторые союзы, представленные в комитете. Межнациональный общепрофессиональный союз обратился в дни стачки ко всем профсоюзным центрам с призывом созвать совещание для выработки единства действий. Однако по вине реформистов такое совещание было собрано лишь в последние дни стачки. Предложение МОС, в котором выдвигалось требование создания единого фронта всех рабочих партий и профсоюзных организаций, было отклонено остальными участниками совещания. Отсутствие единства действий и прямой саботаж со стороны реформистов всех предложений МОС в значительной степени обусловили поражение рабочих в этой крупнейшей стачке.

Во время стачки рабочих химических заводов Северной Чехии ярко проявился национализм лидеров социал-демократических профсоюзов. Бастующие рабочие принадлежали большей частью к немецкому союзу химиков, и реформистское руководство из Чехословацкого объединения профсоюзов направило свои усилия на то, чтобы локализовать стачку, оставило бастующих без поддержки, обрекая их тем самым на поражение. Причем подобного рода действия лидеры ЧОП могли оправдать, сославшись на инструкцию по руководству стачечной борьбой, принятую на конференции союзов, являющихся членами ЧОП. 19-й пункт этой инструкции гласил: «Стачка солидарности может быть объявлена только с согласия профсоюзного центра» [129]. Пользуясь этим, лидеры ЧОП могли оставлять без поддержки борющихся рабочих других союзов, проводя в жизнь старую, обанкротившуюся тактику разрозненных боев отдельных отрядов

[127] AÚD KSČ, IX/1—1/260, s. 100.
[127a] «Rudé právo», 21.VIII 1923.
[128] Archiv KPR. Politická zpráva situační z Čech za dobu 7—13. X 1923.
[129] VOA ÚRO, OSČ 443.

inslav

пролетариата. Особенно наглядной иллюстрацией предательства вождей реформистских профсоюзов была их политика во время мартовской забастовки шахтеров Остравского бассейна. В начале борьбы социал-демократические лидеры очень много писали и говорили о систематических провокациях угольных баронов, однако, когда речь зашла о необходимости объявить всеобщую стачку шахтеров в поддержку борющейся Остравы, они заявили, что такой шаг нанесет удар по интересам государства [130].

Естественно, что такая тактика реформистов вызывала брожение и недовольство среди рядовых членов союзов ЧОП. Особенно сильно оно проявилось осенью 1923 г. у шахтеров, потерпевших поражение в двух крупнейших стачках. Центром оппозиции стал Остравско-Карвинский бассейн, где в союзе шахтеров сильные позиции занимали коммунисты. Еще до всеобщей стачки секретарю союза социал-демократу Брожику удалось разделить союз на три секции: коммунистическую, социал-демократическую и польскую. Однако в ходе всеобщей стачки стало ясно, что такой операцией социал-демократам не удастся изолировать членов социал-демократической секции от влияния их товарищей из коммунистической и польской секций. Тогда руководство союза шахтеров в Остраве попыталось принудить коммунистов и их сторонников выйти из профсоюза, и тем самым ликвидировать революционную оппозицию. КПЧ и МОС призвали шахтеров не выходить из союза. Тогда Брожик и поддерживающее его руководство ЧОП на Витковицкой конференции социал-демократической секции союза шахтеров Остравско-Карвинского бассейна избрали чисто социал-демократический комитет, аннулировав тем самым права польской и коммунистической секций, которым было предложено «идти своим путем» [131]. Шахтеры-коммунисты, собравшись 18 ноября 1923 г. на конференции в Петрвальде, выдвинули требования немедленно, до 1 декабря 1923 г. собрать заседание президиума союза и рассмотреть вопрос о фактическом исключении двух секций в Остравско-Карвинском бассейне. Однако социал-демократы оставили это требование без ответа. Польская и коммунистическая секции автоматически оказались вне рамок союза шахтеров и вынуждены были присоединиться к соответствующей секции МОС. Но их исключением реформистским лидерам в ЧОП не удалось ликвидировать недовольства своей политикой. Ярким свидетельством этого был первый съезд заводских советов шахт, собравшийся в конце ноября 1923 г. по инициативе шахтеров Кладно. На съезде было 200 делегатов, представлявших 164 горных предприятия [132]. Союз шахтеров, входящий в ЧОП, был представлен 105 делегатами, секция шахтеров МОС — 30 делегатами, 26 делегатов прислали центристы и 6 делегатов представляли национально-социалистический немецкий профсоюз [133]. При этом следует иметь в виду, что руководство ЧОП и ряда других союзов запретило своим членам принимать участие в съезде. Съезд далеко не коммунистический по своему составу принял резолюцию, содержащую резкую критику политики реформистских вождей профсоюзов: «Съезд заводских советов шахт отмечает,— говорилось в резолюции,— что шахтерские профсоюзные организации, объединенные в шахтерской коалиции, не оказывали сопротивления нажиму (нажиму капиталистов.— *Г. М.*) так, как этого требуют интересы шахтеров. Сразу же при первой атаке предпринимателей обязанностью шахтерских организаций было вступить в борьбу и вести ее таким образом, чтобы предотвратить дальнейшие попытки предпринимателей к нападению. Ру-

[130] «Rudé právo», 13.IV 1923.
[131] «Rudé právo», 8—9.XII 1923.
[132] «Красный Интернационал Профсоюзов», № 12, М., 1923, стр. 581.
[133] Там же.

inslav

ководящие деятели шахтерских организаций во все решающие моменты отдавали предпочтение интересам коалиции своих партий с буржуазными, вопреки интересам шахтеров, которые были им доверены» [134]. Далее в резолюции указывалось, что борьба любого профсоюза не может быть успешной без активной поддержки других профсоюзов. «В период, когда проявляется тесная связь всех отраслей промышленности и тесная связь всех капиталистических групп, единственно действенным орудием в экономической борьбе рабочих будет всеобщая стачка» [135]. Единогласное принятие такой резолюции говорило о том, что тактика стачечной борьбы, предложенная красными профсоюзами получила одобрение рядовых шахтеров — членов других профсоюзных организаций. I съезд заводских советов шахт, ход его работы и принятые им решения свидетельствовали о росте влияния революционных профсоюзов в одном из самых крупных отрядов рабочего класса Чехословакии.

Первый год деятельности красных профсоюзов показал, что все их усилия были направлены на сплочение сил рабочего класса, на установление единства действий всех профсоюзных организаций в борьбе против наступления капиталистов и роста политической реакции в стране. Их тактика стачечной борьбы нашла немало сторонников среди рядовых членов реформистских профсоюзных организаций.

Об укреплении позиций революционного профсоюзного движения в Чехословакии красноречивее всего говорят цифры. Общее ослабление рабочего движения в стране в 1923 г. нашло свое проявление не только в сокращении стачек и количества их участников, но и в частичном отходе рабочих от профсоюзных организаций. Например, Чехословацкое объединение профсоюзов в течение 1923 г. потеряло 83 584 члена, Либерецкая профсоюзная комиссия — 61 591 член. А красные профсоюзы за этот же период сумели не только сохранить, но и увеличить свои ряды. Если в 1922 г. революционное профсоюзное движение объединяло 210 305 человек, то в 1923 г. количество членов красных профсоюзов возросло до 225 668 человек [136]. При этом интересно отметить, что 90,35% общего числа членов в них составляли рабочие, в то время как в Чехословацком объединении профсоюзов на долю рабочих приходилось всего 72,16% [137] общей численности членов союзов.

Говоря о росте влияния красных профсоюзов, об укреплении их позиций, необходимо иметь в виду, что, несмотря на проводимые руководством реформистских профсоюзов массовые исключения сторонников Красного Профинтерна, и в Чехословацком объединении, и в Либерецкой профсоюзной комиссии имелась налицо революционная оппозиция, на которую опиралась в своей работе Компартия Чехословакии. К сожалению, мы не располагаем еще достаточно полными данными о ее численности. В докладе Центральному Совету Профинтерна, в частности, указывалось, что в реформистских профсоюзах Чехословакии находится около 100 тыс. революционных рабочих и сторонников Красного Интернационала [138].

* * *

Таким образом, как показывает анализ конкретно-исторического материала начала 20-х годов, Коммунистическая партия Чехословакии с момента своего возникновения, опираясь на теоретические положения, разработанные В. И. Лениным в его работе «Детская болезнь левизны в ком-

---

[134] AUD KSC, IX/I—4/26, s. 48—49.
[135] Там же, стр. 49.
[136] AUD KSC, IX/I—1/260, s. 48.
[137] Там же, стр. 53.
[138] «Красный Интернационал Профсоюзов», № 7, М., 1923, стр. 110.

inslav

мунизме», и выполняя решения II и III конгрессов Коминтерна, взяла правильный курс на расширение своего влияния в рабочем классе, на завоевание самых массовых пролетарских организаций — профессиональных союзов, на привнесение в них революционной, последовательной, пролетарской тактики, на изгнание из руководства профсоюзов социал-соглашателей. Коммунистическая партия в своей борьбе за профсоюзы настойчиво проводила принцип единства профсоюзного движения, выступая против разрушения крупнейших профсоюзных объединений страны, стремилась овладеть ими изнутри.

Раскол Чехословацкого объединения профсоюзов и Либерецкой профсоюзной комиссии был проведен социал-реформистскими лидерами, которые, стремясь во чтобы то ни стало сохранить за собой руководство в этих организациях и ликвидировать революционную оппозицию, прибегли к массовым исключениям революционно настроенных рабочих. Немалую услугу в этом им оказала так называемая ультралевая оппозиция в КПЧ. Ее вожди Илек и Болен, выдвинув требование разрушения социал-демократических профсоюзов, призывали к выходу из них, к прекращению уплаты взносов, к созданию самостоятельных организаций, и тем самым развязали руки правому руководству ЧОП в его борьбе с революционной оппозицией.

Создание самостоятельных красных профсоюзов в 1922 г. было обусловлено обстановкой, сложившейся в профсоюзном движении Чехословакии, когда в результате репрессий социал-демократических вождей огромная масса профсоюзно организованных рабочих во время экономического кризиса и развернувшегося наступления буржуазии оказалась вне профсоюзов. В этих условиях принятое Компартией Чехословакии решение об объединении всех исключенных из Чехословацкого объединения профсоюзов рабочих в самостоятельную организацию было правильным и исторически оправданным.

Оформившиеся в Чехословакии красные профсоюзы, решительно выступая против соглашательской политики социал-реформистских лидеров Чехословацкого объединения профсоюзов и Либерецкой профсоюзной комиссии, вели борьбу за объединение всех сил рабочего класса на революционной основе, за установление единства действий всех профсоюзных центров страны, за создание единого фронта пролетариата. Деятельность красных профсоюзов, их выступления в защиту экономических и политических интересов трудящихся сыграли важную роль в укреплении влияния Компартии Чехословакии в рабочем классе страны.

---

inslav

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
Том XXIV, 1962 г.

К. Б. Виноградов

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ АВСТРО-СЕРБСКОГО КОНФЛИКТА И ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

28 июня 1914 г. в боснийском городке Сараево был убит австрийский эрцгерцог Франц-Фердинанд. Власти Габсбургской монархии обвинили Сербию в соучастии в этом убийстве; 28 июля Австро-Венгрия объявила Сербии войну, а уже через несколько дней пламя войны охватило почти весь мир.

Бесспорно, взрыв на Балканах не был случайностью. Здесь скрещивались противоречивые интересы империалистических хищников; экспансия великих держав угрожала независимости ряда стран полуострова; движение за свободу и объединение южнославянских народов Габсбургского государства также отражалось на росте напряженности в международных отношениях. Наиболее острым противоречием в этой зоне Европы со времени «Свиной войны» и Боснийского кризиса справедливо считались противоречия между Австро-Венгрией и Сербией. Уже в 1908—1909 гг. кризис в австро-сербских отношениях едва не привел к возникновению общеевропейской войны.

В 20—30-е годы, когда проблема происхождения минувшей войны приковывала внимание широких кругов общественности, именно сараевское убийство, австро-сербский конфликт, а также другие противоречия в Восточной и Юго-Восточной Европе подвергались особенно тщательному рассмотрению со стороны историков и публицистов.

В бульварной прессе, в кино и художественной литературе на все лады расписывалась трагическая гибель эрцгерцога, судьба его убийц и лихорадочная активность дипломатии в июльские дни 1914 г. Покушение в Сараево нередко изображалось тогда как главная, если не единственная причина мировой войны[1]. Даже в большинстве тех трудов буржуазных авторов, которые претендовали на научный анализ проблемы происхождения войны 1914—1918 гг., обозревался только небольшой отрезок времени — так называемые роковые недели, отделявшие убийство Франца-Фердинанда от вступления в войну крупнейших держав Европы. И в настоящее время эта традиция в своей постановке вопроса все еще дает себя знать во многих работах, в которых затрагивается предыстория первой мировой войны.

---

[1] В популярном анекдоте 20-х годов победитель конкурса на лучшую газетную новость предлагал следующий аншлаг: «Эрцгерцог жив — первая мировая война была не нужна!»

inslav

В настоящей статье автор ставит перед собой задачу выяснить некоторые причины, обусловившие усиленную разработку австро-сербского конфликта и «июльского кризиса» в зарубежной исторической литературе и разобрать важнейшие сочинения, посвященные этим тесно связанным друг с другом темам. Поскольку историография первой мировой войны изучена очень слабо, автор считал необходимым остановиться на основных этапах ее развития и борьбы направлений в крупнейших зарубежных странах [2]. Особенное внимание будет уделено «ревизионистскому направлению». Расцвет ревизионизма в 20—30-е годы XX в. и попытки его возрождения в наши дни лучше всего характеризуют пороки буржуазной интерпретации происхождения войны и политическую подоплеку фальсификаций реакционных историков [3].

* * *

Первые опусы буржуазных публицистов и историков по вопросу о причинах мировой войны стали появляться буквально на следующий день после ее начала в виде пространных статей в периодической печати, а затем и в виде множества брошюр и книг. Фактически все эти работы (включая и сочинения видных историков) служили задачам военной пропаганды; они не выдержали испытания временем и вскоре же были забыты. Однако уже в ту пору закладывался фундамент основных концепций по вопросу о возникновении войны. Буржуазные авторы дружно взваливали вину на противника и всячески обеляли правящие классы своего государства. Был выработан целый комплекс аргументов, просуществовавший долгие годы и перекочевавший из легковесных сочинений репортеров в «солидные» труды буржуазных ученых.

При всех взаимных ожесточенных нападках у представителей обоих буржуазных лагерей выявился общий подход к некоторым коренным проблемам происхождения войны. Выдвинутые шовинистами версии были, по характеристике В. И. Ленина, не чем иным, как «шарлатанством и обманом», поскольку в них отрицалось воздействие финансового капитала и банков в сфере политики и значение борьбы за передел мира [4].

Публицисты обеих коалиций, как правило, избегали прямых обвинений по адресу монополистической буржуазии противной стороны. Вскрывать ответственность крупного капитала даже вражеского государства казалось опасным — читатель мог задать вопрос: какую же роль играли финансисты и фабриканты его собственной страны?.. Значительно удобнее и проще было обвинять целые народы или отдельных лиц вроде кайзера или президента Франции.

Почти все сочинения, написанные в тот период по интересующей нас теме, посвящены вопросу об «июльском кризисе» — дипломатической борьбе в канун 1914 г. Коренные причины обострения международной обстановки затрагивались более чем поверхностно, а внимание читателей переключалось на второстепенные события.

---

[2] В задачу автора не входит освещение современной югославской историографии по истории освободительного движения, внутренней и внешней политики Сербии. Эта тема заслуживает специального, обстоятельного анализа.

[3] Ревизионизм — течение в буржуазной историографии первой мировой войны, представители которого отстаивали тезис о том, что ответственность Германии и Австро-Венгрии в развязывании войны не соответствовала формулировкам, включенным в Версальский (статья 231) и Сен-Жерменский (статья 177) мирные договоры. Историки-ревизионисты требовали пересмотра этих статей и полной реабилитации кайзеровской Германии. Ревизионисты обрушивались на Россию и Сербию как главных виновников войны. В этом смысле термины «ревизионизм» и «ревизионисты» употребляются в данной статье.

[4] В. И. Ленин. Сочинения, т. 24, стр. 371.

inslav

Наиболее интересная тенденция, наметившаяся еще в 1914—1918 гг., состояла в том, что не только австрийские и германские авторы, но и многие публицисты и историки западных стран склонны были преувеличивать антагонизмы в Восточной и Юго-Восточной Европе в ущерб выявлению глубоких противоречий Германии с Англией и Францией. Так, если взять самую «солидную» французскую работу того времени — «Дипломатическую историю Европы от Берлинского конгресса до наших дней», написанную профессором Сорбонны А. Дебидуром [5], то видно, что автор явно игнорирует англо-германское соперничество как важный фактор роста напряженности в международных отношениях. Франко-германские отношения (за исключением конфликтов из-за Марокко) также очерчены весьма бегло. В то же время значительное внимание уделено великодержавной политике России и ее вооружениям в канун мировой войны. В таком же духе трактовались эти вопросы и в различных публицистических произведениях, как, например, в книге популярного журналиста О. Говэна «Происхождение европейской войны» [6]. В ряде книг и статей английских авторов, в частности в памфлетах пацифистской группировки «Союз демократического контроля», выпячивалась ответственность царизма и содержалось немало выпадов в адрес Сербии и южнославянских заговорщиков. Объективно подобные концепции были на руку военно-политическим кругам Запада, которые оказывали далеко не эффективную поддержку России и Сербии.

После окончания первой мировой войны державы-победительницы официально добивались всеобщего признания версии о «виновности» Германии и ее союзников в возникновении войны, что нашло отражение в 231 статье Версальского мирного договора. В Германии подавляющая часть буржуазных мемуаристов и историков решительно отвергала этот тезис. Закипевшие горячие споры о том, кто же хотел войны — Вильгельм II или Пуанкаре — фактически сыграли роль отвлекающего маневра. Буржуазия всех стран стремилась не допустить, чтобы народные массы разобрались в том, какие классы общества заинтересованы в политике военных авантюр. Однако было бы неправильно предположить, что все это являлось только специально подготовленным фарсом с заранее распределенными ролями. На самом деле борьба вокруг «вопроса об ответственности за войну» отражали и обострявшиеся противоречия между империалистическими державами.

Инициативу вскоре захватили германские пропагандисты и ученые. Этому способствовало изменение политического курса США и Англии, воплотившееся в пресловутом плане Дауэса и попытках «осадить» не в меру зарвавшихся французских претендентов на гегемонию в Европе. Последующий переход к политике «эпохи Локарно» и многочисленные попытки объединить Европу против «большевизма» создали еще более благоприятную атмосферу для роста реваншизма и ревизионизма в Германии. Использовав тезис «не одна Германия виновна» в качестве «переходной формулы», германские реакционные историки вскоре сконцентрировали внимание на другом тезисе — «одна Германия невиновна».

Основные идеи и аргументы немецких ревизионистов были сформулированы в 1919—1923 гг.; многие из них были взяты «напрокат» из арсенала кайзеровских политиков и пропагандистов. Само по себе форсированное изготовление ревизионистских версий опровергает утверждения германских и американских апологетов этого направления, твердивших, что указанная концепция кристаллизовалась под воздействием публикаций архивных документов. Это положение не означает, однако,

[5] A. Debidour. Histoire diplomatique de l'Europe dupuis le Congrès de Berlin jusqu'a nos jours, pt. I—II. Paris, 1917.
[6] A. Gauvain. Les origines de la guerre européenne. Paris, 1915

inslav

что между публикацией документальных сборников и формированием ряда превратных теорий по предыстории войны не существовало никакой связи.

Крупнейшие подборки документов, опубликованные в Германии и Австрии, составлялись таким образом, что нередко смысл публикуемых документов, а в конечном итоге и смысл событий искусственно затемнялся. В первом немецком послевоенном сборнике — «Германские документы, относящиеся к возникновению войны», исходной датой было взято сараевское убийство[7]. По определению А. С. Ерусалимского, «повод для обострения международных противоречий империализма «превращался» в первостепенный фактор, определяющий дальнейшее развитие событий и начало военных действий»[8]. Стремление К. Каутского (одного из главных инициаторов этого издания) сделать Вильгельма II «козлом отпущения» свидетельствовало о попытках правых социал-демократов снять ответственность с германской буржуазии как класса.

Серьезные пороки присущи самой известной публикации 20-х годов «Большой политике Европейских кабинетов»[9]. Достаточно вспомнить о том, что фактически в издание были включены только документы дипломатического характера. Злостной утайке подверглись документы, касавшиеся военно-организационной подготовки германского империализма. Построение всей публикации по «тематическому» принципу также было предпринято для того, чтобы исказить историческую перспективу. С помощью ножниц составители произвольно разрывали отдельные документы на части, помещая их в разных томах. Ничтожное внимание было уделено колониальному соперничеству и американо-германским отношениям. Пространные комментарии, при помощи которых составители нередко «подправляют» помещаемый документ и толкуют его так, как им заблагорассудится, еще больше затрудняют использование германского сборника.

Несмотря на очевидные изъяны немецкой публикации (мы указали только на некоторые из них), она была воспринята многими буржуазными учеными и издателями Германии, США и Англии как своего рода эталон и оказала немалое влияние на понимание проблемы «ответственности за первую мировую войну» за рубежом[10]. Небезынтересно горькое признание известного английского историка Л. Вудуорда. Характеризуя «Большую политику» как «гигантскую апологию» германского правительства, он пишет, что лишь теперь «она получает ту суровую критическую оценку, которую заслуживает», но «кое-где до этого не доходит даже в настоящее время»[11]. Вышедшая в 1930 г. австрийская публикация «Австро-венгерская внешняя политика от Боснийского кризиса 1908 г. до начала войны 1914 г.»[12] в некоторых отношениях отличается от германской в лучшую сторону. Принцип издания тут хронологический, а не тематический; большинство документов помещено полностью. Однако ничтожное место занимают извлечения из отдельных протоколов заседаний ответственных министров Габсбургской монар-

[7] «Die deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch...», Bd. 1—4, Charlottenburg, 1919.

[8] «Историк-марксист», М., 1932, № 1—2, стр. 46.

[9] «Die Große Politik der Europäischen Kabinette 1871—1914...», Bd. 1—40, Berlin, 1922—1927.

[10] В английской публикации «British Documents on the Origins of the War, 1898—1914» также господствует тематический принцип, и далеко не все коренные проблемы предвоенного периода представлены пропорционально. Даже в наиболее научном издании — завершенной в 1959 г. французской коллекции «Documents diplomatiques français» в центре внимания составителей — «политика союзов и противосоюзов» в Европе.

[11] L. Woodward. British view of Wilson's foreign policy. «Wilson's foreign policy in perspective», ed. by E. H. Buehrig. Bloomington, 1957, p. 162.

[12] «Osterreich-Ungarns Aussenpolitik von den Bosnischen Krise 1908 bis zum Kriegsausbruch 1914», Bd. 1—9, Wien, 1930.

inslav

хии — важного источника для понимания внешней политики этого государства. Лишь изредка приводятся документы руководителей генерального штаба и материалы об их переговорах с ответственными германскими военными лидерами; совершенно отсутствуют какие-либо сведения о так называемых Коронных Советах, на которых решались важнейшие проблемы.

Принцип отбора архивных актов, подлежащих включению в австрийскую публикацию, обнаруживает тенденцию оправдать внешнеполитический курс Австро-Венгрии, показать, что даже на войну против Сербии она решилась только ради сохранения монархии от распада и расчленения. Правда, распознать эти намерения нелегко.

Составители действовали тонко, без нажима; они, например, демонстративно отказались от комментариев. Но документы группируются таким образом, чтобы представить политику Сербии в качестве страшной угрозы для безопасности Габсбургского государства. При этом большое значение придается включенным в публикацию агентурным сведениям о деятельности южнославянских организаций, хотя еще во время процессов 1909 г. обнаружилось, что подобные материалы могли быть попросту сфабрикованы [13].

Появление австрийской публикации также использовалось ревизионистской пропагандой, усилившей нападки на политику Сербии — Югославии. Задача эта облегчалась тем, что правительство королевской Югославии отказывалось публиковать сербские дипломатические документы, что давало повод к различным спекулятивным утверждениям и объективно вредило государственным интересам Югославии [14].

Подборка документов М. Богичевича, претенциозно названная «Внешняя политика Сербии 1903—1914 гг.» [15], ни в коей мере не восполняла имевшийся пробел. В первом томе сборника содержатся отдельные донесения сербских дипломатов и другие материалы. Документы были призваны представить сербскую внешнюю политику в превратном свете. Сербия, а также Россия выступают у Богичевича в роли зачинщиков различных конфликтов на Балканах и во всей Европе. Многие фрагменты из документов, фигурирующие у Богичевича, выглядят весьма подозрительно. М. Богичевич злоупотребил тем доверием, которое оказало ему Советское правительство, допустив к работе над некоторыми фондами царских архивов. Этот горе-ученый, которого так превозносили германские ревизионисты, был пойман с поличным на фальсификациях самого худшего пошиба. «Документы,— писал А. Ерусалимский в 1932 г.,— публикуются Богичевичем не только в выдержках, но и, как нам удалось установить при изучении подлинных документов, имеются случаи соединения им различных документов при одновременном сокращении этих последних» [16]. Вся коллекция Богичевича, как справедливо указывает А. Дж. П. Тейлор, совершенно неудовлетворительна [17].

---

[13] В 1944 г. издатели сборника документов, захваченных гитлеровцами в Югославии, вынуждены были признать, что в МИД Австро-Венгрии попадали непроверенные сведения (см. «Grosserbische Umtriebe vor und nach Ausbruch des ersten Weltkrieges, I». Bearb. von F. Reinöhl. Wien, 1944. Einleitung, S. XXVIII—XXIX).

[14] В начале 30-х годов в Югославской государственной типографии был подготовлен набор двухтомного издания документов. Один том, составленный белградским профессором Вл. Чоровичем, специально посвящался австро-сербским отношениям XX в. (см. H. Uebersberger. Österreich zwischen Russland und Serbien. Köln, 1958, S. 273, сноска 3). Убийство короля Александра и некоторые внутриполитические события привели к тому, что издание так и не вышло в свет.

[15] M. Bogićević. Die auswartige Politik Serbiens 1903—1914, Bd. I—III. Berlin, 1928—1931.

[16] «Историк-марксист», 1932, № 1—2, стр. 62, сноска 85.

[17] А. Дж. П. Тейлор. Борьба за господство в Европе 1848—1918. М., 1958, стр. 586.

inslav

Наряду с попытками оклеветать политику Сербии, немецкие историки и издатели 20-х годов с неменьшим рвением чернили царскую Россию, объявляя ее главной виновницей войны. Крупнейшим специалистом в области соответствующих фальсификаций зарекомендовал себя Ф. Штиве — чиновник германского министерства иностранных дел.

Воспользовавшись материалами и услугами белогвардейцев, он издал в середине 20-х годов несколько вариантов «Переписки» царского посла в Париже Извольского. В предисловии к «Переписке Извольского» и в других своих книгах Штиве развивал мысль об особой воинственности России и настойчиво подчеркивал роль Извольского, который чуть ли не единолично разжег пожар войны. Документами, изданными Штиве, так же как аналогичными сборниками писем царского посла в Лондоне Бенкендорфа, изданными немецким шпионом, бывшим советником российского посольства в Англии Б. Зибертом, можно пользоваться лишь с большой осторожностью [18].

Усилия реакционных публикаторов сочетались с интенсивной литературной активностью отставных политиков, дипломатов и военных деятелей Германии и Австрии. Они не только оправдывали внешнеполитический курс обеих рухнувших империй и преувеличивали свою личную роль в предвоенных событиях, но и старались представить царскую Россию главной виновницей войны [19].

В этих обвинениях их поддерживали некоторые мемуаристы западных стран (лорд Берти, составитель «Архива полковника Хауза» Ч. Сеймур и др.).

Группа мемуаристов старалась подкрепить свои натянутые домыслы утверждениями о превосходстве германской расы над «низшей» славянской расой. Так, Г. Ягов с тупой юнкерской ограниченностью выступал с расистскими нападками на Россию и «московитов». В то же время он заявлял, что «германский империализм преследовал исключительно мирные цели» [20]. По мнению знатока мемуарной литературы Ц. И. Грин, фальсификации роли России являются одной из важнейших особенностей всех сочинений этого жанра по вопросам международных отношений, написанных на Западе в 20—30-е годы [21].

Роль Сербии и австро-сербского конфликта отражены преимущественно в австрийских мемуарах. Подавляющая часть этих мемуаристов и в частности, А. Музулин, В. Гизль, Ю. Силаши, Ф. Фундер и другие преувеличивали удельный вес Сербии, агрессивные тенденции ее политики, которая якобы составляла страшную угрозу для процветающей Габсбургской монархии. В погоне за сенсационной известностью отдельные югославские политики и публицисты (Л. Йованович, О. Тарталья и другие) также выступали с «разоблачениями» довольно сомнительного свойства.

---

[18] О методах издательской деятельности этих проходимцев можно судить по одному из «шедевров» Штиве — его перезданию «Русской оранжевой книги о возникновении войны с Турцией» (1926). Заимствовав ряд дополнений из советских документальных сборников, Штиве беззастенчиво прибегал к купюрам. Например, в одном из документов он изъял фразу из донесения российского посла в Константинополе о том, что «Германия всячески старается возбуждать Турцию против России». Штиве пошел также на прямой подлог, заявив, что Россия немедленно разорвала с Турцией после того, как Грей дал 27 октября 1914 г. заверения о решении проблемы проливов в благоприятном для нее смысле. На самом деле эти слова были сказаны лишь 9 ноября (27 октября старого стиля), а сама война была спровоцирована раньше в результате налета германо-турецкой эскадры на русские порты.

[19] Примечательно, что германские историки и мемуаристы единым фронтом атаковали Сазонова, а затем Бюлова, которые в своих (посмертно изданных) воспоминаниях придерживались иных взглядов.

[20] G. G. Jagow. Ursachen und Ausbruch des Weltkrieges. Berlin, 1919, S. 184.

[21] Ц. И. Грин. Мемуарная литература по истории международных отношений начала XX в. как исторический источник. Л., 1953 (неопубликованная диссертация).

inslav

При всей тенденциозности упоминавшихся документальных сборников они содержат первоклассные материалы для понимания международных отношений в начале XX в. Историк, изучающий проблему происхождения войны 1914 г., должен, конечно, прежде всего опереться на советские публикации, построенные по иным принципам и поэтому особенно ценные [22].

Критическое сопоставление наиболее проверенных архивных публикаций с привлечением мемуаров, содержащих документы или «политические дневники», предоставляет ученым твердую почву для ответа на многие важнейшие вопросы, связанные с войной 1914—1918 гг.

Так, нам представляется хорошо доказанным, что Австро-Венгрия проводила в течение многих лет агрессию на Балканах, несколько раз порывалась начать «превентивную» войну против Сербии и не случайно выступила в роли застрельщика мирового конфликта.

Эти положения подтверждаются даже профильтрованными документами австрийской и немецкой публикаций и превосходно иллюстрируются материалами и признаниями из мемуаров Ф. Конрада, М. Ауфенберга, «политических дневников» И. Бернрейтера и Й. Редлиха и др. [23]

[22] Как известно, только советские публикации по истории международных отношений и внешней политики России позволяют поставить коренные вопросы о борьбе империалистов из-за колоний и сфер влияния и помогают понять, что мировая война 1914—1918 гг., начавшаяся, казалось бы, из-за небольшого конфликта на Балканах, явилась результатом всей империалистической системы грабежа и насилия, царивших во всем мире в начале XX в.

[23] Напомним некоторые факты: в 1905—1907 гг. Австро-Венгрия вела экономическую войну, стремясь задушить торговлю и парализовать все народное хозяйство Сербии. «Свиная война» не принесла успеха Габсбургской монархии, но и в дальнейшем она неизменно препятствовала завоеванию Сербией доступа к морю. Зимой 1907/08 г., опасаясь усиления югославского освободительного движения, австрийские правящие круги задумали осуществить аннексию Боснии и Герцеговины. Как видно из мемуаров Конрада, министр иностранных дел Эренталь согласился тогда с его планом спровоцировать Сербию на войну. В марте 1908 г. Эренталь предложил Фердинанду Болгарскому участвовать в расчленении Сербии («Osterreich-Ungarns Aussenpolitik», Bd. I, № 1). После аннексии, зимой 1908/09 г. военно-политическая и идеологическая подготовка к намеченной войне с Сербией проводилась в больших масштабах. Провокационные процессы и террор против югославских деятелей находились в связи с предполагавшимся походом в Сербию. Вынужденная удовлетвориться частичным успехом, Австро-Венгрия и в дальнейшем продолжала политику вражды и провокаций в отношении Сербии. В 1912 г. австрийские руководители задумали и подготовили новую расправу с Сербией (см. К. Б. Виноградов. Дипломатия Австро-Венгрии и первая Балканская война.— «Научные доклады высшей школы. Исторические науки», 1958, № 3, стр. 177—196). В течение 1913 г. Габсбургская монархия несколько раз выступала с грубейшими ультимативными требованиями в отношении Сербии и Черногории и содействовала сербо-болгарской войне. Летом 1913 г. Вена предложила своим союзникам одобрить запланированное нападение на Сербию. К концу 1913 г., по прямодушному свидетельству Конрада, государственное руководство сочло «мирный путь исключенным», что оставляло для «решения сербского вопроса только насильственный путь» (Conrad. Aus meiner Dienstzeit, Bd. III. Wien, 1922, S. 453, 731). В июне 1914 г. австро-венгерское министерство иностранных дел подготовило и послало в Берлин для санкционирования план насильственного переустройства Балкан. Хорошо известно, что после сараевского покушения правящие круги Габсбургского государства решили возможно скорее уничтожить Сербию, не допуская никаких компромиссов. Недавно опубликованные дневники Й. Редлиха еще раз подтвердили, что австрийские руководящие деятели и дипломаты составили ультиматум, заранее рассчитывая на то, что его условия будут неприемлемы. Он отметил, в частности, огорчение на Балльплаце, когда стали распространяться слухи о возможности принятия ультиматума Сербией («Schicksalsjahre Österreichs 1908—1919...», Bd. I, Graz, 1953, S. 237—239). Только для отвода глаз Берхтольд в конце июля уверял, что Австро-Венгрия не имеет территориальных притязаний к Сербии. Признания австрийского посла в Лондоне Менсдорфа и циничное заявление Конрада в беседе с Кробатином начисто опровергают версию Берхтольда, подхваченную историками ревизионистского толка (см. Н. П. Полетика. Возникновение мировой войны. М.— Л., 1935, стр. 560—561; Conrad. Указ. соч., т. IV, стр. 92) Добавим, что военно-политические круги Австро-Венгрии, хотя и опасались войны с Россией, тщательно готовились к столкновению и с этой державой.

inslav

Несмотря на наличие серьезных трений и тактических разногласий между старшим и младшим партнерами, экспансия Австро-Венгрии поддерживалась и направлялась из Берлина. Уже в начале 1909 г. начальники генеральных штабов обеих стран с согласия Вильгельма II, Бюлова и Эренталя выработали конкретный план провоцирования большой войны, которая должна была начаться с нападения Австро-Венгрии на Сербию. По мнению Мольтке, это вторжение должно было «вызвать активное выступление России» [24]. К 1914 г. Германия фактически поставила внешнюю политику Австро-Венгрии под твердый и постоянный контроль. Давно уже установлено на основе немецкой и австрийской публикаций 1919 г., что в июле 1914 г. Германия настойчиво подстрекала венских руководителей к немедленной войне с Сербией.

Хотя многие из документов и свидетельств, проясняющих позицию Австро-Венгрии и Германии в канун войны, появились вскоре же после ее окончания, историки-ревизионисты упорно отказывались принять их во внимание. Это в особенности относится к воспоминаниям Конрада, в которых, как писал австрийский публицист Г. Каннер, нетрудно было отыскать «ключ к вопросу об ответственности за войну». Но для реакционных историков правильный путь был неприемлем, а предложенные ими отмычки вели в тупик...

В наиболее четком виде утверждения ревизионистов были сформулированы в так называемом меморандуме четырех профессоров (1919 г.), развернуты в книге М. Монжеля «Руководство к вопросу об ответственности за войну» (1923), а затем в несколько подновленном виде преподнесены А. Вегерером в его сочинении «Опровержение версальского тезиса об ответственности за войну» (1928) [25]. Еще Г. Дельбрюк, М. Вебер, А. Мендельсон-Бартольди и М. Монжеля выдвинули довод о том, что кайзеровская Германия, будучи процветающим государством, не нуждалась в войне как средстве политики. Между тем только с помощью войны могла достичь своих целей царская Россия. Именно она, по утверждениям авторов меморандума, и несла главную ответственность за возникновение войны 1914 г. Переходя к оценке «июльского кризиса», «профессора» заявляли, что никакого сговора с целью уничтожения Сербии не было и в помине; наоборот, виновна сама Сербия, не выполнившая обязательств, взятых на себя после Боснийского кризиса. Австро-Венгрия будто бы никак не нарушала принципы международного права и не имела «аннексионистских планов». Обеляя Габсбургскую монархию, авторы особенно пеклись о реабилитации германских правящих кругов. Поэтому они наряду с некоторыми мемуаристами пустили в ход версию о том, что Австро-Венгрия недостаточно информировала о своих планах собственного союзника [26].

Меморандум профессоров предназначался для Парижской мирной конференции. Отсюда легко понять акцент на «виновности» России и «мягкую» трактовку ответственности Франции и Англии. Последняя вообще оказывалась как бы вовлеченной в войну против собственной воли.

В период Рурского кризиса, когда руководящие круги Германии рассчитывали опереться на Англию против Франции, Монжеля в своей

[24] Conrad. Указ. соч., т. I, стр. 379—384, 394—396, 631—634.

[25] «Die deutsche Weissbuch über die Schuld am Kriege...», Charlottenburg, 1919; Graf Max Montgelas. Leitfaden zur Kriegsschuldfrage. Berlin, 1923; A. Wegerer. Die Widerlegung des Versailler Kriegsschuldthese. Berlin, 1928.

[26] Позднее иные немецкие историки и публицисты долгое время обыгрывали этот аргумент, доходя до заявлений о том, что Берлин ничего не знал об австрийском ультиматуме 23 июля. Документы свидетельствуют об ином, и в конце концов А. Вегерер признал несостоятельность этой версии (см. «Berliner Monatshefte», Januar, 1934, S. 81—82).

inslav

книге «Руководство к вопросу об ответственности за войну» полностью амнистировал британскую дипломатию кануна войны 1914 г.[27] Одновременно значительно резче, чем в 1919 г., прозвучали обвинения по адресу Франции. Однако «восточный» лейтмотив остался прежним: Россия и Сербия несут львиную долю вины за развязывание войны.

Уже с начала 20-х годов немецкие и иные ревизионисты стали все интенсивнее разрабатывать тезис о том, что «локальная война» Австро-Венгрии с Сербией была бы закономерным событием; напрасно Россия и другие державы вмешались и превратили небольшую войну в пожар мировых масштабов.

Обоснование закономерности локальных конфликтов с помощью исторических примеров вполне устраивало как американских политиков, размахивавших «большой дубинкой», так и набиравших силы империалистов Германии. Вариации на тему об упущенной возможности локализовать австро-сербский конфликт особенно привлекали буржуазных историков первой мировой войны потому, что, казалось бы, позволяли вывести из-под удара капитализм как систему, перелагая вину на отдельных лиц, которые по легкомыслию или из соображений престижа не сумели ограничить сферу действия очередного кризиса на Балканах. Всячески обыгрывали эту тему историки-ревизионисты, поскольку она предоставляла возможность выпятить роль конфликтов в Юго-Восточной Европе и приписать славянским странам ответственность за провоцирование и расширение масштабов войны. Уже М. Монжеля в своей книге 1923 г. настаивал на том, что сербы заслуживали наказания: «локальная война» Австро-Венгрии с Сербией, на которую соглашались в Берлине, будто бы отвечала интересам «всей Европы».

Подробнее «разработал» тот же сюжет А. Вегерер. В его книге «Опровержение версальского тезиса об ответственности за войну» содержится масса рассуждений, призванных прикрыть то простое обстоятельство, что берлинские руководители еще 6 июля 1914 г. предоставили Австро-Венгрии свободу рук против Сербии, а потом подстрекали ее, хорошо сознавая тяжелые последствия такого курса. Судя по Вегереру, Германия считала австро-сербскую войну неизбежной, но санкционировала ее «лишь под условием... что такая война была бы локализованной». Никаких разумных доказательств столь вздорному положению автор привести, конечно, не может. Но Вегерер не смущался подобными мелочами, он тут же выдвигал и еще более смехотворный аргумент: оказывается ультиматум вовсе не означал неизбежной войны, а Германия и Австро-Венгрия не собирались делать ставку на непринятие ультиматума[28].

Вегерер внес определенные усовершенствования в концепцию германских ревизионистов. Он полностью оправдывает Австро-Венгрию и подвергает еще более яростным нападкам Сербию и Россию. Авторская интерпретация публикаций и «разоблачений» 1924—1928 гг. такова: они якобы радикально изменили оценку действий Габсбургской монархии в 1914 г. Ведь Сербия в 1909 г. непрерывно и сознательно провоцировала Австро-Венгрию, а Россия столь же последовательно подстрекала к этому белградских руководителей. Выдвинув эти положения, находящиеся в противоречии с общеизвестными фактами, автор дошел до того, что представил австрийских государственных деятелей 1914 г. в качестве

[27] Так, в третьем заключительном тезисе его сочинения говорилось даже, что постройка военно-морского флота Германией была с политической точки зрения неуместной.

[28] «Забыв» о германской и австрийской публикациях 1919 г. или мемуарах Конрада, Вегерер ссылался на крайне сомнительные источники вроде «разоблачений» Л. Йовановича.

inslav

кротких, безропотных овечек[29]. Даже после сараевского убийства они собирались уладить дело миром!

Главным «козырем» в обвинениях по адресу царской России Вегерер считал всеобщую мобилизацию 31 июля 1914 г. Русская мобилизация предопределила прекращение дальнейших переговоров, пишет германский реакционный историк, делая вид, что не существовало предшествовавших ультимативных требований Пурталеса в Петербурге (29 июля) или авторитетных слов Мольтке капитану Флейшману (30 июля) [30].

Хотя в некоторых вопросах Вегерер как бы забежал вперед и чересчур неприкрыто солидаризировался с агрессорами [31], американские историки-ревизионисты объявили его сочинение образцовым исследованием, разрешающим все спорные проблемы. В предисловии к американскому изданию книги Вегерера Г. Э. Бэрнс дал ей восторженную оценку; он заявлял также, что деятельность Вегерера следует оценить выше, чем все то, что совершили в Европе Гувер, Дауэс и Юнг [32].

Антиславянская направленность и расизм в германской буржуазной историографии отражали одну из основных линий развития ревизионистского направления 20—30-х годов. Еще в первый период после войны 1914—1918 гг. стало «модным» проклинать «пансербизм» и «панславизм». Немецкие реакционные историки рассчитывали таким путем перекинуть «золотой мост» для сближения с англо-американской историографией и наиболее эффективного воздействия на общественность западных стран.

Примером раннего сочинения, содержавшего значительные элементы расизма, может служить книга Ф. Тённиса «Царизм и его союзники 1914 года» [33]. Автор рисует политику царской России как ужасный заговор против мира и человечества [34].

Характер научной аргументации Тённиса виден из того, что России приписаны специфическая жажда территорий и некая «татарская дикость и воинственность». Что касается Сербии, то ее наказание объявлялось логичным и необходимым, причем идеальным методом такого «возмездия» была бы «локальная война». Следовательно, уже в этой работе, автором которой был известный социолог и историк, мы видим предвосхищение последующих расистских упражнений историков и пропагандистов гитлеровского времени.

Целая плеяда военных и гражданских историков Германии занималась сопоставлением вооруженных сил двух империалистических блоков

---

[29] A. Wegerer. A refutation of the Versailles war guilt thesis. New York, 1930, p. 63, 83.

[30] Только состояние войны между Австро-Венгрией и Россией, а не русская мобилизация, должно явиться поводом для мобилизации в Германии, говорил Мольтке; «В противоположность русским мобилизациям и демобилизациям, ставшим уже обычным явлением, германская мобилизация неизбежно ведет к войне» (Conrad. Указ. соч., т. IV, стр. 152).

[31] Так он оправдывал даже вторжение германских войск в Бельгию.

[32] A. Wegerer. Указ. соч., стр. XVII.

[33] F. Tönnies. Der Tsarismus und seine Bundesgenossen 1914. Neue Beiträge zur Kriegsschuldfrage. Berlin, 1922.

[34] Тённис пишет, например, что первая Балканская война была спровоцирована Россией; она осуществляла далеко идущий план, первой частью которого должен был стать конфликт Балканских стран с Турцией. На самом деле документы показывают, что из всех великих держав именно Россия предприняла некоторые шаги по предотвращению войны 1912 г., а в ходе этой войны давала Сербии «советы умеренности» в отношении притязаний на побережье Адриатики. Можно сказать, что четкого плана территориального расширения и усиления военно-политического могущества у российского правительства в тот период (1912—1913 гг.) не имелось (см. В. И. Бовыкин. Очерки истории внешней политики России. Конец XIX века — 1917 год. М., 1960; К. Б. Виноградов. Дипломатия Австро-Венгрии и первая Балканская война.— «Научные доклады высшей школы. Исторические науки», 1958, № 3).

inslav

к 1914 г.[35] Они доказывали, что «только Германия и союзная с ней Австрия не принимали участия» в подготовке «к великой войне»[36]. В то же время Россия, как утверждал Р. Хёнигер еще в 1919 г., вооружалась в масштабах, угрожавших судьбам всей Европы[37].

В 1924 г. появилась в свет объемистая книга сотрудника Потсдамского военного архива Г. Франца «Вступление России в мировую войну»[38]. Работа содержала много приложений — документов и отрывков из документов, попавших в руки немцев в 1915 г. и позднее. Документальный фон должен был продемонстрировать солидность и беспристрастность произведенного исследования. Однако материалы, привлеченные Г. Францем, дают очень одностороннюю картину боевой подготовки русской армии. Достаточно сопоставить его книгу с известными трудами А. М. Зайончковского, А. Ф. Барсукова и других советских авторов, выпущенными примерно в те же годы, чтобы понять, что немецкий историк стремился преувеличить боеготовность царской армии и воинственность ее руководителей и обходил молчанием крупнейшие пороки всей военной системы царизма, которые к 1914 г. все еще в значительной мере парализовали проводившуюся реорганизацию.

Пространные выкладки Г. Франца нужны были для того, чтобы подчеркнуть центральный тезис об ответственности России в июльские дни 1914 г.: Россия, располагавшая тогда сильной и заблаговременно сосредоточенной армией, произвела, исходя из своих зловещих замыслов, всеобщую мобилизацию, вынудившую миролюбивую Германию предпринять необходимые меры самозащиты. «Хорошо выкованный могучий русский меч,— писал Г. Франц,— был уже вынут, тогда как немецкий еще покоился в ножнах»[39].

Сам ход войны в 1914 г., обнаруживший слабость военной подготовки России и невозможность быстрой переброски войск из-за отсталости транспорта, подтвердил вышеприведенное заявление Мольтке о том, что сама по себе русская мобилизация не составляет непосредственной угрозы для Германии. Роль германской дипломатии также была достаточно выявлена; к тому же именно Австро-Венгрия объявила войну Сербии, а Германия — России и Франции, причем центральные державы явно не исчерпали возможностей мирного урегулирования конфликта.

Указанные причины объясняют, почему в конце 20-х и начале 30-х годов германские и австрийские историки-ревизионисты вновь и вновь обращаются к проблеме австро-сербских противоречий, добиваясь признания особой «вины» Сербии со стороны мировой общественности. А. Вегерер охотно предоставлял страницы своего журнала «Кригсшульдфраге» реакционным австрийским публицистам, которые обливали грязью Сербию и славянские народы. Ссылаясь на различные непроверенные сведения, появившиеся в австрийских, французских, хорватских газетах, эта группа авторов твердила, что Сербия не только была послушным орудием в руках Петербурга, не только вела опасную подрывную работу в пределах Габсбургской монархии, но и сознательно готовила покушение на Франца-Фердинанда, чтобы вызвать европейскую войну. Одновременно предпринимались попытки раз и навсегда отде-

[35] Г. Куль. Германский генеральный штаб и его роль в подготовке и ведении мировой войны. М., 1936 (немецкое издание — 1921 г.); H. Herzfeld. Die deutsche Rüstungspolitik vor dem Welkrieg. Leipzig, 1923.

[36] Г. Куль. Указ. соч., стр. 121.

[37] R. Hoeniger. Rußlands Vorbereitung zum Weltkrieg. Berlin, 1919.

[38] G. Frantz. Russlands Eintritt in den Weltkrieg... Berlin, 1924.

[39] К середине 20-х годов были хорошо известны свидетельства другого рода, и в частности заявление заместителя Мольтке генерала Вальдерзее: «План (германской) мобилизации был закончен 31 марта 1914 г. Как всегда, армия была готова» (Н. П. Полетика. Возникновение мировой войны. М.— Л., 1935, стр. 515).

inslav

лить интересы славянских народов и стран от интересов западных держав. В статье «Как Сербия обманула Англию» Вегерер умудрился даже Великобританию представить в виде невинной жертвы коварных сербов[40].

На рубеже 20—30-х годов реакционные немецкие историки даже стали уверять, что Австро-Венгрия напрасно так долго ждала с наказанием, которого вполне заслужила варварская Сербия. Так, профессор-историк А. Валь писал, что в ультиматуме совершенно справедливо затрагивался суверенитет Сербии, причем Австро-Венгрия рассчитывала, что ультиматум будет отвергнут. Только войной и надлежало пресечь сербскую опасность и добиться, чтобы Сербия исчезла с карты Европы[41].

Подводя определенные итоги всей этой линии обвинений, Г. Бауэр в 1930 г. в книжке «Сараево» представлял дело так, будто никаких сомнений в чрезвычайных преступлениях Сербии и стоявшей за ней царской России уже не осталось[42].

Разгул реваншизма, заполонившего германскую историческую науку, стал возможным только благодаря политическому климату тех лет— возрождению милитаризма в Германии, получившему мощную финансовую поддержку от американских и английских финансовых групп, а также новой волны антисоветской истерии.

Немалую роль сыграло также распространение ревизионистских концепций в Англии, США и даже во Франции.

В атмосфере разочарования и недовольства итогами войны влиятельные политические круги Англии требовали пересмотра Версальских решений, выступали за «духовное сближение» с Германией. Но сближение, «духовное» или политическое, с государством, объявленным единоличным «виновником войны», не могло встретить поддержку общественности. Уже в силу этих обстоятельств многие историки и публицисты энергично взялись за опровержение 231-й статьи мирного договора 1919 г.

Среди английских пособников германского ревизионизма были честные пацифисты, такие, как Э. Морель. Справедливо разоблачая поджигателей войны из лагеря Антанты, они не сумели, однако, распознать, какими опасными врагами мира были и продолжали оставаться германские империалисты. Подчас отдельные британские публицисты доходили до резких обвинений в адрес самой Англии[43]. Но генеральная линия английского ревизионизма состояла не только в том, чтобы амнистировать правящие круги Германии; одновременно прославлялась британская политика «равновесия сил» и мнимое миролюбие правящих кругов.

Эта линия нашла свое выражение в сочинениях Л. Дикинсона, Г. Никольсона, Дж. П. Гуча и др. В 20-х годах большую популярность завоевало сочинение буржуазного пацифиста Л. Дикинсона «Международная анархия»[44]. В книге содержались упреки по адресу секретной дипломатии и похвалы Лиге Наций и ее создателю Вильсону. Автор пробовал соорудить и обобщающую теорию «войны и мира» с помощью расплывчатых рассуждений об «интернациональной анархии». Фактически Дикинсон готов был играть роль адвоката британских правящих кругов: конечно, нехорошо, возвещал он, что Англия связала себя тайными обязательствами, но зато Грей, изображенный рыцарем без страха и упрека, до последней минуты пытался предотвратить войну.

---

[40] «Die Kriegsschuldfrage», März, 1927.

[41] A. Wahl. Der heutige Stand der Kriegsschuldfrage. Landensalza, 1929, S. 26—32, 57—59.

[42] H. Bauer. Sarajevo. Die Verantwortlichkeit der serbischen Regierung an dem Attentat von 1914. Stuttgart, 1930.

[43] См., например, E. G. Gellicoe. Playing the game. London, 1924.

[44] G. L. Dickinson. International anarchy 1904—1914. London, 1926.

inslav

Дикинсон защищал политику кайзеровской Германии и с великодержавной точки зрения оценивал позицию, занятую Австро-Венгрией в 1914 г. Что должна была делать Габсбургская империя для самозащиты? — риторически вопрошал автор. «Я не думаю,— писал этот пацифист,— чтобы среди современных государств нашлась такая страна, которая при сходных обстоятельствах не поступила бы так, как поступила Австрия, чтобы посредством войны раз и навсегда покончить с угрозой...» [45].

Дикинсон ратовал за «локализованную войну». Увы, «локализованную» расправу с Сербией сорвала Россия. Только из-за Петербурга и произошла вся мировая война.

Подлинное лицо Дикинсона, изображавшего себя хранителем непреходящих ценностей европейской цивилизации, хорошо видно из его расистских выпадов против Сербии. В 1923 г. он высокомерно писал, что Сербия являлась «примитивной, варварской, агрессивной» страной, нуждавшейся в хорошом уроке [46].

Выдающийся литератор и историк Г. Никольсон в политической биографии своего отца — известного английского дипломата Артура Никольсона [47]— старается показать, что британская дипломатия и не помышляла об окружении Германии; не было никакого тайного антигерманского сговора с Францией и Россией. Но автор находит оправдание и для германского правительства, которое якобы было дезинформировано о подлинном существе и целях Антанты [48]. Похвалы в адрес «великого европейца» — Бетман-Гольвега (только он да Грей совершенно чисты в моральном отношении), Лихновского и Кюльмана должны были, видимо, смягчить несколько нелестных замечаний о германской дипломатии, отказавшейся от выгодных предложений Англии. Как и в стандартных сочинениях германских ревизионистов, Никольсон акцентирует противоречия в восточной Европе, заявляет, что Россия создала опаснейший Балканский Союз и поощряла Сербию на интриги против Габсбургской монархии. Конкретную ответственность за развязывание мировой войны Никольсон возлагал прежде всего на Сербию, Россию и Австро-Венгрию. Однако, как видно из хода мысли автора, «вина» Австрии состояла скорее всего в том, что она медлила с наказанием Сербии. В Лондоне и Берлине надеялись, что Вена будет (в 1914 г.) действовать быстро и решительно. К сожалению, этого не случилось, и чисто пограничный вопрос превратился в «конфликт между славянами и немцами».

Наиболее эрудированным ученым-специалистом в области дипломатических публикаций в 20—30-е годы заслуженно считался Дж. П. Гуч. Он принял активное участие в составлении «Британских документов» и хорошо знал немецкие и французские публикации. Взгляды Гуча на проблему происхождения войны 1914—1918 гг. испытали заметную эволюцию, которая, впрочем, довольно точно соответствовала «кривой» внешнеполитического курса Англии. В его «Истории современной Европы» (1923) ощущались еще элементы антантофильской пропаганды эпохи войны, особенно в толковании роли Вильгельма II [49]. Но трактовка внешней политики России и Сербии уже напоминала обычные версии английских поклонников ревизионизма. В 1927 г. в серьезном источнико-

[45] Dickinson. Указ. соч., стр. 477.

[46] См. A. J. P. Taylor. The trouble makers. Dissent over foreign policy. London, 1957, p. 179.

[47] H. Nicolson. Die Verschwörung der Diplomaten. Aus Sir Arthur Nicolsons Leben. Frankfurt a. M., 1930.

[48] По утверждению Никольсона, особенно «подводил» простодушных берлинских политиков Зиберт — немецкий шпион при российском посольстве в Лондоне.

[49] Г. П. Гуч. История современной Европы. М.— Л., 1925.

inslav

ведческом обзоре архивных публикаций и литературы о мировой войне Гуч в еще большей мере воспринял идеи ревизии[50]. Гучу была присуща приглаженная концепция англо-германских отношений и косвенное оправдание политики империалистической Германии. Позднее в большом сочинении «Накануне войны» английский историк постарался исторически «фундировать» порочный план Мюнхенского сговора[51].

Среди английских публицистов и историков лишь немногие специально занимались австро-сербскими отношениями и Балканскими противоречиями. Наибольший шум наделала книжка «Сараевское преступление», изготовленная путешественницей и публицисткой Э. Дарэм[52]. Э. Дарэм еще раньше зарекомендовала себя в качестве врага славянских народов, выпустив злобный пасквиль «Двадцать лет Балканской смуты», немедленно переведенный в Германии под названием «Славянская опасность». В своем «Сараевском преступлении» Э. Дарэм в нарочито мрачных красках расписывала «пороховой погреб Европы» — Балканы. Принижение роли южных славян, откровенно расистские концепции и прозрачные намеки на желательность противопоставления одних народов другим — вот что характеризовало воззрения «знатока Балкан», как именовала Дарэм буржуазная пресса.

В первых главах английская публицистика, неудачно оперируя примерами из истории австро-сербских отношений, пыталась доказывать, что Габсбургская монархия как цивилизованное европейское государство имела все права на экспансию и подчинение полуварварской Сербии. В истории Сербии Дарэм видела лишь заговоры и убийства. Сербы — народ восточного склада, почти не способный к «восприятию западных идей; они не ценили благодеяний, которые собиралась им оказать Австрия, а являлись разрушительной, подрывной силой[53]. Если это так, продолжала Дарэм, «то становится понятной позиция тевтонов по отношению к ним в 1914 г.» В книге полностью одобрялся захват Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией и приводились фантастические данные о цивилизаторских достижениях австрийских колонизаторов в Боснии. Э. Дарэм писала: «Ошибкой Австрии была не аннексия Боснии, а то, что аннексия произошла так поздно»; если бы Вена решилась на аннексию раньше, судьбы Габсбургского государства и всей Европы были бы иными.

По вопросу о сараевском убийстве ревизионистски настроенная дама оказалась не в состоянии достаточно проанализировать имевшиеся свидетельства; она попросту включила в свою книгу изложение всех антисербских «открытий», без должной проверки их научной значимости, но с далеко идущими умозаключениями. Автор доверяет и фальсифицированному отчету о Салоникском процессе 1917 г., выпущенному сербским королевским правительством, и газетным сенсациям реакционного австрийского пропагандиста Л. Мандля и другим столь же ненадежным источникам. «Связь преступников с Белградом», утверждала Дарэм, полностью установлена еще в 1914 г.; Австро-Венгрия была со-

---

[50] G. P. Gooch. Recent revelations of European history. London, 1927.

[51] Во втором томе этой работы в идеализированном свете изображались Грей, Бетман-Гольвег, Пуанкаре и Берхтольд (G. P. Gooch. Beforethe war, vol. II. London, 1938). Автор отстаивал идею случайности англо-германского столкновения 1914 г., но по иронии судьбы его книга «Накануне войны» появилась в свет в канун новой схватки двух империалистических хищников.

[52] E. Durham. The Serajevo crime. London, 1925.

[53] Дарэм сравнивала сербский «национализм» с антиимпериалистическим движением в Ирландии. Национально-освободительное движение в понимании автора «более разрушительно, чем отравляющий газ». Австрийские репрессии против югославов, писала Э. Дарэм, ничем особенным не отличались от «наших нынешних действий против большевизма».

inslav

вершенно права в своих требованиях того периода. В заключение автор обрушивался на «Черную руку», сербское правительство и «влиятельные слои» царской военщины, которые тоже, по мнению автора, «одобряли заговор» против эрцгерцога.

В целом грязная книжонка Э. Дарэм может служить показательным примером низкопробной продукции буржуазных авторов-ревизионистов о возникновении войны 1914 г. Не случайно ее подняли на щит А. Вегерер и его подручные в Германии; «идеи» Э. Дарэм перекликались с утверждениями реакционных немецких и австрийских историков, а позднее были «развиты» в фашистской Германии.

Во Франции ревизионистские взгляды не получали особого распространения. Их подхватила только когорта громкоголосых пацифистски настроенных публицистов, группировавшихся вокруг журнала «Эволюсьон» и отражавших настроение некоторых слоев мелкой буржуазии, недовольных политикой «Национального блока». В книгах и статьях Ж. Демарсиаля, В. Маргерита, А. Шарпантье и других остро и удачно вскрывались натяжки официозной концепции Пуанкаре. Но как только дело касалось коренных причин минувшей войны или ответственности Германии, Демарсиаль и близкие к нему авторы послушно и беззаботно повторяли домыслы немецкой пропаганды. Никакими серьезными познаниями по проблемам противоречий на Востоке и Юго-Востоке Европы они не обладали. Тем не менее в книгах М. Морхардта и других сочинениях представителей этой группы высказывались самые категорические суждения о зловещей роли Сербии и ее покровительницы России. В более солидном по форме сочинении историка Ж. Мишона (примыкавшего к названным авторам), полностью извращались основы блока Франции и царской России[54].

В эпоху Локарно и нежных излияний Бриана и Штреземана в Туари некоторые колебания испытали и ведущие историки официального направления. Так, в книге П. Ренувена «Непосредственные причины войны»[55], посвященной дипломатии периода «июльского кризиса», встречаются довольно резкие отзывы о политике царской России, а об ответственности кайзеровского правительства автор писал в несколько приглушенных тонах[56].

Быть может, особенно показательной являлась известная эволюция воззрений «самого» Пуанкаре. В двух первых томах своих мемуаров Пуанкаре резко отозвался об Извольском, а французскую политику изобразил как политику «сдерживания» России, склонной к неосторожным шагам на Балканах. В 1930 г., отвечая на вопросы Р. Жерэна, он дал понять, что в деле развязывания войны весьма значительной была роль бывшего союзника Франции — царской России[57]. В США, так же как и в Англии, в эпоху общего кризиса капитализма подверглись пересмотру многие исторические проблемы: война за независимость, война 1861—1865 гг. и др. Но наибольшее распространение ревизионизм получил в вопросах, связанных с войной 1914—1918 гг. Поражает убогий научный уровень и удивительная даже по сравнению с английскими и

---

[54] G. Michon. L'alliance franco-russe 1891—1917. Paris, 1927. Журнал «Эволюсьон» бесславно закончил свое существование в 1933 г. Многие из французских буржуазных пацифистов позднее оказывали услуги фашистам.

[55] P. Renouvain. Les origins immédiates de la Guerre, 28 juin — 4 août 1914. Paris, 1925.

[56] Ревизионисты в Германии дали довольно положительные отзывы на книгу Ренувена и безуспешно пробовали завербовать французского историка в свой лагерь.

[57] В 1931 г. тот же Пуанкаре согласился написать предисловие к книжке белоэмигранта Коковцева «Le bolchevisme à l'oeuvre», содержащей призывы к скорейшей интервенции.

inslav

французскими работами несамостоятельность продукции американских историков-ревизионистов.

Нельзя не отметить, что ревизионистские концепции имели в США куда большее хождение, чем во всех странах, за исключением Германии.

Объясняя этот феномен, американский историограф З. Эдлер ссылался на то, что «в эпоху джаза» американцам было свойственно все отрицать и пересматривать[58]. Разумеется, имелись куда более веские причины и среди них — банкротство вильсоновской дипломатии, активизация сторонников «изоляционизма», нарастание противоречий с недавними союзниками Англией, Японией и Францией. Сепаратный мир с Германией и энергичная поддержка возрождавшегося германского милитаризма тоже была немаловажным фактором, способствовавшим усилению ревизионистских тенденций[59].

Ряд публицистических сочинений, в которых затрагивалась проблема войны, являлся только откликом на злобу дня или подготовлял общественные круги к новым поворотам американской внешней политики. Таковы, например, две книжки Ф. Босмена. Первая из них вышла в Англии под названием «Пусть Франция объяснит»; она появилась накануне рурской авантюры, а сам французский премьер фигурировал в ней в качестве злоумышленника, который совместно с Россией вовлек в войну англо-саксонские страны. Цель была очевидна — способствовать дискредитации не в меру зарвавшихся французских союзников.

В 1926 г. уже после обострения англо-американских отношений Босмен в книге «Лицом к лицу с Европой» обрушился и на Англию как зачинщицу войны[60].

В 1923 г. Р. Оуэн внес в Конгресс резолюцию о необходимости создания специальной комиссии для пересмотра 231-й статьи Версальского договора. Легко установить связь шумихи, поднятой в связи с этой инициативой, и предложения американских банков и государственного департамента о передаче репарационного вопроса в ведение Особой комиссии экспертов. После того как поток американских капиталов хлынул в германскую экономику, кайзеровскую Германию стали реабилитировать с еще бо́льшим рвением.

Среди множества сочинений ревизионистских авторов были и такие, в которых специально рассматривались «главные», «восточные» корни войны. Так, сенатор Оуэн нашел время для написания книги «Русский императорский заговор», но не обнаружил в ней никаких познаний в избранном сюжете. Огромное внимание разоблачениям «коварства» России и Сербии уделял профессор Г. Э. Бэрнс, который с 1924—1925 гг. играл ведущую роль в американском ревизионизме[61]. Бэрнс не раз подобно флюгеру менял свои симпатии и мнения. В годы войны он поносил немцев, в 1924 г. тщательно взвесил долю «вины» держав за развязывание войны и предложил такой порядок: Австро-Венгрия, Россия, Франция, Германия, Англия... А в 1928 г. аптекарский список Бэрнса

---

[58] «The Journal of Modern history», March, 1951, p. 9.

[59] Одна из задач бесплодной полемики вокруг сараевского покушения и «июльского кризиса» состояла в том, чтобы переключить внимание общественности с проблемы интенсивного вмешательства США в дела Европы и Азии на более сложную и «академическую» тему развязывания мировой войны. Многие ревизионисты приписывали вступление США в войну козням Антанты, отвергая мысль об ответственности американских правящих кругов. Сенатор Р. Оуэн заявлял: «Америка вступила в войну на законном основании независимо от того, какая (из группировок Европы) повинна в стремлении к войне» («The Journal of Modern history», March 1951, p. 25).

[60] F. Bausman. Let France explain. London, 1922; «Facing Europe», New York, 1926.

[61] H. E. Barnes. The genesis of World war. New York, 1926;— In quest of truth and justice. Chicago, 1928.

inslav

выглядел совсем иначе: Сербия, Россия, Франция — виновницы войны, а остальные государства «относительно невиновны». В свойственном ему бойком, оглушающем тоне Бэрнс преподносил американской публике обветшалые или более «свежие» аргументы немецких ревизионистов в качестве последних научных открытий. Подчеркивая ответственность России, он с большим апломбом излагал версии Штиве и ему подобных. Извольскому Бэрнс готов был приписать руководящую роль в подготовке французского империализма к войне. В 1912 г. Пуанкаре «капитулировал перед дьявольскими внушениями Извольского», а в 1913 г. был избран президентом с помощью «русского золота». Вездесущий Извольский «обратил в свою веру» Сазонова, а кроме того, был якобы в курсе «сербского комплота» против Франца-Фердинанда. В 1914 г. Россия решила форсировать войну из страха перед вероятным англо-германским сближением. К подобному более чем спорному выводу Бэрнс приходил на основе косвенных свидетельств. Еще сомнительнее выглядели те «источники», которые использовались для обвинений Сербии, а также Гартвига, Артамонова и других «русских военных» в заговоре против Австро-Венгрии.

Особенный вред наносила та часть рассуждений лидера американских ревизионистов, в которой он безоговорочно оправдывал германские правящие круги и цинично поддерживал идею германского реванша. В лице Бэрнса мы видим типичного буржуазного лжеученого, прикрывавшего звонкой фразой крайнюю тенденциозность и недостаток научной добросовестности. Французский историк Ж. Изаак отмечал, что стиль сочинений Бэрнса «похож скорее на технику бокса, чем на историческое исследование», а к «историческому методу» он часто «прилагает необузданную фантазию» [62].

Несколько бо́льшими научными достоинствами обладали работы другого ревизионистского историка С. Фея. Однако, будучи поклонником немецкой исторической науки, он совершенно некритически воспринял выводы «Большой политики», положенной им в основу своей книги «Происхождение мировой войны» [63]. Хотя появление австрийской публикации 1930 г., а затем и большой советской публикации обесценило значительную часть работы, проделанной историком, он при переизданиях своего труда не желал идти ни на какие серьезные коррективы. Весьма стойким оказалось и германофильство Фея. Даже после прихода Гитлера к власти он продолжал сотрудничать в немецкой ревизионистской печати и участвовать в изоляционистской пропаганде в самой Америке.

Отрицая «экономическую интерпретацию» происхождения войны, Фей склонен полагать, что англо-германское соперничество не сыграло заметной роли в качестве первопричины войны 1914 г. Кроме того, историк преувеличивает роль различных случайностей и политического повода к войне.

В сочинении Фея выпячиваются австро-русские, австро-сербские и русско-германские противоречия. В оправдании политики Габсбургской монархии автор не пошел так далеко, как Бэрнс; он даже покритиковал Берхтольда и других венских руководителей. Однако общая картина австро-сербских отношений основательно искажена. Характерно то, как преподносит американский историк сараевское убийство и его последствия. Нарисовав умилительную картину супружеского счастья Франца-Фердинанда, он, по словам В. М. Хвостова, не только акцентирует

[62] См. «Berliner Monatshefte», November, 1934, S. 915.

[63] S. B. Fay. The origins of the World war, vol. I—II. New York, 1928 (русское издание — 1934 г.).

inslav

внимание читателей на мелочах, но и заранее пробует возбудить их симпатии к жертвам «сербов-убийц»[64]. Затем следует пространный, но далеко не убедительный рассказ о «преступлении», совершенном при участии сербских властей, и подготовке «наказания» со стороны Австрии.

В «заключении», помимо пылкой защиты невинности кайзеровской Германии, приводятся и доводы в пользу Габсбургской монархии («ей самой казалось, что она действует в состоянии самообороны»). С другой стороны, Россия подбадривала Сербию, а своей мобилизацией сделала «войну неизбежной».

Сочинение Фея буржуазная пресса расценила как шедевр исторической науки; в США, по выражению современного американского историка Р. Альбрехт-Карье, на книге «Происхождение мировой войны» воспитывались поколения студентов; «влияние Фея на воззрения американцев едва ли может быть переоценено»[65]. Работа С. Фея содействовала дальнейшему распространению ревизионистских взглядов и за пределами Америки.

К началу 30-х годов многие положения, выдвигавшиеся историками антантофильского направления, были опрокинуты или поколеблены[66].

Столпы ревизионизма горделиво приписывали себе эти достижения, хотя на деле большую роль тут сыграло ознакомление общественности с документальными сборниками, отражавшими империалистические замыслы Антанты, а также выступления прогрессивных историков и публицистов.

В то же время попытки историков-ревизионистов утвердить свои концепции непорочности Германии и особой ответственности царской России и Сербии наталкивались на возрастающий отпор.

В конце 20-х и начале 30-х годов во Франции, США и других странах появилось немало трудов, в которых ревизионистские версии были подвергнуты всесторонней критике. Из числа французских историков особенную активность проявлял П. Ренувен. В главах коллективной «Истории Европы» он очень искусно базировался на немецкой и австрийской публикациях 1919 г.[67] Все изложение ожесточенной борьбы 1914 г. «вертится» вокруг помыслов и действий берлинской и венской дипломатии; Франция и Англия отодвинуты в тень, и только специальный раздел «Русское вмешательство» напоминал, что компромисс в старых спорах «за счет России» высоко котировался в Западной Европе. В книге «Европейский кризис и великая война» по большинству вопросов Ренувен стал еще энергичнее оспаривать концепции и аргументы историков-ревизионистов[68].

К 20-летию со дня начала первой мировой войны во Франции появилось еще несколько работ о ее возникновении. Одна из них — «Причины мировой войны» была написана К. Блоком, профессором Сорбонны, директором «Библиотеки и музея великой войны»[69]. По словам автора, он стремился создать только «короткое экспозэ» самых существенных событий и адресовал книгу широким читательским кругам.

Небольшая по размерам книга Блока была серьезной заявкой на обобщение антантофильской аргументации, причем в заключительной главе давалось «общее резюме» в виде четких и отшлифованных тезисов. Автор

[64] «Историк-марксист», 1931, т. 21, стр. 175.

[65] R. Albrecht-Carrié. A diplomatic history of Europe. New York, 1958, p. 161.

[66] В этом не было ничего удивительного, поскольку ряд основополагающих тезисов Антанты был буквально шит белыми нитками.

[67] «Histoire diplomatique de l'Europe (1871—1914) publiée sous la direction de H. Hauser», vol. II. Paris, 1929.

[68] P. Renouvain. La crise européenne et la grande guerre (1904—1918). Paris, 1934.

[69] C. Bloch. Les causes de la guerre mondiale. Précis historique. Paris, 1933.

inslav

нашел «удачный ход», оперируя почти исключительно германскими и австрийскими источниками. Схема книги Блока была тщательно разработана: ответственность правителей Германии и Австро-Венгрии, стремившихся к войне 1914 г., доказывалась почти математически. В вопросе о «локализации» войны мнение Блока не совсем совпадало со взглядами его коллеги Ренувена, который полагал, что кайзеровская Германия готова была удовлетвориться «местным успехом». Позиция Блока была иная: шумиха вокруг «локализации» лишь прикрывала курс на «большую» войну, избранный Берлином; «тезис о локализации», писал Блок, был маневром, призванным отбросить Россию на невыгодную позицию...»[70].

Из числа американских историков наиболее серьезным противником ревизионистов зарекомендовал себя чикагский профессор Б. Шмитт. Его капитальное исследование «Возникновение мировой войны» явилось результатом длительного изучения источников, занявшего более десяти лет[71]. Работу Шмитта отличало стремление наиболее полным образом ознакомиться с документами из русских архивов. В первом томе монографии Шмитта приводятся яркие материалы, иллюстрирующие агрессивное существо германо-австрийского военно-политического союза. Используя свидетельства Конрада и развивая положения, выдвинутые австрийским публицистом Г. Каннером, Шмитт отстаивал мнение о первостепенном значении военной конвенции Мольтке — Конрад (1909). Автор подчеркивал то обстоятельство, что не Австро-Венгрия, а Германия является руководящей силой в союзе центральных держав; германские милитаристы, пишет он, наметив план организации войны с помощью австро-сербского конфликта, вовсе не забыли о сговоре 1909 г., а отложили его до наиболее подходящего момента. Развивая тезис об экспансии Германии и Австро-Венгрии на юго-восток, историк отмечал, что еще накануне сараевского покушения австрийская дипломатия выработала план «переустройства» Балкан, означавший серьезную угрозу миру. Этот план Берлин, по всей видимости, намеревался санкционировать после внесения некоторых выгодных для Германии корректив.

Б. Шмитт указывал, что ультиматум 23 июля 1914 г. оказался важнейшим шагом к войне мировых масштабов; и в этом вопросе основную долю вины несла Германия. Объявление Австро-Венгрией войны Сербии явилось еще одним преступлением против европейского мира, Германия не препятствовала ему, а так называемое посредничество Бетман-Гольвега было лишь нечестным трюком. Наконец, особую ответственность взяло на себя германское правительство тем, что предъявило ультимативные требования, а затем объявило войну России и Франции. Попутно Шмитт выявлял несостоятельность получившей чуть ли не мировое признание версии ревизионистов о значении всеобщей мобилизации в России. Эта мобилизация сама по себе никак не означала войны в Европе, говорит он; решение Германии начать войну было принято еще до получения достоверных сведений о мероприятиях царского правительства.

В нескольких работах противники ревизионистской версии исследовали историю австро-сербских отношений. Ведущим авторитетом в этой области среди западноевропейских историков слыл Р. У. Ситон-Уотсон. Еще до 1914 г. он написал несколько книг об Австро-Венгрии и югославском движении, а в годы войны, находясь в контакте с официальными британскими кругами, старался обеспечить английские интересы при

---

[70] В «Нувель Литератэр» он добавлял, что Германия «любой ценой» намеревалась использовать Сараевское покушение для развязывания войны (см. Bloch. Указ. соч., стр. 79—80; «Berliner Monatshefte», März 1934, S. 266).

[71] B. E. Schmitt. The coming of the war, vol. I—II. New York, 1930.

inslav

перекройке карты в бассейне Дуная[72]. В 1926 г. Ситон-Уотсон выпустил книгу «Сараево», перекликавшуюся по тематике с упоминавшимся сочинением Э. Дарэм, но написанную на более высоком научном уровне[73]. Ситон-Уотсон был знаком с мнением, которое незадолго перед тем было развито в книге одного из участников организации «Молодая Босния» Б. Ефтича[74].

Ефтич и примыкавшие к нему югославские публицисты справедливо указывали на то, что покушение на эрцгерцога, как и предшествовавшие ему покушения на других австро-венгерских деятелей, являлось прежде всего результатом порядков, царивших в Габсбургской монархии. Ситон-Уотсон поддержал концепцию Ефтича. Значительная часть его работы посвящена описанию положения Боснии и Герцеговины в конце XIX и начале XX вв. Автор останавливался также на некоторых других вопросах предыстории войны и дипломатии периода «июльского кризиса». Касаясь позиции сербского правительства, он обратил внимание на его противоречия с «Черной рукой», особенно обострившиеся в 1914 г. Кроме того, подчеркивалось, что в это время «Сербия имела все основания уклоняться от войны».

Примерно в таком же духе трактовали австро-сербские корни мировой войны французские историки А. Муссэ, Э. Оман и Саваджан[75]. Можно отметить также содержательную книгу польского автора Вл. Глюка «Сараево»[76]. Глюк провел свою молодость в Боснии. Подобно Ефтичу, он выступал одновременно в роли мемуариста и историка. Глюк признает, что боснийская молодежь испытывала влияние сербской пропаганды, что Дмитриевич пробовал направлять ее революционную активность. И все же не внешние причины, а невыносимая обстановка, сложившаяся в Боснии, нерешенный аграрный вопрос и другие результаты австрийского управления оказались главной причиной сараевского убийства. Выстрел сына боснийского кмета в австрийского эрцгерцога, пишет Глюк, «быть может лишь случайно стал сигналом к европейской войне, но безусловно он был протестом против системы» землепользования в Боснии.

Интересная работа Вл. Глюка являлась, пожалуй, исключением из всех трудов разобранной группы буржуазных авторов, которые практически рассматривали все вопросы внешней политики в полном отрыве от национально-освободительного движения и внутриполитической обстановки в той или другой стране[77]. Книги Ситон-Уотсона, Шмитта, Блока и Ренувена имеют и другие существенные недостатки, порожденные желанием полностью оправдать империалистов Антанты, которые несли свою долю ответственности в развязывании мировой войны[78].

Сильные в критике несостоятельных концепций германских ревизионистов, историки антантофильского направления сами допускали грубей-

---

[72] Публицисты 20-х годов частенько иронически именовали Р. У. Ситон-Уотсона «отцом Югославии».

[73] R. W. Seton-Watson. Serajevo. A study in the origins of the great war. London, 1926. С полным основанием отвергались столь сомнительные источники как «Тајна превратна организација» (Солунь, 1918) и свидетельства Л. Йовановича.

[74] B. Jevtić. Sarajevski atentat... Sarajevo, 1924.

[75] A. Mousset. Un drama historique. L'attentat de Sarajevo... Paris, 1930 (Introduction); E. Haumant. La formation de la Yougoslavie. Paris, 1930; L. Savadjian. Les origins et les résponsabilités de la guerre mondiale. Paris, 1933.

[76] W. Gluck. Sarajewo. Historia zamachu Sarajewskiego. Kraków, 1935.

[77] В этом отношении не составляли исключения и сочинения «знатока Боснии» — Р. У. Ситон-Уотсона, ибо и он довольно поверхностно анализировал сложное переплетение классовых и национальных противоречий в оккупированных провинциях.

[78] Спекулятивные рассуждения Ситон-Уотсона о том, кто мог бы убить эрцгерцога, бездоказательные заявления об искреннем стремлении Сербии к сближению с Австро-Венгрией в 1912—1913 гг. также снижали достоинства его работы.

inslav

шие натяжки, когда дело доходило до изображения политики Англии, Франции и царской России. Так, Б. Шмитт восхвалял дипломатию Э. Грея; реабилитировал он и правящие круги России и Франции и, подобно С. Фею, считал возможным не упоминать о политике США. Труд Шмитта «Возникновение мировой войны» характерен и тем, что историк избегал серьезных обобщений относительно природы войн при капитализме и обошел важнейшие причины империалистической войны 1914—1918 гг.

Следует подчеркнуть, что даже самые последовательные противники ревизионистов из числа буржуазных ученых уделяли ничтожное внимание англо-германскому антагонизму и борьбе великих держав из-за колоний. В работе К. Блока «Причины мировой войны» изложение открывается «австро-сербским антагонизмом». В книге Л. Саваджана вначале перечисляется ряд причин мирового конфликта, но затем все сводится к балканским противоречиям [79].

Наконец, подчеркнем, что ведущие историки обоих направлений тщательно замалчивали ответственность капиталистических кругов и особенно пушечных королей. Появившиеся памфлеты и книги прогрессивных публицистов и историков объявлялись ненаучными и игнорировались «серьезными» историческими журналами [80].

Таким образом, жаркие споры историков этих направлений носили несколько камерный и даже искусственный характер. В дискуссиях могли быть решены только частные, второстепенные вопросы.

В начале 30-х годов историки-ревизионисты, стремясь «подогреть страсти», пошли по линии изобретения новых дополнительных аргументов. К тому же в тот период усиления международной напряженности инициаторам крестового похода против СССР нужны были свежие «доказательства» воинственности России и русского народа. В этой ситуации А. Вегерер взял на себя задачу создать целую «историю» о губительном влиянии России на ход событий в 1914 г. В июле 1931 г. в очередном номере «Берлинер Монатсхефте» он поместил статью под кричащим заголовком «Решающий шаг к мировой войне» [81]. Опус Вегерера — один из наиболее наглядных примеров маразма буржуазной историографии эпохи империализма. С помощью самой беспардонной лжи и подтасовки германский историк силился доказать, что правительство Сербии готово было 25 июля 1914 г. согласиться на все условия австрийского ультиматума, но в последний момент царское правительство сорвало намеченную капитуляцию. Отсюда, как писал Вегерер, «вытекает, что своим вмешательством 25 июля в австро-сербский конфликт Россия сделала решительный шаг к мировой войне».

На чем же основывал Вегерер свои несуразные заявления? На косвенных данных самого подозрительного свойства. Сознавая, что подобная источниковедческая база никого не убедит, он пошел и на чисто жульническую операцию — изобрел примерный текст двух телеграмм, которые будто бы поступили «из Петербурга» в Белград днем 25 июля и заставили сербское правительство изменить свою позицию. Фантастическая версия Вегерера была разрекламирована как последнее слово исторической науки и встретила, в частности, сочувственный отклик со стороны Фея.

Другая попытка оживить затухающую легенду о коварстве сербских и русских поджигателей мировой войны была предпринята реакционным

[79] L. Savadjian. Les crigins et les résponsabilités de la guerre mondiale (1933).

[80] Лишь немногие буржуазные авторы (Ф. Ноэль-Бейкер, Г. В. Хальгартен и др.) осмеливались касаться столь рискованной темы.

[81] Статья была вскоре издана в виде отдельной книжки: A. Wegerer. Der entscheidende Schritt in den Weltkrieg. Berlin, 1931.

inslav

французским журналистом А. Поцци. Стремясь, по-видимому, с помощью ошеломляющего материала обеспечить внимание издателей, читающей публики и хорошие гонорары, он опубликовал в 1933—1936 гг. несколько сенсационных книжек[82]. В разных вариантах Поцци обрушивался на «Черную руку» и правительство Пашича и ссылался на некие документы, оставшиеся от покончившего самоубийством сотрудника сербского посольства в Лондоне В. Петровича[83]. Поцци указывал, что сербский посланник в Петербурге Спалайкович 25 июля отправил телеграмму в Белград, повлиявшую на решение сербских властей. Читателю навязывалось мнение, что не будь этой телеграммы — не произошло бы никакой мировой войны!

Измышления Вегерера и Поцци были только новыми попытками вдохнуть жизнь в отвергнутые передовой наукой домыслы о существовании каких-то «решающих документов», которые в один присест могли бы объяснить происхождение войны. К тому же версия Вегерера оказалась совершенно несостоятельной в свете предпринятой по инициативе французского историка Ж. Изаака проверки соответствующих фондов белградских архивов. Главным событием, которое внесло ясность в нарочито запутанный вопрос о развязывании войны, явился выход в свет первых пяти томов третьей серии «Международные отношения в эпоху империализма» (по периоду с января по август 1914 г.). Анализируя советскую публикацию, Б. Шмитт приходил к такому выводу: «Какова бы ни была окончательная цель русской политики, Сербия, насколько видно из документов, никак не поощрялась к вызовам по отношению к Австрии. Нет также указаний на то, чтобы Россия имела в виду войну в 1914 г.»[84]. Б. Шмитт шел чересчур далеко и полагал, что документы вообще реабилитируют царскую дипломатию[85]. Но заслуживают внимания высказанные им суждения о позиции Сербии и России в связи с австрийским ультиматумом. «Русские документы,— писал он,— никоим образом не подтверждают... мнение» Вегерера; сербское правительство ни в один момент не собиралось принимать австрийский ультиматум полностью, а никаких подстрекательских телеграмм 25 июля в природе не существовало. Наконец, из документов вытекало, что «Россия, кроме указаний самого общего характера, предоставила Сербии самой принимать решения»[86].

Немецкие историки в фашистский период не раз продолжали твердить о чрезвычайной ответственности России в 1914 г. Обвинения по адресу правительств Сербии и России переносились на все славянские народы, их объявляли неспособными к мирному сосуществованию с соседями. Фашистские историки принялись также «доказывать», что лозунг Гитлера о закономерности «локальных» войн подкрепляется опытом истории[87]. Фашистская пропаганда вела тогда огонь по принципам коллективной безопасности и «неделимости мира», выдвинутым

---

[82] A. Pozzi. La guerre revient. Paris 1933; его же. Les coupables. Paris, 1936.

[83] В середине 30-х годов, когда Европа находилась перед лицом фашистской опасности, прогрессивный английский публицист Э. Генри опубликовал книгу «Гитлер над Европой». И в это же время, дезориентируя общественность, Поцци напечатал в Лондоне книжку под названием «Черная рука над Европой» (Black hand over Europe. London, 1935).

[84] Б. Шмитт. Россия и война.— «Историк-марксист», 1935, № 2—3, стр. 76.

[85] Советские историки всегда выступали против ненаучной интерпретации позиции империалистической России. В 1955 г. на Римском историческом конгрессе Б. Шмитт вновь заявил, что Антанта и, в частности, царская Россия неповинны в возникновении войны 1914 г. Эта точка зрения вызвала заслуженную отповедь со стороны членов советской делегации.

[86] «Историк-марксист», 1935, № 2—3, стр. 79.

[87] В «Берлинер Монатсхефте» Вегерер утверждал, что первая мировая война не произошла бы, если бы австро-германскому блоку позволили в 1914 г. расправиться с Сербией.

inslav

советской дипломатией. В прошлом усиленно выискивали все, что могло бы воспрепятствовать наметившемуся сближению СССР с буржуазно-демократическими странами. Расцвет человеконенавистнического расизма в Германии привел к тому, что теория об особой ответственности Сербии и России потеряла последнее подобие наукообразия. Так, в книжке Г. Гиллера «Развитие австро-сербских противоречий 1909—1914 гг.» политика Габсбургской монархии, представлявшей «западный принцип права», изображена как «оборонительная по всей линии». Нападающей стороной показана Сербия, политика которой содержала некое «византийское ядро» и олицетворяла «восточный принцип силы». Множество фальсификаций можно обнаружить и в «трудах» историка-нациста Э. Анриха о «югославском вопросе»[88]. «Штурмовики от науки», подобные Анриху, выражали неодобрение «чересчур пассивной» внешней политике Австро-Венгрии. В книге «Мир разбился вдребезги» фашистский публицист Й. Розенбауер, кроме того, обвинял правящие верхи Габсбургской монархии в примирительном отношении к России и Сербии и в прославянских симпатиях[89].

Вторжение фашистов в историографию первой мировой войны только компрометировало ревизионистские концепции. Тем не менее на Западе в эпоху Мюнхена ревизионизм еще пользовался определенным престижем. Сокрушительную критику домыслов историков ревизионистов дали в этот период советские историки[90]. Из числа югославских историков против извращений австро-сербских отношений выступил Вл. Чорович. Его труд[91] был основан на тщательном изучении сербских архивов, а также архивных и опубликованных документов ряда других стран. Подчеркивая особенности внешней политики Габсбургской монархии, Чорович устанавливал, что австрийские правящие круги тщетно пытались задушить Сербию экономически, несколько раз пробовали начать разбойничью войну против нее и уничтожить сербское государство. Нападение Австро-Венгрии на Сербию в 1914 г., подчеркивал Чорович, явилось только завершающим звеном в давно подготовлявшейся агрессии, а выстрелы в Сараево — желанным предлогом[92].

В 1939 г. Вегерер выпустил двухтомный труд «Начало мировой войны»[93]. Исследование обнаруживало незаурядную эрудицию автора, но было целиком посвящено «июльскому кризису». Вместо вопроса о возникновении мирового конфликта читателю преподносился утомительный рассказ о дипломатических перипетиях последних предвоенных дней. И в этом сочинении Вегерера австро-сербские противоречия объявлялись особенно существенными для судеб мира. Габсбургская монархия даже после ультиматума намеревалась продолжать «консервативную политику»; сам ультиматум был «резким, но выполнимым». Пашич «с восточным равнодушием» предоставил решение Петербургу, а Спалайкович — демонический персонаж, разжигавший войну, подлил масла в огонь... Постановления царского совета 25 июля стали одной из главных причин,

---

[88] G. Hiller. Die Entwicklung des österreichisch-serbischen Gegensatzes 1908—1914. Halle, 1934; E. Anrich. Die jugoslawische Frage und die Julikrise 1914. Stuttgart, 1931; E. Anrich. Europas Diplomatie am Vorabend des Weltkrieges. Berlin, 1937, S. 34—50.

[89] J. Rosenbauer. Ein Welt zerbrach. Der Weg nach Sarajevo. Berlin, 1937.

[90] В первую очередь можно отметить работу Ф. И. Нотовича «Фашистская историография о «виновниках» мировой войны» («Против фашистской фальсификации истории». М.— Л., 1939, стр. 280—409).

[91] «Односи између Србије и Аустро-Угарске у XX веку». Београд, 1936.

[92] Буржуазные историки организовали «заговор молчания» вокруг содержательной работы Джоровича.

[93] A. Wegerer. Der Ausbruch des Weltkrieges, Bd. I—II. Hamburg, 1939. Работа вышла как раз в момент развязывания новой мировой войны.

inslav

благодаря которой «дипломатии не удалось локализовать конфликт и... избежать мировой войны». К еще более роковым последствиям привело то, что Россия совершила «прыжок через несколько отрезков развития» и объявила всеобщую мобилизацию. Только это вынудило Германию предпринять эффективные «ответные» шаги» [94].

Концепция Вегерера не отличалась оригинальностью. Политическая основа его взглядов также была достаточно очевидной. Он сожалел, что Англия упустила возможность путем гарантии нейтралитета Франции ограничить зону конфликта в Европе, т. е. канализировать германскую агрессию на Восток.

В период второй мировой войны германская пропаганда перестроилась и с новой силой обрушилась на «коварный Альбион» и другие державы Запада. Однако расистские выпады фашистских историков против славянских стран стали еще разнузданнее. Так, в докладе известного историка Г. Риттера о «Загадке России» (1943) содержались антинаучные сравнения политики царской России и СССР. История русского государства «учит нас пониманию смысла борьбы за жизнь, в которой мы являемся телохранителями западного человечества», возвещал Риттер [95]. Прямая связь между «Дранг нах Остен» в политике и упражнениями фашистов в области истории хорошо видна на другом примере. В близком к правительственным кругам журнале «Аусвертиге Политик» в 1943 г. появилась статья под вызывающим заголовком «Решающий документ, относящийся к вопросу об ответственности за войну 1914 г.» [96]. Автор статьи, продавшийся гитлеровцам австрийский историк Г. Юберсбергер решил использовать некоторые документы, захваченные германскими войсками в Белграде в 1941 г.; Юберсбергер заявлял: теперь в немецких руках имеются бесспорные свидетельства того, что русский генеральный штаб, царское правительство, вообще русские не только непосредственно готовили покушение на эрцгерцога Франца-Фердинанда, но и задавались вполне определенной целью развязать войну. Несомненно подобные рассуждения преследовали отчетливую политическую задачу — еще раз очернить Россию, русский народ, дать лишний довод в поддержку заявлениям «фюрера» о том, что он атаковал Советский Союз, предвосхищая готовившееся нападение на Германию, и ведет борьбу против «русского варварства».

Для нравов реакционных историков характерны приемы, использованные Юберсбергером. Своей козырной картой он считал письмо Димитриевича, написанное в 1917 г. в период так называемого Салоникского процесса. В этом письме руководитель сербской «Черной руки» признавался, что организовал покушение на эрцгерцога, но категорически заявлял, что не сообщил царскому атташе Артамонову своих «замыслов о покушении». Этому показанию, написанному незадолго до казни, можно верить; поэтому письмо действительно проливало дополнительный свет на второстепенные, но все же немаловажные вопросы предыстории войны 1914 г. Однако, чтобы придать видимость правдоподобия своим измышлениям, Юберсбергер пошел на грубый подлог, изменив текст соответствующей фразы таким образом, будто Димитриевич сообщил Артамонову о планах убийства Франца-Фердинанда. Только много лет спустя, в период, когда в Белграде пересматривались решения Салоник-

---

[94] Разумеется, предшествовавшая провокационная политика немецкой дипломатии изображалась в самом искаженном виде. Так, например, угрозы Пурталеса трактовались как «дружественное предостережение».

[95] G. Ritter. Lebendige Vergangenheit. Beiträge zur historischer-Selbstbestimmung. Leipzig, 1944, S. 382—383, 389.

[96] «Auswärtige Politik», VII, 1943, S. 429—438.

inslav

ского процесса, фальшивка Юберсбергера была до конца разоблачена [97].

В первый период после окончания второй мировой войны происхождение войны 1914 г. почти не привлекало внимания историков. В последнее время наблюдается новое оживление интереса к этой проблеме. Казалось бы, ревизионистской традиции был нанесен решительный удар. Широкую известность в читательских кругах завоевали книги А. Дж. П. Тейлора, Л. Альбертини и некоторых других историков, в которых подчеркивается ответственность кайзеровской Германии. Так, Тейлор дает развернутую характеристику внешнеполитической активности Германии, нарастания авантюристических тенденций в государственном и военном руководстве этой страны. В одной из глав своей книги «Борьба за господство в Европе» и в сжатом очерке «Начало первой мировой войны» английский историк объясняет почему же разгорелась война. Его рассказ об австро-сербском конфликте — в духе модернизированной версии Р. У. Ситон-Уотсона — не лишен логики [98]. Но парадоксы относительно подлинных причин войны 1914 г. обнаруживают идеалистические взгляды автора [99].

В 50-е годы на английский язык было переведено обширное исследование покойного историка Л. Альбертини, вышедшее в Италии еще в 1942—1943 гг., «Происхождение мировой войны 1914 г.» [100] Ученый добросовестно прослеживал подготовку Германии к войне. Нельзя не согласиться с его положением о том, что в 1914 г. не Австро-Венгрия тащила за собой упиравшуюся Германию в пропасть военной катастрофы, а само германское правительство, рассмотрев все «за» и «против» большой войны, решило рискнуть [101].

Сочинение Альбертини бесспорно представляет собой одну из замечательных исследовательских работ. Однако ее пронизывает эмпиризм: бесконечные цитаты достигают больших размеров, а мысли автора подчас совершенно теряются среди этого изобилия. Фактография сочетается у Альбертини с другой отличительной чертой современной буржуазной историографии происхождения войн — уклоном в дипломатическую историю. Само построение монографии итальянского историка воплощает порочные черты обоих главных направлений в разработке этой проблемы, ибо автор оставляет в стороне антагонизмы мировых масштабов и преимущественно занимается вопросами, порожденными конфликтами в Юго-Восточной Европе [102]. Уже эта краткая оценка дает представление о том, насколько скороспелым были суждения некоторых западных рецензентов, объявивших фундаментальный труд Альбертини исчерпывающим и окончательным.

С начала 50-х годов в ФРГ, США и некоторых других странах наблюдается заметное усиление ревизионистских концепций. Нетрудно распознать главную политическую причину этого явления: возрождение гер-

[97] Аутентичный текст письма Димитриевича можно найти в кн.: М. Ж. Живановић. Солунски процес хиљаду деветсто седамнаесте. Београд 1955; ср. H. Uebersberger. Österreich zwischen Russland und Serbien. Köln, 1958, s. 287—290.

[98] А. Дж. П. Тейлор. Борьба за господство в Европе. М., 1958, гл. 22; A. J. P. Taylor. Englishmen and others. London, 1956, p. 119—125.

[99] Люди 1914 г. устали от мира и безопасности, пишет Тейлор. Все же ход событий определили лишь три человека — Берхтольд, Бетман-Гольвег и умерший Шлиффен.

[100] L. Albertini. The origins of the war of 1914, vol. I—III. London, 1952—1957. Общий объем работы — около 2000 стр.

[101] У Альбертини встречается немало противоречий. Так, он полагает, что царь Николай II и его министр иностранных дел жаждали сохранить мир. С другой стороны, историк внезапно присоединяется к версии Вегерера о вмешательстве Сазонова, сорвавшем принятие ультиматума Сербией. Разноречивы и мнения автора по проблемам австро-сербских отношений.

[102] Преувеличен также удельный вес Италии в мировой политике.

inslav

манского милитаризма побуждает реакционных публицистов и историков фальсифицировать историю обеих мировых войн в благоприятном свете для застрельщиков этих войн.

В США активным апологетом германского империализма выступает Г. К. Мейер [103]. Германия конца XIX — начала XX в. считалась пугалом для других, но на самом деле была менее опасной, чем ее считали, пишет Мейер. Стремление к территориальному расширению было тогда «весьма незначительным», а немецкие правящие круги вообще не имели касательства к «натиску на Восток». Германия не имела «позитивных» целей и вступила в войну лишь ради поддержки своего единственного союзника.

Другой американский историк, А. Вагтс, утверждает, что германская армия не была нацелена на войну, ибо перед ней не ставилась захватническая программа. «Отсутствие империалистических целей, сочетавшееся с социальным консерватизмом», из-за которого войска не были усилены должным образом, «сделало германскую армию мирной по сравнению с русской и французской армиями» [104]. Эти перепевы ревизионизма 20-х годов нельзя, конечно, рассматривать иначе, чем попытку подкрепить политику НАТО — политику воссоздания вооруженных сил Западной Германии.

В других сочинениях развивается идея о случайности войны между США и Германией. Так, Э. Бюриг утверждает, что ни в прошлом, ни в настоящем не было и не могло быть особых причин к вражде двух этих государств [105].

Много искажений встречается в книгах американских ученых, специализирующихся по истории славянских стран и Австро-Венгрии. В книге Л. Джерсона «Вудро Вильсон и возрождение Польши», получившей скандальную известность из-за анекдотических ляпсусов и обнаруженного плагиата, облагораживалась германская политика разбоя на польских землях [106]. В солидном обзоре «Габсбургская монархия» американский историк А. Мэй в светлых тонах обрисовал внутреннюю и внешнюю политику Австро-Венгрии [107]. Наконец, отметим книгу И. Ремэка «Сараево» [108], содержащую довольно односторонний рассказ о покушении на Франца-Фердинанда и заостренную против его убийц. Появление сочинения Ремэка симптоматично: современные американские реакционные историки возвращаются к началу пути: подобно Г. Э. Бэрнсу, они вновь преувеличивают значение конфликтов в Юго-Восточной Европе и готовы объявить Германию и Австро-Венгрию невинными жертвами агрессии других государств [109].

В Западной Германии милитаристская и реваншистская пропаганда усиливается с каждым годом. Не последнюю роль в идеологической обработке населения играют труды на темы военно-политической и дипло-

---

[103] H. C. Meyer. Mitteleuropa in German thought and action 1815—1945. The Hague 1955;— Der «Drang nach Osten» in die Jahren 1860—1914, «Die Welt als Geschichte», 1957, Heft 1.

[104] A. Vagts. Defense and diplomacy. The soldier and the conduct of foreign relations. New York, 1956, p. 364.

[105] E. H. Buehrig. Woodrow Wilson and the balance of power. Bloomington, 1955, p. 17. Сходные взгляды проповедуют А. Линк, Х. Хольборн, Э. Мей и др.

[106] L. L. Gerson. Woodrow Wilson and the rebirth of Poland, 1914—1920. New York, 1953.

[107] A. J. May. The Habsburg monarchy, 1867—1914. Cambridge, Mass., 1960.

[108] I. Remak. Sarajevo. The story of a political murder. New York, 1959.

[109] Сам Бэрнс в 1951 г. высказался в пользу прежней своей точки зрения. Переиздавая свое «Происхождение мировой войны», С. Фей также демонстративно заявил, что все новые архивные материалы, преданные гласности после публикации немецкой «Большой политики», не изменили его позицию по вопросу об ответственности за первую мировую войну. P. Ostwald. So fing es an. Die diplomatische Vorgeschiehte des ersten Weltkrieg Baden-Baden, 1957.

inslav

матической истории вильгельмовской Германии. Реакционные историки-профессионалы, публицисты и литераторы наперебой твердят, что кайзеровское правительство меньше всего помышляло о войне и было ввергнуто в нее только «по вине других» или в силу нелепого стечения обстоятельств.

Значительное место в сочинениях западногерманских историков попрежнему уделяется австро-сербским отношениям и тенденциозному изложению «июльского кризиса». В книге П. Оствальда «Так это начиналось. Дипломатическая предыстория первой мировой войны» Габсбургская монархия изображена как государство, в котором 8 национальностей мирно сожительствовали, а Франц-Фердинанд покровительствовал южным славянам. Никаких агрессивных планов у правителей этой державы не было и в помине. Наоборот, к экспансии и конфликтам стремилась Сербия, хорошо осведомленная о том, что царская Россия рассчитывает на войну в Европе. Не случись сараевского убийства, сербы организовали бы другую провокацию, заявляет Оствальд. Описывая июльские события 1914 г., Оствальд послушно повторяет самые обветшалые версии [110]. Автор дополняет их рядом курьезных и невежественных сентенций, свидетельствующих о незнании самых элементарных истин [111].

Столь же примитивной представляется книга Л. Райнерса «Гаснут огни в Европе», в которой прославляются порядки в «наднациональной» Габсбургской монархии и возводится клевета на южных славян и Россию [112]. Сочинение Г. Юберсбергера «Австрия между Россией и Сербией» на первый взгляд производит впечатление академически-беспристрастной работы ученого-эрудита [113]. Действительно, автор, повествуя о судьбе «Черной руки», оперирует интересным архивным материалом (из числа тех досье, которые были похищены гитлеровцами в Белграде). Однако практически сербские материалы не привлекаются при оценке развития противоречий Австро-Венгрии и Сербии и возникновения войны 1914 г. Историк игнорирует и ряд дипломатических публикаций, дневники Редлиха и Бернрейтера, а также труды таких ученых, как Б. Шмитт, В. Чорович, Ренувен и др.

Базируясь почти исключительно на австрийской публикации, Юберсбергер повторяет весь знакомый нам арсенал доводов ревизионистских авторов. Австро-Венгрия выступает в книге Юберсбергера как оплот мира. Австрийская дипломатия только отражала удары, наносившиеся Сербией и Россией; Сербия вела себя вызывающе на протяжении ряда лет, и ее следовало «наказать» раньше, чем на это решились центральные державы... Нет необходимости разбирать другие сочинения буржуазных историков ФРГ, написанные на столь же низком научном уровне. Укажем еще на то, что и ряд австрийских реакционных авторов придерживается ревизионистских концепций и оправдывает нападение Габсбургской монархии на Сербию, идеализирует Франца-Фердинанда и Конрада, насаждает недоверие к славянским народам [114].

[110] Например, говорится о том, что если бы Берлин своевременно узнал о содержании австрийского ультиматума, он посоветовал бы Вене смягчить его.

[111] Перевраны некоторые даты, воскресший Гартвиг 29 июля 1914 г. отправляет телеграмму и т. п.

[112] L. Reiners. In Europa gehen die Lichter aus. Ein Untergang des Wilhelminischen Reiches. München, 1955.

[113] H. Uebersberger. Österreich zwischen Russland und Serbien. Zur sudslawischen Frage und der Entstehung des ersten Weltkrieges. Köln, 1958. В последнее время Юберсбергер проживает в Мюнхене и является одним из главных авторитетов в так называемом изучении Востока (Ostforschung).

[114] См., например, W. Böhm. Ein Wort für Österreich. Wien, 1948; H. Benedikt. Monarchie der Gegensätze. Wien, 1947; F. Funder. Von Gestern ins Heute. München, 1953; R. Kiszling. Erzherzog Franz-Ferdinand von Österreich-Este. Graz, 1953; O. Regele. Feldmarschall Conrad. Wien, 1955; а также ряд материалов в журнале «Donauraum», издающемся в Зальцбурге.

inslav

Прослеживая пути развития буржуазной историографии первой мировой войны за несколько десятилетий, мы убеждаемся, что ученые капиталистического Запада топчутся на одном и том же месте: не признав империалистический характер войны, они оказались не в состоянии решить коренные проблемы ее происхождения. Буржуазные историки акцентируют внимание на второстепенных событиях из сферы «чистой» дипломатии, рассматривая их вне связи с важнейшими факторами мировой политики и экономики. Не случайно буржуазная историография добивалась подмены самого понятия происхождения войны, зачастую трактуя его только как развязывание войны в июле 1914 г. Вместо глубокого изучения основных антагонизмов начала XX в. на авансцену выдвигались противоречия между «Востоком» и «Западом», между «славянами» и «тевтонами».

Политическая тенденциозность пронизывает подавляющее большинство сочинений буржуазных авторов по вопросам австро-сербских отношений. Сербия и царская Россия объявлялись главными «виновниками» войны. Грубейшим образом искажалась справедливая борьба за свободу и объединение, которую вели южнославянские народы. Великие события в жизни Юго-Восточной Европы начала XX в., охарактеризованные В. И. Лениным как «революция южного славянства», буржуазные горе-историки пробовали толковать как некие заговоры кучки подкупленных лиц. Варварское нападение австро-германских империалистов на Сербию оправдывалось. При этом сказывалось и бесцеремонное отношение правящих кругов «великих» капиталистических держав к суверенитету и интересам «малых» стран [115]. Далеко идущие выводы реакционных историков не были подкреплены должным анализом первоисточников. Стандартная работа западноевропейского или американского буржуазного автора, как правило, написана без учета южнославянских источников и литературы, если не считать различных непроверенных или фальсифицированных подборок и статей [116]. Особенно много клеветнических вымыслов содержали сочинения историков-ревизионистов. Наметившаяся активизация ревизионистов и новые извращения по вопросу об «упущенной» возможности «локализовать» австро-сербский конфликт в 1914 г. свидетельствует о том, что проблема происхождения первой мировой войны сохраняет политическую актуальность.

---

[115] Как известно, империалисты США неизменно нарушают права латиноамериканских государств. Понятно, почему лидер американских ревизионистов Г. Э. Бэрнс цинично заявлял по поводу сараевского покушения: если бы подобный инцидент возник в отношениях Мексики и США, американское правительство послало бы войска в Мексику без всякого обмена нотами (см. A. Wahl. Der heutige Stand der Kriegsschuldfrage. Langensalza, 1929, S. 26).

[116] Внешняя политика России также обычно «изучалась» только на базе немецких переводов советских документальных сборников и эмигрантских творений Таубе, Корфа и им подобных.

inslav

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
Том XXIV, 1962 г.

Ю. А. Писарев

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ МОНАРХИИ ГАБСБУРГОВ И ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА ЮГОСЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ. «НАРОДНОЕ ВЕЧЕ» И ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

В мировой исторической литературе имеется немало работ, посвященных кризису Австро-Венгрии и ее распаду в конце первой мировой войны. Этой проблемой занимались не только историки государств, образовавшихся на ее развалинах, но и ученые многих других стран, в том числе советские исследователи. Так, еще в 20-е годы академик Е. В. Тарле опубликовал монографию: «Европа в эпоху империализма»[1], в которой нашел отражение и вопрос о кризисе монархии Габсбургов в конце XIX — начале XX в. Академик И. П. Трайнин написал в 1947 г. специальное исследование «Национальные противоречия в Австро-Венгрии и ее распад»[2]. В нем он нарисовал общую картину национально-освободительной борьбы в империи Габсбургов, доказав несостоятельность концепций буржуазных апологетов монархии о «национальном единстве», «прочности» и «жизнеспособности» Австро-Венгрии. К сожалению, И. П. Трайнин не дал все же глубокого анализа внутренних причин кризиса монархии[3].

Значительно более удачно ту же тему осветили Е. И. Рубинштейн в статьях «Распад Габсбургской монархии в 1918 г.»[4] и «Революционный кризис в Австро-Венгрии и ее распад в октябре — ноябре 1918 г.»[5] и В. М. Турок в работе «Кризис реакционного режима Габсбургов (январь — март 1918 г.)»[6]. Они остановились на главной причине кризиса — борьбе народных масс против монархии, проследив одновременно и процесс разложения самого государственного строя Австро-Венгрии. В указанных работах частично была освещена и история югославянских

---

[1] Е. В. Тарле. Европа в эпоху империализма. 1871—1919. Изд. 2. М.— Л., 1928.

[2] И. П. Трайнин. Национальные противоречия в Австро-Венгрии и ее распад. М., 1947.

[3] И. Миллер, И. Удальцов. Рецензия на книгу И. П. Трайнина.— «Вопросы истории», 1948, № 4.

[4] Е. И. Рубинштейн. Распад Габсбургской монархии в 1918 г.— «Историк-марксист», 1940, № 1.

[5] Е. И. Рубинштейн. Революционный кризис в Австро-Венгрии и ее распад в октябре-ноябре 1918 г.— Сб.: «Международное значение Великой Октябрьской социалистической революции», М., 1948.

[6] В. М. Турок. Кризис реакционного режима Габсбургов (январь — март 1918 г.).— «Ученые записки Института славяноведения АН СССР», М., 1958, т. VII.

inslav

народов, проживавших на территории многонациональной империи Габсбургов. Автор настоящей статьи также пытался изучать эту проблему [7]. Наконец, совсем недавно вышла еще одна работа советского историка Л. М. Минаева «Революционный подъем в югославянских землях под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции (1917—1918 гг.)» [8], в которой были приведены некоторые новые материалы и сравнительно подробно рассмотрена деятельность социал-демократических партий в изучаемый период.

Немало работ по данной проблеме вышло в последние годы в самой Югославии. Известный хорватский историк Ф. Чулинович издал две монографии: «Отклики Октября в югославянских землях» и «1918 год на Адриатике» и, кроме того, опубликовал ряд статей, в которых осветил многие события в югославянских землях Австро-Венгрии в конце первой мировой войны 1914—1918 гг. [9]

Директор Государственного архива в Загребе Бернард Стулли издал несколько ценных публикаций архивных материалов по истории национально-освободительного и революционного движения в Хорватии и Далмации в 1917—1918 гг., а в 1959 г. выпустил большую монографию «Восстание моряков в Боке Которской 1—3 февраля 1918 г.» [10]

Профессор Богдан Кризман опубликовал целую серию работ по истории создания «Народного веча» и его деятельности, по вопросам международных отношений «Государства словенцев, хорватов и сербов», по истории революционной борьбы трудящихся масс этого периода и по проблеме образования югославского национального государства [11]. Этой теме были посвящены также работы трех авторов — монография современного боснийского историка Фуада Слипичевича: «Первая мировая война и создание государства югославянских народов» [12] и книги двух бывших депутатов хорватского Сабора и членов загребского Народного веча — Анте Мандича: «Фрагменты из истории объединения» [13] и Срджана Будисавльевича: «Создание Государства сербов, хорватов и словенцев» [14]. Кроме того, в Югославии вышел ряд публикаций по отдельным вопросам отечественной истории указанного периода.

О большом интересе, который представляет для историков проблема национальных движений в Австро-Венгрии и в том числе в ее югославянских землях, говорит не только количество написанных работ, но и

---

[7] Ю. А. Писарев. Великая Октябрьская социалистическая революция и борьба народов Югославии в 1917—1920 гг.— Сб.: «Октябрьская революция и зарубежные славянские народы», М., 1957; его же. Создание Сербо-хорвато-словенского государства и революционное движение в 1917—1919 гг.— Сб.: «Международное значение Великой Октябрьской социалистической революции», М., 1958.

[8] Л. М. Минаев. Революционный подъем в югославянских землях под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции (1917—1918 гг.).— Сб.: «Из истории революционной борьбы», М., 1960.

[9] F. Čulinović. Odjeci Oktobra u jugoslovenskim zemljama. Zagreb, 1957. Его же. 1918 na Jadranu. Beograd, 1951; его же. Zeleni kadar.— «Savremenik», 1957, N 6—7; его же. F. Četrdeset godina KPJ.— «Zbornik pravnog fakulteta u Zagrebu», Zagreb, 1959, N 3—4.

[10] B. Stulli. Prilozi gradj o ustanku mornara u Boki Kotorskoj.— «Arhivski vijesnik», Zagreb, 1958, sv. I; его же. Prilozi gradj za historiju jugoslovenskog pitanja 1918 godina.— «Arhivski vijesnik». Zagreb, 1959, sv. II; его же. Ustanak mornara u Boki Kotorskoj. Split, 1959.

[11] B. Krizman. Osnivanje Narodnog viječa.— «Historijski zbornik», Rijeka — Pula, 1958; его же. Stvaranje jugoslovenske države. Referat.— «Pregled», Sarajevo, 1958, N 11—12. Его же. Женевска конференција о уједињењу 1918.— «Историски гласник», Београд, 1958, № 1—2.

[12] F. Slipičević. Prvi svijetski rat i stvaranje države jugoslovenskih naroda. Sarajevo, 1957.

[13] A. Mandić. Fragmenti za historiju ujedinjenja. Povodom četrdesetgodištine osnivanja Jugoslovenskog odbora. Zagreb, 1956.

[14] S. Budisavljević. Stvaranje države srba, hrvata i slovenaca. Zagreb, 1958

inslav

то, что этой темой продолжают заниматься исследователи многих стран. Это показал, в частности, недавно состоявшийся XI Международный конгресс историков в Стокгольме (август 1960 г.). На конгрессе был заслушан доклад профессора Люблянского университета Франьо Цвиттера и профессоров Загребского университета Ярослава Шидака и Васы Богданова: «Национальная проблема в монархии Габсбургов»[15]. Доклад привлек большое внимание и вызвал оживленные прения, в которых приняло участие 23 оппонента[16]. Ход обсуждения выявил принципиальную противоположность двух концепций — марксистской, которой придерживаются советские историки и историки стран народной демократии, и квазинаучной концепции буржуазной историографии. Конгресс принял решение снова обсудить этот вопрос на очередной сессии, намеченной на 1965 г.

В настоящей статье автор ставит своей задачей высказать некоторые принципиальные соображения по двум сравнительно частным, но очень важным вопросам из обсуждавшейся на XI Международном конгрессе историков общей проблемы национальных движений в монархии Габсбургов: о характере и движущих силах национально-освободительной борьбы югославянских народов в конце первой мировой войны, во-первых; и о роли югославянской национальной буржуазии и ее организации — «Народного веча» в бурные предреволюционные дни октября 1918 г., во-вторых. Оба эти вопроса, несмотря на большое количество вышедших работ, все еще недостаточно изучены.

* * *

Правильному пониманию вопроса о движущих силах и характере национальной борьбы в многонациональной империи Габсбургов в конце первой мировой империалистической войны 1914—1918 гг. помогают высказывания В. И. Ленина, внимательно следившего за событиями в Австро-Венгрии и на Балканах и уже в ту пору сделавшего по этому поводу ряд важнейших обобщений.

На основе глубокого и всестороннего анализа экономического и внутриполитического положения в Австро-Венгрии накануне и в период мировой войны, В. И. Ленин пришел к выводу о нежизнеспособности монархии Габсбургов и предсказал ее неизбежный крах. Сравнивая Австро-Венгрию с разваливающейся Османской империей, он говорил, что ее ожидает та же судьба, что и Турцию. «Австрия,— писал В. И. Ленин в 1913 г.,— больной человек *после* Турции (искусственный характер Австрии...)»[17]. В 1916 г. в статье «О брошюре Юниуса» В. И. Ленин снова констатировал внутреннюю слабость лоскутной многонациональной империи Габсбургов и указал на историческую неизбежность ее ликвидации. Он одобрил слова Р. Люксембург в работе «Кризис социал-демократии» о том, что «ликвидация Австро-Венгрии исторически есть лишь продолжение распада Турции и вместе с ним является требованием исторического процесса развития»[18].

В 1918 г. В. И. Ленин в целом ряде своих работ и выступлений неоднократно высказывал ту же мысль[19]. Он не ограничивался при этом одной констатацией факта кризисного состояния монархии, но установил

---

[15] F. Zvitter, J. Šidak et V. Bogdanov. Les problèmes nationaux dans la monarchie des Habsburg. Beograd, 1960.

[16] См. «XI Congrès International des Sciences Historiques. Resumés de communications», Göteborg — Stockholm — Uppsala, 1960.

[17] «Ленинский сборник», т. XXX, М., 1937, стр. 44.

[18] В. И. Ленин. Сочинения, т. 22, стр. 297.

[19] См., например, В. И. Ленин. Сочинения, т. 28, стр. 95.

inslav

и две основные причины его: искусственный характер прогнившего буржуазно-помещичьего государства и непримиримые социальные и национальные противоречия, раздиравшие его. В той же статье «О брошюре Юниуса» Ленин поддержал следующую оценку Австро-Венгрии, данную Р. Люксембург: «Габсбургская монархия есть не политическая организация буржуазного государства, а лишь слабо связанный синдикат нескольких клик общественных паразитов» [20]. В тезисах «Социалистическая революция и право наций на самоопределение», написанных в начале 1916 г., В. И. Ленин подчеркивал значение социальной и национально-освободительной борьбы народов Австро-Венгрии в деле углубления общего кризиса монархии Габсбургов [21].

В этой работе В. И. Ленин, кроме того, дал ответ на вопрос о задачах и характере национальных движений угнетенных империей народов, в том числе южных славян. Ленин отнес Австро-Венгрию и Балканы к числу тех территорий земного шара, где еще не завершились буржуазно-демократические революции и не произошло создание национально-независимых государств [22].

В другой работе — «Тезисы по национальному вопросу» В. И. Ленин, развивая то же положение, писал: «...во всей Восточной Европе (Австрия и Балканы) и в Азии... либо не закончено, либо только еще начато буржуазно-демократическое преобразование государств, везде в мире ведшее, в большей или меньшей степени, к созданию самостоятельных национальных государств или государств с наиболее близким и взаимно-родственным национальным составом» [23].

К числу народов с «взаимнородственным составом» относились и проживавшие в Австро-Венгрии югославяне.

Ленин указывал, что основными движущими силами назревающей буржуазно-демократической революции являются рабочий класс и крестьянство [24], а не национальная буржуазия, которая заинтересована лишь в создании лучших условий для развития отечественного капитала. Он отмечал непоследовательность, нерешительность и трусливость национальной буржуазии [25], ее готовность идти на беспринципный компромисс с монархией Габсбургов перед лицом растущей революционности трудящихся масс. Вместе с тем Ленин констатировал, что на определенном этапе борьбы против крайностей реакционного режима и колонизаторской политики монархии в национальных районах, национальная буржуазия играла прогрессивную роль, что позволяло рабочему классу использовать всеобщее недовольство населения для организации совместных действий за демократизацию политической и общественной жизни [26].

Наконец, у В. И. Ленина имеется целый ряд важных высказываний о степени организованности и подготовленности к борьбе отдельных классов и политических сил в Австро-Венгрии и на Балканах, в том числе в югославянских землях. Так, в работах «Новая глава всемирной истории» и «Социальное значение сербско-болгарских побед» [27] он дал характеристику состояния рабочего и крестьянского движения, а в «Докладе на объединенном заседании ВЦИК, Московского Совета, фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов 22 октября 1918 г.»

---

[20] В. И. Ленин. Сочинения, т. 22, стр. 297.
[21] Там же, стр. 139.
[22] Там же.
[23] В. И. Ленин. Сочинения, т. 19, стр. 213.
[24] См. В. И. Ленин. Сочинения, т. 22, стр. 370.
[25] См. В. И. Ленин. Сочинения, т. 23, стр. 49.
[26] См. В. И. Ленин. Сочинения, т. 12, стр. 363; т. 23, стр. 47, 50.
[27] См. В. И. Ленин. Сочинения, т. 18, стр. 340—341; 368—370.

inslav

проанализировал позиции буржуазии национальных районов Австро-Венгрии [28].

Изучение ленинских трудов дает ориентировку в освещении сложнейшей истории политической и национальной борьбы в югославянских землях Австро-Венгрии, развернувшейся в конце первой мировой войны под влиянием двух важнейших международно-политических факторов — самой войны и Великой Октябрьской социалистической революции в России [29].

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ КРИЗИС В АВСТРО-ВЕНГРИИ В ОКТЯБРЕ-НОЯБРЕ 1918 г. И НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЮГОСЛАВЯНСКИХ ЗЕМЛЯХ

В последние три месяца войны (сентябре, октябре и ноябре 1918 г.) Австро-Венгрия испытала ряд новых сокрушительных военных поражений, которые ускорили агонию монархии. 14—15 сентября войсками Антанты был прорван Салоникский фронт в районе Добре Поле, что привело к капитуляции союзной Австро-Венгрии Болгарии, а 22 сентября на всем протяжении фронта была опрокинута собственно австрийская оборона и армии Австро-Венгрии начали общее отступление из Македонии. 17 октября капитулировала другая союзница империи — Турция. Юго-восточная граница Австро-Венгрии оказалась под угрозой вторжения войск Антанты. В октябре итальянские армии перешли в генеральное наступление на юго-западном фронте, что поставило под угрозу западные границы монархии.

К сентябрю-октябрю иссякли почти все продовольственные запасы империи и на страну надвинулся голод. Об этом говорят, в частности, хранящиеся в Государственном архиве Венгрии протокольные записи совместных заседаний австрийского и венгерского правительств [30], во время которых обсуждалось продовольственное положение в стране. Особенно плохо стало с продовольствием в промышленных районах Австрии и в неземледельческих районах югославянских земель — Далмации и Истрии [31], в горных местностях Хорватии и Крайны [32], а также в Боснии и Герцеговине [33]. «Страшный голод уже не у дверей, а в доме»,— говорилось в коллективном заявлении депутатов, внесенном в хорватский парламент 14 апреля 1918 г. в связи с тяжелым продовольственным положением в стране [34].

Истощались также запасы промышленного сырья, в крайнее напряжение пришли финансы государства, оскудел внутренний рынок. Страну ожидал полный экономический крах.

Стремительно нарастал революционный кризис. В конце 1918 г. общий революционный подъем, начавшийся под влиянием войны и Великой

---

[28] См. В. И. Ленин. Сочинения, т. 28, стр. 95.

[29] См. «Международное значение Великой Октябрьской социалистической революции», М., 1958, стр. 151—185.

[30] См. Венгерский государственный архив — Országos Levéltár. KMF, 29.IV 1917, f. 2—21 (в дальнейшем: OL KMF).

[31] См. «Stenografički zapisnici Sabora Kraljevine Dalmacije, Hrvatske i Slavonije. Petogodišta 1913—1918», Zagreb, 1917—1918, sv. VI.

[32] В Хорватии в 1918 г. цены на продукты питания выросли по сравнению с довоенным временем на 400—600%. Рабочий и служащий за свою дневную заработную плату мог купить только 1 кг картофеля («Gradja za povijest sindikalnog pokreta u Hrvatskoj», kn. 1, 1917—1919, Zagreb, 1955, s. 11).

[33] В 1918 г. голод в Боснии был так силен, что власти были вынуждены эвакуировать из области 12 270 детей в Воеводину и Хорватию. Губернатор Боснии генерал Саркотич официально признал 200 случаев смерти от голода («Напор Босне и Херцеговине за ослобођење и уједињење», Сарајево, 1929, стр. 233—234).

[34] Л. Бакотић. Срби у Далмацији. Београд, (б/г), стр. 175.

inslav

Октябрьской социалистической революции в России, достиг своей кульминации: Австро-Венгрия стояла на пороге революции.

Еще в сентябре произошли массовые волнения крестьян Воеводины, Славонии и Срема. Крестьяне выступили против жестоких реквизиций продовольствия, лишавших деревню последних остатков зерна. В Дебельяче, Иландже, Книне, Старом Бечее и некоторых других районах Воеводины крестьяне начали захватывать помещичью землю [35].

В октябре крестьянское движение еще более усилилось. В него включились сельскохозяйственные рабочие, что сразу придало борьбе острый характер. Трудящиеся крестьяне стали выступать не только против помещиков и властей, но и против сельской буржуазии. В селах Меленци, Елемир, Враньево, Кумань и Тараш, расположенных в излучине реки Тиссы, между городами Зреньянин и Нови Бечей, была создана так называемая Красная республика, власть в которой находилась в руках крестьян и сельскохозяйственных рабочих [36]. Другая крестьянская республика была образована в районе Валпово в Славонии. Она просуществовала более месяца [37].

Среди руководителей повстанческого движения крестьян было немало так называемых повратников, т. е. бывших военнопленных, вернувшихся из Советской России, где они были очевидцами, а многие — участниками Октябрьской революции [38]. Так, в с. Меленци руководителями движения были бывшие военнопленные, принимавшие участие в Октябрьской революции на Урале и в Сибири.

В Бачке, в районе Моравицы, восставшие крестьяне прогнали правительственную администрацию и взяли власть в свои руки. Было организовано Народное вече, в которое вошли десять сельскохозяйственных рабочих (из них — два социал-демократа) и только один представитель от буржуазии. Народное вече Моравицы имело связи с «Союзом сельскохозяйственных рабочих Воеводины» и работало под его руководством. Оно продержалось у власти несколько недель и издало распоряжение о конфискации земли венгерских помещиков и разделе ее между крестьянами. После прихода в Бачку сербских войск Народное вече Моравицы было распущено, а его члены арестованы [39]. Имперские правительственные чиновники были изгнаны крестьянами также из района Шайкашкой — местности, находящейся у слияния рек Тиссы и Дуная, и из некоторых сел близ городов Бечей и Нови Сад [40].

В Далмации, Истрии и Хорватском Приморье зависимые крестьяне — колоны почти повсеместно перестали уплачивать государству налоги и выполнять повинности помещикам. В окрестностях города Сплит, в волостях Вргорац, Имотски и других местах Далмации произошли волнения колонов.

В Иваничграде, Кутине, Поповаче, Дубраве, Великом Джурджевацe и некоторых других селах Хорватии крестьяне поджигали помещичьи имения, захватывали помещичью землю и сельскохозяйственный инвентарь [41]. В Славонии, в Вировитицкой области крестьяне разделили между собой не только землю церковных и светских феодалов, но и их живой и мертвый сельскохозяйственный инвентарь. Среди разгромлен-

---

[35] A. Lebl. Sindikalna borba agrarnog proletarijata. Beograd, 1955, s. 124.
[36] Там же, стр. 123—124.
[37] См. A. Steinbrikner. Petrovačka republika.— Zb.: «Četrdeset godina», Beograd, 1960, s. 17—18.
[38] См. D. Sarkotić. Uloga povratnika u Hrvatskoj pokraj godine 1918.— «Starine», Zagreb, 1956, kn. 46.
[39] A. Lebl. Sindikalna borba..., s. 124—128.
[40] Там же.
[41] Там же, стр. 128.

inslav

ных поместий были владения бана Хорватии Михаловича[42]. В уезде Доньи Михолац разделу подверглись земли и леса, принадлежавшие венгерскому графу Манлайту[43]. В районном центре Хорватии — Вуковаре восставшие крестьяне соседних сел в октябре сожгли здание финансового управления, в котором находились росписи налогов, и разгромили помещения жандармерии. В Вуковаре до самого конца октября не было сколько-нибудь прочной власти, и почти никто не подчинялся распоряжениям имперского правительства[44].

В Боснии и Герцеговине полукрепостные крестьяне — кметы нападали на местные органы управления и уничтожали долговые обязательства, отказываясь работать на помещиков.

Большую помощь крестьянам оказывали «зеленые отряды» или «зелени кадар», как они назывались местным населением, действовавшие в лесах и горах Хорватии, Славонии, Трансильвании, Истрии и ряде других районов. Они состояли из крестьян и дезертировавших из армии солдат. К этому времени дезертирство достигло огромных размеров. В октябре из австро-венгерской армии дезертировало свыше 250 тыс.[45] В югославянских землях общая численность вооруженных «зеленых отрядов», по некоторым данным, составляла 50 тыс.[46]. Наряду с анархистскими элементами в них было немало стойких и сознательных революционеров, ведших борьбу против монархии Габсбургов. К их числу относились и «повратники». В Вуковарском районе в «зеленых отрядах» вели работу революционные левые социал-демократы. Наиболее сильным движение «зеленых отрядов» в Хорватии и Славонии было в Пожегской, Беловарской, Сремской и Крижевачской областях[47], в Вуковаре, Пожеге, Даруваре, Беочине и ряде других мест[48]. В этих районах «зеленые отряды» фактически держали в своих руках власть, и командование имперской армии было бессильно бороться против них.

В самих имперских войсках также возросло революционное брожение. По примеру Советской России, в отдельных воинских подразделениях были созданы революционные военные комитеты, руководящую роль в которых играли зачисленные в армию бывшие военнопленные, а также левые социалисты[49]. Армия, некогда вернейшая опора монархии Габсбургов, выходила из повиновения. В целом ряде частей, укомплектованных славянами — хорватами, словенцами, чехами, украинцами, поляками, вспыхнули восстания. Особенно крупными были восстания в 4-м боснийско-герцеговинском пехотном полку, 4-м артиллерийском полку, в котором служили главным образом поляки и украинцы, 18-м пехотном полку, где основную массу солдат составляли чехи и словаки, егерском батальоне 27-го пехотного полка, состоявшем из украинцев, штурмовом батальоне 30-го пехотного полка[50], полку гонведа в г. Пече, 29-м банатском и 33-м арадском полках и многих других воинских частях[51].

---

[42] M. Erić. Agrarna reforma u Jugoslaviji 1918—1941. Sarajevo, 1958, s. 43.
[43] «Arhivski vjesnik», 1958, sv. I, s. 143.
[44] J. Cazi. Vukovar u klasnoj borbi..., s. 76—77.
[45] O. Frangeš. Die sozialökonomische Struktur der jugoslawischen Landwirtschaft, Bln, 1937, S. 181.
Main, 1925, S. 752.
[46] H. Wendel. Der Kampf der Südslauen um Freiheit und Einheit. Frankfurt am
[47] B. Krizman. O odjecima Oktobarske revolucije i zelenom kadaru.— «Historijski zbornik», Zagreb, 1957, № 1—4, s. 150.
[48] J. Cazi. Указ. соч., стр. 77.
[49] E. Prister. Kurze Geschichte Österreichs. Aufsteig und Untergang der Habsburgerreiches. Wien, 1947, S. 592—593.
[50] «Социјалистички покрет у Војводини (1890—1909)». Документи. Нови Сад. 1953, стр. 20.
[51] Там же.

inslav

22 октября произошло выступление солдат 79-го пехотного хорватского полка имени бана Елачича в Риеке. Начавшись под национальным лозунгом, оно приняло впоследствии антимонархический характер. Дело началось с того, что полиция и отряды венгерских гонведов задержали роту полка «елачичевцев», маршировавшую из Сушака в Риеку под хорватским национальным знаменем. Произошло столкновение. Хорватское и словенское население города поддержало «елачичевцев». На улицу вышло до 3 тыс. жителей. Хорватские знамена были демонстративно водружены на государственных зданиях, вместо официального флага короны св. Стефана. Восставшие жители открыли двери тюрем, освободив арестованных. Были уничтожены судебные протоколы и акты[52].

24 октября вспыхнуло восстание в двух подразделениях 4-го пехотного полка в группе войск фельдмаршала Бороевича, укомплектованных сербами и хорватами. Одновременно произошли волнения среди солдат югославян 42-го пехотного полка волонтеров, охранявшего прифронтовые коммуникации, и солдат чехов 25-го стрелкового и 30-го пехотного полков[53]. 25—26 октября имели место революционные выступления солдат 2-го пехотного и 4-го горнострелкового полков, а также 83-й ландвер-бригады и 26-го хорватского полка ландвера[54].

27—29 октября волнения охватили гавань Пулу. Здесь давно наблюдались революционные настроения среди матросов и рабочих порта, о чем сообщал, в частности, в секретном донесении в морское министерство адмирал Миклош Хорти еще в начале августа 1918 г.[55] В Пуле был создан «Матросский совет», напоминавший Советы солдатских и матросских депутатов в Советской России[56]. К концу октября в городе возникла предреволюционная обстановка. Об этом говорят депеши военного командования от 26 и 27 октября. В одной из них указывается на то, что командование не имеет сил для «наведения порядка» в гавани и во флоте. «Штаб совершенно беспомощен перед лицом возможного выступления масс»,— с тревогой сообщал командующий военно-морскому министру 26 октября[57]. В телеграмме от 27 октября в главную ставку имперской армии командование флотом в Пуле требовало немедленной присылки в город целой пехотной бригады и двух артиллерийских батарей, заявляя, что иначе оно не в состоянии отвечать за целостность флота монархии. В той же телеграмме выдвигалось требование о немедленном «очищении» Пулы от революционных элементов. Но у верховного командования не оказалось сил для этого, и власть в Пуле 28 октября — 1 ноября фактически перешла в руки народа[58].

В Воеводине в целом ряде районов, как об этом свидетельствуют донесения местных чиновников, в октябре — начале ноября 1918 г. власть также была захвачена трудящимися. Об этом говорит, например, письмо Ховаша Оскару Яси от 12 ноября 1918 г. из Суботицы[59], многочисленные телеграммы из разных мест Западного Баната от ноября[60], донесения из Великой Кикинды от ноября 1918[61], из Панчева от 20, 24 и 25 ноября и др.[62]

Даже в административном центре Воеводины — городе Нови Сад,

---

[52] F. Čulinović. Odjeci Oktobra, s. 144.
[53] Там же.
[54] «Правда», 5.XI 1918.
[55] См. Bolota (Mirković M.). Puna je Pula. Zagreb, 1954.
[56] См. Венгерский государственный архив. OL ME, 1918, XII, № 9220, l. 2—5.
[57] Там же.
[58] Венгерский государственный архив. OL ME, 1918, res. № 9220, l. 2—5.
[59] Там же. Фонд министерства автономии национальностей Венгрии.
[60] OL ME, № 808, f. 81—82.
[61] OL ME, 1919, VIII, № 94, f. 16.
[62] OL ME, 1918, VIII, № 999, f. 100—102.

inslav

где правительство имело воинские гарнизоны и многочисленные отряды жандармерии, оно оказалось бессильным предотвратить революционное брожение населения и войск. Вот что писала по этому поводу газета «Слобода» в номере первом за ноябрь 1918 г.: «В Нови Саде последние два-три дня наступило полное безвластие. Войска возвращаются по домам... Улицы переполнены солдатами всех родов оружия... Офицеры вынуждены срывать со своих фуражек кокарды, а если они противятся этому — им приставляют штыки к груди» [63].

«Австрия вся горит»,— констатировал в своей речи в ноябре 1918 г. на Всероссийском съезде Советов В. И. Ленин [64].

Какую же позицию заняла в это время национальная буржуазия Хорватии, Крайны, Воеводины и других югославянских земель Австро-Венгрии? Какую тактику избрали существующие в стране ведущие политические партии? И, наконец, какова была политическая линия социал-демократии? Все эти вопросы тесно связаны с проблемой создания Народного веча и образования Государства словенцев, хорватов и сербов.

«НАРОДНОЕ ВЕЧЕ» И ОБРАЗОВАНИЕ ГОСУДАРСТВА СЛОВЕНЦЕВ, ХОРВАТОВ И СЕРБОВ

Национальная буржуазия югославянских районов Австро-Венгрии приступила к созданию своих органов власти еще до окончательного распада монархии, так как она хотела предупредить события и помешать народным массам самим взять власть.

История этого вопроса такова.

Идея объединить свои силы и подготовиться к взятию власти в случае распада Австро-Венгрии была выдвинута лидерами политических партий национальной буржуазии еще весной 1918 г., когда в стране начался общий революционный подъем, вызванный Октябрьской революцией в России. 3 марта 1918 г. в Загребе состоялось совещание ведущих буржуазных политических партий Хорватии и Крайны, на котором был обсужден план создания более прочного блока политических партий, получивший название «План национальной концентрации» [65]. С марта по сентябрь намеченный план, однако, не осуществлялся. Основной причиной этого было то, что в стране временно спала революционная волна, а для коалиции центральных держав несколько выправилась военная конъюнктура. Германия предприняла контрнаступление на западном фронте, Австро-Венгрия — на итальянском (в июне). Учитывая это, югославянские буржуазные партии сочли за лучшее не только отказаться от фрондирования, но и выступить с заявлением о своем верноподданническом отношении к монархии.

Только после описанных выше сентябрьских событий буржуазные партии приступили к организации блока «Национальной концентрации».

Инициатором создания объединения явилась Словенская народная партия (католиков). Лидер партии Антон Корошец встретился 25 сентября с люблянским епископом Антуном Егличем и выработал с ним программу совместных действий. Было решено образовать в Любляне временный комитет — «Народный совет», который, в случае ликвидации монархии, должен был взять власть в свои руки. Председателем «Народного совета» стал Корошец [66]. Католическая церковь, в лице епископа

---

[63] «Социјалистички покрет у Војводини...», стр. 225—226.
[64] В. И. Ленин. Сочинения, т. 28, стр. 130.
[65] F. Šišić. Dokumenti..., s. 125—126.
[66] Там же, стр. 158—160.

inslav

Еглича, обязалась поддержать «Народный совет». Оба деятеля — и Корошец и Еглич, еще вчера распинавшиеся в своей верности монархии Габсбургов, готовились к спешному бегству с «тонущего корабля».

Планы Корошеца, однако, не ограничивались одними территориями Крайны. Он стремился к объединению всех югославянских земель Австро-Венгрии — Хорватии, Далмации, Боснии и Герцеговины. С этой целью Корошец предпринял специальное путешествие в Сараево и Загреб и вступил в контакт с лидерами политических партий этих областей. 5 октября, после того как положение в стране еще более ухудшилось в связи с прорывом итальянскими армиями фронта у Изонцо, в г. Загребе было созвано совещание представителей следующих партий и организаций: Сербской народной радикальной партии Срема и Воеводины, Хорватской народной крестьянской партии Степана Радича, группы диссидентов в Хорвато-сербской коалиции д-ра Лорковича и группы д-ра Шурмина, объединявшейся вокруг газеты «Мали новини»[67]. Было принято решение о создании Народного веча и избран инициативный комитет для ведения переговоров о включении в него Хорвато-сербской коалиции и социал-демократических партий.

Первыми на это предложение откликнулись социал-реформисты. 6 октября в Загребе состоялась конференция трех социал-демократических партий — Хорватии, Крайны (Словении) и Боснии — Герцеговины. Правые руководители СДП Хорватии и Югословенской СДП протащили на нем решение о поддержке буржуазного Народного веча. Во внесенной ими резолюции по этому поводу говорилось: «Создание национального государства является первым условием для более успешной классовой борьбы»[68]. В резолюции не раскрывалось кому будет принадлежать власть в этом государстве — народу или буржуазии.

Газета «Слобода», находившаяся под влиянием Витомира Корача, писала 22 ноября 1918 г.: «Для нас вопрос о будущем югославском государстве, вопрос о том, будет ли оно республикой или монархией есть дело *второстепенное* (курсив мой.— *Ю. П.*), т. е. дело политических расчетов и развития событий. Главным является объединение югославян в едином и самостоятельном государстве»[69]. Корач и его сторонники считали, что необходимо снять лозунг борьбы за диктатуру рабочего класса и крестьянства и поддержать буржуазное Народное вече.

Против этого выступила Социал-демократическая партия Боснии и Герцеговины, в руководстве которой к этому времени появились левые элементы (Джуро Джакович и др.). Она отказалась от сотрудничества с буржуазными партиями в Народном вече, выдвинув программу создания подлинно народного представительства. Орган партии, газета «Глас слободе», критикуя принятое на конференции от 6 октября решение о вхождении социал-демократических партий в буржуазное Народное вече и противопоставляя ему предложение СДП Боснии и Герцеговины, писала: «Это — два мировоззрения и два метода. Один — ревизионистский, другой — марксистский; один — социал-патриотический, другой — интернационалистский; один помогает буржуазии, другой укрепляет пролетариат»[70].

Та же газета в ноябре 1918 г. снова писала: «Наша буржуазия хочет, чтобы никто не помешал ей властвовать. До сих пор ей было неплохо, а скоро ей будет еще лучше, нужно только навести «порядок» с этими

[67] «Zapisnici Središnjeg odbora Narodnog vijeća slovenaca, hrvata i srba u Zagrebu».— «Starine», Zagreb, 1958, kn. 48, s. 332.

[68] «Zgodovinski arhiv KPJ», t. V, s. 366.

[69] S. Budisavljević. Stvaranje države SHS, s. 91.

[70] Л. М. Минаев. Рабочее и национально-освободительное движение в югославянских землях Австро-Венгрии в 1917—1918 гг. Кандид. диссертация. Рукопись. М., 1960, стр. 270

inslav

проклятыми дезертирами, голодной беднотой и уберечься от большевизма! Вот те заботы, которые обременяют господ из Народного веча. Социалистов позвали туда, чтобы они были для этих господ прикрытием против народа и играли роль белой гвардии. Вожди хорватских и словенских товарищей согласились играть такую роль»[71].

Реформистские лидеры СДП Хорватии и ЮСДП вошли в Народное вече. От обеих партий в вече были включены пять представителей: Витомир Корач и Вилим Букшег — от СДП Хорватии и Антун Кристан, Иосип Петеян и М. Чомбал — от ЮСДП.

Хорвато-сербская коалиция, в отличие от СДП Хорватии и ЮСДП, не дала немедленного согласия на предложение о вхождении в Народное вече. Она тянула с ответом, ожидая дальнейшего развития событий в империи. Только в самый последний момент, когда крах монархии стал очевиден, Хорвато-сербская коалиция приняла решение прекратить поддержку правительства бана Хорватии и войти в Народное вече. На это решение коалиции повлияли два события: начавшаяся 14 октября политическая забастовка в Чехии и манифест императора Карла от 16 октября о реорганизации монархии. 17 октября Хорвато-сербская коалиция заявила о своем присоединении к Народному вече.

После этого были приняты организационные принципы вновь созданного объединения. Главной целью Народного веча провозглашалось объединение всех словенцев, хорватов и сербов в народную, свободную и независимую державу югославян, созданную на демократических началах[72]. Однако в «Принципах» не разъяснялось, каким путем Народное вече собирается добиться выполнения этого требования. Ни в них, ни в других документах Народного веча ничего не говорилось о ликвидации империи Габсбургов и о революционном разрешении национального вопроса. Напротив, Народное вече высказалось за «соблюдение законности» и уважение существующего порядка, а вскоре опубликовало специальное обращение к населению, в котором призывало прекратить «анархию», т. е. революционное движение[73].

Являясь объединением буржуазных партий, Народное вече пыталось для обмана масс придать себе видимость общенародного представительства. С этой целью в «Организационные принципы» веча был включен пункт о выборности его членов населением. Каждые 100 тысяч жителей — югославян должны были избирать одного депутата Народного веча: Хорватия и г. Риека избирали 28 депутатов, Крайна, Триест, Штирия, Горица и Корушка вместе взятые — 14 депутатов, Истрия — 3, Далмация — 7, Босния и Герцеговина — 18 и Воеводина — 10[74]. Кроме того, провинциальные парламенты — саборы в Загребе и Сараево, а также парламентская фракция югославян в австрийском рейхсрате имели право посылать в Народное вече по пять представителей каждый и участвовать в голосовании на равных основаниях с избранными депутатами[75].

В «Организационных принципах» веча не указывалось, на основе какой избирательной системы население должно избирать депутатов, кто имеет право голоса, как будут проходить выборы — путем открытого или тайного голосования, кто может выдвигать кандидатов и пр. и пр. Говорилось лишь, что избирательная система является «демократической». На деле же в ней не было ничего демократического, ибо предусматривалось, что избирательные права получают только хорваты, словенцы и

---

[71] «Arhiv KP BiH», t. II, s. 264.
[72] S. Budisavljević. Stvaranje.., s. 126.
[73] Там же, стр. 124.
[74] F. Čulinović. Odjeci.., s. 391.
[75] Там же, стр. 125.

inslav

сербы, а остальные народы, проживающие на югославянских территориях — румыны, венгры, албанцы, македонцы, болгары, итальянцы — лишались этих прав. Вводился имущественный ценз и ценз оседлости. Женщины и солдаты не могли участвовать в выборах. Тем самым избирательных прав лишались многочисленные категории населения[76].

Кроме того, недемократической была сама структура Народного веча. Фактически всеми делами веча должно было ведать не собрание народных представителей — вече, а более узкая организация — Исполнительный комитет Народного веча и его Президиум, которые были постоянно действующими органами, составленными из представителей буржуазных партий. Народное вече созывалось не чаще одного раза в три месяца, и его функции были ограничены формальным утверждением уже принятых Президиумом и Исполнительным комитетом решений[77].

17—18 октября был окончательно оформлен состав руководства Народного веча. Его председателем стал лидер Словенской народной партии (католической) Антон Корошец, заместителями председателя — идейный руководитель Хорвато-сербской коалиции Светозар Прибичевич и лидер «Старчевичанской партии права» д-р Анте Павелич, секретарями — буржуазные деятели Хорватии и Далмации Срджан Будисавльевич, Мате Дринкович и Иван Лоркович[78]. Ведущую роль в Президиуме Народного веча играли Антон Корошец и Светозар Прибичевич. Корошец выражал интересы крупной словенской торгово-промышленной и финансовой буржуазии, а также католической церкви, Светозар Прибичевич — сербской буржуазии так называемых Пречанских районов. И тот и другой умели ловко прибегать к социальной демагогии и за широковещательными обещаниями и заявлениями о борьбе за свободу, равенство и национальную независимость скрывать подлинные классовые цели национальной буржуазии. Особенно большим умением обманывать массы обладал Светозар Прибичевич, который был незаурядным оратором и, кроме того, пользовался незаслуженной славой борца против монархии. Прибичевич долгое время возглавлял оппозицию в хорватском Саборе, и это создало ему известную популярность, хотя в действительности он не был противником империи Габсбургов.

19 октября Народное вече сделало декларативное заявление о том, что с этого момента оно берет в свои руки «ведение народной политики», объявив все остальные политические партии югославянских земель неправомочными что-либо предпринимать без санкции Народного веча[79]. Тем самым вече хотело лишить все революционные организации, а также партии, несогласные с его программой, возможности осуществлять политическую деятельность.

В Декларации, кроме того, выдвигались следующие основные требования: а) «объединение всего югославянского населения на всей его этнографической территории, независимо от областных или государственных границ, в пределах которых оно в настоящее время проживает — в единое и суверенное государство»; б) предоставление права Народному вечу послать своих делегатов на мирную конференцию, которая должна решить вопрос о территориальных границах югославянских земель; в) отказ от половинчатого разрешения югославской проблемы, предложенного императором Карлом в манифесте от 16 октября[80]. Декларация Народного веча не только не заявляла о разрыве с монархией, но даже не выдвигала сколько-нибудь конкретных планов создания того

[76] F. Čulinović. Odjeci..., s. 125.
[77] См. Народна енциклопедија СХС, т. III. Београд, 1927.
[78] Там же, стр. 125, 127.
[79] F. Šišić. Dokumenti..., s. 179—180.
[80] Там же, стр. 180.

inslav

«единого государства» югославян, о необходимости создания которого она говорила.

Тем временем правящие круги монархии и проавстрийские политические партии югославянских земель выдвинули новые планы спасения гибнущей империи. 21 октября лидер «Чистой партии права» («франковцев») Александр Хорват посетил императора Карла и сообщил ему проект реорганизации монархии на основе триализма[81]. Этот план отнюдь не был новым. Он в свое время выдвигался еще так называемой Бельведерской группой с эрцгерцогом Францем-Фердинандом во главе, а также лидером Словенской народной партии Иваном Шустершичем. Карл в принципе одобрил план, но не осмелился его осуществить без согласия венгерского правительства, с которым в это время и без того у венского двора были крайне напряженные отношения. Он послал Александра Хорвата в Будапешт к «самому знающему человеку», как отрекомендовал Карл графа Тису. Александр Хорват встретился в Будапеште с Тисой, графом Виндишгрецем и министром-президентом Векерле; последние заверили его в согласии поддержать план в обмен на предоставление Венгрии права использовать 50 тыс. хорватских войск для посылки их на участки фронта, находящиеся под угрозой[82].

Этот план, однако, пришлось немедленно оставить, так как 24 октября из Риеки пришло известие о восстании тех самых «верных хорватских войск», на которые так рассчитывало венгерское правительство.

Другой план «спасения монархии» принадлежал сараевскому архиепископу Иосипу Штадлеру и генерал-губернатору Боснии и Герцеговины генералу Саркотичу. План предусматривал создание в рамках монархии Габсбургов Хорватского королевства с включением в его состав Далмации, Крайны и Боснии — Герцеговины[83]. Это королевство должно было объединить «католические земли» и опираться на поддержку католической церкви[84].

Наконец, имелось несколько проектов реорганизации монархии, предложенных представителями правящих кругов Вены и Будапешта, а также баном Хорватии Михаловичем. 26 октября, как об этом говорят хранящиеся в Венгерском государственном архиве протоколы Совета министров Венгрии, на заседании правительства обсуждались проекты реформ избирательной системы, юстиции и народного образования в Хорватии[85]. Были зачитаны письма бана Хорватии Михаловича[86], ректора Загребского университета[87] и министра юстиции Венгрии[88]. В письмах делались предложения срочно осуществить некоторые реформы, чтобы отвлечь массы от революционной борьбы.

Но все было напрасным. Проекты и реформы уже ничего не могли спасти. Монархия Габсбургов шла к своей гибели, и всякие попытки приостановить развал империи были обречены на неудачу. Это прекрасно понимал и сам император Карл, который, как рассказывают его биографы, находился в эти последние дни существования монархии в состоянии полнейшей растерянности. 28 октября Карл принял в Шенбруннском дворце в Вене бана Хорватии Михаловича. Бан сообщил ему очередной план реформ в Хорватии, который, по его словам, мог спасти монархию. Карл тупо посмотрел на Михаловича, махнул рукой и

[81] S. Budisavljević. Указ. соч., стр. 132—133.
[82] B. Krizman. Stvaranse jugoslovenske države..., s. 340—341.
[83] H. Kapidžič. Austro-ugarska politika u Bosni i Hercegovine u I svijetskom ratu.— «Codišnjak istorijskog društva Bi H», Sarajevo, 1958, god. 9, s. 50—51.
[84] V. Novak. Magnum crimen..., s. 71.
[85] Венгерский государственный архив. OL ME, XXXIV, № 36, f. 6—9, 11—14.
[86] Там же.
[87] Там же, № 314.
[88] Там же, № 810.

inslav

сказал: «Делайте, что хотите»[89]. Императору было уже не до Хорватии: он заботился лишь о собственной безопасности и предотвращении революции в самой Вене. Недаром Верховное командование Австро-Венгрии обратилось в эти дни со слезной просьбой к влиятельному чешскому депутату рейхсрата Тусару, чтобы он помешал «распространению большевизма» в Вене и призвал расквартированные в Вене чешские соединения не участвовать в революционной борьбе и оставаться в казармах, а не выходить на улицу[90]. Новый глава имперского правительства граф Андраши обратился 28 октября к Антанте с телеграммой, в которой давал согласие на безоговорочную капитуляцию Австро-Венгрии и на ввод в страну войск Антанты, рассчитывая на то, что они будут использованы для подавления революционного движения.

На Антанту срочно переориентировалось и Народное вече. 26 октября в Загребе состоялось чрезвычайное заседание Исполнительного комитета Народного веча для обсуждения вопроса о ситуации в монархии. Исполнительный комитет веча выдвинул следующие требования: немедленное заключение мира на условиях безоговорочной капитуляции Австро-Венгрии перед Антантой; передача власти в югославянских землях Народному вечу; ввод войск Антанты на так называемые спорные территории[91].

В ночь с 28 на 29 октября в Загребе состоялось внеочередное заседание Народного веча, на котором были приняты три решения: о разрыве с монархией Габсбургов и образовании Государства словенцев, хорватов и сербов, о переходе всей полноты власти на югославянских территориях Австро-Венгрии в руки Народного веча и о прекращении вывоза из вновь созданного государства продовольствия в Австрию и Венгрию[92].

Буржуазные партии поспешили объявить эти решения «историческим событием» и придать принятым постановлениям чуть ли не значение революционных преобразований. Так интерпретировали, например, решения ночного заседания Народного веча его лидеры Светозар Прибичевич, Богдан Медакович, д-р Анте Павелич, Душан Попович и др.[93]

Рассмотрим этот вопрос подробнее.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАРОДНОГО ВЕЧА (29 ОКТЯБРЯ — 1 ДЕКАБРЯ 1918 г.)

К кому же перешла власть во вновь созданном Государстве словенцев, хорватов и сербов?

Народное вече сразу же после 29 октября приступило к конструированию органов власти на местах без привлечения в них народных масс и даже вопреки народным массам. Так, в Хорватии и Славонии было сформировано правительство во главе с баном Антуном Михаловичем, который занимал этот пост еще во времена монархии Габсбургов. Отныне он стал подчиняться президиуму Народного веча. В Крайне, или Словении, как стала теперь называться эта земля, главой местного самоуправления был назначен один из ведущих функционеров Словенской народной (католической) партии Иосип Погачник и был создан новый орган провинциальной власти — «Народный совет», состоящий из представителей католической и либеральной буржуазных партий. В Боснии и Герцеговине во главе самоуправления были поставлены крупные капиталисты Атанасий Шола и Глигорий Ефтанович. В Далмации был

[89] B. Krizman. Stvaranje jugoslovenske države..., s. 347—348.
[90] Там же.
[91] «Zapisnici središnjeg odbora Narodnog vijeća», s. 342; «Starine», Zagreb, 1958, knj. 48, s. 333.
[92] См. там же, стр. 344—352.
[93] Там же.

inslav

сформирован так называемый «Главный комитет народной организации» в составе буржуазных деятелей Иво Крстельи, Йозо Смодлаки, Векослава Шкрлеца и др.

Для дезориентации рабочего класса и крестьянства в состав местных правительств и Исполнительного комитета Народного веча были включены социал-демократы Вилим Букшег, Антон Кристан, Витомир Корач и Иосип Петеян, а также лидеры Хорватской народной крестьянской партии Степан Радич и Драгутин Ковачевич. Социал-демократам были отданы посты комиссаров («повереников») аграрной реформы и социальных дел.

Бывшие высшие чиновники имперского правительства, австрийская военщина и католическая церковь, которые ранее были опорой монархии Габсбургов, оказали поддержку новой власти — Народному вечу. В Боснии и Герцеговине Народному вечу присягнул бывший генерал-губернатор провинций генерал Саркотич. В Хорватии австрийские генералы явились на заседание Народного веча и заявили ему о своем подчинении [94]. 30 октября люблянский епископ Антун Бауэр обратился с посланием к священникам, призывая их верой и правдой служить новой власти [95]. С аналогичным призывом выступил и сараевский архиепископ Иосип Штадлер, тот самый Штадлер, который еще недавно высокопарно заявлял, что он скорее умрет, чем изменит монархии Габсбургов. Боснийская социал-демократическая газета «Глас слободе», оценивая преемственность старой и новой власти, писала: «Наша буржуазия приняла власть из рук австрийских генералов, которые передали ей свои полномочия по приказу из Вены» [96].

Новое правительство оставило на местах старый чиновничий имперский аппарат, сохранило старые реакционные законы, старые судебные органы и органы фиска. Оно готово было бы оставить и старую армию и полицию, если бы они в это время сами не развалились. «Офицеры,— вспоминает один из секретарей Народного веча Срджан Будисавльевич,—...пытались навести порядок и дисциплину среди солдат, но безуспешно. Почти каждый день группы солдат оставляли свои подразделения, причем одни с одобрения своих начальников, другие без всякого одобрения» [97].

Об этом же писал в своих воспоминаниях словенский публицист Альбин Препелух. «Люблянский Народный совет,— вспоминает он,— тогда располагал не более чем сотней солдат и офицеров. Пойманные и задержанные днем, солдаты, возвращавшиеся с фронта домой, ночью снова исчезали и расходились по своим селам. Стража, поставленная с вечера, исчезала бог знает куда. Утром находили в караульном помещении только прислоненную к стене винтовку» [98].

Недаром одним из первых распоряжений Народного веча был указ уполномоченного по делам обороны Мате Дринковича от 2 ноября о всеобщей мобилизации [99].

Народное вече стремилось ликвидировать те местные органы власти, которые были созданы трудящимися. Так, оно пыталось распустить местный комитет Народного веча в главном городе Герцеговины — Мостаре, где было много левых элементов [100] и где работал, заведуя продовольственным отделом, будущий функционер Компартии Югославии Гойко

[94] F. Šišić. Dokumenti..., s. 196.
[95] V. Novak. Magnum crimen..., s. 71—72.
[96] «Arhiv KP BiH», t. II, s. 303.
[97] S. Budisavljević. Указ. соч., стр. 176.
[98] A. Prepeluh. Pripombe k naše preratni dobi. Ljubljana, 1938, s. 145.
[99] F. Šišić. Dokumenti..., s. 219.
[100] «Komunist», 1.V 1958.

inslav

Вукович[101]. В Загребе Народное вече мешало деятельности «Рабочего совета», созданного 29 октября. Реформистские лидеры СДП Хорватии старались предотвратить превращение Рабочего совета в орган власти. Они препятствовали включению в него депутатов от солдат, крестьян и рабочих — не членов реформистских профсоюзов и вели в самом совете подрывную работу[102].

Народное вече предприняло решительные меры для подавления революционного движения в стране. В первый же день своего существования, 29 октября, оно опубликовало обращение к войскам и военно-морскому флоту, призывая их прекратить революционные волнения и подчиниться новому правительству. 30 октября по распоряжению Народного веча были созданы военно-полевые суды в Беловарской, Пожегской, Вировитицкой и Крижевачской областях Хорватии, где наблюдалось сильное крестьянское движение[103]. Народное вече издало распоряжение о роспуске партизанских и «зеленых» отрядов, о сдаче населением оружия властям и, угрожая суровыми мерами наказания, потребовало прекращения «подрывной деятельности» революционных элементов. Оно попыталось создать свои полицейские и военные силы — так называемую народную стражу.

Но все эти меры оказались тщетными — буржуазным органам власти не удалось провести мобилизацию и приостановить революционное движение. Об этом говорят многочисленные донесения представителей местных властей в канцелярию Народного веча за 30 октября — 4 ноября, т. е. за тот срок, когда вече пыталось преодолеть революционное брожение в стране собственными силами, без помощи иностранных войск.

Так, согласно донесению властей из г. Осиека от 30 октября, «в городе произошли крупные волнения. Трудящиеся захватили оружие. Восставшие крестьяне из окрестных сел прибыли в Осиек и полностью контролируют его окрестности»[104]. 31 октября, по сообщению председателя местного комитета Народного веча в Джакове Ивана Рибара, в городе произошли массовые нападения беднейших слоев населения на дома торговцев и богачей[105]. В тот же день, по донесению местных властей Горной Риеки, Брода, Джурджеваца и Бринья, в этих районах наблюдались революционные волнения[106].

1 ноября вблизи Слатина и Вуковара действовали отряды «зеленых» и власти оказались бессильными помешать им. Посланные против «зеленых» правительственные отряды «народной стражи» разбежались или перешли на сторону «зеленых»[107]. В Плашки 1 ноября подняли восстание 5 тыс. военнопленных, в числе которых было немало русских[108], 2 ноября революционные выступления произошли в районе Петроваждина и Кланьеца[109], 3 ноября — в Горешнице, Росинье, Слуньи, Винков-

---

[101] Гойко Вукович (1887—1934). Родился в г. Мостаре и там же жил до 1909 г., участвуя в рабочем и профессиональном движении. В 1909 г. в поисках работы ездил по разным странам — Болгарии, Австрии, Греции, Турции и др. В Болгарии познакомился с Г. Димитровым и тесняками. Вернувшись на родину, повел борьбу против оппортунистического руководства СДПБ и Г. Во время войны находился на нелегальном положении в г. Мостаре и вел там революционную работу. Был одним из инициаторов создания КПЮ, а с 1920 г. — членом ее ЦК. Был делегатом VI конгресса Коминтерна. В 1929—1933 гг. находился в тюрьме. Умер в 1934 г.

[102] V. Kopać. Povijest radničkog pokreta..., knj 1, s. 253—254.

[103] A. Hribar. Jugoslovenska politika srba, hrvata i slovenaca i bugara. Zagreb, 1929, s. 273.

[104] B. Krizman. Gradja o nemirama u Hrvatskoj na kraju 1918.— «Historijski zbornik», Zagreb, 1957, № 1—4, s. 111.

[105] Там же.

[106] Там же, стр. 112.

[107] Там же.

[108] Там же.

[109] Там же, стр. 116.

inslav

ци [110], 4 ноября — в Оточаце, Окучане, Преграде и многих других местах [111].

Секретарь местного комитета Народного веча в Вишковце Матасович писал в Загреб в донесении от 3 ноября, что эти выступления носят «революционную и социальную окраску». Массы, сообщал он, нападают на ростовщиков, торговцев, помещиков и господ вообще [112]. О том же писал в своих воспоминаниях участник крестьянского движения В. Радикович: «В селах Междумурья,— вспоминает он,— я нашел тот же революционный дух, что и на фронте. Бедные крестьяне и солдаты, возвратившиеся с фронта домой, нападали на помещичьи имения, склады, торговую сербскую и венгерскую буржуазию, выдвигая лозунг: «Долой господ!» Вскоре революционная волна захлестнула все Междумурье» [113]. Председатель Народного веча в Слатине Ковачевич от 6 ноября писал. «В Слатине большой размах приняло большевистское движение... всюду происходит экспроприация имущества буржуазии» [114]. «Народ волнуется, власть дезорганизована,— сообщалось в другом донесении.— ...в Вировитице народная стража распустила местный комитет Народного веча» [115]. Крестьяне, говорилось в донесении местных властей из Преграда от 4 ноября, отказываются подчиняться Народному вечу, заявляя, что «они сами себе хозяева, так как наступила свобода» [116]. В Илоке, по сообщению правительственного уполномоченного, трудящиеся сместили буржуазное местное Народное вече и избрали свое, в котором из 24 членов 17 были социалистами [117].

Наряду с этими революционными выступлениями было немало случаев выступлений анархистских и несознательных элементов, пытавшихся использовать создавшуюся обстановку безвластия для целей наживы и пр. Кроме того, дезорганизацию внутренней жизни вызывали действия отступавших с Салоникского фронта и из Сербии и Черногории австро-венгро-германских войск, которые угоняли с собой целые железнодорожные составы с продовольствием и имуществом, мародерствовали и грабили население. Народное вече ловко использовало неорганизованное отступление войск германо-австрийской коалиции с Балканского фронта, чтобы призвать армии Антанты для разгрома революционного движения в стране.

* * *

4 ноября Народное вече обратилось к командованию вооруженными силами Антанты на Балканах и правительству Сербии с письмами, в которых просило прислать войска для «наведения порядка» и разоружения отступающих австро-венгро-германских войск [118]. В письмах ничего не говорилось о карательных мерах против своего собственного народа, но эти цели подразумевались. То, о чем неудобно было писать в официальных документах, было сказано устно, во время доверительных бесед председателя Народного веча Корошеца с главнокомандующим войсками Антанты маршалом Фошем [119] и личным представителем

[110] Там же, стр. 118—119.
[111] Там же, стр. 119—120.
[112] Там же, стр. 119.
[113] «Četrdeset godina», Beograd, 1960, s. 21—22.
[114] B. Krizman. Graña..., s. 115.
[115] Там же, стр. 121—122.
[116] Там же, стр. 120.
[117] «Arhivski vijesnik», Zagreb, 1958, № 1, s. 157.
[118] F. Šišić. Dokumenti..., s. 228—229.
[119] Сб. «Международное значение Великой Октябрьской социалистической революции», М., 1958, стр. 172.

inslav

президента США в Европе полковником Хаузом [120]. Обе беседы состоялись в начале ноября в Париже, куда специально выехал Корошец, находившийся до того в Вене, где он встречался с австрийскими государственными деятелями [121].

Наконец о подлинных целях оккупантов — борьбе с революционным движением — говорит еще один документ: письмо Лансинга Хаузу от 16 ноября. В письме прямо указывалось, что «необходимо применить § 4 о перемирии, так как только оккупация союзными силами территорий бывшей Австро-Венгрии немедленно положит конец движению, которое, как и в России, угрожает основам общества» [122].

Разоблачая контрреволюционную роль Антанты по отношению к народам бывшей Австро-Венгрии и Балканских стран, В. И. Ленин в речи 8 ноября 1918 г. говорил: «Это значит, что англо-американские войска призываются играть роль душителей и палачей всемирной революции» [123].

Первой к оккупации югославянских территорий приступила Италия. Она преследовала открыто экспансионистские цели. Итальянский империализм стремился к захвату всей Далмации, Истрии, Хорватского Приморья и превращению этих земель в плацдарм для дальнейшего проникновения на Балканы. Итальянская военщина еще в конце октября предприняла первую попытку захвата бывшего имперского военно-морского флота в гавани Пула, а 3 ноября произвела высадку десантов в ряде пунктов югославского побережья Адриатики [124]. Италия, предпринимая оккупацию, исходила из обещаний, зафиксированных в 1915 г. в секретных статьях Лондонского договора, согласно которым за ее присоединение к Антанте последняя предоставляла Италии свободу рук на восточном побережье Адриатического моря. Эта сделка империалистических держав затрагивала непосредственные интересы проживавших в бассейне Адриатики югославянских народов. Правительство Советской России, по инициативе В. И. Ленина, опубликовало тайные договоры царизма с другими государствами и в их числе — Лондонский договор 1915 г. открыв тем правду югославянским народам. Однако и после этого публичного разоблачения Антанта продолжала выступать под лицемерной маской освободительницы народов Австро-Венгрии, а президент США Вудро Вильсон обнародовал 8 января 1918 г. фарисейскую мирную программу («14 пунктов»), одним из пунктов которой было требование о предоставлении югославянским народам Австро-Венгрии национальной автономии. На самом деле эти земли уже давно были обещаны Антантой Италии.

В конце войны Италия предъявила свой счет. 2 ноября вопрос об итальянских притязаниях на восточную часть Адриатики и Далмацию обсуждался в Париже на совещании руководителей стран Антанты в связи с составлением проекта договора о перемирии с коалицией центральных держав. На совещании присутствовал министр иностранных дел Сербии Миленко Веснич. В Париже в это время находился и глава сербского кабинета Никола Пашич [125].

Пашич попытался было опротестовать притязания Италии, но не встретил поддержки со стороны Клемансо и остальных руководителей великих держав. Тогда Пашич 2 ноября послал своему правительству письмо, в котором давал советы как можно быстрее осуществить

---

[120] См. «Papers», vol. VIII, p. 297—298.
[121] B. Krizman. Predstavnici Narodnog vječa..., s. 23—46.
[122] «Papers», vol. II, p. 316—317.
[123] В. И. Ленин. Сочинения, т. 28, стр. 140.
[124] F. Šišić. Dokumenti..., s. 242—243.
[125] См. B. Krizman. Stvaranje jugoslovenskoj državi..., s. 350—351.

inslav

оккупацию югославянских земель бывшей Австро-Венгрии сербскими войсками, чтобы помешать их захвату Италией [126].

5 ноября на остров Корфу в резиденцию сербского правительства прибыла миссия Народного веча во главе с Лазой Поповичем и передала официальное заявление о желательности ввода на территорию Государства словенцев, хорватов и сербов войск Сербского королевства [127]. Еще 1 ноября сербская конница вступила в Белград, 6 ноября сербские войска вошли в Сараево [128]. 13 ноября был заключен договор о перемирии между Сербией и Венгрией, на основе которого была создана «сербская зона» в Воеводине. Ее границы устанавливались по линии: Марош — Сегед — Суботица — Байя — Печ — Барча — вдоль реки Дравы до Осиека и затем вдоль железной дороги Осиек — Шабац [129]. Окончательно границы должны были быть определены мирным договором [130]. Одновременно с наступлением сербских войск в Боснии, Воеводине и отчасти Хорватии, на Адриатическом побережье происходило продвижение войск Италии.

Народное вече не только не давало санкции на итальянскую оккупацию, но, напротив, выступало с протестами против нее. У Италии, благодаря сделанному Народным вечем 31 октября заявлению о прекращении войны с державами Антанты [131], не было никаких формальных оснований для посылки своих войск на территорию Государства словенцев, хорватов и сербов. Таким образом, действия Италии носили характер интервенции [132].

Итальянские войска и действовали как захватчики. Они мародерствовали и грабили, свирепо подавляли всякое неповиновение населения их распоряжениям, а итальянское командование всюду вводило жестокий оккупационный режим [133].

Действия оккупантов вызывали многочисленные протесты всех прогрессивных кругов общественности и прежде всего левых социал-демократов.

9 ноября Социал-демократической партией Боснии и Герцеговины было опубликовано программное заявление по вопросу о создании будущего югославского государства. В числе прочих требований в нем выдвигалось требование о немедленном выводе из оккупированных территорий всех без исключения войск Антанты, отказе от удовлетворения империалистических притязаний, обеспечении политических свобод и права самим югославянским народам решить вопрос о своем государстве и его устройстве [134].

На иных позициях стояло буржуазное Народное вече. Оно выступило с протестом только против итальянских захватов, но продолжало поощрять оккупацию со стороны Франции, США, Англии и Сербского королевства, хотя присутствие в стране всяких иностранных войск мешало свободному волеизъявлению народов. Народное вече считало даже, что наличие американских, французских, сербских и английских войск может оказать известное сдерживающее влияние на Италию и

---

[126] Там же.
[127] Там же.
[128] Венгерский государственный архив, OL MN, 1918, VIII, № 1047, 1078.
[129] Там же.
[130] Венгерский государственный архив, OL MN, 1918, VIII, № 999, 1047, 1075, 1078, 1122.
[131] F. Šišić. Dokumenti..., s. 135—136.
[132] «Papers», vol. II, p. 303—304, 324.
[133] B. Krizman. Gradja o italjanskoj okupaciji Primorja 1918.— «Jadranski zbornik», Rijeka-Pula, 1956, god. 1.
[134] «Arhiv KP BiH», t. II, s. 273.

inslav

ограничить ее экспансию. Особенно приветствовало оно ввод сербских войск.

Крупная хорватская и словенская национальная буржуазия, представители которой заседали в Народном вече, высказывалась за объединение югославянских земель бывшей Австро-Венгрии с Сербским королевством, надеясь играть в будущем югославянском государстве значительно бо́льшую роль, чем в Австро-Венгрии, поскольку Сербия в экономическом отношении намного уступала бывшей двуединой монархии и сербская буржуазия казалась неопасным конкурентом в борьбе за югославянский рынок.

За воссоединение всех югославянских земель в единое государство стояли и все другие политические партии, в том числе социал-демократы, и эта идея отвечала многовековым чаяниям народов. Однако трудящиеся массы были заинтересованы не в простом присоединении остальных югославянских земель к Сербии, а в создании прежде всего демократического государства и удовлетворении социальных требований. Угнетенные национальности надеялись получить в новом югославянском государстве равные политические права и свободы.

* * *

Накануне воссоединения югославянских земель бывшей Австро-Венгрии с Сербией и Черногорией в одно государство существовало несколько проектов и идей государственного устройства будущей югославянской державы. Выдвигались республиканские, централистские и федералистские идеи. Существовала даже идея создания общего славянского государства на Балканах с включением в его состав Болгарии.

Прогрессивные элементы во главе с левыми социал-демократами выступали за республику. Так, на созванном 10 ноября в столице Словении Любляне массовом собрании рабочих-социалистов была принята резолюция, в которой говорилось, что югославское государство «должно стать социальной республикой» [135]. За республиканскую форму правления и демократическое устройство государства на основе равенства всех народов высказались сербская и боснийская социал-демократические партии [136]. Отстаивая принцип создания объединенного югославянского государства и выступая против сепаратизма, они требовали проведения решительной демократизации общественной жизни и обеспечения в стране подлинных политических прав и свобод. Однако в программе социал-демократических партий не были четко выражены задачи завоевания власти пролетариатом и не давалось ясного ответа на вопрос о формах государственного управления. Не была четко сформулирована в этом вопросе и программа Хорватской крестьянской партии Степана Радича. Она лишь выдвигала в общем задачу обеспечения независимости Хорватии в едином югославском государстве, но не говорила о конкретных путях достижения этого. Только в 1920 г. Степан Радич выступил с требованиями республиканской формы правления в Хорватии.

В общественных кругах Черногории по вопросу о создании единого югославского государства боролись два направления: сторонников объединения с Сербией и другими югославянскими землями и сторонников консервации старых порядков с сохранением у власти династии Негоша. Первое направление выражало требование подавляющего большин-

---

[135] «Борба», 8.X 1957.
[136] См. «Историјски архив КПЈ», т. III, стр. 313—314.

inslav

ства населения и было представлено в черногорской Народной скупщине прогрессивными элементами. Сторонники второго направления составляли явное меньшинство. Часть из них была вообще политическими агентами короля Николая, снова предъявившего свои права на престол. Позорно бежав из Черногории во время войны и оставив на произвол судьбы свой народ, король Николай в конце войны, когда Черногория уже начала освобождаться от австрийских оккупационных войск, заявил о готовности покинуть «гостеприимный Париж» и вернуться в «многострадальное Цетинье» [137].

За спиной короля Николая стояла Италия, которая являлась противницей образования на Балканах единого и сильного югославского государства и была заинтересована в сохранении самостоятельной Черногории, рассчитывая поставить ее в зависимость от себя. Итальянский империализм вынашивал в это время план захвата Боки Которской и оккупации Черногории [138].

Узнав о намерениях короля Николая, сербское правительство Пашича решило послать в Черногорию свои войска, чтобы предотвратить попытки Италии оккупировать страну и посадить на престол Николая. Заодно сербские войска должны были помешать развитию в Черногории революционного движения.

Сербское королевство в это время стремилось играть роль объединителя всех югославянских земель и выступало против всяких попыток проявления сепаратизма. Роль Сербии в этом отношении была двойственной. С одной стороны, объективно воссоединение югославянских земель вокруг Сербии было явлением прогрессивным, поскольку оно мешало захвату этих территорий крупными империалистическими державами, в первую очередь Италией. Однако, с другой стороны, оно проводилось не путем свободного волеизъявления народных масс, а недемократическим методом военной оккупации. Сербская крупная буржуазия использовала тягу к национальному единству для своекорыстных целей. Ведущие буржуазные партии — радикальная и демократическая, а также королевский двор, пропагандируя идею воссоединения всех югославянских земель в единое государство, рассчитывали на превращение этих земель в полуколонии Сербии.

Сербское королевство в своих планах опиралось на поддержку Франции, заинтересованной в создании системы военных союзов в Восточной Европе, в которой новому югославскому государству отводилась немаловажная роль. Югославия, по планам Франции, должна была служить противовесом Италии на Балканах и одним из антисоветских плацдармов среди буферных государств, создававшихся в Центральной и Юго-Восточной Европе. Со второй частью планов были согласны все страны Антанты, в том числе и Италия.

6—9 ноября 1918 г. в Женеве состоялось совещание представителей правительства Сербии, загребского Народного веча и лондонского эмигрантского «Югославского комитета». Премьер-министр Сербии Никола Пашич, председатель Народного веча Антон Корошец и председатель лондонского «Югославского комитета» Анте Трумбич достигли соглашения по ряду вопросов. Пашич выразил согласие признать Народное вече верховным органом власти в Государстве словенцев, хорватов и сербов, а Корошец и Трумбич в свою очередь дали заверения, что югославянские земли бывшей Австро-Венгрии воссоединятся в одно государство с Сербией и Черногорией, если со стороны последних бу-

---

[137] V. Vučković. Diplomatska pozadina ujedinjenju Srbije i Crne Gore.— «Jugoslovenska revija za medjunarodno pravo», Beograd, 1959, N 2, s. 253.
[138] «Papers», vol. II, p. 294.

inslav

будет к тому стремление[139]. Было решено, что вплоть до объединения каждое правительство будет управлять по-старому на территории своей страны, а для координации деятельности этих правительств и представительства за границей будет создано объединенное правительство в составе: Николы Пашича, Любы Давидовича, Мики Гавриловича и Драже Павловича — представителей Сербии, Велко Чингрия, Душана Васильевича и Янко Бренца — представителей Народного веча[140]. Местом пребывания этого правительства был избран Париж, что являлось свидетельством зависимости Народного веча и сербского правительства от Франции[141]. Женевское совещание приняло согласованную декларацию, в которой в общей форме говорилось о необходимости объединения югославянских земель в одно единое государство[142].

Однако практического значения декларация и решения женевского совещания не имели, так как они не были поддержаны ни сербским королем, ни Народным вечем.

Сербия претендовала на роль единоличного гегемона во вновь создаваемом югославском государстве и не хотела признавать Народное вече равным партнером. 11 ноября заместитель премьер-министра Сербского королевства Стоян Протич прислал с острова Корфу, где в это время еще находилось сербское правительство, Пашичу телеграмму, в которой извещал о том, что король не признает «правительство отеля», прозрачно намекая на незаконность женевского совещания, происходившего в отеле[143]. Вскоре Пашич был уволен в отставку, и премьер-министром стал Протич.

Светозар Прибичевич, как заместитель председателя Народного веча, тоже не признал решений, принятых в Женеве. Он заявил, что Корошец «превысил свои полномочия», и отказался подчиняться «объединенному югославскому правительству»[144]. Последнее прекратило свое существование.

14 ноября состоялись двусторонние переговоры между Народным вечем и правительством Сербии. В Белград, куда переехало сербское правительство, отправился специальный уполномоченный Исполнительного комитета Народного веча, который зондировал почву относительно того, сколько мест в объединенном правительстве будет предоставлено членам Народного веча.

16 ноября местные буржуазные власти Далмации направили меморандум центральному Народному вечу в Загребе, в котором выдвигали требование об объединении Государства словенцев, хорватов и сербов с Сербией, и выставили две основные причины в защиту этого предложения: совместная оборона против экспансии Италии и «обеспечение порядка», т. е. борьба против революционного движения[145].

Последняя причина была главной, ибо революционное движение в стране в этот период приняло особенно сильный размах. Ввод войск Антанты на территорию Государства словенцев, хорватов и сербов не только не способствовал разрядке революционного кризиса, но, наоборот, привел лишь к его дальнейшему обострению. Канцелярия Народного веча, как и прежде, была завалена многочисленными тревожными сообщениями местных органов власти о продолжающемся в стране раз-

---

[139] F. Šišić. Dokumenti..., s. 233.
[140] F. Šišić. Dokumenti..., s. 236—237.
[141] Б. Кризман. Женевска конференција о уједињењ у 1918.— «Историски гласник», Београд, 1958, кн. 1—2, стр. 21.
[142] S. Budisavljević. Указ. соч., стр. 154—155.
[143] Б. Кризман. Женевска конференција, стр. 21.
[144] S. Budisavljević. Указ. соч., стр. 155—156.
[145] Там же.

inslav

витии революционного движения, о выступлениях крестьянства, о рабочих забастовках и даже о все более учащающихся случаях революционного брожения среди сформированных правительством вооруженных сил — так называемой «народной гвардии».

Так, в Хорватии только за две недели — с 8 по 26 ноября — произошло несколько десятков серьезных революционных выступлений, для подавления которых местным властям пришлось вызывать войска. 8 ноября крестьянами было произведено вооруженное нападение на помещичье имение графа Бомбеллеса в районе Винице. Произошли выступления крестьян в Загорском, Вараждинском и Пожегском котарах под лозунгом раздела помещичьих земель, сельскохозяйственного инвентаря и семенного фонда [146]. 9 ноября, по сообщению начальника местной администрации (великого жупана) в Пожеге, в селах Трешта, Новцине, Петрово, Якшич, Врандука и некоторых других крестьяне поделили зерно и кукурузу не только в амбарах, захваченных у помещиков, но и у кулаков [147]. В Ердевике и Даруваре, согласно донесению насмерть перепуганных правительственных комиссаров, 8 и 9 ноября «появились большевики» — так называли революционных агитаторов уполномоченные Народного веча [148]. 10—13 ноября имели место крестьянские волнения в селах Струг, Мартиновцы, Полянцы, Видовицы, Великий и Малый Буковац, Селницы и Кучники Лудбергского котара и были произведены нападения на имение богатейшего помещика бывшего бана Хорватии Павла Рауха [149]. В селах Кральевац и Грачац Кланьецкого котара, а затем и во всем котаре крестьяне в течение нескольких дней были полными хозяевами положения и отказывались подчиняться властям [150]. В Пожегском, Покрацском и Даруварском котарах в те же дни крестьяне почти повсеместно произвели нападения на помещичьи имения [151]. В районном центре Будиншчина крестьяне 13 ноября захватили здание налогового управления и уничтожили все налоговые книги [152]. 17 ноября произошло крестьянское восстание в районе между Кланьицей и Кральецей. В Пожеге власти для предотвращения восстания крестьян вызвали дополнительные контингенты войск с артиллерией [153]. Крестьянские волнения в те же дни наблюдались в районе Осиека и Дарувара. 24 ноября сильнейшие революционные выступления охватили целую область Сеньи [154].

В Воеводине, на большой территории вдоль реки Дуная в области Шайкашкой начиналась аграрная революция: крестьяне захватывали помещичьи земли и создавали на местах свои органы власти [155].

Чтобы предотвратить дальнейшее развитие крестьянского движения, Народное вече заявило о подготовке аграрной реформы. В обнародованном проекте земельной реформы давалось обещание отменить кметчину и колонат. В нем глухо указывалось на необходимость «более справедливого перераспределения земли», но совершенно обходился вопрос о наделении этой землей крестьян [156]. Правительство объявило в газетах о подготовке законопроекта о реформе, но дальше обещания дело так и не пошло. Крестьянские волнения в связи с этим не прекратились.

---

[146] B. Krizman. Građa o nemirama.., s. 124—125.
[147] Там же, стр. 125.
[148] Там же, стр. 124—125.
[149] Там же, стр. 126.
[150] Там же, стр. 126—127.
[151] Там же, стр. 127.
[152] Там же.
[153] Там же, стр. 128.
[154] Там же.
[155] «Социалистички покрет у Војводини 1890—1919». Нови Сад, 1953, стр. 234.
[156] F. Čulinović. Odjeci..., s. 115—116.

inslav

Народное вече, потеряв надежду задушить революционное движение в стране и не имея сил противостоять продолжающемуся вторжению итальянских оккупационных войск в югославянские земли, приняло 24 ноября решение о присоединении Государства словенцев, хорватов и сербов к Сербскому королевству [157].

Аналогичное решение 24 ноября приняла Народная скупщина Черногории, где победили сторонники объединения, и 25 ноября — скупщина Воеводины, заседавшая в г. Нови Сад. 1 декабря делегации от этих скупщин и загребского Народного веча вручили верноподданнический адрес королю в Белграде, и в тот же день от имени короля принц-регент Александр Карагеоргиевич объявил об образовании Королевства сербов, хорватов и словенцев. Этот день и считается начальной датой создания югославского государства.

---

[157] «Zapisnici središnjeg odbora Narodnog vijeća...», s. 375—376; «Starine», Zagreb, 1958, knj. 48, s. 334.

inslav

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
Том XXIV, 1962 г.

И. И. Лещиловская

ИЗ ИСТОРИИ ТОРГОВЛИ ХОРВАТИИ — СЛАВОНИИ В КОНЦЕ XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Развитие внешних торговых связей Хорватии — Славонии в последних десятилетиях XVIII — первой половине XIX в. является одним из слабо разработанных вопросов экономической истории этих земель. Вместе с тем изучение внешнеторговых связей Хорватии — Славонии в указанное время имеет немаловажное значение для решения проблемы генезиса капитализма здесь.

В югославской историографии, буржуазно-дворянской и современной, специальных работ на интересующую нас тему нет. Однако различные стороны этой проблемы затрагивались в ряде исследований югославских историков, занимающихся различными вопросами экономического и общественного развития хорватских земель в конце XVIII — первой половине XIX в., а также в обобщающих трудах.

В монографии буржуазного хорватского историка Р. Лопашича — «Карловац» [1], посвященной истории крупнейшего в Хорватии торгового города Карловаца, имеются, хотя и отрывочные, но важные фактические сведения о торговых оборотах этого города, о торговых путях Хорватии, о составе хорватского вывоза и ввоза в рассматриваемое время, о коммуникациях, связывавших Карловац с венгерским, австрийским и внешними рынками и т. д.

В работе современного югославского экономиста Р. Бичанича «Период мануфактуры в Хорватии и Славонии (1750—1860 гг.)» [2] приводится материал о вывозившейся хорватской промышленной продукции, о деятельности крупного хорватского купечества во второй половине XVIII — первой половине XIX в., содержатся интересные наблюдения автора о процессе накопления капитала в Хорватии и Славонии и о роли и месте торгового капитала. Значение приморских городов и в первую очередь Риеки во внешнеторговом обмене всего Венгерского королевства освещено в ряде статей сборника «Риека», изданного в 1953 г. [3] Краткий, но весьма содержательный очерк торговых связей Хорватии — Славонии в конце XVIII в. имеется в обобщающем труде М. Мирковича «Экономическая история Югославии» [4], охватывающем хозяйственное развитие всех республик Югославии с древнейших времен

---

[1] R. Lopašić. Karlovac. Zagreb, 1879.
[2] R. Bićanić. Doba manufakture u Hrvatskoj i Slavoniji (1750—1860), Zagreb, 1951.
[3] Sb. «Rijeka», Zagreb, 1953.
[4] M. Mirković. Ekonomska historija Jugoslavije. Zagreb, 1958.

inslav

до 1941 г., и в коллективной работе югославских историков — II томе «Истории Югославии», изданном в 1960 г.[5]

В советской исторической литературе проблема внешнеторговых связей Хорватии и Славонии в рассматриваемое время совершенно не затрагивалась.

В конце XVIII — первой половине XIX в. Хорватия и Славония, обладая некоторыми особыми правами, входили в состав Венгерского королевства, являвшегося частью Австрийской империи. Хорватия и Славония на рубеже XVIII — XIX вв., в отличие от территории нынешней Хорватской республики, не включали Приморье, Далмацию, Военную Границу, Междумурье, Истрию. Но в их состав входила часть Срема. Накануне 1848 г. хорватские гражданские земли[6] занимали площадь в 345,97 кв. миль[7]. По данным 1840 г., население их составляло 804 908 человек[8].

Во второй половине XVIII в. наметился известный сдвиг в торговле Хорватии — Славонии. Граф Адам Оршич, описывая в мемуарах Хорватию времен своей молодости (он родился в 1748 г.), писал, правда, несколько сгущая краски: «Никакой торговли скотом, хлебом или вином тогда не было...»[9] Вместе с тем он отмечал, что 70-е годы XVIII в. принесли с собой заметные перемены во всем строе жизни хорватского общества[10]. Австрийский офицер Таубе, оставивший прекрасное описание Славонии конца третьей четверти XVIII в., прямо указывал, что именно с 70-х годов начался систематический вывоз из Славонии больших масс хлеба и табака за границу[11]. Известно также, что первые суда с банатскими продуктами, занявшими впоследствии важное место в транзитной торговле Хорватии — Славонии, прошли по Саве в направлении к Адриатике в 1756 г. С 1763 г. это движение стало регулярным[12]. Приведенные данные свидетельствуют о том, что на исходе третьей четверти XVIII в. началось оживление торговли хорватских областей.

Этот подъем в первую очередь был связан с зарождением элементов капитализма в промышленности и сельском хозяйстве хорватских земель, а также с капиталистической перестройкой производства во всей Австрийской монархии.

Благоприятное воздействие на состояние внешнего обмена Хорватии и Славонии оказало также повышение спроса на сельскохозяйственное сырье и продовольствие в Западной Европе в связи с развитием там промышленности и ростом городов, а также прекращением поступления на европейский континент американских продуктов в период войны северо американских колоний Англии за независимость.

В известной мере перемены, наметившиеся в коммерческой жизни Хорватии и Славонии во второй половине XVIII в., были подготовлены некоторыми экономическими и политическими мероприятиями, проведенными австрийскими монархами еще в первой половине этого столетия под влиянием требований экономического развития и соображений

[5] «Историја народа Југославије», књ. II, Београд, 1960.

[6] В отличие от Военной Границы, три хорватские и три славонские жупании в литературе часто называются «гражданскими» землями, или «Провинциалом».

[7] 1 австрийская кв. миля равнялась 57,5 кв. км.

[8] F. Vrbanić. Jedno stoljeće u razvoju broja žiteljstva Hrvatske i Slavonije.— «Rad JAZU», 140, s. 28, 34.

[9] «Memoiren des Grafen Adam Orssic de Szlavetich vom Jahre 1725 bis zum Jahre 1814».— «Arkiv za povjestnicu Jugoslavensku», kn. X, s. 275.

[10] Там же, стр. 277 и след.

[11] F. Taube. Historische und geographische Beschreibung des Königreiches Slavonien und des Herzogthumes Syrmien, B. II. Leipzig, 1777, S. 28—29; B. III. Leipzig, 1778, S. 24.

[12] R. Bićanić. Važnost Rijeke u ekonomskom životu Hrvatske.— «Rjeka», Zagreb, 1953, s. 163.

inslav

политического порядка. В 1715 г. были ликвидированы таможни внутри Хорватии и Славонии и установлены на их границах. До 1780 г. эти земли составляли особую таможенную территорию, но затем были включены в таможенные границы Венгерского королевства. В 1717 г. Карлу VI после удачных политических маневров удалось провозгласить свободу плавания по Адриатическому морю, что положило конец столетней монополии Венеции и позволило портам северного побережья — Риеке, Сеню, Бакару и Триесту — включиться в мировой торговый оборот. Через два года Триест и Риека были объявлены свободными портами. Вскоре в Риеке и Кралевице были построены гавани. В результате заключения в 1718 г. Пожаревацкого мира между монархией Габсбургов и Турцией создались благоприятные условия для развития судоходства по Дунаю и Саве. Пожунский хорвато-венгерский сейм 1723 г. предоставил крепостным крестьянам право свободно продавать продукты своего хозяйства, ограничив право первопокупки феодалов. В 1726 г. была построена дорога Карловац — Риека, названная в честь Карла VI — «Каролиной». Она соединила континентальную Хорватию с Адриатическим морем. В середине XVIII в. в верхней Хорватии появились почтовые дороги. В 1732 г. была проведена регуляция русла Савы до Сисака, но относительная безопасность судоходства по этой реке для крупных судов была обеспечена лишь после 1770 г.[13] В 60—80-х годах подверглась регуляции и река Купа.

Большое значение для развития торговых связей хорватских земель и формирования внутреннего национального рынка имело воссоединение в одно политическое целое Хорватии и Славонии. Освобожденная в результате австро-турецкой войны 1683—1699 гг. от турецкого господства и находившаяся с того времени в ведении венского Военного совета и австрийской, а затем венгерской финансовых палат, Славония в 1745 г. была возвращена под власть хорватского сабора и бана. С 1776 по 1780 г. в составе Хорватии находилось также и Приморье с портами Риека, Бакар, Бакарац, Кралевица, Криквеница и Нови. Хотя в 1786 г. Приморье было выделено в особую административную область, непосредственно подчинявшуюся венгерским властям[14], оно сохранило с Хорватией и Славонией прочные экономические связи.

Развитию хорватской торговли способствовало также удобное географическое положение Хорватии и Славонии. Они находились на стыке Западной и Юго-Восточной Европы, имели четыре крупные судоходные реки — Дунай, Драву, Саву и Купу, несущие свои воды как в меридиональном, так и широтном направлениях, на юге через узкую полоску Приморья соединялись с Адриатическим морем. Проходившие через Хорватию и Славонию торговые пути приобрели во второй половине XVIII в. международное значение.

За период с конца третьей четверти XVIII до середины XIX в. произошли большие перемены в объеме и составе вывоза, ввоза и транзитной торговли Хорватии — Славонии.

Известным показателем развития хорватской торговли может служить динамика товарооборота приморских городов в указанный период, хотя активность портов лишь частично характеризует связи самого хорватского хозяйства. В 1780 г. в Риеку вошло 1419 судов, в Бакар —

[13] R. Bićanić. Doba manufakture..., s. 14, 197; его же. Važnost Rijeke..., s. 163; «Историја народа Југославије», стр. 1011.

[14] Официально территория от города Риеки до порта Нови именовалась «Венгерское приморье». Но поскольку это была исконно хорватская земля, в югославской литературе она, применительно к концу XVIII — первой половине XIX в., называлась и называется «Хорватское приморье». Подобного же наименования будем придерживаться и мы.

inslav

285, в Кралевицу — 90, всего 1794 судна. В том же году вышло из Риеки 1362, из Бакара — 248, из Кралевицы — 90, всего — 1700 судов[15]. В январе-феврале 1784 г. в Риеке побывало более 100 судов из Испании, Ватикана, Венеции, Франции, Швеции и Дубровника[16]. В 1792/93 г. в порты Хорватского приморья вошло 2400 судов, ушло 2401, в 1793/94 г. пришло 2375, ушло 2343 судна[17]. В 40-х годах XIX в. только в риекский порт ежегодно входило 440 морских судов водоизмещением в 43 000 т и 2200 каботажных судов водоизмещением в 56 000 т[18].

В 1783/84 г. было экспортировано товаров через Риеку на 496 285 форинтов, Бакар — на 539 927 форинтов, Кралевицу, Криквеницу и Нови — на 17 459 форинтов. Экспорт через все указанные порты в 1783/84 г. в денежном выражении составлял 1 053 672 форинта. В том же расчетном году было ввезено товаров через Риеку — на 1 187 654 форинта, Бакар — на 94 747 форинтов, Кралевицу, Криквеницу и Нови — на 19 678 форинтов, всего — на 1 302 080 форинтов[19].

В 1841—1842 гг. стоимость вывезенных через Риеку товаров составляла 2 010 241 талер[20], через Бакар — 425 290 талеров, через Кралевицу — 69 989 талеров. В том же расчетном году стоимость ввоза через Риеку равнялась 1 139 986 талеров, через Бакар — 46 662 талера, через Кралевицу — 29 338 талеров[21]. Всего в 1841/42 г. через Риеку, Бакар и Кралевицу было вывезено товаров на 2 505 520 талеров, а ввезено на 1 215 986 талеров. Если принять во внимание вывоз и ввоз, производившиеся также через порты Криквеница и Нови, можно заключить, что через все указанные выше морские порты в 1841/42 г. было экспортировано товаров минимум в 3,5—4 раза больше, а импортировано по крайней мере в 1,5—2 раза больше, чем в среднем за год в середине 80-х годов XVIII в.[22]

Приведенные данные не могут дать представления об абсолютных размерах хорватского вывоза и ввоза. Прежде всего потому, что Хорватия и Славония отправляли свою продукцию на венгерский, австрийский и внешние рынки и получали товары оттуда, кроме указанных портов, и через другие приморские города, в частности через Сень и Триест, а также по суше. В 1870 г. через хорватские таможни из Хорватии, Славонии и Венгрии в Турцию прошло товаров на 325 000 ферентов, а из турецких провинций обратно — на 1 042 000 форинтов[23]. В середине 40-х годов XIX в. хорватские гражданские земли отправляли в Триест и получали оттуда до 150 000 центов[24] различных сельскохозяйственных и промышленных товаров[25].

---

[15] «Staatskunde und Geschichte von Dalmatien, Croatien und Slawonien, nebst einigen ungedrukten Denkmälern Ungrischer Geschichte». Halle, 1798, S. 368.

[16] M. Despot. Historijat trgovačkih putova između Rijeke i zaleđa u XVIII. i XIX. stoljeću.— «Rijeka». Zagreb, 1953, s. 128.

[17] «Staatskunde...», S. 388.

[18] F. Reden. Allgemeine vergleichende Handels- und Gewerbs-Geographie und Statistik. Berlin, 1844, S. 872.

[19] «Staatskunde...», S. 376.

[20] Талер был равен 1,5 форинтам — «Danica horvatska, slavonska i dalmatinska», 1847, br. 38, s. 151.

[21] F. Reden. Указ. соч., стр. 872.

[22] Происшедшее падение стоимости денег не может существенно изменить общей картины роста внешнеторгового оборота указанных портов.

[23] «Историја народа Југославије», књ. II, стр. 1014.

[24] 1 венский цент = 56 кг.

[25] «Novine horvatsko-slavonsko-dalmatinske», 26.XII 1846, s. 429. Название этой газеты неоднократно менялось, в частности, с 1836 г. по 1843 г. она именовалась «Ilirske narodne novine», с 1843 г. по 1845 г.— «Narodne novine», в 1845—1849 гг.— «Novine horvatsko-slavonsko-dalmatinske». В настоящей работе в дальнейшем она будет обозначаться «Novine...»

inslav

Кроме того, изложенный выше материал включает как вывозившуюся собственно хорватскую продукцию и ввозившиеся Хорватией и Славонией изделия, так и транзитные товары из Венгрии, Военной Границы и даже из турецких провинций, проходившие через хорватскую территорию и, наконец, производившиеся в самом Хорватском приморье, особенно в Риеке, а частично и в словенских землях, и потреблявшиеся ими сырье и продукты.

Не являясь исчерпывающими для характеристики торгового оборота Хорватии и Славонии в целом, данные об обращении товаров в приморских городах тем не менее отражают развитие хорватской торговли, количественный рост вывоза и ввоза, увеличение оборота транзитной торговли Хорватии и Славонии, постепенное укрепление их экономических связей с мировым рынком на протяжении последних десятилетий XVIII — первой половины XIX в.

Морская торговля Хорватии — Славонии развивалась неравномерно и во многом зависела от внешнеполитических факторов. Серьезное влияние на нее оказало военное поражение монархии Габсбургов в ходе борьбы с наполеоновской Францией и французская оккупация северного побережья Адриатики. С образованием в 1809 г. Наполеоном Иллирийских провинций, которые, наряду с другими областями, включили также Хорватское приморье, южную часть Хорватии до Савы и расположенные между Адриатическим морем и Савой полковые округа Военной Границы, внешняя торговля Хорватии, Славонии и Венгрии через морские порты резко упала. Торговая магистраль Карловац — Риека, дважды перерезанная таможенными границами, в значительной степени потеряла свое экономическое значение [26]. Хлебная торговля Карловаца, через который осуществлялось все товарное движение к портам Хорватского приморья и который теперь попал под французское управление, ослабла [27]. После разгрома Наполеона гражданское приморье и часть Хорватии до Савы были включены в образованное Габсбургами «Королевство Иллирии», в котором были установлены порядки наследственных земель. Континентальные районы Хорватии, Славонии и Венгрии по-прежнему оставались отрезанными от моря. Торговля Карловаца — этого важнейшего торгового пункта на подступах к морским портам — была в этот период незначительной [28]. Воссоединение отторгнутых территорий с Венгерским королевством произошло только в 1822 г. Лишь с урегулированием политического статута Приморья морская торговля Хорватии, Славонии и Венгрии стала оживать.

Соотношение стоимости экспорта и импорта через порты Риека, Бакар, Кралевица, Криквеница и Нови в 1783—1784 гг. было в пользу последнего. В указанном расчетном году ввоз превосходил вывоз на 248 408 фор., при этом исключительно за счет импорта через Риеку. Но уже в 90-х годах XVIII в. через Риеку вывозилось товаров на 0,5—1 млн. форинтов больше, чем ввозилось [29]. В 1836 г. экспорт через Риеку в стоимостном выражении почти в 2 раза превышал ввоз [30]. В 1841—1842 гг. через Риеку, Бакар и Кралевицу было отправлено товаров стоимостью в 2 раза больше, чем получено извне. При этом соотношение стоимости импорта и экспорта через Риеку составляло приблизительно 1 : 2, через Кралевицу 1 : 3, а через Бакар 1 : 9. Следовательно, экспорт морским путем из Хорватии и Славонии, а также из Военной Границы и Венгрии через хорватские гражданские земли рос в течение

[26] D. Klen. Privredno stanje Rijeke u doba Ilirije. Zagreb, 1959.
[27] R. Lopašić. Karlovac, s. 91.
[28] Там же, стр. 97.
[29] «Staatskunde...», S. 385—386.
[30] См. F. Reden. Указ. соч., стр. 872.

inslav

рассматриваемого времени более высокими темпами, нежели импорт. В конце XVIII в. вывоз морским путем из Венгерского королевства стал превосходить ввоз. На исходе первой половины XIX в. преобладание морского экспорта над импортом было вполне устойчивым [31].

В связи с происшедшими на протяжении рассматриваемого периода переменами в соотношении вывозившихся и ввозившихся через порты Хорватского приморья товаров изменилось и торговое значение приморских городов. В 80-х годах XVIII в. Бакар, Кралевица, Селце, Цриквеница, Нови, Сень и Карлобаг были преимущественно вывозными портами Хорватии, Славонии, Военной Границы и частично Венгрии. Риека же была городом, через который в основном производился ввоз товаров для австрийских наследственных земель и Венгерского королевства [32].

В первой же половине XIX в., как это показывают выше приведенные данные, не только через Бакар и Кралевицу, которые сохранили значение преимущественно вывозных портов, но также и через Риеку стал в гораздо большей степени осуществляться экспорт, нежели импорт товаров, хотя Риека по-прежнему доминировала по удельному весу ввозившейся продукции.

Товарооборот приморских городов не может служить исходным материалом для определения характера торгового баланса Хорватии и Славонии, поскольку через эти порты проходили не только товары, произведенные в хорватских гражданских землях, а также предназначенные для их внутреннего потребления, но и транспортировавшиеся через них. Кроме того, товарооборот приморских городов включал в себя лишь часть торгового оборота указанных провинций. При отсутствии статистических и других материалов в известной мере могут помочь в установлении характера торгового баланса Хорватии и Славонии свидетельства современников.

Таубе отмечал, что вывоз славонской продукции в конце 70-х годов XVIII в. в денежном выражении составлял по крайней мере 1,5 млн. фор., в то время как ввоз товаров, потреблявшихся самой Славонией,— немногим более 0,5 млн. фор. [33] Славония ежегодно получала от своих торговых операций в конце XVIII в. 1 млн. форинтов чистого дохода. Австрийский офицер Демиан также утверждал, что для начала XIX в. стоимость ввозившихся промышленных изделий в Славонию не была значительной [34]. Поскольку Хорватия и Славония мало отличались друг от друга в экономическом отношении, вряд ли три собственно хорватские жупании в соотношении вывоза и ввоза в рассматриваемое время принципиально отличались от славонских областей. Поэтому, принимая во внимание выше приведенные свидетельства современников, можно предположить, что Хорватия и Славония в последних десятилетиях XVIII и в первой половине XIX в. имели активный торговый баланс. Однако прибыли, получаемые ими благодаря положительному торговому балансу и провозу товаров через их территории, сводились на нет теми значительными платежами, которые хорватские земли вносили в

[31] Небезынтересны в этом отношении наблюдения современников о движении товаров на участке Карловац — Риека в конце первой половины XIX в. Известный хорватский поэт и общественный деятель Антун Немчич-Гостовинский, который проезжал по южным районам хорватских областей в конце 40-х годов, и английский путешественник, посетивший Хорватию несколько раньше, единодушно отмечали, что в направлении к Риеке по Луизинской дороге двигалось множество повозок, груженных лесом, досками, хлебом, обратно же повозки шли преимущественно пустые. A. Nemčić-Gostovinski. Putositnice, kn. I. Zagreb, 1942, s. 93; J. Paget. Ungarn und Siebenbürgen, Bd. II. Leipzig, 1842, S. 468.

[32] См. выше приведенный материал, а также: M. Mirković. Указ. соч., стр. 209.

[33] F. Taube. Historische und geographische Beschreibung..., Bd. II, S. 34.

[34] J. Demian. Darstellung der Oesterreichischen Monarchie nach den neuesten statistischen Beziehungen. Bd, III, Abt. 1. Wien, 1805, S. 529.

inslav

имперскую казну, а также солидными суммами, которые уходили за пределы Хорватии и Славонии в виде доходов проживавших за границей феодалов [35] и выручки иноземного купечества.

Что же касается соотношения экспорта и импорта, шедшего через морские порты, то, по-видимому, превышение ввоза над вывозом в конце XVIII в. происходило за счет товаров, потреблявшихся самой Риекой, а также транзитных, транспортировавшихся через хорватскую территорию и отправлявшихся в австрийские наследственные земли, Венгрию, Военную Границу и другие страны.

В рассматриваемое время самой важной статьей вывоза Хорватии и Славонии был хлеб [36], главным образом пшеница и рожь [37]. Вывоз зерна производился преимущественно через Карловац и далее морским путем [38].

Хлебная торговля хорватских областей начала приобретать широкие размеры в 70-х годах XVIII в. [39]. В конце XVIII и начале XIX в. обороты хлебной торговли Хорватии и Славонии быстро росли, увеличивался и транзитный поток зерна через хорватскую территорию: из Южной Венгрии, главным образом из Бачки и Баната, к морю. В 1780 г. через морские порты Риеку, Бакар, Кралевицу, Криквеницу и Нови было вывезено 22 762 вречи [40] пшеницы [41]. Считалось, что только по дороге Карловац — Сень в 80-х годах XVIII в. ежегодно провозилось самое малое 30 000 — 40 000 ваганов [42] зерна [43]. Несмотря на то, что экспорт хлеба из Австрийской монархии в период австро-турецкой войны 1788—1791 гг. был запрещен, все же в течение полугода в Италию было вывезено 90 000 метцев [44] зерна [45].

В 1794 г. через порты Хорватского приморья было вывезено 500 000 метцев, из Триеста — 1 000 000 метцев зерна [46].

В конце XVIII в. из Славонии только в Италию ежегодно вывозилось хлеба на 0,5 млн. форинтов [47]. В течение неполного года, с 1 ноября 1793 г. до середины сентября 1794 г., в Риеку, Бакар, Кралевицу, Селце, Криквеницу, Нови, Сень и Карлобаг было направлено хлеба из Хорватии, Славонии и южной Венгрии на 2 314 908 форинтов. За эти же $10^1/_2$ месяцев через выше названные порты и Триест было экспортировано зерна почти на 7 772 446 форинтов [48]. Конечно, этот хлеб был не только из Хорватии, Славонии и Венгрии, но частично и из австрийских наследственных земель. За два года — 1792/93, 1793/94,— когда вывоз хлеба не всегда был свободным, из Венгерского королевства было экспортировано в основном морским путем на 8 млн. фор. зерна [49].

В 90-х годах XVIII в. стоимость экспортировавшегося через Риеку хлеба составляла 2 млн. форинтов в год [50].

Особенно больших размеров хлебная торговля Хорватии, Славонии и Венгрии достигла в период наполеоновских войн, а именно в 1805—

[35] Это отмечал сам Ф. Таубе. См. F. Taube. Указ. соч., т. II, стр. 34.
[36] «Novine...», 2.XII 1846, s. 401.
[37] J. Demian. Указ. соч., стр. 526.
[38] См. «Novine...», 26.XII 1846, s. 429.
[39] F. Taube. Указ. соч., т. II, стр. 28—29; J. Demian. Указ. соч., стр. 526.
[40] Размер вречи (мешка) установить не удалось.
[41] M. Mirković. Указ. соч., стр. 208.
[42] 1 ваган пожунский = 61,5 л; 1 ваган пшеницы = 45 кг; 1 ваган кукурузы = 33,6 кг; 1 ваган ржи = 42,5 кг; 1 ваган овса = 25,2 кг.
[43] R. Lopašić. Karlovac, s. 58.
[44] 1 пожунский метц = 62,5 л.
[45] «Staatskunde...», S. 284.
[46] Там же, стр. 386.
[47] F. Taube. Historische und geographische Beschreibung..., Bd. II, S. 29.
[48] «Staatskunde...», S. 388.
[49] V. Batthyany. Über das ungrische Küstenland. Pesth, 1805, S. 159.
[50] «Staatskunde...», S. 386.

inslav

1809 гг., благодаря исключительно благоприятным условиям для сбыта зерна. В результате повышения потребности армий в продовольствии, запрета на ввоз в австрийские наследственные земли русского зерна, увеличения нужд в хлебе западных территорий цены на зерно резко выросли[51].

В начале XIX в. экспорт хлеба через Риеку, предназначавшегося главным образом для снабжения армий в Италии, достиг 3 млн. ваганов в год на сумму в 8 млн. форинтов[52].

В 1805—1809 гг. город Карловац переживал особенно благоприятную торговую конъюнктуру[53]. Хотя все население от Купы до моря занималось подвозом зерна, используя в качестве тягловой силы даже коров, однако транспорта для доставки к морю поступающего хлеба не хватало[54].

Если в 70-х годах XVIII в. из одной только Вировитицкой жупании в Славонии по Драве и Муре ежегодно вывозилось хлеба на 150 000 форинтов[55], то в период наполеоновских войн — на 250 000 форинтов[56].

Однако с окончанием войн условия сбыта для хорватского зерна резко ухудшились. В связи с аграрным кризисом в Западной Европе наступил период длительного понижения цен на земледельческие продукты. Затем, с ростом русского зернового экспорта значительно усилилась конкуренция так называемой одесской пшеницы на европейских и имперском рынках.

Еще в начале XIX в. хорватская хлебная торговля стала ощущать затруднения в связи с черноморским экспортом хлеба из России, Молдавии и Валахии. Конкуренция восточноевропейской пшеницы заставила в начале века венгерское и хорватское дворянство предпринять меры для снижения стоимости своего зерна и облегчения его транспортировки к морю.

Представители венгерского и хорватского господствующего класса организовали общество с целью проведения от Карловаца до Риеки новой дороги, способной принимать большую товарную нагрузку. В 1809 г. такая магистраль была открыта для движения. Однако надежды местного дворянства выйти таким образом победителем в конкурентной борьбе не оправдались[57].

После того как во второй четверти XIX в. была восстановлена свобода плавания для русского торгового флота в турецких водах, в том числе и в зоне черноморских проливов, русский хлебный экспорт в страны Средиземноморья значительно усилился. При этом русское зерно было в среднем на 40 крейц. за ваган дешевле производившегося в южной Венгрии[58]. С 1829 г. восточноевропейская пшеница стала постепенно заполнять адриатические гавани. По свидетельству одного англичанина, путешествовавшего в конце 30-х годов XIX в. по Венгерскому королевству, одесские купцы, торговавшие зерном, вытеснили риекских торговцев из итальянских портов. Иногда одесситам случалось одерживать победу над риекскими купцами и в самой Риеке[59].

---

[51] См. П. Ж. Пах. Первоначальное накопление капитала в Венгрии. Budapestini, 1952, стр. 100—101.
[52] R. Bićanić. Važnost Rijeke.., s. 169.
[53] R. Lopašić. Karlovac, s. 65—66.
[54] Там же, стр. 66.
[55] F. Taube. Указ. соч., т. III, стр. 3.
[56] J. Demian. Указ. соч., стр. 526.
[57] См. «Danica Ilirska», 1840, br. 43, s. 171.
[58] R. Bićanić. Počeci kapitalizma u hrvatskoj ekonomici i politici. Zagreb, 1952, s. 71.
[59] J. Paget. Ungarn und Siebenbürgen, Bd. II. Leipzig, 1842, S. 473.

inslav

Со второй половины 40-х годов экспорт хлеба из России резко поднялся. Если в 1831—1835 гг. среднегодовой вывоз русского хлеба составлял 18 469 тыс. пудов, в 1836—1840 гг.— 28 831 тыс. пудов, в 1841—1845 гг.—27 205 тыс. пудов, то в 1846—1850 гг.—51 211 тыс. пудов[60], причем 80% экспортировавшейся пшеницы в рассматриваемое время отправлялось из России через черноморско-азовские порты[61]. В 1847 г. русское зерно проникло в глубь австрийских земель вплоть до Штирии[62]. В результате растущей конкуренции дешевой русской пшеницы вывоз хлеба из Хорватии, Славонии и Венгрии морским путем серьезно упал[63]. По данным торгового общества «Заманица», в 1838 г. по Купе от Сисака до Карловаца было провезено 1 650 000 пожунских метцев, или 1 300 000 центов зерна[64]. В 1840 г. через Карловац прошло 947 066 метцев, в 1841 г.— 261 611 метцев зерна[65].

Во второй четверти XIX в. хорватский хлеб стал испытывать также усиливающуюся конкуренцию со стороны венгерского. После наполеоновских войн с ростом русского зернового экспорта Венгрия также встретила большие трудности в сбыте своей хлебной продукции, значительно выросшей в период благоприятной зерновой конъюнктуры первого десятилетия века[66]. Венгерский хлеб, более качественный и дешевый, чем хорватский, стал успешно конкурировать с хорватским зерном в непродуктивных районах самой Хорватии, Приморье и Военной Границе[67].

Таким образом, если конкуренция русской пшеницы затруднила вывоз хорватского хлеба на австрийский и внешние рынки, то конкуренция венгерского зерна, свободно проникавшего в Хорватию, явилась помехой для сбыта хорватской хлебной продукции в самой Хорватии и в отторгнутых от нее, но экономически тяготевших к ней землях.

Постоянными потребителями хлеба, вывозившегося из Хорватии и Славонии, в рассматриваемое время были Приморье и Военная Граница, в особенности ее засавские полковые округа. В конце XVIII в. непродуктивные районы Ликского генералата ежегодно покупали хлеба почти на 1 млн. форинтов[68]. Хорватский хлеб поступал также в словенские и австрийские земли[69]. По свидетельству Таубе, в последней четверти XVIII в. из 600 000 метцев, которые Венгрия водным путем ежегодно отправляла в Штирию, Каринтию и Крайну, большую часть составляло зерно из Славонии[70]. Еще во второй половине XVIII в., когда Далмация и часть Истрии находились под властью Венеции, хорватское зерно ежегодно отправлялось в эти области[71]. В конце XVIII в. Далмация ежегодно потребляла около 700 000 ваганов хлеба[72]. Зерно стало поступать туда еще более регулярно после 1797 г., когда Далмация и Истрия вошли в состав Австрийской империи. В годы, когда вывоз хлеба из монархии Габсбургов ограничивался, хорватский хлеб преимущественно направлялся в указанные выше земли.

---

[60] «Очерки экономической истории России первой половины XIX века», М., 1959, стр. 263.
[61] «История СССР», т. I. М., 1956, стр. 636.
[62] R. Bićanić. Počeci..., s. 71.
[63] См. J. Paget. Указ. соч., стр. 462, 473.
[64] Al. Fényes. Statistik des Königreichs Ungarn, Th. I. Pesth, 1843, S. 306.
[65] См. F. Reden. Указ. соч., стр. 873.
[66] П. Ж. Пах. Указ. соч., стр. 108, 109.
[67] R. Bićanić. Počeci..., s. 71.
[68] «Историја народа Југославије», стр. 1012.
[69] См. F. Taube. Указ. соч., т. I, стр. 48; т. II, стр. 30; J. Demian. Указ. соч. стр. 526; M. Mirković. Указ. соч., стр. 195.
[70] F. Taube. Указ. соч., т. II, стр. 30.
[71] F. Taube. Указ. соч., т. I, стр. 48; т. II, стр. 30; «Staatskunde...», S. 244.
[72] R. Bićanić. Važnost Rijeke..., c. 169.

inslav

Важным, но непостоянным рынком сбыта хорватского зерна была Италия. Вывоз хлеба из хорватских гражданских земель в Италию стал практиковаться с начала 70-х годов XVIII в. До этого времени она импортировала хлеб преимущественно из Англии, Венгрии, Египта и северной Африки [73].

Хорватия и Славония вывозили зерно в Италию лишь в годы, когда в итальянских землях случался неурожай. Таубе подробно описывает механику вывоза зерна из Славонии в условиях благоприятной рыночной конъюнктуры. Когда обнаруживались признаки недорода в Италии, особенно в Сицилии, всю Славонию объезжали маклеры, агенты и писари торговцев зерном, которые осматривали хлебные амбары, склады и зерновые запасы помещиков и заключали с ними торговые контракты. Проданный хлеб землевладельцы обычно за счет барщины подвозили на волах до Савы, где он передавался соответствующему купцу. Хлеб погружался на суда и отправлялся вверх по реке до Карловаца, а оттуда на повозках и вьючных лошадях до Риеки [74]. Когда в 1780 г. было завершено строительство дороги Карловац — Сень, бо́льшая часть хлеба стала направляться для отправки за границу в Сень [75]. Так продолжалось до открытия в 1809 г. новой шоссейной дороги Карловац — Риека. По морю хлеб поступал в Венецию, Анкону, Неаполь, Ливорно, Геную, Риццу и другие города Италии [76]. Если неурожай постигал северные области Италии и цены в Триесте были высоки, зерно из Подравины и средней Славонии отправлялось вверх по Драве и Саве через Славонию в Триест, а оттуда — в Италию [77]. По свидетельству Таубе, в течение шести лет, начиная с 1770 г., Славония получила из Италии за хлеб несколько миллионов форинтов [78].

Вывоз хлеба из хорватских земель в Италию серьезно влиял на состояние цен в Славонии, что свидетельствовало о больших размерах этой торговли. В последней четверти XVIII в. в годы вывоза хлеба в Италию в Славонии один пожунский шеффель пшеницы [79] в среднем стоил 2 форинта. Когда же условия не благоприятствовали сбыту, один шеффель пшеницы стоил здесь немногим более 1 форинта [80].

Кроме Италии, хорватский хлеб вывозился в Турцию [81]. В 40-х годах XIX в. зерно из Венгерского королевства поступало также во Францию, Англию и Грецию [82].

В первой половине XIX в. Хорватия и Славония, наряду с зерном, вывозили также муку. Например, с крупной карловацкой мельницы мука отправлялась в Англию, Шотландию и другие страны [83].

Хотя в конце XVIII столетия первое место среди вывозившейся Хорватией и Славонией продукции занял хлеб, тем не менее традиционная торговля скотом продолжала сохранять большое значение.

Вывоз убойного скота был сопряжен с большими трудностями и риском. Во время перегонов скот терял в весе, часть животных обычно заболевала, погибала, а то и разбегалась [84]. Но несмотря на это, торговля

---

[73] F. Taube. Указ. соч., т. II, стр. 28—29.
[74] Там же, стр. 29.
[75] M. Mirković. Указ. соч., стр. 173.
[76] F. Taube. Указ. соч., т. II, стр. 29.
[77] M. Mirković. Указ. соч., стр. 210.
[78] F. Taube. Указ. соч., т. II, стр. 29.
[79] 1 пожунский шеффель был немного больше 1 австр. метца.
[80] F. Taube. Указ. соч., т. II, стр. 29—30.
[81] Там же, стр. 32.
[82] «Privreda Hrvatske XVII—XIX. stoljeća. Izbor građe». Zagreb, 1957, s. 46, 47; F. Reden. Указ. соч., стр. 872.
[83] R. Bićanić. Doba manufakture..., s. 158.
[84] F. Taube. Указ. соч., т. I, стр. 35, 38.

inslav

Хорватии и Славонии скотом в рассматриваемое время велась в очень больших размерах. По свидетельству современников, скот «в огромном количестве» и «беспрерывно» отправлялся из Славонии на внешние рынки [85].

Скупка хорватскими купцами убойного скота для отправки его за границу производилась на ярмарках у мелких перекупщиков, крестьян, феодалов, а также на местах. Хорватские торговцы сами разводили скот на арендованных пустошах и пастбищах, скупали молодняк и откармливали его.

Через Хорватию и Славонию шла большая транзитная торговля скотом, особенно свиньями. Скот поступал из Военной Границы, Боснии и Сербии и вывозился в соседние с Хорватией и Славонией земли. Он также перегонялся из Венгрии через хорватские области к морю. В 1801 г. Карловацкая Граница продала скота на 234 000 форинтов, Бания в том же году — на 87 000 форинтов. Овцы и свиньи отправлялись отсюда на ярмарки в Карловац и Глину, а не проданный там скот поступал к морю [86].

Главное место в торговле Хорватии и Славонии скотом занимал вывоз крупного рогатого скота. В конце XVIII в. вывоз волов достигал почти 60 000 голов, но 10 000 из них составляли боснийские волы [87]. Из хорватских земель часть волов перегонялась в Венгрию. Большая Канижа и Оденбург являлись важными центрами торговли убойным скотом, который скупался здесь австрийскими скототорговцами и отправлялся в Австрию, Штирию, Каринтию, Моравию и Чехию [88]. Бо́льшая часть крупного рогатого скота, предназначавшегося для австрийских земель, поступала в Вену, где ежегодный убой достигал 38 000—39 000 голов [89]. Часть скота из Славонии и Хорватии непосредственно направлялась на юго-запад в австрийское приморье и Крайну, а также вывозилась морем [90] Во второй половине XVIII в. в Венгрии наблюдался процесс уменьшения количества крупного рогатого скота за счет усиления овцеводства, поэтому вывоз быков из хорватских гражданских земель, в частности из Славонии, увеличивался из года в год [91].

В первой половине XIX в. торговля Венгерского королевства крупным рогатым скотом с Австрией стала несколько сокращаться, хотя австрийские наследственные земли продолжали оставаться главными потребителями венгерского и хорватского скота. В то же время усилился вывоз рогатого скота из Хорватии, Славонии и Венгрии на внешние рынки, главным образом в Италию [92].

Экспорт скота из Венгерского королевства на внешние рынки, преимущественно в Италию, практиковался и ранее. Во второй половине XVIII в. стоимость скота, ежегодно отправлявшегося через Бакар за границу, составляла 600 000 форинтов [93]. Этот скот поступал из Хорватии, Славонии, частично пригонялся через хорватскую гражданскую территорию из Венгрии, а также из Военной Границы. С образованием Иллирийских провинций вывоз скота из этих земель морем прекратился. После возвращения Хорватского приморья и других, ближайших к нему районов, Габсбургам на протяжении 12 лет, с 1816 по 1827 г., экспорт крупного

---

[85] F. Taube. Указ. соч., т. II, стр. 30; J. Demian. Указ. соч., стр. 525.
[86] M. Mirković. Указ. соч., стр. 201.
[87] «Историја народа Југославије», стр. 1011.
[88] F. Taube. Указ. соч., т. I, стр. 35; см. также J. Demian. Указ. соч., стр. 525.
[89] F. Taube. Указ. соч., т. I, стр. 35.
[90] J. Demian. Указ. соч., стр. 525.
[91] F. Taube. Указ. соч., т. II, стр. 30.
[92] См. Al. Fényes. Statistik..., S. 192, 277.
[93] M. Mirković. Указ. соч., стр. 173.

inslav

рогатого скота из Венгерского королевства на внешние рынки, главным образом морем в Италию, развивался следующим образом: в 1816 г. было вывезено 196 голов крупного рогатого скота, 1817 г.— 211; 1818 г.— 412; 1819 г.— 21; 1820 г.— 432; 1821 г.— 1955; 1822 г.— 1406; 1823 г.— 10 928; 1824 г.— 10 445; 1825 г.— 15 072; 1826 г.— 17 601; 1827 г.— 18 819 [94].

Следовательно, с 1816 по 1827 г. вывоз крупного рогатого скота из Венгерского королевства на внешние рынки, в основном морем в Италию, увеличился в 95 раз, причем он особенно резко возрос в 1823 г., т. е. после соединения приморской полосы от Риеки до Нового с Венгерским королевством и возвращения Хорватии ее южных районов. В связи с продолжавшимся на протяжении первой половины XIX в. сокращением числа крупного рогатого скота в Венгрии [95], а также в силу относительной близости Хорватии и Славонии к морю, надо полагать, указанный рост морской торговли крупным рогатым скотом происходил в основном за счет волов из хорватских гражданских земель, а затем — транспортировавшихся через Хорватию — быков из Военной Границы.

Большое место в вывозе Хорватии и Славонии занимали свиньи, которые откармливались здесь желудями в богатейших дубовых лесах, а также кукурузой. В конце XVIII в. из одной Славонии вывозилось до 100 000 свиней стоимостью в 1 млн. форинтов [96]. Из них $^1/_3$ составляли свиньи, пригонявшиеся из Сербии и Боснии [97]. При этом часто практиковался перегон из турецких провинций в Славонию поросят и худосочных свиней, которые затем здесь откармливались [98].

Основная масса свиней поступала из хорватских гражданских земель на ярмарки в Канижу, Шопронь и Вену [99], а оттуда направлялась в австрийские наследственные земли, Германию и Францию [100]. Часть свиней вывозилась из Хорватии и Славонии в австрийские области непосредственно, а также отправлялась морским путем за границу [101].

В конце XVIII в. торговля свиньями приносила большие прибыли. Две хорошо откормленных свиньи стоили в 70-х годах XVIII в. в Славонии в среднем 30—34 форинта, в Вене же они продавались за 40 форинтов [102].

Важной статьей хорватского вывоза был табак, который отправлялся за границу главным образом морем через порты Хорватского приморья и Сень. Хорватия и Славония вели также большую транзитную торговлю табаком, который поступал из Венгрии и также направлялся к морю.

В хорватских областях наиболее высокие сорта табака произрастали в Пожегской жупании. Пожегский табак получил мировое признание еще во второй половине XVIII в. Демиан отмечал, что пожегский табак был «всюду известен» [103]. Как нюхательные, так и курительные сорта его, по свидетельству Таубе, были «великолепны» [104]. Большим успехом он пользовался в Италии, которая до 70-х годов XVIII в. покупала ежегодно около 10 000 центов этого продукта [105].

Развитию табачной торговли Хорватии и Славонии во многом способ-

---

[94] Al. Fényes. Statistik..., S. 192, 277.
[95] Там же, стр. 190.
[96] «Историја народа Југославије», књ. II, стр. 1012.
[97] F. Taube. Указ. соч., т. I, стр. 36; J. Demian. Указ. соч., стр. 509.
[98] F. Taube. Указ. соч., т. I, стр. 36.
[99] «Историја народа Југославије», књ. II, стр. 1012.
[100] F. Taube. Указ. соч., т. I, стр. 37; J. Demian. Указ. соч., стр. 509.
[101] J. Demian. Указ. соч., стр. 525.
[102] F. Taube. Указ. соч., т. I, стр. 38.
[103] J. Demian. Указ. соч., стр. 497.
[104] F. Taube. Указ. соч., т. III, стр. 23.
[105] Там же, стр. 24.

inslav

ствовала освободительная война североамериканских колоний за независимость. Северная Америка вывозила свой табак в Англию, которая снабжала этим продуктом всю Западную Европу. С началом освободительной войны доставка американского табака на европейский континент прекратилась, в связи с чем целый ряд стран, в том числе Италия, Франция, Голландия, Швеция и др. стали покупать табак из венгерских и хорватских земель [106]. Экспорту табака из Венгерского королевства в конце 70-х годов XVIII в. благоприятствовала также низкая вывозная пошлина (1,5 крейцера за цент) [107].

В 1780 г. через Риеку и Бакар было вывезено из хорватских и венгерских земель 24 905 центов курительного табака [108], а в 1786 г. только по Каролинской дороге было провезено 48 000 центов этого продукта. Считалось, что по дороге Карловац—Сень ежегодно транспортировалось самое малое 40 000—60 000 центов табака [109].

В 70-х годах XVIII в. из Венгерского королевства ежегодно поступало только в Италию более 50 000 центов табака (30 000 центов через Триест и из Риеки и Сеня приблизительно столько же) [110].

В конце XVIII в. французские, голландские и шведские корабли часто брали в Триесте, Ливорно и на ярмарках в Сенигаллии пожегский табак, который в Славонии продавался по 8 форинтов, а в Триесте уже по 12 форинтов за цент, так как издержки, связанные с доставкой табака из Пожегской жупании к Адриатическому морю, были очень велики. Перед войной североамериканских колоний за независимость цены на пожегский табак были значительно ниже. По свидетельству Таубе, они росли в 70-х годах XVIII в. из года в год [111]. Пожегский табак поступал также в Австрию и отчасти в Венгрию [112].

После окончания войны экспорт хорватского и венгерского табака встретил большие трудности, вследствие наплыва в Европу этого продукта из-за океана. К тому же Габсбурги в целях увеличения государственных доходов начали повышать вывозную пошлину, которая достигла 12 форинтов с цента. В такой обстановке итальянские и бельгийские предприятия, которые получали ранее табак из Венгерского королевства, стали покупать американский табак через английских купцов [113]. В 1791—1792 г. из Венгерского королевства было вывезено 10 918 центов необработанного табака стоимостью в 196 548 форинтов; в 1792—1793 г.— 15 698 центов на 281 566 форинтов [114]. В 90-х годах XVIII в. ежегодный экспорт табака через Риеку в денежном выражении составлял 200 000—300 000 форинтов [115].

Во время континентальной блокады итальянские и немецкие предприятия вновь перешли на табак из венгерских и хорватских земель. Однако вывозная пошлина из Венгерского королевства оставалась очень высокой, в связи с чем в Германии и Италии стали разводить свой табак [116]. Отправка табака из Венгрии, Хорватии и Славонии на внешние рынки была затруднена также существовавшей государственной монополией на производство и продажу его в прочих областях империи. Государственные поставщики, производя закупку табака для государ-

---

[106] F. Taube. Указ. соч., т. III, стр. 24; см. также J. Demian. Указ. соч., стр. 526.
[107] Al. Fényes. Statistik..., S. 175.
[108] Там же.
[109] R. Lopašić. Karlovac, s. 58.
[110] F. Taube. Указ. соч., т. III, стр. 24; «Staatskunde...», S. 244.
[111] F. Taube. Указ. соч., т. III, стр. 25.
[112] F. Taube. Указ. соч., т. II, стр. 31, 32; J. Demian. Указ. соч., стр. 497.
[113] Al. Fényes. Statistik..., S. 175.
[114] V. Batthyany. Über das ungrische Küstenland. Pesth, 1805, s. 36.
[115] «Staatskunde...», s. 386.
[116] Al. Fényes. Statistik.., S. 175.

inslav

ства на территории Венгерского королевства, занимались спекулятивными операциями, и с ними не могли конкурировать другие торговцы [117]. В начале XIX в. сбыт пожегского табака встретил также дополнительные препятствия в связи с растущей конкуренцией венгерского табака из Пятицеркви и Сегедина [118].

Но около 20-х годов XIX в. хорвато-венгерская торговля табаком оживилась, в особенности с Италией. Этому способствовало прежде всего снижение экспортной пошлины. В 1824 г. пошлина на вывоз табака из Венгерского королевства, которая была уменьшена уже в предшествующие годы, была установлена в 20 крейцеров за цент. Позднее со стороны центрального правительства были предприняты также меры, несколько упорядочивавшие государственные закупки табака на территории Венгерского королевства. Все это благоприятствовало вывозу табака из Венгрии, Хорватии и Славонии, который стал расти. Однако он не достиг прежнего размера, так как основные рынки сбыта были потеряны. Если в период высоких пошлин отсюда вывозилось в год самое большее 10 000 центов, то с 1818 по 1827 г. ежегодно экспортировалось в среднем 47 277 центов, а в 40-х годах — до 65 000 центов [119]. Табак из Венгерского королевства направлялся, кроме Италии, в Германию, Францию, Турцию и другие страны [120].

С распространением в 1851 г. государственной табачной монополии на всю Австрийскую империю торговля Хорватии и Славонии табаком была уничтожена [121].

Из вывозимых Хорватией и Славонией сельскохозяйственных и промысловых продуктов следует отметить также кожи, пушнину, мед, воск, рыбу, шерсть, вино, сливовицу.

Хорватия и Славония вывозили в основном сырые кожи и невыдубленные шкуры скота и пушного зверя: лисиц, волков, медведей, куниц, рысей, барсуков. Главным поставщиком этих товаров была Славония. Осиек был центром торговли необработанными кожами [122]. Отсюда сырые кожи и недубленые шкуры вывозились в Австрию, Венгрию, Италию и Германию [123].

В 1780 г. через морские порты Риеку, Бакар, Кралевицу, Криквеницу и Нови было вывезено 512 центов меда и 76 центов переработанного воска [124]. Мед и воск из Хорватии и Славонии поступали в Австрию, Италию, а также в Венгрию и Военную Границу [125].

Реки и озера Хорватии и Славонии были богаты рыбой. Многоводные реки Сремской жупании представляли исключительно благоприятные условия для развития рыболовства. Драва, Сава и Дунай содержали ценные породы рыб, в большом количестве водилась здесь в частности белуга. Хорватские земли вывозили преимущественно соленую рыбу. Однако засолка рыбы производилась неумело, поэтому продукт получался низкосортным [126]. Засоленная белуга, а также белужьи пузыри вывозились главным образом в Австрию и Италию [127]. В конце XVIII в. в

---

117 Al. Fényes. Statistik..., S. 175—176.
118 J. Demian. Указ. соч., стр. 527.
119 Al. Fényes. Statistik.., S. 175, 176.
120 F. Reden. Указ. соч., стр. 869.
121 R. Bićanić. Doba.., s. 218.
122. J. Bösendorfer. Zarija Stojanović tabak u donjem Osijeku.— «Osješki zbornik», II. i III., Osijek, 1948, s. 146.
123 F. Taube. Указ. соч., т. II, стр. 31, 32; J. Bösendorfer. Указ. соч., стр. 146.
124 M. Mirković. Указ. соч., стр. 208.
125 F. Taube. Указ. соч., т. II, стр. 31; J. Demian. Указ. соч., стр. 528; «Kolendar za puk», 1848.
126 F. Taube. Указ. соч., т. I, стр. 32.
127 F. Taube. Указ. соч., т. II, стр. 31; J. Demian. Указ. соч., стр. 528.

inslav

Славонии ловили также черепах, которых в большом количестве отправляли в Вену [128].

В небольшом количестве, вследствие слабого развития овцеводства, Хорватия и Славония вывозили овечью шерсть. Она отправлялась отсюда преимущественно в необработанном виде. Основным поставщиком товарной овечьей шерсти была Сремская жупания, где овцеводство получило наибольшее распространение. В конце XVIII в. половина получаемой здесь сырой шерсти направлялась за пределы хорватских земель [129].

Несмотря на то, что виноградарство было важнейшей отраслью сельского хозяйства Хорватии и Славонии (в одной только Сремской жупании в начале XIX в. было 18 169 иохов [130] виноградников, которые ежегодно давали до 266 000 ведер вина [131]), производившееся в Хорватии и Славонии вино было почти неизвестно за пределами этих земель [132]. Небольшое количество вина отправлялось отсюда лишь в австрийские наследственные земли, Военную Границу и Венгрию [133]. В больших количествах вывозилась славонская сливовица [134]. Она пользовалась спросом в Турции, Германии и Венгрии [135]. Турция покупала также водку из пивной и винной гущи [136].

Хорватские земли отправляли в Австрию и Италию чернильные орешки, употреблявшиеся при дублении кож, а также солодковый корень [137]. Частично на хорватской конопле работали канатно-веревочные предприятия в Риеке [138].

Из вывозимой Хорватией и Славонией промышленной продукции в первую очередь следует отметить строевой лес и особенно древесные полуфабрикаты. Эксплуатация лесов в хорватских землях и торговля древесиной стали несколько расширяться приблизительно с середины XVIII в. [139] Лес из Хорватии и Славонии отправлялся в первую очередь в Приморье, где он использовался в судостроительной промышленности. Но торговля лесом в конце XVIII в. не была значительной. Поступление хорватского леса в Риеку возросло с постройкой в начале XIX в. новой шоссейной дороги от Карловаца, что облегчило транспортировку древесины. Но хотя хорватские леса были главной сырьевой базой для судостроения в Хорватском приморье, тем не менее даже в первой половине XIX в. местные верфи получали лес, помимо Хорватии, из Истрии, Крайны, Штирии и из средиземноморских стран [140]. Некоторое количество хорватского строевого леса поступало в Венгрию, Италию и прочие страны Средиземноморья [141]. В первой половине XIX в. лес из Хорватии и Славонии стал направляться также во Францию, Англию, Португалию, Грецию и Турцию [142]. Однако широкого развития хорватская торговля строительным лесом, хотя она постепенно и возрастала,

---

128 F. Taube. Указ. соч., т. I, стр. 33.
129 Там же, стр. 39.
130 1 иох = 0,575 га.
131 J. Demian. Указ. соч., стр. 493.
132 «Novine...», 15.VIII 1846, s. 273.
133 F. Taube. Указ. соч., т. II, стр. 32; «Staatskunde...», S. 257, 269; M. Mirković. Указ. соч., стр. 173.
134 J. Demian. Указ. соч., стр. 527.
135 F. Taube, Указ. соч., т. II, стр. 31, 32; J. Demian. Указ. соч., стр. 527; F. Reden. Указ. соч., стр. 869.
136 F. Taube. Указ. соч., т. II, стр. 31.
137 Там же; J. Demian. Указ. соч., стр. 528.
138 R. Bićanić. Doba..., s. 145; его же. Važnost Rijeke..., s. 168.
139 См. R. Bićanić. Doba.., s. 15.
140 Там же, стр. 106, 136.
141 F. Taube. Указ. соч., т. II, стр. 32; R. Bićanić. Doba..., s. 106.
142 J. Csaplovics. Gemälde von Ungern, Th. 11 Pesth, 1829, S. 75; «Danica Ilirska», 1840, br. 43, s. 170; F. Reden. Указ. соч., стр. 872.

inslav

в рассматриваемое время не получила, вследствие трудности и дороговизны транспортировки древесины.

Зато со второй четверти XIX в. стал бурно расти вывоз из Хорватии и Славонии древесных полуфабрикатов, и прежде всего дубовых досок для винных бочек.

В связи с увеличением производства вина во Франции и Германии, исчезновением дубовых лесов в этих странах и в Италии, снабжавшей дубовой древесиной южную Францию, во второй четверти XIX в. на мировом рынке возрос спрос на материалы из дуба. В 1824 г. крупнейший риекский торговец и предприниматель Л. А. Адамич привез первых французских торговцев древесиной в Хорватию и познакомил их с местным материалом для винных бочек [143]. С этого времени благодаря исключительной дешевизне сырья [144] в Хорватии и Славонии началось интенсивное развитие производства дубовой клепки, предназначавшейся на вывоз. В долине рек Купа и Сава изготавливалась клепка в основном для французского, в Подравине и далее в Славонии — для германского рынков [145]. В 1829 г. в Посавине было сделано 300 000 центов, или 3 млн. штук досок французского образца, а в 1841 г.— 550 000—650 000 центов, или 6,5—7,5 млн. штук. В Подравине в 1830 г. было изготовлено дубовой клепки германского образца на 1000—2000 аковов [146], или 250—500 центов, в 1840 г.— на 60 000 аковов, или 15 000 центов [147]. Таким образом, вывоз дубовой клепки из Посавины за 12 лет увеличился в 2—2,5 раза, а из Подравины — в 30—60 раз.

Производством дубовых досок для винных бочек занимались с помощью наемной рабочей силы сами торговцы. Для транспортировки готовой продукции они нанимали крестьян, которые на волах довозили ее до ближайшей реки [148]. Дальнейшее движение товара проходило в двух направлениях: на юг к морю и на запад по основным водным магистралям — Драве и Дунаю. В Посавине и южных районах Хорватии дубовые доски направлялись к Саве и ее притокам, по ним в Сисак, а оттуда в один из приморских городов: главным образом в Риеку, но также в Сень и Триест, где полуфабрикаты покупались иностранными купцами. В Подравине обработанное дерево доставлялось к Драве или Дунаю и по ним отправлялось в Регенсбург, Мюнхен или Будапешт, которые были главными торговыми пунктами для дубовой клепки немецкого образца [149].

Частично бочечные доски потреблялись Австрией, но основными покупателями этой продукции были Франция, Англия и Германия [150]. За два года (1835—1837) только в Бордо побывало более 30 австрийских судов, перевозивших дубовые доски для бочек [151].

Одним из самых важных продуктов хорватской торговли был поташ. В конце XVIII в. через Риеку вывозилось ежегодно около 1250 центов поташа, полученного в лесах Горского котара [152]. Через хорватские гражданские области поступал также за границу поташ, изготовляв-

---

[143] R. Bićanić. Doba..., s. 106.

[144] В первой половине XIX в. феодальные землевладельцы в Хорватии и Славонии продавали лес почти за бесценок. Это было время, когда лес лишь становился товаром, покупателей было мало, а лесов — много. В середине XIX в. 1 куб. м дубового леса на корню стоил 1—1,5 фор.— R. Bićanić. Doba..., s. 110.

[145] R. Bićanić. Doba..., s. 107.

[146] 1 аков = 74 л.

[147] R. Bićanić. Doba.., s. 108—109.

[148] R. Bićanić. Указ. соч., стр. 107.

[149] Там же, стр. 107—108, 119; «Novine...», 26.XII 1846, s. 429.

[150] «Novine...», 6.VI 1837, s. 180; R. Bićanić. Указ. соч., s. 107, 108.

[151] «Novine...», 6.VI 1837, s. 180.

[152] R. Bićanić. Važnost Rijeke..., s. 169.

inslav

шийся в Военной Границе и Боснии. По официальным данным, в 1829 г. через сисакский рынок прошло 10 000—15 000 центов [153] поташа стоимостью в 120 000—180 000 форинтов [154]. Кроме Сисака, важным поташным рынком был Пешт [155], куда также частично поступал поташ из хорватских земель.

С поступательным развитием более рентабельного производства дубовых полуфабрикатов поташное дело в Хорватии и Славонии постепенно начало падать [156]. Это не могло не сказаться на состоянии хорватской торговли поташом.

Хорватия и Славония торговали также древесным углем. В 1780 г. через порты Риека, Бакар, Кралевица, Криквеница и Нови было вывезено 28 612 «корзин» угля [157].

С 1763 г. в Славонии и несколько позднее — в Хорватии стало развиваться шелководство. Вскоре здесь появились первые шелкомотальные предприятия. За период с 1783 по 1840 г. производство шелка-сырца выросло в Славонии почти в три раза [158]. Уже во второй половине XVIII в. хорватский шелк-сырец пользовался известностью на мировом рынке. Он отличался крепостью и хорошим качеством. В основном хорватский шелк-сырец вывозился в Ломбардию, где полуфабрикат подвергался дальнейшей обработке. С 1840 г. шелк-сырец из Хорватии и Славонии стал появляться на важнейших европейских рынках в Милане, Лондоне, Лионе, Крефелде под названием «венгерского шелка», в общей массе с шелком из Воеводины и Баната [159].

В небольших размерах Хорватия и Славония вели торговлю оконным стеклом и стеклянной посудой. В 1780 г. через Риеку, Бакар, Кралевицу, Криквеницу и Нови было вывезено 276 центов изделий из стекла, главным образом продукции стекольного предприятия в Сушице [160]. В конце XVIII в. оконное стекло и посуда поступали в Турцию, Италию, в первой половине XIX в. — также в австрийскую часть империи Габсбургов и на многие другие рынки [161].

Кроме названной продукции, на вывоз шла медь, которая поступала в Военную Границу, Венгрию, в морские порты — Риеку, Бакар и Триест [162], тряпье, которое служило сырьем для риекской бумажной фабрики, а также отправлялось в Англию, Америку и адриатические гавани [163]. В 1838 г. по Купе от Сисака до Карловаца прошло 40 000 центов тряпья [164]. Вывозились из Хорватии и Славонии и другие виды сырья.

Таким образом, в конце XVIII — первой половине XIX в. Хорватия и Славония вывозили преимущественно продовольственные товары, в основном сельскохозяйственные, но также промысловые и бакалейно-гастрономические продукты, затем промышленные полуфабрикаты и сырье. Изделия обрабатывающей промышленности серьезного значения в хорватском вывозе не имели.

В течение рассматриваемого времени несколько возрос объем и расширился состав хорватского вывоза в связи с появлением новых

---

[153] R. Bićanić. Doba..., s. 124.
[154] Там же, стр. 126.
[155] Там же, стр. 124.
[156] Там же, стр. 127.
[157] M. Mirković. Указ. соч., стр. 208.
[158] R. Bićanić. Doba.., s. 155.
[159] Там же, стр. 154.
[160] M. Mirković. Указ. соч., стр. 208.
[161] См. F. Taube. Указ. соч., т. II, стр. 32; «Staatskunde...», S. 370; «Novine...», 14.XI 1840, s. 380—1; «Privreda Hrvatske...», s. 27, 58.
[162] «Staatskunde», S. 287; R. Bićanić. Doba..., s. 94, 95.
[163] См. F. Reden. Указ. соч., стр. 872; R. Bićanić. Važnost Rijeke..., s. 168.
[164] Al. Fényes. Указ. соч., стр. 306.

inslav

экспортных товаров, главным образом промышленного происхождения, в вывозе заметно возрос удельный вес промышленных полуфабрикатов, что являлось показателем, хотя и медленного, поступательного развития здесь материального производства. За период с конца XVIII до середины XIX в. увеличилась сфера распространения хорватской продукции. На исходе первой половины XIX в. товары из Хорватии и Славонии направлялись в Приморье, Военную Границу, Штирию, Каринтию, Крайну, Австрию, Чехию, Моравию, Венгрию, Далмацию, Истрию. Они поступали за границу — в Италию, турецкие провинции, Германию, Англию, Францию, Португалию, Грецию и в другие страны. Укрепление торговых отношений Хорватии и Славонии с другими землями находилось в тесной связи с ростом их производственной базы.

Экспортная торговля Хорватии и Славонии обслуживала в первую очередь сельскохозяйственное производство и лишь частично промышленность, добывающую сырье и производящую полуфабрикаты. Подобный характер вывоза, обусловленный слабостью капиталистического производства Хорватии и Славонии, а также ограничительной политикой австрийского двора в свою очередь усугублял однобокость хозяйственного развития хорватских земель.

Хорватский вывоз служил интересам главным образом местного господствующего класса, содействуя реализации продуктов, получаемых помещиками в собственных хозяйствах, а также от крестьян в качестве ренты, но в некоторой степени и нарождавшейся промышленной буржуазии, частично обеспечивая сбыт ее товаров.

Хорватия и Славония ввозили в первую очередь текстильные товары. Сукна разных сортов, чулки импортировались главным образом из собственно австрийских и чешских земель [165]. Грубошерстное сукно поступало сюда также из Лики, Приморья и Трансильвании. Сукно «эрделец» пожегские и карловацкие торговцы закупали непосредственно в Трансильвании или на ярмарках в Будапеште [166]. Хорватия и Славония получали также текстильные товары немецкого, итальянского и английского производства [167]. Различные мануфактурные и ремесленные изделия из железа, меди и олова, хирургические инструменты, ножи, ножницы, шпаги, огнестрельное оружие, порох, аптечные товары, лекарства и травы для их приготовления, церковные и другие книги, наперстки, иголки и тому подобные мелочи ввозились в Хорватию и Славонию в основном из австрийских и чешских земель [168]. Бумагу, выделанные кожи, химические продукты, веревки хорватские гражданские земли получали с риекских предприятий [169]. Они ввозили также предметы роскоши, позументы, табачные изделия [170] и т. д.

Важным предметом хорватского ввоза была соль. Она шла из Венгрии, а также, в силу особого права хорватских гражданских земель потреблять морскую соль, ввозилась из Италии, а именно: из Трапани и Барлетты [171] и из Далмации, где в первой половине XIX в. ежегодно добывалось 107 360 центов [172]. В больших количествах ввозилось древесное масло [173].

---

[165] F. Taube. Указ. соч., т. II, стр. 32.
[166] R. Bićanić. Doba..., s. 144.
[167] См. J. Paget. Указ. соч., стр. 459.
[168] F. Taube. Указ. соч., т. II, стр. 32.
[169] R. Bićanić. Važnost Rijeke..., s. 168.
[170] И. Ткалац. Успомене из младости у Хрватској, књ. II. Београд, 1926, стр. 24; R. Bićanić. Doba..., s. 53; см. A. Nemčić-Gostovinski. Putositnice, kn. I. Zagreb, 1942, s. 89.
[171] F. Taube. Указ. соч., т. II, стр. 33.
[172] Al. Fényes. Statistik..., S. 224.
[173] J. Demian. Указ. соч., стр. 529.

inslav

Сахар Хорватия и Славония получали из Голландии, а также из Риеки[174]. В 1788 г. риекский сахарный завод продал в Венгрию и Хорватию 2663 центов этого продукта[175].

Промышленное и сельскохозяйственное сырье — железо, кожи, хлопок, валашская и македонская шерсть — импортировалось из Турции[176].

Кроме указанных товаров, хорватские гражданские земли ввозили токайское вино, садовые растения из Венгрии, лошадей из Венгрии и Турции[177]. На ярмарках в Карловаце продавались многочисленные и разнообразные товары из Военной Границы[178]. В Сисак поступал на продажу произведенный там, а частично и в Боснии, поташ, в Осиек — кожи, мед, воск граничарского производства и т. д. В 40-х годах XIX в. в Осиеке ежегодно продавалось около 600 центов меда и воска, привозившегося из Бродского полкового округа, и около 800 центов, доставлявшихся из Венгрии[179].

По данным 40-х годов XIX в., в Риеку ввозились: икра, сало, кожи, юфть — из России; макароны, апельсины, рис, веревки, канаты, пенька, овощи — из Италии; вино, мыло, промышленные товары — из Франции; сахар, какао, кофе, пряности, вяленая рыба, сухие плоды, хлопок, хлопчатобумажная пряжа, стекло — из Англии; вино, спирт, древесное масло, шерсть — из Далмации и т. д.[180] Несомненно, часть этих товаров потреблялась Хорватией и Славонией.

Таким образом, на протяжении рассматриваемого времени заметных изменений в составе хорватского ввоза не произошло. Основное место среди ввозимых Хорватией и Славонией товаров в течение всего периода, начиная с конца XVIII и до середины XIX в., прочно занимали изделия мануфактурного и ремесленного производства, а также предметы роскоши, бакалейные и колониальные товары.

Хорватия и Славония ввозили товары в первую очередь из австрийских наследственных земель, но также из Приморья, Военной Границы, Венгрии и Далмации. Хорватские гражданские области получали продукцию и из зарубежных стран: Италии, Турции, Англии, Франции, Голландии, России.

Ввоз Хорватии и Славонии ничего не давал для расширения и упрочения материальной основы местной промышленности в плане снабжения ее средствами производства и сырьем. В этом смысле он не способствовал всестороннему развитию производительных сил хорватского хозяйства.

Ввозившиеся хорватскими гражданскими землями готовые промышленные изделия, бакалейные и колониальные товары при весьма низкой покупательной способности широких слоев населения были рассчитаны главным образом на потребление господствующего класса и верхушки торгово-промышленного мира. Что же касается промышленного сырья — железа, хлопка, шерсти,— оно в условиях почти полного отсутствия текстильных и металлургических предприятий в изучаемых провинциях в основном предназначалось для ремесленников и шло на бытовые нужды.

Как уже отмечалось выше, Хорватия и Славония вели большую транзитную торговлю. Важнейшими транзитными товарами, проходившими через территорию хорватских областей, были хлеб и табак, поступавшие

---

[174] R. Bićanić. Doba..., s. 400—401.
[175] M. Mirković. Указ. соч., стр. 182.
[176] F. Taube. Указ. соч., т. II, стр. 33.
[177] F. Taube. Указ. соч., т. II, стр. 33; т. III, стр. 57.
[178] Об этом подробнее см. ниже.
[179] «Kolendar za puk», 1848.
[180] F. Reden. Указ. соч., стр. 872.

inslav

из южной Венгрии к морю. Большое место в транзитной торговле этих земель занимал также убойный скот, пригонявшийся из Военной Границы, а также из Боснии и Сербии и направлявшийся на запад и юг. С моря через хорватские гражданские области поступали в Военную Границу и Венгрию, а частично и в австрийские наследственные земли приморские продукты и изделия и заграничные промышленные и колониальные товары. По Саве и Драве частично осуществлялся ввоз промышленных изделий из словенских областей и из Австрии в Военную Границу и Венгрию. Из Вены по Дунаю и из словенских земель по Драве шел поток промышленной продукции в Турцию и к Черному морю, а в обратном направлении двигались колониальные товары. При той организации торговли, какой она была в XVIII — первой половине XIX в., и дорогостоящем сообщении, транзит товаров через Хорватию и Славонию приносил им немалые доходы.

На состояние и характер торговых связей хорватских гражданских земель прямое воздействие оказывала таможенная политика австрийского двора.

Еще в середине XVIII в. в целях превращения Венгрии, Хорватии и Славонии в постоянные и обеспеченные рынки для сбыта изделий австрийской промышленности и в поставщиков сырья и продовольствия для наследственных земель австрийские монархи установили жесткий таможенный тариф на вывозившуюся из Венгерского королевства и ввозившуюся сюда продукцию.

В 1754 г. Мария Терезия запретила вывоз за границу целого ряда венгерских и хорватских товаров, в которых нуждались австрийские наследственные земли. В то же время она повысила ввозную пошлину на иностранные товары до 30% их стоимости. При этом на импорт иностранных товаров в Австрию была наложена 5—10%-ная пошлина, а на ввоз тех же изделий в Венгерское королевство — 30%-ная пошлина. При поступлении продукции иноземного производства в Венгерское королевство через Австрию пошлина снижалась на 5%. В 1767 г. импорт иностранных товаров в пределы Австрийской монархии был еще более ограничен. На ввоз некоторых изделий вообще был наложен запрет, а на те товары, которые австрийская мануфактурная промышленность не производила, ввозная пошлина была повышена до 60% стоимости.

При Иосифе II еще более возросли пошлины на экспорт товаров из Венгерского королевства. Одновременно был запрещен ввоз в Австрийскую монархию более 200 видов иностранных промышленных изделий, а на остальные была наложена пошлина, равная 60% стоимости товара. Тариф 1788 г. явился основой таможенной политики Габсбургов вплоть до 1853 г. [181]

Хотя в 1824 г. экспортные пошлины в основном на венгерские и хорватские товары были снижены (на шерсть с 16 фор. до 1 фор. за цент, на табак — с 12 фор. до 20 крейц., поташ — с 1 фор. 12 крейц. до 18 крейц. и т. д. [182]), тем не менее таможенная система в целом не претерпела существенных изменений и принципы таможенной политики Габсбургов в отношении венгерских и хорватских земель остались прежними.

Австрийское правительство не довольствовалось высокими тарифами на вывоз товаров из Венгерского королевства за границу и ввоз иностранной продукции в него, а также экспортными и импортными запретами, наложенными на целый ряд товаров. Оно нередко налагало временные

---

[181] H. Grellmann. Statistische Aufklärungen über wichtige Theile und Gegenstände der Oesterreichischen Monarchie, Bd. III. Göttingen, 1802, S. 177—179, 182; R. Bićanić. Doba..., s. 200—201.

[182] Al. Fényes. Statistik..., S. 262.

inslav

запреты на вывоз традиционных венгерских и хорватских товаров, которые вообще разрешалось экспортировать. Так, в период австро-турецкой войны 1788—1791 гг. был запрещен вывоз зерна за границу[183]. Точно так же во время наполеоновских войн вывоз хлеба из Венгерского королевства был ограничен[184].

Таким образом, путем чрезвычайно высоких таможенных тарифов на вывозившиеся из Венгерского королевства за границу и ввозившиеся оттуда товары, а также путем прямых экспортных и импортных запретов австрийское правительство затрудняло для Венгрии, Хорватии и Славонии внешнеторговые сношения с иностранными государствами, ограничивало доступ их продукции на мировой рынок, препятствовало получению ими из-за границы более дешевых, чем австрийские, товаров и сырья, способствовало утверждению австрийского торгового капитала во внешней торговле этих земель и, наконец, искусственно привязывало их в торговом отношении к Австрии.

Но и торговля с наследственными землями Габсбургов отнюдь не была для Венгрии, Хорватии и Славонии свободной. Между Венгерским королевством и австрийской частью монархии существовала особая таможенная граница. При Марии Терезии на вывоз венгерской и хорватской аграрной продукции в австрийские наследственные земли была установлена 5%-ная пошлина, а на ввоз австрийского продовольствия в Венгрию и Хорватию — 3%-ная пошлина. При ввозе промышленных изделий из Венгрии, Хорватии и Славонии в австрийские наследственные земли взималась пошлина, равная половине сбора с иностранных товаров, т. е. 15%, а при ввозе австрийских промышленных товаров в Венгерское королевство — 2—5%-ная пошлина. Иосиф II в 1786 г. вообще ввел свободный ввоз промышленных изделий из Австрии в Венгрию, Хорватию и Славонию. На вывоз же венгерских и хорватских промышленных товаров в австрийские наследственные земли была установлена пошлина, составлявшая 30% стоимости товара или соответственно 10%, если ввоз этого товара из-за границы в империю был разрешен[185]. После смерти Иосифа II беспошлинный ввоз австрийских промышленных товаров в Венгрию и Хорватию был отменен[186]. Однако коренных изменений система промежуточных пошлин не претерпела. В первой половине XIX в. промежуточные пошлины достигали половины взимавшихся на границах империи, а в отношении некоторых товаров даже равнялись им[187]. При этом по-прежнему вывоз из Венгерского королевства в австрийские земли был обложен более высокими сборами, нежели вывоз из австрийских наследственных земель в Венгрию, Хорватию и Славонию.

Кроме таможенной пошлины, до 1829 г. большинство венгерских и хорватских товаров были обложены при ввозе их в Австрию дополнительными провинциальными и городскими сборами. Последние зачастую были больше, чем таможенная пошлина. Они были, кроме того, неодинаковы в различных провинциях. В 1829 г. вместо них был введен единый постоянный сбор[188]. Однако с его установлением совокупная величина таможенных сборов существенно не изменилась, поэтому вывоз продукции из Венгрии, Хорватии и Славонии фактически не был облегчен.

---

[183] См. «Staatskunde...», S. 284.
[184] П. Ж. Пах. Указ. соч., стр. 102.
[185] H. Grellmann. Указ. соч., стр. 177—179, 182; R. Bićanić. Doba..., s. 200—201.
[186] R. Bićanić. Doba..., s. 201.
[187] Al. Fényes. Statistik..., S. 263—264.
[188] Там же, стр. 264.

inslav

Пожунский хорвато-венгерский сейм упорно добивался смягчения существующей таможенной системы. Однако изданные австрийским правительством в 30—40-х гг. тарифы не внесли заметных изменений в этой области [189]. Они с некоторыми добавлениями фактически лишь фиксировали прежние порядки, при которых пошлины на вывозившиеся из Венгерского королевства в австрийские земли товары были очень высокими. В 1846 г. за 1 цент пшеницы, которая стоила в Венгрии в среднем 1 фор. 53 крейцера, при ввозе ее в Австрию выплачивалось в виде таможенной пошлины и других сборов 37,5 крейцеров. За вола, цена которого была в среднем 40 фор., вносилось при ввозе в Вену 12 фор., а за 1 цент вина (5/6 ведра) — 4 фор. 24 крейцера, хотя цена его в Венгрии была не более 3—4 фор. [190] При этом пошлины на поступавшие из Венгерского королевства в Австрию товары, и без того весьма значительные, были тем выше, чем больше была степень обработки того или иного продукта. Так, крицы ввозились в Австрию беспошлинно, а за металлические изделия взималась пошлина в размере 10 фор. 25 кр. с цента. При поступлении же последних из Австрии в Венгрию, Хорватию и Славонию в качестве пошлины выплачивалось всего 62 кр. Черновая медь ввозилась в наследственные земли Габсбургов бесплатно, а за рафинированные медные слитки полагалась пошлина в размере 5 фор. 12 крейцеров за цент [191].

Таким образом, габсбургское государство регулировало вывоз товаров из Хорватии, Славонии и Венгрии в австрийские наследственные земли и ввоз австрийской продукции в Венгерское королевство в интересах австрийского промышленного и сельскохозяйственного производства, в интересах австрийских землевладельцев и нарождавшейся буржуазии.

В результате ограничительных мероприятий Габсбургов Венгрия, Хорватия и Славония вынуждены были вывозить в австрийские наследственные земли исключительно продовольствие, притом лишь в размерах, допускавшихся интересами австрийских аграриев, и сырье по ценам, диктовавшимся австрийскими предпринимателями, и ввозить более дорогие и менее качественные, чем иностранные, австрийские промышленные изделия.

Установленная Габсбургами таможенная система ограничивала внешнюю торговлю Венгрии, Хорватии и Славонии и придавала ей колониальный характер.

Вышеприведенный материал о размерах и составе хорватского вывоза и ввоза и транзитной торговле Хорватии и Славонии свидетельствует об абсолютном росте торгового оборота этих земель, об увеличении ассортимента выставляемых ими на австрийский и внешние рынки товаров, о расширении и укреплении торговых связей Хорватии — Славонии за период с конца XVIII до середины XIX в. Сдвиги, происшедшие в развитии хорватской торговли в течение указанного времени, были непосредственно связаны и обусловлены дальнейшим развитием и совершенствованием общественного материального производства хорватских земель.

В рассматриваемое время Хорватия и Славония поддерживали наиболее тесные сношения с соседними землями внутри Австрийской империи. С внешним рынком, который хотя и имел важное значение для хорватских земель, они были связаны гораздо меньше, в значительной степени вследствие ограничительной торговой политики Габсбургов.

---

189 П. Ж. Пах. Указ. соч., стр. 118.
190 R. Bićanić. Doba..., s. 326
191 Там же, стр. 327.

inslav

Внутри Австрийской империи самое живое экономическое общение Хорватия и Славония имели с Военной Границей и Приморьем. Благодаря расширению и упрочению экономических связей между отдельными частями искусственно разъединенных единонациональных хорватских земель постепенно создавались материальные предпосылки для их воссоединения, хотя Далмация и особенно Истрия пока еще оставались в стороне от этого процесса.

За период с конца XVIII до середины XIX в. характер хорватского вывоза и ввоза почти не изменился. Вывоз носил отчетливо сырьевой, сельскохозяйственный, ввоз — потребительский характер. Это означало в условиях, когда в основных европейских государствах и наследственных землях Габсбургов происходил промышленный переворот, а в Хорватии и Славонии господствовали простейшие формы промышленного производства, что торговые связи Хорватии — Славонии развивались в направлении превращения этих земель в поставщиков аграрно-сырьевых продуктов, в первую очередь для австрийской метрополии, но частично и для экономически развитых европейских государств.

* * *

Торговыми путями в Хорватии и Славонии служили реки и сухопутные дороги. Судоходные реки Дунай, Драва, Сава и Купа имели для Хорватии и Славонии первостепенное торговое значение. Важнейшая водная магистраль Юго-Восточной Европы река Дунай являлась естественной границей между хорватскими гражданскими областями и Венгрией. Она связывала также Хорватию и Славонию с австрийскими землями и Турцией и создавала возможность для прямого выхода в Черное море. После Дуная наиболее крупной рекой была Драва. Она также была пограничной линией между Хорватией и Славонией, с одной стороны, и Венгрией, с другой, вместе с тем соединяла хорватские гражданские земли со Штирией и Каринтией. Большое торговое значение имела Сава. Она была связующим звеном между Хорватией, Славонией, Боснией и Сербией. Купа, являющаяся притоком Савы, по размерам уступала Драве и Саве, но значение ее в торговом отношении было велико. Сава и Купа составляли значительную часть главного торгового пути хорватских гражданских земель.

Использование Дуная и Савы в качестве торгового пути в широких размерах началось лишь после Пожаревацкого мира, заключенного с Турцией в 1718 г. Значение судоходных рек в торговом отношении особенно возросло с открытием пароходного сообщения.

Однако в рассматриваемое время русла судоходных рек, протекавших по хорватской территории, находились в весьма запущенном состоянии, и плавание судов по ним было опасно. По свидетельству современника, течение этих рек, в особенности Савы, было подобно «змеиному ползанию». Дно их было усеяно пнями и корягами, которые раздирали обшивку проходивших судов[192]. Особенно опасным судоходство на Саве было в летние месяцы, когда наблюдался значительный спад воды. В такие периоды многие суда стояли, ожидая большой воды, а те, которые продолжали путь, двигались очень медленно. При обмелении Савы особенно часты были на ней катастрофы[193]. Именно такой участи подвергся в 1844 г. первый хорватский пароход «Слога» — собственность местного акционерного пароходного общества. Задержки в транспорти-

[192] «Novine...», 11.XI 1846, s. 375.
[193] См. «Novine...», 25.XI 1837, s. 364.

inslav

ровке товаров приводили к переполнению складов в речных торговых местах, порче продуктов, перебою в торговле.

Если большим неудобством для регулярного судоходства в Хорватии и Славонии было обмеление рек во время засухи, то не менее значительным бичом для торговли был разлив последних. Во время сильных дождей реки уносили паромы, ломали мосты. Но даже в тех случаях, когда течение рек оставалось спокойным, вода на них настолько поднималась, что при низкой посадке мостов судоходство прекращалось. Так было, например, на Купе около Петриньского моста [194]. В зимнее время, когда реки замерзали, торговое сообщение по ним приостанавливалось.

Переправа через реки была связана с неменьшими трудностями. Еще в конце 70-х годов XVIII в. во всей Славонии на Дунае, Драве и Саве не было ни одного моста. Повозки и лошади с риском перевозились через реки на паромах и плоскодонных судах. Весной и осенью паромы уносились сильным течением рек, зимой сообщение с противоположным берегом также иногда прерывалось на несколько дней [195]. В первой половине XIX в. положение мало изменилось, паромы по-прежнему оставались в Хорватии и Славонии важнейшими средствами переправы.

Урегулирование и очистка речных русел, установление регулярного сообщения между берегами рек являлись необходимым условием для дальнейшего развития хорватской торговли.

Больших торговых трактов было в хорватских гражданских областях чрезвычайно мало, и располагались они лишь в южной части Хорватии. Построенная в начале XVIII в. «Каролина» была открыта для массового движения повозок лишь в 1771 г. [196]. В 1776—1779 гг. была построена дорога, соединившая Карловац с портом Сень («Иосипова»). Строительство ее обошлось в 388 000 фор. [197]. В конце XVIII в. она была главной магистралью, по которой хлеб из Карловаца поступал к морю [198]. В 1843 г. она была реконструирована [199]. Важнейшее торговое значение имела «Луизинская» дорога от Карловаца до Риеки. Строительство ее, связанное с преодолением многочисленных естественных препятствий, стоило более 2 млн. фор. «Луизинская» дорога, открытая для движения в 1809 г., считалась одной из лучших магистралей во всей Австрийской монархии. Она была построена акционерным обществом, в состав которого входили венгерские, хорватские и австрийские аристократы [200]. Эта дорога в первой половине XIX в. была главной торговой магистралью хорватских областей.

Во второй половине XVIII и в первой половине XIX в. в Венгрии и Хорватии неоднократно составлялись различные проекты соединения каналами Дуная с Адриатическим морем, Карловаца с Бродом на Купе и т. д. Предпринимались даже и практические шаги для их осуществления, но до конца дело так и не дошло.

Еще в 1829 г. капитан Кнежич выдвинул идею строительства железной дороги от Сисака через Петринью и Глину до Бандина села. О соединении железной дорогой Риеки с континентальными районами велись разговоры и в самой Риеке в 1843 г. [201] Во второй половине 40-х годов XIX в. вопрос о строительстве железной дороги обсуждался в печати

[194] «Novine...», 5.XII 1846, s. 406.
[195] F. Taube. Указ. соч., т. 1, стр. 4.
[196] M. Mirković. Указ. соч., стр. 203.
[197] R. Lopašić. Karlovac, s. 57; M. Despot. Указ. соч., стр. 127.
[198] M. Mirković. Указ. соч., стр. 203.
[199] M. Despot. Указ. соч., стр. 127.
[200] A. Nemčić-Gostovinski. Putositnice, kn. I, s. 93; R. Lopašić. Karlovac, s. 66—67; M. Despot. Указ. соч., стр. 130—131.
[201] M. Despot. Указ. соч., стр. 131—132.

inslav

Хорватии и Славонии[202]. Основное, что вызывало споры, было направление последней: проводить ли ее в широтном направлении для соединения Сисака и Загреба с Триестом, или в меридиональном — для соединения Загреба и Карловаца с Приморьем. Но эти споры в значительной степени были беспочвенны, поскольку мнение и интересы буржуазных кругов Хорватии и Славонии в данном случае не учитывались. Экономически слабая, политически бесправная буржуазия этих земель даже в союзе с капитализирующейся прослойкой помещиков не в состоянии была предпринять подобного рода строительство. Проведением первой железной дороги здесь намеревалось заняться венгерское частное общество. Венгерские помещики были заинтересованы в прямом соединении Венгрии с Приморьем и Турцией.

По сообщениям печати, в 1847—1849 гг. планировалось строительство одной железной дороги от Шопруна до Приморья, другой — от Шопруна до Осиека и далее до турецкой границы[203]. Постройку Вуковаро-риекской железной дороги должно было осуществить Объединенное общество Вуковаро-риекской железной дороги, которое находилось в Пеште. Славонские магнаты — граф Пеячевич, бароны Прандау, Янковичи, граф Куен, Елтц, князь Липпе — обещали предоставить бесплатно землю, если дорога пройдет через их владения. Это намеревались сделать также города Осиек и Бакар. Общество начало проводить подготовительные работы[204], но события 1848 г. воспрепятствовали осуществлению плана.

За исключением «Луизинской», дороги в Хорватии и Славонии, в особенности проселочные, находились в крайне неудовлетворительном состоянии. Один современник отмечал, что в большинстве случаев дороги в хорватских гражданских землях имели слабое основание, были узкими, негодными для передвижения тяжело груженных повозок. Мосты на многих из них были полуразрушены[205].

Передвижение по таким дорогам зависело от состояния погоды. Осенью, когда шли дожди, движение по ним было затруднительно[206]. Весной и осенью они нередко затоплялись разливавшимися реками. В зимнее время выходила из строя «Каролина», а иногда и «Луизинская» дорога, поскольку сильный северо-восточный ветер (бора) делал весьма опасным передвижение через гору Крас. Плохое состояние дорог являлось серьезным препятствием для развития внутреннего рынка и торговли Хорватии и Славонии с другими землями.

Основной торговый путь шел с севера на юг. Хорватская продукция, а также венгерские и боснийские товары, транспортировавшиеся через Хорватию и Славонию, поступали в город Сисак. Продукты венгерского производства отправлялись обычно по Дунаю и Драве до Осиека, затем сухопутным образом доставлялись в Сисак. Боснийские товары поступали в Брод и оттуда вверх по Саве направлялись в Сисак. Последний был важнейшим перевалочным пунктом торговли хорватских земель.

Из Сисака товары отправлялись в двух направлениях: большая часть по реке Купе поступала в Карловац, откуда сушей направлялась в Огулин, Слунь или перевозилась в Риеку, Бакар, Кралевицу, Сень и другие порты; другая часть из Сисака следовала вверх по Саве до Залога и далее сухопутным транспортом отправлялась в прочие земли Австрийской империи или поступала в Триест[207].

[202] «Novine...», 2.XII 1846, s. 401; «Novine...», 26.XII 1846, s. 429; «Danica Ilirska», 1840, br. 43.
[203] «Novine...», 11.XI 1846, s. 378.
[204] «Novine...», 2.XII 1846, s. 402.
[205] «Novine...», 23.IX 1846, s. 320.
[206] «Novine...», 28.X 1846, s. 361.
[207] «Privreda Hrvatske...», s. 46—50.

inslav

Второй важный торговый путь проходил с востока на запад по Драве и Дунаю.

По Купе в период высыхания реки товары перевозились на небольших баркасах-корабах и тумбасах, при большой воде — на бурчелах и ладьях. Корабы представляли собой наиболее старинный, примитивный вид баркасов. Они строились из дуба и напоминали корыта. Обычно они были непокрыты и вмещали до 70 центов груза. Корабы приводились в движение с помощью весел, однако при сильном течении их тащили бурлаки. Несмотря на их несовершенство, редко какой торговец хлебом и солью в Карловаце не имел один или более корабов [208]. Тумбасы были больших размеров, они имели крышу и вмещали до 1200 центов груза, но строились из мягких пород дерева. Бурчелы и ладьи являлись наиболее совершенным видом речных судов. Они строились большей частью из дуба и брали до 4000—6000 центов груза. Обычно их тянули лошади [209].

В середине XVIII в. по Саве ниже Сисака плавало около 50 судов [210]. В конце XVIII в. по Саве плавало около 1000 судов различного водоизмещения [211]. В 1808 г. на той же реке вверх от Сисака было 1300 тумбасов, в 1810 г.— ниже от Сисака — 228 судов, в том числе 80 крупных и 98 средних. В 1840 г. транспортировкой грузов по Саве от Залога до Сисака были заняты 500 судов. На Дунае в этот период плавало около 100—150 судов. В середине XIX в. считалось, что по Саве от устья до Сисака совершали регулярные рейсы около 500 больших судов, а вверх по Саве и Купе от Сисака ходило около 1000 тумбасов [212].

Для перевозки грузов вниз по Драве использовались часто плоты, которые недорого стоили, но брали столько же груза, как и суда [213]. Вверх по течению реки товары транспортировались на различных барках и судах.

В 30—40-х годах XIX в. наметились некоторые изменения в водном транспорте. В 1838 г. по Саве от Земуна до Сисака прошел первый пароход [214]. В 1846 г. по Саве до Сисака совершали рейсы 3 парохода [215]. Но эти пароходы были австрийскими. Первый хорватский пароход, принадлежавший местному акционерному обществу, плавал по Саве в 1844 г. [216] В начале 40-х годов XIX в. первые пароходы появились в риекской гавани [217]. Однако количество пароходов было еще очень невелико. Грузы в основной своей массе по-прежнему транспортировались на мелких барках и судах примитивной, отсталой конструкции.

Из Карловаца в Сень товары доставлялись на повозках, из Карловаца в Бакар и Риеку — также на повозках, но чаще на вьючных животных [218].

По дороге Карловац — Сень кладь перевозилась на лошадях граничарской конницы возчиками из граничарских семей. В 1798 г. это военное транспортно-торговое предприятие имело 113 подвод, 16 верховых и 516 впряженных лошадей. На организации перевоза было занято 418 человек офицерского и рядового состава. Предприятие располагало

---

208 R. Lopašić. Karlovac, s. 57—58.
209 Там же.
210 R. Bićanić. Doba..., s. 138.
211 «Историја народа Југославије», стр. 1011.
212 R. Bićanić. Указ. соч., стр. 138.
213 F. Taube. Указ. соч., т. III, стр. 3.
214 R. Bićanić. Указ. соч., стр. 215.
215 «Novine...», 26.XII 1846, s. 429.
216 R. Bićanić. Doba..., s. 215.
217 Там же.
218 M. Mirković. Указ. соч., стр. 197.

inslav

10 кузнецами, 9 колесниками и 6 седельниками[219]. Только в 1801 г. возчики-огулинцы получили за перевоз товаров 108 000 форинтов. В том же году слуняне заработали на перевозке 10 000 форинтов[220]. Еще в 1776 г. система военно-государственного перевоза была организована на «Каролине», но она включала всего лишь несколько десятков возчиков[221]. Перевозом клади на основных дорогах, ведущих от Карловаца к морю, занимались также крестьяне, особенно из Приморья, уходившие сюда на заработки[222].

Однако транспортных средств для доставки товаров в порты не хватало. На «Каролине», которая не могла принимать большой нагрузки, для перевозки 20 000—40 000 т клади требовалось совершить не менее 20—40 тыс. ездок. Для транспортировки только 20 000 т зерна по Купе в Карловац необходимо было 100 ладей водоизмещением в 200 т, а для перевозки хлеба только с одной ладьи требовались сотни лошадей и подвод[223]. В 1776 г. из-за отсутствия в достаточном количестве транспортных средств была сорвана крупнейшая торговая операция с пожегским табаком[224].

В связи с неудовлетворительным состоянием дорог, нехваткой транспортных средств перевозка товаров в Хорватии и Славонии занимала много времени. На «Каролине», которая была совершенно разбита, товары иногда находились в пути до 20 дней[225]. При этом транспортировка продукции обходилась очень дорого. Особенно дорогостоящими были перевозки на сухопутном транспорте. На Каролинской дороге длиною в 17 миль торговцы платили кирию — плату за доставку груза — в размере от 1 форинта до 1 форинта 50 крейц. с вагана, в 1799 г. кирия возросла до 5 форинтов. На дороге Карловац — Сень провоз 1 метца пшеницы, некогда стоивший 51 крейц., в 90-х годах обходился в 2 форинта 30 крейц.— 3 фор.[226]

Порожденные феодальной эпохой различные ограничения, всевозможные внутренние таможенные сборы и поборы, взимавшиеся духовными и светскими феодалами, а также городами при провозе товаров через их владения, еще более повышали дорожные издержки. В конце XVIII в. внутренние пошлины не только еще существовали, но даже возросли. Только между Сисаком и Карловацем купец за большую торговую, груженную хлебом, ладью выплачивал: в Сисаке загребскому капитулу 5 форинтов, в Лазине загребскому препошту с каждого человека на ладье — 9 крейц., всего обычно 1 форинт 36 крейц., в Покупском загребскому епископу — 1 форинт, в Карловаце за каждый ваган зерна — 1 крейц., в среднем за весь хлеб 16 форинтов 40 крейц. На пути от Петроварадина до Карловаца купец за большую хлебную ладью выплачивал в виде сборов на территории Военной Границы и внутренних поборов в Хорватии и Славонии в среднем 81 форинт, что равнялось стоимости почти 2000 кг пшеницы[227].

На протяжении рассматриваемого периода был сделан шаг вперед в развитии коммуникаций в Хорватии и Славонии. В это время появи-

---

[219] Там же, стр. 203—204.
[220] Там же, стр. 197.
[221] См. там же, стр. 204; R. Lopašić. Karlovac, s. 57.
[222] И. Ткалац. Успомене..., књ. II, стр. 24—25; «Staatskunde...», S. 284.
[223] M. Mirković. Указ. соч., стр. 197.
[224] В том году купцы и маклеры Триеста получили от различных морских городов задание немедленно отослать им 50 000 центов табака. Однако доставка табака в короткий срок в Триест оказалась невозможной в связи с нехваткой в Карловаце вьючных лошадей (F. Taube. Указ. соч., т. III, стр. 24—25).
[225] R. Lopašić. Karlovac, s. 56.
[226] Там же; V. Batthyany. Указ. соч., стр. 156.
[227] M. Mirković. Указ. соч., стр. 210.

inslav

лись новые благоустроенные дороги, улучшилась организация сухопутных перевозов, увеличилось количество курсирующих по рекам судов, открылось пароходное сообщение. Однако улучшение путей и средств сообщения проходило в хорватских землях крайне медленно, основная сеть дорог оставалась непригодной для регулярного сообщения, среди перевозочных средств продолжали безраздельно господствовать суда отсталой конструкции и гужевой транспорт. Состояние путей сообщения и транспортных средств явно не соответствовало растущим потребностям торговли хорватских земель.

На рассмотренных выше торговых путях были расположены важнейшие по своему экономическому значению населенные пункты Хорватии и Славонии: свободные королевские города Карловац, Загреб, Вараждин, Осиек и свободная королевская привилегированная община Сисак. Это были центры внутренней и внешней торговли и промышленно-производственной деятельности.

Наиболее развитым в экономическом отношении городом в Хорватии был Карловац. В 1778 г.[228] в нем насчитывалось 2417 жителей, из них 60 торговцев, 190 ремесленников, 146 земледельцев и 146 поденщиков[229]. В 1808 г. город имел 3900[230], а в 1847 г. около 5000[231] жителей. Через Карловац проходили все товары, которые направлялись из Хорватии, Славонии, Венгрии, частично из Военной Границы и даже из турецких провинций в засавские полковые округа, Хорватское приморье и его порты, и продукция, которая двигалась в обратном направлении и предназначалась для указанных выше земель. Этот город был «ключом к морским портам»[232]. До 1861 г. он был наиболее важным хорватским рынком[233].

В 1786 г. было провезено по Каролинской дороге 48 000 центов табаку. В 1794 г. через Карловац было провезено 0,5 млн. ваганов хлеба[234]. При благоприятных условиях сбыта через Карловац могло проходить миллион и более ваганов зерна[235].

Через Карловац в 1840 г. было отправлено[236]:

пшеница	571 990	метцев
смешанный хлеб	22 552	»
кукуруза	160 122	»
ячмень	78 232	»
овес	107 283	»
просо	6 787	»
рапс	22 834	»
тряпье	53 545	центов
табак	120 133	»
конопля	925	»
доски бочечные	6 415 000	шт.
водка	565	ведер

Дома и склады в Карловаце, большей частью деревянные и плохие, были полны товаров. За каждый самый маленький амбар взималась

[228] В этом году Карловац был включен в состав гражданской Хорватии. Привилегий о возведении в ранг свободных королевских городов Карловац получил в 1781 г.
[229] R. Lopašić. Karlovac, s. 51.
[230] Там же, стр. 66.
[231] Преглед историје југословенских народа, д. 1. Београд, 1960, стр. 241.
[232] V. Bogdanov. Društvene i političke borbe u Hrvatskoj 1848—49. Zagreb, 1949, s. 15.
[233] Там же.
[234] R. Lopašić. Karlovac, s. 58.
[235] M. Mirković. Указ. соч., стр. 197.
[236] F. Reden. Указ. соч., стр. 873.

inslav

месячная плата в 30—40 форинтов. В Карловаце шла большая торговля транзитными товарами: всевозможным хлебом, большей частью пшеницей и кукурузой, солью, лесом, досками, бочечными полуфабрикатами, табаком в листьях, кожами, медом, воском, растительным маслом, сушеной рыбой и колониальными товарами [237]. Только кукурузы продавалось в годы средней торговой конъюнктуры до 100 000 пожунских ваганов, помимо другого зерна [238].

Англичанин Дж. Пэйджет, путешествовавший в конце 30-х годов XIX в. по Хорватии, писал о Карловаце: «Река Купа... и Луизинская дорога... являются главными источниками его богатства и значения» [239]. Действительно, чрезвычайно выгодное географическое положение весьма благоприятствовало экономическому процветанию Карловаца. В 1808 г., несмотря на относительно небольшое число жителей, город имел 17 243 форинта 17 крейц. дохода. Из всех городов Хорватии он платил самый большой налог [240]. Здесь сосредоточивались крупнейшие капиталы Хорватии.

Карловац был важнейшим рынком сбыта продукции Военной Границы, в особенности ее засавских полковых округов, и местом, где граничары приобретали необходимые для них товары. «Кто познакомится с Карловацем,— писал в 1898 г. карловацкий купец Миё Крешич об этом городе периода своей молодости,— тот узнает, что это в большей мере главный город Военной Границы, нежели город Провинциала, так как здесь сосредоточивается почти весь оборот граничарских товаров... Каждую пятницу в городе и вне его во всех пригородах, в том числе и в Бании, базар и оживление, которое можно было наблюдать только на загребских ярмарках в день святой Маргариты и на Кралево. Из всех полковых округов собираются здесь покупатели и торговцы, даже турецкую чалму из Боснии здесь можно увидеть во множестве. Чем был бы граничар, если бы не было Карловаца, и чем был бы Карловац, если бы не было Границы...» [241]. Таким образом, Карловац играл исключительную роль в укреплении и упрочении экономических связей между гражданской Хорватией и Военной Границей.

Важным торговым и промышленным пунктом был город Загреб. В 1807 г. население его составляло 3700 человек [242]. В 1839 г. здесь было уже 12 231 [243], в 1847 г.— около 15 000 жителей [244]. В Загребе шла большая торговля медом, зерном, поташом, табаком в листьях, винным камнем. Через Загреб проходили товары, поступавшие из Триеста и Риеки и направлявшиеся в Венгрию и Австрию [245]. Вараждин, насчитывавший около 1800 г. 5000 [246], а в 1839 г. уже 9026 жителей [247], вел большую торговлю вином со Штирией и Каринтией, а также был известен как важный пункт торговли зерном, винным камнем, медом, чернильными орешками, табаком, сливами, сливовицей и т. д. [248] Вараждин являлся также важным центром транзитной торговли. Сюда поступали хорватские продукты и бо́льшая часть товаров из Триеста, которые затем направлялись в Венгрию и Вену [249].

---

[237] R. Lopašić. Karlovac, s. 58.
[238] Там же.
[239] J. Paget. Указ. соч., стр. 463.
[240] R. Lopašić. Karlovac, s. 66.
[241] V. Bogdanov. Društvene i političke borbe u Hrvatskoj 1848—49, s. 15.
[242] Преглед историје југословенских народа, д. 1. Београд, 1960, стр. 176.
[243] Al. Fényes. Statistik..., S. 108.
[244] «Преглед...», стр. 241.
[245] Al. Fényes. Statistik.., S. 269—270.
[246] «Преглед...», стр. 176.
[247] Al. Fényes. Statistik.., S. 108.
[248] Там же, стр. 269.
[249] Там же.

inslav

Осиек был наиболее развитым в экономическом и социальном отношении городом Славонии. В конце 70-х годов XVIII в. он насчитывал 8000 жителей [250], а в 1839 г. в нем проживало уже 12 262 человека [251]. На ярмарках, которые устраивались здесь 4 раза в год, производилась большая торговля лошадьми, волами, свиньями, сырыми кожами, зерном и другими продуктами [252]. Здесь обращались товары, привезенные из Турции, Боснии, Военной Границы, Баната, Венгрии и даже из-за моря, не говоря уже о Хорватии и всей Славонии [253]. Обороты осиекских ярмарок были весьма значительны [254]. Через Вараждин и Осиек осуществлялось все торговое движение по Драве. Многочисленные ладьи везли лес, табак, дранку, разные строительные материалы, фрукты, вино и прочее [255]. Через Осиек, где был деревянный мост через Драву, шли на юг венгерские товары и поступали в Венгрию продукты хорватского и иноземного производства. По свидетельству современника, только Пешт мог сравняться в торговле с Осиеком [256].

Промышленность в названных выше городах была представлена цеховым ремеслом и небольшим количество капиталистических предприятий, число которых, хотя и медленно, увеличивалось [257].

На протяжении рассматриваемого времени значительно повысилась численность городского населения и возросло торгово-промышленное значение городов в Хорватии и Славонии. Однако, несмотря на известные сдвиги, хорватские города не достигли высокого уровня развития. Около 1800 г. в Хорватии было всего 28 500 горожан, что составляло 4,5% населения. Даже самые крупные хорватские города на исходе первой половины XIX в. не насчитывали и полутора десятка тысяч жителей, в то время как население Вены составляло в это же время почти 400 000, а Пешта — 150 000 человек [258].

Рост хорватских городов был обусловлен главным образом подъемом торговли. Хорватские города были еще преимущественно торговыми центрами, торговая деятельность явно преобладала в них над промышленной, и торговый капитал был преобладающей формой капитала. Города Хорватии и Славонии оставались в основном городами феодального типа, хотя с развитием капиталистической промышленности в них наметились известные социально-экономические сдвиги в направлении превращения их в города капиталистического типа.

* * *

Торговля Хорватии и Славонии в значительной мере осуществлялась нехорватскими торговцами и торговыми компаниями. В конце XVIII—начале XIX в. значительную часть хорватской торговли держала в своих руках «Привилегированная торговая компания Триест — Риека» с голландским и австрийским капиталом (1750—1828). Она имела, в частности, свои торговые склады и конторы в Карловаце и Сисаке. Компания вывозила поташ из Хорватии в Амстердам, Дюнкерн и Лондон; банатское сало; древесину и дубовые доски из Сеня в Кадис; кожу из Венгрии в Марсель и Амстердам; древесину и мачты для судов в Лондон.

250 F. Taube. Указ. соч., т. III, стр. 5—6.
251 Al. Fényes. Statistik..., S. 108.
252 F. Taube. Указ. соч., т. III, стр. 6.
253 F. Buntak. Osijek, kraljevski i slobodni grad, u svijetlu pjesnika prigodničara.— «Osječki zbornik», br. II. i III. Osijek, 1948, s. 136.
254 См. там же.
255 Там же.
256 Там же.
257 См. R. Bićanić. Doba...
258 «Преглед...», стр. 241.

inslav

Она экспортировала паннонский хлеб в Марсель и Голландию; венгерский и пожегский табак, трансильванскую шерсть в Голландию; риекские ликеры и спирт в Голландию и Италию. Железо из Трбижа (Каринтия) и Мрзлой Водицы компания отправляла в Кадис, Ливорно, Смирну и т. д. Она ввозила кофе и чай, перец и другие пряности из Голландии, вяленую рыбу из Норвегии, индиго из Нантеса, красное дерево из Лиссабона, рис из Турции, шелк из Италии и т. д.[259]

Благодаря выгодным для Турции условиям торгового договора, заключенного между Австрийской монархией и Османской империей в начале XVIII века, в хорватской торговле большое место занимали купцы турецкого подданства. В конце XVIII — начале XIX в. они имели свои торговые колонии всюду от Земуна до Вены, обосновались в Загребе, Карловаце и других городах[260]. Особая таможенная система на австро-турецкой границе была ликвидирована лишь в 1825 г.[261]

В хорватской торговле, в транспортировке товаров через хорватскую территорию принимали активное участие австрийские купцы, торговой деятельности которых весьма благоприятствовали таможенные тарифы, торговцы из Венгрии, в особенности из южных ее областей, из Приморья и т. д. В основном на этой торговле составили себе мировые имена риекские купцы и предприниматели Л. Адамич, Скарпа и другие. Людовик Андрия Адамич начал заниматься торговлей в 1799 г. Он вывозил строительный лес, коноплю и веревки, хлеб из Баната, металл из Крайны и ввозил соль. Адамич первым начал экспортировать строительный лес в Англию, а затем во Францию и Турцию. Во время континентальной блокады он организовал торговлю колониальными товарами с Мальты через Скадр и Славонский Брод. После наполеоновских войн он начал вывозить муку в Бразилию. Когда в 1822 г. Австрийская монархия получила в Англии заем в 3 млн. фунтов стерлингов, Адамич, пользуясь своими связями в австрийских политических кругах, приложил усилия к тому, чтобы этот заем был покрыт древесиной, которая была одним из основных предметов его торговли[262].

Хотя участие иноземного купечества в хорватской торговле и было значительным, все же немалую роль играли в ней и местные торговцы.

Купечество Хорватии и Славонии не было многочисленным. В конце XVIII в. во всей Вараждинской жупании насчитывалось 128 торговцев, из них лишь 11 крупных оптовых купцов[263]. В разных областях торговли они играли неодинаковую роль, но торговлю важнейшими хорватскими товарами — хлебом, вином, строительным лесом и бочечными досками — в рассматриваемое время, как правило, осуществляли купцы хорватской и сербской национальности. Торговля хлебом, скотом и древесными изделиями была важным источником накопления капитала в хорватских гражданских землях[264].

В конце XVIII — первой половине XIX в. в Хорватии и Славонии были купцы, которые поддерживали непосредственные торговые сношения со всеми главными центрами мирового рынка. Большой известностью пользовались во второй половине XVIII в. карловацкие купцы Иван Гуттерер, Иван Калан и Матия Перинчич, которые торговали с различными пунктами Европы и Азии[265]. Карловацкий же торговец

---

[259] R. Bićanić. Doba..., s. 240.
[260] Там же, стр. 199.
[261] Al. Fényes. Statistik..., S. 260—261.
[262] R. Bićanić. Doba..., s. 414, 415.
[263] «Staatskunde...», S. 293.
[264] И. Ткалац. Успомене..., књ. II, стр. 22; Преглед историје југословенских народа, стр. 241.
[265] R. Lopašić. Karlovac, s. 59.

inslav

Стефан Ткалац, разбогатевший на торговых операциях с хлебом, в конце XVIII в. имел связи со всеми торговыми местами Баната, Валахии, Хорватии, южной России и Италии. На Саве и Купе он имел 12 судов, на Черном и Адриатическом морях — два, а в Бечее, Сисаке, Карловаце и Риеке — собственные хлебные склады. С. Ткалац заключал торговые сделки на миллионы форинтов [266]. Но купцы, которые имели широкие торговые связи, располагали крупным капиталом и были совершенно самостоятельны в своей деятельности, в рассматриваемое время встречались в Хорватии и Славонии все же редко. Большинство местных торговцев не обладало солидными накоплениями, многие из них находились в финансовой и другого рода зависимости от австрийских и зарубежных торговых фирм.

Кроме купечества, в хорватской торговле принимали участие и другие слои населения. В конце XVIII в. крупный хорватский помещик Адамович отправлял на телегах продукцию своего веревочно-канатного предприятия в поместье Чепин (Славония), вплоть до Амстердама [267]. Широкими торговыми связями был известен епископ Врховац [268].

С давних времен вараджинские котельщики, которые занимались производством медной посуды, в особенности котлов для приготовления ракии, посещали ярмарки не только верхней Хорватии и Славонии, но также Штирии и южной Венгрии и продавали там свои изделия [269].

Крестьяне Горского котара, изготовлявшие винные бочки, деревянную посуду, кадки, фляги, ложки, сита, грабли, самопрялки, вилы, лопаты, корзины и т. д., продавали свои изделия в Риеке, Бакаре, Кралевице и в других городах вплоть до Триеста [270]. По всему Венгерскому королевству славились своими гончарными изделиями жители села Еровац в хорватском Загорье. Еровчане развозили свою продукцию по селам, они посещали также ярмарки [271].

В Самобор за медью в конце XVIII в. приезжали ремесленники не только из хорватских городов и местечек: Загреба, Крижевцев, Вировитицы, Вуковара, но и из Военной Границы — Костайницы, Петриньи, Новой Градишки — и даже из Венгрии [272]. Пештские бочары ездили в Вировитицкую жупанию для покупки бочарных досок, изготовлявшихся местным населением [273].

Как упоминалось выше, граничары привозили на ярмарки в Карловац разнообразную продукцию своего производства и покупали там нужные им товары. Военные поселенцы, в особенности из южных районов, покупали в Боснии скот, обменивали его в Хорватском приморье на соль, которую в свою очередь в верхней Хорватии меняли на хлеб [274].

* * *

Итак, за период с конца XVIII до середины XIX в. торговля Хорватии и Славонии с соседними землями Австрийской империи и зарубежными странами значительно выросла. Активизировалась и транзитная торговля через эти провинции. За указанное время увеличился объем вывозившихся из Хорватии и Славонии и ввозившихся в эти земли товаров, расширился ассортимент экспортируемой ими продукции, главным

[266] И. Ткалац. Успомене..., књ. 1, стр. 9—10.
[267] J. Bösendorfer. Agrarni odnosi u Slavoniji. Zagreb, 1950, s. 207.
[268] R. Bićanić. Počeci..., s. 79.
[269] R. Bićanić. Doba..., s. 49.
[270] Там же, стр. 27.
[271] Там же, стр. 28, 41.
[272] Там же, стр. 94.
[273] Al. Fényes. Указ. соч., стр. 241.
[274] «Историја народа Југославије», стр. 1012.

inslav

образом за счет предметов промышленного производства. Сдвиги, происшедшие в развитии торговли, отражали общий подъем хозяйства Хорватии и Славонии.

Наиболее тесное торговое общение Хорватия и Славония поддерживали в первую очередь с Приморьем, Военной Границей, затем со словенскими землями, Австрией, Чехией, Моравией, Венгрией, Далмацией, Истрией и другими областями внутри Австрийской империи. Упрочение торговых связей между разобщенными хорватскими землями содействовало их экономической и политической консолидации. С внешним рынком, который хотя и имел большое значение для Хорватии и Славонии, они были связаны слабее в значительной мере в силу ограничительной торговой политики Габсбургов. На исходе первой половины XIX в. Хорватия и Славония поддерживали торговые сношения с Сербией, Боснией, Италией, Германией, Францией, Англией, Грецией, Португалией и другими странами.

Характер хорватского вывоза и ввоза в рассматриваемое время существенных изменений не претерпел. Хорватия и Славония вывозили в основном продовольственные товары, главным образом сельскохозяйственные, но также промысловые и бакалейно-гастрономические, затем сельскохозяйственное и частично промышленное сырье и полуфабрикаты. Готовые промышленные изделия занимали в хорватском экспорте очень незначительное место. Подобное направление хорватского вывоза было обусловлено слабостью капиталистической производственной базы, а также экономической политикой австрийского правительства, стремившегося превратить Хорватию, Славонию, как и Венгрию, в постоянные рынки для сбыта австрийской промышленной продукции и в поставщиков дешевого продовольствия и сырья для переживавших промышленную революцию наследственных земель австрийских Габсбургов. В свою очередь аграрно-сырьевой характер вывоза усиливал однобокость хозяйственного развития хорватских гражданских земель. Экспортная торговля Хорватии — Славонии служила интересам в основном связанных с товарным производством помещиков, содействуя реализации продуктов, получаемых ими в собственных хозяйствах и в виде повинностей с крестьян, и лишь в незначительной степени нарождавшейся буржуазии, связанной главным образом с добывающей промышленностью или производством полуфабрикатов.

Импорт в Хорватию и Славонию состоял главным образом из промышленных изделий, а также предметов роскоши, бакалейных и колониальных товаров. Хорватский ввоз носил потребительский характер и почти ничего не давал для роста и расширения производства, особенно промышленного. Ввоз был рассчитан в основном на удовлетворение потребностей в первую очередь помещичьего класса и торгово-промышленной верхушки.

В обстановке интенсивного роста фабричного капиталистического производства в наиболее развитых европейских странах, а также в австрийских наследственных землях и господства простейших форм промышленности в Хорватии и Славонии экспортная и импортная торговля была тем каналом, по которому хорватские гражданские области развивались как поставщики продуктов питания, сырья и полуфабрикатов в первую очередь на имперский, но также и на мировой рынки.

На состояние и характер торговых связей непосредственное воздействие оказывала таможенная политика австрийского правительства. Отводя Хорватии и Славонии роль аграрно-сырьевых придатков австрийских наследственных земель, Габсбурги путем чрезвычайно высоких пошлин на вывозившиеся из хорватских гражданских земель за границу и ввозившиеся оттуда товары, а также путем прямых экспортных и

inslav

импортных запретов ограничивали внешнюю торговлю Хорватии — Славонии, затрудняли торговые сношения с другими странами, искусственно привязывали эти земли к Австрии. При этом австрийское правительство регулировало вывоз товаров из Хорватии и Славонии в австрийские наследственные земли и ввоз австрийской продукции в хорватские провинции в соответствии с требованиями австрийского промышленного и сельскохозяйственного производства. Габсбурги направляли торговлю Хорватии — Славонии с Австрией по пути вывоза исключительно продовольствия в размерах, допускаемых австрийскими землевладельцами, и сырья по ценам, диктуемым австрийскими предпринимателями, и ввоза более дорогих и менее качественных, чем иностранные, австрийских промышленных изделий.

На протяжении рассматриваемого времени произошло некоторое улучшение путей и средств сообщения в Хорватии и Славонии. Здесь были проведены новые благоустроенные дороги, улучшилась организация сухопутных перевозок, возросло количество речных судов, по рекам начали курсировать, хотя и немногочисленные, пароходы. Но все же пути и средства сообщения продолжали оставаться в неудовлетворительном состоянии. Основная сеть дорог была непригодной для интенсивного сообщения, господствовали гужевой транспорт и речные суда примитивной конструкции. Состояние коммуникаций не соответствовало растущим потребностям народного хозяйства Хорватии и Славонии и затрудняло дальнейшее развитие торговли этих земель.

Торговля Хорватии и Славонии с другими странами, как и транзитная торговля, осуществлялась в основном купечеством, притом в значительной мере иноземным. Помимо купцов, в ней, хотя и эпизодически, участвовали также помещики, крестьяне, ремесленники и представители других слоев населения как из Хорватии и Славонии, так и из соседних с ними земель Австрийской империи. Участие непосредственных производителей в хорватской торговле ограничивалось исключительно вывозом продукции из Хорватии и Славонии в расположенные по соседству провинции Австрийской империи и ввозом изделий в хорватские гражданские земли из них.

inslav

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
Том XXIV, 1962 г.

Е. П. Наумов

К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ ФЕОДАЛЬНОЙ РЕНТЫ В СЕРБИИ, СЕВЕРНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ МАКЕДОНИИ И ЗЕТЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIV в.

Эволюция феодальной ренты является одной из наиболее важных проблем социально-экономической истории Сербии, северной и центральной Македонии и Зеты, этих основных славянских областей Сербского государства Неманичей. Исследование эволюции феодальной ренты на территории этих земель в XIV в. не только раскрывает тенденции в развитии форм феодальной эксплуатации крестьянства и тем самым изменения, происходившие в положении этого самого многочисленного класса феодального общества, но и дает возможность судить о всем процессе развития феодальных отношений, о том, какие изменения в феодальном строе этих земель наступили после завоевания их турками-османами. Многие материалы по аграрной истории Сербии, северной и центральной Македонии имеют и общебалканское значение. Их сведения (прежде всего данные о феодальной ренте в середине XIV в.) неоднократно использовались в исторической литературе для характеристики аграрных отношений в Болгарии [1] и даже в Византии накануне захвата турками этих районов Балканского полуострова.

Буржуазными историками был собран громадный фактический материал по социально-экономической истории Сербии, Македонии и Зеты в XII—XV вв., который, однако, недостаточно исследован даже в трудах лучших представителей буржуазной историографии [2].

Проблемы развития феодальных отношений в средневековой Сербии, прежде всего вопросы аграрной истории, привлекли внимание многих историков Советского Союза, Югославии и Болгарии. Так, наряду с другими вопросами аграрной истории, в некоторых работах советских

---

[1] См., например, Iv. Sakâzow. Bulgarische Wiitschaftgeschichte. Berlin, 1929; Ив. Пастухов. Българска история, т. II. София, 1943; С. Лишев. За стоковото производство във феодална България. София, 1957; Д. Ангелов. Въпроси на феодализма в български земи през XIII—XIV в.— «Исторически преглед», София, 1960, № 6; ср. П. Ф. Шевченко. Об основных формах феодальной собственности и организации феодального хозяйства Болгарии в XIII—XIV в.— «Ученые записки Шахтинского педагогического института», т. III, вып. 2, 1960.

[2] M. Wlaïnatz. Die agrar-rechtlichen Werhältnisse des mittelalterlichen Serbiens. Jena, 1903; C. Jireček. Geschichte der Serben, Bd. I—II. Gotha, 1911—1918; C. Jireček. Staat und Gesellschaft im mittelalterlichen Serbien. Studien zur Kulturgeschichte des 13—15. Jahrhunderts. Tl. I—IV. Wien, 1912—1919, и др.

inslav

медиевистов[3] рассматривались также вопросы эволюции феодальной ренты в Сербии в XIII и первой половине XIV в.

Вопросы аграрной истории Сербии, Македонии и Зеты в XIV веке и, в частности, вопросы истории эволюции феодальной ренты в этих землях неоднократно освещались и в современной югославской историографии,— как в научно-популярных трудах по истории ФНРЮ и отдельных ее республик, так и в работах по истории государства и права, по экономической истории Югославии[4].

В ряде работ[5] известный болгарский византинист Д. Ангелов останавливался на вопросах истории феодальной ренты в XIV в. в Македонии (и отчасти в Сербии), тенденции развития формы и разновидности которой были им наиболее подробно рассмотрены в монографии по истории аграрных отношений в северной и центральной Македонии в XIV в.

Появление названных выше работ историков Советского Союза, Болгарии и Югославии, несомненно, во многом способствовало изучению форм феодальной ренты на территории славянских областей Сербского государства Неманичей в XIII — XIV вв.— Сербии, Македонии и Зеты. В ряде работ (например, Вучо, Ангелова и др.) дан подробный анализ видов феодальной ренты (отработочной, натуральной и денежной), сделаны попытки, правда, не всегда удачные, проследить развитие тех или иных крестьянских повинностей, наметить в общих чертах пути эволюции феодальной ренты в Сербии и Македонии в этот период.

Однако и в настоящее время проблема эволюции феодальной ренты в Сербии, северной и центральной Македонии и Зете в XIV в. остается еще недостаточно изученной. В современной исторической литературе нет ни одного специального исследования, посвященного этой проблеме, а в имеющихся работах проблема нередко рассматривается поверхностно, без тщательного анализа всех сохранившихся исторических источников.

---

[3] А. Х. Соколовский. Феодальная вотчина в южной Сербии в XIII—XIV вв.— «Краткие сообщения Института славяноведения», вып. 17, М., 1955, стр. 71—77; Л. А. Шаферова. Сербское крестьянство в XIII веке и первой половине XIV века.— «Ученые записки Красноярского педагогического института», т. 9, вып. 1, Красноярск, 1957, стр. 215—236; С. П. Боброва. Ремесло в сербском поместье в XIII — первой половине XIV вв. (по данным хрисовулов) — «Труды Воронежского государственного университета», т. 59, выпуск исторический, Воронеж, 1957, стр. 67—74; С. П. Боброва. К вопросу об условном землевладении в Сербии.— «Славянский сборник», т. I, вып. исторический, Воронеж, 1958, стр. 113—122. Аграрной истории Сербии посвящены кандидатские диссертации: Л. А. Шаферова. Развитие социально-экономического строя Сербии в XIII—XIV вв., Л., 1950; А. Х. Соколовский. Феодальная вотчина в южной Сербии в XIII—XIV вв., М., 1953; А. З. Нюркаева. Положение крестьянства в Сербии в XIII—XIV вв., М., 1955; С. П. Боброва. Феодальное землевладение в Сербии XII — 1-й половины XIV в., Воронеж, 1956 (не опубликованы).

[4] Н. Вучо. Привредна историја Југославије, део I. Београд, 1947; J. Јовановић. Стварање црногорске државе и развој црногорске националности. Историја Црне Горе од почетка VIII вијека до 1918 г. Цетиње, 1948; И. Синдик. Комунално уређење Котора од друге половине XII до почетка XV столећа. Београд, 1950; Н. Вучо. Економика средњевековне Србије кроз Душанов Законик и манастирске повеље (см. «Зборник у част шесте стогодишњице. Законика цара Душана», Београд, 1951, стр. 183—205); «Историја народа Југославије», т. I, Београд, 1953; Д. Јанковић. Историја државе и права феодалне Србије (XII—XV вв.). Београд, изд. 2, 1957; Н. Вучо. Привредна историја Србије до првог светског рата. Београд, 1955; Dr. Roller. Agrarno-proizvodni odnosi na području Dubrovačke republike od XIII do XV stoljeća. Zagreb, 1955.

[5] Д. Ангелов. Аграрните отношения в северна и средна Македония през XIV век. София, 1958; D. Angelov. Zur Frage des Feudalismus auf dem Balkan im XIII bis zum XIV Jahrhundert.— «Etudes historiques à l'occasion du XIe congrès international des sciences historiques (Stockholm, août 1960)». Sofia, 1960; Д. Ангелов. О некоторых вопросах социально-экономической истории Византии.— «Вопросы истории», 1960, № 2; Д. Ангелов. Въпроси на феодализма в български земи през XIII—XIV в.— «Исторически преглед», 1960, № 6.

inslav

В некоторых работах, названных выше, допущены серьезные фактические ошибки и искажены данные источников (например, Бистрицкой грамоты 1234—1243 гг. и Дечанской грамоты 1330 г. в статье Л. А. Шаферовой и т. д.). В книге Янковича, в статье Шаферовой и других не была надлежащим образом использована Грачаницкая грамота 1321 г. в издании М. Павловича, хотя это издание значительно отличается от прежних публикаций и дает совершенно иные данные о размерах барщины в имениях Грачаницкого монастыря. Вместе с тем в перечисленных работах мы находим прямо противоположные выводы. Если, например, Янкович, Шаферова и некоторые другие историки говорят о постепенном и непрерывном росте отработочной ренты в Сербии с 30-х годов XIII в. до второй трети XIV в. (или до середины XIV в.), то Н. Вучо, М. Динич, С. Чиркович не считают возможным поддержать этот вывод. По мнению Т. Томоского, во второй половине XIV в. (в 60—70-х годах) в Македонии имел место дальнейший рост феодальной ренты [6], однако Д. Ангелов в своей монографии такого вывода не делает, указывая лишь на увеличение барщины в северной и центральной Македонии в середине XIV в. (в 1349—1355 гг.) [7].

В названных работах рассматривается главным образом история феодальной ренты в Сербии (отчасти и в Македонии) в XIII и первой половине XIV в., тогда как вопросам эволюции ренты в Зете и других районах Сербского приморья в XIV в., а также в Сербии и Македонии во второй половине XIV в. уделено гораздо меньше внимания.

В данной статье мы делаем попытку исследования (разумеется, в какой-то мере отрывочного и неполного, в зависимости от наличия источников) проблемы эволюции феодальной ренты в Сербии, северной и центральной Македонии, Зете и других районах Сербского приморья в первой половине XIV в.

Для характеристики эволюции феодальной ренты в Сербии и Македонии (в некоторой мере — и в районах внутренней Зеты) нами были использованы монастырские жалованные грамоты XIV в. [8], содержащие сведения о повинностях зависимого крестьянства (грамоты Хиландарского, Грачаницкого и других монастырей).

При анализе аграрных отношений и феодальной ренты в Зете и других районах Сербского приморья нами были изучены статуты городов Котора и Будвы, текст которых содержит разнообразные сведения по аграрной истории этих городских округов в XIV в. [9] Вместе с тем были использованы и частноправовые документы из архива г. Котора (в небольшой мере также из архива Дубровника), относящиеся к XIV в. [10]

* * *

Как показывают исторические источники первой половины XIV в., феодальный строй славянских областей Сербского государства Неманичей — Сербии, северной и центральной Македонии, Зеты и других

[6] «Историја народа Југославије», т. I, Београд, 1953, стр. 398.

[7] Д. Ангелов. Аграрните отношения..., стр. 164, 195, 241—250.

[8] Ст. Новаковић. Законски споменици српских држава средњега века. Београд, 1912 (далее — Зак. сп.); А. Соловјев. Одабрани споменици српског права од XII до краја XV в. Београд, 1926 (далее — Одабр. сп.); А. Соловјев. Два прилога проучавању Душанове државе.— «Гласник Скопског научног друштва» (далее — ГСНД), књ. II, св. 1—2, Скопље, 1927; М. Павловић. Грачаничка повеља.— ГСНД, књ. III, 1928, и др.

[9] Statuta et leges civitatis Cathari. Venetiis, 1616; S. Ljubić. Statuta et leges civitatis Buduae, civitatis Scardonae et civitatis et insulae Lesinae. Zagrabiae, 1882—1883.

[10] A. Mayer. Kotorski spomenici. Prva knjiga kotorskih notara od god. 1326—1335. Zagreb, 1951; T. Smičiklas. Codex diplomaticus regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae, v. XI, Zagreb, 1913.

inslav

районов Сербского приморья, характеризовался наличием развитой феодальной вотчины, сочетавшей многоотраслевое домениальное хозяйство землевладельца и мелкие крестьянские хозяйства непосредственных производителей, подвластных феодалу.

Основными отраслями сельского хозяйства в этих областях были зерновое земледелие, виноградарство, а также скотоводство (игравшее главную роль в горных и лесных районах, т. е. на большей части территории Сербского государства). Обычно в состав феодальной вотчины, в особенности крупных церковной и монастырской, входили обширные пахотные земли, виноградники, сады и пастбища, разбросанные в разных ее частях нередко (например, в Македонии и Зете) чересполосно с землями зависимого крестьянства и даже землями других феодальных собственников. Большей частью и сама феодальная вотчина, включавшая десятки сел (например, владения Хиландарского, Святостефанского и других монастырей), не составляла единого территориального комплекса, и земли и селения входившие в нее были рассеяны по разным областям Сербского государства. Управление отдельными селами или группами сел, расположенными на большом расстоянии от центра вотчины (монастыря, церкви, либо усадьбы светского феодала), феодальный собственник осуществлял с помощью вотчинной администрации — управителей, приказчиков («владальцы», «икономы»),— а также представителей сельских общин, верхушки зависимого крестьянства — старшин и сельских старост («примикюри», «кнезы»).

Конкретные же формы феодальной эксплуатации зависимого крестьянства — структура и организация домениального хозяйства феодального землевладельца, формы феодальной ренты, распределение феодальных поборов и повинностей среди определенных категорий крестьянства — значительно различались на территории славянских областей Сербского государства Неманичей. В частности, на территории Сербии, северной и центральной Македонии, Зеты и других районов Сербского приморья в первой половине XIV в. (до 1345 г.), как свидетельствуют данные сохранившихся исторических источников, существовали три основные разновидности феодального вотчинного хозяйства, каждой из которых соответствовал особый район распространения ее и которые в основном определялись разными видами ренты.

Первая из этих разновидностей феодального хозяйства (которой была свойственна поурочная барщина) существовала в центральной и западной Сербии (в бассейне рек Ибар, Лим и Рашка), в южной Сербии (в области Хвостно — в нынешней Метохии — и Косово поле) и также в некоторых районах внутренней Зеты. Вторая (с повременной барщиной), которая будет рассмотрена ниже, охватывала северную и центральную Македонию, входившую в то время в состав Сербского государства. Наконец, третья (характерной особенностью которой было преобладание денежной и натуральной ренты) существовала в Сербском приморье, на побережье Адриатического моря близ Котора, Будвы и других далматинских городов, принадлежавших Неманичам [11].

Локализация этих трех основных разновидностей феодального хозяйства на территории Сербского государства во многом облегчается тем, что в сохранившихся источниках (в частности, для Сербии и Македонии — церковных и монастырских жалованных грамотах, для Сербского приморья — в городских статутах и частноправовых документах) содержится немало данных о местонахождении феодальных имений, в ко-

[11] Ср. К. Јиречек. Историја Срба, т. I. Београд, 1952, стр. 285; т. II, стр. 165—167; М. Вучо. Привредна историја Србије до првог светског рата. Београд, 1955, стр. 54—67.

inslav

торых существовали определенные виды ренты. Поэтому мы можем на основании тех грамот, в которых установлены одинаковые или сходные повинности для крестьян данной церкви или монастыря, установить район распространения этой разновидности вотчинного хозяйства.

Первая из этих разновидностей феодального хозяйства известна нам по подробным жалованным грамотам четырех сербских монастырей, содержащим весьма ценные данные о феодальной ренте XIII — первой половины XIV вв.: по грамоте монастыря Богородицы на Бистрице (в Полимье), изданной в 1234—1243 гг.[12], грамоте Святостефанского монастыря в Баньской, которая в исторической литературе обычно датируется 1313—1318 гг. (или примерно 1316 г.)[13], грамоте Грачаницкого монастыря от 1321 г.[14] и двум грамотам Дечанского монастыря, первая из которых относится к 1330 г.[15], вторую в исторической литературе датируют 1335 г. или около 1336 г.[16]

Эти монастыри были расположены в разных областях средневековой Сербии, причем селения, принадлежавшие тому или другому монастырю,

---

[12] «Споменик Српске Краљевске Академије», III, Београд, 1890, стр. 6—7; Зак. сп., стр. 589—591 (с сокращениями); «Византийский временник», т. XIX, Пг., 1915, стр. 410—413 (с ошибочной датировкой 1302—1321 гг.); Одабр. сп., стр. 27—31. Грамота не датирована; датировка ее (1234—1243) представляет собой годы правления издавшего ее короля Владислава. Поскольку она подтверждает пожалования Стефана Немани и Стефана Первовенчанного, возможно, что эти повинности были установлены уже примерно в 1190—1228 гг.

[13] «Споменик Српске Краљевске Академије», IV, Београд, 1890; Светостефански хрисовуљ краља Стефана Уроша II Милутина, Беч, 1890; Зак. сп., стр. 622—631 (с сокращениями); Одабр. сп., стр. 89—99. Грамота не датирована. Грамоту, видимо, следует датировать периодом после 8 февраля 1314 г. (так как она не подписана Еленой, а лишь Милутином и Драгутином) и до 22 марта 1316 г. (когда умер Драгутин). Приписка архиепископа Никодима, по-видимому, относится к последним годам правления Милутина (1317—1321), и ввиду этого можно предполагать, что установленные в данной грамоте крестьянские повинности существовали и в 1317—1321 гг.

[14] F. Miklosich. Monumenta serbica, spectantia historiam Serbiae, Bosnae, Ragusii. Viennae, 1858, p. 562—566 (далее — Mon. serb.); «Известия Академии наук по отделению русского языка и словесности», т. VII, СПб., 1858, вып. 2, стлб. 155—160 и 145; М. Милојевић. Путопис дела праве Старе Србије, т. 1. Београд, 1871, стр. 162—166; И. Иванић. На Косову. Београд, 1903, стр. 62—68; Зак. сп., стр. 633—637; Одабр. сп., стр. 99—105; Ј. Поповић. Манастир Грачаница на Косову. Београд, 1927, стр. 19; ГСНД, књ. III, Скопље, 1928, стр. 105—141. Грамота сохранилась лишь в виде записи на стене монастыря, некоторые ее места испорчены, и ввиду этого в изданиях ее имеются значительные разночтения (в частности, в разделе о крестьянских повинностях). Лучшим, научным изданием ее является публикация М. Павловича. Она датирована 6830 г. от сотв. мира и, следовательно, была издана в 1321 г. (с 1 сентября до 29 октября, так как 29 октября 1321 г. умер король Милутин, пожаловавший Грачаницкому монастырю эту грамоту). Вероятно, раздел ее о феодальной ренте («старый закон») относится еще к 1243—1276 гг. (ко времени правления Уроша I), так как она подтверждала привилегии, дарованные Урошем I этому монастырю.

[15] П. Карано-Твртковић. Србскіи споменицы... Београд, 1840, стр. 321—337; Г. Јуришић. Дечански првенац..., Нови Сад, 1852, стр. 47—67; Mon. serb., p. 88—100; «Изьестия Академии наук по отделению русского языка и словесности», т. VII, СПб., 1868, вып. 3, стлб. 223—239; М. С. Милојевић. Дечанске хрисовуље.— «Гласник Српског ученог друштва», II-о одељење, књ. XII. Београд, 1880, стр. 1—68. Зак. сп., стр. 646—655 (с сокращениями); Одабр. сп., стр. 112—116 (выдержки). В этих изданиях есть ряд разночтений, научного издания ее (как и второй Дечанской грамоты) до сих пор нет. Грамота не датирована; обычно в литературе приводится датировка 1330 г. В связи с тем, что в тексте говорится о битве при Вельбужде (28 июля 1330 г.), ее следует отнести к концу 1330 г. или к первой половине 1331 г. (до свержения Стефана Уроша III Дечанского).

[16] Текст издан Милоевичем («Дечанске хрисовуље», Београд, 1880, стр. 69—137). Новакович в своей публикации дал лишь выдержки в виде дополнений к тексту первой Дечанской грамоты (см. прим. 15). На основании текста и подписи Уроша III ее следует, видимо, датировать так же, как и первую Дечанскую, концом 1330 или 1-й пол. 1331 г., тогда как подпись (т. е. подтверждение) Душана, как справедливо отметил С. Димитриевич, относится к 1343—1345 гг.— «Историски часопис», књ. IX—X, 1960, стр. 118, прим. 15.

inslav

в большей части своей находились вблизи самих монастырей, в непосредственных их окрестностях или в той же области. Так, монастырь Богородицы был построен в долине р. Бистрицы, притока реки Лим (в западной Сербии); как указывает югославский историк Рад. Иванович, этот монастырь на Бистрице следует отождествить с нынешней церковью Волявац (в одноименном селе на правом берегу Лима, почти на современной границе Сербии и Черногории), а селения, принадлежавшие этому монастырю, были расположены по среднему течению р. Лим, вокруг Бистрицкого монастыря [17]. Монастырь Грачаница, являвшийся в первой половине XIV в. резиденцией Липлянской епархии, находится в одноименном селе, в области Косово поле (южнее г. Приштины, в юго-восточной Сербии); его имения находились также южнее Приштины, на Косовом поле и в бассейне р. Биначка Морава. Дечанский монастырь был построен Стефаном Урошем III в с. Дечани (в современной Метохии, в юго-западной Сербии, южнее Печи), и вокруг Дечан по верхнему течению р. Лим и Белый Дрим были сгруппированы основные владения Дечанского монастыря [18]. Наконец, центром громадного Святостефанского (или Баньского) монастырского владения был Святостефанский монастырь в селе Баньска (в бассейне р. Ибар, севернее нынешнего г. Косовска Митровица). Главные владения этого монастыря находились вокруг с. Баньской, по среднему течению р. Ибар, а также в Рашке (севернее и юго-западнее г. Нови-Пазар). Святостефанскому монастырю в первой половине XIV в. принадлежали также некоторые селения в западной и юго-западной Сербии, во внутренней Зете и даже одно село в северной Сербии, на р. Сава [19].

В связи с тем, что в имениях этих монастырей существовали, как будет показано ниже, весьма сходные виды феодальной ренты, свойственные данной (первой из названных выше) системе феодального хозяйства, можно предполагать, что эта система существовала в центральной, западной и южной Сербии и во внутренней Зете. Возможно, что и в других феодальных имениях центральной, западной и южной Сербии, а также и в имениях северной Сербии феодальные повинности крестьянства были сходны с теми, которые нам известны по названным выше грамотам, хотя, к сожалению, историческая наука не располагает данными о формах феодальной эксплуатации, существовавших на этой территории в имениях светских феодалов, в королевских доменах и в других церковных и монастырских владениях.

Главной и наиболее характерной особенностью этой системы феодального вотчинного хозяйства была поурочная барщина, измерявшаяся единицами площади («мьть») [20], которую крестьянин должен был вспахать каждый год в домениальном хозяйстве феодального собственника. Вместе с тем для этой системы феодального хозяйства было характерно наличие неодинаковых норм феодальной ренты (или по крайней мере основных повинностей) для различных категорий зависимого

---

[17] «Историски часопис», књ. IX—X, 1960, стр. 81, 91—92 (см. схему № 2 на стр. 88).

[18] «Историски часопис», књ. IV, 1954, стр. 173—226 (с картой основных Дечанских владений), књ. XI, 1961, стр. 253—264 (с картами владений Грачаницкого монастыря).

[19] Г. Шкриванић. Властелинство св. Стефана у Баньској,— «Историски часопис», књ. VI, 1956, стр. 177—199 (с картами).

[20] «Мьть» (как, вероятно, и другая сербская средневековая мера «кьбьль»), по-видимому, был равен византийскому модию, т. е. примерно $^1/_{12}$ га (А. Соловјев и В. Мошин. Грчке повеље српских владара. Београд, 1936, стр. 399; К. Јиречек. Историја Срба, т. II, 1952, стр. 158—159; и др.). Размеры византийского модия, однако, были неодинаковы, существовали разные модии — «царские», «большие» и т. д. (А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв. М., 1952, стр. 145). Поэтому И. Божич считает «мьть» (модий) равным 684 кв. м, т. е. примерно $^1/_{14}$ га (И. Божић. Доходак царски. Београд, 1956, стр. 50).

inslav

крестьянства. В этих районах Сербии, как показывают монастырские грамоты, феодально-зависимое сельское население подразделялось на следующие основные категории: меропхи (наиболее многочисленная группа крестьянства), сокальники, влахи (скотоводы — в отличие от земледельцев — меропхов и др.), сельские ремесленники, которые в грамотах обычно именовались «майсторие» (т. е. мастера), низшее духовенство (священники, дьяконы) и, наконец, отроки, дворовые, лично зависимые крестьяне, признанные Законником Стефана Душана «баштиной», полной собственностью феодального землевладельца.

Главными повинностями всех этих категорий феодально-зависимого крестьянства Сербии были отработочные, размеры которых были неодинаковы для разных категорий зависимого населения в одном и том же феодальном имении, а также значительно различались в ряде известных нам феодальных имений. Наиболее важным видом отработочной ренты была поурочная барщина, которую должны были выполнять крестьяне-меропхи, сокальники и сельские ремесленники. Крестьянин-меропх (видимо, речь шла о меропхах — владельцах отдельного двора) в названных выше монастырских имениях в первой половине XIV в. (примерно до 1345 г.) обязан был ежегодно вспахать от 4 до 8 «мьти» (т. е. около $^1/_3$ до $^2/_3$ га) господской земли. Так, например, в Святостефанском монастыре эта норма ежегодной поурочной барщины меропха была равна восьми «мьти» [21]; в других феодальных владениях эта норма была меньше. В Грачаницком монастыре ежегодная норма поурочной барщины равнялась четырем «мьти» (по изданию М. Павловича) [22]. Наконец, во владениях Дечанского монастыря, как гласит текст первой и второй Дечанской грамот, меропхи должны были вспахать каждый (за год) шесть «мьти», а именно: «пшеницы (т. е. под пшеницу.— *Е. Н.*) две мьти, овса — две, проса — две» [23]. Укажем для сравнения, что в имениях монастыря Богородицы на Бистрице в Полимье в XIII в. ежегодная поурочная барщина меропха была равна семи с половиной «мьти» (в грамоте «полосме», т. е. пол — восьмой «мьти» [24]).

Размеры поурочной барщины, которую должны были выполнять на господской запашке сокальники, были гораздо меньше, чем у меропхов. В известных нам вотчинах сокальник обязан был распахать за год от 3 до 5 «мьти». Если в вотчине были ремесленники, то они выполняли такую же поурочную барщину, как и сокальники. Если, например, меропх Дечанского монастыря распахивал шесть «мьти» господской земли, то каждый из сокальников и ремесленников должен был вспахать только три «мьти» [25]. Эта норма поурочной барщины (три «мьти» по изданию М. Павловича) существовала и в имениях Грачаницкого монастыря [26].

Кроме рассмотренной нами выше поурочной барщины на господской запашке, в феодальных вотчинах было немало других отработочных повинностей (так называемая «бедба», работы на виноградниках, на уборке хлебов и сенокос). В то время как основная поурочная барщина, которую в грамотах иногда называли просто «мьти», выполнялась лишь меропхами, сокальниками и ремесленниками, а нормы ее строго разли-

[21] Зак. сп., стр. 625.

[22] «Д̃. мьти» (ГСНД, кн. III, 1928, стр. 132), тогда как в более ранних публикациях — 9 «мьти» (см., напр., Зак. сп., стр. 635) или даже восемь «мьти» (И. Иванић. На Косову, стр. 66).

[23] Зак. сп., стр. 649.

[24] Там же, стр. 590.

[25] Там же, стр. 650.

[26] «Г̃. мьти» (ГСНД, кн. III, стр. 132). В более ранних публикациях давалось чтение — шесть «мьти» (см., например, Зак. сп., стр. 635). Ср. норму поурочной барщины для меропхов Святостефанского монастыря — 5 «мьти» (Зак. сп., стр. 625).

inslav

чались и были неодинаковы для этих категорий крестьянства, другие отработочные повинности должны были выполнять все жители феодальных вотчин (включая отроков и сельское духовенство); с другой стороны, размеры этих отработочных повинностей (бедбы и др.) были одинаковы для всего населения феодальных имений, которое обязано было иногда работать вплоть до завершения тех или иных работ.

Так, например, крестьяне в виде «бедбы» должны были дополнительно, помимо площади («мьти»), обработанной поурочной барщиной, вспахать часть господской земли, а также убрать урожай с этих участков. Иногда (например, в Грачаницком монастыре) крестьяне в виде «бедбы» должны были и косить монастырские луга. Размеры «бедбы» в разных вотчинах были неодинаковы: в Грачаницких имениях «бедба» (пахота) равнялась трем «мьти» для крестьянина, имевшего «плуг» (возможно, пахотную упряжку), а в имениях Святостефанского монастыря она была равна лишь 1 «мьти» с плуга [27]. В Дечанском монастыре размеры «бедбы» вообще не были определены, и в Дечанских грамотах лишь указано, что подвластные крестьяне обязаны выполнять «бедбу» [28].

Отработки на виноградниках, как и «бедба», существовали в одних феодальных владениях в виде поурочной барщины (как, например, в Дечанском монастыре и других монастырях), а в других — в виде ненормированной отработочной ренты (в частности, в имениях Святостефанского монастыря). В Дечанском монастыре виноградники обязаны были обрабатывать все монастырские люди, включая и сельских священников, а размеры этой повинности для каждого из них были равны 1 «мьти» виноградника в год [29]. Не менее обременительны и тяжелы были работы по уборке хлебов и сена. В некоторых вотчинах эти уборочные работы, в отличие от поурочной барщины (на пахоте и при обработке виноградника), измерялись числом отработанных дней. Так, во владениях Святостефанского монастыря все крестьяне должны были три дня выходить на жатву монастырских хлебов, а также все они, за исключением лишь сельских священников, должны были три дня косить и убирать монастырское сено [30]. В других же вотчинах крестьяне должны были работать, пока не будет закончена уборка урожая в домениальном хозяйстве феодального собственника [31].

Помимо полевых работ в домениальном хозяйстве феодала, некоторые категории крестьян обязаны были выполнять ряд других отработочных повинностей в пользу феодального землевладельца. Так, например, меропхи доставляли дрова, готовили солод, иногда (как и сокальники в других имениях) исполняли гужевую повинность. В имениях Дечанского монастыря отроки сопровождали игумена в его поездках и в случае необходимости выполняли строительные работы (в монастыре Богородицы на Бистрице в Полимье это было обязанностью сокальников). Влахи почти не выполняли полевых работ в домениальном хозяйстве, а пасли вотчинные стада, обрабатывали шерсть, перевозили грузы (зерно, вино, соль) [32].

Таким образом, как показывают данные монастырских грамот, в первой половине XIV в. (до 1345 г.) в южной, западной и центральной

---

[27] Зак. сп., стр. 625; ГСНД, кн. III, стр. 132—133.

[28] Зак. сп., стр. 649. Согласно М. Влаинцу, «бедбой» называлась отработочная повинность, во время выполнения которой крестьяне получали питание от своего господина (ГСНД, кн. II, св. 1—2, 1927, стр. 47—66).

[29] Там же, стр. 649—650.

[30] Зак. сп., стр. 625 (ср. стр. 590, 635, 650).

[31] Там же, стр. 590.

[32] См., напр., Зак. сп., стр. 629.

inslav

Сербии и в некоторых районах внутренней Зеты существовало многоотраслевое феодальное хозяйство, сочетавшее развитое земледелие (зерновое земледелие и виноградарство), ремесло и скотоводство и основанное на разнообразных и в целом довольно высоких отработочных повинностях зависимого крестьянства. В то же время в системе феодальной эксплуатации известных нам вотчин рента продуктами и денежная рента играли второстепенную роль.

Например, в имениях Дечанского монастыря каждый из крестьян давал 1 «ягнетину» (овечью шкуру), по-видимому, в год [33]. В имениях Грачаницкого монастыря рента продуктами с крестьянского хозяйства выражалась, в частности, лишь в подати с тех крестьян, которые имели собственные пасеки (эта подать была равна 1 улью в год) [34]. Никаких других натуральных поборов мы не находим в Грачаницкой грамоте, хотя в ней предусмотрены многочисленные отработочные повинности, рассмотренные нами выше. Правда, в Святостефанском монастыре рента продуктами была больше: каждый из подвластных монастырю крестьян должен был в год дать три меры («кьбьль») пшеницы, хмель (видимо, мерку хмеля) и пятый улей (через год); от этой «десятины пчел», существовавшей и в Византии, были, однако, освобождены представители низшего духовенства [35].

Денежная рента в сохранившихся грамотах первой половины XIV в. выступает лишь изредка, и притом вместо отдельных видов отработочной ренты, но не в качестве самостоятельной формы феодальной эксплуатации сербского крестьянства. Так, например, крестьяне той части Плавского края (в юго-западной Сербии, у истоков р. Лим, на границе с Зетой и Албанией), которая принадлежала Дечанскому монастырю, должны были платить монастырю (все вместе) 60 «перперов» (золотых) в год вместо отработочной повинности на монастырских виноградниках [36].

Важно отметить, что известные нам по сербским грамотам этого периода разновидности денежной ренты и ренты продуктами,— в противоположность отработочной ренте,— существовали лишь в отдельных феодальных вотчинах или даже в некоторых селах данной вотчины (как, например, денежный чинш плавских крестьян Дечанского монастыря). Подать зерном с собственного крестьянского хозяйства взималась лишь в имениях монастыря Богородицы в Полимье и Святостефанского монастыря в Баньской на Ибре; этой подати зерном не было во владениях Грачаницкого и Дечанского монастырей, а также в имениях Хиландарского монастыря в юго-восточной Сербии (в бассейне верхнего течения Южной Моравы, близ Вране). В силу этого барщина преобладала во всех известных нам феодальных имениях, а различные денежные и натуральные подати (независимо от их величины) имели лишь второстепенное значение в той системе феодального хозяйства, которая была распространена в центральной, западной и южной Сербии.

Эти выводы в целом относятся и к системе феодальной эксплуатации в имениях Хиландаря в юго-восточной Сербии (в районе Вране), о которой мы знаем из жалованной грамоты короля Стефана Душана

---

[33] П. Карано-Тврткович. Указ. соч. стр. 334; Г. Юришић. Указ. соч., стр. 63; Моп. serb., p. 98; «Известия Академии Наук по отделению русского языка и словесности», т. VII, СПб., 1858, стлб. 237. Однако этой фразы об ягнетине нет в издании Милоевича («Дечанске хрисовуље», 1880, стр. 61 и 133) и Новаковича (основанном на тексте Милоевича,— Зак. сп., стр. 650).

[34] ГСНД, кн. III, стр. 133—134.

[35] Зак. сп., стр. 626—627. Вес средневековой сербской меры зерна («кьбьль») точно не известен.

[36] Там же, стр. 655.

inslav

Хиландарю, изданной в 1343—1345 гг.[37] Однако в этих хиландарских владениях, как показывают данные этой грамоты, категории феодально-зависимого населения и система феодальной ренты отличались в некоторой мере от известных нам по рассмотренным выше грамотам. Прежде всего в этой Хиландарской грамоте не упоминаются сокальники, ремесленники, сельские священники, для них не установлены подати и повинности. Вероятно, это свидетельствует о немногочисленности (или же отсутствии) этих трех категорий зависимого сельского населения в данных хиландарских селах или, возможно, во всей юго-восточной Сербии. Как бы заменяя сокальников, ремесленников и низшее духовенство, в данной грамоте фигурируют отроки, выступающие здесь уже как вторая (после меропхов) по численности и значению категория крестьянства.

В то же время Хиландарской грамотой норма поурочной барщины на монастырской запашке была установлена не для каждого меропха (как в рассмотренных выше монастырских грамотах), а для всех меропхов Вранянской вотчины Хиландаря. Ежегодно меропхи этих хиландарских селений должны были (все вместе) засеять на барской запашке 200 «кьбьль» зерновых (пшеницы, овса, проса)[38], т. е. все эти крестьяне обязаны были за год вспахать и засеять примерно 16 га монастырской земли[39].

Для сопоставления с изложенными выше данными о феодальной эксплуатации в других сербских вотчинах в первой половине XIV в., разумеется, весьма важно знать хотя бы приблизительно норму поурочной барщины для каждого меропха Вранянской «метохии» (имения) Хиландарского монастыря. Вычисление этой ориентировочной нормы барщины для одного меропха, по нашему мнению, вполне возможно, если использовать данные о барщине для всех меропхов хиландарских селений в районе Вране. Такое вычисление, насколько нам известно, еще не было произведено в современной исторической литературе, посвященной социально-экономическим отношениям в сербских землях в XIV в.

Хиландарская грамота, как указывалось выше, устанавливает норму поурочной барщины для всех меропхов данного имения (200 «кьбьль» господской земли в год), кроме того, в грамоте перечислены крестьяне, подвластные монастырю (по подсчетам Ст. Новаковича, помимо влахов, во Вранянской метохии было немногим более 60 крестьянских дворов, по нашим подсчетам, 74 крестьянских двора)[40]. Поскольку сокальники, ремесленники и низшее духовенство, как мы уже отмечали выше, в этой вотчине Хиландаря были весьма немногочисленны либо вовсе отсутствовали, а в данной грамоте, кроме меропхов и влахов, упоминаются только отроки, имеются, по нашему мнению, основания предполагать, что большинство земледельческого населения здесь составляли меропхи, которые обычно в Сербии в XIV в. представляли самую многочисленную категорию феодально-зависимого крестьянства. В таком случае можно считать, что во Вранянской метохии в это время было примерно 50—60 дворов меропхов и тем самым около 15—20 дво-

---

[37] Впервые она с некоторыми сокращениями была издана С. Новаковичем (Зак. сп., стр. 413—415). Полный текст ее опубликовал А. В. Соловьев («Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор», књ. VII, 1927, стр. 107—115; далее — «Прилози...»). Он убедительно доказал, что эта грамота была издана в 1343—1345 гг. («Прилози...», књ. VII, стр. 109).

[38] «Прилози...», књ. VII, стр. 113.

[39] Средневековая мера площади «кьбьль» как и «мьть» была равна тому участку земли, который можно было засеять одной мерой («кьбьль», «мьть») зерна, т. е. примерно $^1/_{12}$ га (см. прим. 20).

[40] «Прилози...», књ. VII, стр. 113—114 (перечень крестьян Вранянской метохии). Ср. Зак. сп., стр. 413—415.

inslav

ров отроков [41]. Следовательно, если мы определим таким образом число меропхов, норма поурочной барщины для каждого меропха этих имений Хиландаря будет равна примерно четырем «кьбьль» (т. е. около 4 «мьти») господской запашки в год. Эта ориентировочная норма поурочной барщины значительно ниже, чем соответствующие нормы отработочной ренты в имениях монастырей Богородицы на Бистрице в Полимье, Святостефанского и даже Дечанского, которые мы приводили выше, и фактически равна той, которая была предусмотрена по Грачаницкой грамоте.

Вместе с тем во Вранянской вотчине Хиландаря была установлена норма отработочной повинности на монастырской запашке и для отроков, чего мы не находим во всех других, названных ранее жалованных грамотах. Не менее примечательно, что эта барщина отроков не была поурочной и не измерялась числом запаханных и засеянных «мьти» или «кьбьль» земли, как во всех других перечисленных выше монастырских имениях и даже в самой Вранянской метохии (барщина меропхов). Напротив, эта повинность отроков, точно так же, как и барщина крестьян во время уборочных работ (в имениях Святостефанского монастыря и Богородицы на Бистрице в Полимье), измерялась числом дней, отработанных во время уборки урожая. Согласно Хиландарской грамоте отроки обязаны были ежегодно сеять на монастырской земле восемь дней (из них 2 дня в виде известной нам «бедбы») [42]. Отметим также, что эта барщина — «бедба» (опять-таки повременная, а не поурочная, как в других монастырских имениях в Сербии этого периода) была обязательна во Вранянской метохии только для отроков, а меропхи ее не выполняли. Это в свою очередь было новой характерной особенностью системы феодальной ренты хиландарских имений, отличавшей ее от системы феодальной эксплуатации в названных выше четырех сербских монастырях.

В то же время система феодальной ренты в хиландарских имениях в районе Вране, несмотря на эти особенности и отличия, в основных своих чертах была сходна с той системой, которая известна нам по грамотам сербских монастырей Богородицы на Бистрице в Полимье, Святостефанского, Грачаницкого и Дечанского. Для Вранянской метохии Хиландаря также характерно преобладание отработочной ренты. Все меропхи и отроки должны были пахать монастырскую землю и привозить дрова для монастыря, тогда как ренту продуктами с собственного крестьянского хозяйства (подать льном) вносили только те меропхи и отроки, которые сеяли лен, а другие виды ренты продуктами и денежная рента с этих категорий крестьянства в Хиландарской грамоте не упоминаются [43]. Главным образом отработочные повинности были предусмотрены во Вранянской метохии и для влахов (скотоводов): они возделывали монастырский виноградник, перевозили соль и другие грузы, пасли монастырские стада, обрабатывали шерсть. Они также сопровождали игумена и эконома во время их поездок. Между тем в качестве ренты продуктами Хиландарский монастырь взимал с влахов два коня в год, а с влахов-воинов также «покровь чрьвень» (видимо, красную домотканную ткань) [44].

Во Вранянской метохии Хиландаря, как и во владениях упомянутых ранее сербских монастырей, для разных категорий зависимого крестьянства были установлены различные повинности или же неодинаковые

[41] В имениях Дечанского монастыря, по подсчетам С. Новаковича, было 2097 дворов меропхов, 69 дворов сокальников и 266 дворов влахов (С. Новаковић. Село, «Глас Српске Краљевске Академије», XXIV, 1891, стр. 52).

[42] «Прилози...», књ. VII, стр. 113.

[43] Там же.

[44] Там же.

inslav

нормы одной и той же повинности. Меропхи в этих хиландарских селах, как уже было показано, выполняли поурочную барщину, а отроки — повременную; только отроки выполняли барщину — «бедбу», меропхи привозили по два воза дров, а отроки — по одному возу и т. д.

Завершая рассмотрение системы феодального хозяйства, существовавшей в первой половине XIV в. в центральной, западной и южной Сербии и в некоторых районах внутренней Зеты, мы не можем не уделить внимания той противоречивой оценке эволюции феодальной ренты в этих районах в первой половине XIV в., которая дается в современной исторической литературе.

Так, например, советские исследователи Г. Г. Литаврин, А. З. Нюркаева, А. Х. Соколовский, Л. А. Шаферова и югославский историк Д. Янкович в своих работах, сопоставляя данные о феодальной ренте в имениях монастырей Богородицы на Бистрице в Полимье, Святостефанского, Грачаницкого и Дечанского, делают вывод о росте феодальной ренты (прежде всего барщины) в Сербии с XIII в. до середины XIV в. (либо на протяжении всего XIV в. или же XIII—XIV вв.) [45]. «Основной закономерностью в жизни феодальной Сербии XIII—XIV вв.,— пишет Соколовский,— является повсеместный и неуклонный рост феодальной ренты и особенно отработочной...» [46].

Напротив, югославские историки Н. Вучо, М. Динич, С. Чиркович в своих работах считают лишь возможным отметить, что в этот период в сербских землях нормы феодальной ренты (в частности, барщины) были неодинаковы в разных феодальных имениях (в одних рента была больше, в других — меньше) [47]. Болгарский византинист Дим. Ангелов, касаясь в своей монографии по истории аграрных отношений в Македонии XIV в. барщинной системы сербских монастырей, также говорит только о значительном разнообразии, большой пестроте норм отработочной ренты в Сербии в XIII и первой половине XIV в. [48] Правда, Д. Ангелов в одной из статей утверждал, что в XIII—XIV вв. в Болгарии и Сербии существовали в феодальном хозяйстве тенденции расширять денежную ренту и одновременно усиливать барщину, тенденции, особенно ярко проявившиеся в XIV в. в сербских и македонских землях [49].

Ввиду такой противоречивой трактовки этого вопроса в современной исторической литературе, необходимо вновь обратиться к нашим первоисточникам, к уже рассматривавшимся выше монастырским грамотам

---

[45] Д. Јанковић. Историја државе и права феудалне Србије (XII—XV вв.), Београд, 1957, стр. 30 (1-е изд.— 1953); А. Х. Соколовский. Феодальная вотчина в южной Сербии в XIII—XIV вв.— «Краткие сообщения Института славяноведения», вып. 17, М., 1955, стр. 76; Л. А. Шаферова. Сербское крестьянство в XIII и первой половине XIV в.— «Ученые записки Красноярского педагогического института», т. 9, вып. 1, Красноярск, 1957, стр. 225, 230; А. П. Каждан и Г. Г. Литаврин. Очерки истории Византии и южных славян. М., 1958, стр. 265; ср. А. З. Нюркаева. Положение крестьянства в Сербии в XIII—XIV вв. М., 1955 (автореферат кандидатской диссертации), стр. 11—12.

[46] А. Х. Соколовский. Указ. соч., стр. 76. Литаврин говорит о быстром росте доменциальной запашки и барщины в XIV в. (А. П. Каждан и Г. Г. Литаврин. Указ. соч., там же).

[47] Н. Вучо. Економика средњевековне Србије кроз Душанов законик и манастирске повеље. («Зборник у част шесте стогодишњице Законика цара Душана», т. I. Београд, 1951, стр. 185—188); «Историја народа Југославије», т. I, Београд, 1953, стр. 389 (в разделе, написанном М. Диничем); Н. Вучо. Привредна историја Србије до првог светског рата. Београд, 1955, стр. 67—68; Srednjevekovna srpska država. Izadrani izvori (priredio Sima M. Ćirković). Zagreb, 1959, стр. 19—20.

[48] Д. Ангелов. Аграрните отношения в северна и средна Македония през XIV век. София, 1958, стр. 174.

[49] Д. Ангелов. О некоторых вопросах социально-экономической истории Византии.— «Вопросы истории», 1960, № 2, стр. 102.

inslav

этого периода. Известные нам нормы феодальной ренты в Сербии в первой половине XIV в., как было показано выше, значительно различались (по своей величине и т. д.) в разных имениях, и, следовательно, необходимо выяснить, можно ли считать эти различия крестьянских повинностей свидетельством и результатом эволюции ренты, роста ренты в сербских землях во второй половине XIII и первой половине XV в., как утверждают Шаферова, Янкович и другие историки.

Рассматривая и сопоставляя данные о крестьянских повинностях в Сербии в данный период, нужно прежде всего учитывать, что почти все монастырские грамоты второй половины XIII — первой половины XIV в. относятся к разным феодальным владениям, и лишь две Дечанские грамоты характеризуют систему феодальной ренты в одном и том же владении — в вотчине Дечанского монастыря. Ввиду этого можно говорить лишь о наличии известных тенденций в эволюции ренты, поскольку известные нам нормы феодальной ренты существовали в разных имениях и, очевидно, не сменяли друг друга. Различия в размерах феодальной ренты и, в частности, барщины, как отмечал и Др. Янкович [50], могли быть обусловлены различиями в структуре феодальных имений: при этом могли сыграть роль величина владения, число зависимых крестьян, уровень развития феодальных отношений (в частности, сила сопротивления крестьян гнету феодала), наличие тех или иных отраслей вотчинного хозяйства, возделывание интенсивных либо экстенсивных сельскохозяйственных культур и т. д.

Наряду с этим различия крестьянских повинностей могли также отражать и локальные особенности феодального хозяйства в отдельных районах Сербии, так как обычно имения упомянутых ранее монастырей (или по крайней мере большая их часть) были расположены в разных областях средневековой Сербии. Так, например, села Грачаницкого монастыря находились южнее Приштины, на Косовом поле и в бассейне р. Биначка Морава; в состав Вранянской метохии Хиландаря входили селения по верхнему течению Южн. Моравы, близ Вране; владения Дечанского монастыря располагались в основном вокруг Дечан,— в юго-западной Сербии (в современной Метохии, в бассейне р. Белый Дрим), владения Святостефанского монастыря — в бассейне р. Рашки и среднего течения р. Ибар. И наконец, села, принадлежавшие монастырю Богородицы на Бистрице в Полимье, находились в бассейне среднего течения р. Лим, т. е. в западной Сербии.

В монастырских грамотах мы находим также прямые указания на большую стабильность, значительную устойчивость норм феодальной ренты в XIII — первой половине XIV в., существовавших в том или ином владении на протяжении десятков лет без заметных изменений. Так, например, в имениях Грачаницкого монастыря и в 1321 г. (по-видимому, и после 1321 г.) продолжали существовать нормы феодальной ренты (так называемый старый закон), которые были установлены по крайней мере в 70-х годах XIII в. (как полагает Л. А. Шаферова) [51] или же ранее, в период правления Уроша I (1243—1276). Согласно второй Дечанской грамоте, подтвержденной Стефаном Душаном (в 1335 или 1343—1345 гг.), крестьяне Плавского края, подвластные Дечанскому монастырю, должны были, как указывалось выше, платить денежную ренту; при этом в грамоте сказано, что они платили этот чинш и раньше, когда эта местность входила в состав удельных земель королевы Елены («как соу давали кралици бабѣ кралевства ми»), т. е. в 1276—1314 гг. [52]

---

[50] Д. Јанковић. Указ. соч., стр. 28.
[51] Л. А. Шаферова. Указ. соч., стр. 225.
[52] Зак. сп., стр. 655; ср. К. Јиречек. Указ. соч., т. 1, 1952, стр. 186, 199.

inslav

Если, наконец, перечислить во временной последовательности данные о поурочной барщине меропхов в 1234—1345 гг., так, как это делается в работах Д. Янковича, Л. А. Шаферовой и некоторых других историков, мы должны будем убедиться в том, что это сопоставление данных сербских грамот в действительности свидетельствует не о резком и неуклонном росте отработочной ренты в Сербии в этот период, а лишь о некоторых колебаниях в размерах поурочной барщины в различных феодальных имениях, о значительном разнообразии норм отработочной ренты в сербских землях. Как уже показано выше, ежегодная норма поурочной барщины для меропха в 1234—1243 гг. была равна семи с половиной «мьти» (в имениях монастыря Богородицы на Бистрице в Полимье), в 1243—1276 гг.— четырем [53] «мьти» («старый закон» для крестьян Грачаницкого монастыря), в 1313—1328 гг.— восьми «мьти» (в селах Святостефанского монастыря), в 1321 г.— четырем «мьти» (в Грачаницких имениях) в 1330 г.— шести «мьти» (во владениях Дечанской обители), в 1335 (или 1343—1345 гг.) — шести (по второй Дечанской грамоте) и, наконец, в 1343—1345 гг., по нашим подсчетам, примерно четырем «кьбьль» (т. е. 4 «мьти») — во Вранянской метохии Хиландарского монастыря.

При этом, разумеется, необходимо учитывать, что помимо этой поурочной барщины, крестьяне обязаны были дополнительно вспахать господскую землю, выполняя барщину — «бедбу», и обрабатывать также виноградники феодала. В некоторых феодальных владениях эти отработочные повинности выступали в форме поурочной барщины, измеряясь числом «мьти», которые должен был обработать зависимый сербский крестьянин. Если мы сравним данные о всей поурочной барщине меропхов за рассматриваемый нами период (включая «бедбу» и отработки на виноградниках), то сравнение покажет, что тезис о резком и неуклонном росте барщины в Сербии с 1234—1243 по 1343—1345 гг. в действительности не подтверждается данными исторических источников [54].

Этот тезис точно так же не находит опоры в источниках, если даже мы используем, в частности, нормы барщины по старым изданиям Грачаницкой грамоты 1321 г. (а не по новому изданию М. Павловича) [55].

Однако нам необходимо рассмотреть также и те схемы роста меропшской барщины, которые приводятся в современной исторической литературе, например, в книге Др. Янковича и некоторых других работах. Др. Янкович дает в своей книге следующую таблицу постепенного роста барщины крестьян-меропхов: с 7,5 «мьти» (в 1234 г.) барщина возросла до 8 и 9 «мьти» (в 1316 и 1320—1321 гг.), чтобы затем еще более увеличиться при царе Душане (т. е. в 1346—1355 гг.) [56]. Сопоставляя

[53] По изданию Грачаницкой грамоты М. Павловича, см. прим. 22.

[54] Норма всей поурочной барщины для меропха за год (ср. выше, стр. 261—264): в 1234—1243 гг.— семь с половиной «мьти» запашки; в 1243—1276 гг.— семь (включая 3 «мьти» бедбы); в 1313—1318 гг.— девять (включая 1 «мьть» бедбы); в 1321 г.— семь (в том числе 3 «мьти» бедбы); в 1330 г.— шесть «мьти» запашки и 1 «мьть» виноградника; в 1335 г. (или 1343—1345 гг.) — также шесть «мьти» запашки и 1 «мьть» виноградника.

[55] Норма ежегодной поурочной барщины для меропха (для имений Грачаницкого монастыря использованы старые издания грамоты 1321 г., см. прим. 22): в 1234—1243 гг.— семь с половиной «мьти»; в 1243—1276 гг. восемь или девять «мьти» (по разным изданиям Грачаницкой грамоты), а также 3 «мьти» «бедбы», т. е. в целом 11—12 «мьти»; в 1313—1318 гг.— восемь (с «бедбой» — девять); в 1321 г. 8 или 8 (с «бедбой» 11 или 12 «мьти»); в 1330 г.— шесть «мьти» запашки и 1 «мьть» виноградника; в 1335 г.— шесть «мьти» запашки и 1 «мьть» виноградника; в 1343—1345 гг.— примерно четыре «кьбьль» (т. е. 4 «мьти») запашки.

[56] Др. Јанковић. Указ. соч., стр. 30.

inslav

этот вывод Янковича с данными грамот, неоднократно приводившимися выше, мы сможем увидеть, что Янкович, стараясь обосновать свой тезис о постепенном росте барщины, игнорирует те данные источников, которые противоречат его мнению. Так, он фактически полностью отбрасывает данные о барщине меропхов Дечанского монастыря: лишь в примечании он говорит, что это феодальное владение, где в 1330 г. норма барщины для меропха была равна шести «мьти», являлось «исключением»[57], а о том, что и по второй Дечанской грамоте (1335 г. или 1343—1345 гг.) эта норма отработочной ренты была равна шести «мьти» запашки, Янкович вообще не упоминает. Характерно далее, что Др. Янкович использует здесь данные о размерах поурочной барщины во владениях Грачаницкого монастыря только по старым изданиям Грачаницкой грамоты, хотя на новое издание ее, подготовленное М. Павловичем, он сам ссылается в другом разделе своей книги[58]. Как мы видели выше[59], норма поурочной барщины для меропха в имениях Грачаницкого монастыря по изданию грамоты М. Павловича вдвое ниже, чем по предшествовавшим публикациям, однако Др. Янкович не счел нужным отметить столь резкое расхождение в изданиях одного и того же источника.

Таким образом, Др. Янкович в своей схеме роста меропшской барщины не использует данных всех тех грамот, которые содержат подробный материал для характеристики феодальной ренты в сербских землях в период с 1234 по 1345 г., хотя их сохранилось немного (всего шесть). Янкович строит свой вывод лишь на данных трех грамот; он отбрасывает Дечанские грамоты как «исключение», он не привлекает Хиландарскую грамоту Стефана Душана (1343—1345), тогда как данные ее после несложных подсчетов дают возможность установить приблизительно норму барщины для каждого меропха Вранянского имения Хиландарского монастыря, и, наконец, Янкович не использует (без какого бы то ни было обоснования) нового издания Грачаницкой грамоты 1321 г., т. е. один из тех трех источников, на которые опирается предложенная им схема роста барщины.

Мы можем отметить также, продолжая анализ таблицы Янковича, что он не учел того весьма важного обстоятельства, что нормы феодальной ренты по Грачаницкой грамоте 1321 г. восходят еще ко второй половине XIII в. («старый закон»), и, тем самым, нормы феодальной ренты в сербских землях в рассматриваемый период обнаруживают большую стабильность, что, наконец, различия в нормах барщины, которые он сравнивает, могут отражать локальные особенности феодального хозяйства в разных областях и т. д. Правда, Янкович в этой же книге признает, что размеры и виды повинностей, которые выполняли крестьяне, зависели от размеров феодального имения, числа крестьянских дворов, находились в прямой зависимости от возделывания тех или иных сельскохозяйственных культур, от ряда других факторов[60], однако, как видно из его схемы, он объявляет все эти различия норм меропшской барщины следствием и результатом увеличения отработочной ренты.

Следовательно, таблица Янковича, как нам представляется, в целом дает одностороннее и неточное представление о меропшской барщине в Сербии в 1234—1345 гг.

---

[57] Там же, стр. 30, прим. 22.
[58] Там же, стр. 9, прим. 19.
[59] Ср. прим. 22. По изданию Павловича норма основной барщины для меропха равнялась четырем «мьти», по прежним изданиям — 8 и 9.
[60] См. выше, прим. 50.

inslav

Перейдем к той схеме роста барщины сербских крестьян, которую дает в своей статье Л. А. Шаферова. Шаферова излагает эволюцию отработочной ренты в Сербии в данную эпоху следующим образом: в 1234—1243 гг. норма меропшской барщины составляла в год $^1/_{16}$ «мьти» («пол-осме мьти») [61], позднее (по мнению Шаферовой, еще до 1313 г.— видимо, даже до 1282 г.) «размер повинностей резко возрос» до 8 «мьти» (по Святостефанской грамоте 1313—1318 гг.), а затем «размер основных повинностей увеличивается» снова — до 12 «мьти» (по Дечанским грамотам 1330 и 1335 гг.) [62].

Утверждая, таким образом, что в имениях Дечанского монастыря ежегодная норма поурочной барщины для меропха была равна 12 «мьти» или даже 13 «мьти» (в частности, крестьянин должен был вспахать «6 мтей пшеницы, 3 мти овса, 2 мти проса, 2 мти винограда») [63], Шаферова опирается на издание Дечанской грамоты 1330 г. в сборнике Фр. Миклошича, которое в свою очередь восходит к изданиям Карано-Тврткович и Юришича [64]. Но она в то же время умалчивает о том, что в издании Новаковича (а также в издании Соловьева) дается совершенно иное чтение и толкование этой части грамоты: меропх за год был должен вспахать всего шесть «мьти» монастырской земли (под пшеницу 2 «мьти», под овес — 2 «мьти», под просо — 2 «мьти»), а также обработать 1 «мьть» виноградника [65]. Шаферова не упоминает также и о том, что это чтение данного раздела Дечанской грамоты (т. е. всего 6 «мьти» пахоты и 1 «мьть» виноградника, а не 12 или 13 «мьти») является общепринятым в исторической литературе [66]. Шаферова не приводит никаких аргументов в пользу своего толкования (на основании издания Миклошича) и против общепринятого чтения данной части Дечанской грамоты, и, следовательно, это ее утверждение нельзя не считать недоказанным и произвольным. Укажем, что Ст. Новакович, используя издание Миклошича, в одной из своих ранних работ писал, что норма меропшской барщины в этом владении была равна 20 «мьти» (а именно 6 «мьти» под пшеницу, 6 «мьти» под овес, 6 «мьти» под просо и 2 «мьти» виноградника) [67]. Но позднее Новакович, сравнивая эту норму меропшской поурочной барщины с той, которая была установлена для сокальников, убедился в ошибочности такого чтения грамоты и дал, как было сказано выше, толкование, которое является общепризнанным и наиболее правдоподобным.

В своей статье Шаферова дает также неверный перевод средневекового числительного из грамоты 1234—1243 гг. («пол-осмемьти») как $^1/_{16}$ «мьти» [68], тогда как «пол-осма» (т. е. пол-осьмая, полвось-

---

[61] Л. А. Шаферова. Указ. соч., стр. 224.

[62] Там же, стр. 225.

[63] Там же, стр. 225, 230; ср. стр. 217 (13 «мьти»).

[64] Mon. serb., 97—98; ср. П. Карано-Тврткович. Указ. соч., стр. 333. Г. Юришић. Указ. соч. стр. 62; «Известия Академии наук по отделению русского языка и словесности», т. VII, СПб., 1858, стлб. 236 (по копии Ст. Верковича); Зак. сп., стр. 649.

[65] Зак. сп., стр. 649 («мрћпси кои землю дрьже да орю. S̃. мьти пшенице. .B̃., овса. .B̃., проса. .B̃., винограда мьть»); Одабр. спом., стр. 113; ср. C. Cirković. Указ. соч., стр. 20.

[66] M. Wlaïnatz. Указ. соч., стр. 218; K. Јиречек. Указ. соч., т. II, 1952, стр. 165; Н. Вучо. Економика средњевековне Србије кроз Душанов законик и манастирске повеље («Зборник у част шесте стогодишњице Законика цара Душана», т. 1, 1951, стр. 185); Н. Вучо. Привредна историја Србије до првог светског рата, 1955, стр. 67; Д. Јанковић. Указ. соч., стр. 30; M. Mirković. Ekonomska historija Jugoslavije. Zagreb, 1959, s. 136.

[67] С. Новаковић. Законик Стефана Душана цара српског 1349 и 1354. Београд, 1870, стр 95.

[68] Л. А. Шаферова. Указ. соч., стр. 224; Л. А. Шаферова. Развитие социально-экономического строя Сербии в XIII—XIV вв. Диссертация. Л., 1950, стр. 93,

inslav

мая), как и аналогичные числительные, обозначала семь с половиной [69]. Правда, Шаферова в списке опечаток исправила $^1/_{16}$ «мьти» на $7^1/_2$ «мьти», но это не устранило других грубых ошибок, являющихся следствием неверного перевода этой грамоты. Так, в статье ее остался вывод о резком росте барщины в 1234—1313 гг., основанный на сравнении $^1/_{16}$ «мьти» и восьми «мьти», тогда как в действительности столь резкого роста отработочной ренты не было (в 1234—1243 гг. норма барщины равна $7^1/_2$ «мьти», в 1313—1318 гг. 8 «мьти»). Так и при сопоставлении данных Грачаницкой грамоты с текстом грамоты 1234—1243 гг., о чем мы скажем ниже, Шаферова основывается на своем неверном переводе (т. е. $^1/_{16}$ «мьти»), хотя она и признала его ошибочность.

В то же время Л. А. Шаферова, несмотря на крайнюю малочисленность источников, содержащих данные о феодальной ренте в средневековой Сербии, неполно и весьма односторонне использовала данные Грачаницкой грамоты 1321 г. Она лишь отмечает (кратко и достаточно неопределенно), что норма меропшской барщины по этой грамоте была больше, чем по грамоте короля Владислава (1234—1243 гг.), т. е. больше $^1/_{16}$ «мьти», согласно ее переводу, и меньше, чем по Святостефанской грамоте, т. е. меньше восьми «мьти» [70]. Судя по этому, Шаферова (хотя она не дает точных размеров барщины по Грачаницкой грамоте), по-видимому, знает о новом издании Грачаницкой грамоты (М. Павловича), по которому норма меропшской барщины равна четырем «мьти» (т. е., как и отмечает в своей статье Шаферова, больше $^1/_{16}$ «мьти» и меньше восьми «мьти»). Однако при этом она дает неверную ссылку на издание Новаковича [71], так как по изданию Ст. Новаковича норма поурочной барщины для меропхов Грачаницкого монастыря равна девяти «мьти» [72].

Характерно, что Л. А. Шаферова считает возможным ограничиться только этим сопоставлением норм барщины по Грачаницкой грамоте (1321) с данными грамот 1234—1243 гг. и 1313—1318 гг. Так она поступает, очевидно, потому, что такое сопоставление, как ей кажется (при неверном переводе «пол-осьме мьти» как $^1/_{16}$ «мьти»), подтверждает ее тезис о резком увеличении барщины в Сербии. В то же время она «забывает» отметить, что эта норма меропшской барщины (т. е. 4 «мьти»), установленная, видимо, еще в 1243—1276 гг., существовала в имениях Грачаницкого монастыря и после 1321 г., и, тем самым, сравнивая данные Грачаницкой грамоты с данными Святостефанской (1313—1318), мы могли бы скорее говорить об уменьшении нормы меропшской поурочной барщины (с 8 «мьти» в 1313—1318 гг. до четырех «мьти» по грамоте 1321 г.). Шаферова не производит второго сопоставления данных названных грамот потому, что это сопоставление наглядно показывает необоснованность тезиса о резком росте поурочной барщины сербских меропхов. Этот тезис Шаферовой, как мы уже показали выше, основан на неверном переводе грамоты монастыря Богородицы на Бистрице в Полимье, на произвольном использовании данных Грачаницкой и Дечанской грамот, на замалчивании тех данных исторических источников, которые не соответствуют ее концепции.

В этой связи мы должны также отметить, что сходные схемы роста поурочной барщины меропхов были даны в диссертациях А. З. Нюр-

[69] M. Wlaïnatz. Указ. соч., стр. 215; I. Sakâzow. Указ. соч., стр. 97; К. Јиречек. Указ. соч., т. II, 1952, стр. 165; Др. Јанковић. Указ. соч., стр. 28, 30; Н. Вучо Привредна историја Југославије, део I, 1947, стр. 97; «Историја народа Југославије», т. I, 1953, стр. 389; Н. Вучо. Привредна историја Србије до првог светског рата, 1955, стр. 67; S. Ćirković. Указ. соч., стр. 18.

[70] Л. А. Шаферова. Указ. соч., стр. 225.

[71] Там же, прим. 2.

[72] Зак. сп., стр. 635 («меропьхь оре. θ. мьти»,— т. е. девять).

inslav

каевой и А. Х. Соколовского. Так, например, Нюркаева утверждает, что поурочная барщина до конца первой половины XIV в. неуклонно увеличивается, в частности, площадь барской запашки, полностью обрабатываемая меропхом, «с 1234 по 1313 г.увеличилась в два раза, а к 1330 г. уже в три раза»[73]. Таким образом, Нюркаева предлагает следующую схему резкого роста меропшской барщины: 4 «мьти» в 1234—1243 гг., 8 «мьти» в 1313—1318 гг. и 12 «мьти» в 1330 г. В то же время Нюркаева дает здесь неверный перевод соответствующего места из грамоты монастырю Богородицы на Бистрице в Полимье, а именно она «пол-осме мьти», вместо 7,5 «мьти» переводит как четыре «мьти». Мы уже рассмотрели выше, при анализе тезиса Л. А. Шаферовой, утверждение, будто по Дечанской грамоте 1330 г. норма поурочной барщины равнялась 12 «мьти» (а не шести, что является общепринятым в историографии истолкованием текста грамоты). Точно так же, как и Шаферова, Нюркаева замалчивает те толкования, которые были даны для текста грамот 1234—1243 и 1330 г. в исторической литературе и которые не подтверждают ее концепции резкого увеличения меропшской барщины. Укажем, наконец, что в работе Нюркаевой не использовано издание Грачаницкой грамоты, сделанное М. Павловичем, данные которого, в свою очередь, опрокидывают тезис Нюркаевой.

А. Х. Соколовский в своей диссертации дал схему роста отработочной ренты в Сербии XIII—XIV вв. близкую к той, которая приведена в книге Др. Янковича. По мнению Соколовского, барщина меропхов возрастала следующим образом: с $7^1/_2$ «мьти» (1234—1243) до 8 «мьти» (1313—1318), позднее 9 «мьти» (1321) и, наконец, до 10 «мьти» (по Дечанским грамотам 1330 и 1335 гг.)[74]. В данной схеме, однако, не учтены данные последнего издания Грачаницкой грамоты, согласно которому норма поурочной барщины для меропха составляла четыре «мьти» за год (а не девять). Нельзя признать бесспорным и то чтение соответствующего постановления Дечанской грамоты (1330), которое дает Соколовский (т. е. 10 «мьти»), поскольку гораздо более правдоподобным является чтение, приводимое С. Новаковичем (всего шесть «мьти» господской запашки). Таким образом, таблицу роста барщины, которую предлагает Соколовский, мы не можем признать верной.

Необоснованность концепций о резком увеличении отработочной ренты в Сербии, по нашему мнению, наглядно подтверждается также анализом сохранившихся данных о барщине другой категории зависимого сербского крестьянства — сокальников. Как известно, монастырский сокальник должен был за год обработать три (или $4^1/_2$) «мьти» (как гласит грамота, «полдруге мьти всаке ралие») в 1234—1243 гг.[75], позднее — также три «мьти» в 1243—1276 гг. («старый закон» для крестьян Грачаницкого монастыря)[76], наконец, пять «мьти» в 1313—1318 гг.[77] Однако по грамоте 1321 г. норма барщины для сокальников была снова равна трем «мьти»[78], по Дечанским грамотам 1330 и 1335 гг. (или 1343—1345 гг.) — трем «мьти»[79]. Таким образом, норма поурочной барщины для сокальников была обычно равна трем «мьти»; только в имениях

[73] А. З. Нюркаева. Положение крестьянства в Сербии в XIII—XIV вв. Автореферат диссертации. М., 1955, стр. 11 (ср. в диссертации, стр. 251—252).

[74] А. Х. Соколовский. Феодальная вотчина в южной Сербии в XIII—XIV вв. Диссертация, М., 1953, стр. 233—241, 246, 261.

[75] Зак. сп., стр. 590. Ср. M. Wlaïnatz. Указ. соч., стр. 215 («всего $4^1/_2$»); K. Jupeček. Указ. соч., т. II, 1952, стр. 165 («только $1^1/_2$ «мьти»); S. Ćirković. Указ. соч., стр. 22 («всего $4^1/_2$ или 6 «мьти»).

[76] ГСНД, кн. III, стр. 132. Ср. выше, прим. 26.

[77] Зак. сп., стр. 625.

[78] См. прим. 26.

[79] Зак. сп., стр. 650.

inslav

Святостефанского монастыря она равнялась пяти «мьти». Правда, вполне точную формулировку грамоты монастыря Богородицы на Бистрице в Полимье («пол-дроуге мьти всаке ралие») в исторической литературе нередко истолковывали как $4^1/_2$ или даже шесть «мьти» [80]. По нашему мнению, было бы правильнее переводить и толковать слово «ралия» не как «сельскохозяйственная культура», как это делали М. Влаинац и С. Чиркович, а как «сев», «пахота», «полевые работы». Так, например, в Хиландарской грамоте 1343—1345 гг. сказано, что меропхи Вранянской метохии должны засеять «есенине ралие» 100 «кьбьль» пшеницы, а «пролетьне ралие» 100 «кьбьль» проса и овса; отроки же обязаны сеять осенью три дня, а также четвертый день в качестве «бедбы», и, наконец, весной три дня и также четвертый день в качестве «бедбы» [81]. Следовательно, на основании этой грамоты мы могли бы перевести интересующее нас место из грамоты 1234—1243 гг. следующим образом: сокальник должен пахать полторы «мьти» «всаке ралие», т. е. во время всякого (иными словами, весеннего и озимого) сева, т. е. всего три «мьти».

Тем самым имеющиеся данные о поурочной барщине сокальников также не подтверждают тезиса о неуклонном и резком росте отработочной ренты. Напротив, они свидетельствуют только об известных различиях в размерах барщины сокальников, которая в целом была примерно одинаковой (3—5 «мьти», если не считать барщины — «бедбы» и повинности по обработке виноградников). Если же мы учтем также и «бедбу» и повинности на виноградниках, то получим следующие нормы отработочной ренты для сокальников: три «мьти» в 1234—1243 гг., в 1243—1276 гг.— три «мьти» и три «мьти» бедбы (всего шесть «мьти»), в 1313—1318 гг.— шесть «мьти» (в том числе 1 «мьть» бедбы), в 1321 г.— шесть «мьти» (в том числе 3 «мьти» бедбы), в 1330 и 1335 (или 1343—45 гг.) — три «мьти» запашки и 1 «мьть» виноградника. Следовательно, и эти нормы всей поурочной барщины сокальников, по нашему мнению, не подтверждают тезис о резком росте поурочной барщины.

В то же время мы должны остановиться на сделанных в некоторых работах выводах о росте денежной и натуральной ренты в Сербии в XIII — первой половине XIV в. В частности, мы упоминали ранее, что, по мнению Д. Ангелова, в XIII—XIV вв. в Болгарии и Сербии имелись тенденции к усилению барщины и увеличению денежной ренты. Обратившись к другим работам Ангелова, мы убеждаемся в том, что он в действительности подразумевал при этом рост барщины и денежной ренты, который, по его словам, имел место в середине XIV в. в македонских землях, входивших тогда в состав Сербского царства [82]. Таким образом, мы не имеем оснований относить этот вывод Ангелова к собственно сербским землям и к периоду XIII — первой половины XIV в.

А. З. Нюркаева утверждает также, что в XIII—XIV вв. в Сербии неуклонно увеличивалась не только отработочная рента, но и рента продуктами. По мнению Нюркаевой, основная натуральная подать с крестьянского хозяйства — подать зерном,— с 1234 по 1313 г. выросла в 3 раза, а к 1379 г. возросла в 4 раза; подать со скота с 1234 до 1313 г. возросла вдвое [83]. Если мы обратимся к источникам, то не сможем признать и этот вывод достаточно аргументированным. Неправомерно делать

[80] См. выше, прим. 75.

[81] «Прилози...», књ. VII, стр. 113.

[82] Д Ангелов. Аграрните отношения в северна и средна Македония през XIV век. София, 1958, стр. 164, 195, 218—220, 241—242, 250—251; D. Angelov. Zur Frage des Feudalismus auf dem Balkan..., S. 123, 124, 129. Ср. Д. Ангелов. О некоторых вопросах социально-экономической истории Византии.— «Вопросы истории», 1960, № 2, стр. 102.

[83] А. З. Нюркаева, Указ. соч. (автореферат), стр. 11 (ср. в диссертации, стр. 282—283).

inslav

вывод о росте подати зерном с крестьянского хозяйства прежде всего потому, что она существовала не во всех монастырских владениях, для которых мы располагаем грамотами, изданными в период 1234—1345 гг. Действительно, в селах монастыря Богородицы на Бистрице (в Полимье) каждый из меропхов должен был дать монастырю в год одну меру («кьбьль») зерна [84]. Однако подать зерном вовсе не упоминается в грамотах Грачаницкого монастыря (1321), Дечанского монастыря (две грамоты — от 1330 и 1335 г.) и Хиландарского монастыря (о Вранянской метохии, 1343—1345).

Иными словами, анализ данных исторических источников заставляет скорее признать возможным, как указывал, например, А. Х. Соколовский, что к концу первой половины XIV в. проявилась тенденция к росту удельного веса барщины в общей системе феодальной ренты [85]. Подати зерном нет в грамотах, относящихся к 1321—1345 гг., и, следовательно, можно было бы говорить о некотором росте удельного веса барщины за счет отдельных видов ренты продуктами (в частности, подати зерном).

Нельзя считать обоснованным и тезис А. З. Нюркаевой и А. Х. Соколовского о росте денежной ренты в Сербии в этот период. Соколовский, в частности, утверждает, что денежная рента, которая отмечается в источниках первой половины XIV в., росла с каждым десятилетием, хотя, впрочем, все еще играла второстепенную роль, по сравнению с рентой отработочной и натуральной [86]. Нюркаева также отмечает, что в XIV в. (в особенности во второй четверти XIV в.) возрастает число видов денежной ренты [87]. Между тем, в собственно сербских землях, судя по данным грамот 1234—1345 гг., денежная рента встречалась крайне редко, лишь в отдельных селениях монастырских вотчин, притом в качестве замены некоторых видов отработочной ренты. Таким образом, вывод о росте денежной ренты в Сербии в первой половине XIV в. в действительности относится к македонским областям Сербского государства, о чем писал и Д. Ангелов.

Точно так же не находит опоры в сербских грамотах 1234—1345 гг. и утверждение А. З. Нюркаевой о росте подати со скота в 1234—1313 гг., которое мы привели выше [88]. В данном случае речь идет о натуральной подати «ягнетина». По мнению Нюркаевой, в 1234—1313 гг. она возросла вдвое: по грамоте 1234—1243 гг., крестьянин должен был давать одну «ягнетину», а по грамоте 1313—1318 гг.— две. Анализ этих грамот, однако, убеждает нас в том, что данное утверждение необоснованно. Действительно, в Святостефанской грамоте (1313—1318 гг.) установлена подать в две «ягнетины» [89], однако она взималась в таком размере только с влахов (скотоводов); в грамоте 1234—1243 гг., между тем, говорится о податях и повинностях земледельческого населения (меропхов, сокальников). Укажем в этой связи, что в Святостефанской, Грачаницкой и Хиландарской (1343—1345) грамотах «ягнетина» вообще не упоминается в перечне податей, которые монастырь взимал с подвластного ему земледельческого населения.

Таким образом, завершая рассмотрение достаточно распространенных в исторической литературе утверждений о росте феодальной ренты в сербских землях в период с 1234—1243 гг. и по 1343—1345 гг. (в частности, тезиса о резком увеличении поурочной барщины, подати зерном, подати

---

[84] Зак. сп., стр. 590.
[85] «Краткие сообщения Института славяноведения», вып. 17, стр. 76.
[86] А. Х. Соколовский. Феодальная вотчина в южной Сербии в XIII—XIV вв. (Автореферат диссертации), М., 1954, стр. 14.
[87] А. З. Нюркаева. Указ. соч. (автореферат), стр. 11—12.
[88] См. выше, прим. 76.
[89] Зак. сп., стр. 629.

inslav

«ягнетина», денежной ренты), мы, основываясь на данных всех сохранившихся сербских грамот этого периода, должны признать, что в действительности имеющиеся исторические источники не подтверждают концепции о неуклонном и резком увеличении отработочной, натуральной и денежной ренты в Сербии. Напротив, как отмечается в работах Н. Вучо, М. Динича и других исследователей, в этот период имели место лишь колебания (порой весьма значительные) в размерах того или иного вида феодальной ренты, которые, однако, были, по-видимому, скорее следствием локальных особенностей феодального вотчинного хозяйства в различных районах Сербии. В то же время данные сербских грамот позволяют считать возможным вывод о некотором росте (в 20—40-х годах XIV в.) удельного веса барщины в общей системе феодальной ренты, известной нам по этим источникам, и одновременном сокращении удельного веса ренты продуктами. Денежная рента в этот период встречается в источниках крайне редко, и поэтому роль ее в общей системе феодальной эксплуатации крестьянства была незначительной. Возможно, что в первой половине XIV в., в собственно сербских землях, в особенности в южной Сербии, эволюция феодальной ренты была гораздо более резкой, однако на имеющемся фактическом материале это не удается проследить.

* * *

Вторая система феодальной эксплуатации охватывала северную и центральную Македонию, где преобладало (в отличие от южной Македонии) славянское население. Эти македонские области, входившие до конца XIII в. в состав Византийской империи, сохранили, как показывают имеющиеся исторические источники, значительные остатки византийских аграрных институтов и под властью сербской династии Неманичей. Так, например, в северной и центральной Македонии самой многочисленной категорией феодально-зависимого крестьянства были пáрики, а не меропхи, как это было в самой Сербии. Категории меропхов в Македонии не было, а сокальники здесь упоминаются редко, только в северной Македонии, на рубеже XIII и XIV вв. Характерной особенностью аграрного строя македонских областей была крайняя дробность и чересполосица землевладения. Вотчинное хозяйство в этих районах Македонии также во многом отличалось от той системы феодального хозяйства, которая существовала в собственно сербских землях.

В частности, в вотчинах Македонии далеко не все домениальные земли использовались феодальным собственником для ведения своего домениального хозяйства; часть земель сдавалась в аренду крестьянам за определенную долю урожая. Крестьянин-арендатор вносил землевладельцу четвертую часть урожая (например, в имениях монастыря св. Георгия близ Скопле, по грамоте от 1299—1300 гг.)[90] или десятину. Иные черты свойственны и самому домениальному хозяйству феодала, которое в северной и центральной Македонии так же, как и в самой Сербии, было основано на барщинном труде зависимого крестьянства. К сожалению, историческая наука располагает слишком скудным фактическим материалом, характеризующим феодальное хозяйство в северной и центральной Македонии после перехода этих областей в конце XIII в. под власть Неманичей и до 1343—45 гг. В частности, македонских грамот для этого периода сохранилось гораздо меньше, чем сербских монастырских грамот (мы подразумеваем грамоты, содержащие данные о феодальной ренте, о повинностях зависимого крестьянства). Как свидетельствуют грамоты Георгиевского монастыря (1299—1300) и Хиландорского

[90] Зак. сп., стр. 613, 618 (ср. о десятине, там же, стр. 703, 613 — «десятина пчел»).

inslav

(о владениях в районе г. Штип, около 1332 г.), в македонских монастырских вотчинах вместо поурочной барщины, известной нам из сербских грамот этой поры, крестьяне выполняли барщину, измерявшуюся числом дней, отработанных в монастырском хозяйстве [91].

Необходимо при этом подчеркнуть, что размеры отработочной ренты в македонских феодальных имениях, в отличие от сербских норм барщины, были примерно одинаковы для всех категорий феодально-зависимого населения — для париков, отроков, влахов (скотоводов), для «своих» крестьян и «чужих» (арендаторов из других имений), для крестьян-старожилов и новых поселенцев. В имениях Георгиевского монастыря, в хиландарских владениях близ Штипа норма барщины составляла три дня в год (например, день пахоты, день жатвы, день сенокоса, либо два дня пахоты и день работы в винограднике, либо три дня барщины — «бедбы») [92].

В то же время в македонских феодальных владениях, как и в сербских монастырских имениях в 1300—1345 гг., натуральная и денежная рента, судя по сохранившимся источникам, была невелика или же вовсе отсутствовала, если крестьянин не арендовал домениальных земель. Это в особенности наглядно показывает анализ постановлений названных выше двух грамот, изданных в 1299—1300 гг. и около 1332 г. Таким образом, и в Македонии, в северной и центральной ее частях, в первой половине XIV в. (до 1343—1345 гг.), как и в собственно сербских землях, феодалы получали доходы главным образом с домениальных земель, которые (видимо, в меньшей мере) использовались для ведения господского хозяйства с помощью барщинного труда подвластных крестьян или сдавались крестьянам в аренду (что, вероятно, было чаще), но не с собственного хозяйства крестьянина на его наделе. Разумеется, широкое распространение арендных отношений и сравнительно небольшая барщина (примерно три дня в год) отличают данную систему феодальной эксплуатации от той системы, которая существовала в самой Сербии и отчасти во внутренних районах Зеты.

В этой связи необходимо остановиться также и на общей оценке эволюции феодальной ренты в Македонии в исторической литературе. В частности, югославским историком Б. Графенауэром было высказано мнение, что характерной особенностью периода, когда Македония входила в состав Сербского государства, является увеличение барщины, по сравнению с предшествующим периодом [93]. Однако данные сохранившихся грамот о барщине в северной и центральной Македонии в 1300—1345 гг., которые приведены выше, свидетельствуют, что этот вывод никоим образом нельзя отнести к данному периоду, напротив, как и указывает, например, Д. Ангелов, мы можем говорить о росте барщины в Македонии лишь в середине XIV в. (точнее — в 1349—1355 гг.) [94]. Как указывалось выше, размеры отработочной ренты и по грамоте Георгиевского монастыря (1299—1300) и по Хиландарской грамоте (ок. 1332) примерно одинаковы и составляют обычно три дня барщины в год. Это, в свою очередь, позволяет нам не согласиться с утверждением Д. Ангелова, будто вследствие чрезвычайного разнообразия норм феодальной ренты в северной и центральной Македонии в XIV в. нельзя составить «общей схемы» [95], т. е. установить наличие общих черт, свойственных

---

[91] Ср. Д. Ангелов. Аграрните отношения в северна и средна Македония през XIV век. София, 1958, стр. 162—163, 195, 250.

[92] Зак. сп., стр. 613, 619, 402. О местонахождении имений Георгиевского (Виргинского) монастыря см. ГСНД, кн. 1, св. 1, Скопље, 1925, стр. 45—77.

[93] «Enciklopedija Jugoslavije», vol. III, Zagreb, 1958, s. 312.

[94] Д. Ангелов. Аграрните отношения..., стр. 164 и др. (см. выше, прим. 82).

[95] Там же, стр. 162.

inslav

системе феодальной ренты в разных македонских имениях, в частности в разных монастырских владениях. Размеры отработочной ренты в Македонии в данный период в действительности не столь резко различались в разных феодальных владениях (известных нам), и, по-видимому, это в известной мере способствовало унификации феодальной ренты в середине XIV в., на которую уже неоднократно указывали в своих работах югославские и советские историки.

Наконец, в приморских районах Сербского государства Неманичей (на границах с владениями Дубровника, в районе г. Будвы и Котора), как и в других районах Далмации, существовала третья (оброчная) система феодального хозяйства, основанная преимущественно на денежной ренте и ренте продуктами и на чрезвычайно широком распространении арендных отношений [96]. Частноправовые документы из Которского архива, относящиеся к 1326—1335 гг., соответствующие разделы Которского и Будванского статутов, составленных (в основной своей части) в первой половине XIV в., весьма наглядно показывают, что в этих районах Сербского приморья (южной Далмации) феодальный землевладелец обычно почти не вел собственного хозяйства, основанного на барщине, а предпочитал сдавать свои земли в аренду (ad partem, ad affictum) крестьянам, одновременно передавая иногда им и свой скот на выпас.

Любопытно, что единственный, насколько нам известно, в этой первой книге которских актов (1326—1335 гг.) случай отработочной повинности крестьян (24 дня барщины в год) связан именно с отдачей скота на выпас крестьянам [97]. Можно думать, что высокий уровень развития в Сербском приморье товарно-денежных отношений, большая дробность землевладения, значительная роль интенсивных сельскохозяйственных культур (виноград, маслины) делали барщину в этих районах невыгодной для феодального землевладельца, находившего более целесообразным применять феодальную аренду.

Арендные договоры заключались на шесть, семь, иногда на 10, 20 лет; в некоторых случаях — на срок жизни нескольких поколений [98], известна также и вечнонаследственная феодальная аренда, эмфитевзис. Независимо от срока аренды крестьяне вносили собственнику земли ежегодно определенную часть урожая (partem) [99] или уплачивали установленную в договоре денежную ренту (affictum) [100]. О широком распространении в этих районах Сербского приморья (в частности, в Которском округе) арендных отношений свидетельствует тот факт, что в первой половине XIV в. землю арендовали за ежегодный денежный чинш не только крестьяне, но и представители господствующего феодального класса — которские нобили.

Размеры денежной ренты, согласно которским документам 1326—1335 гг., были весьма различны: от 4, 6, 8, 10 грошей до 1, 2, 3 и даже 5 «перперов» (золотых) в год, причем такая высокая арендная плата взималась обычно за виноградники, приносившие большой доход [101]. Натуральная рента составляла обычно десятину, десятую часть урожая (decimam partem) [102], но иногда собственник земли получал половину,

---

[96] См., например, К. Јиречек. Указ. соч., т. II, стр. 166—167; I. Stjepčević. Kotor i Grbalj. Split, 1941, s. 31 и след. стр.

[97] A. Mayer. Kotorski spomenici. Prva knjiga kotorskih notara od god. 1326—1335. Zagreb, 1951, s. 73.

[98] D. Farlati et J. Coleti. Illyricum sacrum, v. VI. Venetiis, 1800, p. 294.

[99] «Statuta et leges civitatis Cathari. Venetiis, 1616», cap. 273, 276, 279, S. Ljubic. Указ. соч., стр. 11 (гл. 34), стр. 13 (гл. 43, 44); A. Mayer. Указ. соч., стр. 38, 40 и др.

[100] «Statuta Çathari», cap. 285, 415; S. Ljubić. Указ. соч., стр. 13; A. Mayer. Указ. соч., стр. 23, 33 и др.

[101] A. Mayer. Указ. соч., стр. 23, 33, 36, 39, 40, 45, 61, 83, 110, 133, 158, 232 и др.

[102] Там же, стр. 38, 40, 64, 78, 145, 154, 174, 233, 270, 359, 423.

inslav

треть или четвертую часть урожая[103]. К сожалению, ввиду недостатка фактического материала остается неясным, в какой мере различались формы зависимости отдельных категорий крестьянства, существовавших в этих районах южной Далмации («посадников», «влаштаков», или же просто «людей», «крестьян»), находились ли размеры феодальной ренты в определенной зависимости от принадлежности того или иного крестьянина к какой-либо категории, от размеров участка, качества земли и т. д.

Ввиду малочисленности сохранившихся источников остается также неизвестным, какие тенденции существовали в развитии данной системы феодальной ренты. Правда, имеется один весьма интересный документ, который, как считают М. Миркович и Др. Роллер[104], явился отражением своего рода «аграрной реформы» на острове Млет (близ Дубровника), который принадлежал католическому Млетскому монастырю и входил тогда в состав Сербского государства Неманичей. Этот документ от 24 сентября 1345 г. закрепил соглашение между Млетским монастырем, с одной стороны, и подвластными ему крестьянами острова, объединенными в свою общину (universitatem), с другой; согласно договору монастырь навсегда полностью освобождал всю общину и каждого из крестьян от всяких повинностей и от зависимости по отношению к монастырю, за что, однако, община должна была платить монастырю ежегодно 300 «перперов» (золотых), а каждый крестьянский двор, сверх того, обязан был давать одну курицу[105].

Таким образом, как можно судить на основании этого договора Млетского монастыря с крестьянами острова Млет, в некоторых имениях Сербского приморья в 40-х годах XIV в. уже имела место коммутация и замена натуральной и отработочной ренты денежной рентой[106].

* * *

Итак, в целом на территории Сербии, северной и центральной Македонии, в Зете и других районах Сербского приморья в первой половине XIV в. еще не было резких изменений в системе феодальной эксплуатации крестьянства, в частности, неуклонного и резкого роста ренты (в особенности барщины). Сохранившиеся источники позволяют лишь установить, что до 1343—1345 гг. нормы феодальной ренты в целом были примерно равными или близкими по своим размерам, хотя и существовали в разных имениях (и для различных категорий крестьянства — в самой Сербии) некоторые различия в системе крестьянских повинностей известных нам феодальных (монастырских) вотчин. Разумеется, при этом необходимо учитывать, что имеющийся в распоряжении исторической науки материал невелик и поэтому проблема эволюции феодальной ренты в Сербском государстве в первой половине XIV в. не может быть окончательно решена. Возможно, что уже в период 1300—1345 гг. в действительности эволюция феодальной ренты была гораздо более заметной, однако на имеющемся фактическом материале это не удается проследить.

---

[103] A. Mayer. Указ. соч., стр. 174, 241, 243, 280, 353, 419.

[104] Dr. Roller. Agrarno-proizvodni odnosi na području Dubrovačke republike od XIII do XV stoljeća. Zagreb, 1955, s. XIII, 170.

[105] T. Smičiklas. Codex diplomaticus regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae, v. XI. Zagreb, 1913, p. 232—234.

[106] Ср. К. Јиречек. Указ. соч., т. II, стр. 80—81. Иречек утверждал при этом, что до 1345 г. крестьяне Млета вносили монастырю пятую часть урожая и обрабатывали виноградники (там же, стр. 80). К сожалеиию, остается неясным, на чем основывался в данном случае Иречек, так как в опубликованном Смичикласом тексте договора 1345 г. ничего не сказано об этой доле урожая и о возделывании виноградника, а лишь перечислены в общей форме повинности и подати, взамен которых был установлен указанный чинш (ср. Dr. Roller. Указ. соч., стр. 169—170).

inslav

Правда, сопоставление данных, рассмотренных выше, с данными памятников последующего периода (1349—1355), по-видимому, дает основания предполагать, что, быть может, в конце 40-х годов XIV в. в некоторых феодальных имениях имел место рост ренты (в частности, барщины). Как известно из грамот Архангельского монастыря (в юго-западной Сербии, близ г. Призрен) [107], церкви св. Николая на р. Пчине (в северной Македонии, юго-восточнее г. Скопле, 1353 г.), Хиландарского монастыря (1355) и церкви св. Петра Коришского (у Призрена, 1355), в этих церковных и монастырских имениях господствовала чрезвычайно высокая барщина (2 дня в неделю с каждого крестьянского двора), помимо которой крестьяне должны были выполнять в пользу феодального землевладельца также некоторые другие отработочные повинности или вносить натуральные подати [108]. В это же время (в 1349 г.) был издан Законник Стефана Душана, статья 68-я которого устанавливала для меропхов в имениях прониаров (светских феодалов — ленников) такую же норму отработочной ренты — 2 дня барщины в неделю. Однако исследование этих данных о феодальной ренте в 50-х гг. XIV в. в Сербском царстве Стефана Душана, сравнение их с фактическим материалом предыдущего периода, должно представить предмет особого изучения.

---

[107] Грамота эта, к сожалению, не содержит данных, позволяющих дать точную ее датировку. С. Новакович датировал ее 1348—1353 гг. (Зак. сп., стр. 682), А. В. Соловьев относил эту грамоту к апрелю или маю 1348 г. (Одабр. сп., стр. 135). По нашему мнению, поскольку полный текст грамоты не сохранился, возможна лишь менее определенная датировка: 1346—1354 гг. (после провозглашения Сербского царства и до выборов нового патриарха Саввы — вместо Иоанникия, который упоминается в данной грамоте) или 1346—1353 гг.

[108] Зак. сп., стр. 431, 696, 704; ГСНД, кн. II, св. 1—2, 1927, стр. 29.

inslav

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
Том XXIV, 1962 г.

Е. А. Ефремов

ЗЕМЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И СЕЛЬСКАЯ ОБЩИНА В ДАЛМАТИНСКОЙ ХОРВАТИИ В X—XI вв.

Задачей настоящей статьи является исследование общины Далматинской Хорватии в X—XI вв., общинного землевладения и общинного землепользования. Эти вопросы очень важны при изучении общественного строя различных народов раннего средневековья. В советской исторической науке еще не создано специальных исследований, посвященных анализу общинных отношений хорватов в отмеченный период. В то же время вопрос о сельской общине в раннесредневековой Хорватии сравнительно недавно привлек к себе внимание хорватских историков.

Необходимо отметить, что изучение этих сложных вопросов в период становления феодализма связано со значительными трудностями как вследствие сложности и противоречивости процессов общественного развития хорватов, так и вследствие характера имеющихся источников. Все это в значительной степени ограничивает постановку вопросов, связанных с общиной, и возможности разрешения их.

Основным источником для восстановления картины поземельных отношений в хорватской деревне приморских районов X—XI вв. служат дарственные грамоты и акты купли-продажи земельных владений [1]. Данные источников представляют собой, главным образом, картулярный материал четырех монастырей, расположенных на далматинском побережье в Задаре, Сплите, Белграде *, а также в Полице. Грамоты преимущественно относятся ко второй половине XI в., но они дают материал для выяснения основных тенденций в развитии аграрных отношений в деревне Далматинской Хорватии рассматриваемого времени. Вместе с тем грамоты позволяют составить представление не только об аграрных отношениях в деревне, но и проследить эволюцию общинного землевладения и землепользования. Необходимо оговориться, что дарственные грамоты и акты отчуждения преимущественно свидетельствуют о переходе земель представителей различных социальных слоев в распоряжение духовенства. Эти сообщения грамот о светском землевладении и являются основным источником для исследования социально-экономических отношений хорватского общества рассматриваемого времени. Данные грамот, содержащиеся в картуляриях монастырей, проливают свет на структуру общины, позволяют проследить развитие имущественной диф-

[1] «Documenta historiae chroatica periodum antiquam illustrantia Fr. Rački», («Monumenta spectantia historiam slavorum meridionalium», vol. VII), Zagrabiae, 1877 (далее — D).

* Здесь и далее имеется в виду Белград, расположенный на Адриатическом побережье.

inslav

ференциации в среде общинников, потерю земель одними и концентрацию земель в руках других. Источники дают интересный иллюстративный материал, показывающий разорение свободного крестьянства и рост личной зависимости разоряющихся крестьян.

Меньше сведений имеется о сельской общине, но данные более позднего времени и скупые сообщения источников X—XI вв. все же дают возможность восстановить основные черты общинного землевладения и землепользования. Важное место в выяснении поземельных отношений в общине занимают упоминавшиеся в актах дарения и отчуждения недвижимого имущества формулы принадлежности (pertinentiis и др.), в которых вместе с отчуждаемыми пахотными землями перечисляются угодья: луга, леса, воды и т. п. Эти формулы могут оказать большую услугу при выяснении структуры хорватской общины, так как под ними скрывается право отдельных хозяйств на пользование общинными угодьями.

В источниках сохранились свидетельства о родовых пережитках, о наличии больших семей и известных ограничениях при распоряжении недвижимостью индивидом. На основании этих данных можно проследить борьбу общинных тенденций и индивидуалистических, проявление дуализма, присущего сельской земледельческой общине, что было отмечено в свое время К. Марксом [2].

Хорватские буржуазные историки немало внимания уделяли изучению поземельных отношений в Хорватии рассматриваемого времени, но общиной они почти не занимались, ибо, по их мнению, сельской общины у хорватов в X—XI вв. не было. Так, крупный хорватский историк второй половины XIX в. Фр. Рачки в своей концепции общественного развития хорватов не уделял должного внимания сельской общине. В древние времена, по мнению Рачки, когда славяне занимались скотоводством, земля принадлежала общине, но со времени прихода хорватских племен на территорию бывшей римской Далмации эта община разложилась: земли были поделены между родами, которые передали эти земли в пользование больших семей-задруг [3]. Свободное сельское население (villani) располагало землями, которыми распоряжалось по своему усмотрению. В документах, по его мнению, нет подтверждения тому, что сельская община или жупа имели бы общие земли; но он допускает возможность существования общего пастбища или даже леса.

Рачки утверждает далее, что славяне, в отличие от римлян и германцев, не имели права свободного распоряжения недвижимостью, и в документах якобы нет данных, свидетельствующих об индивидуальном отчуждении недвижимости, за исключением нескольких случаев [4]. Землями распоряжались совладельцы: родители и дети, братья и сестры, родственники в различных степенях родственных связей [5]. Владельцами земель в свободной хорватской деревне были не индивиды, а большие семьи-задруги. Весь строй общественной жизни хорватов вытекает из задружного и племенного устройства, которые пронизывают все общественные отношения хорватского народа; задруга является матерью общества, она определила все общественные отношения и институты [6].

Земля, по мнению Рачки, была общим владением задруги, и распоряжение ею производилось с согласия всех ее членов. В задруге господствовали демократические начала: жена, сестра, дочь имели равные права

---

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXVII, стр. 679—697.
[3] Fr. Rački. Nutarno stanije Hrvatske prije XII stoljeca.— Rad, 57, 70, 99, 105; Rad, 105, s. 217.
[4] Rad, 105, s. 212.
[5] Там же.
[6] Там же, стр. 213; Rad, 70, s. 190.

inslav

при решении вопросов, связанных с недвижимым имуществом. Право главы семьи было ограничено правом остальных членов семьи. В Хорватии не было завещаний, так как задружный быт исключал таковые. Родовую землю нельзя было отчуждать за пределы своего рода и племени [7]: при отчуждении земли право приобретения в первую очередь имели члены рода или соседи [8].

Однако Рачки должен был признать, что существовали и «малые» семьи. Причину появления малых семей он видел в распаде задруг и считал, что индивидуальное распоряжение землями расширялось в ущерб задружным принципам вследствие влияния далматинских городов, где господствовало римское право [9].

Таким образом, Рачки считал господствующей хозяйственной ячейкой задругу, которая существовала сама по себе, но не в рамках территориальной общины. Он слишком широко распространял «задружные» начала и не считался с фактом развития частнособственнических отношений, не замечал факта широкой купли-продажи земель без всякого обращения отчуждающих за разрешением к своим родственникам или сородичам. Рачки составил свою схему общественного развития хорватов, в основе которой лежит утверждение о господстве родо-племенного строя, «задружных» начал. Ради этой схемы он отрицал факт развития феодальных отношений в Хорватии рассматриваемого времени, идеализировал родоплеменной строй, выводил из задруги все общественные институты. Концепцию Рачки о господстве родо-племенного и задружного быта разделяли многие хорватские историки, в числе которых следует отметить Т. Смичикласа [10], В. Клаича [11].

Однако в XX в. хорватские буржуазные историки в своем стремлении доказать извечность частной собственности уже не довольствовались позициями буржуазной историографии XIX в. и подвергали ревизии взгляды своих предшественников. Одним из первых с критикой концепции Рачки выступил И. Строгал, который сделал попытку пересмотреть историческое прошлое хорватов с совершенно иных позиций. Он ухватился за слабые места теории Рачки и отрицал не только необоснованные положения последнего, но и вообще принципы общинного устройства древних хорватов. По его мнению, не было задружных объединений вообще, хорватам были присущи частнособственнические отношения, не было никаких ограничений в распоряжении недвижимостью, и глава семьи являлся господином над членами семейства [12]. Всюду господствовала частная собственность, и чем глубже в древность, тем якобы больше свидетельств о господстве частнособственнических отношений и нет никаких свидетельств об общности имущества [13]. По его мнению, большинство актов отчуждения свидетельствует об индивидуальном распоряжении недвижимостью и имеется всего несколько свидетельств о коллективном распоряжении землей [14]. Имуществом в семье распоряжался глава семьи, и не может быть и речи о «демократии»: отец или старший брат продавали членов семейства, детей, жен в серваж [15]. Если же при отчуждении недвижимого имущества было ограничение, которое заключалось в том, что соседи или родственники могли купить отчуждавшиеся земли в первую

---

[7] Рачки считал, что до XII в. в Хорватии господствовал родо-племенной строй.
[8] Rad, 105, s. 222—225.
[9] Там же, стр. 219.
[10] T. Smičiklas. Povijest Hrvata. Dio I, kn. I—VI. Zagreb, 1882, s. 133.
[11] V. Klaić. Povijest Hrvata. Dio I. Zagreb, 1899, s. 130.
[12] J. Strohal. Pravna povijest dalmatinskin gradova. Zagreb, 1913, s. 182.
[13] Там же, стр. 199.
[14] Там же, стр. 158, 181.
[15] Там же, стр. 161.

inslav

очередь, то это объясняется, по мнению Строгала, рецепцией римского права, и истоки этого обычая коренятся в кодексе Юстиниана[16].

Следовательно, Строгал занял противоположную Рачки позицию в трактовке вопросов землевладения и землепользования в хорватской деревне. Он отрицал не только общину, но и существование большой семьи, коллективные начала вообще.

Однако точка зрения И. Строгала не нашла широкой поддержки, и большинство историков отвергли его концепцию. Чешский историк К. Кадлец выступил в своей работе о древнем праве славян против сторонников теории господства частнособственнических отношений у славян в древние времена. На материале источников он доказывал, что славянам в древние времена были присущи черты коллективизма, но не индивидуализма[17]. Земли и распоряжение ими находились в руках коллектива. В суровых условиях того времени лишь коллективными усилиями возможно было противостоять природе[18]. С течением времени земли были поделены между родами, а затем они перешли к отдельным семьям. Но семьи не были собственниками выделенных им земель, они лишь пользовались ими[19]. Позже эти участки перешли в собственность членов общины, кровные связи ослабли и территориальные объединения стали господствующими. Но остатки родовых отношений сохраняются длительное время. и чем меньше испытывалось чужеземное влияние, тем больше сохранялось черт патриархального быта. Длительное время у славян, в том числе и у хорватов, сохраняется большая семья и ограничение в распоряжении недвижимостью индивидами.

Таким образом, Кадлец выступил против новых веяний и стремлений реакционной буржуазной историографии в освещении прошлого славянских народов, он отстаивал позиции буржуазной историографии XIX в., которая была менее тенденциозна в освещении вопросов социально-экономического развития. Однако и Кадлецу присущи общие методологические пороки буржуазной историографии: он рассматривал право оторванно от развития производительных сил и производственных отношений.

Реакционные идеи буржуазной историографии оказали тем не менее свое влияние на хорватских буржуазных историков. Известный хорватский историк Ф. Шишич в трактовке вопросов социально-экономических отношений в Хорватии в ранний период средневековья (до XII в.) по ряду важных вопросов отошел от взглядов Рачки и занял противоположные позиции. Так, он придерживался мнения, что в Хорватии до XII в. не было зависимых крестьян, но были свободные арендаторы и рабы в римском смысле слова[20]. Эту точку зрения в последнее время защищает В. Новак[21].

Из числа русских историков, занимавшихся изучением общественных отношений хорватов до XII в., следует отметить И. Н. Смирнова, который посвятил несколько работ раннему периоду средневековой Хорватии[22].

---

[16] J. Strohal. Otkupno pravo u starih Hrvata. Rad, 189, s. 29.

[17] Мы не ставим целью рассмотреть всю совокупность взглядов К. Кадлеца и лишь констатируем признание им общинных начал, лежащих в основе общественного развития славян.

[18] К. Кадлец. Первобытно-словенско право пре X века. Превео и допунио Ф. Тарановски. Београд, 1924, стр. 66.

[19] Там же, стр. 71.

[20] Šišić. Povijest Hrvata u vrijeme narodnih vladara. Zagreb, 1925, s. 651.

[21] V. Novak, P. Skok. Supetarski kartular. Zagreb, 1952, s. 78 (далее — S. K.).

[22] И. Н. Смирнов. Очерк истории хорватского государства до подчинения его угорской короне. Казань, 1880; его же. Землевладение в Хорватии и Далмации, в X—XI вв.— Журнал министерства народного просвещения (далее — ЖМНП), ч. CCXXXV, СПб., 1884; его же. Очерк культурной истории южных славян. Казань, 1900.

inslav

Взгляды Смирнова не были последовательными: он признавал территориальные общинные связи [23] и разделял мнение хорватских буржуазных историков о господстве родо-племенного строя [24]. На него оказали влияние реакционные идеи буржуазной историографии, что нашло проявление в отрицании самостоятельного развития хорватского государства. Он также переоценивал значение задружного быта и его влияние на общественную жизнь хорватов.

Современные хорватские историки пересматривают точку зрения буржуазной историографии [25]. Они отказались от теории господства родо-племенных отношений в рассматриваемое время, и некоторые из них, как нам представляется, не преувеличивают роли «задружного быта».

В 1952 г. вышла интересная работа О. Мандича, посвященная анализу так называемых братств (genus, generatio, tribus) в раннесредневековой Хорватии [26]. Автор считает, что в раннее время под этим термином в хорватских источниках выступали родственные объединения, которые с момента расселения в Далмации проживали территориальными общинами, а в рамках последних население объединялось в большие семьи-задруги. Однако в XI в., по его мнению, не было безусловного преобладания в сельских общинах задружных хозяйств; наряду с сохранявшимися коллективами родственников были распространены малые семьи, что находит подтверждение в факте распоряжения пахотной землей отдельными вилланами по своему усмотрению [27]. В сельской территориальной общине часть земель (приусадебный участок и пахотные земли) находились в распоряжении семей, в распоряжении всех общинников оставались пастбища, леса, воды, дороги и т. п. [28] В распоряжении недвижимым имуществом в задружных хозяйствах были определенные ограничения.

Под терминами genus, generatio, tribus О. Мандич видит традиционное обозначение родственников более широкого круга, чем задруга. Но это не роды и не племена, как это утверждали хорватские и не хорватские буржуазные историки, а сельские территориальные общины, сохранявшие на протяжении средних веков старые названия «братства». Родственные отношения в этих братствах не являлись решающими, эти братства представляли собой объединения населения одного или нескольких поселений в рамках общины-марки [29]. О. Мандич отмечает, что в Хорватии были общины «братства», связанные хозяйственными интересами, но были и другие «братства», члены которых порой выступали сообща в борьбе за свои интересы, но не были связаны между собой производственными отношениями и не поддерживали хозяйственных связей [30]. Порой члены «братств» имели общие владения, но распоряжались принадлежавшими им участками по своему усмотрению [31]. Члены общин или «братства» являлись не кем иным, как вилланами, свободными членами сельских общин, но не племичами. Во главе же сельских общин-братств стояли группы феодалов, которые возвышались как в эко-

---

[23] И. Н. Смирнов. Землевладение в Хорватии и Далмации.— ЖМНП, ч. CCXXXV, стр. 312.

[24] Его же. Очерк истории хорватского государства..., стр. 94.

[25] См. D. Janković. Historija država i prava naroda FNRJ. Beograd, 1954 (Sizd.); а также M. Kostrenčić. Nacrt historije hrvatske države i hrvatskog prava. Zagreb, 1956.

[26] O. Mandić. Bratstvo u ranosrednjovjekovnoj Hrvatskoj.— «Historijski zbornik», (далее — HZ), V., 1952.

[27] Там же, стр. 257, 261, 291.

[28] Там же.

[29] Там же, стр. 271.

[30] Там же, стр. 270.

[31] Там же, стр. 279

inslav

номическом, так и в политическом отношениях над свободными поселянами, способствуя единству этих общин-братств [32].

О. Мандич при анализе структуры родственных связей, степеней родства и общинных отношений опирается на широкий круг источников, выходящих за рамки X—XI вв. Его утверждение о совпадении терминов genus, generatio, tribus с сельской общиной требует проверки на материале источников не только X—XI вв., но и более позднего времени, что выходит за рамки настоящей статьи. Но весьма ценной является, по нашему мнению, попытка восстановить картину общинного быта, общинного землевладения на конкретном материале источников раннего средневековья.

Хорватской общине в средние века посвятил специальную работу покойный ныне М. Барада [33]. Он также считает, что со времени переселения хорваты жили сельскими территориальными общинами, в которых пахотные участки земель подлежали периодическому переделу между отдельными хозяйствами, а хозяйства велись группами родственников (большие семьи) [34]. Затем общинники отказались от переделов, пахотная земля (племенщина) закрепляется за большими семьями, которые в рамках сельской общины были основными хозяйственными единицами. Сельская община и большая семья (родственно-домашняя община) были общественной основой хозяйственной жизни, главным источником всех хозяйственных отношений и источником обычного права [35]. Процесс распада общинных владений протекал до позднего времени, но и к XVI в. он не завершился, в общем распоряжении сельских общин оставались пастбища, леса, воды, дороги и т. п. [36]

Село представляло собой сельскую общину, в которой Барада с хозяйственной точки зрения выделяет три составные части: общинные земли, находившиеся в распоряжении и пользовании всех членов общины, затем дом с приусадебным участком и садом и, наконец, так называемая племенщина, к которой относились пашня и луга для сенокошения [37].

М. Барада отличает домашнюю общину от семейной общины и несколько особо выделяет задругу. Домашняя община, по его мнению, состояла из родителей и детей, семейная же община состояла из нескольких семей родственников [38] (например, братья с семьями). Все эти общины он именует родственно-дворовой общиной (rodbinsko-dvorna zajednica), но считает, что кровнородственная связь в них не играла определяющей роли. Каждая такая семейная или домашняя община была производственно-потребительской единицей. Правами в сельской общине пользовался тот, кто имел племенщину или был совладельцем таковой. Из такой большой общины ее члены могли выделиться и получить определенную долю племенщины. В больших семьях не было индивидуального распоряжения имуществом. В домашней общине отец семейства мог выделить сына или сын мог в определенных случаях потребовать себе долю племенщины (в случаях неправильного ведения хозяйства отцом, при нарушении норм морали со стороны отца и т. п.) [39]. Дочерям или сестрам в качестве приданого выделяли лишь долю из движимого имущества [40]. Сын мог основать домашнюю общину сам, но дочери или

[32] Там же, стр. 290—291, 277.
[33] M. Barada. Starohrvatska seoska zajednica. Zagreb, 1957.
[34] Там же, стр. 32.
[35] Там же, стр. 37, 87.
[36] Там же, стр. 67, 70, 73, 76.
[37] Там же, стр. 11, 20, 29, 126.
[38] Там же, стр. 19, 80.
[39] Там же, стр. 88—89.
[40] Там же, стр. 83.

inslav

сестры не могли этого сделать, в этом коренное отличие прав мужчин от прав женщин [41].

Барада различает три группы хозяйственных, социально-политических и родственных объединений, а именно, родственно-подворную общину, сельскую общину и племя. Родственные связи, по его мнению, ни в одной из групп не играли решающей роли. Члены хорватских племен не имели хозяйственных и поземельных связей, но такие связи отмечаются Барадой в рамках сельской общины, которой племя давно передало все хозяйственные функции [42]. Однако Барада признает племя до XII в. общественным учреждением, в подчинении которого были сельские общины [43]. Таким образом, Барада не разделяет мнения О. Мандича по вопросу племен, братств и совпадения последних с сельской общиной или общиной-маркой. Нам представляется, что мнение Барады о хорватских племенах до XII в. не соответствует действительности. В хорватской исторической литературе точка зрения о сохранении племен до XII в. и в более позднее время подвергнута критике [44].

Существенным недостатком работы Барады является то, что он восстанавливает общину, отношения в ней, структуру родственных коллективов в рамках сельской общины в основном по статуту Полицы и другим памятникам XV в. Ретроспективный метод существенно помогает при исследованиях, но нельзя безоговорочно переносить общественные учреждения XV в. в том виде, в каком они выступают по источникам, на ранний период. Ведь территориальная община и порядки в ней, как и отношения в семейных и домовых общинах, изменялись с течением времени, а вместе с тем изменялось и право, регулирующее эти отношения. Трудно, с другой стороны, согласиться с мнением Барады, что родственные отношения везде и всюду у хорватов играли второстепенную роль. Родственные связи несомненно были определяющими при наследовании, например, имущества выделенных хозяйств в случае отсутствия прямых наследников. Вообще Барада склонен несколько преувеличивать роль задружных (семейно-общинных) начал в жизни хорватского общества. Тем не менее работа М. Барады, несомненно, имеет важное значение для изучения исторического прошлого хорватов, хотя до него в этом направлении многое сделал академик Б. Д. Греков [45].

Следует также отметить, что хорватские исследователи при выяснении общественных институтов, общинных отношений, системы родственных отношений в общинах, наследования недвижимости избегают сравнения с подобными институтами и отношениями у других народов, что, по нашему мнению, затрудняет выяснение как природы, так и характера этих институтов раннего средневековья.

Авторы глав по истории Хорватии в сводном труде «История народов Югославии» уделили должное внимание сельской общине и придерживаются концепции, что земля в ранний период средневековья была коллективным владением общины [46]. По их мнению, родовая община сменилась сельской общиной, племенная организация была заменена территориальной, но еще длительное время обнаруживаются остатки родоплеменных отношений. Население было объединено в сельские общины, между членами которых сохранились еще родственные связи. Пахотная

[41] M. Barada. Указ. соч., стр. 90—93.
[42] Там же, стр. 51—52.
[43] Там же.
[44] См. O. Mandić. Указ. соч.; N. Klaić. Plemstvo dvanaestero plemena kraljevine Hrvatske.— HZ, IX, 1956.
[45] См. ниже.
[46] «Historija naroda Jugoslavije», t. 1, Zagreb, 1953, s. 71.

inslav

земля находилась в руках больших патриархальных семей[47]. По мере разложения родовых институтов появлялось все больше индивидуальных хозяйств[48], росло различие между богатыми и бедными[49]. Владения членов сельской общины не были в их полной власти и относились к общине как часть к целому. Родные дарившего землю могли опротестовать акт дарения, противились отчуждению владения в чужие руки; отдельные лица не имели права отчуждать недвижимость из «племени»[50].

Таким образом, авторы «Истории народов Югославии» отходят от позиций буржуазной историографии по вопросу о господстве родо-племенных отношений до XII в. Они придерживаются мнения, что большая семья разлагалась и не была безраздельно господствующей хозяйственной ячейкой в хорватской деревне. В результате разложения родовых отношений и развития частной собственности на землю создавались условия для развития крупного феодального землевладения. Они признают, что большая семья существовала в рамках территориальной общины, разложение общинного землевладения вело к развитию феодализма.

В советской исторической науке нет специальных исследований, посвященных анализу поземельных отношений в хорватской деревне X—XI вв. и выяснению структуры хорватской общины. Известное значение для нашей темы имеют работы Б. Д. Грекова, в которых исследуются социально-экономические отношения хорватов конца XIII и XV—XVII вв. по статутам Винодола[51] и особенно Полицы[52–53]. В этих работах дается анализ поземельных отношений в сельской общине более позднего времени, но результаты исследования имеют прямое отношение к рассматриваемому нами периоду и помогают восстановлению структуры хорватской общины X—XI вв. Если доказано наличие общины у хорватов в XIII—XVIII вв., то вполне естественно наличие таковой в предшествующее время. Б. Д. Греков уделил внимание пережиткам родовых отношений, отметил наличие большой семьи и определенные ограничения в распоряжении недвижимостью. Эти заключения находят подтверждение в источниках X—XI вв. и позволяют лучше уяснить природу общественных институтов хорватского общества рассматриваемого времени.

* * *

Основная масса лично свободного хорватского населения проживала в поселениях, именуемых в источниках vici. Так, в сводной описи земель монастыря св. Иоанна, расположенного в Белграде, числится земля, приобретенная аббатом у некоего Зовинны и его братьев. Свидетелями сделки, наряду с отдельными субъектами, упоминаются почти все вилланы поселения (vicus) Гаунихи[54]. В той же описи числится земля, приобретенная у Свинидраго Требенигнанина. И в данном случае свидетелями сделки выступают как отдельные конкретные лица, так и вилланы, жившие в Яггоднани и Лесани[55]. Приведенные примеры не оставляют

[47] Там же, стр. 100.
[48] Там же, стр. 206.
[49] Там же, стр. 135, 198.
[50] Там же, стр. 214.
[51] Б. Д. Греков. Винодол. М.—Л., 1948.
[52–53] Б. Д. Греков. Полица, М., 1951.
[54] D., № 133 (53) «...et fere omnibus villanis de Jaunuchi vico...»
[55] D., № 133 (50) «...et fere omnibus villanis, qui sunt in Jaggodnani et aliis, qui sunt in Lesani».

inslav

сомнения в том, что перед нами выступают типичные поселения сельской местности (vici). Данное заключение подтверждают и другие сообщения источников: дарение владения Прибиной Гушичем тому же монастырю свидетельствуют король, окружающие его лица и вилланы трех деревень (vicus) [56]. И в других случаях в качестве свидетелей актов отчуждения нередко выступают жители конкретных поселений (vicus — ves).

Хорватское поселение в грамотах именуется не только vicus, но также встречается обозначение поселения термином villa. Под этим термином выступают хорватские поселения с лично свободным населением, а также и владения крупных собственников земель, обрабатываемых несвободным населением [57].

Хорватские поселения представляли собой определенное единство жителей, связанных между собой территориальными и хозяйственными интересами. Общность интересов вилланов находит, в частности, свое выражение в совместном выступлении жителей поселения Тугари в споре с основателем монастыря св. Петра в Полице около 1090 г. [58] Сложный характер торговых сделок, тенденциозное изложение спора одной из заинтересованных сторон оставляют при ознакомлении с грамотой ряд неясностей, но сущность дела тем не менее выявляется со всей очевидностью. Основатель монастыря Петр Чрни развернул активную деятельность по концентрации земель: он скупал, обменивал на продукты питания земли у местных жителей. Против различных сделок с представителями местного населения выступил Мирослав со своим сыном. Они не только опротестовали сделки Петра с отдельными жителями поселения, но даже захватили значительную территорию у скупавшего земли Чрни. Однако по решению суда земли, захваченные Мирославом, были возвращены основателю монастыря. В ходе судебного процесса Мирослав согласился уступить Чрни дополнительно земли, расположенные по соседству с оспариваемыми, за что получил от Чрни 80 модиев ячменя и один солид. Когда приступили к созданию населенного пункта на вновь приобретенных у Мирослава и других лиц землях, выступили против Чрни и монахов некие Вилкики, а также Продан, дворник, со всеми поселянами и заявили, что данная земля принадлежит им [59]. «Тугаране» есть не кто другие, как жители села, выступившие совместно в споре за землю. Мирослав, по-видимому, продал Петру Чрни земли, не являвшиеся его собственностью (или его полной собственностью), вследствие чего вилланы поднялись на защиту земель.

Грамота не дает ответа на вопрос, кому принадлежали спорные земли, нет определенного ответа и на вопрос, кто выступил претендентом на эти земли: то ли Вилкики, которых поддержала основная масса населения Тугари, то ли Вилкики и Продан совместно со всеми тугаранами. Тугаране выступают совместно как против Чрни, так и перед судом в присутствии короля. Их выступление свидетельствует о большой заин-

---

[56] D., № 133 (10) «...et fere omnibus villanis de his tribus vicus».

[57] Рачки считал, что термином villa в Хорватии рассматриваемого времени обозначались поселения, в которых проживало свободное население. Он полагал, что villa и vicus обозначали село, ves (Rad, 70, s. 179). Мажуранич также не разграничивает терминов vas, ves, vies, vis, villicus, villa и полагает, что они могли обозначать как поместье, так и свободное поселение («Prinosi za hrvatski pravno-povjestni rjecnik», Zagreb, 1908—1922); Дюканж считает, что под термином villa в средние века выступает сельское поселение. М. Барада видит под термином villa типичное хорватское село (см. указ. соч., стр. 38).

[58] Картулярий монастыря св. Петра приводится нами по последнему изданию (см. «Supetarski kartular», s. 213).

[59] «Supetarski kartular», s. 215: «Non licet tibi construere uicum in Monticellum, quia nostrum est!»

inslav

тересованности в том, чтобы не допускать возникновения каких-либо посторонних хозяйств на землях их поселения. Если даже Мирослав продал принадлежавшие ему земли, то Вилкики или другие представители тугаран могли претендовать на отчуждаемые земли по праву приобретения земель в первую очередь. Но на это в грамоте нет никаких намеков. Тугаране выступили как коллектив поселян и заявили, что они не позволят создавать каких-либо монастырских хозяйств на их землях. Все это дает основание к заключению об определенных хозяйственных отношениях поселян-общинников, об их совместной заинтересованности в споре о земле. Вполне возможно, что объект спора был составной частью общинных владений, находившихся в совместном пользовании общинников[60]. Однако отстоять земли тугаране не смогли. Они обращались даже в королевский суд, но решение последнего также было не в пользу тугаран и закрепило земли за Чрни[61].

Определенные указания на общинные земли имеются и в акте дарения земель королем Звонимиром сплитской архиепископии, датированном 1078 г. и признанном исследователями поддельным документом[62]. Этот фальсификат был составлен в первой половине XIV в. и представляет собой грамоту, которой король Звонимир якобы даровал сплитской церкви право на горные пастбища под Мосором и Дубравой и в королевском округе Босилине.

Духовенство сплитской церкви стремилось присвоить эти пастбища и пошло на подделку дарственной грамоты. Образцом для составления фальсификата являлись дарственные грамоты если не самого Звонимира, то ближайших его предшественников. Но в этом подложном документе отражен определенный исторический фон, которым не может пренебрегать историк, изучающий социально-экономические отношения.

Содержание грамоты заключается в следующем. Архиепископ и знать Сплита обратились с просьбой к королю разрешить спорный вопрос о пастбищах, которые, по тенденциозному утверждению составителей фальсификата, с давних времен были им пожалованы. Но пользоваться упомянутыми пастбищами духовенству и поселениям, принадлежавшим сплитской церкви, мешали «люди и вилланы» соседних деревень, не являвшихся объектом феодальной принадлежности сплитской церкви. В грамоте приводится более полутора десятка вилл и поселений, население или феодальные владельцы которых препятствовали сплитской церкви пользоваться пастбищами. Далее следует заключение Звонимира, согласно которому сплитской церкви разрешалось пользоваться пастбищами и водопоями[63], закреплялись дарения предшественников Звонимира и даровались новые привилегии.

Важным для нас в данном случае является свидетельство о совместном использовании пастбищ вилланами различных поселений. Как

---

[60] См. «Supetarski kartular», s. 214; О. Мандич, не касаясь вопроса о принадлежности спорных земель, видит под «тугаранами» поселян-общинников (указ. соч., стр. 271).

[61] В социальном отношении Мирослав, так же как и Чрни являлись по меньшей мере крупными феодальными землевладельцами, с которыми рядовым общинникам спорить было трудно.

[62] D., № 98. См. Fr. Rački. Podmetnute, sumnjive i preradjene listine do XII vieka. Rad, 45, s. 136; F. Šišić. Priručnik izvora hrvatske historije. Zagreb, 1914, s. 185.

[63] D., № 98 «...quod propter copiam difusam animalium et hominum ac villarum eiusdem archiepiscopi et ecclesie sue pascusas sufficientes habere nequibant libere in meo regali districtu, eo quod homines ac villani vicini villarum ecclesie memorate molestabant et perturbabant ciues predictos et homines ac villanos ipsius archiepiscopi pascuis pro predictis contra priulegia donationum ac confirmationum progenitorum meorum...».

inslav

вытекает из грамоты, пастбища являются общинным достоянием, как и вода, дороги, и общинники дружно выступают в защиту своих прав, когда им угрожает какое-либо посягательство. Villani, vicini villarum есть те жители территориальных «соседских» общин, которые совместно владеют и пользуются общинными угодьями.

И в более позднее время хорватского средневековья за сельской общиной сохранялись права на общинные земли, как-то: леса, пастбища, дороги, воды и т. п.[64] Каждое село имело округу, территорию, оно было в известном смысле определенной территориально-хозяйственной единицей. Но некоторые угодья, в частности пастбища, порой использовались для выпаса стада нескольких сел, сельских общин[65], объединяемых, по-видимому, общиной-маркой[66].

Общинный быт как исходный момент развития общественной жизни в переходный период от родо-племенных отношений к феодальным, безусловно, имел место и у хорватов. Общинное землевладение к X в. претерпело эволюцию в своем развитии: к этому времени появилась частная собственность на пахотную землю, земля превратилась в товар, в предмет отчуждения. В грамотах X—XI вв. содержится немало сведений об отчуждении земель. В рассматриваемое время отчуждались целые владения, состоявшие из пахотных земель, различных угодий, а также мизерные участки, клочки земель. Общее представление о характере отчуждаемых владений дают сводные описи монастырских земель. Отчуждаемые земли, владения в грамотах чаще именуются «terra»[67] или «alodium»[68], нередко они выступают под наименованием «territorium»[69], «locus»[70], «ager»[71], «possessio»[72] и «curtis»[73]. Виллан Дедаха продал монастырю св. Иоанна «землю» при свидетелях за 3 солида (romanatis); указания о размерах площади отсутствуют[74]. В той же сводной описи монастырских земель упоминается о продаже двумя вилланами своих аллодов, которые были расположены в поселении Яссене. Стоимость аллодов определяется также в 3 солида[75]. В отмеченных грамотах содержится много сведений о купле-продаже земли, дарении владений, земель, участков различной стоимости. Однако особое внимание обращает на себя «Супетарский» картулярий, в котором говорится о приобретении для монастыря земельных участков, владений различных размеров. Петр Чрни, основавший монастырь во второй половине XI в., обильно наделяет его владениями, землями, которые он скупал

---

[64] См. Б. Д. Греков. Винодол, стр. 24; его же. Полица, стр. 86 и сл.; M. Barada. Указ. соч., стр. 13, 70, 73, 76.

[65] Б. Д. Греков. Полица, стр. 88; M. Barada. Указ. соч., стр. 67; O. Mandić. Указ. соч., стр. 256.

[66] Б. Д. Греков. Винодол, стр. 24; его же. Полица, стр. 85 и сл. Следует отметить, что между исследователями общественных отношений как по Винодольскому статуту, так по Полицкому существуют разногласия в трактовке общественных учреждений и терминологии. Однако этот вопрос требует особого рассмотрения и выходит за рамки нашей работы. См. Б. Д. Греков. Винодол; его же. Полица; M. Barada. Hrvatski vlasteoski feodalizam po Vinodolskom zakinu. Zagreb, 1952; его же. Starohrvatska seoska zajednica; O. Mandić. Указ. соч.; его же. Prilozi pitanju seoske općine, bratstva i vrvi.— HZ, X, 1957.

[67] Например, D., № 11, 15, 16, 43, 48, 52, 65, 105, 133, 163 и др.

[68] D., № 133 и др.

[69] D., № 5, 14, 56, 58, 104, 115, 120, 125, 133 и др.

[70] «Supetarski kartular», s. 213.

[71] D., № 24, 133 и др.

[72] D., № 133; «Supetarski kartular», s. 213.

[73] D., № 133 и др.

[74] D., № 133(20): «Eidem monasterio vendidit suam terram Dedacha villanus pro III romanatis...»

[75] D., № 133 (15): «Eidem bmonasterio alodia sua vendiderunt hi villani, scilicet: Thesinna et Dilgasai in Jassene vico pro tribus romanatis».

inslav

у вилланов, землевладельцев в Полице, в приморье близ Солина и Сплита. Им было приобретено в совокупности более 50 участков, представлявших собой поля, леса и целые села. Приобретенные владения по большей части являлись незначительными по величине. Чтобы создать представление о дробности приобретенных участков, мы приведем некоторые свидетельства из картулярия. Наиболее типичными приобретениями являлись земли, купленные за 1 солид и 2 стара[76] соли, за 1 солид и 2 галеты[77] вина, за 1 солид и 0,5 галеты вина[78]. Имеется несколько случаев приобретения земель за 2 солида и модий зерна или соли[79]. Преобладающая часть купленных земель приобретена либо за предметы потребления (зерно, испеченный хлеб, соль, вино, овчины, сандалии, полотно и т. п.), либо за наличные деньги в сочетании с предметами потребления, как это отчасти явствует из приведенных примеров. В картулярии числятся земли, купленные за 2; 2,5; 3; 3,5; 4; 10 и т. п. солидов с дополнениями в той или иной пропорции соли или вина. В то же время приобретены участки за модий ячменя и сыр, за 4 с половиной модия зерна, за 4 сыра и 4 хлеба, за свинью и 300 луковиц и т. п.[80] Наконец, особо следует отметить, что 3 участка земли были куплены за модий жита и два стара соли[81].

Из приведенных данных со всей очевидностью вытекает, что участки стоимостью в 1 модий ячменя и сыр, 3—4 модия зерна и, тем более, 3 участка земли, купленные за модий жита и 2 стара соли, являлись незначительными клочками земли. Дробность земельных участков свидетельствует о недостаточности ее у многих поселян-вилланов, а также об известной ценности земли. Каждый кусок земли используется либо под посев зерновых культур, либо под виноградник или огородные культуры. По мнению хорватских историков, население в приморской части Хорватии было расселено относительно плотно. Рачки приводит перечень двадцати сел, расположенных на сравнительно небольшой территории[82]. В исторической литературе неоднократно отмечалось, что земля (баштина) была скудной, народ с трудом и большим напряжением освоил землю и преобразил ее облик[83]. Разумеется, в Далмации были земли, обрабатываемые с давних времен, но славянскому населению их не хватало. Нужно иметь в виду, что пять шестых территории Далматинской Хорватии занимают горы и лишь шестая часть падает на равнины. Горные хребты тянутся вдоль адриатического побережья. У подножия гор лежит узкая полоса берега — приморье, ограниченное горами с одной стороны и морем с другой. Ширина этой ленты, вернее, расчлененного низкогорья в сочетании с низменными равнинами, колеблется в некоторых местах от 2—4 км до 50—60 км[84]. В прибрежной полосе, за исключением низменностей, преобладает оголенный грунт, но и в низменностях земля нередко засорена камнем. Хорватский народ в процессе освоения земель расчищал засоренные камнем пустоши. Камень, извлекаемый из почвы, укладывался в качестве стен-оград или по периметру участка, или по некоторым его сторонам. Эти каменные ограды воздвигались со времени

---

[76] Стар — единица измерения сыпучих тел, равная одной шестнадцатой модия (м-8, 72 л). См. Mažuranić. Указ. соч.

[77] Галета — единица измерения жидких тел, незначительная по своему объему (см. там же).

[78] Sup. kart., s. 216, 218, 219.

[79] Sup. kart., s. 214, 217, 218, 219.

[80] Sup. kart., s. 216, 217, 225.

[81] Sup. kart., s. 217.

[82] Rad, 105, s. 202.

[83] T. Rački. Rad, 57, s. 138.

[84] J. Degnjep. Далмацija. Ниш, 1915, стр. 5.

inslav

прихода хорватов на протяжении всего раннего средневековья. И в наше время еще сохранились остатки этих старинных оград, простирающиеся на многие километры [85].

Зарождение частной собственности на землю, как и переход пахотных земель в распоряжение отдельных хозяйств, произошло раньше X в., хотя и в XI в. становление частнособственнических отношений еще далеко не завершилось. Появление частной собственности на землю было ускорено благодаря влиянию романизированного населения на хорватов. Мы не должны забывать того факта, что славянские племена расселились в VI—VII вв. на землях бывшей римской Далмации, где господствовала с давних времен развитая система частнособственнических отношений. С момента расселения хорватов в Далмации развитие общественных отношений у них складывалось в результате синтеза разлагавшихся устоев римского рабовладельческого общества и разложения родо-племенного строя. Романское и романизированное население Далмации оказало свое воздействие на развитие хорватов. Это воздействие проявилось, в частности, в ускорении развития частнособственнических отношений. С другой стороны, этому процессу способствовал не в малой степени характер территории Далмации. Ф. Энгельс, анализируя причины разложения общинного землевладения у германцев, указывает на две существенные черты, оказавшие свое воздействие на общинный быт последних. Одна из причин выделения крестьянам полей в наследственное пользование, а со временем и превращения их в частную собственность, заключалась в характере местности. «...это бывало лишь там,— отмечал Энгельс,— где к этому, так сказать, вынуждал характер местности: в тесных долинах, как в округе Берг, или на узких плоских возвышенностях между болотами, как в Вестфалии». В таких условиях село «состояло из разбросанных одиночных дворов; вокруг каждого из них расположены были принадлежащие ему поля. Передел здесь осуществить было нелегко, и, таким образом, в распоряжении марки оставалась только окружающая невозделанная земля» [86]. Вторая причина раздела полей в наследственное пользование заключается в том, что «завоевания привели германцев на римскую территорию, где много столетий земля была частной собственностью (и притом римской, неограниченной)...» [87]. Оба эти условия характерны в той или иной мере и для Хорватии. Эти обстоятельства содействовали появлению наследственного пользования землей у хорватов, а затем появлению частной собственности на землю — аллодиальной собственности. Уровень развития производительных сил раннего периода средневековья не только позволял, но и обусловливал дальнейшее разложение родо-племенного быта и развитие новых общественных отношений [88].

Пахотные земли в рассматриваемое время составляют собственность вилланов как мелких землевладельцев или собственность коллектива родственников (больших семей), проживающих в рамках общины-марки. Сельская община как коллективный владелец и распорядитель общинных владений уступала свои права отдельным хозяйствам, которые

---

[85] Камень использовался не только для оград, хорваты строили из него жилища. Из необработанного материала без применения связывающего вещества возводились сводчатые постройки высотой около 2 м, шириной 1,8—2 м и длиной 3 м. Такие жилища, по мнению Ивековича, были светлыми, сухими и чистыми. Их могли построить один-двое крестьян. Но встречаются подобные здания, в которых помещалось до 30 человек. M. Jveković. Bunje, čemeri, poljarice. Zbornik kralja Tomislava u spomen tisučugodišnjice hrvatskoga kraljevstva. Zagreb, 1925, s. 413, 414.

[86] Ф. Энгельс. Марка.— См. «Крестьянская война в Германии». М., 1952, приложения, стр. 117.

[87] Там же.

[88] «Historija naroda Jugoslavije», t. I, s. 71, 100—101. 181, 198—199.

inslav

в значительной степени потеснили общинное землевладение. В руках сельских общин остаются лишь пастбища, воды, леса и другие угодья, а пахотные земли перешли в собственность отдельных хозяйств. Дуализм, присущий сельской земледельческой общине и проявлявшийся в сочетании общинных и индивидуальных тенденций[89], в конкретных условиях Хорватии обусловил постепенное преобладание индивидуальных тенденций, что вызвало не только появление частной собственности на землю, но и дальнейшую эволюцию общины и даже возможный распад таковой, что имело место, видимо, в некоторых местностях Далматинской Хорватии.

Не имеется никаких подтверждений в источниках тому, что в рамках сельской общины сохранилось общинное землепользование пахотными полями. Это относится по меньшей мере к тем районам, о землевладении которых повествуют источники. Описание границ, мест́а расположения отчуждаемых участков подтверждает это заключение. Все они расположены бессистемно, неравными долями в различных полях общинной системы, и нет никаких свидетельств о принудительном севообороте. Участки земель, упоминавшиеся в грамоте Чрни, расположены как угодно, но не долями в различных полях. Описание границ приобретенных участков обычно сводится к замечаниям примерно такого характера: «внутри наших земель», «вблизи наших земель», «вблизи нашей территории» и т. п.[90] При отмеченной дробности участков, мизерности таковых трудно даже себе представить всю сложность регулирования общинного землепользования, если предположить наличие чересполосного расположения участков и системы так называемого принудительного севооборота в районах полосы приморья. Нужно иметь в виду при этом, что клочки земель, купленные за предметы потребления (хлеб, соль, вино), принадлежали порой одному и тому же владельцу (например, у Зуле были куплены участки за 4 модия жита и сыр; в другом случае — за 3 стара хлеба и 7,5 галет вина и т. п.)[91]. Но вряд ли это дает право к заключению о долях, расположенных в различных полях общинного землепользования. Правдоподобнее предположить в качестве объяснения дробности участков постепенную расчистку земель вилланами под посевы или насаждения различных культур. Расчищаемые участки пустошей по мере превращения их в земли «культурные» продаются и концентрируются в руках крупных землевладельцев.

В грамотах сохранились свидетельства о занятии пахотной земли под виноградники, что также подтверждает мнение о том, что пахотные земли не были в общинном землепользовании. В одной из грамот сплитского монастыря св. Бенедикта повествуется о том, что монастырю были подарены земли и монахи «длительное время» засевали в двух участках пшеницу, но затем насадили виноградник[92]. Расположение участков (один близ скалы, другой у стен)[93] и сам факт использования пашни под виноградники свидетельствуют о том, что участки не могли находиться в си-

---

[89] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXVII, стр. 694.

[90] Sup. Kart, s. 213. «Infra nostras terras; prope meas terras, secus meas terras; iuxta territorium nostrum; iuxta meas terras, vineam et agrum secus me».

[91] Sup. kart., s. 216. «Ad. huc quoque comparauimus de Zulo terra prope meas terras pro III stara de grano et alias de ipso Zulo emi terra subtus terras sancti Maximi pro VII galetas uini et I prandium pro fine...» (14). У него же была куплена земля за 4 сыра и 4 хлеба. «Et comparaui terras de Zuli supra terras s. Domnii, secus meas terras pro IIII caseis et IIII panibus pro fine» (15).

[92] D., № 141: «...in quibus vero multi tempore tricium tulerunt et duobus uicibus uineas plantauerunt».

[93] «...de terris, que sunt ubi dicitur ad petram Nelegam; et alia peza de terram que dicitur ad muros...» (там же).

inslav

стеме общинного землепользования с его принудительным севооборотом. Зафиксированные границы, межевые знаки других участков и владений не свидетельствуют в пользу общинного землепользования пахотными полями [94]. Дарение не всего аллода, а части такового не изменяет общего представления о расположении аллодиальных владений [95]. Разумеется, аллод не всегда представлял единый участок: он мог состоять из ряда участков, но это тем не менее, было единое владение, а не разбросанные участки в различных полях общинного землепользования. Территориальное расположение владений, именуемых «curtis» [96], («territorium») [97], как нам представляется, не отличается от вышеописанных: они по большей части расположены компактно, вне системы открытых полей с принудительным севооборотом, и грамоты не содержат намеков о подобном расположении земель, упомянутых нами владений. Из описания расположения, отчуждаемых участков следует вывод об отсутствии системы деления земель поселян в рамках отдельных сел на общинные поля с определенными долями каждого владельца в каждом из них. Это явление характерно, по меньшей мере, для многих районов приморской Хорватии, расположенных близ городов.

При отчуждении пахотного участка передавалось также право на пользование общинными угодьями: формулы принадлежности (pertinentiis, appendiciis) подтверждают это заключение. Так, в описи земель монастыря св. Иоанна говорится о земле, купленной у группы родственников за 10 солидов. Вместе с землей к монастырю перешло право пользования лугами, водой, лесом и всем прочим, чем располагали продавшие землю родственники [98]. Формула «et omnibus suis appendiciis» означает приложение перечисленных угодий к пахотной земле, но эти угодья находятся в совместном владении общинников. Луга, лес, водоемы, по-видимому, еще не перешли в собственность отдельных хозяйств и мыслятся как дополнение к наделу. В упоминающемся картулярии Петра Чрни также имеются сообщения о приобретении им у группы родственников земли и леса за 6 солидов [99]. В состав отчуждаемого владения входит также скала, которая имеется в местечке Маризо. Цена отчуждаемого владения исключает предположение о крупном участке земли. Скала вряд ли могла быть собственностью отдельного хозяйства, и она приводится, по всей вероятности, взамен пастбища. Продажа этой «земли», расположенной в конкретном пункте, также свидетельствует об отчуждении вместе с пахотным участком прав на пользование общинными угодьями.

В картулярии монастыря св. Иоанна имеется интересное сообщение о продаже двумя вилланами своих аллодов: аллоды были проданы со всем к ним относящимся в водах, в лесе, лугах за 35 солидов при свиде-

---

[94] См. например, D., № 53, 85, 107, 117, 118, 133 и др. («terras in campo Laucarani ab ecclesia sancti Laurencii quasi passos sexaginta in parte occidentali...» (85); «...terras, quas habemus in loco vocato campo...» (117); «terram que a parte aquilonis iuxta monasterium sita est...» (118) и т. д.

[95] D., № 43 «...dono totam partem alodii mei, ...quod incipit a valle sanctorum Cosme et Damiani, usque ad territorium monasterium s. Thome».

[96] D., № 73, 133.

[97] D., № 63, 72, 104, 133 и др. (например: «...et cum omni territorio nostro, incipiente a territorio sancti Chrisogoni et utraque parte descendente usque ad rivum et ex alia parte riui ascendente usque ad siluam iuxta territorium sancti Nicolai...» D., N 72).

[98] D., № 133 (48): «Est et alia ibidem, quam emit ille idem abbas Maius a Desinna pro K romanatos a filio Bolemiri et a nepote Radonica cum pratis, aquis, siluis et omnibus suis appendiciis».

[99] Sup. kart., s. 224 (82): «Ad hec emi terras a filiis Uiseni, Desizo et Bogdano, et aliis fratribus, in loco ubi dicitur Podspilize cognomento Mirizo, terra et silua et petrus totum quod est in Mirizo, pro VI solidis pro fine...»

inslav

телях, в числе которых выступают почти все вилланы той деревни [100] (fere omnibus de eodem vico villanis). Аллоды, как это явствует из грамоты, расположены в деревне Горрице, сделка происходит в присутствии односельчан. И в данном случае наделы пахотной земли продаются с относящимися к ним угодьями, которые еще не выделены из общинного землевладения и являются «общинными придатками» [101] развивающейся аллодиальной собственности. Сам факт отчуждения вместе с пашней права на пользование общинными землями (угодьями) свидетельствует о частичном присвоении отдельными хозяйствами общинных лесов, пастбищ и пустошей. Постепенное превращение общинных земель в частную собственность открывало широкие возможности проникновения в общину-марку крупных землевладельцев и постепенного поглощения ими мелкого вилланского землевладения. В данном случае были проданы значительные по своим размерам вилланские наделы, и нам представляется возможным обитателей таковых отнести к состоятельным крестьянам или к мелким вотчинникам: стоимость двух аллодов в 35 солидов в общей массе засвидетельствованных в грамотах актов продажи владений является относительно высокой [102]. Но такие наделы вилланов были не типичными, а кроме того, в условиях развивающихся частнособственнических отношений не могли быть гарантированы от поглощения крупным землевладением и мелковотчинные хозяйства.

Между прочим, имеется сообщение о дарении аллода, расположенного в той же Горрице. В акте не содержится описания владения, но оно, вероятно, по своему характеру не отличается от вышеописанных [103]. В другом случае аббат купил у Братихи Безродии землю за 12 солидов и хорошего коня. В состав приобретенного владения также входят земли, воды, скалы, лес и все прочее, относящееся к нему [104]. В данном случае речь идет об отчуждении значительного владения, которое по своим размерам было больше обычного крестьянского надела. В переводе на деньги за участок было заплачено не менее 20 солидов, так как стоимость «хорошего» коня была, согласно источникам, не менее 6—8 солидов. Как видно из текста грамоты, вместе с участком земли «передаются» воды, скалы и лес, т. е. пользование общинными угодьями, общинными придатками частной собственности. Тот факт, что земли Братихи находились в рамках поселения, доказывает указание на название этого поселения (in Jagothne). По-видимому, владелец этого участка принадлежал к числу мелких вотчинников: размеры участка, состав свидетелей акта отчуждения (свидетелем выступает жупан, представитель местной власти) и тот факт, что за землю был отдан «хороший» конь — все это подтверждает наше заключение [105]. За владельцем сохранялось право пользования общинными угодьями, как-то: лесом, водой, скалами, вер-

---

[100] D., № 133 (14): «Eidem monasterio vendiderunt alodia sua in Corrica pro XXXV solidis isti villani, uidelicet: Thessimir et Dabraca, cum omnibus suis pertinentiis in aquis, in siluis, in pratis».

[101] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXVII, стр. 681.

[102] Наивысшая цена аллода соответственно материалам хорватских источников приводится в 40 солидов, в то же время встречаются отчуждаемые аллоды стоимостью в 3 солида. Если взять половину суммы в 35 солидов, то получим, вероятно, владение мелкого вотчинника или полнонадельного виллана.

[103] D., № 110: «...donat Ioannes Sclavus, monasterio s. Joannis Belgradi: totum suum alodium in Gorica».

[104] D., № 133 (24): «Abbas Petrus emit terram in Jagothe de Bratichi Besrodii pro XII romanatibus, dans pro ea etiam bonum equum, et quiquid inibi est terrarum, aquarum, petrarum, siluarum et omnium illic pertinentium».

[105] В крестьянских хозяйствах по большей части использовали волов, конь рядовому крестьянину был только обузой.

inslav

нее, пастбищами [106]. Возможно предположение о разделе между членами общины леса, когда на каждого полноправного общинника выделялась соответствующая доля. Так или иначе общинная собственность становилась предметом частного присвоения, что подрывало общинный быт, вело к постепенной ликвидации свободной общины. В результате развития частной собственности и частичного присвоения отдельными хозяйствами общинных угодий, превращения их в придатки аллодиальной собственности, община претерпевает дальнейшую эволюцию, сущность которой сводится к поглощению мелкой собственности развивающимся крупным феодальным землевладением и превращению свободных общинников в феодально зависимых крестьян. Все необходимые условия для этого процесса сложились к рассматриваемому нами времени.

* * *

Развитие частной собственности на землю сделало серьезные успехи: акты отчуждения недвижимости дают богатый материал, иллюстрирующий концентрацию земель в руках крупных землевладельцев. Однако пережитки родо-племенного строя, остатки родового быта еще существуют. Эти пережитки мы видим рядом с частной собственностью на землю. Если обратиться к актам отчуждения земельных владений и проверить их с точки зрения выявления реальных прав различных субъектов на «свободу» отчуждения, то сразу же бросается в глаза факт известного ограничения свободы распоряжения владением. Многие акты отчуждения исходят не от имени одного лица, но от имени либо братьев, либо членов семейства, либо групп более отдаленных родственников. Из этого следует, что владение принадлежит или коллективу родственников, или родственники являются соучастниками владения, или обладают правом, ограничивающим свободу распоряжения владением.

У хорватов не сохранилось общего памятника записанного обычного права, как, например, у салических франков или у других народов, где бы в форме казусов или систематическом изложении были отражены нормы общественной жизни и отношений в обществе. Однако, как нам представляется, в известном смысле грамоты восполняют этот пробел и, в частности, проливают свет на пережитки родо-племенного строя у хорватов. Разумеется, грамоты не могут заменить источника, равного «Правдам», но при отсутствии такового мы не можем не воспользоваться ими, чтобы восстановить контуры родственно-хозяйственных отношений.

Как было отмечено, многие акты отчуждения исходили от различных групп родственников. Так, по известной уже нам грамоте от 1060 г. некий Моймир передал монастырю свою часть аллода по согласию и «восхвалению» своего брата [107]. Моймир, прежде чем произвести дарение, предварительно заручился согласием брата. Видимо, владение братьев представляло собой в предшествующее время единое целое, но подвергалось разделу между братьями, один из которых то ли по причине вступления в монастырь, то ли по другим причинам передал всю свою часть аллода монастырю. Таким образом, братья, наследующие владение, могли подвергнуть его разделу, отчуждать по взаимному согласию. Аналогичный

[106] Весьма знаменателен тот факт, что в сохранившихся общинах XV в. продолжал бытовать тот же порядок, при отчуждении «племенщины». Вместе с пахотными землями отчуждались права на пользование всем тем, что было общим, принадлежало общине и относилось к владельцу отчуждаемого участка. В грамотах перечисляются права на пользование пастбищами, лесом, водой, дорогами, горами и всем прочим. Эти свидетельства являются очень важным подтверждением общинных порядков и развития общинных отношений до XII в. При отчуждении племенщины перечислялись ее придатки: «i putov i staz, i gaev i paš i pasišc, i vsih općin u gore in vode, i driva...» и все прочее. В другом случае перечисляются «...blat i sinokos, i studenac i vodotic i malinišć». См. M. B a r a d a. Starohrvatska sloska zajednica, стр. 14—15.

[107] D., № 43: «...dono..., uolente et consentiente et colaudante fratre meo...».

inslav

пример дарения аллода с согласия своего брата дает дарственная грамота Ивана Славянина. И в данном случае отчуждение происходит с согласия, вернее, по желанию и «восхвалению» брата [108].

Согласие брата в приводимых примерах, видимо, является необходимостью, и без подобного согласия дарение может потерять силу, почему предусмотрительные монахи особо оговаривают и согласие и «восхваление» братьев в случаях отчуждения недвижимости. Во втором случае отчуждается аллод, который является не частью, но самостоятельным хозяйством. Если братья наследовали единое хозяйство, то оно, вероятно, подвергалось разделу раньше 1079—1080 гг., когда произошло дарение. Но сроки раздела здесь не играют определяющей роли: согласие близких родственников при отчуждении недвижимости было, видимо, необходимым в силу действующего обычного права хорватов.

Земельное владение переходит по наследству от старших родичей к младшим, которые ведут либо совместное хозяйство, либо подвергают владение разделу, но полного права распоряжения своими наделами-аллодами они не получают. Без согласования с определенным кругом родственников распоряжение недвижимым имуществом со стороны его владельца ограничено. Лишь при отсутствии родственников, которые могли выступить в качестве сонаследников или были связаны родственными, а может быть, и хозяйственными связями, возможно было распоряжение владением по своему усмотрению. Пример такого рода свободного распоряжения владением дает, как нам представляется, дарственная грамота Радована от 1070 г. [109]. Радован передал монастырю Хрисогона свое владение, состоящее из земель и виноградников, которое раньше принадлежало его деду. В грамоте отсутствует какое-либо упоминание о других родственниках. Следовательно, они отсутствовали или были исключены из состава законных наследников вследствие узаконенного давностью времени раздела имущества или выделения владельца из круга родственных связей [110].

Нередко дарение или продажу земли осуществляют совместно братья или другие родственники. Так, Хроватин с братом Лютострахом передали монастырю Хрисогона территорию, которая, очевидно, принадлежала им обоим [111]. В картулярии монастыря св. Иоанна числится аллод, приобретенный у Лютостраха, брата Хроватина, за 14 солидов [112]. В первом случае братья производят дарение совместно, что означает принадлежность владения им обоим. Во втором акте выступает лишь один из братьев, продающий свой «лучший» аллод. Судя по сообщениям грамот, можно предположить о разделе единого владения между родственниками, которые распоряжаются своими долями либо по согласованию между собой, либо по своему усмотрению (в грамоте о продаже аллода нет свидетельств о согласовании акта отчуждения братьями). Вполне возможно,

[108] D., № 110, 133 (6): «Johannes Sclauus et idem monachus concessit eidem monasterio totum suum alodium quod est in (a) Gorica uolente ac collaudante suo fratre Nosdra...»

[109] D., № 60: «Ego Radouanus trado omnem possessionem in terris et uineis, queque fuit avi meo Lilici, in monasterio sancti Chrisogoni...».

[110] Последнее предположение исходит из возможности отказа от родства и окончательного выделения из круга родственных и материальных связей со своими родственниками, что напоминает в известном смысле «отказ от родства» по Салической Правде. См. А. И. Неусыхин. Возникновение зависимости крестьянства в Западной Европе VI—VIII веков. М., 1956, стр. 83 и сл. В практике у хорватов встречались казусы, или напоминавшие подобное явление факты, что дает известные основания к высказанным соображениям.

[111] D., № 63: «Ego Chrobatinus una cum fratre meo Lutstrach tradimus in monasterio sancti Chrisogoni territorium, quod abemus in loco, que dicitur Sechirani...»

[112] D. № 133 (13): «Eidem monasterio uendidit Luthstrach frater Chroatini suum optimum alodium in Chrastani pro XIIII solidos».

inslav

что раздел владения произошел гораздо ранее времени составления как первого, так и второго акта отчуждения, но у братьев сохранялась, наряду с индивидуальными владениями, общая «территория», которую они решили подарить монастырю. Квалификация аллода «лучшим» (optimum) наводит на мысль о том, что у Лютостраха оставались еще другие земли или владения. Как бы то ни было, но в акте зафиксировано общее земельное владение двух братьев.

В грамоте Чрни содержатся также неоднократные упоминания об отчуждении братьями недвижимости. Для представления о предмете отчуждения и иллюстрации отмеченного положения приведем хотя бы некоторые из них. Братья (Petratia et Sdedrugo) продали мыс (promunctorium Pissi Rit) за 2 солида и соль (2 pariis de solis) [113]. Куплена земля у Bozza и его брата за весьма тучную свинью (pinguissimam porcam) и 300 луковиц [114]; другая приобретена у братьев Другана и Боляна за 4 солида и модий соли [115]. У трех братьев (Semidragi, Prodano i Drugano) приобретена земля за 20 овечьих шкур (овчин) и за 2 солида [116]. Приобретены три, видимо, весьма мелких участка у братьев за модий зерна и 2 стара соли [117].

Таким образом, братья выступают в качестве совладельцев недвижимости, они ведут хозяйство, являются коллективными собственниками. Количество совладельцев, состоящих из родных братьев, может быть различным: оно колеблется, по сохранившимся источникам, от двух до пяти и, вероятно, выше. Ведение совместного хозяйства, как видно, нередко передается по наследству. Так, в дарственной грамоте от 1072 г. повествуется о дарении пятью братьями своего владения в Бравизо (Обровце). Братья произвели дарение монастырю ради спасения своих душ и душ умерших родичей, из которых пятеро мужчин и две женщины названы конкретно [118]. Если пятеро братьев располагали совместно владениями (нужно думать, что даримым никак не исчерпывались земли совладельцев) [119], то вполне правдоподобно предположение о ведении совместного хозяйства их родичами, от которых они наследовали имущество. К сожалению, в грамоте отсутствуют указания на степени родства умерших сородичей, и мы можем лишь строить различные предположения по этому поводу.

Из всего вышеизложенного с очевидностью вытекает заключение о сохранении у хорватов рассматриваемого времени большой семьи, состоящей из определенного круга родственников — в данном случае из семей братьев, которые выступают как коллективные собственники, по всей вероятности, совместно ведущие хозяйство. Если братья не ведут совместного хозяйства, то они владеют какими-то землями вообще и являются коллективными собственниками. Однако первое предположение гораздо более вероятно, чем второе. В самом деле, в грамотах содержатся сообщения об отчуждении недвижимости отцом и сыном [120]. Очевидно,

[113] Sup. kart., s. 216.
[114] Там же.
[115] Там же, стр. 217.
[116] Там же.
[117] Там же.
[118] D., № 71: «...ut pro remedio animarum nostrarum et parentum nostrorum defunctorum, quorum nomina indicamus: Ueliacus, Stepan, Tomidrag, Uekemir, Raddomir, nomina autem feminarum defunctorum: Petrona, Bolinega, dare in cenobio s. Chrisogoni martyris...»
[119] К началу XII в. относится дополнение к дарственной грамоте от 1072 г., в которой повествуется о том, что некоторые «развращенные» потомки братьев захватили вновь некоторые поля и подделали дарственную грамоту. Но монахи своевременно обнаружили «захват» и добились сохранения владения за монастырем. Это дает основание думать о наличии у братьев земель кроме тех, которые были подарены монастырю.
[120] См., например, Sup. kart., s. 216 (земля куплена у Добравита и сына его Дедомира за 6,5 галет вина), уже знакомый нам Семиан разделил владение на две части, одну из которых отдал Чрни, а другую — сыну.

inslav

ими ведется общее хозяйство. Достопримечателен тот факт, что отчуждение производится не главой семьи, а отцом с согласия сына и последний выступает совладельцем недвижимости, без участия которого сделка могла, видимо, потерять законную силу или дать повод к судебным препирательствам. По-видимому, в Хорватии действовало обычное право, в силу которого ограничивалась возможность отчуждения недвижимости при наличии у владельца наследников или ближайших родственников [121]. Если отчуждение недвижимости происходило без согласия законных наследников или ближайших родственников, то возникали недоразумения. Так, например, в одной из грамот, упоминавшейся выше, повествуется о дарении вступившей в монастырь св. Бенедикта Дебридой своего участка земли. Но спустя «много» лет двое ее братьев предъявили свои права на участок и объявили названную землю собственностью своих родителей и своей собственностью [122]. В силу норм обычного права, очевидность которого была несомненной и для защищающих интересы монастыря, претензия братьев имела серьезные основания: монастырь заплатил братьям если не стоимость участка, то по меньшей мере определенную часть таковой (один солид, две галеты вина и 10 хлебов). Следовательно, братья не давали своего согласия на передачу недвижимости монастырю в момент вступления их сестры в монастырь. С другой стороны, они аргументировали свои претензии тем, что земля являлась собственностью их родителей (которые, вероятно, уже умерли), и потому они выступают как законные наследники. Отсюда можно заключить, что недвижимость по обычаю переходила к мужским потомкам, женщина не имела прав на распоряжение ею, если были живы ее родственники по мужской линии в определенном колене [123].

Разумеется, право свободного распоряжения [124] недвижимостью ог-

[121] В переходный период у многих «варварских» народов или племен сохранялись обычаи, по которым запрещалось отчуждать недвижимость, чтобы не лишать законных наследников их наследства. Эти обычаи, по-видимому, сохраняются сравнительно длительное время, чему свидетельством являются отчасти и хорватские источники. Б. Д. Греков в своем исследовании Полицкого статута отмечает, что известные ограничения в распоряжении недвижимостью главой семьи сохранялись в XV—XVII вв. Обычай требовал, чтобы земли не отчуждались из «рода». В XV—XVII вв., в эпоху расцвета феодализма в Хорватии этот обычай имел распространение в более узком кругу общества, так как основная масса крестьян не являлась собственником земель. Но в рассматриваемое время нормы обычного права были распространены гораздо шире. См. Б. Д. Греков. Полица, стр. 95—109. Ср. А. И. Неусыхин. Указ. соч., стр. 178. М. Барада считает, что отчуждение унаследованной недвижимости по хорватскому обычному праву вообще было запрещено (см. указ. соч., стр. 107—109).

[122] D., № 141: «Denique iam transactis pluribus annis Preda et Vilcmiro, eius frater., contra moniales proterue insurexerunt et supra dictos terras suas proprias suorumque parentum esse dicebant. Quibus autem prorsus insistere non ualuimus: cuius rei causa cum eis tali sub noce uno solido, duobus galetis uini et decem panibus saniuimus, ut prephate terre perpetua mon. s. Benedicti permaherent, ipsique ipsis ammodo inde nullam infere molestiam audeant».

[123] Такого же мнения придерживался Рачки. См. Rad, s. 105, 215. По статуту Полицы также заметны пережитки этого древнего права. См. Б. Д. Греков. «Полица», стр. 107. Интересно отметить, что сестрам по обычаю XV в. приданое из недвижимого имущества не давалось; оно состояло лишь из движимого имущества. См. Barada. Указ. соч., стр. 93. Вероятно, родители Дебриды либо в момент вступления последней в монастырь, либо до вступления ее в обитель выделили ей участок земли. Но братья в последующее время опротестовали этот акт, так как он противоречил обычаям хорватов того периода. С другой стороны, следует отметить, что не было безусловных норм обычного права, нарушения последнего и отклонения от него в источниках раннего периода средневековой Хорватии встречаются не так уж редко.

[124] Понятие «свободное распоряжение», как и вообще представление о «свободе» членов общества той эпохи у хорватов, следует понимать в известном смысле условно и относительно ко времени становления и развития феодальных отношений, когда были еще весьма живы традиции и пережитки родо-племенного строя. О понятии «свобода и собственность» в варварских обществах см. А. И. Неусыхин. Указ. соч., стр. 35—45, гл. III, § 2.

inslav

раничивалось и по отношению к наследникам — мужчинам, если в предшествующее время не произошло окончательного раздела недвижимости между соучастниками — сородичами и не образовались семьи, которые бы вышли из рамок родственных и материальных связей со своими родственниками.

Если имущество (прежде всего недвижимость) делилось главой семьи между сыновьями-наследниками, то в случае смерти сына недвижимость, видимо, могла быть возвращена отцу или братьям, несмотря на то, что у умершего была супруга, но не было детей. Вполне возможно, что в случае сохранения ее вдовствующего положения, тем более при наличии детей ее и умершего мужа, за ней могла сохраниться недвижимость при контроле родни со стороны мужа. Однако, если вдова решила вступить в монастырь (или вторично выйти замуж), хозяйство ее мужа возвращалось родственникам последнего. Основания к такому заключению дает грамота (1091) о судебном споре между вступившей в монастырь Векой (дочерью Чики) и ее свекром, отцом умершего мужа, а также данные более позднего времени [125]. При жизни мужа Веки (Доброслава) им было выделено хозяйство, но после смерти супруга Века решила вступить в монастырь и передать ему имущество их семьи. Однако свекор Веки заявил, что он не обязан передавать ей владения своего умершего сына [126]. Неудовлетворенная Века обратилась в суд города Задара, по решению которого половина имущества, которым она пользовалась при жизни мужа, была присуждена ей. Архиепископ Сплита подтвердил решение городского суда [127]. Как видно, обычное право предусматривало возвращение имущества родственникам умершего, если не было законных наследников и если вдова решала вновь выйти замуж. Но решение суда не было согласовано с нормами обычая, так как суд Задара, как и суд сплитского архиепископа, руководствовался нормами права романизированных далматинских городов, где с древних времен бытовало римское право. Владения Веки и ее мужа Доброслава, видимо, были расположены поблизости от далматинских городов, где были развиты частнособственнические отношения, и местное население находилось в прямом общении с городами. Свекор же Веки действовал согласно бытующей традиции, которая предусматривала передачу недвижимого имущества по мужской линии, а при отсутствии наследников оно возвращалось родственникам мужа: то ли отцу последнего, то ли его братьям, а возможно и более отдаленным родственникам. Если правильно понят смысл грамоты, можно видеть по ее содержанию разрушающую силу влияния норм жизни далматинских городов на обычное право славянского населения, на его общественные отношения и родственные связи. В данном случае это влияние проявилось в частичном игнорировании обычая, но если учесть всю совокупность воздействия романизированных городов, церкви и духовенства, как проводников римского права, то границы этого влияния простирались гораздо шире на хорватское население, особенно проживавшее по соседству с романизированными городами. В этом проявлялся синтез развитых отношений римской собственности и разлагавшихся пережитков родо-племенного строя.

---

[125] Пережитки этого явления были отмечены в XV—XVII вв. См. Б. Д. Греков. Полица, стр. 107.

[126] D., № 128: «...thorum custodiens uiginti annis deo deuota monastico utebatur habitu, quam Petrus, socer seus, filius domni Dabri, uerbis suorum deceptus propinquorum, suo exhereditauerat uerbo, filiumque suum, quem cum quadam Sllauuncula natum habebant, moriens tocius sue hereditatis fecerat heredem; hanc autem monachali irretitam uinculo, que illum alimentis uestimentisque fouerat continue, quod ueris probatur assercionibus, expertem suorum fieri, iusserat dicens, filio mortuo huic uiuenti nurui, quasi mortue, nil deberi dari».

[127] D., № 128 (2).

inslav

В дарственных грамотах, повествующих об отчуждении недвижимости, нередко содержатся предупреждения от имени отчуждающего о том, что родственники исключаются из числа наследников и не должны претендовать на отчужденную недвижимость. Так, некий Векенего, осуществляя дарение своего владения (виноградники, земли, обрабатываемые и необрабатываемые, а также скот и вьючные животные) монастырю св. Марии, особо оговорил, что если кто из родственников осмелится препятствовать передаче даримого, то тогда на них ляжет проклятие разгневанного бога [128]. Нетрудно видеть в стереотипной угрозе проклятия стремление духовенства предотвратить возможность каких-либо попыток со стороны родственников подарившего опротестовать факт отчуждения недвижимости. Отсюда с очевидностью явствует живучесть обычного права, по которому недвижимость не являлась еще объектом развитых частнособственнических отношений. Судя по разноречивым сообщениям источников, которые содержат сведения как о свободно отчуждаемой аллодиальной собственности, так и об ограничениях отчуждения таковой, можно заключить лишь о переживаемом хорватским обществом процессе развития частной собственности на землю. Приведенный пример исключения родственников из наследования со стороны отчуждающего далеко не единственный: в грамотах подобные замечания встречаются часто [129]. Они свидетельствуют о сложном процессе развития частнособственнических отношений и о борьбе двух тенденций в общественном развитии хорватского общества. Угрозы проклятия родственникам, которые попытаются воспрепятствовать отчуждению недвижимости, оговорки относительно того, что родственники не могут воспрепятствовать ее передаче означают нарушение традиций, согласно которым родственники могли претендовать на отчуждаемое их сородичем. Как известно, в Хорватии в более позднее время (XV—XVI вв.) действовало обычное право, согласно которому отчуждение наследственного недвижимого имущества (племенщины) ограничивалось в пользу родственников, как ближних, так и дальних (так называемое право прекупа). Племенщина не могла отчуждаться без согласия на то родственников, проживающих в большой семье (родственно-дворовая община). Если даже члены большой семьи решили продать племенщину, то они должны были об этом предупредить своих родственников в других больших семьях, а эти родственники имели право на приобретение отчуждаемого имущества согласно правилу: кто был ближе к отчуждающим по степени родственных отношений, тот мог приобрести ее в первую очередь. Лишь только при отказе приобретения отчуждаемой недвижимости со стороны родственников последняя могла быть продана «инородным» покупателям [130].

Однако в грамотах X—XI вв. часто нарушаются подобные требования; отчуждающие недвижимость игнорировали эти нормы обычного права, ибо последние еще не закрепились в быту хорватского общества. Церковь, монастыри активно участвовали в процессе концентрации земель, проходившем в результате отчуждения земель рядовых общинников. Вилланы, мелкие и крупные землевладельцы передавали, продавали свои земли монастырям, но во многих грамотах нет никаких указаний о согласии родственников на отчуждение; в других имеются лишь косвенные указа-

[128] D. № 74: «Ego denique Uekenego pro remedio anime mee precipio fieri in domo sancte Marie de Jadera omnem possessionem meam, quam habeo in uineis, terris cultus et incultus, et omnia animalia, de pecoribus uel iumentis; omnia et in omnibus sint in predicta domo sancte Marie in perpetuum possidenda. Et si quis parentum meorum contraire temptauerit, quod absit, iratum habeat trinum et unum deum, et cum Juda Scarioth in inferno dampnetur».

[129] D., № 38, 46, 60, 80, 85, 94, 95, 98, 100, 110 и др.

[130] M. Barada. Указ. соч., стр. 107—109.

inslav

ния о нарушении прав родственников, когда последним волей дарителя отказывалось в праве претендовать на отчужденную недвижимость под страхом проклятий и кар сверхъестественных сил. Разумеется, духовенство стремилось всячески использовать авторитет церковной организации для закрепления приобретенных земель. При соблюдении обычного права хорватов церковные владения не могли так быстро расти и увеличиваться, поэтому духовенство упорно стремилось к утверждению канонического права в ущерб традиции, что означало всемирную поддержку римских норм права. Своим вторжением в общественные отношения оно подрывало общинный быт и способствовало торжеству частнособственнических отношений, разложению коллективных хозяйств в рамках сельской общины.

Духовенство славянского происхождения должно было отказываться от регулирования отношений по обычному праву, оно должно было, где только представлялась возможность, утверждать частнособственнические отношения. В некоторых грамотах зафиксированы земли, приобретенные от духовных лиц славянского происхождения. Дьякон Иван продал монастырю Хрисогона свою землю с условием обеспечить защиту отчуждаемого от посягательства как «своих» (т. е. родственников), так и чужих; если же не выполнит обещаемого, то заплатить монастырю двойную цену участка [131]. По другой грамоте аббат Дабро передает монастырю св. Стефана близ Сплита движимое и недвижимое имущество на вечное владение с оговоркой, что никто из родственников не может изменить этого дарения [132]. Как дьякон, так и аббат находились в сфере влияния развитых частнособственнических отношений далматинских городов, вращались в кругах с развитым римским правом.

Но обычное право славян имело широкое распространение в рассматриваемое время, с ним было хорошо знакомо население далматинских городов [133], значительная часть которого состояла из тех же славян, проникавших в города в процессе длительного общения романизированного и славянского населения [134]. Родственные связи занимали видное место в обычном праве славян, и романизированное население, как и верхи духовенства далматинской и хорватской церкви, не могло полностью игнорировать этих обычаев. Потому в дарственных грамотах, в актах купли-продажи недвижимости встречаются предусмотрительные оговорки о волеизъявлении отчуждающего на случай претензий со стороны родственников. В только что рассмотренных грамотах нет каких-либо сведений о согласовании отчуждающего лица со своими родственниками продажи или дарения недвижимости. По всей вероятности, отмеченные владельцы имели выделенные хозяйства, и это выделение имело определенную давность. В картуляриях монастырей имеется масса грамот, свиде-

[131] D., № 84: «...hoc. quidem tenore, ut si aliquis meorum uel extraneorum nobis hanc terram me inuente subtrahere uoluerit, ego me anteponam illam ad defendendam: quod si eam deffendere nequiuero, promitto, me uestrum uobis reddere, nici uestra michi aderit pietas, duplicatum precium».

[132] D., № 102: «Si quis uero nostrorum consanguineorum instinctu diabolico huic donacioni nostre contraire temptauerit, iram trini et unius dei et maledicciones CCXVIII sanctorum patrum incurrat».

[133] Имеется в виду население романизированных городов: Задар, Сплит, Трогир. К романизированной Далмации относились также острова Крк, Осор и Раб, кроме того, города Дубровник и Котор, менее связанные с Хорватией.

[134] См. «Thomas archidiaconus. Historia salonitana («Monumenta spectantia historiam slavorum meridionalium», vol. XXVI), Zagrabie, 1894, p. 33. Многие исследователи приходят к заключению о преобладании славянского населения в некоторых городах (например, Задар) романизированной Далмации уже к XII—XIII вв. F. Rački. Rad, 57; C. Jirecek. Die Romanen in den Stadten Dalmatiens während des Mittelalters. Denkschriften der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Wien. 1902.

inslav

тельствующих об отчуждении недвижимости без всякого разрешения со стороны родственников на отчуждение [135]. Следовательно, в грамотах нашел отражение процесс развития аллодиальной собственности параллельно процессу распада связей родственного характера, знаменующий собой пережитки прошлого родового общества, разлагавшегося на протяжении нескольких веков. В этом проявляется динамика социальной жизни в поступательном и противоречивом ее развитии.

Остается неясным круг родственников, связанных тесными родственными и материальными узами, которые могли выступать в качестве сонаследников. По-видимому, этот круг в различных случаях не был постоянным, а зависел от степени разложения общинных, родовых начал и от степени проникновения частнособственнических отношений в сельские общины, а также в большие семьи, домашние, семейные общины. Иногда, как это было уже отмечено, достаточно согласия брата на отчуждение того или иного владения [136]. Иногда несколько братьев отчуждают недвижимость, не спрашивая никакого согласия других родственников [137]. В других случаях в грамотах имеются ссылки на факт наследования владения от того или иного родича, что служило, как видно, мотивировкой свободного распоряжения недвижимостью со стороны индивида [138].

В большинстве грамот группы родственников, выступающие как совладельцы недвижимости или в силу родственных связей могущие выступить в качестве наследников или претендентов на наследство, обозначаются термином consanguinei, под которым обычно выступали кровные родственники и прежде всего братья и сестры [139]. Реже в грамотах перечисляется родственная номенклатура совладельцев, но и те немногие данные, которые удается почерпнуть в источниках, проливают в известной мере свет на состав родственных коллективов-совладельцев или круг возможных наследников. Наиболее узкий круг совладельцев состоит, как уже отмечалось, из двух братьев. Но встречается и более широкий круг родственников (например, совместно производят дарение земли конкретное лицо со своим дядей и consanguineus) [140]. Следовательно, совладельцами недвижимости могли выступать племянники, дяди и, возможно, другие родственники. Если таковые производили совместное дарение

---

[135] См., например, D, № 133; Sup. kart., s. 213.

[136] D., № 43, 110, 133 и др.

[137] D., № 63, 71; Sup. kart., s. 213.

[138] D., № 28, 44, 60 и др. Интересно отметить, что дарение недвижимости иногда производилось как волеизъявление наследника умершего: «Denique ego filio Draganego, Prodano, offero terra supra Saline in monasterio s. Petri, quod michi precepit dare pater meus...» (D., № 136). Данный пример свидетельствует о том, что авторитет церкви вел к нарушению обычных норм права, к ущемлению интересов остальных членов семьи, к потере семьей земельной собственности во имя интересов индивида, а в конечном итоге во имя интересов церкви. Дарения земель церкви за спасение души умершего несмотря даже на согласие остальных членов семьи вело к подрыву хозяйственных основ больших и малых семей. Само же отчуждение земель в пользу церкви лишний раз подтверждает мнение, что племенщина в X—XI вв. могла отчуждаться и отчуждалась без согласия широкого круга родственников и даже могла отчуждаться в ущерб ближайшим родственникам умершего.

Следует отметить, что из грамоты нельзя сделать заключения о характере отчужденного участка: являлся ли он составной частью племенщины или был приобретенной собственностью умершего. Если наследство отца перешло к сыновьям, то независимо от того, был ли участок приобретен или унаследован ранее, для наследников он был составной частью племенщины.

[139] Дюканж видит под этим термином прежде всего ближайших родственников, но в то же время и кровнородственную общину, объединение родственников по крови (sanguine conjuncti).

[140] D., № 133 (41): «Idem predictus Plato una cum Truncanno suo auunculo et quodam Vitica suo consanguineo condonarunt eidem monasterio terram...».

inslav

недвижимости, то имеются основания для предположения об общности имущества, общем хозяйстве этих родственников.

В картулярии монастыря Иоанна числится половина территории Миране, приобретенная за 30 солидов у двоюродных братьев [141]. Последние, по всей вероятности, были совладельцами недвижимости на паритетных или каких-либо иных, не совсем ясных для нас началах.

Наконец, в одной из грамот дается более широкий круг родственников, которые могли выступить возможными наследниками недвижимости. Родственник аббата подарил монастырю Иоанна в Белграде третью часть своего владения [142]. В грамоте имеется оговорка, согласно которой родственники не должны воспрепятствовать дарению, ибо такова воля дарителя. Весьма ценным является указание на родственников, которые исключались из возможных наследников волею отчуждающего. В числе последних упоминаются родители, братья (родные), братья двоюродные, кровные родственники вообще (cognati), родственники деда, прадеда, либо жены, невестки, тещи, тетки по матери, а также другие родственники из его (их) рода [143].

Как следует из перечня родственников, состав возможных наследников или, вернее, возможных претендентов на недвижимое имущество довольно широкий. В этот круг входят родственники как по восходящей, так и по нисходящей мужской линии: родственники деда, прадеда, братья родные, двоюродные и другие родственники, но сюда, соответственно данным грамоты, относятся также родственники со стороны жены, невестки, тетки по матери и другие родственники по мужской линии. Наследование недвижимости по мужской родственной ветви может быть понято как следствие продолжавших существовать родственных групп, тесно связанных родственными, а порой и хозяйственными связями. Это явление отмечается как в переходный период, так и в период развивающихся феодальных отношений у различных народов и племен [144]. Недвижимость переходит к мужскому потомству во время господства земледельческой общины, когда еще отсутствует сложившаяся аллодиальная собственность [145]. В момент образования и развития аллодиальной собственности, когда еще живучи родственные связи и родственные коллективы, вполне понятно сохранение традиции предшествующего времени. Труднее понять включение в состав возможных претендентов на недвижимость родственников по женской ветви. В условиях сложившейся аллодиальной собственности естественнее всего ожидать наследование недвижимости в узком кругу семьи, независимо от пола наследников. В данном случае женщины не только наследуют недвижимость, но и их родственники могут выступать претендентами на наследство при обстоятельствах, когда собственность разделена и владелец таковой по своему усмотрению распоряжается ею. Правда, родственники по женской линии упоминаются после возможных претендентов из числа наследников по мужской ветви, что наводит на мысль об известном порядке наследования согласно старшин-

---

[141] 133 (41): «Petrus abbas cum suis fratribus comparauit eidem monasterio mediam partem tocius territorii Meirane, precio XXX solidis romanorum a Chenicio cuiusdam Johannis filio et ab eius consobrino nomine Johanne».

[142] D., № 92: «...pro sua suorumque parentum animabus cessit eidem monasterio terciam partem totius sue possessionis...»

[143] D., № 92: «...et hoc absque villa contrarietate seu fratrum siue parentum aut consobrinorum uel cognatorum uel auorum uel proauorum uel uxoris uel nurus uel socrus uel houerce seu matertere, siue quorumlibet ex suo genere».

[144] Аналогичное явление имело место и у других народов. См., например, А. И. Неусыхин. К вопросу об эволюции форм семьи и земельного аллода у аллеманов в VI—IX вв.— Сб.: «Средние века», вып. VIII, М., 1956, стр. 65.

[145] Например, у франков по Салической Правде.

inslav.

ству по шкале родственных связей. Интересно также, что в грамоте отсутствуют какие-либо упоминания о наследниках женского рода, которые были бы в той же степени родства, что и мужские наследники: сестры, сестры двоюродные и т. п. Возможно, они объединены общим понятием «родственники», возможно, они не входят в круг «законных» наследников недвижимости и потому не упоминаются как таковые.

Перечисленный в грамоте круг родственников различных степеней родства, которые могли претендовать на отчуждаемую недвижимость, находит свое объяснение в существующем у хорватов обычном праве и, в частности, по-видимому, в имевшем распространение праве прекупа. Согласно этому праву родственники, как ближние, так и дальние могли претендовать на приобретение отчуждаемой наследственной недвижимости и обычай обязывал сородича уступить отчуждаемый участок (племенщину) прежде всего родственникам согласно шкале родственных отношений. По всей вероятности именно это имеется в виду при перечислении родственников, которым отказывал в праве претензии на отчуждаемый участок традент. Предположение о большой семье, в которую бы входили все перечисленные лица, не дает объяснения приведенному списку родственников, поэтому вряд ли может быть правдоподобным. Круг перечисленных лиц, как отметил еще О. Мандич, гораздо шире содержания задруги, большой семьи [146]. Женщины и их родственники в соответствии с правом прекупа могли претендовать на приобретение отчуждаемого их родственником участка. Определенный порядок возможных претендентов на недвижимость также находит свое объяснение: прежде всего могли приобретать наиболее близкие родственники, а затем уже более отдаленные. Перечисленные в грамоте родственники, разумеется, могли проживать в различных семейных общинах в рамках той же сельской общины.

Семейные общины, складывающиеся из двух или нескольких семей братьев или иных родственников, представляют, по-видимому, характерный тип складывающейся хорватской задруги как хозяйственной ассоциации нескольких родственных семей [147].

Здесь наиболее отчетливо проявляется принцип, лежащий в основе существования средневековых задруг,— заинтересованность в общем ведении хозяйства. Большая семья, состоявшая из родственников двух-трех и т. п. поколений в период разложения родо-племенного строя и зарождения феодальных отношений в рамках земледельческой общины, представляет собой пережиток прошлого общества, уходящего и разлагающегося рода. В такой семье патриархальным отношениям с единым главой семьи не оставалось места, их заменяли отношения равенства совладельцев, совместно ведущих хозяйство. Принципы задружной жизни, семейного общинного быта и ведения совместного хозяйства вырабатывались и закреплялись в родственных семейных общинах, складывающихся по причинам главным образом хозяйственного характера, так как выгоды совместного ведения хозяйства были очевидны. Именно эти выгоды и объясняют существование задружных хозяйств на протяжении

---

[146] См. O. Mandić. Указ. соч., стр. 263—264.

[147] Мы не ставим своей задачей выяснение форм задруг в конкретных исторических условиях Хорватии X—XI вв., так как этот вопрос требует особого рассмотрения. О задруге см. Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1950, стр. 58; М. Ковалевский. Очерк происхождения и развития семьи и собственности. М., 1939, стр. 157; В. Богишич. О несложной сельской семье у сербов и хорватов.— ЖМНП, 1885, ч. CCXXXVII; Ф. Демич. Обычное право южных славян.— «Юридический вестник», М., 1913, № 10—12; A. Mayer. Die bauerliche Hauskommunion in den Königreichen Kroatien und Slavonien, Heidelberg, 1910, и др.

inslav

длительного времени, вплоть до XX в. [148]. При недостатке свободных земель ведение хозяйства семейной общиной было нередко единственным путем к сохранению хозяйственной самостоятельности членов семейства в период развивающихся феодальных отношений. Конкретная историческая действительность обусловливала выработку норм обычного права хорватского общества, и мы не можем это право рассматривать лишь как простой пережиток раннего времени. Исследователь должен дать объяснение причин зарождения и существования обычного права, которое отражало реальную действительность, складывающиеся общественные отношения. Невозможно игнорировать наследие прошлого, но было бы большой ошибкой все общественные явления в хорватском обществе рассматривать как сложившиеся в раннее время и продолжавшие существовать в силу традиции.

Статья статута Полицы 49а разрешает свободное распоряжение только приобретенной недвижимостью и требует передачи по наследству племенщины (наследственной недвижимости). В статье говорится, что приобретенную недвижимую собственность владелец таковой может передать «за грешное тело, или за душу, или что ему угодно с этим учинить...» [149]. Из статьи можно заключить, что племенщину также не разрешалось отдавать церкви, лишь приобретенными землями владелец распоряжался по своему усмотрению. В хорватских источниках раннего средневековья земли (как наследованные, так и приобретенные) передаются и продаются церкви и лишь оговаривается, что родственники под угрозой проклятия не смеют претендовать на отчужденный участок. Право прекупа в ранний период нередко нарушалось, возможно, потому, что оно еще окончательно не оформилось, находилось в стадии становления. Духовенство стремилось обойти эти нормы обычаев, оно вторгалось в общественные порядки хорватов. Последствия развития частной собственности на землю были очевидны для членов сельских общин: образование частной собственности сплошь и рядом вело к поглощению мелкого землевладения крупным складывающимся феодальным землевладением. Тем больше должны были задумываться члены сельских общин над вопросами сохранения своей хозяйственной и социальной свободы. Одной из форм сопротивления процессу поглощения мелкого землевладения крупным было стремление общинников к предотвращению индивидуального распоряжения землей. Это запрещение прежде всего распространялось на наследственные земли общинников, которыми владели их деды и прадеды. Запретить отчуждать приобретенную недвижимую собственность было невозможно в силу зарождения частной собственности на землю, в силу развития товарно-денежных отношений и вытекающих закономерностей этого развития.

Земля, ранее принадлежавшая народу, в рассматриваемое время стала собственностью короля, феодалов и сохранялась еще за сельскими

---

[148] Несмотря на обилие литературы, посвященной задруге и ее устройству, причины зарождения и столь длительного ее существования остаются во многом еще не выясненными. Этот вопрос требует, по нашему мнению, специального исследования с материалистических позиций. В вопросе происхождения задруги буржуазные исследователи придерживаются теории, по которой в основу задружных отношений принимаются родственные отношения, что вряд ли может быть принято как удовлетворительное объяснение (задруги существовали вплоть до последнего времени). Большинство буржуазных исследователей стоит также на юридических позициях при исследовании задруги и форм ее существования. К тому же буржуазные историки различных стран и различных направлений подходили к вопросу о задруге, ее происхождении и причинах длительного существования с классовых позиций, стремясь протащить идеи, согласующиеся с их политическими взглядами. См. рец. на статью О. Mandić. Klasni karakter buržoaskih teorija o postanku zadruge; «Гласник Етнографског института», IV—VI, Београд, 1957, стр. 452.

[149] Б. Д. Греков. Полица, стр. 237.

inslav

общинами, в рамках которых пахотные земли перешли в распоряжение отдельных хозяйств. Отсутствие свободных земельных массивов, пригодных для обработки, обусловливало стремление к сохранению хозяйственной независимости общинниками, а это означало необходимость ведения хозяйства членами семьи совместно. Деление хозяйства между сыновьями было нежелательным по тем же причинам: земель было не так-то много, чтобы на одном наделе могло возникнуть несколько хозяйств. Несомненно, это не могло быть спасением для отдельных хозяйств, но эти меры предотвращали в определенной степени процесс поглощения мелкого землевладения, они ставили определенный барьер на пути частнособственнических отношений, должны были предохранять членов сельских общин от вторжения церковного и светского крупного землевладения в сельские общины. Но эти меры не могли предотвратить роста частной собственности в самой сельской общине и той имущественной дифференциации, которая развивалась в ней, поляризации хозяйств как больших семей, так и малых.

Передача земель по наследству родственникам практиковалась со времени перехода пахотных земель в пользование, а затем в распоряжение отдельных хозяйств. Но это право в условиях зарождавшейся частной собственности не умерло, как пережиток старых общественных отношений, но получает дальнейшее развитие, так как масса общинников была заинтересована в предотвращении перехода земель из рук общинников-собратьев в руки формирующегося церковного или светского крупного землевладения к инородным по отношению к общинникам элементам. Этим объясняется живучесть и устойчивость своеобразных отношений в хорватском обществе на протяжении средневековья.

В работе М. Барады красной нитью проводится мысль о том, что большие семьи, коллективы родственников, совместно ведущих хозяйство в рамках сельской общины, имели своей основой не родственные связи, а хозяйственные. Родственные связи, по его мнению, имели второстепенное значение, случайный характер. Барада в известном смысле недооценивает родственные отношения, на что обратил внимание О. Мандич [150]. Но что касается его утверждения о хозяйственной основе больших семей (семейная община, домашняя община, задруга-подворно-родовая община), то, как нам представляется, он совершенно прав: только исходя из хозяйственных условий жизни родственных объединений в рамках сельской общины, можно понять и объяснить существование таких семей на протяжении столь длительного времени.

В рассматриваемое время имели распространение как большие семьи, так и малые (инокоштина). Большие семьи нередко распадались, о чем имеются свидетельства в рассматривавшихся грамотах, но, вероятно, также происходило расширение малых семей в большие. По-видимому, такие большие семьи не были доминирующими у хорватов рассматриваемого времени. Сохранившиеся древние жилища хорватов в приморских районах скорее свидетельствуют о преобладании простых, несложных семей, но не больших [151].

Родственные коллективы, совместно ведущие хозяйство, отвечали за поступки своих членов и несли материальную ответственность за них в случае каких-либо правонарушений. Мы не располагаем сведениями о том, до каких пределов простиралась эта коллективная ответственность за родича. Нужно полагать, что при общем хозяйстве эта ответственность за поступки члена родственного коллектива простиралась довольно ши-

[150] O. Mandić. Prilozi pitanju seoske opčine, bratstva i vrvi.— HZ. X, 1957, s. 182.

[151] М. Ивекович дал прекрасное описание жилищ из камня, которые были распространены у хорватов до XI в. и даже позже. Из его описания нельзя сделать заключения о преобладании жилищ, предназначенных для больших семей.

inslav

роко. В одной из грамот от 1090 г. сообщается о какой-то неясной сделке двух лиц (Петризо и Людино, сына Мирослава)[152]. Из грамоты совершенно непонятно, в чем заключалась сделка, но отмечается, что в обеспечение условий сделки и в обеспечение того, что Петризо со стороны родственников Людино не будет причинен вред, он (Петризо) оставил в залог двух сервов и 300 свиней, принадлежавших Людино или вернее коллективу родственников, с которыми был связан Людино. Людино в силу каких-то неясных для нас обстоятельств вынужден был согласиться с требованиями Петризо, хотя и не был намерен выполнять их. Получив свободу действий, Людино совершил нападение на виллу[153] Петризо и разорил ее: им было захвачено 2 хороших (optimum) коня, 2 коровы, 3 вола, 6 свиней, различные сельскохозяйственные орудия и т. п. Причем в грамоте отмечено, что Людино захватил 4 серва, 2 ancillae, а родителей последних запорол до смерти[154].

Петризо, ссылаясь на предусмотрительно заготовленный договор с Людино, исключающий месть родственников последнего или причинение ему каких-либо убытков со стороны Людино, потребовал от родственников возмещения убытков. В результате судебного процесса родственники Людино вынуждены были согласиться компенсировать ущерб, причиненный членом их коллектива[155]. Таким образом, воспользовавшись какими-то обстоятельствами, Петризо, по-видимому, принудил Людино или заключить сделку, которая была выгодна только одной из договорившихся сторон или результаты невыгодной сделки были обнаружены Людино после подписания договора. Возможно, что родители двух служанок вызвали такой гнев Людино каким-либо участием при сделке его с Петризо и потому их постигла такая участь.

Не без оснований можно предполагать, что Петризо принадлежал к числу если не крупных вотчинников, то, по меньшей мере, к состоятельным земле владельцам романизированной знати, или тесно связанным с романским населением[156]. Ему противостоит славянская группа родственников, которой принадлежали значительные владения. Вполне возможно, что эта группа родственников не только поддерживала хозяйственные связи, но даже совместно вела хозяйство. В грамоте имеется перечень родственников Людино, месть которых исключалась согласно договору сторон[157]. Имена этих родственников приведены в грамоте, к ним обратился Петризо и потребовал от них компенсации — все это дает основания высказанному предположению о ведении совместного хозяйства группой родственников и совместном их владении землей. Стадо свиней в 300 голов вряд ли могло принадлежать одному Людино, да и переговоры о компенсации и выделение земель производят родственники последнего. Следует отметить, что один из родственников пытался опротестовать передачу Петризо земли в качестве компенсации, но повторное рассмотрение тяжбы закрепило выделенный участок за истцом[158]. Конфликт между

[152] D., № 127; Sup. kart., s. 226.

[153] Речь идет о поместье состоятельного феодала.

[154] D., № 127; Sup. kart., s. 226.

[155] «Post hec habii ad prenominatos, parentes eius, uldelicet et per manuprisos ita dicendo «reddite michi daomnum que fecit uester consanguineus». At ipsi responderunt «uero est sicut tu dicit; iam nos te rogamus ut accipias totam hereditatem illorum que pertinet illis ex suo patre. «Sed ego, nolebam, nisi michi uinxeritis terra a Belay que terra incipiente a muris usque ad meas terras quas emi a Tomizay et de fratre suo Sbina». Denique dederunt michi totam hereditatem ipsorum et ipsa terra a Belay...», Sup. kart., s. 226.

[156] В. Новак считает Петризо и Петра Чрни одним и тем же лицом, что, по нашему мнению, имеет веские основания (там же, стр. 45).

[157] «...ut si deinceps michi faceret aliquod damnum, isti parentes illius, scilicet Vilcano de Yoynego et Branizo, et Uekemiro, et Jeroslano, et Slauzo frater eius, et duo nepotes filii Cesari, et omnes parentes iurauerunt, etiam ipsi Zudinus, ut michi componerent damnum pronominati parentes...», Sup. kart., s. 226.

[158] Там же, стр. 227.

inslav

двумя сторонами произошел, вероятно, вследствие расхождения между нормами действующего римского права и обычного славянского права.

В распространении на славян римских норм жизни проявлялась активная роль надстроечных учреждений, как-то: церкви, регулирующей отношения по римским правовым нормам [159], городских судов романской Далмации и государственной власти, поддерживающей нормы частнособственнических отношений.

Славянское население, проживавшее в далматинских, а равно и в хорватских городах, находилось в сфере непосредственного влияния развитых частнособственнических отношений, римского права. Эти элементы славянского населения скорее перестраивали свои отношения по подобию романизированного населения, разложение пережитков родо-племенных отношений здесь происходило гораздо быстрее. Тем не менее, следы общего владения недвижимым имуществом определенным кругом родственников обнаруживаются также среди славянского населения далматинских городов [160].

В конце X в. дочь трибуна [161] Задара Агата, из славянской семьи [162], завещала монастырю Хрисогона как движимое, так и недвижимое имущество. Среди недвижимого имущества числится часть земли, принадлежавшая Агате, и часть мест для добычи соли (salinae), которыми она владела вместе с родственниками [163]. Как нам представляется, семейство владело некогда совместно недвижимостью, но потом произошел раздел имущества — Агата получила часть «салин», которые принадлежали ее родственникам. В другой грамоте говорится о том, что приор [164] г. Сплита Зирно, вступивший из-за болезни в монастырь, передал аббатству церковь, которую получил от своего отца. В грамоте особо оговорено, что имущество передается не в наследство родственникам, а во владение монастыря [165]. Вдова Врана с двумя сыновьями, один из которых был приором г. Трогира, подарила земли монастырю св. Петра, причем в грамоте оговорено, что никто не может изменить дарения [166].

Агата — полноправный владелец недвижимости, она свободно располагает своим имуществом. Даже часть «салин», которая принадлежала ей и которая, казалось бы, прежде всего должна была бы отойти к ее родственникам, передается не им, но монастырю, что является свидетельством развитой аллодиальной собственности. Если в грамотах имеются сведения о дарениях жителей городов (имеется в виду славянское население) и содержатся оговорки относительно исключения родственников из возможных наследников или замечания о том, что никто не может помешать или изменить дарение, то это есть мера предосторожности на случай какого-либо недоразумения в будущем, когда родственники в силу обычного права могли предъявить свои претензии на подаренные земли.

---

[159] См. Rački, Rad, 99, s. 78.

[160] Славянское население не только проникало в далматинские города, но и занимало в них важные должностные места.

[161] Трибуны-чиновники исполнительной власти далматинских городов. См. Rački. Rad, 99, s. 122; E. Mayer. Die dalmatisch-istrische Munizipalverfassung in Mittelalter und ihre römischen Grundlagen (Zeitschrift der Savigni-stiftung für Rechtsgeschichte). Bd. XXIV. Weimar, 1903, S. 246.

[162] Rački. Rad, 57, s. 112; C. Jirecek. Указ. соч., стр. 94.

[163] D., № 21: «Porciones de terras, que habeo in Uculo, similiter; portiones de salinas, que habeo inter meos parentes...».

[164] Приор — глава исполнительной власти города. См. Rad 99, s. 120; E. Mayer. Указ. соч., стр. 224.

[165] D., № 44: «...ecclesiam s. Marie de Puludo, que data fuit michi a patre meo, eo quidem modo quo ab ipso tradita michi fuit, non in consanguineorum hereditatem sed in possessionem seruorum dei et prenominati cenobii sancti Stephani».

[166] D., № 140.

inslav

Эти оговорки, как нам представляется, свидетельствуют об элементах не столь давнего прошлого общественного строя, где не было развитой частной собственности на землю. Славянское население в далматинских городах находилось непосредственно в сфере влияния римского права, и, естественно, изживание пережитков родо-племенного строя происходило там быстрее. Да и в целом аллодиальная собственность складывалась быстрее там, где влияние развитых частнособственнических отношений проявлялось полнее: чем ближе к городам, тем сильнее проявлялось это влияние.

Развитие аллодиальной собственности в Хорватии рассматриваемого времени еще не завершилось, пережитки родо-племенного строя сохраняются. Но эти пережитки являются памятниками прошлого и, как наследие прошлого, напоминают о том, что «род исчезал в марке, в которой, впрочем, еще достаточно часто заметны следы ее происхождения из отношений родства членов общины» [167].

* * *

Подводя итоги сказанному, следует отметить, что в областях Далматинской Хорватии в X — XI вв. не было родо-племенного строя, но оставались лишь его пережитки. В рассматриваемое время не было также безраздельного господства задружных хозяйств, существующих якобы вне рамок сельских общин. Не имеют никакого подтверждения в источниках утверждения И. Строгала о господстве частнособственнических отношений у хорватов с момента появления последних на территории Далмации.

Сельское население было объединено территориальными общинами, претерпевшими к рассматриваемому времени эволюцию, сущность которой заключалась в дальнейшем развитии аллодиальной собственности. Пахотные земли в общинах еще ранее рассматриваемого времени перешли в пользование отдельных хозяйств, а затем переходят и в собственность последних. За общиной, где таковая сохраняется, остаются в общем владении лишь пастбища, воды, дороги, леса. Дуализм общины в тех условиях приводил к торжеству индивидуалистических тенденций: общинные земли превращаются в придаток развивающейся частной собственности.

Но сопротивление общинных тенденций в развитии хорватского общества разъедающему влиянию частнособственнических порядков привело к своеобразным отношениям в рамках сельской общины и к своеобразному имущественному праву. В рамках общин население вело хозяйство как простыми, несложными семьями (инокоштина), так и большими семьями. Недостаток земель, пригодных для обработки, развитие собственности на землю и сопротивление общинных тенденций этому развитию обусловили дальнейшее сохранение больших семей. Сельская община в значительной степени уступила свои права на землю отдельным хозяйствам, но сопротивление частнособственническим отношениям переносилось в большие семьи и закреплялось в своеобразном обычном праве хорватов, по которому запрещалось отчуждение наследственных земель за пределы круга родственников, т. е. тех же общинников. С другой стороны, отмеченные условия жизни хорватов рассматриваемого времени не могли не повлиять на взаимоотношения внутри больших семей. Они неизбежно должны были развиваться в направлении демократизации и равенства членов семьи, совместно ведущих хозяйство, что в свою очередь создавало условия для длительного сохранения этой общественной ячейки. В этом проявлялся дуализм хорватской общины,

[167] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1951, стр. 156—157.

inslav

борьба двух противоречивых тенденций в общественном развитии раннего средневековья.

С развитием частной собственности на землю возникновение крупного феодального землевладения стало лишь вопросом времени. Дифференциация в среде общинников приводила к тому, что в Хорватии активно происходил процесс концентрации земель в одних руках, а другие теряли свои земли, разорялись, образуя постепенно класс феодально-зависимого крестьянства. Но большие семьи, коллективные хозяйства в рамках сельских общин были барьером, в определенной мере предохраняющим от быстрого размыва хозяйств общинников. Однако дифференциация несомненно имела место; в рамках той же сельской общины выделялись отдельные семьи, роды в генеалогическом смысле слова, которые могли использовать те же ограничения при отчуждении недвижимого наследственного имущества и таким образом расширять свои владения за счет других родственников.

Феодализм у хорватов был подготовлен в результате разложения родо-племенного строя и влияния на хорватов частнособственнических отношений романизированного населения Далмации; но это влияние не было достаточно глубоким, хорваты на протяжении средневековья сохраняли черты архаических отношений, которые уживались рядом с частнособственническими.

inslav

ОГЛАВЛЕНИЕ

Л. Б. Валев. Экономическое положение и классовая борьба в Болгарии с начала второй мировой войны до включения страны в фашистский блок 3

В. С. Парсаданова. Из истории борьбы за антифашистский национальный фронт в Польше (сентябрь 1939 — начало 1943 г.) 49

В. В. Марьина. Экономический кризис 1930—1933 гг. в Словакии и положение трудящихся 95

Г. П. Мурашко. К истории возникновения красных профсоюзов в Чехословакии (1921—1923) 133

К. Б. Виноградов. Основные направления буржуазной историографии австро-сербского конфликта и возникновения первой мировой войны 169

Ю. А. Писарев. Последние дни монархии Габсбургов и освободительная борьба югославских народов. «Народное вече» и его деятельность 197

И. И. Лещиловская. Из истории торговли Хорватии — Славонии в конце XVIII—первой половине XIX в. 221

Е. П. Наумов. К вопросу об эволюции феодальной ренты в Сербии, северной и центральной Македонии и Зете в первой половине XIV в. 255

Е. А. Ефремов. Земельные отношения и сельская община в Далматинской Хорватии в X—XI вв. 280

Ученые записки Института славяноведения, том XXIV

Утверждено к печати Институтом Славяноведения АН СССР

Редактор издательства *А. Х. Клеванский* Технический редактор *В. Г. Волкова*

РИСО № 84-85В. Сдано в набор 12/I 1962 г. Подписано к печати 12/IV 1962 г.
Формат 70×108¹/₁₆. Печ. л. 19¹/₂. Усл. печ. л. 26,71. Уч.-изд. л. 28,7 Тираж 1200 экз.
Т-04455. Изд. № 404. Тип. зак. № 55.

Цена 1 руб. 87 коп.

Издательство Академии наук СССР. Москва, Б-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография Издательства АН СССР. Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

inslav

Kopy 6 - 27

inslav